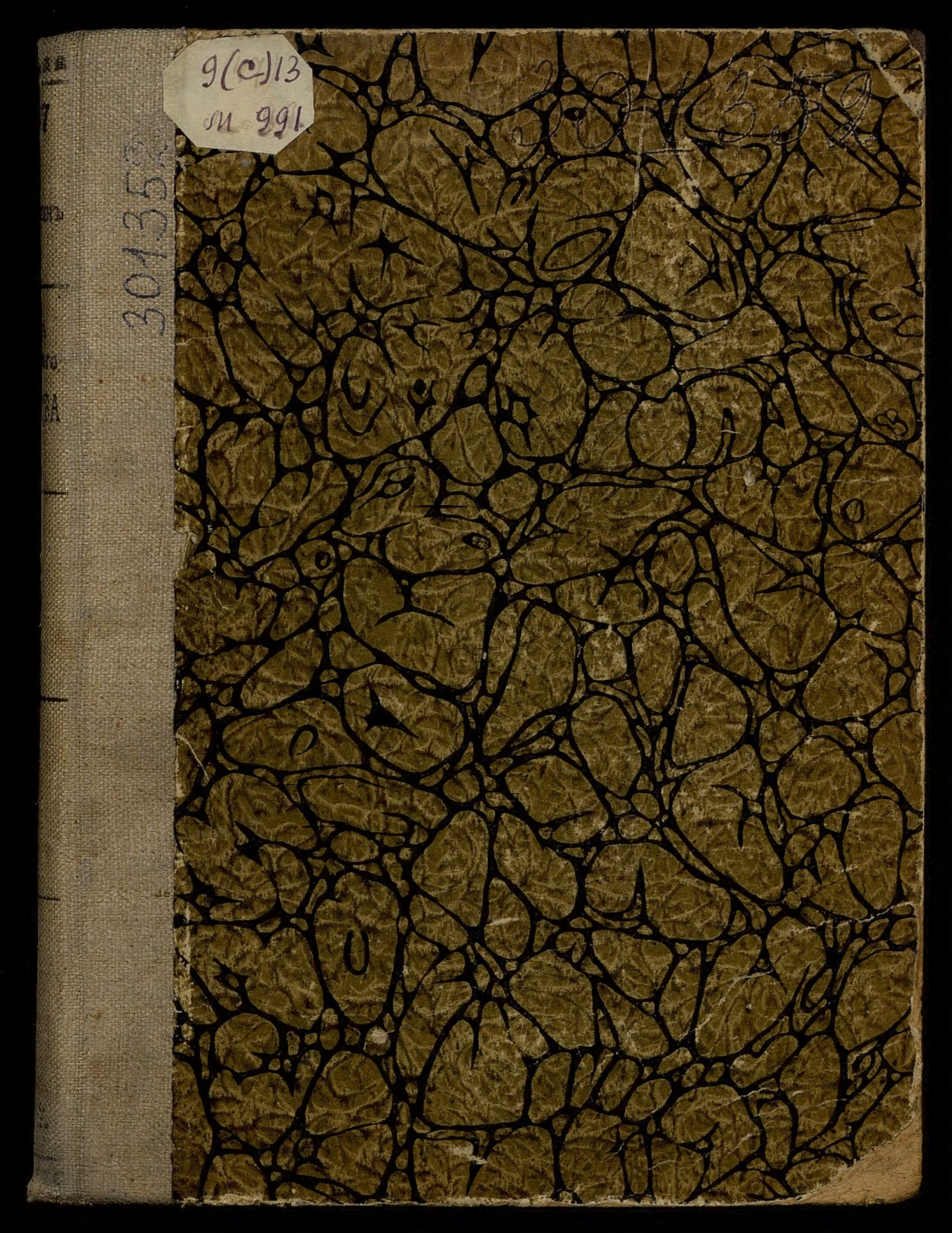
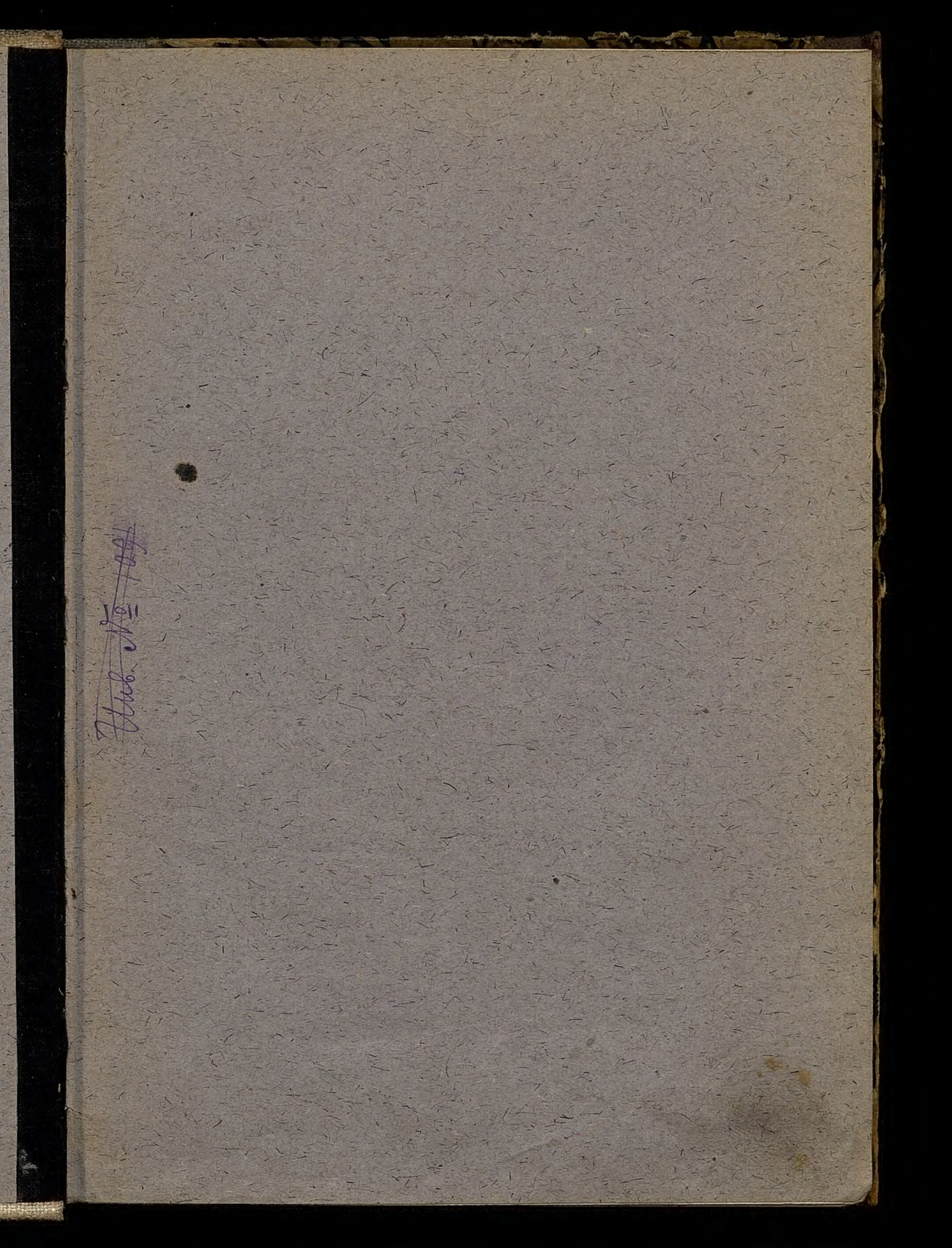
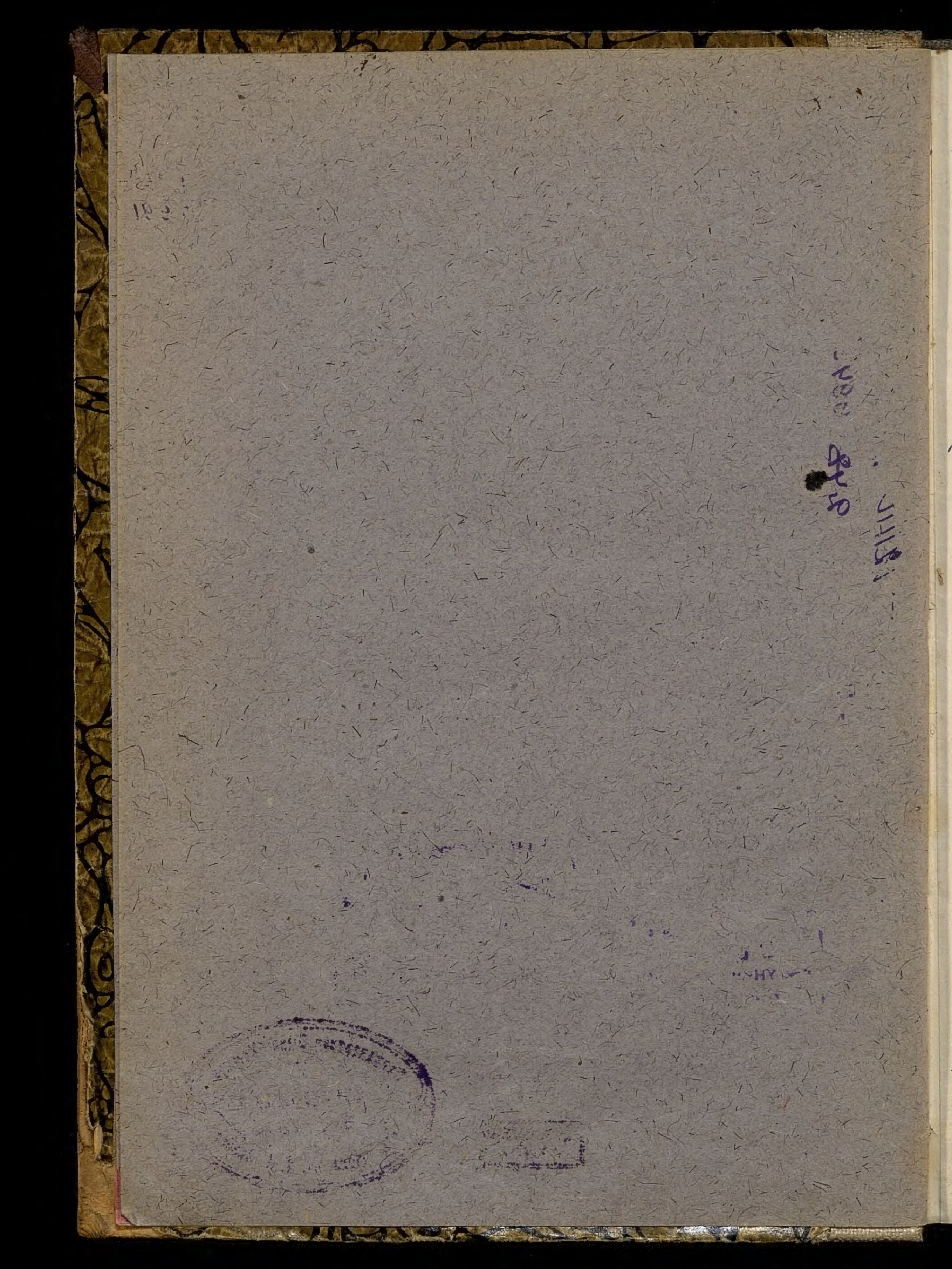

9(с)13
м 991
301353


Инв. №

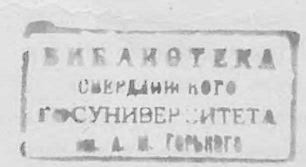


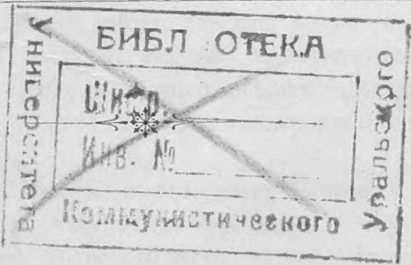
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

В. А. Мякотинъ.

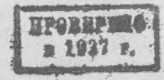
Изъ исторіи русскаго общества.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.





С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская ул., д. № 34.
1906.



I.

Протопопъ Аввакумъ.

Исторія каждаго народа знаетъ эпохи болѣе или менѣе крутого перелома умственной жизни націи, болѣе или менѣе рѣзкаго разрыва ея со старыми преданіями и традиціями. Въ жизни русскаго народа одной изъ наиболѣе замѣчательныхъ эпохъ такого рода была вторая половина 17-го вѣка, начавшая собою новый періодъ въ исторіи умственнаго развитія страны и надолго разъединившая жизнь общества и народной массы. Посвящая настоящій очеркъ жизни одного изъ главнѣйшихъ дѣятелей названной эпохи, мы позволимъ себѣ, однако, начать свое изложеніе издалека—съ тѣхъ событій, которыя подготовили умственный кризисъ, пережитый Россіей въ 17-мъ столѣтіи.

I.

Къ концу XV вѣка исчезла независимость отдѣльныхъ сѣверно-русскихъ земель и княжествъ и на мѣстѣ ряда самостоятельныхъ политическихъ единицъ сложилось единое Московское государство. Это обращеніе москвы изъ удѣльнаго княжества въ національное великорусское государство должно было задать немалую работу народной мысли, побуждая ее вдуматься въ новые факты и сдѣлать изъ нихъ соотвѣтствующіе выводы. Послѣдніе и не замедлили появиться, принявъ притомъ такое направленіе, какое указывалось самыми условіями, сопровождавшими возвышеніе Москвы и содѣйствовавшими ему.

То національное знамя, которое поднято было Москвою и освящало собирательную политику московскихъ князей, превращая ее изъ династической въ народную, очутилось въ рукахъ этихъ князей благодаря борьбѣ ихъ съ татарами. Но еще раньше, чѣмъ эта борьба приняла благопріятный для русскаго народа характеръ, она отразилась въ его жизни многочисленными послѣдствіями. Татарское нашествіе обрушилось на Русь въ тотъ моментъ, когда умственная дѣятельность народа только что начинала принимать болѣе ши-

рокіе размѣры, и вновь съузило кругъ этой дѣятельности, ограничивъ ее однимъ церковнымъ просвѣщеніемъ. Въ свою очередь стремленіе освободиться отъ чужеземнаго и вмѣстѣ иновѣрческаго ига повышало религіозное сознаніе и придавало ему характеръ исключительности въ то самое время, когда, благодаря невольному отчужденію отъ всѣхъ другихъ націй и направленію всѣхъ усилій народа на политическую организацію съ цѣлью возвратить себѣ самостоятельность, слабѣло и падало просвѣщеніе. Въ 15-мъ вѣкѣ слышатся постоянныя жалобы на паденіе и того скуднаго образованія, какое имѣлось на Руси. Церковные іерархи все чаще заявляли, что имъ приходится ставить въ священники людей, которые «едва грамотѣ умѣютъ», плохо читаютъ священныя книги, а писать и совсѣмъ не могутъ. Тамъ, гдѣ среди класса, наиболѣе образованнаго уже по одному своему положенію, была слабо развита простая грамотность, не могло, конечно, быть и рѣчи о существованіи сколько-нибудь серьезнаго образованія. Наряду съ этимъ національно-религіозная исключительность принимала съ теченіемъ времени все болѣе широкіе размѣры. Внушенія нетерпимости, издавна шедшія изъ Византіи, не не распространявшія въ до-татарскій періодъ своего вліянія за предѣлы духовенства, теперь пріобрѣли широкую популярность въ массахъ. Находясь подъ владычествомъ татаръ и относясь къ нимъ съ понятнымъ враждебнымъ чувствомъ, русскій народъ привыкъ противополагать имъ себя не только въ племенномъ, но и въ религіозномъ отношеніи, привыкъ отличать себя, какъ православныхъ христіанъ, отъ «поганыхъ», «басурмановъ», и понимать себя, какъ защитника христіанства отъ этихъ басурмановъ, видя въ борьбѣ съ ними въ нѣкоторомъ родѣ свое призваніе.

Въ концѣ 15-го вѣка самый тяжелый актъ борьбы съ татарами былъ законченъ, вновь создавшееся государство Московское сломило ихъ владычество надъ Русью, но то чувство, съ какимъ велась эта борьба раньше, осталось и продолжало влять на выработку народнаго міровоззрѣнія. Мало того,—оно распространилось теперь еще и въ другую сторону. Нарушенная связь съ Западомъ не могла быть возстановлена тотчасъ по уничтоженіи татарскаго ига: между Западомъ и московской Русью стояло литовско-польское государство, также враждебное ей и покушавшееся на ея самостоятельность. На борьбу съ этимъ государствомъ, хотя и христіанскимъ, но все же иновѣрческимъ, московскіе люди перенесли тѣ взгляды на себя и своихъ противниковъ, какіе они выработали въ борьбѣ съ язычниками, позднѣе мусульманами. Польскіе и литовскіе католики также получаютъ въ устахъ москвичей названіе «поганыхъ», «латинство» подъ вліяніемъ естественнаго раздраженія въ борьбѣ и византійскихъ увѣщаній представляется не менѣе грознымъ врагомъ православія, чѣмъ и магометанство. Самое общеніе съ католиками начинаетъ считаться грѣхомъ и въ

кормчихъ появляются подъ видомъ «заповѣди св. апостолъ и св. отцовъ» правила, подобныя слѣдующему: «аще въ суднѣ будетъ латина ѣла, то, измывши, молитва сотворити и у латинской церкви не стояти». Поставленное ходомъ историческихъ событій среди враждебныхъ иноплеменныхъ и иновѣрныхъ сосѣдей, московское государство воспитало такимъ образомъ въ себѣ взглядъ, отожествлявшій его національность съ религіей и ставившій послѣднюю какъ бы конечною его цѣлью. Христіанство отдѣляло Москву отъ татаръ, православное исповѣданіе отличало ее отъ западныхъ христіанъ, и въ томъ и другомъ случаѣ народъ представлялся самому себѣ обладателемъ высшей религіозной истины и растилъ въ своей средѣ національно-религіозную нетерпимость.

Политическіе успѣхи московскаго княжества въ борьбѣ съ сосѣдями прибавили къ этой нетерпимости еще новый оттѣнокъ. Подъ вліяніемъ этихъ успѣховъ московскіе люди начали считать себя выше всѣхъ другихъ людей, свое государство лучше всѣхъ остальныхъ. Согласно ихъ воззрѣнію, всѣ иныя, неправовѣрныя страны лишены были благодати, почившей на Москвѣ, и потому не могли равняться съ нею. Иностранцевъ, знакомившихся съ русскимъ бытомъ въ XVI вѣкѣ, особенно поражала эта черта заносчиваго московскаго высокомѣрія и распространенный въ Москвѣ взглядъ на чужія земли, какъ на вмѣстилища неправовѣрія, ереси и соблазна. Такой взглядъ достигъ своего апогея, когда въ районъ его были включены не только страны католическія и мусульманскія, но и православныя, и прежде всего та самая страна, которая втеченіе вѣковъ была единственною учительницею и наставницею Руси въ дѣлѣ вѣры,—Византія.

Въ то самое время, когда Москва получила перевѣсъ надъ своими врагами и начала возвышаться быстрѣе, связывая съ этимъ возвышеніемъ мысль о защитѣ православія, Византія все болѣе и болѣе слабѣла подъ натискомъ турецкаго могущества и дѣлала послѣднія, тщетныя попытки сохранить свою самостоятельность. Стремясь къ этой цѣли, византійское правительство искало себѣ помощи у западныхъ народовъ и, думая сдѣлать такую помощь болѣе вѣроятной и дѣйствительной, рѣшилось на соединеніе церквей, результатомъ чего была извѣстная Флорентинская унія. Въ подчиненной Константинополю въ церковномъ отношеніи Москвѣ взглянули на эту унію, какъ на измѣну православію, и такой измѣнѣ готовы были приписать самое взятіе Царьграда турками и паденіе греческой имперіи. Москва, успѣвшая воспитать въ себѣ ожесточенную вражду къ латинству, счастливая въ своихъ политическихъ предпріятіяхъ, оказалась непримиримѣе своей руководительницы въ дѣлахъ религіи и выказала явное неповиновеніе греческой метрополіи. Русскій князь не принялъ уніи, привезенной въ Москву митрополитомъ Исидоромъ; послѣдній за присоединеніе къ ней

былъ свергнутъ и заточенъ, а на его мѣсто былъ выбранъ русскими іерархами новый митрополитъ безъ ссылки съ Константинополемъ. Эти событія окончательно укрѣпили среди москвичей убѣжденіе, что православіе въ чистомъ своемъ видѣ сохранилось только на Руси, которая и должна теперь исключительно на себя принять его защиту и охрану. Такое противопоставленіе московской Руси другимъ православнымъ странамъ наполняло отрадой и гордостью сердца московскихъ патріотовъ. «Сія убо вся благочестивая царствія,—писалъ одинъ изъ нихъ,—греческое и сербское, басанское и арбаназское, грѣхъ ради нашихъ Божіимъ попущеніемъ безбожніи турци поплѣниша и въ запустѣніе положиша и покориша подъ свою власть. Наша же Русійская земля Божіею милостію и молитвами пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ чудотворецъ растетъ, и младѣетъ, и возвышается. Ей же, Христе милостивый, даждь расти, и младѣти, и расширятися и до скончанія вѣка». Всѣ православныя страны потеряли свою независимость, потеряли потому, что не съумѣли сохранить самаго православія, одна Москва не только не пала, но еще все усиливается. Естественно было появиться мысли, что въ этомъ виной большее правовѣріе Москвы сравнительно съ другими, и такая мысль, дѣйствительно, не замедлила зародиться. Другой писатель-патріотъ, разсказывая о Флорентинскомъ соборѣ, влагаетъ уже въ уста императора Іоанна такія лестныя для Москвы слова: «яко восточніи земли суть большее православіе и высшее хрестьянство—Бѣлая Русь». Постепенно развиваясь, мысль объ утратѣ греками чистоты вѣры и первенства въ православномъ мірѣ и о замѣнѣ въ этомъ отношеніи Византіи Москвою нашла себѣ, наконецъ, полное выраженіе въ сказаніи о трехъ Римахъ.

Два было Рима, утверждалъ псковской старецъ Филоѳей: первый былъ великъ и славенъ, но увлекся въ папскую ересь и палъ, его значеніе и слава вмѣстѣ съ правой вѣрой перешли на второй Римъ—Византію. И эта послѣдняя послѣ долгаго времени тоже свернула съ пути истины, измѣнила православію, приняла латинскую ересь и въ наказаніе за это предана агарянамъ; на мѣстѣ соборной церкви града Константина воцарилась мерзость запустѣнія, а православная вѣра «испроказилась Махметовой прелестью отъ безбожныхъ турокъ». Прежнее значеніе этихъ двухъ Римовъ перешло на третій—Москву, гдѣ процвѣло благочестіе и возсіяла благодать, гдѣ вѣра сохранилась чистой и невредимой. Уже не храмъ св. Софіи въ Царьградѣ, а Успенскій соборъ въ Москвѣ является центромъ православнаго міра. Политическіе успѣхи Москвы ставились такимъ образомъ русскими книжниками въ тѣсную связь съ сохранившимся въ ней правовѣріемъ и даже исключительно объяснялись послѣднимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно сообщало московскому государству новое значеніе главы православія. Единственное уцѣлѣвшее изъ православныхъ государствъ въ

силу этого взгляда ставилось выше всѣхъ остальныхъ, облекалось авторитетомъ наибольшей религіозной высоты, передъ которой должны были преклониться другіе народы. Въ московскихъ литературныхъ произведеніяхъ появляются даже предсказанія, что всѣ христіанскія царства сойдутся въ одно царство русское «православія ради», и какъ бы въ видѣ предвѣстниковъ этого возникаютъ одна за другою легенды о чудесномъ переходѣ христіанскихъ святынь изъ неправовѣрныхъ Рима и Византіи въ московское государство.

На этой стадіи своего развитія національное самомнѣніе доходило уже до степени своеобразнаго мессіанизма. Русскій народъ представлялся самому себѣ избраннымъ сосудомъ Божіимъ, на которомъ почіетъ благодать свыше, недоступная никому другому иначе, какъ черезъ его посредство. Онъ, и одинъ только онъ, хранилъ въ себѣ великую истину, способную разрушать и создавать царства, губить и воздвигать народы, всѣ остальныя племена земного шара уклонились въ большей или меньшей степени отъ праваго пути и, желая вновь вступить на него, должны были искать указаній и помощи въ правовѣрной и благочестивой Москвѣ, сохранившей въ своихъ стѣнахъ незатемненнымъ свѣтъ истиннаго ученія, а наибольшая вѣроятность спасенія предоставлялась этимъ народностямъ въ томъ случаѣ, еслибы онѣ, покинувъ свои ереси и заблужденія, «православія ради» признали надъ собою власть московскаго царя. Русскіе же люди, чтобы не испестрить и своей вѣры иноземными ересями, должны были избѣгать всякаго общенія съ чужеземцами. Полное и абсолютное превосходство естественно предполагало замыканіе въ собственной средѣ и отстраненіе отъ всѣхъ другихъ народностей.

Тѣмъ временемъ русское «правовѣріе» получило, дѣйствительно, особый видъ, отличавшій его отъ иныхъ православныхъ церквей. Было вполнѣ естественнымъ явленіемъ, что на первыхъ порахъ существованія христіанства въ Россіи изъ всѣхъ его сторонъ получили преобладаніе практическая нравственность и обрядовая форма, но, когда и съ теченіемъ времени не развилось болѣе серьезное образованіе, которое дало бы возможность и большей глубины и сознательности религіознаго мышленія, тогда форма окончательно получила перевѣсъ надъ содержаніемъ. Болѣе доступная грубому уму, она сосредоточивала на себѣ все его вниманіе, отвлекая его отъ иныхъ, болѣе серьезныхъ вопросовъ. Уже подъ 1476 годомъ можно прочесть въ 4-й новгородской лѣтописи такую запись: «той же зимы нѣкоторые философове начаша пѣти: «О Господи помилуй», а друзѣи: «Господи помилуй». Если это разногласіе, эти споры «философовъ» заносились въ лѣтопись, какъ важное событіе, то легко себѣ представить, какимъ убожествомъ отличалась русская религіозная мысль того времени. Между тѣмъ съ развитіемъ обрядности, не дававшей мѣста живому пони-

манію религіи, соединилось невѣжество, не позволявшее сохранить въ неизмѣнности даже внѣшнюю ея форму. Начались споры о томъ, два или три раза пѣть аллилуія, двумя или тремя пальцами креститься и т. п., и въ подобныхъ преніяхъ не разъ «не могли доспѣть» отцы нарочно для ихъ разрѣшенія созванныхъ соборовъ. Съ той поры, однако, какъ русская земля была признана единственной обладательницей чистой вѣры, нашелся и критерій для разрѣшенія подобныхъ споровъ: тамъ, гдѣ русскій обрядъ разногласилъ съ греческимъ, правильнымъ признавался первый, и такимъ путемъ не мало искаженныхъ обрядовъ и случайныхъ ошибокъ переписчиковъ священныхъ книгъ было введено въ практику русской церкви. Отсутствіе серьезной, вооруженной знаніемъ и критикой мысли въ сферѣ религіозныхъ отношеній повело еще и къ другому послѣдствію. Нравственныя требованія, какія ставила церковь своимъ членамъ, равнымъ образомъ выродились въ сухую и мертвенную обрядовую форму и опирались гораздо болѣе на внѣшнее принужденіе, чѣмъ на сознательное и свободное самоопредѣленіе личности. Соотвѣтственно этому опредѣлилось и ихъ примѣненіе въ житейской практикѣ: для однихъ они потеряли всякое серьезное значеніе, оставаясь одною внѣшнею сдержкой, мало препятствовавшей на дѣлѣ разгулу страстей, другихъ буквальное слѣдованіе формѣ увлекало въ мрачный и односторонній монашескій аскетизмъ. Чѣмъ гуще становился съ теченіемъ времени окутывавшій московскую Русь мракъ невѣжества, тѣмъ удушливѣе дѣлалась атмосфера умственной жизни народа, тѣмъ менѣе находило себѣ оправданія на практикѣ гордое самовосхваленіе московскихъ книжниковъ. Эти явленія не ускользнули отъ наблюденія жившихъ въ то время въ Москвѣ иностранцевъ, которые въ своихъ сочиненіяхъ о московскомъ государствѣ оставили намъ печальную картину необразованности народа.

Но не такъ смотрѣли на дѣло сами московскіе люди. Тотъ, полный оптимизма, взглядъ, какой выработался у нихъ на окружавшую ихъ дѣйствительность, тѣ мессіанистическія воззрѣнія, какія они связывали съ настоящимъ и будущимъ своей страны, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи неизбѣжно приводили ихъ къ полному квіетизму. Москвѣ незачѣмъ было заботиться о движеніи впередъ, о развитіи какихъ-либо новыхъ началъ, когда и старыя не только спасали ее, но еще доставляли ей выгодное и лестное положеніе третьяго Рима, идеальнаго центра вселенной. Ей предстояло только сохранить въ цѣлости извѣстную форму религіи, въ народномъ представленіи неразрывно связанную уже съ самою національностью, и этого было достаточно для рѣшенія вопроса о настоящей и будущей жизни народа. Самая связь религіи съ народностью, благодаря своей продолжительности и исключительности, сдѣлалась обоюдной: слова «русскій» и «православный» стали синонимами и, если съ одной стороны въ составъ

національно-русскаго элемента воспринято было понятіе православія, то съ другой—всѣ народные обычаи, понятія и нравы, хотя бы они совсѣмъ и не входили въ религіозную область, крестились тѣмъ же именемъ православія, разъ только они не стояли въ рѣзкомъ и осязательномъ противорѣчіи съ ученіемъ церкви.

При такомъ проникновеніи всей народной жизни религіознымъ элементомъ, соединявшемся еще съ представленіемъ о послѣднемъ, какъ о «большемъ православіи» и «высшемъ христіанствѣ», само собою, не представлялось никакой надобности въ усвоеніи иного образованія. Напротивъ, это послѣднее, на какой бы ступени развитія оно ни стояло, оказывалось жалкимъ и не заслуживающимъ вниманія по сравненію съ тою истиной, какая уже находилась въ обладаніи народа. «Братія, не высокоумствуйте, но во смиреніи пребывайте, по сему же и прочая разумѣвайте!» —писали въ ту эпоху въ поученіяхъ и переписывали въ школьныхъ прописяхъ.— «Аще кто ти речетъ: вѣси ли всю философію, и ты ему рци: еллинскихъ борзостей не текохъ, риторскихъ астрономовъ не читахъ, ни съ мудрыми философами не бывахъ, философію ниже очима видѣхъ: учуся книгамъ благодатнаго закона, аще бы мощно моя грѣшная душа очиститн отъ грѣхъ».

Московскіе люди смутно уже знали, что есть и другая наука, но эта иная наука, отнимавшая у нихъ ихъ привилегированное положеніе, зародившаяся въ полныхъ ереси чужихъ странахъ, возбуждала въ нихъ только недовѣріе и вражду, казалась противорѣчащей не только тому значенію, какое присвоивала себѣ Москва во имя хранившагося въ ней православнаго христіанскаго ученія, но и самому этому ученію. Московскіе книжники не задумывались поэтому отворачиваться отъ этой неправовѣрной науки и даже предавать ее проклятію. Въ одномъ изъ древнихъ поученій можно прочесть по ея адресу такія фразы: «богомерзостенъ передъ Богомъ всякъ любяй геометрію, а се душевніи грѣси: учитися астрологіи и еллинскимъ книгамъ... проклинаю мудрость тѣхъ, иже зрятъ на кругъ небесный; своему разуму вѣрующій удобь впадаетъ въ прелести различныя; люби простыню (простоту) паче мудрости; величайшаго себе не изыскуй и глубочайшаго себе не испытуй, а елико ти предано отъ Бога готовое ученіе, то содержи». Усвоеніе всякихъ свѣтскихъ знаній, выходившихъ изъ тѣсныхъ рамокъ обыденнаго житейскаго опыта и касавшихся сколько-нибудь болѣе серьезныхъ вопросовъ, представлялось съ этой точки зрѣнія безумнымъ грѣхомъ. Жизнь одного народа со всѣми ея уклоненіями противополагалась жизни всего человѣчества, какъ нѣчто образцовое, и всѣ научныя пріобрѣтенія, всѣ завоеванія культуры должны были померкнуть передъ «готовымъ ученіемъ», даннымъ одной народности, незнакомой съ «еллинскими борзостями». Этотъ счастливый народъ долженъ былъ только ревниво беречь

свое, полученное отъ предковъ, сокровище, какъ огня чуждаясь общенія съ иноземцами. При этомъ обязанность наблюденія за сохраненіемъ даннаго строя жизни лежала на іерархіи, не только духовной, но и свѣтской, которая, входя сама въ составъ порядка, освященнаго религіей, должна была на охрану послѣдней прежде всего обращать свою власть. Умственная самодѣятельность всего народа сводилась къ нулю. Всякое измѣненіе, всякое, самое незначительное, отступленіе отъ установившихся порядковъ было тяжкимъ грѣхомъ и вмѣстѣ преступленіемъ, такъ какъ оно колебало краеугольный камень всей системы—вѣру въ исключительное правовѣріе Москвы. Но такое отреченіе отъ умственной дѣятельности, отъ дальнѣйшаго свободнаго развитія, отъ общенія съ иноземцами еще поддерживало, развивало и укрѣпляло тѣ заблужденія и ошибки, которыя уже вкрались въ умственную и, въ частности, религіозную жизнь народа.

Проявленія невѣжества и суевѣрія въ этой жизни по временамъ останавливали на себѣ вниманіе отдѣльныхъ, болѣе просвѣщенныхъ и мыслящихъ людей московскаго общества и порою вызывали даже у нѣкоторыхъ церковныхъ іерарховъ стремленіе исправить зло, но такое исправленіе было при данныхъ условіяхъ очень трудно и благія пожеланія оставались неисполненными. Въ своей средѣ не хватало для этого необходимыхъ силъ въ видѣ образованныхъ людей, а на тѣхъ людей даже православнаго Востока, которые могли бы взяться за такое дѣло, въ Москвѣ готовы были смотрѣть, какъ на еретиковъ, въ то самое время, какъ національное самомнѣніе въ связи съ уваженіемъ къ обрядности заставляло видѣть неприкосновенную святыню въ каждой буквѣ священной книги, въ каждой подробности роднаго обряда. Характерна въ этомъ смыслѣ исторія Максима Грека. Ученый аѳонскій монахъ, онъ пріѣхалъ въ Москву для разбора великокняжеской библіотеки и здѣсь ему поручили просмотръ и исправленіе церковныхъ книгъ, испорченныхъ невѣжественными переписчиками. Его исправленія вызвали, однако, сильныя жалобы: «велію, о человѣче,—говорили ему московскіе люди—досаду тѣмъ дѣломъ прилагаеши въ земли нашей чудотворцемъ: они бо сицевыми книгами благоугодиша Богови». Максимъ подвергся обвиненію въ ереси и былъ заточенъ въ монастырь. Одинъ изъ помогавшихъ ему писцовъ разсказывалъ впослѣдствіи, что великій ужасъ и трепетъ объяли его, когда Максимъ велѣлъ ему вычеркнуть нѣсколько строкъ въ исправляемой книгѣ. Великій ужасъ и трепетъ охватывали и большую часть московскаго общества всякій разъ, какъ оно видѣло покушеніе измѣнить что-либо въ родной «святой старинѣ». При такомъ положеніи усилія отдѣльныхъ іерарховъ церкви не приводили ни къ какому результату и, оканчиваясь постояннымъ пораженіемъ, все болѣе ослабѣвали. Въ текстъ богослужебныхъ книгъ широкой струей вливались различныя ошибки, а люди, пытавшіеся противодѣйствовать этому, плати-

лись за свои попытки годами жестокаго заключенія, какъ это было съ архимандритомъ троицкой лавры Діонисіемъ. Подъ знаменемъ исключительнаго русскаго правовѣрія освящались всѣ частныя заблужденія, пріобрѣтая характеръ національнаго отличія и религіознаго правовѣрія. Возставать противъ нихъ значило идти противъ народности и религіи и немудрено, что такія возстанія влекли за собою тяжкую кару, какъ нарушеніе извѣчныхъ порядковъ, священныхъ всѣмъ авторитетомъ народнаго преданія.

Такъ узко-националистическій принципъ мессіанизма въ конечномъ своемъ развитіи поглотилъ всѣ соединившіеся съ нимъ элементы, по отношенію къ которымъ онъ первоначально игралъ лишь служебную роль, и, пріобрѣтя себѣ первенствующее значеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно исключалъ всякое сознательное и живое стремленіе впередъ. Проповѣдуя безусловное поклоненіе старинѣ, онъ велъ къ полному застою умственной жизни народа и заграждалъ ему всѣ пути дальнѣйшаго развитія. Конечнымъ словомъ, послѣднимъ результатомъ этой долго слагавшейся системы была полная остановка умственнаго роста народа, замерзаніе его на однажды выработанныхъ точкахъ зрѣнія, отреченіе отъ всего остального человѣчества во имя своего идеальнаго совершенства и медленная смерть за китайской стѣной, воздвигнутой его собственными усиліями. Но въ то самое время, когда договаривалось послѣднее слово этой теоріи, въ народной жизни возникло иное стремленіе, которому суждено было разбить крѣпкую броню національной исключительности московскаго общества и вывести его на болѣе широкій путь развитія. Такое стремленіе было вызвано тѣми условіями политической обстановки, въ какихъ очутилось московское государство съ началомъ 17-го вѣка.

Исходнымъ пунктомъ религіозно-националистическихъ идей Москвы послужили ея политическіе успѣхи, помогшіе ей создать единое государство изъ разрозненныхъ сѣверно—русскихъ земель и удачно защищать затѣмъ самостоятельность этого государства отъ враждебныхъ покушеній на нее. Почти до самаго конца 16-го столѣтія продолжались эти удачи Москвы въ области внѣшней политики, совершаясь за счетъ ея сосѣдей. Въ томъ тѣсномъ кругѣ политическихъ отношеній, въ которомъ вращалось московское государство до послѣднихъ десятилѣтій XVI вѣка, оно одержало несомнѣнное, хотя и не полное, торжество, и немудрено, если возбужденному воображенію москвичей при ихъ ограниченномъ политическомъ кругозорѣ это торжество представлялось побѣдой русскаго правовѣрія надъ латинствомъ и мусульманствомъ и въ немъ готовы были провидѣть начало соединенія всѣхъ царствъ подъ руку свѣтлаго и благовѣрнаго царя московскаго. Но именно эти внѣшніе успѣхи и послужили затѣмъ толчкомъ къ измѣненію отношеній между Москвой и ея сосѣдями, постепенно повлекшему за собой весьма серьезныя перемѣны какъ въ государственномъ

строѣ Москвы, такъ и въ складѣ самосознанія ея населенія. Дѣло заключалось прежде всего въ томъ, что путемъ своихъ успѣховъ въ международныхъ отношеніяхъ московское государство вышло на болѣе широкую политическую арену и вызвало противъ себя болѣе грозныя силы, чѣмъ тѣ, съ какими ему приходилось считаться раньше. Изъ-за старыхъ враговъ Москвы—Литвы и татаръ, отъ которыхъ она обороняла русскую землю, въ концѣ 16-го вѣка поднялись новые и гораздо болѣе опасные въ лицѣ Польши и Турціи. Нельзя сказать, что теорія, ставившая Москву центромъ и главою православія, не предвидѣла такихъ результатовъ: она указывала на необходимость борьбы, которая теперь возникала, но, ставя свои теоретическія положенія, плохо разсчитала ихъ отношеніе къ дѣйствительности. Когда московское правительство, расширяя свои завоевательные планы, попыталось пробиться къ морю и пріобрѣсти Ливонію, оно натолкнулось на энергическое сопротивленіе Польши и Швеціи и потерпѣло въ этой борьбѣ рѣшительную неудачу. Вслѣдъ затѣмъ и вообще отношенія московскаго государства къ Польшѣ на нѣкоторое время пріобрѣли характеръ какъ разъ обратный тому, какой имѣли отношенія Москвы къ Литвѣ. Пользуясь тяжелымъ положеніемъ государства, раззореннаго борьбой и потрясеннаго внутренними смутами, Польша въ свою очередь перешла въ наступательное положеніе и съ оружіемъ въ рукахъ внесла даже католическую пропаганду въ русскіе предѣлы. Лишь грандіозное напряженіе силъ народа сохранило Москвѣ ея самостоятельность и возстановило равновѣсіе боровшихся сторонъ и лишь возстаніе противъ Польши Малороссіи и присоединеніе ея къ Москвѣ вновь доставило послѣдней перевѣсъ въ этой борьбѣ. Но наличность другихъ опасныхъ противниковъ въ лицѣ Турціи и Швеціи заставляла ее тѣмъ не менѣе все увеличивать напряженіе своихъ силъ.

Такъ первымъ результатомъ перемѣны въ положеніи московскаго государства было расширеніе арены его международной борьбы и увеличеніе опасности послѣдней. Такое расширеніе въ свою очередь повлекло за собою сближеніе московской политики съ аналогичной ей политикой нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствъ и усиленіе дипломатическихъ сношеній. Въ 17-мъ вѣкѣ политическій кругозоръ московскихъ людей дѣлается такимъ образомъ шире: Москва ведетъ борьбу съ болѣе значительными государствами и временами вовлекается въ планы иныхъ державъ, государствъ западно-европейскаго міра, съ которыми заключаетъ союзы для совмѣстныхъ дѣйствій противъ общихъ враговъ. То и другое обстоятельства, сами по себѣ еще не особенно важныя, пріобрѣли крайне серьезное значеніе, какъ скоро оказалось, что московское государство, оставаясь при старыхъ средствахъ, не въ силахъ удовлетворить требованіямъ новаго своего положенія.

Въ самомъ дѣлѣ, силы противниковъ были настолько велики и настолько лучше организованы, что борьба съ ними являлась для московскаго

осударства черезчуръ тяжелой, не смотря на самое настойчивое напряженіе силъ народа въ рамкахъ старой системы, не смотря на доведеніе этой системы до ея послѣднихъ крайностей. Московская армія, хотя и увеличенная въ нѣсколько разъ, оказывалась неспособной устоять передъ западными регулярными войсками; московская казна, не взирая на все увеличивавшіеся поборы, съ году на годъ пустѣла, и государство видѣло себя вынужденнымъ изыскивать новыя средства борьбы. Такія средства имѣлись въ рукахъ иностранцевъ, какъ убѣдили въ этомъ враждебныя и мирныя сношенія съ ними, и въ видахъ самосохраненія государство прибѣгло теперь къ заимствованію этихъ средствъ. Подъ вліяніемъ сознанной нужды начались приглашенія иностранцевъ на службу московскаго государя и поселеніе немалаго количества ихъ въ Москвѣ, результатомъ чего для московскаго общества явилось и нѣкоторое знакомство съ западноевропейскою культурой.

По мѣрѣ расширенія такого знакомства въ общество стали проникать и новыя идеи. Это общество, такъ гордившееся своимъ превосходствомъ, внезапно увидѣло себя въ положеніи настолько затруднительномъ, что не могло выйти изъ него собственными силами и должно было обратиться къ чужой помощи, къ тѣмъ самымъ нечестивымъ иноземцамъ, которые занимали такое низкое мѣсто въ его мнѣніи. Уже однимъ этимъ наносился тяжелый ударъ взглядамъ, воспитавшимся на почвѣ исключительнаго націонализма, но онъ сдѣлался еще чувствительнѣе, когда призванное на помощь иноземное вліяніе переступило тѣ границы, какія были первоначально ему указаны. Пользуясь помощью иноземцевъ въ дѣлѣ военной техники, къ которой вскорѣ присоединилась и промышленная, московское правительство, равно какъ и общество, вовсе не думало измѣнять своихъ общихъ взглядовъ на чужія земли. Но такое измѣненіе являлось уже только вопросомъ времени послѣ того, какъ пробита была первая брешь въ стѣнѣ національной исключительности, преграждавшей раньше доступъ всякому чуждому вліянію. Къ половинѣ 17-го столѣтія число поселившихся въ Москвѣ иностранцевъ достигло весьма значительной цифры. Около этого же времени совершилось присоединеніе Малороссіи,—страны, которая, благодаря особымъ условіямъ своего существованія подъ польскимъ владычествомъ, успѣла развить у себя въ значительныхъ сравнительно съ Великороссіей размѣрахъ просвѣщеніе, сосредоточивъ его по преимуществу на религіозной почвѣ. Служилые иноземцы— съ одной стороны, малороссы—съ другой доставили московскимъ людямъ богатый матеріалъ для сравненія ихъ жизни съ чужою и выводы, какіе явились изъ подобнаго сравненія, способны были поразить своею неожиданностью. Русскіе люди при сопоставленіи себя съ чужеземцами стали сперва смутно, потомъ все болѣе и болѣе отчетливо сознавать ту истину, которую давно уже повторяли наблюдавшіе ихъ жизнь

иностранцы, но которая до сихъ поръ была рѣшительно чужда самому русскому обществу, именно, что оно страдаетъ отсутствіемъ настоящаго образованія. Передъ этимъ обществомъ раскрывалась иная, неизвѣстная ему раньше жизнь, иной міръ, и сравненіе его съ московскимъ бытомъ порождало мысль о коренномъ различіи между ними: одинъ представлялся построеннымъ на образованности, на наукѣ, въ другомъ послѣдняя совершенно отсутствовала, такъ какъ «русскіе люди... въ государствѣ своемъ наученія никакого добраго не имѣютъ и не пріемлютъ». Первый былъ богаче, сильнѣе, искуснѣе второго и манилъ къ себѣ всѣми наслажденіями, какія могла обѣщать высшая и болѣе утонченная культура. Съ того момента, какъ сознаніе этого различія проникло въ среду московскаго общества, миръ послѣдняго былъ нарушенъ. Оно увидало теперь необходимость въ общеніи съ другими народами подвергнуть повѣркѣ систему, созданную имъ въ то время, когда народъ впервые увидалъ себя заключеннымъ въ одно государство, и какъ раньше его самосознаніе выработалось подъ вліяніемъ отношеній къ сосѣдямъ, такъ теперь измѣненіе этихъ отношеній повело къ критикѣ ранѣе выработанныхъ формулъ.

Естественно, такая критика появилась не сразу. Ей предшествовали простыя заимствованія отъ иностранцевъ въ области матеріальнаго быта. Какъ государство стремилось перенять у иноземцевъ ихъ военную и промышленную технику, такъ отдѣльныя лица, по преимуществу изъ среды высшаго класса, стали перенимать подробности домашней обстановки, вводить къ себѣ продукты европейской промышленности и искусства. Слѣдомъ за этой первоначальной стадіей заимствованія неизбѣжно являлась, однако, и вторая, болѣе сознательная, въ видѣ пробужденія критическаго отношенія къ родной обстановкѣ, въ результатѣ котораго возникали неудовлетворенность старыми формами жизни и стремленіе ближе ознакомиться съ иноземной культурой и съ помощью ея исправить домашніе непорядки. Къ половинѣ 17-го столѣтія въ Москвѣ было уже не мало лицъ, которыя стремились къ разнообразнымъ заимствованіямъ отъ иноземцевъ, начиная съ внѣшнихъ формъ и кончая не существовавшимъ на Руси свѣтскимъ образованіемъ. Но на этотъ путь ступила только одна часть общества. Другая увидѣла въ перемѣнахъ, прокрадывавшихся въ московскій бытъ, начало измѣны извѣчнымъ преданіямъ православія и это побудило ее еще крѣпче ухватиться за эти преданія, еще настойчивѣе пропагандировать ихъ. Однако и эта часть общества подъ вліяніемъ событій потеряла свое прежнее спокойно-горделивое настроеніе. Неудачи московскаго государства и перемѣны, происходившія въ русскомъ быту, внушали ей тревожныя опасенія за будущее Москвы, еще недавно рисовавшееся въ такомъ лучезарномъ свѣтѣ. Для людей, отожествлявшихъ Москву съ третьимъ Римомъ и московскій бытъ съ православіемъ, перемѣны этого

быта знаменовали собою паденіе послѣдняго центра правовѣрія и предвѣщали близкую кончину міра. Для того и другого назначались даже опредѣленные сроки и эти мрачныя предсказанія встрѣчали большое вниманіе среди возбужденнаго общества. Между прочимъ широкую популярность пріобрѣло предсказаніе такъ называемой Кирилловой книги, составленной черниговскимъ протопопомъ Михаиломъ Роговымъ. Согласно ея указаніямъ, сатана былъ связанъ на 1000 лѣтъ послѣ Рождества Христова и это была лучшая эпоха въ исторіи церкви; послѣ нея совершилось отпаденіе римской церкви въ латинство, черезъ 600 лѣтъ Западная Русь отпала въ унію, а черезъ 60 лѣтъ той же судьбы должна была остерегаться Русь Восточная.

Такимъ образомъ ближайшимъ результатомъ сближенія съ иноземцами, вызваннаго нуждами государства, явилось раздѣленіе общества на враждебныя партіи. Съ какого бы пункта ни начиналась эта вражда, она неизбѣжно приводила противниковъ на почву церковныхъ порядковъ, такъ какъ весь государственный и общественный бытъ Москвы до мельчайшихъ его подробностей въ сознаніи людей той эпохи проникался и освящался религіознымъ принципомъ. Развитіе государственной жизни подготовило борьбу среди московскаго общества и опредѣлило ея поприще. Дѣло стало за борцами и они не замедлили явиться.

II.

Около 1620 года у священника села Григорова за рѣкой Кудмой, въ нынѣшнемъ Княгининскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи, родился сынъ, названный Аввакумомъ. О годахъ его дѣтства и ранней юности мы знаемъ очень немного, да и то, что знаемъ, сохранилъ намъ лишь самъ онъ въ своей автобіографіи, извѣстной подъ именемъ «Житія протопопа Аввакума». Тѣмъ не менѣе и въ этихъ скудныхъ свѣдѣніяхъ можно найти кое-какія характерныя черты, бросающія хоть нѣкоторый свѣтъ на тѣ условія, при которыхъ ребенокъ сложился и выросъ въ мужа, и на тотъ путь, какимъ шло развитіе его ума и характера.

Отецъ Аввакума, григоровскій священникъ Петръ, страдалъ порокомъ пьянства, «прилежаше питія хмѣльнаго», какъ выражался о немъ впослѣдствіи сынъ. Мать послѣдняго, по имени Марія, напротивъ, была «постница и молитвенница» и по смерти мужа постриглась даже въ монахини. Такъ уже въ семейной обстановкѣ Аввакума соединились два противоположныя начала, существовавшія рядомъ въ русской жизни того времени, не смотря на взаимную враждебность,—нравственная распущенность и строгое обрядовое благочестіе, граничившее съ аскетизмомъ. Насколько и какъ именно уживались двѣ такія несходныя натуры въ семейной жизни, остается

неизвѣстнымъ, но во всякомъ случаѣ это существованіе двухъ рѣзко расходящихся вліяній не могло остаться безъ замѣтнаго отраженія на стоявшемъ между ними организмѣ ребенка. Съ раннихъ лѣтъ должно было оно развивать и повышать въ послѣднемъ нервность, вызывая интересъ къ такимъ вопросамъ, которые оставались чуждыми для большинства его сверстниковъ. Противопоставленія небеснаго земному, загробнаго міра здѣшнему рано предстали передъ молодымъ умомъ въ устахъ близкихъ людей и приковали къ себѣ его вниманіе. При установившемся уже настроеніи, при развившейся чуткости къ вопросамъ этого рода достаточно было самаго простого, повидимому, случая, чтобы закрѣпить то и другую и сдѣлать ихъ господствующими чертами характера, и такой случай, конечно, не замедлилъ представиться. Пришлось разъ мальчику увидать на дворѣ у сосѣда смерть какой-то скотины; на юный умъ, подготовленный частыми толками окружающихъ о человѣческой жизни и смерти, эта реальная картина смерти произвела удручающее и рѣшительное впечатлѣніе: представленіе объ ужасѣ и неизбѣжности смерти, объ ежеминутной возможности гибели неизгладимыми чертами врѣзалось въ немъ и почью ребенокъ, поднявшись съ постели, съ плачемъ началъ молиться передъ образомъ «о душѣ своей, поминая смерть». Съ той поры онъ и до конца жизни не оставлялъ уже обычая тайной ночной молитвы.

Первыя же впечатлѣнія сознательной жизни ребенка направляли такимъ образомъ его мысли и интересы въ опредѣленную сторону. Полное рѣшеніе возникавшихъ отсюда вопросовъ возможно было, однако, лишь въ болѣе широкой сферѣ и Аввакумъ нашелъ ее современемъ въ книгахъ, въ занятіяхъ чтеніемъ. Какъ шли эти занятія, мы опять-таки не знаемъ и можемъ судить объ нихъ лишь по ихъ результатамъ. Впослѣдствіи, выступая въ роли проповѣдника, Аввакумъ обнаруживалъ весьма значительную для своего времени начитанность. Ему были хорошо знакомы не только всѣ книги св. Писанія, переведенныя на славянскій языкъ, не только циркулировавшія въ Россіи творенія отцовъ церкви, но и многія апокрифическія сказанія. Равнымъ образомъ хорошо зналъ онъ и циклъ чисто русскихъ сказаній и повѣстей, какъ повѣсть о бѣломъ клобукѣ, сказаніе о трехъ Римахъ и т. п. Можно сказать, что ему была извѣстна почти вся тогдашняя литература, доступная для русскаго грамотнаго человѣка. Въ ея произведеніяхъ, сплошь проникнутыхъ религіозными и націоналистическими идеями, полныхъ смиреннаго отреченія отъ земныхъ благъ и горячаго мистическаго увлеченія, живо рисовавшихъ борьбу вѣры съ соблазнами міра, юный читатель почерпалъ теоретическія обобщенія знакомыхъ ему фактовъ жизни, находилъ указанія для своей дѣятельности и постепенно изъ него складывался исповѣдникъ суроваго нравственнаго ригоризма, соединеннаго съ монашескимъ аскетизмомъ, съ презрѣніемъ къ міру и его слабостямъ.

мысль о подвижнической жизни, направленной къ спасенію отъ грѣха, стала преобладающей въ душѣ юноши, но, полный молодыхъ силъ, онъ готовился не къ бѣгству отъ міра, а къ дѣятельной борьбѣ съ его соблазнами.

Между тѣмъ годы юности проходили и мать Аввакума, тѣмъ временемъ овдовѣвшая, задумала женить сына. Покорный волѣ матери, юноша только молился Богородицѣ, чтобы она дала ему жену «помощницу ко спасенію». Выборъ матери палъ на одну сироту изъ того же села, привлекшую къ себѣ ея вниманіе своею набожностью и частымъ посѣщеніемъ церкви. Съ своей стороны Анастасія—такъ звали дѣвушку—давно уже втайнѣ любила Аввакума и счастье его семейной жизни было такимъ образомъ обезпечено. Въ женѣ онъ нашелъ себѣ дѣйствительно помощницу, женщину, усвоившую себѣ его міровоззрѣніе и связанную съ нимъ узами горячей привязанности, которая помогала ей переносить безропотно всѣ невзгоды, постигавшія ихъ въ жизни. Эти невзгоды должны были начаться уже очень скоро.

Мать Аввакума умерла вскорѣ послѣ брака сына, а самъ онъ вступилъ на ту дорогу, которую указывало ему и происхожденіе, и—въ гораздо большей степени—собственное его настроеніе. Переселившись изъ родного села, гдѣ, повидимому, односельчане не долюбливали его, въ село Лопатицы (нын. Макарьевскаго уѣзда), онъ, двадцати одного года отъ роду, былъ поставленъ въ дьяконы, а черезъ два года—и въ священники. Передъ нимъ открывалась теперь возможность дѣятельности въ качествѣ признаннаго учителя народа и онъ съ жаромъ схватился за нее. Въ немъ самомъ не было къ тому же распространенныхъ въ средѣ тогдашняго русскаго духовенства недостатковъ, которые могли бы уронить въ глазахъ массы его учительскій авторитетъ. Строго относясь къ себѣ, Аввакумъ съ безпощадною суровостью каралъ свою плоть за всякое проявленіе слабости, за малѣйшее отступленіе отъ требованій духа. Случилось разъ, что пришла къ нему на исповѣдь «дѣвица, многими грѣхми обременена», и съ плачемъ каялась въ своихъ прегрѣшеніяхъ. Красота ея тронула сердце молодого исповѣдника, и онъ съ ужасомъ почувствовалъ, что онъ, «треокаянный врачъ, самъ разболѣлся», что грѣховное желаніе охватило его. Тогда онъ зажегъ три свѣчки и, прилѣпивъ ихъ къ аналою, положилъ правую руку на пламя и держалъ, пока взбунтовавшаяся плоть не усмирилась. Отпустивъ затѣмъ дѣвушку, пошелъ онъ домой и тамъ съ горькими слезами долго молился Богу, чтобы позволено было ему снять съ себя принятое званіе, «понеже бремя тяжко, неудобь носимо». Только видѣніе, посѣтившее его, когда онъ, истомленный, забылся сномъ, лежа передъ образомъ, успокоило его. При такомъ пониманіи своей обязанности онъ являлся настоящимъ учителемъ, словомъ и дѣломъ проповѣдующимъ своя взгляды и

не отступающимъ отъ преподаваемаго ученія. Строго выполнялъ онъ свое призваніе, какъ понималъ его, съ неослабной ревностью наставлялъ и поучалъ своихъ духовныхъ дѣтей, съ мелочной, буквальной точностью исправлялъ всѣ обряды церковнослуженія. Въ то время многіе священники усвоили обычай многогласія въ служеніи: чтобы сократить церковную службу и въ то же время ничего не выпустить изъ нея, ее совершали въ нѣсколько голосовъ, такъ что дьячокъ читалъ каѳизмы въ то самое время, какъ діаконъ провозглашалъ ектенію, а священникъ дѣлалъ возгласы, и все это вмѣстѣ съ пѣніемъ хора сливалось въ неясный шумъ, совершенно непонятный для молящихся. Аввакумъ не послѣдовалъ этому обычаю и совершалъ службу медленно, по уставу. Но церковнымъ служеніемъ не ограничивалъ онъ круга своей дѣятельности. Съ тѣми же требованіями чистой, нравственной жизни, какія онъ предъявлялъ къ самому себѣ, онъ обращался и къ другимъ, и прежде всего къ своимъ прихожанамъ.

Среди послѣднихъ его дѣятельность вызывала неодинаковое отношеніе. Одни готовы были видѣть въ молодомъ священникѣ настоящаго пастыря и приписывали ему всю ту силу, какая соединялась тогда съ этимъ понятіемъ: къ нему приводили бѣсноватыхъ, прося исцѣлить ихъ, и онъ держалъ ихъ въ своемъ домѣ, леча молитвой и освященнымъ масломъ. «И сила Божія—прибавляетъ Аввакумъ, разсказывая объ этомъ,—отгоняше отъ человѣкъ бѣсы и здрави бываху». Но людей, которые подчинились сразу духовному авторитету священника, было меньшинство. Большинство же возмущалось тѣми суровыми требованіями, какія ставилъ Аввакумъ, и не прочь было протестовать противъ нихъ. Такой протестъ еще облегчался тѣмъ обстоятельствомъ, что Аввакумъ, преслѣдуя цѣли внесенія благочинія въ духовную жизнь своей паствы, не останавливался ни передъ чѣмъ и неспособенъ былъ жертвовать тѣмъ, что считалъ истиной, случайнымъ обстоятельствамъ и отдѣльнымъ людямъ. Какой-то «начальникъ» отнялъ разъ дочь у вдовы; Аввакумъ вступился и началъ увѣщевать его возвратить дѣвушку матери. Начальникъ, вознегодовавъ на такое вмѣшательство въ его дѣла, возмутилъ противъ Аввакума прихожанъ, толпа которыхъ напала послѣ этого на своего священника у церкви и избила почти до смерти, такъ что онъ едва пришелъ въ себя. Но и это не утишило его ревности и онъ продолжалъ свои настоянія, пока начальникъ не отдалъ дѣвушки. Впрочемъ, черезъ нѣсколько времени послѣдній, должно быть, раскаялся въ этомъ: придя въ церковь, онъ самъ уже избилъ Аввакума и въ ризахъ волочилъ его за ноги по землѣ. Неспособность подчинять свои взгляды желаніямъ прихожанъ причиняла Аввакуму хлопоты и въ другомъ вопросѣ. Прихожане требовали, чтобы онъ служилъ въ церкви скорѣе, а онъ не считалъ себя въ правѣ исполнить это, и новыя столкновенія между священникомъ и приходомъ не заставили себя ждать. Начальникъ, на этотъ

разъ уже другой, разсерженный неуступчивостью Аввакума, прибѣжалъ къ нему на домъ, билъ его и руку изгрызъ зубами, потомъ покушался даже застрѣлить его. Пока дѣло ограничивалось побоями и бранью, стойкій священникъ, увѣренный въ правотѣ своего подвига, отвѣчалъ на нихъ благословеніями и полнымъ достоинства смиреніемъ. Но вскорѣ эти гоненія приняли и болѣе серьезный для него оборотъ: видя, что Аввакума нельзя заставить подчиниться, начальникъ, его избившій, прибѣгъ къ болѣе радикальнымъ мѣрамъ. Отъ отнялъ у него дворъ и все имущество и выгналъ изъ села, не давъ даже хлѣба на дорогу. Какъ разъ передъ тѣмъ у Аввакума родился сынъ, и теперь онъ съ женой и некрещенымъ младенцемъ побрелъ въ Москву—искать защиты у мірскихъ властей, такъ какъ иначе для него закрывалась возможность продолжать только что начатую дѣятельность.

По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Аввакуму и раньше уже приходилось бывать въ Москвѣ по дѣламъ, такъ какъ приходъ его принадлежалъ къ патріаршему округу, и во время этихъ посѣщеній столицы онъ успѣлъ познакомиться и сблизиться съ двумя людьми, занимавшими видное положеніе среди московскаго духовенства, царскимъ духовникомъ Стефаномъ Вонифатьевымъ и протопопомъ Казанскаго собора Иваномъ Нероновымъ. Во всякомъ случаѣ, состоялось ли это знакомство ранѣе или только теперь, эти два лица приняли участіе въ выгнанномъ изъ своего прихода священникѣ. Они познакомили его съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и выхлопотали для него царскую грамоту, утверждавшую его въ санѣ приходскаго священника въ Лопатицахъ. Съ этою грамотою отправился онъ обратно и водворился въ своемъ приходѣ, получивъ возможность продолжать свою дѣятельность съ большею увѣренностью, чѣмъ прежде. Скоро представился ему и случай обнаружить свое рвеніе къ установленію благочестія и свой непреклонный ригоризмъ еще съ новой стороны. Зашли какъ-то въ Лопатицы вожаки медвѣдей съ скоморохами. Аввакумъ горячо возсталъ противъ этого развлеченія, не соотвѣтствовавшаго его аскетическому идеалу христіанской жизни, и, не довольствуясь увѣщаніями, «по Христѣ ревнуя», попросту выгналъ изъ села медвѣжатниковъ и скомороховъ, изломалъ ихъ шутовскія маски, бубны и домры, отнялъ медвѣдей и пустилъ ихъ въ поле. Въ это время плылъ мимо Лопатицъ по Волгѣ бояринъ В. П. Шереметевъ, направляясь въ Казань на воеводство. Огорченные жители пожаловались на самоуправство своего священника боярину и послѣдній призвалъ его къ себѣ на судно. Долго и много бранилъ Аввакума Шереметевъ и подъ конецъ бесѣды, проникшись ли уваженіемъ къ стойкости священника или просто по обычаю, просилъ благословить сына своего. Но послѣдняго коснулись уже новшества, проникшія въ русскую землю: онъ былъ обритъ, и Аввакумъ, увидавъ такой «блудолюбивый образъ», ...

только отказался благословить его, но еще и «отъ Писанія его порицалъ», такъ что вспылившій Шереметевъ приказалъ было бросить его въ Волгу. Въ рѣку священника, правда, не бросили, но проводили съ судна побоями.

Наконецъ строгія требованія Аввакума въ связи съ его деспотическими замашками сдѣлали совершенно невозможными миръ и согласіе между нимъ и его прихожанами. Послѣдніе рѣшительно возстали противъ своего пастыря и заставили его удалиться изъ прихода. Опять отправился Аввакумъ въ Москву и на этотъ разъ по ходатайству друзей былъ назначенъ протопопомъ въ Юрьевецъ-Повольскій. Но недолго пришлось ему прожить и на новомъ мѣстѣ. Его строгія правила, суровыя обличенія, стремленіе всѣхъ подчинить своей волѣ во имя идеала правовѣрной жизни возстановили противъ него не только мірянъ, но и духовенство, надъ которымъ онъ былъ непосредственнымъ начальникомъ и которое поэтому болѣе всѣхъ могло испытывать на себѣ тяжесть его власти. Уже черезъ восемь недѣль въ городѣ вспыхнуло цѣлое возмущеніе противъ протопопа: до полуторы тысячъ человѣкъ, мужчины съ батогами, бабы съ рычагами, собралось къ патріаршему приказу, гдѣ Аввакумъ занятъ былъ духовными дѣлами. Сурового протопопа вытащили на улицу, били, чѣмъ попало, до того, что онъ потерялъ сознаніе, и убили бы на мѣстѣ, еслибы не прибѣжалъ на выручку воевода съ пушкарями. Едва на лошади умчали Аввакума отъ разъяренной толпы въ его дворъ и къ послѣднему пришлось поставить стражу изъ пушкарей же, чтобы охранить протопопа отъ покушеній на его жизнь. Два дня лежалъ онъ, оправляясь отъ послѣдствій тяжкихъ побоевъ, и все это время въ городѣ царило смятеніе: народъ, подъущаемый попами, волновался и на улицахъ раздавались бѣшеные крики: «убить его, да и тѣло собакамъ въ ровъ кинуть». На третій день ночью Аввакумъ тайно бѣжалъ изъ Юрьевца, оставивъ тамъ жену и дѣтей, и направился въ Москву. По дорогѣ зашелъ онъ въ Кострому, гдѣ разсчитывалъ найти своего знакомца и пріятеля, протопопа Даніила, но, придя туда, узналъ, что и Даніила постигла такая же участь, какъ его: за нѣсколько времени передъ тѣмъ его также изгнали прихожане и онъ бѣжалъ въ Москву. Аввакуму оставалось только продолжать свой путь туда же. Прибывъ въ столицу, онъ явился къ царскому духовнику, но какъ этотъ послѣдній, такъ и самъ царь остались сперва недовольны бѣгствомъ его изъ Юрьевца. Вскорѣ однако неудовольствіе это сгладилось и забылось; Аввакумъ остался въ Москвѣ и еще тѣснѣе и ближе сошелся со здѣшними своими пріятелями.

Только что разсказанныя событія происходили въ 1651 году. Со времени поставленія въ священники восемь лѣтъ провелъ Аввакумъ въ попыткахъ осуществленія своихъ взглядовъ и идеаловъ на практикѣ во всей ихъ полнотѣ и цѣльности. Восемь лѣтъ прошло въ упорной борьбѣ

проповѣдника благочестія и аскетической морали, суроваго ригориста, стремившагося передѣлать міръ по своему, съ окружающими,—борьбѣ, не принесшей ему, повидимому, никакихъ результатовъ, кромѣ ряда пораженій. Но это не пугало и не измѣняло его: онъ смотрѣлъ на такую борьбу, какъ на неизбѣжный подвигъ, и она только закаляла его характеръ, сообщая ему новыя силы и энергію. Между тѣмъ съ окончательнымъ переѣздомъ въ Москву теченіе жизни Аввакума повернуло въ иное, болѣе глубокое русло: и окружившая здѣсь Аввакума духовная атмосфера, и личная его дѣятельность были уже не совсѣмъ тѣ, что прежде.

Столичные пріятели Аввакума составляли видный и вліятельный среди московскаго духовенства кружокъ, группировавшійся около двухъ знакомыхъ уже намъ лицъ—Стефана Вонифатьева и Ивана Неронова. Духовникъ «тишайшаго и благовѣрнѣйшаго» царя Алексѣя Михайловича, Вонифатьевъ славился своимъ благочестіемъ и ревностью по вѣрѣ и былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ строгой жизни. Сурово смотрѣлъ онъ на распущенность многихъ мірянъ, которой часто подражали и духовныя лица, склоненъ былъ видѣть причину такихъ явленій въ новшествахъ, въ отступленіи отъ старины и, будучи большимъ знатокомъ церковнаго устава, отъ всѣхъ, въ томъ числѣ и отъ самого царя, у котораго онъ пользовался немалымъ расположеніемъ, требовалъ неуклоннаго соблюденія обрядоваго благочестія. Его другъ, протопопъ Нероновъ, былъ человѣкомъ такого же закала: такой же знатокъ и ревнитель церковной обрядности, такой же горячій проповѣдникъ нравственной жизни и строгаго благочестія, онъ пользовался среди окружавшихъ его лицъ весьма значительнымъ авторитетомъ. Не даромъ его духовныя дѣти называли его «вышеестественнымъ, равноапостольнымъ, по церкви Христовѣ крѣпкимъ поборникомъ». Оба друга были, по московскимъ понятіямъ, людьми образованными: имъ хорошо знакома была современная имъ русская литература, конечно, церковная, и сами они не чуждались литературныхъ занятій. Въ церковной жизни своего времени они замѣчали непорядки и неустройства и подумывали объ ихъ исправленіи. Но при этомъ основную причину всякаго рода непорядковъ они склонны были усматривать исключительно въ уклоненіяхъ отъ обрядовой старины, не будучи въ состояніи возвыситься до болѣе широкихъ обобщеній. Самую старину, ими отстаиваемую, они находили лишь на русской почвѣ; перейти на какую-либо другую имъ не позволяло и ограниченное сравнительно образованіе, и узость ихъ идейнаго кругозора, замкнутаго въ предѣлахъ такъ распространенныхъ въ то время мыслей объ исключительномъ правовѣріи московскаго государства. Словомъ, по своимъ взглядамъ и симпатіямъ они примыкали къ недавно еще безраздѣльно господствовавшей церковно-націоналистической партіи, составляя въ то же время цвѣтъ ея по своимъ умственнымъ способностямъ и прав-

ственнымъ силамъ. Это послѣднее обстоятельство и помогло имъ собрать около себя цѣлый кружокъ лицъ, раздѣлявшихъ ихъ воззрѣнія и готовыхъ дѣйствовать въ духѣ проповѣдуемыхъ ими идей. Тутъ были и костромской протопопъ Даніилъ, и муромскій протопопъ Лонгинъ, и ученый діаконъ московскаго Благовѣщенскаго собора Θедоръ, и попы романовскій Лазарь и суздальскій Никита. Среди этихъ лицъ, въ большинствѣ выходцевъ изъ провинціи, по преимуществу же изъ Нижегородской области, не было людей, которые могли бы похвалиться сколько-нибудь глубокимъ образованіемъ, но всѣ они были исполнены фанатическою ревностью къ вѣрѣ. Связанные между собою убѣжденіемъ, что истинная вѣра сохранилась только въ московской Руси, они смотрѣли на Вонифатьева и Неронова, особенно же на послѣдняго, какъ на своихъ руководителей и наставниковъ, призванныхъ соблюсти чистоту русской церкви и укрѣпить ея правовѣріе путемъ возвращенія къ древней обрядовой строгости.

Вліяніе Вонифатьева и Неронова распространялось однако не только на круги одинаковаго по положенію съ ними духовенства и ихъ паствы, оно шло и дальше, равно проникая въ высшую свѣтскую и духовную іерархію. Царь Алексѣй Михайловичъ, высоко ставившій въ людяхъ набожность и благочестіе, лично зналъ главнѣйшихъ членовъ кружка Неронова и цѣнилъ эти ихъ достоинства. Благодаря этому, и патріархъ Іосифъ, хотя и не вполнѣ охотно, все же въ извѣстной мѣрѣ считался съ ихъ авторитетомъ и даже вынужденъ былъ въ значительной степени слѣдовать ихъ указаніямъ въ церковныхъ дѣлахъ. Такимъ образомъ въ то время, когда Аввакумъ изъ Юрьевца явился въ Москву, кружокъ протопоповъ пользовался здѣсь сильнымъ вліяніемъ, основывая его какъ на личномъ расположеніи къ главнымъ своимъ представителямъ со стороны царя, такъ и на своемъ умственномъ и нравственномъ превосходствѣ надъ остальнымъ духовенствомъ. Дружбы этого кружка заискивали даже очень сильные люди. Самъ митрополитъ новгородскій Никонъ, въ которомъ уже тогда прозрѣвали будущаго патріарха, дружилъ съ протопопами и раздѣлялъ ихъ взгляды. Подобно имъ, онъ считалъ въ ту пору московскую Русь хранилищемъ истиннаго благочестія и заподозривалъ правовѣріе греческаго Востока: «гречане—говаривалъ онъ въ дружескихъ бесѣдахъ съ московскими протопопами—потеряли вѣру, и крѣпости и добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ, своимъ чревамъ работаютъ и постоянства въ нихъ не объявилось и благочестія нимало». Подобно другимъ членамъ кружка, и онъ мечталъ тогда лишь о такихъ частныхъ исправленіяхъ церковныхъ неустройствъ, которыя не сходили бы съ почвы русской старины.

Къ этому-то тѣсно сплоченному кружку примкнулъ и Аввакумъ, явившись изъ Юрьевца. Съ членами его онъ ранѣе былъ уже знакомъ и находился въ тѣсныхъ пріятельскихъ отношеніяхъ; и его связывали съ ними

общность взглядовъ и убѣжденій, одинъ и тотъ же умственный кругозоръ, но помимо того у него установилась съ Нероновымъ и Вонифатьевымъ еще и такая глубокая дружба, какой не было у этихъ лицъ съ Никономъ. Въ свою очередь Аввакумъ внесъ въ кружокъ присущую ему самому страстность и энергію, готовность къ рѣшительнымъ мѣрамъ и дѣйствіямъ. На первыхъ порахъ, впрочемъ, онъ заслонялся личностью Неронова, фактическаго главы кружка, и даже занялъ положеніе какъ бы помощника его. Не имѣя собственнаго прихода и продолжая номинально считаться юрьевецкимъ протопопомъ, онъ постоянно находился при Казанскомъ соборѣ, замѣнялъ Неронова въ церковнослуженіи во время его отлучекъ, читалъ народу священныя книги и поученія. Такого рода дѣятельность настолько его удовлетворяла, что онъ не хотѣлъ промѣнять ее на мѣсто, хотя бы болѣе видное и почетное, но дававшее меньше случаевъ общенія съ народомъ, и не польстился даже на мѣсто въ дворцовой церкви Спаса за Золотой Рѣшеткой, которое ему предлагали. Съ дворцомъ, впрочемъ, у него тоже были тѣсныя отношенія: самъ царь часто бесѣдовалъ съ нимъ и душевно привязался къ протопопу, привлекшему его своимъ строгимъ подвижничествомъ, огненными рѣчами и богатымъ запасомъ сердечной нѣжности, скрывавшимся подъ суровой оболочкой аскета. Много лѣтъ позднѣе, находясь совсѣмъ въ другой обстановкѣ, Аввакумъ съ умиленіемъ вспоминалъ, какъ благодушный царь, надѣляя духовныхъ лицъ яицами на Пасхѣ, не забывалъ и про его малолѣтняго сына. И на Верху, въ теремѣ царицы, знали Аввакума и заслушивались его поученій; къ тому-же, по его просьбѣ, Вонифатьевъ устроилъ двухъ его братьевъ на службѣ у одной изъ царевенъ, а одного, Герасима, помѣстилъ священникомъ при себѣ въ дворцовой церкви. Собственную семью протопопъ также перевезъ современемъ въ Москву и окончательно устроился здѣсь своимъ домомъ.

Домъ этотъ и въ Москвѣ носилъ тотъ же характеръ, что прежде въ Лопатицахъ. Личная жизнь Аввакума и теперь оставалась тѣмъ же безпрерывнымъ молитвеннымъ подвигомъ, слабое понятіе о которомъ можетъ дать слѣдующій примѣръ. Ежедневно, послѣ вечерни, поужинавъ и собираясь отходить ко сну, протопопъ совершалъ «правило», состоявшее изъ цѣлаго ряда молитвъ, сопровождаемыхъ земными поклонами. Окончивъ это правило и потушивъ огонь, онъ вновь становился на молитву и уже впотьмахъ совершалъ «300 поклоновъ, 600 молитвъ Іисусовыхъ, да 100 Богородицѣ»; жена его, молясь съ нимъ вмѣстѣ, полагала 200 поклоновъ и произносила 400 молитвъ. Строгій образъ жизни, рѣзкія поученія и въ Москвѣ создали Аввакуму репутацію священника строгой нравственности, и въ результатѣ къ нему стали приводить на исцѣленіе такъ называемыхъ бѣсноватыхъ, названіе, подъ которымъ обобщалось много различныхъ болѣзней, начиная съ острыхъ разстройствъ нервной системы и кончая

сумасшествіемъ. Иногда по нѣсколько этихъ несчастныхъ одновременно жило въ домѣ протопопа, который лечилъ ихъ молитвой и святой водой, а въ экстренныхъ случаяхъ и «смирялъ» побоями. Но всѣ эти занятія далеко не поглощали теперь всецѣло его времени и вскорѣ отступили даже на задній планъ передъ болѣе важными.

Время переселенія Аввакума въ Москву какъ разъ совпало съ началомъ серьезнаго выступленія Неронова и его пріятелей на почвѣ исправленія церковной жизни. Собственно, уже самая разсылка нѣкоторыхъ членовъ кружка на протопопіи въ провинціальные города была своего рода попыткой пропаганды взглядовъ кружка, но эта попытка не имѣла большого успѣха. Ея неудача не ослабила однакоже энергіи кружка и не подорвала его дѣятельности въ самой Москвѣ. Напротивъ, она, повидимому, лишь усилила его рвеніе къ исправленію церковныхъ неустройствъ и, въ частности, чина церковной службы. Особенно рѣзко выступалъ въ этомъ случаѣ Нероновъ: онъ не только самъ служилъ единогласно, но и другихъ всячески увѣщевалъ къ тому же. Дѣятельную поддержку нашелъ онъ у Никона, который у себя въ Новгородѣ завелъ единогласное служеніе и партесное пѣніе и, пріѣзжая въ Москву со своими выписанными изъ Кіева пѣвчими, служилъ въ присутствіи царя именно такъ, какъ этого требовали протопопы. За то противъ послѣднихъ возстало низшее московское духовенство, которое увидало въ единогласіи новшество, нарушающее древній чинъ службы, а, слѣдовательно, посягающее и на правовѣріе. Такое отожествленіе обряда съ вѣрой ярко выступило въ страстныхъ жалобахъ московскихъ поповъ на Неронова. Одинъ изъ наиболѣе ревностныхъ защитниковъ многогласія, не успѣвъ въ своихъ доводахъ въ его пользу, предлагалъ для рѣшенія спора бросить жребій съ Нероновымъ: «и буде его вѣра права, и онъ и всѣ учнутъ пѣть и говорить», какъ того требуетъ Нероновъ. Не менѣе рѣзкія нападки вызывалъ и вводившійся Нероновымъ съ товарищами обычай говорить проповѣди въ церкви. «Заводите вы, ханжи,—говорили попы — ересь новую — единогласное пѣніе и людей въ церкви учите, а мы людей прежъ сего въ церкви не учивали, а учивали ихъ втайнѣ». Самъ патріархъ Іосифъ, повидимому, впрочемъ, не столько по убѣжденію, сколько въ силу личныхъ отношеній, былъ противъ дѣйствій протопоповъ, и лишь дружнымъ усиліямъ послѣднихъ, поддержанныхъ новгородскимъ митрополитомъ и царемъ, удалось одержать побѣду въ этомъ вопросѣ. Въ данномъ случаѣ Нероновъ и его товарищи выступили, такимъ образомъ, на путь возстановленія обрядовой чистоты церковнослуженія, устраняя вошедшія въ него съ теченіемъ времени искаженія. Но на этомъ пути они скоро встрѣтились съ людьми, заставившими ихъ занять совершенно иную позицію.

Еще въ 1649 году бояринъ Ртищевъ пригласилъ въ устроенный имъ

въ Москвѣ Андреевскій монастырь нѣсколько ученыхъ иноковъ изъ Кіева, во главѣ которыхъ стоялъ Епифаній Славинецкій, «въ философіи и богословіи изящный дидаскалъ и искуснѣйшій въ еллиногреческомъ и славенскомъ діалектахъ». Пріѣхавши въ Москву, кіевскіе монахи немедленно открыли здѣсь школу при Андреевскомъ монастырѣ, въ которую стараніями того же Ртищева собраны были ученики. Уже самое существованіе этой школы шло въ разрѣзъ съ установившимися московскими преданіями: въ ней преподавали «еллинскую мудрость» — греческій языкъ, латынь, реторику, все науки, незнакомыя въ Москвѣ, чуждыя ея педагогическому обиходу. Передъ ними совершенно стушевывалась и блѣднѣла доморощенная мудрость московскихъ протопоповъ, еще недавно столь гордыхъ своимъ авторитетомъ.

Преподаваніемъ новыхъ наукъ не ограничилась къ тому же дѣятельность пріѣзжихъ ученыхъ. Приглядѣвшись къ московскимъ церковнымъ порядкамъ, они стали указывать въ нихъ множество неправильностей и ошибокъ, объясняя ихъ невѣжествомъ великорусскаго духовенства и противопоставляя ему духовныхъ малорусскихъ и греческихъ, причемъ послѣдніе равнымъ образомъ поддерживали ихъ доказательства. Сами кіевскіе старцы, дѣйствительно, держались не тѣхъ обычаевъ, что́ москвичи: крестились они тремя пальцами, многія молитвы читали и пѣли иначе, русскія церковныя книги называли исполненными ошибокъ и во всемъ этомъ ссылались на авторитетъ церкви греческой и малорусской, изъ которыхъ послѣдняя для многихъ москвичей представлялась равносильной польской, на греческія и латинскія книги. Отъ пріѣзжихъ иноковъ все громче слышались рѣчи объ отступленіи русской церкви отъ православныхъ обрядовъ, отъ чистой вѣры, и эти рѣчи заставляли серьезно призадумываться всѣхъ тѣхъ, до чьихъ ушей онѣ доходили. Прежде всего, конечно, это вліяніе новыхъ учителей должно было коснуться тѣхъ молодыхъ людей, которые были поручены имъ въ науку и посѣщали ихъ школу. Дѣйствіе, произведенное на нихъ взглядами и преподаваніемъ ихъ наставниковъ, было далеко не одинаково. Одни увлеклись новыми знаніями, открывшимися передъ ними, и, рѣшительно отвернувшись отъ доморощенныхъ авторитетовъ, стали со словъ своихъ преподавателей повторять, что протопопы Вонифатьевъ и Нероновъ «враки вракають, слушать у нихъ нечего, учатъ просто, сами ничего не знаютъ, чему учатъ». Но такъ взглянула на дѣло только часть молодежи. Другіе, напротивъ, говорили, что кіевскіе монахи «старцы недобрые и добраго ученья у нихъ нѣтъ»; въ ученіи кіевлянъ эти недовольные видѣли только опасную ересь, погибель для души: «кто по латыни научился, тотъ съ праваго пути совратился», говорили они между собою и тайкомъ извѣщали протопоповъ, что только неволя заставляетъ ихъ учиться у кіевскихъ старцевъ, а на дѣлѣ они этого ученья знать не хотятъ.

Такимъ образомъ уже съ самаго начала своей дѣятельности въ Москвѣ

малорусскіе монахи встали въ рѣзкій антагонизмъ съ кружкомъ велико-именитыхъ протопоповъ и обѣ стороны взглянули другъ на друга, какъ на враговъ. Такое отношеніе двухъ кружковъ, изъ которыхъ каждый думалъ заботиться о преобразованіи церковныхъ порядковъ въ смыслѣ возвращенія ихъ къ старинѣ, не заключало въ себѣ никакого недоразумѣнія; оно совершенно естественно и неизбѣжно вытекало изъ различія основныхъ принциповъ ихъ дѣятельности. Все дѣло было въ томъ, что въ этихъ кружкахъ рѣчь шла о совершенно различной старинѣ. Тогда какъ ученые малороссы ставили идеаломъ старину вселенскую и съ нею сравнивали современную имъ московскую дѣйствительность, протопопы говорили о старинѣ московской, которую они отожествляли со вселенской, находя ее къ тому же, за отсутствіемъ большихъ историческихъ свѣдѣній, въ очень недалекомъ прошломъ, а современную имъ практику всѣхъ другихъ православныхъ церквей заподозривали въ еретичествѣ. Изъ этого основного различія въ пониманіи цѣли вытекало далѣе и различіе средствъ. Малороссы считали неизбѣжнымъ ознакомленіе съ западной наукой; московскіе протопопы отвертывались отъ нея съ отвращеніемъ и искали опоры въ одной вѣрѣ; одни убѣждали въ необходимости историческаго изученія запутавшихся вопросовъ церковной обрядности и привлеченія для ихъ рѣшенія опыта вселенской православной церкви, другіе считали возможнымъ довольствоваться своими личными воспоминаніями и своей домашней литературой, отрицая опытъ иныхъ церквей, какъ неправовѣрный, и противопоставляя ихъ практикѣ свою. При такомъ различіи взглядовъ и положеній враждебныя отношенія между двумя кружками были неминуемы. Широкая программа очищенія обрядовъ русской церкви, выставленная кіевскими учеными, заставила кружокъ Вонифатьева и Неронова принять оборонительное положеніе, и въ отвѣтъ на упреки въ невѣжествѣ послышались обвиненія въ ереси. Среди московскаго духовенства поднимался все болѣе рѣзкій ропотъ противъ новшествъ, вводимыхъ пріѣзжими «хохлами». Обѣ стороны готовились помѣриться силами и ждали начала борьбы.

Пока живъ былъ слабый патріархъ Іосифъ, Нероновъ и Вонифатьевъ съ товарищами чувствовали силу на своей сторонѣ. Но 15 апрѣля 1652 года Іосифъ умеръ. Въ сущности вопроса о личности новаго кандидата на патріаршій престолъ не могло и возникнуть, такъ какъ онъ всецѣло разрѣшался всѣмъ извѣстною любовью царя къ Никону. Тѣмъ не менѣе кружокъ Неронова сдѣлалъ, кажется, попытку выставить кандидатуру человѣка, котораго онъ могъ бы съ полною и безусловною увѣренностью считать своимъ, именно протопопа Стефана Вонифатьева. Правда, разсказъ Аввакума, отъ котораго мы только и имѣемъ свѣдѣнія объ этой попыткѣ, нѣсколько спутанъ: въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что Нероновъ съ

пріятелями, въ томъ числѣ и самъ онъ, вмѣстѣ съ казанскимъ митрополитомъ Корниліемъ, подали царю челобитную съ просьбой назначить патріархомъ Вонифатьева, но послѣдній самъ отказался отъ этой чести и указалъ на Никона; въ другомъ же мѣстѣ Аввакумъ разсказываетъ, что протопопы. и самъ онъ въ числѣ ихъ, прямо просили о назначеніи патріархомъ Никона и были непосредственными виновниками этого назначенія. Трудно сказать, которая изъ этихъ двухъ версій справедливѣе, но общій смыслъ ихъ обѣихъ соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей, если только принять нѣкоторыя необходимыя ограниченія. Протопопы не были прямыми виновниками возведенія Никона въ санъ патріарха, такъ какъ намѣренія Алексѣя Михайловича на этотъ счетъ уже вполнѣ сложились безъ ихъ участія, но, зная эти намѣренія, они, въ полномъ-ли своемъ составѣ или въ лицѣ Вонифатьева, могли и съ своей стороны указать на Никона, разсчитывая такимъ способомъ дѣйствій обезпечить себѣ благодарность со стороны будущаго главы русской церкви. Тѣмъ легче могли они это сдѣлать, что Никонъ, хотя и не связанный съ ними тѣсными узами личной дружбы, былъ для нихъ все-таки въ извѣстной мѣрѣ своимъ человѣкомъ, тѣми же глазами, какъ и они, смотрѣвшимъ на русскую церковную жизнь, мечтавшимъ объ исправленіяхъ ея въ томъ же духѣ и направленіи. Поэтому протопопы и ихъ друзья могли разсчитывать и въ патріаршество Никона удержать ту власть и вліяніе въ церковныхъ дѣлахъ, какими они пользовались раньше. Если патріархъ Іосифъ подчинялся имъ, то отъ Никона они могли ждать, что онъ будетъ дѣйствовать совмѣстно съ ними во имя общей ихъ цѣли и, идя по одной съ ними дорогѣ, не захочетъ лишить себя ихъ поддержки.

Но на дѣлѣ эти ожиданія не оправдались. Крутой, самолюбивый и самовластный Никонъ менѣе всего способенъ былъ кому-либо подчиняться. Сознавая за собою сильную поддержку царя, онъ мечталъ самъ начать и вести дѣло церковныхъ исправленій. Къ тому же въ немъ зародилось и сомнѣніе на счетъ справедливости тѣхъ взглядовъ, которые онъ еще недавно раздѣлялъ съ московскими протопопами. Бесѣды съ пріѣзжавшими въ Москву греческими іерархами и собственное знакомство съ русскими церковными древностями убѣдили его, что нѣкоторые московскіе обычаи сами представляютъ новшество въ церковной жизни, противное и русской старинѣ, и современной вселенской практикѣ, а отсюда невольно уже появлялось сомнѣніе, дѣйствительно ли эта послѣдняя заражена такими ересями, какъ это думали на Руси, и не представляетъ ли она скорѣе источника, къ которому слѣдуетъ обратиться ради возстановленія истиннаго правовѣрія. Для непосредственной и страстной натуры Никона этого сомнѣнія оказалось достаточно, чтобы рѣшительно толкнуть его на другой путь. Сдѣлавшись патріархомъ, онъ уже не съ полнымъ довѣріемъ смотрѣлъ на дѣятельность

лицъ, окружавшихъ Неронова и Вонифатьева. Онъ сталъ прислушиваться и къ другимъ голосамъ, раздававшимся изъ кружка малороссовъ, ближе сошелся съ Епифаніемъ Славинецкимъ и скоро окончательно перешелъ на сторону кіевскихъ ученыхъ, рѣшивъ привлечь къ дѣлу церковнаго исправленія опытъ иныхъ церквей. Съ этой минуты въ его рукахъ самое дѣло исправленія церковныхъ обрядовъ приблизилось къ ихъ реформѣ. Это измѣненіе программы повлекло за собою и соотвѣтственное измѣненіе способа дѣйствій патріарха: начатое при Іосифѣ дѣло исправленія церковныхъ книгъ было поставлено на новыхъ основаніяхъ, іосифовскіе справщики книгъ, набранные изъ русскаго духовенства, были удалены отъ должности, а на ихъ мѣсто назначенъ начальникомъ печатнаго двора Славинецкій, вокругъ котораго собрана была коммиссія изъ ученыхъ кіевскихъ монаховъ.

Въ такихъ дѣйствіяхъ патріарха протопопы должны были увидѣть личную измѣну прежняго пріятеля, но вмѣстѣ съ тѣмъ эта измѣна пріобрѣтала для нихъ особенное значеніе, благодаря той почвѣ, на которой она совершилась. Патріархъ предпочелъ чуждую науку русскому правовѣрію, сошелся съ еретиками, которыхъ самъ прежде хулилъ, очевидно, онъ готовится внести ересь въ русскую церковь. Такое впечатлѣніе породили дѣйствія Никона въ его бывшихъ пріятеляхъ и единомышленникахъ, и они съ враждебною подозрительностью смотрѣли на патріарха, готовясь увидѣть въ его дальнѣйшихъ распоряженіяхъ признаки еретической новизны. Ожиданія и не замедлили оправдаться.

Великимъ постомъ 1653 года Никонъ разослалъ по церквамъ указъ не творить земныхъ поклоновъ въ четыредесятницу, исключая лишь четырехъ большихъ при чтеніи молитвы Ефрема Сирина, и креститься тремя перстами, а не двумя. Для подозрительно и враждебно настроеннаго кружка Неронова этотъ указъ явился началомъ ожидавшейся «еретической зимы». «Мы же задумалися, сошедшеся между собою,—разсказывалъ впослѣдствіи Аввакумъ—видимъ, яко зима хощетъ быти: сердце озябло и ноги задрожали. Нероновъ мнѣ приказалъ церковь, а самъ единъ сокрылся въ Чудовъ,—седмицу въ палаткѣ молился. И тамъ ему отъ образа гласъ бысть во время молитвы: время приспѣ страданія! Подобаетъ вамъ неослабно страдати!» Сильный ропотъ поднялся среди всего кружка Неронова. Аввакумъ и Даніилъ задумали выступить съ протестомъ и, составивъ «выписку» о поклонахъ и о крестномъ знаменіи, подали ее Алексѣю Михайловичу. Этотъ шагъ не имѣлъ послѣдствій, но и протопопы рѣшили не подчиняться распоряженіямъ патріарха и, не стѣсняясь, громко осуждали ихъ. Между двумя партіями завязывалась рѣшительная борьба и какъ характеры лицъ, принявшихъ въ ней участіе, такъ и глубокое различіе борющихся сторонъ должны были сдѣлать ее упорной и ожесточенной.

Никонъ былъ не такимъ человѣкомъ, чтобы оставить безъ отвѣта бро-

шенный ему вызовъ на борьбу и смиренно проглотить оскорбленіе. Рѣшивъ показать противникамъ свою власть, онъ выжидалъ для этого только удобнаго случая, который скоро ему и представился. Въ іюнѣ того же года пришелъ отъ муромскаго воеводы доносъ на тамошняго протопопа Лонгина, будто онъ хулитъ иконы и ликъ Спасовъ. Обвиненіе было вздорное, но оно пригодилось Никону, и онъ, распорядившись отдать Лонгина за «жестокаго пристава», созвалъ для суда надъ нимъ соборъ изъ низшихъ духовныхъ властей—архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ. На этомъ соборѣ разразилось уже открытое столкновеніе между патріархомъ и Нероновымъ съ товарищами. Послѣдніе горячо вступились за Лонгина, доказывая, что Никонъ не имѣлъ права подвергать его такому тяжелому наказанію, особенно до полнаго разслѣдованія дѣла. Всѣхъ ревностнѣе выступилъ на защиту муромскаго протопопа самъ Нероновъ, который попутно подвергъ рѣзкой критикѣ всѣ дѣйствія патріарха. «Прежде сего—говорилъ онъ Никону—ты имѣлъ совѣтъ съ протопопомъ Стефаномъ (Вонифатьевымъ), и на домъ ты къ протопопу Стефану часто пріѣзжалъ, и о всякомъ дѣлѣ совѣтовалъ, когда ты былъ въ игуменахъ, въ архимандритахъ и въ митрополитахъ, и которые боголюбцы посланы государемъ блаженныя памяти къ патріарху Іосифу, чтобы ему поставити по его государеву совѣту овыхъ въ митрополиты и въ архіепископы и епископы, иныхъ въ архимандриты, игумены и протопопы, а съ государевымъ духовникомъ Стефаномъ ты тогда былъ въ совѣтѣхъ, и не прекословилъ нигдѣ, и на поставленіи ихъ не говорилъ: анаксіосъ, а нынѣ у тебя тѣ же люди недостойны стали, и протопопъ Стефанъ за что тебѣ врагъ сталъ? Вездѣ ты его поносишь и укоряешь, а друзей его раззоряешь, протопоповъ и поповъ съ женами и дѣтьми разлучаешь: доселѣ ты другъ намъ былъ, а нынѣ на насъ возсталъ». По словамъ раздраженнаго протопопа, Никонъ всему вѣрилъ, въ чемъ бы ни обвиняли ихъ друзей, повторяя: «такъ-де они дѣлаютъ, такіе-де нечестивые, а Стефанъ-де протопопъ и Іоаннъ имъ ворамъ потакаютъ»... При всемъ преобладаніи въ этой критикѣ личныхъ мотивовъ, за ними слышался и болѣе общій протестъ, направленный не противъ какихъ-либо отдѣльныхъ дѣйствій Никона, а противъ всей принятой имъ системы, противъ замѣны благовѣрныхъ московскихъ людей «иностранными иноками, ересей вводителями», и такой протестъ не могъ быть удовлетворенъ частичными уступками.

Но Никонъ въ свою очередь и не думалъ объ уступкахъ. Разъ рѣшивъ смирить непокорныхъ силою своей власти, онъ уже не отступалъ отъ избраннаго плана и, по мѣрѣ того, какъ протестъ разгорался и въ немъ принимали участіе новыя лица, на ихъ головы обрушивались жестокія кары, направляемыя рукой патріарха. Нероновъ первый поплатился за свою смѣлость: сперва онъ лишенъ былъ скуфьи и заточенъ въ Симоновъ монастырь,

а затѣмъ, 4 августа 1653 года, отправленъ въ Вологду, въ Спасокаменный монастырь. Его приверженцы рѣшились попытать еще средство отстоять своего вождя и вмѣстѣ спасти отъ гибели свое дѣло и съ этою цѣлью подали царю челобитную о возвращеніи Неронова изъ ссылки, написанную протопопомъ Аввакумомъ. Послѣдній въ этотъ моментъ вообще выдвигается впередъ и даже пытается послѣ удаленія Неронова руководить дѣятельностью всего кружка: его пламенная энергія, горячее убѣжденіе въ правотѣ защищаемаго дѣла и способность умѣлой пропаганды вмѣстѣ съ готовностью идти до послѣдней крайности въ значительной степени оправдывали такія притязанія, выдѣляя его изъ среды товарищей по кружку.

Далеко не всѣ члены кружка и сторонники Неронова склонны были, однако, признать Аввакума своимъ вождемъ. Въ глазахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ начало гоненія на кружокъ протопоповъ явилось преддверіемъ предсказаннаго въ Кирилловой книгѣ отпаденія русской церкви отъ правовѣрія, но у другихъ еще преобладало примирительное настроеніе и нежеланіе доходить до безусловнаго разрыва съ главой русской церкви, къ чему явно велъ протопопъ. Попы Казанскаго собора, гдѣ онъ замѣнилъ было Неронова, рѣшительно отказались признать его главенство, будучи особенно недовольны тѣмъ, что онъ въ своихъ поученіяхъ народу «много лишняго говорилъ», крайне рѣзко нападая на распоряженія церковныхъ властей, и предложили ему служить въ соборѣ по очереди, на правахъ товарищества. Напрасно Аввакумъ ссылался на свой санъ протопопа и на то, что ему Нероновъ, уѣзжая, поручилъ церковь; попы отвѣчали, что протопопъ онъ въ Юрьевцѣ, а не въ Москвѣ, что же касается Неронова, то онъ имъ ничего не говорилъ на счетъ подчиненія Аввакуму. Тогда послѣдній, раздраженный и оскорбленный, удалился изъ собора, отказавшись отъ всякихъ сношеній съ его священниками, и отправился въ домъ Неронова. Тамъ рѣшилъ онъ отбывать церковныя службы и сторонники его убѣждали народъ собираться къ нему, замѣчая по адресу казанскихъ поповъ, что «въ иную пору и конюшня лучше церкви бываетъ».

Но положеніе главы протестующаго кружка принятое на себя Аввакумомъ среди начавшейся борьбы, навлекало на него неизбѣжную месть со стороны патріарха, котораго извѣщали обо всѣхъ его дѣйствіяхъ. 13-го августа, въ субботу, когда Аввакумъ собрался «съ братіею о Господѣ побдѣти» въ сушилѣ въ Нероновскомъ домѣ, служба была прервана появленіемъ патріаршаго боярина Бориса Нелединскаго со стрѣльцами. Протопопа арестовали и отвезли на патріаршій дворъ, гдѣ его приковали на цѣпь и такъ продержали до утра. Утромъ, все съ цѣпью на шеѣ, его посадили въ телѣгу, отвезли въ Андроньевъ монастырь и тамъ посадили на цѣпь въ темномъ погребѣ. Три дня и три ночи держали здѣсь протопопа, не давая ему ни пищи, ни воды; только на третій день нашелся какой-то

добрый человѣкъ, который тайно принесъ Аввакуму щей и хлѣба, и въ воображеніи узника онъ представлялся не то человѣкомъ, не то ангеломъ. На четвертый день вывели Аввакума изъ погреба и архимандритъ съ братіею стали уговаривать его подчиниться патріарху, но не имѣли успѣха. Перенесенныя истязанія, не сломивъ протопопа, лишь утвердили его въ мысли, что онъ страждетъ за правую вѣру. «Журятъ мнѣ,—разсказываетъ самъ онъ—что патріарху не покорился, а я отъ писанія его браню да лаю». Видя безуспѣшность первыхъ своихъ попытокъ, монастырскія власти отдали протопопа подъ начало, осудивъ его тѣмъ на цѣлый рядъ физическихъ и нравственныхъ мученій. «У церкви за волосы дерутъ,—вспоминалъ впослѣдствіи Аввакумъ—и подъ бока толкаютъ, и за чѣпь торгаютъ, и въ глаза плюютъ». Четыре недѣли провелъ Аввакумъ въ такомъ искусѣ и невеселыя вѣсти доходили до него за это время черезъ монастырскія стѣны. Слышалъ онъ, что и другіе члены недавно еще столь сильнаго кружка подверглись гоненію, что протопопъ костромской Даніилъ сосланъ въ Астрахань, протопопъ темниковскій Даніилъ заточенъ въ Новоспасскій монастырь, Логгинъ разстриженъ, но были вѣсти и еще болѣе безотрадныя. Не всѣ единомышленники Аввакума въ одинаковой степени обладали твердостью духа, необходимой для того, чтобы безтрепетно выдержать гоненіе, и въ монастырь, гдѣ подъ строгимъ началомъ содержался узникъ, дошелъ слухъ, что самый видный послѣ Неронова и наиболѣе вліятельный по близости своей къ царю пріятель его, протопопъ Вонифатьевъ, «ослабѣлъ», не стоитъ уже такъ сильно за правую вѣру, не ратуетъ противъ Никона. Но какъ истязанія и надругательства, къ которымъ Аввакумъ привыкъ еще въ первые годы своей дѣятельности, такъ и общее гоненіе на единомышленниковъ и отступничество нѣкоторыхъ изъ нихъ, смущая и опечаливая его духъ, не могли все же отвлечь его отъ того, что онъ считалъ своимъ подвигомъ. Въ немъ и теперь сказалась та же твердая воля аскета, неспособная отступить передъ мученіями, какую онъ обнаруживалъ и раньше, только теперь измѣнилось его отношеніе къ мучителямъ, и уже не благословеніями отвѣчалъ онъ на истязанія: убѣжденный въ томъ, что онъ защищаетъ православную вѣру отъ готовой поглотить ее ереси, онъ не жалѣлъ рѣзкихъ обличеній, проклятій и брани по адресу еретиковъ—патріарха Никона и его помощниковъ.

Прошло четыре недѣли и снова повезли Аввакума, прикованнаго къ телѣгѣ, на патріаршій дворъ для увѣщанія. Но эта новая попытка склонить его къ покорности окончилась новою неудачею и Никонъ, увидѣвъ, что ему не удастся сломить духъ юрьевецкаго протопопа, рѣшился примѣнить къ нему крайнія мѣры, бывшія въ его распоряженіи,—лишеніе сана и ссылку. 15 сентября 1653 года Аввакума привезли изъ Андроньева монастыря въ Успенскій соборъ и собирались уже приступить къ обряду ра-

стриженія его, когда за него вступился самъ царь. Алексѣй Михайловичъ вполнѣ ввѣрился Никону въ церковныхъ дѣлахъ и отстранялъ всѣ протесты противъ него, но не могъ еще всецѣло отказаться и отъ прежнихъ своихъ симпатій. Съ Аввакумомъ его сверхъ того соединяла личная привязанность, къ стойкому протопопу расположена была и царица Марья Ильинишна, вообще склонная къ старинѣ, наконецъ, за него могъ ходатайствовать и другъ его Вонифатьевъ, еще сохранившій отчасти свое вліяніе на царя. Поэтому-то, когда Аввакума готовились уже разстригать, Алексѣй Михайловичъ сошелъ съ своего царскаго мѣста и, подойдя къ патріарху, сталъ упрашивать его избавить мятежнаго протопопа отъ этого униженія. Уговоры царя подѣйствовали на Никона, разстриженіе Аввакума было отмѣнено и по отношенію къ нему ограничились одной ссылкой въ Сибирь. Его отвели изъ собора въ Сибирскій приказъ и черезъ нѣсколько дней вмѣстѣ съ семьей отправили въ Тобольскъ.

Такъ закончился второй періодъ жизни Аввакума, тотъ краткій періодъ, когда онъ, живя въ Москвѣ, пользовался сравнительнымъ спокойствіемъ, благодаря тому, что окружавшая его обстановка находилась въ полной гармоніи съ его настроеніемъ и взглядами. Послѣ непродолжительнаго отдыха для него опять наступала пора борьбы и страданій. Но теперь и эта борьба, и эти страданія получали въ сознаніи самого Аввакума и значительной части современнаго ему общества новое значеніе. Если раньше онъ боролся противъ слабостей и грѣховъ міра, искореняя ихъ во имя идеаловъ высшей, духовной жизни, если тогда онъ могъ стоять на почвѣ для всѣхъ равно обязательной морали родной старины и только временами, случайно сталкивался съ отголосками иныхъ умственныхъ теченій, то теперь онъ сталъ лицомъ къ лицу съ движеніемъ, исходившимъ изъ началъ, противоположныхъ его собственнымъ, и его дѣятельность, переходя съ частной почвы на общую, пріобрѣтала значеніе защиты цѣлаго направленія, охраны родного правовѣрія отъ угрожавшихъ ему чужеземныхъ новшествъ. Присущія Аввакуму личныя качества выдвинули его на одно изъ первыхъ мѣстъ въ этой борьбѣ и въ ея зловѣщемъ освѣщеніи его собственная личность—личность человѣка, гонимаго за убѣжденія,—выростала до размѣровъ апостола и мученика. Ссылкой въ Тобольскъ для Аввакума, дѣйствительно, открылся долголѣтній подвигъ страданія за проповѣдуемыя имъ идеи, надѣвшій на него мученическій вѣнецъ и поставившій его на одно изъ первыхъ и самыхъ почетныхъ мѣстъ въ ряду апостоловъ раскола.

III.

Тринадцать недѣль везли сосланнаго протопопа съ семьею до Тобольска и немало нужды и лишеній пришлось имъ вытерпѣть на этомъ длинномъ пути. Между прочимъ жена Аввакума въ дорогѣ родила ребенка и ее больную везли дальше въ телѣгѣ. Но по прибытіи на мѣсто судьба Аввакума измѣнилась къ лучшему, благодаря сочувствію, встрѣченному имъ здѣсь со стороны епархіальнаго начальства. Архіепископъ тобольскій Симеонъ, самъ втайнѣ сочувствовавшій тому протесту противъ новшествъ, однимъ изъ дѣятелей котораго выступилъ Аввакумъ, склоненъ былъ видѣть въ послѣднемъ не ссыльнаго, а неповиннаго страдальца, притомъ пользующагося всѣми правами священническаго сана, съ него не сложеннаго. Такое отношеніе возвращало протопопу возможность свободной и безпрепятственной дѣятельности. Симеонъ далъ ему церковь и онъ вновь выступалъ передъ обществомъ облеченный авторитетомъ своего сана, признаннаго церковной іерархіей, выступалъ съ ничѣмъ не стѣсняемою проповѣдью. Такимъ положеніемъ Аввакумъ какъ нельзя лучше и воспользовался для пропаганды своихъ идей, «браня отъ писанія и укоряя ересь Никонову». Въ далекую Сибирь съ нимъ впервые проникала вѣсть о волненіяхъ, происшедшихъ въ русской церкви, и въ его устахъ эта вѣсть принимала, конечно, характеръ предупрежденія о появившейся ереси, соединеннаго съ рѣзкимъ ея обличеніемъ. Послѣднее и само по себѣ могло уже произвести свое дѣйствіе на общество, строившее свое міровоззрѣніе по преимуществу на религіозныхъ началахъ, но это дѣйствіе еще усиливалось, благодаря ореолу подвижничества, окружавшему личность проповѣдника. И горячая, дышавшая глубокимъ убѣжденіемъ проповѣдь Аввакума, на самомъ дѣлѣ, многихъ привлекала къ нему и вооружала противъ дѣйствій Никона, какъ направленныхъ къ внесенію новшествъ въ русскую церковь и къ искаженію чистоты ея правовѣрія.

Дѣятельность ссыльнаго протопопа въ Тобольскѣ не исчерпывалась, впрочемъ, однимъ протестомъ противъ патріаршихъ реформъ въ дѣлѣ церковныхъ обрядовъ и сообразно этому происходила не только на почвѣ убѣжденія и проповѣди. Положеніе, занятое теперь Аввакумомъ, хотя бы и въ силу лишь случайно сложившихся благопріятно для него обстоятельствъ, давало ему во всякомъ случаѣ въ руки власть, позволявшую проводить въ жизнь идеалы положительнаго характера путемъ непосредственнаго воздѣйствія на общество, и не такой человѣкъ былъ Аввакумъ, чтобы не воспользоваться этою возможностью. Смотря на себя, какъ на носителя идей, освященныхъ всѣмъ авторитетомъ церкви и потому составляющихъ непреложныя истины, и вмѣстѣ, какъ на представителя духовной іерархіи, обладающей широкою властью надъ обществомъ, онъ ставилъ извѣстныя тре-

бованія къ окружающимъ во имя своихъ нравственныхъ идеаловъ, вооружаясь для ихъ защиты какъ духовнымъ авторитетомъ, такъ подчасъ и прямо матеріальной силой. Защищать же было что, такъ какъ на далекой сибирской окраинѣ жизнь значительной части общества еще менѣе укладывалась въ строгія рамки нравственности, чѣмъ въ центральныхъ областяхъ государства. Аввакумъ не замедлилъ повести дѣятельную борьбу съ проявленіями нравственной распущенности общества и эта борьба скоро познакомила жителей Тобольска съ личностью протопопа.

Уѣхалъ какъ-то архіепископъ въ Москву и въ его отсутствіе произошло столкновеніе между Аввакумомъ и архіепископскимъ дьякомъ Иваномъ Струной. Послѣдній за что-то придрался къ дьячку Аввакумовой церкви и «мучить напрасно похотѣлъ» его, но тотъ убѣжалъ и спасся въ церковь. Струна, собравъ людей, послѣдовалъ за нимъ и туда и, ворвавшись въ церковь во время вечерни, схватилъ стоявшаго на клиросѣ дьячка за бороду. Тогда Аввакумъ покинулъ службу, заперъ церковныя двери, такъ что пришедшіе со Струною люди не могли войти въ храмъ, и, принявшись вмѣстѣ съ дьячкомъ за самого Струну, «посадилъ его среди церкви на полу и за церковный мятежъ постегалъ его ремнемъ нарочито-таки» и уже послѣ того, принявъ отъ него покаяніе, отпустилъ его домой. Эта выходка не прошла даромъ не въ мѣру рьяному протопопу: родственники Струны возмутили противъ него населеніе города и въ ту же ночь пыталась вломиться во дворъ Аввакума, грозя схватить его и утопить. Только случай спасъ Аввакума, но и послѣ того ему долго еще приходилось прятаться отъ раздраженныхъ враговъ и даже не ночевать дома изъ опасенія новаго нападенія. «Мучился я, отъ нихъ бѣгаючи,—разсказываетъ самъ онъ—съ мѣсяцъ тайно: иное въ церкви ночую, иное уйду къ воеводѣ. Княгиня меня въ сундукъ посылала,—я-де, батюшка, надъ тобою сяду, какъ-де придутъ тебя искать къ намъ; и воевода отъ нихъ, мятежниковъ, боялся, лишь плачетъ, на меня глядя. Я уже и въ тюрьму просился,—нно не пустятъ». Наконецъ, возвращеніе архіепископа избавило Аввакума отъ гнета постояннаго страха. Симеонъ, найдя протопопа совершенно правымъ, за его дѣло и еще за другой проступокъ приказалъ посадить Струну на цѣпь. Дьякъ однако ушелъ отъ этого наказанія и явился къ воеводѣ съ доносомъ на Аввакума, сказавъ на него «слово и дѣло государево», а воеводы отдали Струну за пристава сыну боярскому Петру Бекетову. Это вмѣшательство свѣтской власти вновь измѣнило положеніе дѣла и тогда архіепископъ, подумавъ съ Аввакумомъ, избралъ иной путь для наказанія непокорнаго дьяка и на недѣлѣ православія предалъ его проклятію въ церкви.

Такой непреклонный ригоризмъ, не останавливающійся ни передъ какими средствами, равно готовый дѣйствовать духовнымъ и матеріальнымъ

оружіемъ, но неспособный на уступки и подчиненіе, могъ вызывать недовольство, рѣзкій протестъ и насмѣшки со стороны окружающихъ, но могъ и подчинять ихъ своему вліянію. Даже наиболѣе грубыя средства, пускавшіяся въ ходъ Аввакумомъ, иногда производили свое дѣйствіе среди некультурной обстановки. Пришелъ къ нему однажды пьяный монахъ, извѣстный всему городу своимъ буйствомъ, и сталъ кричать подъ окномъ: «учитель! дай мнѣ скоро царствіе небесное»! Аввакумъ сперва терпѣлъ насмѣшку, но, видя, что «искуситель» неотступенъ, позвалъ его въ избу и спросилъ: «можешь ли пить чашу, которую я тебѣ поднесу»? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ приказалъ поставить посреди избы столъ, принести топоръ и сдѣлать толстый канатный шелепъ, а самъ, взявъ книгу, сталъ читать чернецу отходную. Задумался монахъ, увидавъ такія приготовленія, но все же по приказу протопопа положилъ голову на столъ и тотчасъ же пономарь нанесъ ему ударъ шелепомъ по шеѣ. Закричалъ монахъ отъ боли, хмѣль съ него соскочилъ, а бѣжать отъ суровой расправы некуда, и сталъ онъ просить пощады у протопопа, павъ передъ нимъ на колѣни. Аввакумъ назначилъ ему эпитимію, велѣлъ положить полтораста поклоновъ передъ образомъ, и въ то время, какъ монахъ отвѣшивалъ поклоны, пономарь сзади угощалъ его шелепомъ. «Да уже насилу дышать сталъ,—разсказываетъ протопопъ—такъ его употчивалъ пономарь. Вижу я, яко довлѣетъ благодати Господни: въ сѣни его пустили отдохнуть и дверь не затворили. Бросился онъ изъ сѣней, да и черезъ заборъ, да и бѣгомъ. Пономарь кричитъ въ слѣдъ: отче, отче! манатью и клобукъ возьми. Онъ же отвѣща: горите вы и со всѣмъ»! Оригинальное средство доставленія царствія небеснаго не осталось однако безъ результата: черезъ мѣсяцъ монахъ явился къ Аввакуму уже трезвый просить прощенія, получилъ его и съ тѣхъ поръ всегда, встрѣчаясь съ протопопомъ, кланялся еще издали ему въ землю, да и своего архимандрита и братію сталъ почитать, такъ что даже сами воеводы Тобольска были благодарны Аввакуму за усмиреніе никому до тѣхъ поръ не покорявшагося инока.

Суровый протопопъ не только въ прямой борьбѣ употреблялъ однако такія средства, не только на непосредственный протестъ въ видѣ насилія или вызывающей насмѣшки отвѣчалъ силой, но практиковалъ послѣднюю и какъ средство проповѣднической и учительской дѣятельности. Случилось ему разъ застать на грѣхѣ мужчину съ женщиной и, не добившись покаянія, онъ свелъ ихъ въ приказъ къ воеводамъ. «Тѣ къ тому дѣлу милостивы,—съ негодованіемъ замѣчаетъ Аввакумъ—смѣхомъ дѣлають: мужика, постегавъ маленько, и отпустилъ, а ее мнѣ жь подъ началъ и отдалъ, смѣючись». Не такъ милостивъ оказался самъ протопопъ. Онъ посадилъ присланную къ нему женщину въ холодное подполье и трое сутокъ держалъ ее тамъ, въ темнотѣ и на морозѣ, не давая пищи, пока

наконецъ грѣшница съ крикомъ стала каяться и просить помилованія, такъ что ея вопли мѣшали протопопу совершать обычное ночное правило. Тогда онъ велѣлъ вывести ее и спросилъ: «хочешь ли вина и пива» «Нѣтъ, государь,—дрожа, отвѣчала женщина—не до вина стало! Дай, пожалуйста, кусочекъ хлѣбца». Услыхавъ такой отвѣтъ, Аввакумъ обратился къ ней съ увѣщаніемъ: «разумѣй, чадо, похотѣніе то блудное пища и питіе рождаетъ въ человѣкѣ, и ума недостатокъ, и къ Богу презорство, и безстрашіе», а затѣмъ далъ ей четки и приказалъ класть поклоны. Истомленная трехдневнымъ постомъ женщина упала среди этихъ поклоновъ и тогда Аввакумъ велѣлъ пономарю бить ее все тѣмъ же пресловутымъ шелепомъ. «И плачу передъ Богомъ, а мучу», прибавляетъ онъ и такъ заканчиваетъ свое повѣствованіе объ этомъ случаѣ: «начала много далъ, да и отпустилъ. Она и паки за тотъ же промыслъ, сосудъ сатанинъ»! Этотъ неожиданный для протопопа конецъ нимало не поколебалъ, впрочемъ, его вѣры въ спасительность «начала», производимаго при помощи шелепа.

Полтора года провелъ такимъ образомъ Аввакумъ въ Тобольскѣ, строго наблюдая за нравственностью и правовѣріемъ своихъ прихожанъ, наставляя однихъ, обличая другихъ, наказывая третьихъ, словомъ и дѣломъ осуществляя свой идеалъ подвижнической жизни. Дѣятельность эта принесла свои плоды: не только въ самомъ Тобольскѣ, но и за предѣлами его, въ окрестныхъ деревняхъ, носилась молва о благочестивомъ протопопѣ. Къ нему шли люди за поученіемъ и совѣтомъ въ вопросахъ вѣры, къ нему вели на исцѣленіе бѣсноватыхъ и въ его домѣ и теперь, какъ нѣкогда въ Лопатицахъ, а потомъ въ Москвѣ, постоянно было нѣсколько такихъ больныхъ, которыхъ онъ лечилъ молитвой и постомъ. Вокругъ самого Аввакума собрался кружокъ людей, рѣшившихся, подъ вліяніемъ поученій протопопа, отказаться отъ міра и посвятить себя Богу. Домъ протопопа съ постоянно совершавшимися въ немъ моленіями, правилами, всенощными бдѣніями и т. п. представлялъ изъ себя образецъ обрядоваго благочестія и привлекалъ всѣхъ любителей и ревностныхъ поклонниковъ обрядности, формировавшихся здѣсь окончательно въ ея фанатиковъ подъ вліяніемъ примѣра и проповѣди хозяина. Въ этомъ кружкѣ ближайшихъ учениковъ на Аввакума смотрѣли, какъ на великаго страдальца и непогрѣшимаго учителя, и, видя въ немъ прямого руководителя къ спасенію, одного изъ немногихъ людей, могущихъ охранить грѣшное человѣчество отъ бѣсовскихъ козней, старались безпрекословно выполнять всѣ его требованія, трепеща передъ его осужденіемъ. Какъ силенъ былъ такой страхъ учениковъ передъ нимъ, можетъ показать слѣдующій примѣръ. Была въ числѣ домочадцевъ Аввакума дѣвушка Анна, прежде служившая у одного изъ тобольскихъ жителей, но затѣмъ отпущенная хозяиномъ къ протопопу,

когда поученія послѣдняго зажгли въ ней желаніе остаться дѣвушкою и посвятить себя Богу. Нѣсколько времени она прожила спокойно въ домѣ Аввакума, но затѣмъ безпрестанная молитва утомила ее, не давая полнаго душевнаго удовлетворенія, а между тѣмъ она еще раньше любила своего хозяина и теперь заглушенная было любовь вспыхнула съ новою силой. Аввакумъ съумѣлъ подавить этотъ порывъ и удержать дѣвушку, но, когда онъ уѣхалъ изъ Тобольска, Анна таки не вынесла аскетическаго подвига и вышла замужъ за бывшаго своего хозяина. Восемь лѣтъ прожила она съ мужемъ, двухъ дѣтей уже имѣла, какъ пронеслась вѣсть, что Аввакумъ опять будетъ проѣзжать черезъ Тобольскъ. Анна отпросилась у мужа, за мѣсяцъ до пріѣзда Аввакума постриглась въ монахини и, явившись къ протопопу уже черницей, вымолила у него прощеніе и вновь вступила въ число его домочадцевъ.

Но та самая дѣятельность, которая такъ привязывала къ Аввакуму однихъ, обращая ихъ въ его покорныхъ учениковъ, возстановляла противъ него другихъ. Его рѣзкія проповѣди и обличенія задѣвали черезчуръ много интересовъ и не могли не вызывать сильнаго отпора, постоянныя же столкновенія съ окружающими создавали вокругъ него массу враговъ. На протопопа пошли жалобы, за полтора года «пять словъ государевыхъ» сказывали на него, и, наконецъ, слухи объ его энергичной пропагандѣ противъ новшествъ патріарха дошли до Москвы. Оттуда присланъ былъ указъ— ѣхать Аввакуму дальше въ ссылку на Лену. Одновременно съ этимъ получилъ онъ изъ столицы извѣстіе, что два его брата, жившіе во дворцѣ, равно какъ ихъ жены и дѣти, умерли во время мора, бывшаго передъ тѣмъ въ Россіи. Съ стѣсненнымъ сердцемъ поѣхалъ протопопъ въ назначенную ссылку, а уже въ Енисейскѣ засталъ его новый указъ, повелѣвавшій ему ѣхать въ Даурію съ отправлявшимся туда подъ начальствомъ воеводы Аѳанасія Пашкова военнымъ отрядомъ. Пашковъ получилъ порученіе искать въ Даурской землѣ пашенныхъ мѣстъ со всякими угодьями и въ такихъ мѣстахъ для укрѣпленія русскаго владычества ставить остроги; къ этой-то колонизаціонной экспедиціи былъ прикомандированъ Аввакумъ въ качествѣ священника, благодаря чему онъ очутился въ непосредственной зависимости отъ начальника отряда. При широкой власти, какою пользовались отдѣльные воеводы, очень мало подвергавшіеся контролю со стороны центральнаго управленія, они являлись по большей части вполнѣ самовластными правителями, а царившая грубость нравовъ нерѣдко налагала на ихъ самоуправныя дѣйствія отпечатокъ крайней жестокости. Въ Сибири, откуда жалобы населенія не такъ-то скоро могли дойти до Москвы, этотъ порядокъ давалъ себя чувствовать сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было; здѣсь произволъ воеводъ часто принималъ такія грубыя и примитивныя формы, какія все-таки невозможны были въ областяхъ Евро-

пейской Россіи. Пашковъ, въ отрядъ котораго попалъ Аввакумъ, былъ типичнымъ образцомъ такого администратора: глубоко невѣжественный, грубый, жестокій, одаренный въ большой мѣрѣ суевѣріемъ и въ очень малой какими-либо религіозными и нравственными понятіями, онъ являлся какъ бы воплощеніемъ безпощадной матеріальной силы: «суровъ человѣкъ,— говорилъ о немъ Аввакумъ—безпрестанно людей жжетъ, и мучитъ, и бьетъ». Казни, плети, кнуты и пытки служили у него обыкновенными средствами поддержанія дисциплины среди подчиненныхъ. И этому-то человѣку дано было изъ Москвы еще спеціальное приказаніе строго наблюдать за Аввакумомъ и «мучить» его.

Казалось, только полная и безусловная покорность могла при такихъ условіяхъ сколько-нибудь обезопасить Аввакума отъ проявленій грубаго насилія со стороны воеводы. Но Аввакумъ неспособенъ былъ къ такой покорности и не искалъ спокойствія и мира. Физической силѣ, надъ нимъ тяготѣвшей, онъ смѣло противопоставилъ духовный авторитетъ, произволу—нравственные законы и религіозныя заповѣди, жестокости—отважное свободное слово проповѣдника и гордое смиреніе мученика. Столкновеніе между двумя столь противоположными людьми было неизбѣжно, и Аввакумъ не только не уклонялся отъ него, но даже первый, вмѣшавшись въ распоряженія Пашкова, вызвалъ борьбу, которая затѣмъ продолжалась уже все время ихъ совмѣстной жизни и о которой самъ онъ впослѣдствіи выражался такимъ образомъ: «онъ меня мучилъ или я его, не знаю; Богъ разберетъ въ день вѣка».

По дорогѣ, на р. Тунгузкѣ, отрядъ Пашкова встрѣтилъ караванъ, въ которомъ между прочимъ плыли двѣ вдовы, уже старухи, лѣтъ за шестьдесятъ, думавшія вступить въ монастырь. Пашковъ сталъ принуждать ихъ возвратиться и выйти замужъ; не вытерпѣлъ этого Аввакумъ и началъ увѣщевать воеводу не нарушать апостольскихъ правилъ. Крутой воевода не потерпѣлъ въ свою очередь такого вмѣшательства и въ видѣ наказанія сталъ гнать проповѣдника съ дощаника, увѣряя, что изъ-за его еретичества суда плохо идутъ по рѣкѣ, и требуя, чтобы онъ шелъ берегомъ, по горамъ. «О, горе стало!—разсказываетъ протопопъ.—Горы высокія, дебри непроходимыя; утесъ каменный, яко стѣна, стоитъ, и поглядѣть—заломя голову». Аввакумъ опять прибѣгъ къ увѣщанію, что въ его устахъ было почти равносильно съ обличеніемъ, и отправилъ къ Пашкову «малое писанейце». «Человѣче!—писалъ онъ здѣсь—убойся Бога, сѣдящаго на херувимѣхъ и призирающа въ бездны, Его-же трепещутъ небесныя силы и вся тварь со человѣки, единъ ты презираешь и неудобства показуешь»... Такое посланіе окончательно вывело Пашкова изъ себя и онъ рѣшилъ усмирить дерзкаго ослушника. О послѣдовавшей сценѣ пусть разскажетъ самъ протопопъ.

«А се бѣгутъ—вспоминалъ онъ въ своемъ «Житіи»—человѣкъ съ пятьдесятъ: взяли мой дощаникъ и помчали къ нему,—версты три отъ него стоялъ. Я казакамъ каши наварилъ, да кормлю ихъ: и они, бѣдные, и ѣдятъ, и дрожатъ, а иные плачутъ, глядя на меня, жалѣютъ по мнѣ. Привели дощаникъ; взяли меня палачи, привели предъ него: онъ со шпагою стоитъ и дрожитъ. Началъ мнѣ говорить: попъ ли ты или распопъ? И азъ отвѣщалъ: азъ есмь Аввакумъ протопопъ; говори, что тебѣ дѣло до меня? Онъ же рыкнулъ, яко дивій звѣрь, и ударилъ меня по щекѣ, тоже по другой, я паки въ голову, и сбилъ меня съ ногъ, и, чеканъ ухватя, лежачаго по спинѣ ударилъ трижды и, розболокши, по той же спинѣ семдесятъ два удара кнутомъ. А я говорю: Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, помогай мнѣ! Да тоже, да тоже, безпрестанно говорю. Такъ горко ему, что не говорю: пощади! Ко всякому удару молитву говорилъ. Да посреди побой вскричалъ я къ нему: полно бить-то! Такъ онъ велѣлъ перестать. И я промолвилъ ему: за что ты меня бьешь? вѣдаешь ли? И онъ велѣлъ паки бить по бокамъ, и отпустили. Я задрожалъ, да и упалъ. И онъ велѣлъ меня въ казенный дощаникъ оттащить: сковали руки и ноги и на беть (поперечную скрѣпу въ баркѣ) кинули. Осень была: дождь на меня шелъ, всю нощь подъ капелію лежалъ».

Побоями не ограничилось наказаніе, наложенное Пашковымъ на непокорнаго протопопа: всю остальную дорогу его везли скованнымъ, пока наконецъ отрядъ добрался до Братскаго острога, гдѣ и остановился на зимовку. Здѣсь Аввакума сперва посадили въ холодную тюрьму, и только въ половинѣ ноября воевода перевелъ его въ теплую избу, но и въ ней держалъ, какъ преступника, въ оковахъ, «съ аманатами и съ собаками», тогда какъ семья его была сослана въ другое мѣсто, верстъ за двадцать. Когда же одинъ изъ сыновей протопопа, еще мальчикъ, вздумалъ навѣстить отца, Пашковъ приказалъ на ночь бросить его въ ту студеную тюрьму, въ которой сидѣлъ прежде самъ Аввакумъ, а утромъ прогналъ обратно, не допустивъ и повидаться съ отцомъ. Такъ въ одиночествѣ и заключеніи и закончился для Аввакума первый годъ его пребыванія въ отрядѣ Пашкова. Вѣсти о злоключеніяхъ протопопа дошли до архіепископа Симеона и онъ писалъ въ Москву о звѣрствахъ Пашкова. «А въ Даурію, государь, къ Ѳеонасью Пашкову—прибавлялъ онъ—поповъ и дьяконовъ посылать не смѣю, потому что онъ нравомъ озорникъ великій». Изъ Москвы Симеону отвѣтили, что Пашковъ будетъ смѣненъ, но Аввакуму долго еще пришлось дожидаться этой смѣны.

Съ началомъ весны открылся дальнѣйшій походъ: переплывъ Байкалъ, отрядъ Пашкова прибылъ на р. Хилку и цѣлое лѣто тянулся вверхъ по ней; дальше путешествіе продолжалось уже и лѣтомъ, и зимой; лѣтомъ плыли по рѣкамъ, зимою на лошадяхъ и пѣшкомъ совершали переходы по сушѣ,

тащились волокомъ. Съ Аввакума сняты были оковы и онъ соединился съ своей семьей, но за то Пашковъ заставилъ его работать вмѣстѣ съ казаками; онъ долженъ былъ и тянуть лямкою суда, и участвовать въ другихъ работахъ, а сверхъ того еще заботится о женѣ и дѣтяхъ. Помощниковъ онъ не имѣлъ, такъ какъ дѣти были еще малы, а работниковъ Пашковъ у него отнялъ и другимъ запретилъ къ нему наниматься, да и нанимать Аввакуму было почти уже не на что: имущество, вывезенное изъ Москвы и состоявшее по преимуществу изъ одежды и книгъ, частью погибло во время разныхъ дорожныхъ невзгодъ, частью же было разграблено казаками или отнято самимъ Пашковымъ, такъ что его оставалось уже очень немного. А тѣмъ временемъ ко всѣмъ бѣдамъ прибавилась еще новая: въ отрядѣ не хватило хлѣба и началась жестокая нужда, не коснувшаяся одного воеводы, у котораго «казачьими трудами» всего было запасено достаточно. И безъ того мрачная обстановка, окружавшая протопопа, сдѣлалась еще мрачнѣе, еще безотраднѣе. «Стало нечего ѣсть,—описываетъ самъ онъ это время своимъ образнымъ языкомъ—люди учали съ голоду мереть и отъ работныя водяныя бродни. Рѣка мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большія, батоги суковатые, нытки жестокія,—огонь да встряска,—люди голодные: лишь станутъ мучить, ано и умретъ. Охъ времени тому»! Самъ Аввакумъ сперва еще кое-какъ пробивался съ семьей; правда, хлѣбъ, какой онъ вывезъ съ собой изъ Енисейска, Пашковъ у него отнялъ, но на остававшіяся еще у него вещи онъ вымѣнивалъ у воеводы хлѣбъ и питался вареной немолотой рожью. Когда и этотъ источникъ изсякъ, протопопу съ семьей пришлось испытать весь ужасъ голода, довелось питаться травами и сосновой корой вмѣсто хлѣба, ѣсть павшихъ лошадей и найденные по дорогѣ трупы животныхъ, зарѣзанныхъ волками: «что волкъ не доѣстъ, то мы доѣдимъ». И долго уже спустя протопопъ съ сокрушеніемъ сердечнымъ вспоминалъ, что и онъ «волею и неволею причастенъ кобыльимъ и мертвечьимъ звѣринымъ и птичьимъ мясамъ». Его желѣзное здоровье выдержало всѣ эти испытанія, но изъ дѣтей его два маленькихъ сына умерли въ эту тяжелую пору.

Между тѣмъ, терпя голодъ и лишенія, вынося жестокія истязанія воеводы и теряя людей по дорогѣ, отрядъ все подвигался впередъ, и самая эта дорога способна была навести ужасъ. Лѣтомъ было еще легче, но зимою, когда суровые морозы сковывали рѣки и землю ледянымъ покровомъ, жутко было немногочисленнымъ пришельцамъ въ дикой и пустынной странѣ, среди рѣдкаго, но враждебнаго населенія, которое они только еще собирались подчинить своей власти. Тяжесть пути особенно давала себя знать Аввакуму; для дѣтей и кое-какого оставшагося у него имущества воевода далъ ему двухъ лошадей, но самъ онъ съ женой долженъ былъ идти пѣшкомъ и не разъ, должно быть, на этомъ длинномъ пути разыгрывались

сцены, подобныя той, описаніе которой мы находимъ въ «Житіи» Аввакума.

«Страна варварская; иноземцы немирные; отстать отъ лошадей не смѣемъ, а за лошадьми итти не поспѣемъ, голодные и томные люди. Протопопица бѣдная бредетъ, бредетъ, да и повалится,—скользко гораздо! Въ иную пору, бредучи, повалилась, а иной томный же человѣкъ на нее набрелъ, тутъ же и повалился: оба кричатъ, а встать не могутъ. Мужикъ кричитъ: матушка-государыня, прости! А протопопица кричитъ: что ты, батько, меня задавилъ! Я пришелъ,—на меня бѣдная пеняетъ, говоря: долго ли муки сея, протопопъ, будетъ? И я говорю: Марковна, до самыя смерти. Она же, вздохня, отвѣщала: добро, Петровичъ, ино еще побредемъ».

Немногимъ легче стало протопопу и съ момента прибытія на мѣсто. Голодъ почти не прекращался, такъ какъ урожаи были плохи—по большей части дожди уничтожали посѣвы, нужда царила жестокая, а Аввакуму надо было заботиться о пропитаніи многочисленной семьи и безъ устали работать, подвергаясь притомъ постояннымъ гоненіямъ со стороны воеводы. При такой жизни не на одну только мужественную протопопицу находило временами уныніе. Подъ тяжкимъ гнетомъ лишеній подавалась иногда и желѣзная твердость самого Аввакума. Бывали минуты, когда онъ, истомленный мученіями Пашкова, собирался уже просить у него пощады; бывало, что подъ непосильнымъ бременемъ житейскихъ заботъ онъ забывалъ о молитвѣ и «изнемогалъ въ правилѣ». Но эти моменты слабости длились не долго. Проникавшая все существо Аввакума глубокая увѣренность въ правотѣ своего подвига помогала ему оправиться отъ унынія; воображеніе, вѣчно работавшее въ одномъ направленіи, вызывало передъ нимъ чудесныя видѣнія, въ которыхъ дѣятельную роль играли небесныя и адскія силы, и угасшая было бодрость духа снова воскресала въ протопопѣ. Ангелы являлись ему и возбуждали въ немъ мужество, предостерегая отъ паденія «сила Божія возбраняла» ему смиряться передъ воеводой, и Аввакумъ, находя въ себѣ подъ впечатлѣніемъ этихъ видѣній новую мощь, налагалъ на себя еще большее бремя молитвеннаго подвига, еще съ большимъ рвеніемъ обличалъ Пашкова, терпѣливо вынося всѣ истязанія. Въ эти моменты духовнаго экстаза самыя обыденныя явленія жизни принимали въ его глазахъ чудесныя очертанія и онъ всюду сознавалъ присутствіе невидимой силы, его охраняющей. Находилъ ли онъ прорубь во льду озера, когда ему хотѣлось пить во время путешествія, осѣкалось ли ружье, направленное Пашковымъ на своего сына, вздумавшаго заступиться за протопопа,—во всемъ этомъ Аввакумъ видѣлъ проявленіе божественной силы, стерегущей своего вѣрнаго служителя.

Исполненный живой вѣры въ свой подвигъ, Аввакумъ не ограничивался пассивною ролью мученика, но постоянно переходилъ въ роль обли-

чителя и проповѣдника. Неумолчно осуждалъ онъ Пашкова всякій разъ, какъ видѣлъ въ его дѣйствіяхъ отступленіе отъ праваго пути, постоянно убѣждалъ его исполнять религіозныя предписанія и церковные обряды и съ непоколебимой стойкостью выносилъ всѣ мученія, которыми щедро осыпалъ его взбѣшенный воевода. Такія отношенія, плохо укладываясь въ обычныя рамки положенія ссыльнаго передъ своимъ начальникомъ, скорѣе имѣли характеръ ожесточенной борьбы двухъ противниковъ, воплощавшихъ въ себѣ грубую силу и убѣжденіе, причемъ первая не только не одерживала въ этой борьбѣ полной побѣды, но терпѣла порою и пораженія. Дѣйствительно, строгая подвижническая жизнь протопопа и его непоколебимое мужество даже въ свирѣпомъ воеводѣ пробуждали порой мысль о существованіи чего-то высшаго, чѣмъ простая сила, и невольно импонировали ему до такой степени, что онъ временами какъ бы подчинялся протопопу и признавалъ его авторитетъ; такъ, онъ по совѣту Аввакума сталъ было одно время служить вечерни и заутрени, надѣясь, что это соблюденіе обряда доставитъ хорошій урожай; такъ, онъ повѣрилъ въ чудесное исцѣленіе своего внука протопопомъ и смиренно благодарилъ послѣдняго. Правда, подобный перевѣсъ Аввакума держался очень недолго: приливы набожности и сравнительнаго смиренія у воеводы быстро проходили и смѣнялись по какому-нибудь поводу новой, часто еще болѣе жестокой вспышкой, въ которой вполнѣ давала себя знать его необузданная, непривычная къ какой бы то ни было нравственной сдержкѣ натура.

Но и Аввакумъ въ свою очередь не довольствовался только отстаиваніемъ своихъ взглядовъ, мученичествомъ за нихъ и распространеніемъ ихъ посредствомъ убѣжденія. Его пылкій фанатизмъ увлекалъ его далеко за эти границы и онъ способенъ былъ въ вопросахъ вѣры явиться насильникомъ, мало чѣмъ уступавшимъ въ этомъ отношеніи самому мучившему его воеводѣ. Случилось разъ, что Пашковъ, отправляя своего сына Еремѣя съ небольшимъ отрядомъ казаковъ въ походъ на одинъ изъ сосѣднихъ народцевъ, призвалъ шамана погадать, удатся ли это предпріятіе. Шаманъ предсказалъ полный успѣхъ похода, обѣщалъ богатую добычу и благополучное возвращеніе, и ратные люди обрадовались. Но глубоко опечалился протопопъ, видя, что христіане слушаютъ «бѣсовъ» и вѣрятъ имъ. Возгорѣвшись благочестивою ревностью, онъ рѣшилъ посрамить бѣсовскія козни и наказать людей, осмѣлившихся искать предсказаній и совѣтовъ у діавольскаго служителя, вмѣсто того, чтобы обратиться къ христіанскому священнику. Съ этою цѣлью онъ «въ хлѣвинѣ своей кричалъ съ воплемъ ко Господу: послушай мене, Боже! послушай мене, Царю небесный-свѣтъ, послушай мене! да не возвратится вспять ни единъ отъ нихъ и гробъ имъ тамъ устрояши всѣмъ! приложи имъ зла, Господи, приложи и погибель имъ наведи, да не сбудется пророчество діавольское»! Въ своемъ фанатическомъ

ревніи протопопъ доходилъ, такимъ образомъ, до сознательнаго изувѣрства и ради торжества своихъ взглядовъ готовъ былъ принести въ жертву жизнь неповинныхъ людей, употребляя для этого такое средство, которое въ его представленіи являлось вполнѣ дѣйствительнымъ. Пашкову донесли о такой молитвѣ Аввакума, но онъ сперва не обратилъ вниманія на доносъ и вспомнилъ о немъ лишь тогда, когда отправленный въ походъ отрядъ не вернулся къ сроку. Тогда онъ рѣшилъ, что это результатъ заклятій протопопа, и собрался было пытать его. Аввакумъ, видя бѣду, приготовился уже къ смерти, но его спасло случайное возвращеніе сына Пашкова, который одинъ только и спасся изъ всего отряда, истребленнаго инородцами. Самъ Еремѣй приписывалъ свое спасеніе исключительно своимъ хорошимъ отношеніямъ съ Аввакумомъ и, вступившись за послѣдняго передъ отцомъ, успѣлъ отвести бѣду отъ головы протопопа.

Аввакумъ и вообще не былъ въ своей жизни съ Пашковымъ совершенно одинокъ: у него были и здѣсь заступники и помощники, часто спасавшіе его и отъ послѣдствій воеводскаго гнѣва, и отъ тяжелыхъ, подчасъ совершенно невыносимыхъ, тисковъ нужды. Если даже на самого воеводу нравственная личность Аввакума оказывала нѣкоторое вліяніе, то еще болѣе глубокое впечатлѣніе производила она на многихъ другихъ изъ окружавшихъ его людей, и прежде всего на семью воеводы, состоявшую, кромѣ самого Пашкова, изъ его жены, сына и снохи. Для этихъ людей, мало свѣдущихъ въ вопросахъ религіи, настолько суевѣрныхъ и невѣжественныхъ, что они могли обращаться за предсказаніемъ къ шаману и за леченіемъ къ «мужику-шептуну», одно было ясно въ протопопѣ, что это человѣкъ, чтущій вѣру и благочестіе выше всего, страдающій за свои религіозныя убѣжденія и готовый умереть за нихъ. Какого рода были эти убѣжденія, насколько они были истинны и насколько заключали въ себѣ заблужденія, такіе вопросы были бы не подъ силу этимъ людямъ, но они видѣли, какъ ревностно соблюдаетъ Аввакумъ всѣ подробности религіозной обрядности, наиболѣе доступной ихъ пониманію, и это въ связи съ его мученическою жизнью порождало въ ихъ умахъ представленіе о немъ, какъ о поборникѣ религіозной истины и великомъ подвижникѣ благочестія. Это представленіе еще укрѣплялось проповѣдью Аввакума, полной горячаго осужденія новшествъ, занесенныхъ въ русскую церковь патріархомъ: понятіе объ ереси, въ которой обвиняли протопопа, плохо вязалось съ отстаиваніемъ русской церковной старины въ умахъ людей, привыкшихъ эту послѣднюю считать единственно правой вѣрой. Такъ среди семейныхъ воеводы и установился взглядъ на Аввакума, какъ на невиннаго страдальца и истиннаго учителя. Къ нему и здѣсь присылали для леченія бѣсноватыхъ; сноха Пашкова приглашала его лечить ея сына, а разъ протопопъ совершилъ для нея чудо надъ курами.

«У боярыни куры всѣ переслѣпли и мереть стали,—разсказываетъ онъ объ этомъ съ своею неподражаемой, эпической наивностью—такъ она, собравши въ коробъ, ко мнѣ ихъ прислала, чтобъ-де батко пожаловалъ—помолилъ о курахъ. И я-су подумалъ: кормилица то есть наша; дѣтки у ней: надобно ей курки! Молебенъ пѣлъ, воду святилъ, курокъ кропилъ и кадилъ; потомъ въ лѣсъ сбродилъ,—корыто имъ сдѣлалъ, изъ чего ѣсть, да къ ней все и отослалъ. Куры, Божіимъ мановеніемъ, исцѣлѣли и исправились по вѣрѣ ея».

Совершая такія чудеса для вѣровавшихъ въ него людей, Аввакумъ вмѣстѣ съ тѣмъ своими поученіями утолялъ ихъ духовную жажду. Въ свою очередь они, чѣмъ могли, облегчали его тяжелую долю: сынъ Пашкова не разъ заступался за него передъ отцомъ, рискуя даже собственною жизнью, такъ какъ воевода въ гнѣвѣ не щадилъ никого; жена и сноха воеводы снабжали припасами протопопа и его семью во время самой жестокой нужды, постигшей было ихъ въ Дауріи. Припасы приходилось пересылать тайкомъ отъ Пашкова, поэтому Аввакумъ не могъ получать многаго отъ своихъ поклонницъ; ему доставляли то хлѣбъ, то кусокъ мяса, то немного муки, бывало, что присылали и корму, взятаго изъ куринаго корыта, но все же эти скудныя даянія помогли ему кое-какъ перебиться втеченіе голоднаго времени, которое иначе трудно было бы пережить ему съ семьею.

И не въ одной воеводской семьѣ находилъ для себя ссыльный протопопъ приверженцевъ и послѣдователей. Не мало ихъ нашлось съ теченіемъ времени и среди казаковъ, составлявшихъ отрядъ Пашкова. Видя также въ Аввакумѣ высокаго подвижника и борца за вѣру, склоняясь передъ его нравственной мощью, они тѣмъ легче сближались съ нимъ, что находились подъ общимъ съ нимъ гнетомъ. Это усиливало ихъ теплое чувство къ Аввакуму, и если послѣдній среди нихъ, самихъ безпомощныхъ и терпѣвшихъ всегдашнюю нужду, не могъ найти ни заступниковъ, ни помощниковъ, если всѣ ихъ услуги по отношенію къ нему могли исчерпываться развѣ лишь предупрежденіемъ объ опасности, грозившей со стороны Пашкова, за то многіе изъ нихъ явились ревностными учениками его, равно готовыми пострадать за то, что вмѣстѣ съ нимъ считали истиннымъ древнимъ благочестіемъ, и почти всѣ, за немногими исключеніями, относились къ нему въ высшей степени сердечно, какъ къ невинному страдальцу.

Въ далекой ссылкѣ Аввакумъ остался такимъ образомъ вѣренъ себѣ. Ни суровый климатъ, ни голодъ, ни пытки и мученія воеводы не сломили его нравственной энергіи и не только онъ не отказался отъ пропаганды своихъ взглядовъ, но временами его стойкое мужество колебало даже самого грознаго палача, подъ власть котораго онъ былъ отданъ. Трудно сказать, чѣмъ могла бы кончиться эта неравная борьба между протопопомъ и воеводой, но она была прервана въ самомъ разгарѣ. Болѣе пяти лѣтъ уже провелъ Аввакумъ въ отрядѣ Пашкова, какъ пришли изъ Москвы, въ на-

чалѣ 1661 года, два указа: одинъ смѣнялъ Пашкова съ воеводства, другой приглашалъ протопопа вернуться въ столицу. Пашковъ поѣхалъ впередъ съ ратными людьми, а Аввакума оставилъ почти съ одними больными и старками, надѣясь, быть можетъ, что съ такимъ конвоемъ онъ погибнетъ на пути. Но Аввакумъ мало вниманія обратилъ на это. Слишкомъ доволенъ онъ былъ, что избавился отъ заклятаго врага; къ тому же долголѣтняя ссылка, наконецъ, прекратилась, его призывали въ Москву и, конечно, призывали потому, что убѣдились въ истинѣ его взглядовъ. Пророческія видѣнія сбывались на-яву и могъ-ли онъ, взысканный ими, сомнѣваться въ томъ, что та же божественная сила, которая выводила его изъ тяжкаго плѣна, охранитъ его на пути и не дастъ погибнуть, не совершивъ своего призванія? Съ глубокимъ умиленіемъ, полный энтузіазма и вѣры, сталъ собираться онъ въ дорогу и, покончивъ черезъ мѣсяцъ сборы, отправился, везя съ собою 17 человѣкъ. На прощанье онъ выкупилъ у казаковъ и увезъ съ собой одного изъ бывшихъ приспѣшниковъ Пашкова, который при послѣднемъ преслѣдовалъ его и искалъ его смерти; теперь Аввакумъ отплатилъ ему спасеніемъ жизни, такъ какъ казаки, избавившись, наконецъ, отъ гнета воеводы, собирались своимъ судомъ расправиться съ его наиболѣе ревностными слугами. Другого подобнаго приспѣшника Пашкова казаки не хотѣли отдать Аввакуму и уже на пути онъ перенялъ протопопа, моля спасти его отъ погони и лютой смерти. Ради спасенія человѣческой жизни всегда правдивый протопопъ рѣшился на тяжелый для его совѣсти грѣхъ лжи: онъ спряталъ бѣглеца подъ постелью, на которую положилъ свою жену съ дочерью, а догнавшимъ его казакамъ сказалъ, будто у него нѣтъ того, кого они ищутъ. Всю лодку обыскали казаки, а постели протопопицы не тронули. «Опочивайте, матушка! и такъ ты, государыня, горя натерпѣлась!» говорили они мужественной женщинѣ, долгіе годы безропотно страдавшей на ихъ глазахъ и вмѣстѣ съ ними. Погоня уѣхала ни съ чѣмъ. Съ такимъ-то экипажемъ, снабдивъ лодку вмѣсто оружія крестомъ, двинулся Аввакумъ въ далекій и опасный путь, въ концѣ котораго лучезарной звѣздой горѣла для него надежда полной побѣды.

IV.

Надежды Аввакума были однако въ значительной мѣрѣ неосновательны: на дѣлѣ вызовъ его въ Москву объяснялся не побѣдой «старой вѣры» и нисправерженіемъ Никоновскихъ реформъ, а иными, болѣе мелкими причинами, заключавшимися въ другой группировкѣ дворцовыхъ партій и въ измѣненіи положенія самого патріарха. Властолюбивый и крутой Никонъ не ужился въ концѣ концовъ съ мягкимъ и нерѣшительнымъ, легко под-

дававшимся чужой волѣ, но въ свою очередь самолюбивымъ и питавшимъ высокое мнѣніе о своей власти царемъ Алексѣемъ: недовольные патріархомъ бояре успѣли внести охлажденіе въ отношенія Алексѣя Михайловича къ его «собинному другу», а неловкія дѣйствія послѣдняго еще усилили это охлажденіе и уже черезъ пять лѣтъ послѣ высылки Аввакума изъ Москвы между царемъ и патріархомъ произошелъ рѣшительный разрывъ. Гордость Никона не позволяла ему ради примиренія съ царемъ идти на уступки и онъ попытался добиться той же цѣли инымъ путемъ, болѣе соотвѣтствовавшимъ его характеру. 11 іюля 1658 года, послѣ службы въ Успенскомъ соборѣ, патріархъ заявилъ народу, что онъ покидаетъ свой патріаршій престолъ, и, не смотря на увѣщанія присланныхъ отъ царя бояръ, удалился въ Воскресенскій монастырь. Правда, разсчеты Никона не оправдались, такъ какъ Алексѣй Михайловичъ не выказалъ ни особенной уступчивости, ни особаго горя по поводу его удаленія, но вмѣстѣ съ этимъ у царя не нашлось и достаточно рѣшимости, чтобы разомъ покончить съ запутавшимся вопросомъ избраніемъ новаго патріарха. Между тѣмъ самъ Никонъ, замѣтивъ свою ошибку, вздумалъ повернуть и взять назадъ свой отказъ отъ патріаршаго сана, что еще болѣе усложнило дѣло. При установившейся зависимости русской церкви отъ свѣтской власти выборъ того или другого пути дѣйствій въ этомъ запутанномъ положеніи вполнѣ зависѣлъ отъ воли царя, но Алексѣй Михайловичъ колебался и, не желая уступить притязаніямъ Никона, въ то же время долго не могъ собраться съ духомъ нанести послѣдній ударъ своему недавнему другу. Съ другой стороны большинство бояръ, опасаясь самовластнаго характера Никона, ни въ какомъ случаѣ не хотѣло вновь видѣть его на патріаршемъ мѣстѣ и старательно изыскивало средства устранить возможность примиренія между нимъ и царемъ. Въ этихъ видахъ между прочимъ бояре обратились къ тѣмъ духовнымъ лицамъ, которыя нѣкогда, до патріаршества Никона, были близки къ царю Алексѣю и вслѣдъ затѣмъ первые возвысили голосъ противъ реформъ новаго патріарха, за что тяжело и поплатились. Всѣ эти лица были хорошо знакомы съ боярами, часто даже связаны узами личной дружбы съ ними, а сверхъ того ихъ соединяла общая вражда къ бывшему патріарху, хотя эта вражда и происходила отъ различныхъ причинъ. Мало принимая во вниманіе это послѣднее обстоятельство, бояре разсчитывали вновь сблизить Алексѣя Михайловича съ прежними совѣтниками и тѣмъ помѣшать его примиренію съ Никономъ, предполагая, что затѣмъ вопросъ о церковной реформѣ можно будетъ рѣшить путемъ мирнаго соглашенія. Исходя изъ такихъ соображеній и пользуясь тѣмъ, что съ удаленіемъ Никона отъ патріаршества усердіе церковной іерархіи къ преслѣдованію раскольниковъ нѣсколько ослабѣло, они и постарались устроить возвращеніе въ Москву вліятельнѣйшихъ членовъ бывшаго кружка протопоповъ.

Ничего не зная въ Дауріи объ этихъ обстоятельствахъ, Аввакумъ объяснялъ себѣ свой вызовъ изъ ссылки побѣдою того дѣла, за которое онъ велъ борьбу. Но недолго могли держаться эти свѣтлыя иллюзіи: проѣхавъ благополучно черезъ области инородцевъ и добравшись до первыхъ русскихъ городовъ, протопопъ тутъ же и «уразумѣлъ о церкви, яко ничто же успѣваетъ», узналъ, что гоненіе на людей, возставшихъ противъ Никона и его реформъ, все еще продолжается, а самыя эти реформы по прежнему находятъ себѣ признаніе и дѣятельную поддержку со стороны свѣтскихъ властей. Восторженное настроеніе, охватившее было его, быстро исчезло, уступивъ мѣсто мучительному разочарованію и даже сомнѣніямъ. Передъ этимъ онъ свыкся съ мыслью объ окончаніи своего страдальческаго подвига, а теперь опять видѣлъ передъ собою новую борьбу, которая легко могла навлечь новыя, и, пожалуй, еще худшія бѣдствія не только на него, но и на его жену и дѣтей, только что избавившихся отъ мученій и опасностей. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей въ душу Аввакума проникли мучительныя колебанія. Переходъ отъ радостныхъ надеждъ къ прежнему суровому, фанатическому мужеству не давался ему сразу, и онъ тяжело и горько задумался, начать ли снова свою обличительную проповѣдь или, воспользовавшись свободой, скрыться гдѣ-нибудь въ тихомъ мѣстѣ и тамъ, вдали отъ искушеній и бѣдствій міра, дожить свой вѣкъ, заботясь только о своемъ личномъ спасеніи. Изъ этой нерѣшимости его вывела жена, къ которой онъ обратился за совѣтомъ. «Жена! что сотворю?—сказалъ онъ ей—зима еретическая на дворѣ: говорить ли мнѣ или молчать? связали вы меня»! «Господи помилуй!—отвѣчала ему Настасья Марковна—что ты, Петровичъ, говоришь! Азъ тя и съ дѣтьми благословляю: дерзай проповѣдати слово Божіе по прежнему. А о насъ не тужи: дондеже Богъ изволитъ, живемъ вмѣстѣ; а егда разлучатъ, тогда насъ въ молитвахъ своихъ не забывай! Поди, поди въ церковь, Петровичъ, обличай блудню еретическую»! И ободренный протопопъ снова началъ «ересь никоніанскую со дерзновеніемъ обличать», по всѣмъ городамъ, черезъ которые ему случалось проѣзжать, проповѣдуя о мерзости Никоновскихъ исправленій въ церковныхъ книгахъ и обрядахъ и убѣждая людей крѣпко держаться единственно праваго древняго благочестія.

Тѣмъ не менѣе прежняя цѣлостность настроенія не сразу возстановилась въ возмущенной душѣ самого проповѣдника. Невольно, быть можетъ, даже помимо его сознанія, радость по поводу собственнаго спасенія отъ казавшихся безконечными страданій нѣсколько смягчала мрачный колоритъ фанатизма его убѣжденій, склоняя его къ большей терпимости, если не въ мнѣніяхъ, то въ ихъ выраженіи словами и поступками. Для освобожденнаго, не преслѣдуемаго Аввакума никоніане не были уже совершенно тѣми же безпощадными врагами, какими они представлялись ему въ мо-

ментъ жестокихъ гоненій. Но съ другой стороны сущность убѣжденій протопопа нисколько не измѣнилась, а то обстоятельство, что кругомъ господствовало ученіе, которое онъ считалъ ересью, что въ виду этого въ немъ самомъ уже пробуждалось сомнѣніе, порождало жгучее до болѣзненности опасеніе, какъ бы не лишиться всѣхъ плодовъ своего подвига, не упасть въ разставленныя сѣти. Столкновеніе этихъ противоположныхъ чувствъ и стремленій неизбѣжно вызывало сильную душевную разладицу, которая при крайне нервной натурѣ Аввакума обыкновенно разрѣшалась у него видѣніями. Такъ было и на этотъ разъ. Въ Тобольскѣ, гдѣ протопопъ остановился зимовать на второй годъ своего возвратнаго путешествія, онъ началъ было ходить въ соборную церковь, гдѣ богослуженіе совершалось по исправленнымъ служебникамъ, и сталъ уже нѣсколько привыкать къ такой службѣ: «что жаломъ, духомъ антихристовымъ и ужалило было». Но однажды послѣ такого посѣщенія церкви ему во снѣ послышался голосъ: «блюдися отъ мене, да не полма растесанъ будеши»! Въ ужасѣ проснулся протопопъ и палъ передъ иконой ницъ, восклицая: «Господи, не стану ходить, гдѣ по новому поютъ»!

Такъ, по мѣрѣ того, какъ сглаживалось первое радостное впечатлѣніе свободы, все рѣзче выступалъ наружу непримиримый фанатизмъ Аввакума, все болѣе онъ становился самимъ собою, человѣкомъ, не желающимъ имѣть никакого общенія ни съ кѣмъ, кто только въ чемъ-либо расходился съ нимъ. Какъ разъ въ то время, когда онъ, возвращаясь изъ ссылки, зимовалъ въ Тобольскѣ, въ этомъ городѣ жилъ другой знаменитый ссыльный, хорватскій патріотъ и своего рода славянофилъ по убѣжденіямъ, Юрій Крижаничъ, пріѣхавшій въ Москву и изъ нея попавшій въ Сибирь. Казалось, эти два человѣка, которые испытали почти одинаковую судьбу, въ убѣжденіяхъ которыхъ національныя начала равно занимали первенствующее мѣсто, могли найти много точекъ соприкосновенія другъ съ другомъ; но на дѣлѣ всѣ ихъ сношенія ограничились однимъ короткимъ свиданіемъ, при которомъ даже не состоялось настоящаго разговора. Предоставляемъ разсказать объ этомъ свиданіи самому Крижаничу. «Аввакумъ—говоритъ онъ—послалъ за мной и вышелъ ко мнѣ на крыльцо; когда я хотѣлъ ступить на лѣстницу и взойти, онъ сказалъ: «не ходи сюда, стой тамъ и скажи, какой ты вѣры». Я сказалъ: «благослови, отче»! А онъ отвѣчалъ: «не благословлю,—исповѣдуй прежде свою вѣру». Я отвѣчалъ: «отче честной! я вѣрую во все, во что вѣруетъ святая апостольская церковь, и священническое благословеніе принимаю въ честь и прошу его въ честь. И о вѣрѣ готовъ объясниться съ архіереемъ, а предъ тобою, путникомъ, который и самъ подвергся сомнѣнію вѣры, нечего мнѣ широко о вѣрѣ говорить и объясняться. Если ты не благословишь, благословитъ Богъ! Оставайся съ Богомъ»!

Но если рѣзкая нетерпимость Аввакума отпугивала отъ него людей съ нѣсколько болѣе широкимъ умственнымъ кругозоромъ, то тѣмъ бóльшимъ успѣхомъ пользовалась его горячая проповѣдь среди массъ. На всемъ обратномъ пути, продолжавшемся около трехъ лѣтъ, толпы народа въ городахъ и селахъ собирались слушать поученія протопопа. Эти поученія, полныя энтузіазма, освященныя кровью проповѣдника, производили сильное впечатлѣніе на народныя массы и немало людей, благодаря имъ, отшатнулось отъ церкви, немало подражателей и пособниковъ примкнуло къ Аввакуму изъ числа ревнителей благочестія. Между прочимъ въ Устюгѣ встрѣтился протопопъ съ однимъ изъ частыхъ тогда подвижниковъ-юродивыхъ, нѣкіимъ Ѳедоромъ, который и лѣтомъ, и зимой ходилъ безъ верхняго платья, въ одной рубахѣ, днемъ юродствовалъ на людяхъ, а ночи проводилъ въ усердной молитвѣ, стремясь такимъ путемъ достигнуть спасенія. Занятый своимъ подвигомъ юродства, онъ не обращалъ вниманія на исправленіе книгъ, да, вѣроятно, самъ не могъ и замѣтить его особенностей, а споры, поднявшіеся по этому поводу среди духовенства, до него еще не доходили. Аввакумъ, познакомившись съ нимъ, разсказалъ ему о новизнахъ въ церкви и силой своего слова довелъ до того, что Ѳедоръ, схвативъ имѣвшуюся у него псалтирь новой печати, «тотчасъ и въ печь кинулъ, да и проклялъ всю новизну». Вслѣдъ затѣмъ онъ отправился съ Аввакумомъ въ Москву и сдѣлался однимъ изъ ревностнѣйшихъ его приверженцевъ и учениковъ.

Распространяя по пути свое ученіе и всюду почти пріобрѣтая учениковъ и сторонниковъ, протопопъ прибылъ, наконецъ, и въ Москву, изъ которой выѣхалъ около десяти лѣтъ тому назадъ въ ссылку. При этомъ въѣздѣ въ столицу онъ былъ уже не тѣмъ малоизвѣстнымъ священникомъ, какимъ онъ жилъ въ ней нѣкогда: его сопровождалъ ореолъ мученичества, дорогой цѣной добытый въ Тобольскѣ и Дауріи и привлекавшій на него теперь вниманіе даже тѣхъ, кто его не зналъ раньше или мало зналъ. Этотъ ореолъ, создавшійся вокругъ него, имѣлъ особенное значеніе при условіяхъ, какія Аввакумъ засталъ въ Москвѣ. Броженіе умовъ, принявшее въ русскомъ обществѣ съ момента преобразованій Никона такой рѣзкій характеръ, далеко еще не привело къ послѣднимъ своимъ результатамъ; различныя партіи еще не сформировались окончательно и колебанія, переходы съ одной стороны на другую происходили въ высшей степени часто. Нѣкоторые изъ людей, десять лѣтъ назадъ выступившихъ съ протестомъ противъ новшествъ патріарха, теперь уже отступились отъ начатаго ими дѣла, разубѣдившись въ истинѣ его, и въ числѣ ихъ былъ самъ Иванъ Нероновъ, нѣкогда признанный глава кружка протопоповъ, другъ и руководитель Аввакума. Сосланный сперва въ Спасокаменный, а затѣмъ въ Кандалашскій монастырь, онъ уже 10 августа 1655 года бѣжалъ изъ послѣдняго въ Соловки и отсюда пробрался въ Москву. Здѣсь онъ втече-

ніе нѣсколькихъ мѣсяцевъ скрывался отъ грознаго патріарха то въ самомъ городѣ, то въ его окрестностяхъ, въ исходѣ 1656 года постригся въ монахи и принялъ имя старца Григорія. Во время этихъ скитаній онъ сперва продолжалъ проповѣдь противъ новыхъ книгъ и обрядовъ, но затѣмъ его убѣжденія поколебались подъ вліяніемъ неожиданныхъ для него событій. На соборѣ 1655 года въ Москвѣ, кромѣ русскаго духовенства, которое, по мнѣнію Неронова, соглашалось съ Никономъ лишь изъ страха передъ нимъ присутствовали два пріѣзжихъ патріарха, Макарій антіохійскій и Гавріилъ сербскій, и эти патріархи предали проклятію двоеперстіе и своими подписями одобрили вновь исправленный «Служебникъ» и только что переведенную съ греческаго книгу «Скрижаль». Къ нимъ присоединились и голоса другихъ двухъ патріарховъ, константинопольскаго Аѳанасія и іерусалимскаго Паисія, а послѣдній въ отвѣтѣ своемъ на вопросы Никона и Алексѣя Михайловича строго осудилъ протестъ Неронова противъ преобразовательной дѣятельности Никона. Все это оказало подавляющее вліяніе на Неронова: вражда его къ Никону сохранилась въ полной силѣ, но онъ не былъ настолько убѣжденъ въ своей правотѣ по раздѣлявшему ихъ вопросу, чтобы найти въ себѣ достаточно силы противиться рѣшенію главъ вселенской церкви. Приговоръ патріарховъ повергъ его въ сомнѣніе, разрѣшившееся тѣмъ, что въ январѣ 1657 года старецъ Григорій явился къ Никону и заявилъ ему, что не хочетъ быть подъ клятвою вселенскихъ патріарховъ и потому готовъ признать его реформы. Хотя и послѣ того онъ продолжалъ еще придерживаться нѣкоторыхъ старыхъ обрядовъ и книгъ, но уже не выступалъ съ принципіальной оппозиціей противъ дѣйствій патріарха и только личныя отношенія его къ послѣднему никакъ не могли наладиться: старая вражда давала себя чувствовать постоянными вспышками, а, когда произошелъ разрывъ между царемъ и патріархомъ, Нероновъ явился однимъ изъ наиболѣе усердныхъ противниковъ Никона. Тѣмъ не менѣе онъ уже сошелъ со сцены раскольничьяго движенія и, хотя его примѣръ увлекъ за собою нѣсколькихъ людей, питавшихъ вѣру въ него и личную къ нему привязанность, его поступокъ не оказалъ замѣтнаго вліянія на все движеніе въ его цѣломъ, такъ какъ оно давно уже перешло за рамки протеста единичныхъ личностей

Въ этотъ-то моментъ, когда отъ движенія отходили болѣе умѣренные его элементы, явился въ Москвѣ Аввакумъ, предшествуемый славою непоколебимаго страдальца за вѣру. Пріемъ, встрѣченный имъ здѣсь, не оставлялъ ему желать ничего лучшаго: «яко ангела, пріяша мя», писалъ онъ. Его заклятый врагъ, Никонъ, безсильный и всѣми покинутый, сидѣлъ въ Воскресенскомъ монастырѣ; бояре, видѣвшіе въ протопопѣ могучаго союзника противъ павшаго патріарха, рады были его возвращенію, а многіе изъ нихъ смотрѣли на него и какъ на проповѣдника истины. Самъ царь,

всегда питавшій расположеніе къ Аввакуму, обрадовался его пріѣзду. Соглашаясь съ Никономъ въ дѣлѣ церковной реформы, Алексѣй Михайловичъ не могъ однако отказаться отъ того уваженія, которое онъ питалъ къ ревнителямъ русской обрядовой старины, и это отразилось на всемъ его отношеніи къ нимъ во время ихъ распри съ патріархомъ. Онъ позволялъ послѣднему налагать жестокія наказанія на его противниковъ, но самъ какъ бы устранялся отъ участія въ этихъ карахъ, а иногда даже старался явно или тайно облегчить участь наказанныхъ, упрашивая, напримѣръ, Никона не разстригать Аввакума или скрывая отъ патріарха пребываніе въ Москвѣ Неронова послѣ бѣгства его изъ Кандалашскаго монастыря. При всемъ теоретическомъ сознаніи нужды въ преобразованіяхъ вкусы и привычки Алексѣя Михайловича тянули его къ московской старинѣ и онъ пытался, всегда, впрочемъ, безуспѣшно, примирить тѣ и другую. Теперь представитель этой старины являлся подлѣ него, озаренный новымъ свѣтомъ мученика за свои идеи, и притомъ въ такой моментъ, когда царь окончательно разошелся и вступилъ въ упорную вражду съ патріархомъ, втянувшимъ его на путь преобразованій въ церковной сферѣ. Видъ Аввакума долженъ былъ привести ему на память тѣ далекіе, полные мира и невозмутимаго спокойствія дни, когда еще не было никакихъ церковныхъ раздоровъ, когда вокругъ дворца группировался кружокъ ревнителей благочестія, соединявшій въ себѣ многихъ изъ тѣхъ людей, которые теперь стали ожесточенными врагами. И подъ вліяніемъ этихъ разнообразныхъ впечатлѣній царь какъ нельзя болѣе милостиво принялъ возвращеннаго изъ ссылки протопопа. «Государь—разсказывалъ впослѣдствіи Аввакумъ объ этомъ свиданіи—меня тотчасъ къ рукѣ поставить велѣлъ и слова милостивыя говорилъ: здорово ли-де, протопопъ, живешь? еще-де видаться Богъ велѣлъ! И я сопротивъ руку его поцѣловалъ и пожалъ, а самъ говорю: живъ Господь, жива душа моя, царь-государь; а впредь что изволитъ Богъ! Онъ же, миленькій, вздохнулъ, да и пошелъ, куды надобѣ ему. И иное кое-что было, да что много говорить! Прошло уже то»! Повидавшись съ Аввакумомъ, царь приказалъ помѣстить его въ Кремлѣ въ Новодѣвичьемъ подворьѣ и каждый разъ, отправляясь куда-нибудь мимо его двора, испрашивалъ у протопопа благословенія.

Въ свою очередь Аввакумъ не замедлилъ воспользоваться благоволеніемъ царя и вскорѣ по возвращеніи подалъ ему пространную челобитную. «Государь нашъ свѣтъ!—писалъ онъ здѣсь—что ти возглаголю, яко отъ гроба возставъ отъ дальняго заключенія, отъ радости великія обливаясь многими слезами,—свое-ли смертоносное житіе возвѣщу тебѣ-свѣту или о церковномъ раздорѣ реку тебѣ-свѣту? Я чаялъ, живучи на востокѣ въ смертѣхъ многихъ, тишину здѣсь въ Москвѣ быти, а нынѣ увидалъ церковь паче и прежняго смущенну». Разсказавъ про чудо, происшедшее при его про-

ѣздѣ въ одной изъ тобольскихъ церквей и явившееся знаменіемъ ереси, заключающейся въ исправленныхъ Никономъ книгахъ, протопопъ указывалъ царю на моръ, бывшій передъ тѣмъ въ Россіи, какъ на небесную кару за эту ересь, и продолжалъ: «добро было при протопопѣ Стефанѣ, яко вся быша тихо и немятежно ради его слезъ и рыданія и не гордаго ученія: понеже не губилъ Стефанъ никого до смерти, якоже Никонъ, ниже поощрялъ на убіеніе». Немедленно вслѣдъ за этимъ Аввакумъ начиналъ указывать ереси Никона. «Вѣмъ, яко скорбно тебѣ, государю, отъ докуки нашей,—замѣчалъ онъ, прерывая свое изложеніе.—Государь-свѣтъ, православный царь! Не сладко и намъ, егда ребра наши ломаютъ и, развязавъ, насъ кнутьемъ мучатъ, и томятъ на морозѣ гладомъ. А все церкви ради Божія страждемъ». И, какъ бы для иллюстраціи этого положенія, Аввакумъ разсказываетъ исторію собственныхъ страданій, сперва отъ недовольныхъ прихожанъ въ Лопатицахъ и Юрьевцѣ, а потомъ отъ Никона и Пашкова, мимоходомъ замѣчая: «не челобитьемъ тебѣ, государю, реку, ниже похвалою глаголю... истинну-бо реку. Яко ты нашъ государь, благочестивый царь, а мы твои богомольцы: некому намъ возвѣщать, како строится въ твоей державѣ». Перечисливъ вынесенныя бѣдствія, Аввакумъ вновь возвращался къ Никону и его еретическимъ новшествамъ. «Многіе ево боятся,—говорилъ онъ—а протопопъ Аввакумъ, уповая на Бога, ево не боится. Твоя государева—свѣтова воля, аще и паки попустишь ему меня озлобить: за помощію Божіею готовъ и духъ свой предать... А душа моя пріяти ево новыхъ законовъ беззаконныхъ не хощетъ. И въ откровеніи ми отъ Бога бысть се, яко мерзокъ онъ предъ Богомъ Никонъ». Ереси Никона многочисленны и велики: «Христа онъ Никонъ не исповѣдуетъ въ плоть пришедша; Христа не исповѣдуетъ нынѣ царя бытии воскресеніе его, яко іудеи, скрываетъ; онъ же глаголетъ неистинна Духа Святаго; и сложеніе креста въ перстѣхъ разрушаетъ; и истинное метаніе въ поклонѣхъ отсѣкаетъ, и многихъ ересей люди Божія и твоя наполнилъ». «Время—заключалъ Аввакумъ—отложить служебники новые и всѣ его Никоновы затѣйки дурныя. Потщися, государь, исторгнути злое его и пагубное ученіе, дондеже конечная пагуба на насъ не пріиде».

Своей челобитной Аввакумъ въ извѣстной мѣрѣ удовлетворялъ ожиданія бояръ: трудно было бы отыскать болѣе строгаго обвинителя, болѣе непримиримаго врага патріарха. Но эта вражда, хотя и поддерживаемая личнымъ озлобленіемъ, носила все же по преимуществу принципіальный характеръ и шла слишкомъ далеко: нападая на Никона, протопопъ требовалъ отмѣны всѣхъ его «затѣекъ», замѣны исправленныхъ книгъ старыми, возстановленія прежнихъ обрядовъ, отмѣненныхъ или преобразованныхъ патріархомъ, словомъ, являлся представителемъ извѣстнаго направленія, а не личнымъ врагомъ Никона. Такія требованія не входили въ желанія большинства бояръ,

не могъ на нихъ согласиться и Алексѣй Михайловичъ, слишкомъ далеко зашедшій по пути реформы, чтобы имѣть еще возможность вернуться назадъ. Впрочемъ, на первый разъ обнаружившееся различіе во взглядахъ не повело за собою явнаго столкновенія, такъ какъ расположеніе царя и бояръ къ протопопу было слишкомъ сильно, имъ слишкомъ горячо хотѣлось удержать при себѣ этого строгаго ревнителя благочестія. Поэтому, обходя молчаніемъ ту общую программу дѣйствій, какую выставилъ Аввакумъ, его попытались склонить къ уступчивости путемъ лично ему оказываемыхъ льготъ и пожалованій. Въ послѣднихъ недостатка не было: царь, царица, многіе бояре и духовныя власти прислали протопопу отъ себя денегъ и припасовъ, отъ имени Алексѣя Михайловича ему обѣщано было мѣсто сперва духовника царскаго, затѣмъ—что гораздо болѣе привлекало Аввакума—справщика на Печатномъ дворѣ, и въ то же время царь прислалъ Родіона Стрѣшнева уговаривать Аввакума, чтобы онъ молчалъ и прекратилъ свои проповѣди противъ церкви, по крайней мѣрѣ, до собора, который обсудитъ дѣло Никоновской реформы. Протопопъ, тронутый лаской, прельщаемый надеждой, что ему будетъ поручено исправленіе книгъ, дѣйствительно, какъ будто успокоился.

Онъ зажилъ въ Москвѣ, дожидаясь того времени, когда ему будетъ, наконецъ, позволено приступить къ дѣлу возстановленія церковной чистоты, и въ ожиданіи сперва распространялъ свое ученіе лишь путемъ частныхъ бесѣдъ и знакомствъ. Почти безвыходно жилъ онъ въ домѣ духовной своей дочери, боярыни Ѳеодосьи Прокопьевны Морозовой, наставляя въ вѣрѣ ее и сестру ея, княгиню Евдокію Урусову, бывалъ у Анны Петровны Милославской, познакомился и сблизился съ княземъ Иваномъ Хованскимъ, съ Юріемъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ и иными. Могучая фигура страдальца-протопопа и въ этомъ кругу высшаго московскаго общества на многихъ производила сильное впечатлѣніе. «Отецъ Аввакумъ—говорила впослѣдствіи Морозова, выражая это впечатлѣніе,—истинный ученикъ Христовъ, понеже онъ страждетъ за законъ Владыки своего и сего ради хотящимъ Богу угодити довлѣетъ ученія его послушати». Многіе изъ этихъ знакомцевъ протопопа сдѣлались и его ревностными послѣдователями, вмѣстѣ съ нимъ ужасались проникшей въ нѣдра русской церкви ереси и готовились бороться съ ней, но не было у него другой такой горячей сторонницы, какъ Морозова. Молодая вдова, богатая и знатная, она еще раньше знакомства съ протопопомъ всѣ свои душевныя силы отдала на подвиги благочестія въ духѣ московской старины: окруженная громадной свитой слугъ, количество которыхъ въ ея домѣ заходило за 200 человѣкъ, имѣя 8.000 душъ крестьянъ, она пользовалась этимъ богатствомъ только для того, чтобы щедрой рукой раздавать его неимущимъ, постоянно держала у себя въ домѣ много убогихъ и нищихъ, а сама истязала плоть постомъ и молитвой и втайнѣ

отъ людей носила власяницу. На фанатическую проповѣдь Аввакума эта пылкая женщина отозвалась всѣмъ сердцемъ и вся ушла въ созерцаніе объявшей Россію ереси и въ борьбу съ нею путемъ споровъ въ знакомыхъ домахъ съ «никоніанами». А такихъ споровъ много велось тогда въ Москвѣ и нерѣдко приходилось участвовать въ нихъ и самому Аввакуму, особенно въ домѣ Ртищева.

Одинъ изъ первыхъ насадителей богословскаго образованія въ Руси 17-го вѣка и сторонниковъ реформъ Никона, Д. М. Ртищевъ, былъ человѣкомъ набожнымъ, но далеко не фанатикомъ, кроткимъ по натурѣ и противникомъ насильственныхъ мѣръ по принципу. Онъ принадлежалъ къ той группѣ лицъ среди разъединившагося московскаго общества, которая держалась примирительнаго направленія и, будучи болѣе близка къ новшествамъ, не хотѣла однако вводить ихъ силой, а надѣялась искоренить церковный раздоръ посредствомъ убѣжденія. Самъ Ртищевъ, мечтая устроить «церковное благочестіе тихо и немятежно», много разсчитывалъ на образованіе, для распространенія котораго немало было имъ и сдѣлано. Въ его московскомъ домѣ собирались кіевскіе монахи, отчасти имъ же и приглашенные въ Москву, бывали различные русскіе духовные и свѣтскіе люди, приверженцы и противники преобразованій, и здѣсь между ними постоянно происходили оживленныя пренія, въ которыхъ большое участіе принималъ и самъ хозяинъ, живо интересовавшійся религіозными вопросами. Аввакума Ртищевъ давно зналъ и, разойдясь съ нимъ во мнѣніяхъ, не переставалъ цѣнить въ немъ его строгое благочестіе и нравственную стойкость и не терялъ надежды примирить его съ церковью. Съ своей стороны Аввакумъ часто хаживалъ въ домъ Ртищева, гдѣ познакомился и съ новымъ лицомъ, появившимся тогда въ Москвѣ, съ кіевскимъ монахомъ и учителемъ царскихъ дѣтей—Симеономъ Полоцкимъ. Между новыми знакомцами постоянно велись споры «о вѣрѣ и о законѣ», во время которыхъ Аввакумъ, по его собственному выраженію, не мало «шумѣлъ» и энергически «бранился съ отступниками». Но бесѣдами съ отдѣльными лицами и кабинетными богословскими спорами онъ не могъ удовлетвориться: этому препятствовалъ и его собственный характеръ, и настроеніе, царившее въ окружавшемъ его обществѣ и невольно сообщавшееся ему самому. Не смогъ онъ поэтому сдержать и данное царю обѣщаніе: его подхватила и унесла впередъ волна движенія, происходившаго въ согласіи съ его общими взглядами, но не считавшагося съ его тактическими соображеніями.

Раздоръ между царемъ и патріархомъ, не имѣвшій въ своемъ происхожденіи ничего общаго съ раскольничьимъ движеніемъ, не остался однако безъ косвеннаго вліянія на это послѣднее. Выпущены были изъ заточенія нѣкоторые изъ вождей ревнителей старины, нѣсколько ослаблено было гоненіе на другихъ и у противниковъ Никоновскихъ реформъ явилась наде-

жда, что съ паденіемъ злѣйшаго ихъ врага и гонителя восторжествуетъ и самое ихъ дѣло. Сообразно этому, движеніе, передъ тѣмъ наружно какъ бы притихшее и развивавшееся лишь подъ покровомъ тайны, вновь оживилось и дало о себѣ знать: ревнители старины спѣшили усилить свою пропаганду и доканать бывшаго патріарха и одно за другимъ появлялись ихъ сочиненія, направленныя въ защиту старыхъ книгъ и обрядовъ, одна за другою приходили къ царю челобитныя объ окончательномъ низверженіи нечестиваго патріарха, увлекшаго Россію отъ правой вѣры на путь ереси и погибели. Начавшись еще до пріѣзда Аввакума въ Москву, эта усиленная пропаганда продолжалась и послѣ того, все болѣе и болѣе разростаясь. Но въ этихъ новыхъ проявленіяхъ движенія ясно сказывалось уже и измѣненіе его характера сравнительно съ моментомъ первоначальнаго его возникновенія. Прежнихъ вождей того кружка, изъ котораго впервые пошло это движеніе, уже не было въ числѣ его дѣятелей: Вонифатьевъ, съ самаго начала раздора съ Никономъ поведшій себя очень нерѣшительно и двусмысленно, умеръ еще до возвращенія Аввакума изъ Дауріи, Нероновъ отступился отъ общаго дѣла и присоединился къ церкви, и съ выбытіемъ изъ рядовъ противниковъ реформы этихъ двухъ наиболѣе вліятельныхъ людей, служившихъ представителями умѣреннаго направленія, въ движеніи взяла перевѣсъ крайняя партія. Тогда какъ Нероновъ и Вонифатьевъ ратовали преимущественно противъ личности Никона, готовы были пойти на кое-какія уступки и уклонялись отъ прямой борьбы съ авторитетомъ вселенской церкви, ихъ бывшіе пріятели, оставшіеся вѣрными своему направленію, выдвинули впередъ его принципіальную сторону и, рѣзко отказываясь отъ всякаго соглашенія, готовились къ непримиримой борьбѣ. Такъ, первымъ результатомъ гоненія, поднятаго на ревнителей старины, было усиленіе въ ихъ средѣ крайней группы и выступленіе ея на первый планъ. Но среди людей, составлявшихъ эту группу, не было еще такихъ, которые пользовались бы тою же извѣстностью и вліяніемъ, какъ бывшіе вожди московскаго братства, и потому мѣсто идейнаго главы движенія до времени пустовало.

При такихъ-то обстоятельствахъ въ Москвѣ появлялся Аввакумъ и становился почти въ такія же близкія отношенія къ царю, пріобрѣталъ такія же широкія связи среди боярства, какъ прежде Вонифатьевъ и Нероновъ. Собственно его дѣятельность съ момента перваго столкновенія съ патріархомъ все время происходила въ духѣ крайняго направленія, и притомъ на его славѣ поборника благочестія не было ни одного пятна. его нельзя было упрекнуть ни въ малѣйшемъ отступленіи отъ проповѣдуемыхъ имъ идей: онъ вынесъ свой тяжелый десятилѣтній искусъ и вышелъ изъ него безъ перемѣны. Этотъ искусъ возвышалъ его надъ всѣми остальными раскольниками: никто не пострадалъ тяжелѣе его и никто не выка-

залъ большей энергіи въ перенесеніи страданій и большей смѣлости въ распространеніи своего ученія. Въ связи съ виднымъ положеніемъ, занятымъ теперь Аввакумомъ въ московскомъ обществѣ, и многочисленными знакомствами, заведенными имъ почти по всей Россіи, отъ Москвы до Сибири, его слава проповѣдника старой вѣры и мученика за нее произвела то, что въ глазахъ ревнителей старины онъ выдвигался впередъ всѣхъ другихъ предводителей раскола, совершенно уже затмѣвая собою личности первыхъ его начинателей. Къ протопопу съ разныхъ сторонъ обращались за совѣтами и разъясненіями въ дѣлахъ вѣры, у него искали утѣшенія и поддержки въ минуту сомнѣнія и колебанія, отъ него добивались практическихъ указаній и совѣтовъ, какъ держать себя оставшимся въ правовѣріи съ никоніанами, какъ обходиться съ ихъ духовенствомъ, и, по мѣрѣ того, какъ все чаще дѣлались такія обращенія, онъ независимо отъ своей воли становился въ почетное и отвѣтственное положеніе главы людей, отторгшихся отъ никоніанской церкви.

Но если это положеніе создавалось для Аввакума даже помимо его воли, то и онъ въ свою очередь не думалъ уклоняться отъ роли «сильнаго Христова воеводы противъ сатанина полка». Напротивъ, присмотрѣвшись къ борьбѣ различныхъ направленій въ московскомъ обществѣ и получивъ съ разныхъ сторонъ запросы, свидѣтельствовавшіе объ ощущаемой нуждѣ въ духовномъ руководительствѣ, онъ не воздержался отъ искушенія самому броситься въ эту борьбу и смѣло взялъ на себя роль такого руководителя. Такъ какъ устная проповѣдь въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ жилъ теперь въ Москвѣ, не могла принять особенно широкихъ размѣровъ, то онъ прибѣгъ и къ письменной пропагандѣ, пустивъ въ обращеніе написанныя имъ сочиненія противъ никоніанъ. Въ этихъ сочиненіяхъ, какъ и въ устной рѣчи, онъ обвинялъ Никона, а за нимъ и всѣхъ, принявшихъ исправленныя при немъ книги, въ многочисленныхъ и жестокихъ ересяхъ. Такую ересь протопопъ усматривалъ въ измѣненіи словъ символа вѣры, какъ онъ читался въ старыхъ русскихъ книгахъ «его-же (Христа) царствію нѣсть конца» на чтеніе «не будетъ конца», измѣненіи, давшемъ ему поводъ говорить, что никоніане не признаютъ Христа царемъ міра въ настоящее время; точно также по поводу вставленнаго въ старыхъ книгахъ и выброшеннаго при исправленіи слова «истинна» о Св. Духѣ протопопъ утверждалъ, будто никоніане «Духа Святого не истинна глаголятъ быти». Защищая двоеперстіе и земные поклоны, онъ одновременно жестоко нападалъ на Никоновскихъ справщиковъ книгъ, упрекая ихъ, что «они пожираютъ стадо Христово злымъ ученіемъ и образы нелѣпо носятъ отступническіе, а не природные наши словенскаго языка», называя ихъ отщепенцами и уніатами за то, что они ходятъ «въ рогахъ» вмѣсто обыкновенныхъ «словенскихъ скуфей», наконецъ, увѣряя даже, что

«они не церковныя чада, а діаволя». Въ тѣхъ храмахъ, училъ далѣе протопопъ, гдѣ служба происходитъ по вновь исправленнымъ книгамъ, нѣтъ настоящаго богослуженія: тамъ «поютъ пѣсни, а не божественное пѣніе, по латини, и законы и уставы у нихъ латинскіе, руками машутъ, и главами киваютъ, и ногами топочутъ, какъ обыкло у латинниковъ, по органомъ». Наконецъ Аввакумъ проповѣдывалъ, что и священники, принявшіе исправленные служебники и совершающіе по нимъ богослуженіе, не истинные пастыри, и училъ не повиноваться имъ и не принимать отъ нихъ причащенія. Эти проповѣди и писанія Аввакума имѣли большой успѣхъ среди населенія Москвы и многихъ отторгли отъ церкви, но самъ протопопъ ими еще не удовольствовался.

Видя, что время идетъ, а власти не принимаютъ никакихъ мѣръ къ возстановленію старой вѣры, Аввакумъ сдѣлалъ новый рѣшительный шагъ и подалъ опять Алексѣю Михайловичу челобитную, въ которой просилъ, «чтобы онъ старое благочестіе взыскалъ... и на престолъ-бы патріаршескій пастыря православнаго учинилъ вмѣсто волка и отступника Никона, злодѣя и еретика». Вмѣстѣ съ тѣмъ Аввакумъ требовалъ смѣны всѣхъ главнѣйшихъ православныхъ іерарховъ и замѣны ихъ другими, изъ числа ревнителей раскола, причемъ называлъ и имена намѣченныхъ имъ кандидатовъ. Царь принялъ челобитную, но съ той поры «кручиновать сталъ» на протопопа. Дѣйствительно, заключавшіяся въ ней просьбы какъ нельзя полнѣе раскрывали всю наивность разсчетовъ благодушнаго боявшагося рѣзкаго, безповоротнаго разрыва, Алексѣя Михайловича на примиреніе съ Аввакумомъ путемъ предоставленія ему виднаго положенія въ церковной іерархіи и всякихъ другихъ милостей. Для протопопа, какъ оказывалось, всего важнѣе было торжество его взглядовъ и потому онъ, пренебрегая всѣми выгодами царской дружбы, открыто становился во главѣ партіи, враждебно настроенной противъ существующей церковной іерархіи, и, переводя вопросъ на принципіальную почву, принуждалъ царя не только выбрать ту или другую сторону въ немъ, но и принять соотвѣтствующія практическія мѣры. Такой выборъ былъ уже сдѣланъ Алексѣемъ Михайловичемъ заранѣе и, выступая съ рѣшительнымъ отказомъ отъ соглашенія, Аввакумъ тѣмъ самымъ подписывалъ себѣ приговоръ. Къ тому же въ это время и отъ церковныхъ властей стали поступать къ царю жалобы на него, что онъ своею дѣятельностью многихъ людей въ Москвѣ отвратилъ отъ церкви. Самъ же Аввакумъ, прослышавъ про неудовольствіе царя, подалъ ему еще челобитную, наполненную обличеніями пороковъ и ересей пріѣзжихъ грековъ и высшаго московскаго духовенства. При всемъ своемъ желаніи удержать Аввакума при себѣ и Алексѣй Михайловичъ увидѣлъ, наконецъ, какъ неосновательны были надежды на примиреніе его съ церковью, понялъ, что онъ не Нероновъ и не отступится отъ затѣяннаго

дѣла, и, скрѣпя сердце, прислалъ ему чрезъ боярина Петра Салтыкова свой приказъ: «власти на тебя жалуются: церкви-де ты запустошилъ; поѣдь въ ссылку опять». Мѣстомъ ссылки протопопа на этотъ разъ назначенъ былъ Пустозерскій острогъ и 29 августа 1664 года, приблизительно черезъ полгода по возвращеніи Аввакума въ Москву, его съ семьею вывезли въ новую дорогу.

Не долго такимъ образомъ продолжалась жизнь протопопа въ Москвѣ, немного пришлось ему и ратовать здѣсь за старую вѣру. Черезъ какіе-нибудь шесть мѣсяцевъ свободной жизни снова уже начиналась для него далекая ссылка, снова глянула ему въ глаза сѣверная зима съ ея морозами и вьюгами, съ ужасами дальняго и тяжелаго пути. Передъ ними дрогнуло сердце даже этого закаленнаго въ бѣдствіяхъ человѣка и изъ его усталой груди въ первый и въ послѣдній разъ вырвалась мольба о пощадѣ. Съ дороги, изъ Холмогоръ, онъ отправилъ къ царю новую челобитную, не поднимавшую уже никакихъ общихъ вопросовъ. «Христолюбивому государю, царю и в. кн. Алексѣю Михайловичу—гласило это короткое посланіе—бьетъ челомъ богомолецъ твой, въ Даурехъ мученой протопопъ Аввакумъ Петровъ. Прогнѣвалъ, грѣшной, благоутробіе твое отъ болѣзни сердца неудержаніемъ моимъ, а иное тебѣ, свѣту-государю, и солгали на меня, имъ же да не вмѣнитъ Господь во грѣхъ! Помилуй, равноапостольный государь-царь, робятишекъ ради моихъ умилосердися ко мнѣ! Съ великою нужею доволокся до Холмогоръ; а въ Пустозерской острогъ до Христова Рождества невозможно стало ѣхать, потому что путь нужной, на оленяхъ ѣздятъ. И смущаюся грѣшникъ, чтобъ робятишки на пути не примерзли съ нужи». Прося позволенія остаться въ Холмогорахъ или въ какомъ-нибудь другомъ, не столь далекомъ, какъ Пустозерскъ, мѣстѣ, Аввакумъ заканчивалъ челобитную горькимъ воплемъ измученнаго страдальца: «И въ Даурской землѣ у меня два сына отъ нужи умерли. Царь-государь, смилуйся».

Въ концѣ ноября одинъ изъ учениковъ Аввакума, юродивый Кипріанъ, передалъ его челобитье государю. Не дремали и московскіе друзья протопопа. Дьяконъ Ѳедоръ подалъ было челобитную объ его освобожденіи царскому духовнику, но тотъ не принялъ ея и Ѳедору «въ глаза бросилъ съ яростію великою». Вѣрнѣе оказался другой путь—черезъ бывшаго протопопа Ивана Неронова, теперь старца Григорія. Этотъ путь былъ еще облегченъ тѣмъ, что Алексѣй Михайловичъ не забылъ о ссыльномъ протопопѣ и, чтобы имѣть поводъ къ смягченію его судьбы, «самъ приказалъ старцу Григорію написать маленькую челобитную о свободѣ» Аввакума. 6 декабря Нероновъ и подалъ такую челобитную, въ которой, оправдывая своего пріятеля, просилъ не отправлять его въ Пустозерскъ, а позволить поселиться вмѣстѣ съ нимъ въ Игнатіевой пустынѣ на Сарѣ. Эта просьба не была

исполнена, но наказаніе Аввакуму все-таки уменьшили, отправивъ его лишь на Мезень, гдѣ онъ жилъ, пользуясь нѣкоторыми удобствами и не подвергаясь особымъ стѣсненіямъ. Неизвѣстно, какія именно приказанія даны были изъ Москвы на счетъ его содержанія, но на дѣлѣ онъ постоянно обмѣнивался письмами съ своими московскими единомышленниками, нѣкоторые изъ нихъ и пріѣзжали къ нему, а одинъ даже жилъ у него около четырехъ недѣль.

Въ этихъ сношеніяхъ своихъ съ московскими товарищами Аввакумъ особенно старался поднять ослабѣвшую въ нихъ средѣ бодрость духа. Самъ онъ скоро оправился отъ перваго впечатлѣнія неожиданной ссылки и возвратилъ себѣ всю присущую ему энергію, но на многихъ его единомышленниковъ эта неудача попытки прямой борьбы съ церковной іерархіей произвела гораздо болѣе подавляющее впечатлѣніе. Благодаря ей, у многихъ изъ нихъ поколебалась и вообще надежда на успѣшный исходъ немедленной борьбы и ослабѣло стремленіе къ послѣдней; многіе даже изъ тѣхъ, которые передъ этимъ сами дѣятельно вели пропаганду въ интересахъ старой вѣры, теперь готовы были отступить отъ открытаго столкновенія съ никоніанами, опасаясь его невыгодныхъ послѣдствій и такимъ образомъ среди раскольничьей общины въ Москвѣ взяла опять перевѣсъ партія болѣе умѣренныхъ и осторожныхъ людей, не желавшихъ до поры, до времени заявлять о своемъ существованіи. А между тѣмъ дѣло Аввакума вновь обратило вниманіе властей на ревнителей старины и вызвало усиленное ихъ преслѣдованіе. По этому поводу среди нихъ началась распря, раздались жалобы на Аввакума, что онъ только вредитъ общему дѣлу, дразня еретиковъ; нѣкоторые, наиболѣе раздраженные, даже писали и говорили самому протопопу, что лучше было бы ему умереть въ Дауріи, чѣмъ пріѣзжать въ Москву. Въ виду такого настроенія товарищей Аввакуму приходилось одновременно и возбуждать въ нихъ бо́льшую ревность къ защитѣ общаго дѣла, и оправдывать свои личныя дѣйствія, и съ этою цѣлью онъ отправилъ въ Москву посланіе «игумену Ѳеоктисту и всей братіи».

«Я въ Москву пріѣхалъ прошлаго году не самозванъ,—писалъ онъ здѣсь—но призванъ благочестивымъ царемъ и привезенъ по грамотамъ. Ужъ то мнѣ такъ Богъ изволилъ быть у васъ на Москвѣ. Не кручиньтеся на меня. Господа ради, что моего ради пріѣзда страждете». Такъ смиренно по виду принявъ обвиненія, направленныя на него лично, онъ тѣмъ рѣзче выступилъ противъ сказавшагося въ нихъ малодушія. «Отче,—писалъ онъ, обращаясь къ Ѳеоктисту,—что ты страшливъ? Ѳеоктистъ, что ты опечалился? Аще не днесь, умремъ же всяко. Не малодушествуй: понеже наша брань нѣсть къ плоти и крови. А что на тебя дивить? Не видишь, глаза у тебя худы. Рече Господь: ходяй во тмѣ, не вѣсть, камо грядетъ. Не забреди, брате, съ слѣпыхъ тѣхъ къ Никону въ горкой Сіонъ! Не сдѣлай

бѣды, да не погибнешь злѣ! Около Воскресенскова ровъ великъ и глубокъ выкопанъ, прознаменуя адъ: блюдися, да не ввалишься и многихъ да не погубиши». Возбуждая такимъ образомъ энергію своихъ болѣе умѣренныхъ товарищей и прямыми увѣщаніями, и ободреніемъ, и угрозами, что они, заходя черезчуръ далеко по мирному пути, рискуютъ впасть въ никоніанство, протопопъ не забывалъ и непосредственныхъ практическихъ интересовъ ихъ въ положеніи данной минуты и въ этихъ видахъ передавалъ имъ рядъ наставленій, совѣтуя бѣгать и скрываться отъ никоніанскихъ властей, а самъ въ свою очередь просилъ присылать ему свѣдѣнія о московской жизни. Объ одномъ только человѣкѣ просилъ онъ пріятелей не сообщать ему ничего, именно о Нероновѣ. Какъ далеко ни разошелся Аввакумъ съ этимъ человѣкомъ, передъ которымъ онъ нѣкогда преклонялся, котораго считалъ своимъ вождемъ и наставникомъ, но старая дружба, заставившая старца Григорія вступиться за Аввакума въ минуту его бѣды, не исчезла и изъ сердца бывшаго юрьевецкаго протопопа и черезчуръ больно было ему слушать брань и хулу на Неронова изъ устъ людей, не стоявшихъ къ послѣднему такъ близко, какъ онъ, въ прежніе, болѣе счастливые годы. «Про все пиши,—наказывалъ онъ тому же Ѳеоктисту – а про старцово житье не пиши, не досаждай мнѣ имъ: не могутъ мои уши слышати о немъ хульныхъ словесъ ни отъ ангела. Ужъ то грѣхъ ради моихъ въ сложеніи перстовъ малодушествуетъ. Да исправитъ его Богъ,—надѣюся».

Заботясь о московской общинѣ, о поддержаніи въ ней бодрости и о спасеніи отдѣльныхъ ея членовъ изъ рукъ властей, Аввакумъ не упускалъ изъ виду и той мѣстности, въ которой ему теперь пришлось побывать. По прежнему, по всѣмъ городамъ и селамъ, черезъ которые его провозили, раздавалась его смѣлая проповѣдь, всюду онъ сурово обличалъ никоніанство и училъ народъ твердо стоять за древнее благочестіе. Полтора года провелъ онъ такимъ образомъ въ ссылкѣ, всецѣло отдавшись дѣятельности проповѣдника и организатора раскола, «словесныхъ рыбъ промышляя», а тѣмъ временемъ надъ его головой и надъ головами его единомышленниковъ собиралась послѣдняя, роковая гроза.

V.

Самое начало церковныхъ исправленій при Никонѣ ознаменовано было двумя пріемами, посредствомъ которыхъ хотѣли освятить эти исправленія, придавъ имъ полный и безусловный авторитетъ православія. Одинъ изъ такихъ пріемовъ заключался въ созывѣ соборовъ русскаго духовенства для постановленій объ исправленіи книгъ и обрядовъ и наблюденія за нимъ, другой—въ обращеніи за совѣтами и справками по сомнительнымъ вопро-

самъ къ православнымъ вселенскимъ патріархамъ; оба они практиковались одновременно и параллельно, но ни тотъ, ни другой не предупредили и не обуздали церковныхъ раздоровъ. По мѣрѣ же того, какъ церковное разстройство все увеличивалось и отношенія различныхъ партій все болѣе обострялись и осложнялись, все сильнѣй ощущалась и нужда въ новомъ, болѣе дѣйствительномъ средствѣ для устроенія церковныхъ непорядковъ, и такое средство нашли въ соединеніи обоихъ употреблявшихся ранѣе пріемовъ, въ созывѣ въ Москву собора, но уже не русскаго только, а вселенскаго, съ участіемъ если не всѣхъ, то хоть нѣкоторыхъ вселенскихъ патріарховъ. Мысль объ этомъ появилась первоначально въ формѣ предположенія объ устройствѣ суда патріарховъ надъ Никономъ, но вскорѣ она приняла болѣе широкіе размѣры и новому собору задумали передать рѣшеніе обоихъ важныхъ дѣлъ, волновавшихъ русскую церковь, какъ спора между царемъ и патріархомъ, такъ и распри между православными и раскольниками, разсчитывая, что его авторитетъ будетъ достаточенъ для разрѣшенія обоихъ запутавшихся вопросовъ и окончательно укажетъ государственной власти тотъ путь, котораго слѣдуетъ въ нихъ держаться. Къ 1666 году была выработана и практическая форма осуществленія этого плана: въ этомъ году именно созывался соборъ русскаго духовенства, который долженъ былъ заняться дѣломъ раскольниковъ и рѣшить его, а къ слѣдующему году на соборъ приглашались патріархи александрійскій и антіохійскій, которымъ предстояло разобрать дѣло Никона и вмѣстѣ произнести окончательный приговоръ по поводу раскольничьяго движенія. Этимъ путемъ передъ тѣми изъ ревнителей старины, которые отвергли уже авторитетъ русской іерархіи и отдѣльныхъ патріарховъ, ставился авторитетъ всей современной имъ вселенской церкви, грозившій имъ конечнымъ осужденіемъ.

Въ февралѣ 1666 года открылись засѣданія собора и къ этому времени изъ разныхъ мѣстъ привезли въ Москву находившихся въ заточеніи или ссылкѣ раскольниковъ; къ 1 марта привезенъ былъ сюда и Аввакумъ съ двумя сыновьями, Иваномъ и Прокопіемъ, тогда какъ остальная его семья была оставлена въ Мезени. Теперь, передъ лицомъ послѣдняго, рѣшительнаго испытанія, долженствовавшаго окончательно опредѣлить судьбу какъ всего движенія, такъ и отдѣльныхъ его представителей, раскольники явно распались на двѣ группы. Одни изъ нихъ, проникнутые лишь сомнѣніемъ относительно реформъ Никона, не предрѣшали безповоротно вопроса объ ихъ неправовѣріи и готовы были пойти на убѣжденіе, выслушать и оцѣнить, болѣе или менѣе спокойно и безпристрастно, доводы защитниковъ церковной реформы. Къ нимъ примыкали такіе люди, убѣжденія которыхъ были гораздо прочнѣе обоснованы въ ихъ теоретическомъ сознаніи, но которые отступали передъ послѣдовательнымъ проведеніемъ этихъ убѣжденій на практикѣ изъ чувства страха, вытекало ли послѣднее изъ смутно чув-

ствовавшагося еще уваженія къ авторитету вселенскихъ патріарховъ или сводилось оно на боязнь передъ мѣрами свѣтской власти. Соотвѣтственно этому люди данной группы и вели себя передъ соборомъ: они или искали убѣжденія, или, по крайней мѣрѣ, поддавались ему. Такъ, епископъ вятскій Александръ, раньше возстававшій противъ реформъ Никона, обратился къ членамъ собора за разъясненіемъ своихъ сомнѣній и, получивъ доказательства правовѣрности измѣненій, произведенныхъ въ церковныхъ книгахъ и обрядахъ, убѣдился ими и «сталъ поборать не по мятежницѣхъ, но по истинѣ». Такъ, «предста волею» предъ соборъ іеромонахъ Сергій, числившійся до того въ рядахъ раскольниковъ, и подалъ покаянное писаніе, свидѣтельствуя о перемѣнѣ своего взгляда на исправленныя книги: «нынѣ увѣрихся—говорилъ онъ—добрымъ увѣреніемъ отъ древнихъ рукописныхъ славянскихъ святыхъ книгъ, паче же греческихъ». Равнымъ образомъ и нѣкоторые другіе изъ раскольниковъ передъ лицомъ собора отступились отъ своихъ убѣжденій, иные искренно, иные лишь по наружности. Но рядомъ съ этими поколебавшимися людьми стояли и другіе твердо рѣшившіеся вести дѣло до конца, слишкомъ фанатически преданные ему, чтобы можно было думать о воздѣйствіи на нихъ путемъ убѣжденія, и слишкомъ крѣпкіе духомъ, чтобы отступить передъ грозившею опасностью. Послѣдовательно проводя основной принципъ своей дѣятельности, заключавшійся въ сохраненіи русскаго правовѣрія, которое противополагалось всякому другому, эти люди не отступали передъ отрицаніемъ авторитета вселенскихъ патріарховъ, въ ихъ глазахъ имѣвшаго крайне сомнительную цѣнность. При этомъ, будучи вполнѣ увѣрены въ правотѣ своихъ идей, они не видѣли никакого средняго пути между полной ихъ побѣдой и рѣшительнымъ пораженіемъ и, не надѣясь уже въ данное время на первую, заранѣе готовились къ мученичеству. На этой группѣ сосредоточивался весь жгучій интересъ настоящей минуты, на нее обращена была вся ненависть враговъ раскола и всѣ симпатіи его явныхъ и тайныхъ сторонниковъ. Среди самой же этой группы наиболѣе виднымъ лицомъ являлся Аввакумъ, занявшій положеніе ея главнаго вождя.

По привозѣ Аввакума въ Москву церковныя власти попытались было склонить и его путемъ увѣщаній къ примиренію съ церковью, но эта попытка не имѣла никакихъ результатовъ и вслѣдъ затѣмъ протопопъ былъ отвезенъ въ Пафнутьевъ монастырь, верстъ за 90 отъ столицы, и отданъ тамъ подъ начало. Время отъ времени сюда пріѣзжали отъ собора духовныя лица уговаривать Аввакума смириться и принести покаяніе въ своихъ заблужденіяхъ. Но даже среди самихъ этихъ увѣщевателей находились порою люди, втайнѣ раздѣлявшіе его взгляды и видѣвшіе въ немъ мученика за истину, подражать которому они сами отказывались лишь по недостатку нравственной силы. Присланный отъ собора къ Аввакуму ярослав-

скій діаконъ Козма передъ людьми уговаривалъ его покориться, а наединѣ увѣщевалъ мужественно стоять за свои убѣжденія. «Протопопъ!—говорилъ онъ въ этихъ тайныхъ бесѣдахъ—не отступай ты отъ стараго того благочестія! великъ ты будешь у Христа человѣкъ, какъ до конца претерпишь! не гляди на насъ, что погибаемъ мы»! Аввакумъ, впрочемъ, и не нуждался въ этихъ сочувственныхъ совѣтахъ и наставленіяхъ, чтобы остаться вѣрнымъ своимъ взглядамъ. Всѣ уговоры присоединиться къ «никоніанамъ» не производили на него никакого дѣйствія, на всѣ доказательства несправедливости его мнѣній относительно порчи церковныхъ книгъ и обрядовъ онъ отвѣчалъ упорными возраженіями и бранью, и такимъ образомъ десять недѣль прошло въ безуспѣшныхъ попыткахъ смирить непокорнаго протопопа путемъ словесныхъ увѣщаній и монастырскаго начала, пока, наконецъ, власти не отчаялись въ возможности прійти къ какому-нибудь соглашенію съ нимъ. Его привезли обратно въ Москву и 13 мая поставили на судъ собора. Но и тутъ онъ, говоря словами оффиціальнаго акта, «покаянія и повиновенія не принесъ, а во всемъ упорствовалъ, еще же и освященный соборъ укорялъ и неправославными называлъ». Тогда соборъ постановилъ лишить его сана и это рѣшеніе было исполнено въ тотъ же день: въ соборной церкви Аввакумъ, вмѣстѣ съ діакономъ Ѳедоромъ, былъ разстриженъ и преданъ проклятію, какъ еретикъ. И теперь еще онъ нашелъ себѣ защитниковъ, даже въ самой царской семьѣ: царица Марья Ильинишна пыталась отстоять его отъ предстоящаго униженія и по этому поводу было у нея «великое нестроеніе» съ Алексѣемъ Михайловичемъ, который не находилъ болѣе возможнымъ вступаться за протопопа. Однако окончательное рѣшеніе судьбы Аввакума, равно какъ и другихъ вождей раскола, было отложено до пріѣзда патріарховъ, а пока постановили опять заключить его въ монастырь. На этотъ разъ мѣстомъ такого заключенія избранъ былъ Угрѣшскій монастырь св. Николая, куда уже 15 мая и отправили Аввакума подъ конвоемъ стрѣльцовъ. При этомъ, опасаясь проявленій симпатій со стороны народа къ разстриженному протопопу, его везли ночью и не прямой дорогой, а въ объѣздъ—«болотами да грязью».

Опасенія эти были не лишены основанія. Не говоря о томъ, что и въ самой Москвѣ, и въ ея окрестностяхъ въ это время было уже много явныхъ и тайныхъ раскольниковъ, видѣвшихъ въ Аввакумѣ своего главнаго вождя, могучая фигура стойкаго страдальца привлекала къ себѣ порою сочувственное вниманіе даже лицъ, не раздѣлявшихъ тѣхъ взглядовъ, за которые онъ выносилъ страданія. И среди начавшейся уже борьбы далеко не всѣмъ еще въ обществѣ были ясны не только конечные ея результаты, но и глубокое различіе боровшихся партій. Въ виду этого обстоятельства и люди, вполнѣ искренно и сознательно ставшіе на сторону

Никоновскихъ реформъ, могли, однако, находить у себя много общихъ точекъ соприкосновенія съ заклятымъ врагомъ Никона, Аввакумомъ, и видѣть въ послѣднемъ многія родственныя себѣ черты. Съ другой стороны, многіе изъ тѣхъ, которые ступили на путь реформъ, толкаемые силою внѣшнихъ условій, далеко не оглядѣлись еще въ новомъ своемъ положеніи и не разорвали всецѣло съ прежнимъ міросозерцаніемъ, не отказались отъ многихъ входившихъ въ его составъ взглядовъ, яркимъ представителемъ которыхъ являлся Аввакумъ. При такой неустойчивости и неопредѣленности общественнаго настроенія, при томъ условіи, что рѣзкое раздѣленіе на партіи только еще начинало пріобрѣтать себѣ общее признаніе, популярность Аввакума, покоившаяся какъ на мужественномъ перенесеніи имъ гоненій, такъ и на его нравственныхъ качествахъ и строгой жизни, распространялась на обѣ партіи и ея не уничтожилъ и не замкнулъ въ болѣе опредѣленныя границы даже послѣдній рѣшительный шагъ церковной іерархіи по отношенію къ нему.

Благодаря этой популярности, не успѣли привезти разстриженнаго протопопа въ Угрѣшскій монастырь, какъ слѣдомъ за нимъ направились туда многочисленные посѣтители. Самъ царь пріѣзжалъ въ обитель и ему уже «дорогу было приготовили, насыпали песку», но онъ не рѣшился зайти къ Аввакуму, а только «около темницы походилъ и, постонавъ, опять пошелъ изъ монастыря». Посѣтили послѣдній и нѣкоторые бояре, но ихъ не допускали къ заключенному. Постепенно однако строгость надзора за нимъ начала ослабѣвать и, если непосредственный доступъ въ его темницу по прежнему оставался закрытымъ, то проникавшіе въ монастырь богомольцы получили, по крайней мѣрѣ, возможность издали видѣть Аввакума и даже бесѣдовать съ нимъ черезъ окно тюрьмы. Этимъ воспользовались, между прочимъ, оставшіеся въ Москвѣ родственники протопопа. Два его сына, Иванъ и Прокопій, захвативъ съ собою своего двоюроднаго брата, Макара, подъ видомъ обыкновенныхъ богомольцевъ пришли 7 іюля въ Угрѣшскій монастырь и раннимъ утромъ, когда большинство населенія обители еще спало, успѣли побесѣдовать съ отцомъ. Не замедлили вскорѣ сказаться и плоды установившихся такимъ образомъ сношеній съ Аввакумомъ: со словъ послѣдняго стали циркулировать слухи, будто ему въ тюрьмѣ явился самъ Христосъ съ Богородицей и увѣщевалъ не бояться гоненій за правое дѣло. Когда эти слухи, постепенно распространяясь, дошли до московскихъ властей, они вызвали среди послѣднихъ немалый переполохъ и смущеніе. Сыновья Аввакума были немедленно арестованы и послѣ того, какъ на допросѣ подтвердился фактъ посѣщенія ими Угрѣшскаго монастыря и бесѣды съ отцомъ, были отосланы 10 августа въ Покровскій монастырь съ приказаніемъ «держать ихъ въ монастырскихъ трудахъ подъ надзоромъ». Легче отдѣлался ихъ двоюродный братъ, оставленный на свободѣ, благодаря

тому обстоятельству, что нѣсколько москвичей дали по отцу его, Кузьмѣ, и по нему самому поручную запись. Впрочемъ, и сыновья Аввакума не долго оставались въ заключеніи, такъ какъ фактъ распространенія именно отъ нихъ слуховъ о видѣніи протопопа не былъ установленъ на слѣдствіи, а все остальное даже въ глазахъ подозрительно настроеннаго по отношенію къ нимъ московскаго правительства не могло составить особаго преступленія. Уже черезъ три недѣли они просили объ освобожденіи «для всемирныя радости рожденія государя благовѣрнаго царевича Ивана Алексѣевича» и 4 сентября, дѣйствительно, были выпущены на свободу съ порукою, «что имъ соборныя апостольскія церкви раскольникомъ не быть и ложныхъ сновъ отца своего Аввакума никому не разсказывать», являться по первому требованію въ патріаршій приказъ и никуда изъ Москвы не уѣзжать.

Это слѣдствіе не прошло безрезультатно и для самого Аввакума, вызвавъ новую перемѣну въ его судьбѣ. Изъ Угрѣшскаго монастыря власти рѣшили перевести его въ болѣе отдаленное мѣсто и пресѣчь ему возможность сношеній съ его поклонниками и пропаганды своихъ ученій. Съ этою цѣлью онъ уже 3 сентября отправленъ былъ изъ Угрѣши опять въ Пафнутьевъ Боровской монастырь, а игумену послѣдняго послана была инструкція, заключавшая въ себѣ слѣдующія приказанія: «вы-бъ его, Аввакума, приняли и велѣли посадить въ тюрьму и приказали его беречь накрѣпко съ великимъ опасеніемъ, чтобъ онъ съ тюрьмы не ушелъ и дурна никакова бы надъ собою не учинилъ, и чернилъ и бумаги ему не давать, и никого къ нему пускать не велѣть». Первое время инструкція эта, дѣйствительно, исполнялась во всей своей строгости и монастырскія власти въ своемъ рвеніи дошли даже до того, что забили двери и окна темницы Аввакума. Къ счастью,—вспоминалъ онъ впослѣдствіи—нашелся «доброй человѣкъ, дворянинъ другъ, Иваномъ зовутъ, Богдановичъ Камынинъ, вкладчикъ въ монастырѣ, и ко мнѣ зашелъ, да на келаря покричалъ и лубье и все безъ указу разломалъ, такъ мнѣ съ тѣхъ поръ окошко стало и отдухъ». Но и послѣ того суровость монаховъ къ Аввакуму еще не исчезла и даже въ первый день Пасхи ему не позволили выйти посидѣть на порогъ своей кельи. Впрочемъ, этого рвенія хватило лишь на нѣсколько мѣсяцевъ. Среди монаховъ Пафнутьевскаго монастыря, какъ и въ другихъ кругахъ тогдашняго общества, не было прочной увѣренности въ неправотѣ Аввакума. Такую увѣренность сообщали имъ лишь приказанія высшихъ церковныхъ властей, но она, не будучи основана на прочномъ внутреннемъ убѣжденіи, не могла успѣшно выдержать столкновенія съ убѣжденной проповѣдью и стойкимъ мужествомъ протопопа. Послѣдній въ сознаніи монаховъ постепенно обращался изъ ослушника царской воли въ мученика, терпящаго за правду, и по мѣрѣ того, какъ дѣлало успѣхи такое представленіе, въ монастырѣ наростало сочувствіе къ Аввакуму и раскаяніе въ

его притѣсненіяхъ, тѣмъ болѣе жгучее, что съ нимъ, по понятіямъ вѣка, почти неизбѣжно соединялось ожиданіе наказанія за мученіе праведника. Разъ назрѣвши, это настроеніе не замедлило проявиться и наружу, окруженное тѣмъ ореоломъ чудеснаго, который сопровождалъ въ то время самыя обыденныя событія человѣческой жизни и тѣмъ болѣе охотно соединялся со всякаго рода нравственными потрясеніями. Случилось одному изъ наиболѣе усердныхъ притѣснителей Аввакума въ первое время, келарю Никодиму, заболѣть, а затѣмъ увидѣть сонъ, будто Аввакумъ исцѣлилъ его. Проснувшись и почувствовавъ себя, дѣйствительно, лучше, онъ немедленно отправился въ темницу Аввакума, покаялся передъ нимъ и, объявивъ, что онъ позналъ истину Аввакумова ученія, просилъ совѣта, жить-ли ему по прежнему въ монастырѣ или покинуть послѣдній и уйти въ пустыню. Аввакумъ не велѣлъ ему оставлять монастыря подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ, хотя въ тайнѣ, «держалъ старое преданіе отеческое», и вмѣстѣ запретилъ разсказывать про бывшее ему видѣніе. Послѣдняго приказанія Никодимъ однако не соблюлъ и съ тѣхъ поръ характеръ содержанія Аввакума существенно измѣнился: не только онъ не испытывалъ болѣе притѣсненій отъ монаховъ, но и доступъ къ нему сдѣлался свободнымъ. Изъ окрестностей сходились къ нему люди за наставленіями и поученіемъ; бывшіе его ученики также не разъ приходили и пріѣзжали въ монастырь, ища указанія и совѣтовъ у своего учителя въ тяжелую годину борьбы. Въ числѣ другихъ пришелъ къ нему и юродивый Ѳедоръ, бѣжавшій изъ Рязани, куда онъ былъ отданъ подъ начало архіепископу Илларіону, и просилъ совѣта: отдаться-ли ему опять въ руки никоніанъ или скрываться и прекратить свой подвигъ юродства, который могъ обратить на него вниманіе. Аввакумъ посовѣтовалъ ему послѣднее.

Не долго, впрочемъ, пришлось заточенному протопопу пользоваться этой сравнительной свободой. Восточные патріархи пріѣхали уже въ Москву и близокъ былъ тотъ день, когда онъ долженъ былъ стать на ихъ судъ вмѣстѣ съ другими ревнителями старины, подобно ему отказавшимися подчиниться русской церковной іерархіи. 30-го апрѣля 1667 года его, дѣйствительно, вывезли изъ Пафнутьева монастыря въ Москву. Но еще два съ половиной мѣсяца прошли съ момента привоза его въ столицу до появленія на соборѣ и за этотъ промежутокъ времени духовныя власти истощили послѣднія усилія въ попыткахъ склонить его къ признанію церковныхъ реформъ. Всѣ эти попытки остались безполезными, встрѣтивъ рѣзкій отпоръ со стороны Аввакума, и въ результатѣ ихъ выяснилась только полная невозможность соглашенія между спорившими партіями. Съ особенною рельефностью обнаружился этотъ результатъ на самомъ соборѣ, когда духовенство, отказавшись отъ безплодныхъ попытокъ смирить Аввакума путемъ всѣхъ своихъ увѣщаній, рѣшилось поставить его предъ вселенскихъ

патріарховъ. 17 іюля онъ приведенъ былъ на засѣданіе собора и патріархи въ свою очередь долго, но тщетно, пытались убѣдить его въ правотѣ Никоновскихъ измѣненій. «Наконецъ,—разсказываетъ самъ Аввакумъ—послѣднее слово ко мнѣ рекли: «что-де ты упрямъ? вся-де наша Палестина, и Серби, и Албанасы, и Волохи, и Римляне, и Ляхи, всѣ-де трема персты крестятся, одинъ-де ты стоишь въ своемъ упорствѣ и крестишься пятію персты! - такъ не подобаетъ»! И я имъ о Христѣ отвѣщалъ сице: Вселенстіи учителіе! Римъ давно упалъ и лежитъ невосклонно и Ляхи съ нимъ же погибли, до конца враги быша христіаномъ. А и у васъ православіе пестро стало отъ насилія турскаго Махмета,—да и дивить на васъ нелзя: немощни есте стали. И впредь пріѣзжайте къ намъ учитца: у насъ, Божіею благодатію, самодержество. До Никона отступника въ нашей Россіи у благочестивыхъ князей и царей все было православіе чисто и непорочно и церковь немятежна».

Ярко и полно сказалось въ этомъ отвѣтѣ воззрѣніе, которое еще такъ недавно рѣшительно господствовало въ жизни московскаго общества и въ силу котораго Москва ставилась единственнымъ образцомъ правильнаго церковнаго и гражданскаго устройства. Не ей, успѣвшей сохранить у себя и православіе, и внѣшнюю независимость, предстояло у кого-нибудь учиться; къ ней должны были обращаться за поученіемъ народы, и въ томъ числѣ прежде всего тѣ, которые еще называли себя православными. При такой постановкѣ вопроса и самый споръ объ обрядахъ, независимо даже отъ той важности, какая непосредственно приписывалась имъ въ сознаніи современниковъ, пріобрѣталъ новое и громадное значеніе и объ уступкахъ, о добровольномъ подчиненіи со стороны ревнителей старины не могло быть и рѣчи. Если такія уступки еще возможны были до нѣкоторой степени при первыхъ дѣятеляхъ раскола, когда личные интересы и мелкіе вопросы церковной практики въ значительной мѣрѣ заслоняли собою главныя различія сторонъ, то теперь, когда создавшаяся и укоренившаяся въ годы гоненій крайняя фракція раскола съ Аввакумомъ во главѣ выдвинула на первый планъ именно принципіальную сторону вопроса и тѣмъ подчеркнула основное противорѣчіе въ воззрѣніяхъ партій, никакихъ уступокъ съ ея стороны не могло быть болѣе сдѣлано. Съ безпощадной послѣдовательностью развивая до послѣднихъ крайностей положенія, общія у нихъ съ первыми вождями движенія, члены этой фракціи и въ теоріи, и на практикѣ рѣшительно отвергали всякій авторитетъ, посторонній русской старинѣ, и самый судъ вселенскихъ патріарховъ, такъ сильно смущавшій ихъ предшественниковъ, у нихъ вызывалъ только ироническое отношеніе къ себѣ. Аввакумъ, уставъ стоять передъ увѣщевавшимъ его соборомъ, отошелъ къ дверямъ и легъ на полъ со словами: «посидите вы, а я полежу». Русскіе духовные стали смѣяться и корить его: «дуракъ про-

топопъ! и патріарховъ не почитаетъ»! Эти насмѣшки не произвели однако на него никакого впечатлѣнія и вызвали съ его стороны только смиренный по внѣшности, но въ сущности проникнутый глубокою самоувѣренностью и ироніей отвѣтъ. «Мы уроди Христа ради,—говорилъ протопопъ— вы славны, мы же безчестны! вы сильны, мы же немощны»! Объ эту броню фанатизма разбивались всѣ увѣщанія и убѣжденія, и Аввакумъ безъ всякаго результата былъ отпущенъ съ собора и отданъ опять подъ стражу. Точно такъ же непоколебимыми въ своихъ убѣжденіяхъ остались и его единомышленники, вмѣстѣ съ нимъ призванные на судъ собора: протопопъ Никифоръ, попъ Лазарь, дьяконъ Ѳедоръ и чернецъ Епифаній.

Еще нѣсколько времени держали ихъ подъ стражей то въ самой Москвѣ, то въ ея окрестностяхъ, то въ Угрѣшскомъ монастырѣ, продолжая въ то же время убѣждать смириться и признать власть патріарховъ и собора. Наконецъ, 5 августа въ мѣста заключенія Аввакума, Лазаря и Епифанія явились посланные отъ царя и собора, архимандриты— владимірскій Филаретъ, хутынскій Іосифъ и ярославскій Сергій, для снятія окончательнаго допроса съ узниковъ. Послѣднимъ предложены были три вопроса, отвѣтъ на которые долженъ былъ окончательно опредѣлить ихъ отношеніе къ церкви и представлявшей ее духовной и свѣтской іерархіи. Вопросы эти заключались въ слѣдующемъ: православна-ли русская церковь, православенъ-ли государь Алексѣй Михайловичъ и православны-ли вселенскіе патріархи? Въ отвѣтъ на нихъ Аввакумъ сказалъ: «Церковь православна, а догматы церковные отъ Никона еретика, бывшаго патріарха, искажены новоизданными книгами,—первымъ книгамъ, бывшимъ при пяти бывшихъ патріархахъ, во всемъ противны, въ вечерни, и въ заутрени, и въ литургіи, и во всей божественной службѣ не согласуютъ. А государь нашъ Алексѣй Михайловичъ православенъ, но токмо простою своею душою принялъ отъ Никона, мнимаго пастыря, внутренняго волка, книги, чая ихъ православны, не разсмотря плевелъ еретическихъ въ книгахъ внѣшнихъ ради браней, понялъ тому вѣры и впредь чаю по писанному: праведникъ аще падетъ, не разбіется, яко Господь подкрѣпляетъ руку его. А про патріарховъ слышалъ я отъ братій духовныхъ, что у нихъ въ три погруженія не крестятся, но обливаются по римски, и крестовъ на себѣ не носятъ, и въ сложенія перстъ знаменующеся, слагая три персты, и Христово вочеловѣченіе отмещутъ, и сіе есть все не православно, но противно святой соборной и апостольской церкви».

Приблизительно такіе же отвѣты дали на допросѣ и сотоварищи Аввакума по заключенію. Получивъ ихъ, патріархи и соборъ подтвердили проклятіе, возложенное на раскольниковъ въ предшествовавшемъ году, съ оговоркой, что «та клятва и проклятіе возводится нынѣ точію на Аввакума, бывшаго протопопа, и на Лазаря попа, и Никифора, и Епи-

фанца чернеца Соловецкаго, и на Ѳеодора діакона и на прочихъ единомысленниковъ и единомудренниковъ и совѣтниковъ ихъ, доидеже пребудутъ въ упрямствѣ и непокореніи». Послѣ того, какъ ученіе ихъ подверглось такимъ образомъ безповоротному осужденію, оставалось рѣшить судьбу его проповѣдниковъ, и это рѣшеніе должно было въ равной мѣрѣ зависѣть какъ отъ духовной, такъ и отъ свѣтской власти, одинаково теперь враждебныхъ раскольникамъ.

Мы видѣли однако, что Аввакумъ въ своемъ отвѣтѣ на вопросы, предложенные ему отъ имени царя и собора, неодинаково повелъ себя по отношенію къ представителямъ духовной и свѣтской іерархіи. Самымъ рѣшительнымъ образомъ осуждая Никона и всю послѣдовавшую за нимъ русскую іерархію, съ нѣкоторой—весьма слабой, впрочемъ,—условностью распространяя это осужденіе и на восточныхъ патріарховъ и ихъ церкви, онъ только по отношенію къ Алексѣю Михайловичу измѣнялъ свой тонъ. Грѣхъ царя, по его мнѣнію, невольный и безсознательный и подлежитъ еще полному исправленію и забвенію: «праведникъ, аще и падетъ, не разбіется». Такая исключительная мягкость могла бы даже дать поводъ заподозрить Аввакума въ искательствѣ у царя, еслибы для нея не находилось другого объясненія,—въ поведеніи самого Алексѣя Михайловича. Это поведеніе тѣмъ болѣе любопытно, что въ немъ отразились не только личныя черты характера царя, но и настроеніе извѣстной части московскаго общества, очутившагося на распутьѣ двухъ дорогъ.

Алексѣй Михайловичъ упорно и настойчиво старался примирить Аввакума съ церковью и съ этою цѣлью постоянно засылалъ къ нему разныхъ лицъ для уговоровъ. И послѣ того, какъ надежда на такое примиреніе становилась все болѣе призрачной, онъ не измѣнилъ своихъ личныхъ отношеній къ бывшему протопопу и царскіе посланные постоянно просили у послѣдняго благословенія царю и молитвъ за него. Даже тогда, когда судьба Аввакума представлялась уже почти окончательно рѣшенной, царь еще прислалъ къ нему сказать: «гдѣ ты ни будешь, не забывай насъ въ молитвахъ своихъ». Такое отношеніе и обнадеживало въ значительной мѣрѣ Аввакума, порождая въ немъ мысль, что царь отъ сочувствія къ его личности можетъ перейти къ сочувствію его ученію, и подобныя ожиданія вызывали въ немъ самомъ болѣе мягкое отношеніе къ царю, чѣмъ къ кому бы то ни было другому изъ лагеря никоніанъ. Но въ этихъ ожиданіяхъ въ свою очередь было не мало субъективнаго, обращавшаго ихъ въ неисполнимыя мечты. Алексѣй Михайловичъ любилъ Аввакума, какъ человѣка, стоявшаго съ нимъ нѣкогда въ близкихъ отношеніяхъ, чтилъ въ немъ строгаго ревнителя и подвижника благочестія, высоко цѣнилъ его нравственную стойкость, но не раздѣлялъ его мнѣній по поводу церковной реформы и былъ твердо убѣжденъ въ ихъ несправедливости.

Вмѣстѣ съ тѣмъ однако онъ не видѣлъ въ этихъ мнѣніяхъ и той важности, какую имъ приписывали Аввакумъ и его товарищи. Для царя, безъ всякой внутренней борьбы соединившаго въ своей личной жизни старое московское міровоззрѣніе со многими подробностями иноземной культурной обстановки, до нѣкоторой степени противъ воли втянутаго въ борьбу церковныхъ партій, оставалось непонятнымъ фанатическое упорство бывшаго юрьевецкаго протопопа, и онъ до послѣдней минуты продолжалъ питать надежду на то, что какъ-нибудь удастся склонить Аввакума къ уступкамъ и покончить миромъ возникшій въ церкви разладъ,—надежду, которую раздѣляли съ нимъ многіе люди, еще сохранявшіе болѣе примирительное настроеніе и видѣвшіе исходъ въ компромиссѣ между двумя рѣзко обозначившимися направленіями. И послѣ того, какъ соборъ произнесъ уже свое вторичное осужденіе надъ Аввакумомъ, Алексѣй Михайловичъ посылалъ еще къ послѣднему разныхъ лицъ съ тѣмъ, чтобы они увѣщаніями и угрозами склонили его покориться патріархамъ. Съ такими порученіями отправлены были къ нему, между прочимъ, Артамонъ Матвѣевъ и Симеонъ Полоцкій, но они, какъ и всѣ другіе, не имѣли никакого успѣха. Увѣщанія переходили въ ожесточенный споръ; съ Полоцкимъ у Аввакума, говоря его словами, «зѣло было стязаніе много: разошлися, яко пьяни, не могъ и поѣсть послѣ крику». Споры эти оставались однако совершенно безплодными, такъ какъ противники стояли на совершенно различной почвѣ и не могли понять другъ друга. «Острота, острота тѣлеснаго ума!—говорилъ Полоцкій Аввакуму—да лихо упрямство; а се не умѣетъ науки». Но именно эту-то науку, въ незнаніи которой кіевскій монахъ упрекалъ юрьевецкаго протопопа, послѣдній и отрицалъ. Еще менѣе дѣйствовали на него, видѣвшаго мученическій подвигъ въ своей настойчивости, угрозы, какія употреблялъ Матвѣевъ. «Не грози мнѣ смертію,—возражалъ онъ послѣднему—не боюсь тѣлесныя смерти, но развѣ грѣховныя». Наученный опытомъ, не поддавался онъ и на льстивыя обѣщанія, на ласку. «Ты ищешь—говорилъ онъ тому же Матвѣеву—въ словопреніи высокія науки, а я прошу у Христа моего поклонами и слезами: и мнѣ кое общеніе, яко свѣту со тьмою или Христу съ Веліаромъ»? И смутившійся Матвѣевъ не нашелся ничего отвѣтить на это, кромѣ того, что «намъ съ тобою не сообщно».

И, дѣйствительно, именно «общенія», общей почвы, на которой возможно было бы соглашеніе между разошедшимися людьми, не оказывалось болѣе на лицо. «Пропасть велика между нами и вами утвердися,—писалъ незадолго до этого Спиридонъ Потемкинъ одному вернувшемуся къ церкви раскольнику—яко да хотящіи преити отсюда къ вамъ не возмогутъ, ниже оттуда къ намъ преходятъ». По мѣрѣ того, какъ сознаніе этой пропасти, благодаря рѣзкой постановкѣ вопроса со стороны раскольниковъ, станови-

лось все ярче, люди компромисса, сознательно или безсознательно примирявшіе два крайнія направленія, отступали на задній планъ, въ свою очередь и съ другой стороны очищая мѣсто представителямъ крайней партіи. Самъ царь, такъ долго колебавшійся, долженъ былъ теперь примкнуть къ этой послѣдней и руководиться ея совѣтами въ дѣлѣ раскольниковъ. Сущность же этихъ совѣтовъ легко было предвидѣть. Обрядовая сторона и для противниковъ раскольниковъ сохраняла чрезвычайную важность, при которой отступленіе отъ правильности обряда равнялось ереси, отношеніе же къ еретикамъ опредѣлялось какъ предшествовавшей практикой церкви, такъ и господствовавшими въ обществѣ взглядами и нравами. Соборъ, дѣйствительно, и провозгласилъ раскольниковъ еретиками и, не довольствуясь ихъ проклятіемъ, объявилъ, что «подобаетъ ихъ наказывать и градскими казнями». Эти казни не заставили себя ожидать: Лазарю и Епифанію были отрѣзаны языки, Аввакума царица отпросила отъ этой кары, но онъ, вмѣстѣ съ изувѣченными товарищами своими и дьякономъ Ѳедоромъ, былъ сосланъ въ Пустозерскъ.

VI

Въ послѣднихъ числахъ августа 1667 года Аввакумъ и его товарищи по заточенію были вывезены изъ Москвы и отправлены въ Пустозерскъ. Примѣняя къ осужденнымъ вождямъ раскола эту мѣру, какъ наказаніе за ихъ неповиновеніе, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ разсчитывало посредствомъ ея ослабить все движеніе, лишивъ его участниковъ непосредственной связи и возможности сношеній съ главными его представителями. На дѣлѣ однако эти послѣдніе разсчеты не оправдались. Какъ ни велико было разстояніе, отдѣлявшее Москву отъ Пустозерска, какъ ни строго стерегли въ послѣднемъ присланныхъ сюда узниковъ, ссылка не подорвала ихъ вліянія и не отняла у нихъ возможности вступить въ сношенія съ оставшимися въ Москвѣ и другихъ городахъ учениками и послѣдователями. Такія сношенія завязались очень скоро по прибытіи ссыльныхъ въ Пустозерскъ и эти люди, заключенные теперь въ дальнемъ углу Московскаго государства, на первыхъ же порахъ своего заключенія явились не менѣе дѣятельными защитниками и пропагандистами раскола, чѣмъ и раньше, когда они находились въ центрѣ страны. Только теперь ихъ дѣятельность на этой почвѣ въ силу обстоятельствъ была сведена къ чисто литературной пропагандѣ: дьяконъ Ѳедоръ сообща съ Аввакумомъ для поученія лицъ, примкнувшихъ къ расколу, составилъ обличеніе никоніанства, Лазарь написалъ два посланія, одно къ царю, другое къ патріарху, наконецъ Аввакумъ тоже изготовилъ два посланія, оба адресованныя Алексѣю Михайловичу,—и все это невѣдомыя руки таинственными путями перевезли въ Москву и доставили по назна-

ченію. Одно, по всей вѣроятности второе, изъ этихъ посланій Аввакума, написанное въ 1669 году, дошло до насъ и даетъ возможность судить о томъ впечатлѣніи, какое произвела на протопопа понесенная имъ кара.

По выраженію Аввакума, онъ въ этомъ посланіи «послѣднее плачевное моленіе приноситъ царю изъ темницы, яко изъ гроба», прося его «обратиться въ прежнее его благочестіе». «Что есть ересь наша,—спрашивалъ онъ—или кій расколъ внесохомъ мы въ церковь, якоже блядословятъ о насъ никоніаны?.. Не вѣмы ни слѣду въ себѣ ересей коихъ, ниже раскольства». Доказывая свою правоту въ смыслѣ сохраненія правовѣрія и осуждая «богоотметника» Никона и греческую церковь, въ которой «изсяче благочестіе по пророчеству святыхъ», Аввакумъ вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно отказывался имѣть впредь дѣло съ церковной іерархіей и даже не винилъ ее особенно въ происшедшемъ, перенося всю отвѣтственность за осужденіе и преслѣдованіе ревнителей старины на царя. «Ты, самодержче,—говорилъ онъ—судъ подымеши о сихъ всѣхъ, иже таково дерзновеніе имъ (никоніанамъ) подавый на ны». «Нѣсть бо уже намъ къ нимъ ни едино слово,—повторялъ онъ въ другомъ мѣстѣ своего посланія.—Все въ тебѣ, царю, дѣло затворися и о тебѣ единомъ стоитъ». Исключительно къ царю обращался онъ поэтому съ увѣщаніями и убѣжденіями, то отстаивая правоту своихъ воззрѣній, то приводя въ связь состоявшееся отступленіе отъ древняго русскаго православія съ бѣдствіями, понесенными съ того времени русской землей, то угрожая страшнымъ Христовымъ судомъ. «Тамъ—обращался онъ къ царю—будетъ и тебѣ тошно, да не пособишь себѣ ни мало. Здѣсь ты намъ праведнаго суда со отступниками не далъ: и ты тамо отвѣщати будеши самъ всѣмъ намъ». Суровый, фанатическій тонъ этихъ увѣщаній лишь отчасти смягчался привычнымъ любовнымъ отношеніемъ къ личности Алексѣя Михайловича, и теперь еще по временамъ пробивавшимся у сосланнаго протопопа. Угрожая царю въ случаѣ его упорства вѣчною гибелью, Аввакумъ тутъ же однако прибавлялъ: «прости, Михайловичъ-свѣтъ, даже бы тебѣ вѣдомо было, да никакъ не лгу, ниже притворяяся тебѣ говорю. Въ темницѣ мнѣ, яко во гробѣ, сѣдящу, что надобно, развѣ смерть? Ей, тако». Горько и язвительно упрекая Алексѣя Михайловича за вновь принятыя мѣры противъ раскола, выразившіяся въ лишеніи умершихъ раскольниковъ церковнаго погребенія, Аввакумъ и тутъ однако не проявлялъ такъ свойственнаго ему яростнаго раздраженія. «Ты царствуй—замѣчалъ онъ только—многа лѣта, а я мучуся многа лѣта: и пойдемъ вмѣстѣ въ домы своя вѣчныя, егда Богъ изволитъ. Ну, да хотя, государь, меня и собакамъ приказалъ выкинуть, да еще благословлю тя благословеніемъ послѣднимъ». Но личное чувство, связывавшее Аввакума съ царемъ Алексѣемъ, теперь смягчало лишь тонъ рѣчи проповѣдника, не вліяя на сущность его мысли. Если раньше Аввакумъ отдѣлялъ царя отъ церковной

іерархіи, видя въ немъ только невольную жертву Никонова лукавства, а не активнаго и сознательнаго дѣятеля реформы, то теперь горькій опытъ уничтожилъ такое различіе въ его представленіи и вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно его общему взгляду на роль царя относительно церкви, на царя въ его глазахъ слагалась и наибольшая доля отвѣтственности, онъ являлся, если не главной причиной уклоненія русской церкви въ ересь, то, по крайней мѣрѣ, главнымъ условіемъ успѣха этой ереси и гоненія на благочестивыхъ. При такихъ условіяхъ лишь весьма слабая надежда на обращеніе царя оставалась въ душѣ протопопа. «Нѣтъ, государь,—проговаривался онъ—болше покинуть плакать о тебѣ: вижу, не исцѣлить тебя».

Пустозерскіе узники, такимъ образомъ, не молчали, не оставались въ бездѣйствіи, къ какому их желали принудить. Ссылка не сломила ихъ силы, какъ не порвала ихъ сношеній съ послѣдователями ихъ ученія. Она не заставила ихъ отказаться ни отъ пропаганды своихъ мнѣній, ни отъ обличенія никоніанскихъ властей, даже непосредственно обращеннаго къ послѣднимъ и принявшаго еще болѣе рѣшительный характеръ, чѣмъ прежде, такъ какъ теперь оно съ равной энергіей обращалось и на свѣтскую власть, раньше имъ не затрогивавшуюся. Отвѣтъ со стороны послѣдней не заставилъ себя ждать: изъ Москвы послѣдовали новыя репрессаліи надъ раскольниками, новые, по выраженію Аввакума, «гостинцы» имъ. Гроза разразилась прежде всего надъ семьей Аввакума, жившей въ Мезени. Кромѣ Настасьи Марковны съ тремя младшими дѣтьми, оставшейся здѣсь со времени отвоза мужа въ Москву на соборъ, здѣсь жили и два старшіе сына Аввакума, вернувшіеся сюда изъ столицы послѣ ссылки отца; сверхъ того вокругъ этой семьи ютились еще нѣкоторые изъ бывшихъ учениковъ и домочадцевъ протопопа, вмѣстѣ съ нею укрывавшіеся отъ гоненія. Сюда-то и былъ отправленъ изъ Москвы въ качествѣ слѣдователя и судьи полуголова Иванъ Елагинъ, ознаменовавшій свое появленіе на Мезени самыми крутыми и безпощадными мѣрами. Два человѣка изъ домочадцевъ Настасьи Марковны, открыто исповѣдавшіе свою принадлежность къ расколу, въ томъ числѣ юродивый Ѳедоръ, были повѣшены. Та же участь грозила и старшимъ сыновьямъ Аввакума, но они не унаслѣдовали непреклонной энергіи отца и передъ лицомъ смерти вторично отреклись отъ его ученія. Это отреченіе, впрочемъ, спасло имъ лишь жизнь, но не свободу: вмѣстѣ съ матерью, ихъ посадили въ земляную тюрьму. Только младшій ихъ братъ, Аѳанасій, вмѣстѣ съ сестрами, Маріей и Акулиной, остался на свободѣ, не смотря на то, что онъ не уподобился братьямъ и открыто объявлялъ себя ревностнымъ послѣдователемъ отца; должно быть, его сочли слишкомъ еще малолѣтнимъ и потому не опаснымъ. Съ Мезени проѣхалъ Елагинъ и въ Пустозерскъ, привезя съ

собою суровые наказы относительно здѣшнихъ узниковъ. Послѣ допроса, на которомъ они остались непреклонными въ своихъ убѣжденіяхъ, рѣшительно отказываясь отъ общенія съ церковной іерархіей и проклиная «еретическое соборище», имъ объявленъ былъ приказъ московскаго правительства, которымъ повелѣвалось Лазарю, Епифанію и Ѳеодору отрубить правыя руки и вырѣзать языки, а Аввакума, не подвергая такой казни, посадить въ земляную тюрьму и давать ему только хлѣбъ да воду. Это новое исключеніе въ пользу Аввакума, явившееся, конечно, не безъ участія его доброжелателей при московскомъ дворѣ, такъ раздражило его, что онъ хотѣлъ было уморить себя голодомъ, и только убѣжденія и просьбы товарищей по заключенію отклонили его отъ такого намѣренія.

Послѣ совершенія назначенной казни надъ товарищами Аввакума всѣ узники были переведены въ новую, спеціально для нихъ приготовленную тюрьму: въ землѣ устроенъ былъ срубъ, собственно и представлявшій изъ себя темницу и окруженный снаружи другимъ срубомъ, выходъ изъ котораго оберегался стражей. Узники сидѣли отдѣльно другъ отъ друга и только по ночамъ, тайно вылѣзая во внѣшнюю ограду, могли видѣться и бесѣдовать. Болѣе тяжелаго, болѣе жестокаго заключенія, казалось, нельзя было ни создать, ни даже представить себѣ. Удаленные на громадное разстояніе отъ родины, отрѣзанные отъ всего внѣшняго міра, навѣки запертые въ четырехъ стѣнахъ своей засыпанной землею темницы, изъ которой они не могли сдѣлать шагу даже для удовлетворенія необходимыхъ естественныхъ потребностей, узники осуждены были отнынѣ томиться какъ бы въ могилѣ, и недаромъ Аввакумъ съ этихъ поръ начинаетъ называть себя «живымъ мертвецомъ». Но въ этомъ заживо похороненномъ человѣкѣ жизненный пульсъ бился еще съ лихорадочной быстротой и энергіей, мысль еще работала съ неослабѣвающимъ жаромъ.

И въ эту тяжелую эпоху молитва и ревностное исполненіе религіозныхъ обязанностей составляли главное утѣшеніе Аввакума. Въ своей пустозерской тюрьмѣ онъ оставался все тѣмъ же строго благочестивымъ человѣкомъ, истощавшимъ свою плоть въ подвигахъ суроваго поста и молитвеннаго энтузіазма. Не довольствуясь тѣми лишеніями, какими сопровождалось тюремное заключеніе, онъ самъ создавалъ себѣ еще новыя, нещадно терзая себя. Переведенный въ земляную тюрьму, онъ здѣсь сбросилъ съ себя все платье, даже рубашку, и остался совершенно нагимъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ продолжалъ неуклонно соблюдать весь ритуалъ ежедневной молитвы, нерѣдко выстаивая на ней до полнаго изнеможенія и потери всѣхъ силъ. Одинъ эпизодъ изъ упомянутаго выше посланія Аввакума ярко обрисовываетъ эту сторону его жизни. Въ великомъ посту заточенный протопопъ, какъ разсказываетъ онъ самъ, по своему обыкновенію, втеченіе всей первой недѣли не принималъ никакой пищи; тотъ же суровый постъ продолжалъ онъ и

во вторую недѣлю и въ половинѣ ея ослабѣлъ уже до такой степени, что не могъ вслухъ молиться, а только про себя повторялъ псалмы. Тогда съ нимъ, по его убѣжденію, произошло чудо: «распространился языкъ мой и бысть великъ зѣло, потомъ и зубы быша велики, а се и руки и ноги быша велики, потомъ весь широкъ и пространенъ подъ небесемъ и по всей земли распространился; а потомъ Богъ вмѣстилъ въ меня небо, и землю, и всю тварь. Мнѣ же молитвы непрестанно творящу и лѣствицу перебирающу въ то время. И бысть того времени на полчаса и болши. И потомъ возставшу ми отъ одра легко и поклонихся до земли Господеви». Эти болѣзненные, но преисполненные необъяснимаго и жгучаго наслажденія припадки, вызываемые высшею степенью религіознаго экстаза и знакомые всякому, кто слѣдилъ за жизнью мистиковъ и религіозныхъ энтузіастовъ,— припадки, во время которыхъ человѣкъ утрачиваетъ сознаніе своего самостоятельнаго существованія и какъ бы сливается съ міровымъ бытіемъ, заставляли Аввакума не только забывать всѣ ужасы тюремной обстановки, но даже дорожить ими, какъ средствомъ къ достиженію моментовъ неземного блаженства. «Ты владѣеши,—обращался онъ къ царю, разсказавъ приведенный эпизодъ,—на свободѣ живучи, одною русскою землею; а мнѣ Сынъ Божій покорилъ за темничное сидѣніе небо и землю».

Но не одной молитвой и аскетическими упражненіями былъ наполненъ и теперь день ссыльнаго протопопа, не одни порывы религіознаго экстаза прерывали на рѣдкіе моменты монотонную по внѣшнему виду жизнь его въ земляной тюрьмѣ Пустозерска. Его личность и здѣсь настолько импонировала окружающимъ, что самая стража, къ нему приставленная, проникалась уваженіемъ къ нему, и благодаря этому онъ внутри своей тюрьмы пользовался сравнительной свободой и могъ заняться литературной дѣятельностью, для которой раньше находилъ мало досуга среди своей кипучей и многострадальной жизни. Съ другой стороны многочисленные послѣдователи раскола не жалѣли ни средствъ, ни усилій для того, чтобы завести сношенія съ своими заточенными собратьями и учителями и по возможности облегчить ихъ участь. Находились такіе смѣльчаки и ревнители вѣры, которые, рискуя собственной свободой и жизнью, странствовали по тюрьмамъ, разнося утѣшеніе и матеріальную поддержку сидѣвшимъ въ нихъ раскольникамъ; другихъ за большія деньги нанимали доставить письмо или посылку одному изъ узниковъ. При этомъ преимущественное вниманіе раскольниковъ было обращено на Пустозерскъ, гдѣ находились въ заточеніи главнѣйшіе подвижники и столпы всей партіи, и сюда особенно часто являлись такіе посланцы. Въ свою очередь тюремная стража, то изъ уваженія къ великому подвигу страдальцевъ, возбуждавшему въ ней невольное сочувствіе и сомнѣніе въ правотѣ ихъ гонителей, то соблазненная щедрымъ подкупомъ, содѣйствовала передачѣ писемъ и посылокъ, открывая доступъ

въ темницу для принесшихъ ихъ лицъ, и такимъ образомъ установились сношенія между Аввакумомъ и его учениками и почитателями,—сношенія, опредѣлившія собою характеръ послѣдующихъ годовъ его жизни.

Убогая земляная келья въ Пустозерской тюрьмѣ, гдѣ страдалъ и томился нагой человѣкъ, пріобрѣла характеръ умственнаго центра широкаго народнаго движенія, громадной волной прошедшаго по всей русской землѣ. Сюда, въ эту келью, стекались всѣ извѣстія, относившіяся къ судьбѣ раскола, и находили себѣ отзвукъ въ проповѣдяхъ ея обитателя, то торжествующихъ, то гнѣвныхъ, но всегда исполненныхъ глубокаго убѣжденія и страстнаго энтузіазма. Сюда обращались за совѣтомъ и поученіемъ въ дѣлахъ вѣры, здѣсь искали наставленія въ самыхъ разнообразныхъ вопросахъ житейской практики, отсюда ждали утѣшенія и ободренія, и въ отвѣтъ на эти многообразные запросы, приходившие изъ разныхъ мѣстъ Россіи, отсюда шли посланія, проникнутыя нѣжною любовью и яростной злобой, заключавшія въ себѣ защиту и утѣшеніе раскольниковъ и рѣзкое обличеніе никоніанства, содержавшія практическія указанія и распоряженія на счетъ судьбы раскольничьихъ общинъ и отдѣльныхъ ихъ членовъ. Особенно дѣятельныя сношенія поддерживалъ Аввакумъ съ тремя мѣстностями— Москвой, гдѣ сосредоточивалось значительное количество раскольниковъ, болѣе или менѣе успѣшно укрывавшихся отъ преслѣдованій правительства,— Мезенью, гдѣ жила его семья,—и Боровскомъ, куда съ 1673 года сослана была боярыня Морозова вмѣстѣ съ сестрой своей, княгиней Урусовой. Посланія Пустозерскаго узника, часто писавшіяся имъ за недостаткомъ бумаги на маленькихъ клочкахъ, тщательно переписывались его поклонниками и разсылались въ другія мѣста, служа могучимъ орудіемъ раскольничьей пропаганды. Благодаря обширному досугу Аввакума и сильному запросу на его произведенія, его литературная дѣятельность приняла весьма значительные размѣры. За 14 лѣтъ пребыванія въ Пустозерскѣ имъ было написано большое количество разнаго рода произведеній, изъ которыхъ до насъ дошли его автобіографія или «Житіе протопопа Аввакума», составленное имъ въ двухъ редакціяхъ, нѣсколько толкованій на различные псалмы и другихъ сочиненій догматическаго и полемическаго характера и нѣсколько десятковъ посланій къ разнымъ лицамъ. Въ этихъ многочисленныхъ произведеніяхъ ярко отразились какъ основныя идеи того умственнаго движенія, представителемъ котораго являлся Аввакумъ, такъ и ихъ постепенная модификація. Съ этой точки зрѣнія ихъ содержаніе представляетъ большой интересъ, рельефно обрисовывая внутреннюю жизнь раскола въ первые годы его существованія.

*

Успѣхъ Аввакума въ роли апостола раскола объяснялся, впрочемъ, не только идейнымъ содержаніемъ его проповѣди, но и личными его свой-

ствами, какъ писателя и проповѣдника. Эти свойства его, въ свою очередь, заслуживаютъ извѣстнаго вниманія.

Начать съ того, что Аваакумъ обладалъ значительной по своему времени начитанностью и умѣло пользовался ею. Правда, начитанность эта носила односторонній характеръ, не простираясь за предѣлы св. писанія и примыкавшихъ къ нему книгъ церковнаго характера и популярныхъ сборниковъ, заключавшихъ въ себѣ житія святыхъ, сказанія и апокрифы, но въ этихъ предѣлахъ она была несомнѣнна. Обладая громадной памятью, бывшій юрьевецкій протопопъ зналъ наизусть всю Псалтирь, помнилъ массу мѣстъ изъ другихъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта и съ большою ловкостью пользовался этими знаніями для подбора текстовъ въ доказательство своихъ положеній. Послѣднія почти всегда имѣли у него видъ какъ бы непосредственно изъ Писанія вытекающихъ истинъ и читателю, не въ такой мѣрѣ знакомому съ духовной литературой и мало способному вникать въ смыслъ приводимыхъ текстовъ, должны были представляться основанными на прочномъ фундаментѣ непреложнаго ученія церкви. Ловко подбирая и истолковывая тексты въ свою пользу, Аввакумъ не съ меньшею ловкостью нападалъ на своихъ противниковъ. Толковалъ-ли онъ Книгу Бытія, Псалмы или Премудрость Соломона, онъ всегда находилъ случай перейти къ Никону и его реформѣ, не стѣсняясь тѣмъ, что такой переходъ являлся подчасъ совершенно неожиданнымъ и неподготовленнымъ. При этомъ онъ каждое измѣненіе, совершенное Никономъ въ русскихъ церковныхъ книгахъ и обрядахъ, возводилъ на степень ереси, открывая сокровенный смыслъ въ такихъ подробностяхъ, въ которыхъ, казалось бы, ничего подобнаго нельзя было найти. Правда, наряду съ этой начитанностью въ области церковной литературы и недюжиннымъ полемическимъ талантомъ протопопъ обнаруживалъ глубокое невѣжество, сообщая самыя диковинныя свѣдѣнія по части исторіи, географіи и естественныхъ наукъ, но и аудиторія, къ которой онъ обращался, въ громадномъ большинствѣ не ушла дальше тѣхъ же свѣдѣній, заимствованныхъ изъ старинныхъ хронографовъ и изборниковъ

. Большое значеніе имѣлъ въ произведеніяхъ Аввакума и самый языкъ писателя. Яркій, образный, переполненный смѣлыми сравненіями, отражающій въ себѣ всѣ оттѣнки чувства и настроенія, то нѣжный, то сжатый и энергическій, часто блещущій искрами неподдѣльнаго юмора, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не заключалъ въ себѣ и тѣни ничего искусственнаго, книжнаго, а былъ какъ бы прямо изъ устъ народа перенесенъ на бумагу. Это обстоятельство дѣлало писанія Аввакума равно понятными и дорогими для знатнаго и образованнаго боярина и плохо знающаго грамоту крестьянина и было особенно важно въ ту эпоху, когда литература образованнаго общества уже стала выдѣляться изъ собственно народной. Въ то время, какъ

въ произведеніяхъ ученыхъ противниковъ Аввакума преобладала сухая, книжная форма изложенія, подавлявшая читателя громаднымъ количествомъ иностранныхъ словъ и массой реторическихъ оборотовъ, нерѣдко почти совсѣмъ затемнявшихъ смыслъ, языкъ Аввакума блещетъ своей простотой и удобопонятностью, лишь изрѣдка встрѣчаются въ немъ иностранныя слова и вездѣ, не исключая и сочиненій догматическаго характера, онъ отличается замѣчательной жизненностью и энергіей. Присущая ему простота выражается не только въ лексическомъ составѣ его и въ оборотахъ, но и въ самомъ содержаніи, въ характерѣ тѣхъ образовъ и сравненій, какіе подбираетъ писатель для уясненія своей мысли, сравненій, берущихся имъ изъ сферы самыхъ обыденныхъ явленій современной ему жизни и потому всегда понятныхъ для читателя и тѣмъ сильнѣе на него дѣйствующихъ. Сообразно нравамъ вѣка, простота эта часто переходила, правда, въ грубость, а временами пріобрѣтала даже оттѣнокъ цинизма.

Съ особенною рельефностью всѣ отмѣченныя черты проявляются въ экзегетическихъ произведеніяхъ Аввакума и для иллюстраціи сказаннаго достаточно будетъ привести изъ нихъ два болѣе крупные примѣра. Растолковывая въ одномъ изъ своихъ произведеній («Списаніе и собраніе о Божествѣ и о тварѣ, и како созда Богъ человѣка») исторію первыхъ людей, какъ она изложена въ Библіи, Аввакумъ такъ разсказываетъ объ искушеніи Евы зміемъ и его послѣдствіяхъ:

«Змія же, отклоняся отъ Адама, пріиде ко Еввѣ,—ноги у нея и крылья были, хорошей звѣрь, красной была, докамѣстъ не своровала. И рече Еввѣ тѣ же глаголы, что и Адаму. Она же, послушавъ зміи, приступи ко древу, вземъ грезнъ и озоба его, и Адаму даде: понеже древо красно видѣніемъ и добро въ снѣдь,—смоковь красная, ягоды сладкіе, слова межю собою льстивыя! Онѣ упиваются, а діяволъ въ то время смѣется. Увы невоздержанія! увы небреженія заповѣди Господня! Оттолѣ и доднесь въ слабоумныхъ человѣкахъ такъ же лесть творится. Подчиваютъ другъ друга зеліемъ нерастворенным, сирѣчь зеленымъ виномъ процѣженымъ и прочими питіи и сладкими брашны, а опослѣ и посмѣхаютъ другъ друга, упившагося до-пьяна. Слово въ слово, что въ раю было при діяволѣ и при Адамѣ. Паки Бытія: И вкусиста Адамъ и Евва отъ древа, отъ него же Богъ заповѣда, и обнажистася. О, миленькія! Пріодѣти стало некому! Ввелъ діяволъ въ бѣду, а самъ и въ сторону! Лукавый хозяинъ накормилъ, напоилъ, да и съ двора спехнулъ: пьяной валяется на улицѣ, ограбленъ,—никто не помилуетъ! Паки Библія: Адамъ же и Евва сшиста себѣ листвіе смоковишное отъ древа, отъ него же вкусиста, и прикрыста срамоту свою, и скрыстася, подъ древо вселегоста. Проспалися бѣдныя съ похмѣлья, ано и самимъ себя соромъ: борода и усъ въ блевотинѣ... со здоровныхъ чашъ кругомъ голова идетъ и на плечахъ не держится! А инъ отца и честнова сынъ, пропився на кабакѣ, подъ рогожею на печи валяется! Увы тогдашнева Адамова безумія и нынѣшнихъ адамленковъ! Паки Бытія... И паки рече Господь: что сотворилъ еси? Онъ же отвѣща: жена, юже ми даде! Просто рещи: на што-де мнѣ такую дуру сдѣлалъ! Самъ неправъ, да на Бога же пеняетъ! И нынѣ похмѣлныя тоже, шпыняя, говорятъ: на што Богъ и сотворилъ хмѣл-етъ! Весь пропился и ѣсть

нечего! Да меня же де избили всево! А иной говоритъ: Богъ-де судитъ ево,— до пьяна упоилъ! Правится бѣдной, будто отъ неволи такъ сдѣлалось, а безпрестанно желаетъ того. На людей переводятъ, а сами ищутъ тово. Что Адамъ переводитъ на Евву».

Въ другомъ случаѣ, приведя евангельскую притчу о богатомъ и бѣдномъ Лазарѣ, Аввакумъ продолжаетъ:

«Видите-ли, братіе, како смири его мука? Прежде даже предъ очима не видѣлъ Лазаря гнойна; а нынѣ зригъ издалече и милъ ся дѣетъ ко Аврааму, а Лазарю говорить соромъ, понеже не сотворилъ добра ничтоже. Возми,— пойдетъ Лазарь въ огонь къ тебѣ съ водою. Каковъ самъ былъ милостивъ: вотъ твоему празднеству отданіе! Любилъ вино и медъ пить, и жареные лебеди, и гуси, и рафленые куры: вотъ тебѣ въ то мѣсто жару въ горло, губитель души своей окаянной. Я не Авраамъ,— не стану чадомъ звать: собака ты! За что Христа не слушалъ, нищихъ не миловалъ? Полно, милостивая душа, Авраамъ-отъ милинкой,—чадомъ зоветъ да разговариваетъ, быть-то съ добрымъ человѣкомъ. Плюнулъ бы ему въ рожу-ту и въ брюхо-то толстое пхнулъ бы ногою!» («Бесѣда о наятыхъ дѣлателяхъ»).

Слова, несомнѣнно, въ весьма значительной степени служатъ отраженіемъ понятій и нравовъ. Тѣмъ не менѣе было бы крупной ошибкой на основаніи приведеннаго счесть Аввакума грубымъ, жесткимъ и циничнымъ человѣкомъ. Данный способъ выраженія принадлежалъ не ему лично, а всей окружавшей его средѣ, и былъ усвоенъ имъ изъ послѣдней, составивъ внѣшнюю оболочку его произведеній. Но подъ этой неуклюжей оболочкой часто сквозило нѣжное чувство, какъ подъ грубой аскетической внѣшностью самого писателя скрывалось любящее сердце. Какъ въ догматическихъ и полемическихъ произведеніяхъ Аввакума выступаютъ наружу его своеобразная эрудиція и недюжинныя діалектическія способности, какъ его проповѣдь и поученія отличаются своей простотой, мѣткостью наблюденій и энергіей выраженій, такъ въ наставленіяхъ, обращенныхъ имъ къ ближайшимъ своимъ ученикамъ, яркую характерную черту составляетъ глубоко любовное отношеніе къ послѣднимъ, поразительная деликатность въ обращеніи съ ихъ чувствами. Онъ такъ мягко и нѣжно дотрогивается въ этихъ случаяхъ до душевныхъ ранъ человѣка, такъ умѣетъ соединить порицаніе и даже наказаніе съ ободреніемъ и поддержкой, что въ немъ пришлось бы признать замѣчательно тонкаго психолога, еслибы для объясненія этой нравственной чуткости у насъ не имѣлось болѣе простого пути въ признаніи его человѣкомъ съ богато развитой духовной организаціей, съ глубоко любящимъ сердцемъ. Въ одномъ изъ своихъ посланій къ Морозовой, писанномъ въ то время, когда послѣдняя уже томилась въ боровской земляной тюрьмѣ, онъ вспоминаетъ о сынѣ ея Иванѣ, который еще ребенкомъ умеръ въ Москвѣ послѣ ея ссылки и о которомъ мать сильно тосковала. Здѣсь Аввакумъ умѣетъ найти самыя нѣжныя, за душу берущія выраженія...

«Увы, чадо мое!—восклицаетъ онъ.—Увы, мой свѣте, утроба наша возлюбленная,—твой сынъ плотской, а мой духовной! Яко трава, посѣченъ бысть, яко лоза виноградная съ плодомъ, къ землѣ преклонился и отыде въ вѣчныя блаженства со ангелы ликовствовати и съ лики праведныхъ предстоитъ святѣй Троицы. Уже къ тому не печется о суетной многострастной плоти, и тебѣ уже неково четками стегать, и не на ково поглядѣть, какъ на лошадки поѣдетъ. и по головки неково погладить,—помнишь-ли?—какъ бывало. Миленькой мой государь! Впослѣднее увидѣлся съ нимъ, егда причастилъ ево. Да пускай—Богу надобно такъ! И ты не больно о немъ кручинься: хорошо, право. Христосъ изволилъ. Явно разумѣемъ, яко царствію небесному достоинъ Хотя бы и всѣхъ насъ побралъ, гораздо бы изрядно. Съ Ѳедоромъ (повѣшеннымъ на Мезени юродивымъ) тамъ себѣ у Христа ликовствуютъ,—сподобилъ ихъ Богъ! А мы еще не вѣмы, какъ до берега доберемся».

Другой разъ, отправляя посланіе въ московскую общину и налагая тяжелую эпитимію на одну изъ своихъ учениць, старицу Елену, за разлученіе жены съ мужемъ, Аввакумъ такъ заключаетъ свой приговоръ:

«Слушай-ко, игуменъ Сергій! Иди во обитель Меланьи матери и прочти сіе писанное со Духомъ Святымъ на соборѣ Еленѣ при всѣхъ, да разумѣютъ сестры, яко короста на ней, даже не ошелудивѣютъ отъ нея и удаляются ея. А ты, Меланья, не яко врага, ея имѣй, но яко искреннюю. И всѣ сестры спомогайте ей молитвами. Другъ мой миленькой, Ленушка! Поплач-ко ты хорошенко предъ Богородицею-свѣтомъ, такъ она скоренко очиститъ тебя. Да вѣдь-су и я не выдамъ тебя: ты тамъ плачь, а я здѣсь. Дружнее дѣло: какъ мнѣ покинуть тебя? Хотя умереть, а не хочу отстать. Елена, а Елена! Съ сестрами тѣми не сообщайся: понеже онѣ чисты и святы. А со мною водися: понеже я самъ шелудивъ, не боюся твоей коросты,—и своей много у меня! Пришли мнѣ малины. Я стану ѣсть,—понеже я оглашенный, ты оглашенная,—другъ на друга не дивимъ, оба мы равны. Видала ли ты? земскіе ярышки другъ друга не осужаютъ. Тако и мы».

Такъ, даже осуждая за тяжкій грѣхъ и налагая суровое наказаніе, бывшій протопопъ вмѣстѣ заботится о томъ, чтобы не поселить унынія въ душѣ ученицы, и, отчуждая ее отъ общенія съ вѣрными, умышленно ставитъ себя на одну доску съ грѣшницей, и казывая, вмѣстѣ и ободряетъ. При такомъ отношеніи къ ученикамъ Аввакумъ не безъ основанія говорилъ имъ: «не имать власти таковыя надъ вами и патріархъ, яко же азъ о Христѣ,—кровію своею помазую душа ваша и слезами помываю». Насколько рѣзкія обличенія никоніанства и смѣлая проповѣдь могли привлекать людей къ расколу, настолько же эта нравственная чуткость къ чужимъ страданіямъ и деликатное врачеваніе душевныхъ скорбей должны были прочными узами приковывать къ Аввакуму сердца его учениковъ.

За то не остается у Аввакума и слѣда нѣжности и снисходительности, какъ только онъ имѣетъ дѣло не съ обычнымъ прегрѣшеніемъ, а съ тѣмъ, что, по его понятіямъ, представляетъ собою ересь. Въ такихъ случаяхъ онъ пользуется всѣмъ богатствомъ бранныхъ выраженій въ русскомъ языкѣ, обильными пото-

ками изливая на людей, разошедшихся съ нимъ во мнѣніяхъ, крѣпкія слова, умышленно доводя свой языкъ до крайней степени грубости, невыносимо рѣжущей современное ухо. Для никоніанъ у него нѣтъ другихъ выраженій, какъ «воры», «страдники», «прелагатаи», «собаки», «шиши антихристовы» и другія, совершенно непередаваемыя современною печатью слова. Тотъ же способъ выраженій сохраняетъ онъ, обращаясь и къ своимъ единомышленникамъ, съ которыми не согласился въ чемъ-нибудь, относящемся къ вопросамъ вѣры. «Не помышляй себѣ того, дуракъ,— писалъ онъ къ одному ослушавшемуся его ученику—еже отъ Бога тебѣ, кромѣ покаянія, помилovану быти; но изволися Духу Святому и мнѣ предати тя сатанѣ въ озлобленіе, да духъ твой спасется: да пріидетъ на тя месть Каинова, и Исавова, и Саулова, да пожжетъ тя огнь, яко содомлянъ, аще не зазришь души своей треокаянной. Кайся, трехглавный змій, кайся!.. Собака дура!»... «Өедка, а Өедка!—обращался онъ въ другой разъ къ діакону Өеодору, разошедшемуся съ нимъ въ пониманіи догмата Троицы,— охъ, б...... сынъ! Собака косая! Дуракъ, страдникъ!.. Гордоусть, алгмѣй! собака!»...

Такія и подобныя имъ ругательства и проклятія, которыми щедро осыпалъ Аввакумъ своихъ противниковъ, имѣли своимъ источникомъ не только грубость нравовъ эпохи и несдержанность самого проповѣдника; происхожденіе ихъ въ равной мѣрѣ коренилось въ общемъ взлядѣ послѣдняго на еретиковъ и необходимое отношеніе къ нимъ. Но это приводитъ уже насъ къ вопросу о самомъ ученіи Аввакума и мы попытаемся теперь передать его главнѣйшія черты.

*

Исходнымъ пунктомъ всего этого ученія послужила реформа Никона, произведшая, по мнѣнію Аввакума, переворотъ въ русской церкви и вовлекшая ее въ пагубную ересь. «Какъ онъ царя причастилъ антидоромъ,—говорилъ протопопъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій—такъ съ тѣхъ мѣстъ возми да понеси, да ломай все старое, давай новую вѣру римскую и протчая ереси клади въ книги; а кто обрящется противенъ, того осуждай въ ссылки и въ смерти, сажай живыхъ въ землю». Сообразно этому протопопъ съ крайнею враждою относился и къ личности Никона, осыпая бывшаго патріарха самой дикой бранью и всячески стараясь унизить и оскорбить его. Въ этихъ видахъ Аввакумъ приписывалъ Никону инородческое происхожденіе, говоря, что отецъ его былъ черемисинъ, а мать татарка, обвинялъ его въ колдовствѣ, посредствомъ котораго онъ будто бы и обошелъ Алексѣя Михайловича, сравнивалъ его съ антихристомъ и наконецъ даже прямо заявлялъ, что «никоніянской духъ самого антихриста духъ». Дальше сравненій онъ не шелъ, впрочемъ, въ этомъ отношеніи и рѣшительно отказывался считать Никона антихристомъ, утверждая, что онъ только

«предотеча» послѣдняго. Такъ или иначе, но именно черезъ Никона и благодаря его дѣйствіямъ проникла въ Московское государство ересь, которую Аввакумъ характеризовалъ такимъ образомъ: «Нарядна она, въ царской багряницѣ ѣздитъ и изъ золотой чаши подчиваетъ. Упопла римское царство и польское, и многія окрестныя рѣши, да и въ Русь нашу пріѣхала въ 160 году»...

Эта ересь, введенная Никономъ и заключавшаяся въ перемѣнѣ вѣры на новую, римскую, перешедшая изъ римскаго и польскаго государствъ, выразилась въ измѣненіяхъ церковныхъ обрядовъ и богослужебныхъ книгъ. Въ ряду первыхъ едва-ли не наиболѣе важное мѣсто принадлежало, по мнѣнію Аввакума, установленію троеперстія. Старинный православный обычай заключался, по увѣренію протопопа, въ двоеперстіи и нарушеніе его, скрывая въ себѣ глубокій и пагубный смыслъ, увлекаетъ людей въ вѣчную гибель. «Отвергли никоніяня—писалъ онъ по этому поводу—вѣчную правду церковную, не восхотѣли пятію персты, по преданію святыхъ отецъ, креститися, но нѣкако странно тремя персты запечатлѣшася въ сокровищи всегубителя,—глаголю, печатію запечатлѣшася антихристовою, въ ней же тайна тайнамъ бѣ: змій, звѣрь и лжепророкъ. Всякъ, тремя персты знаменаяся, не можетъ разумѣти истины, омрачаетъ бо у таковаго духъ противный умъ и сердце его». Въ другомъ случаѣ Аввакумъ далъ своей мысли еще болѣе распространенное и опредѣленное объясненіе. «Всякъ бо, крестяся тремя персты, кланяется первому звѣрю папежу и второму русскому, творя ихъ волю, а не Божію; или рещи: кланяется и жертвуетъ душею тайно антихристу и самому діяволу. Въ ней же бѣ, щепоти, тайна сокровенная: звѣрь и лжепророкъ, сирѣчь: змій—діяволъ, а звѣрь—царь лукавый, а лжепророкъ—папежъ римскій и прочіи подобни имъ». Въ такомъ освѣщеніи троеперстіе представлялось уже не простымъ измѣненіемъ обряда, согласованнымъ съ практикой другихъ православныхъ церквей, а искаженіемъ сущности вѣры, служеніемъ самому антихристу и папѣ римскому, слѣдовательно, неискупимымъ грѣхомъ. «Велія бо язва и неисцѣльна—утверждалъ протопопъ—отъ трехъ перстовъ бываетъ души: лучше бо человѣку не родитися, нежели тремя персты знаменатися»; всякій, крестящійся тремя перстами, «будетъ мученъ огнемъ и жупеломъ».

Однозначущимъ съ измѣненіемъ крестнаго знаменія представлялось Аввакуму и измѣненіе формы креста въ изображеніи изъ восьмиконечнаго на четвероконечный. Соглашаясь съ тѣмъ, что и четвероконечный крестъ находится въ церкви «по преданію святыхъ отецъ», Аввакумъ рѣшалъ, однакоже, что онъ можетъ быть допускаемъ «только на ризахъ, и на стихаряхъ, и патрахиляхъ, и пеленахъ, идѣже положиша отцы». «А иже кто—продолжалъ онъ—его учинитъ на просфирахъ или напишетъ на

мнѣ образъ распятаго Христа и положитъ его на престолѣ вмѣсто тричастнаго: таковый мерзокъ есть и непотребенъ въ церкви, подобаетъ его изринути. Почто на владычнемъ мѣстѣ садится? Рабъ онъ Христову кресту или предотеча. Знай свое мѣсто, не восхищай Господскія чести». Но и на этомъ условномъ лишь признаніи четвероконечнаго креста Аввакумъ въ концѣ концовъ не останавливался и, не задумываясь передъ рѣзкимъ противорѣчіемъ, въ томъ же самомъ сочиненіи своемъ обзывалъ эту форму креста то «римскимъ», то «польскимъ крыжемъ» и угрожалъ признающимъ его: «въ пеклъ пойдеши, въ огнь неугасимый».

Подобнымъ же образомъ осуждалъ протопопъ и вновь введенную Никономъ трегубую аллилуію. «До Василія (Великаго)—писалъ онъ по этому поводу—пояху въ церкви ангельскія рѣчи: аллилуія, аллилуія, аллилуія. Егда же бысть Василій и повелѣ пѣти двѣ ангельскія рѣчи, а третію человѣческую, сице: аллилуія, аллилуія, слава тебѣ, Боже! У святыхъ согласно, у Діонисія и у Василія,—трижды воспѣвающе со ангелы славимъ Бога, а не четырежды, по римской бл...и. Мерзко Богу четверичное воспѣваніе сицевое; аллилуія, аллилуія, аллилуія, слава тебѣ, Боже! Да будетъ проклятъ сице поюще». «Велика въ аллилуіи хвала Богу,—прибавлялъ онъ—а отъ зломудрствующихъ досада велика,—по римски Святую Троицу въ четверицу глаголютъ, Духу и отъ Сына исхожденіе являютъ; зло и проклято се мудрованіе Богомъ и святыми».

Не меньшее негодованіе возбуждала въ Аввакумѣ установившаяся было въ Москвѣ итальянская манера иконописанія, которая въ противоположность византійской школѣ вносила въ священныя изображенія долю реализма. «Пишутъ Спасовъ образъ Еманунла,—гнѣвно иронизировалъ протопопъ—лице одутловато, уста червонная, власы кудрявыя, руки и мышцы толстыя, перси надутыя, тако же и у ногъ бедры толстыя, и весь, яко нѣмчинъ, брюхатъ и толстъ учиненъ, лишь сабли-той при бедрѣ не написано». «А все то — повторялъ онъ при этомъ удобномъ случаѣ — Никонъ врагъ умыслилъ будто живыя писать. А устрояетъ все по фряжскому, сирѣчь по нѣмецкому». Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что на этотъ разъ врагъ патріарха былъ совершенно неправъ въ своихъ нападкахъ: Никонъ не только не былъ поклонникомъ этой реальной школы иконописанія, которая создалась въ Москвѣ задолго до него, но являлся, наоборотъ, дѣятельнымъ ея противникомъ. Въ представленіи Аввакума, однако, всѣ измѣненія русской церковной обрядности неразрывно сплелись съ именемъ Никона. Попытку послѣдняго исказить чистоту русскаго православія Аввакумъ усматривалъ и въ совершеніи службы надъ пятью просфирами вмѣсто семи, которыя употреблялись раньше. И здѣсь онъ находилъ тотъ же самый источникъ реформы—римскую вѣру, проникшую въ Москву благодаря Никону, и, не имѣя возможности доказать непо-

средственную связь этого измѣненія съ обычаями католической церкви, утверждалъ, по крайней мѣрѣ, что оно служитъ лишь началомъ, а затѣмъ служба будетъ совершаться и на одной просфирѣ, и притомъ не кислой, а опрѣснокѣ, къ чему будто бы и стремятся «папа съ Никономъ прѣснолюбцы».

Измѣненія въ иноческомъ быту въ видѣ замѣны круглыхъ клобуковъ монаховъ плоскодонными и ношенія широкихъ рясъ равнымъ образомъ являлись въ глазахъ Аввакума знаменіемъ ереси, пришедшей въ православную церковь извнѣ. «Бысть въ лѣта наша—писалъ онъ—въ русской земли Божіе попущеніе, а діяволе злохитріе, изникоша изъ бездны мниси, нареченные монахи, имѣюще на себѣ образъ любодѣйный, камилавки подклейки женскія и клобуки рогатыя. Получиша себѣ сію пагубу отъ костела римскаго». Разсказывая при этомъ извѣстный анекдотъ о женщинѣ, сдѣлавшейся римскимъ папою, Аввакумъ именно ей и приписывалъ введеніе такой формы клобуковъ. Если послѣдніе представляли собою заимствованіе изъ католической церкви, то широкія рясы были, по его словамъ, введены въ видахъ потворства тѣлесной похоти и въ этомъ смыслѣ также составляли отступленіе отъ отеческихъ преданій. Иноку заповѣдано всегда глядѣть въ землю, памятовать страсти Господни и истощать свою плоть, вновь же введенная монашеская одежда представляла полную противоположность этимъ завѣтамъ. По словамъ проповѣдника, современные ему иноки «Богомъ преданное скидали съ головъ и, волосы расчесавъ, чтобы бабы любили ихъ, выставя рожу всю, да препояшется по титкамъ, воздѣвши на себя широкій жупанъ». «Нагъ ты—обращался Аввакумъ къ одѣтому такимъ образомъ монаху—благодати сталъ и Христовыхъ страстей отвергся. На женскую подклейку платьишко наложилъ, да я-де су инокъ, Христовымъ страстемъ сообщникъ! Подобаетъ истинному иноку дѣлы Христу подобитися, а не словесы глумными, и такъ творить, якоже святіи. Помнишь ли? Іоаннъ Предотеча подпоясывался по чресламъ, а не по титькамъ, поясомъ усменымъ, сирѣчь кожанымъ: чресла глаголются, подъ пупомъ опоясатися крѣпко, даже брюхо-то не толстѣетъ. А ты, что чреватая женка, не извредить бы въ брюхѣ ребенка, подпоясываешься по титькамъ! Чему быть! И въ твоемъ брюхѣ-то не менше ребенка бабья накладено бѣды-той, ягодъ мигдалныхъ, и ренскова, и романей, и водокъ различныхъ съ виномъ процѣженнымъ налилъ: какъ ево подпоясать! Невозможное дѣло ядомое извредить въ немъ! А се и ремень надобѣ долгъ»!

Такой же горячій протестъ вызывали, наконецъ, со стороны Аввакума и измѣненія въ написаніи именъ, искаженныхъ русскими переписчиками или принявшихъ съ теченіемъ времени на Руси особую форму и возстановленныхъ никоновскими справщиками въ первоначальномъ видѣ. Съ не-

скрываемою враждою встрѣчалъ онъ и всѣ вообще измѣненія въ языкѣ и обычаяхъ, хотя бы и не входившія въ собственно церковную сферу. «Не токмо святыя книги измѣнили,—жаловался онъ на никоніанъ—но и ризы, и мірскія обычаи, и вещи, и пословицы, и имена преложили: глаголютъ бо Христа Ісуса—Іисусомъ, а Николу чудотворца—Николаемъ,—той бо Николай при апостолѣхъ еретикъ бысть, а великій чудотворецъ бысть при царѣ Константинѣ. Еще же прелагатаи нарицаютъ Иванна именемъ женскимъ, пишуще безъ титла Анною. Вся сія Богови грубо, не подобаетъ бо своего языка уничижать и странными языки украшать рѣчь»...

Итакъ, благодаря Никону, русскую церковь охватила пагубная ересь, выразившаяся въ цѣломъ рядѣ измѣненій церковной обрядности и жизни, причемъ эти измѣненія проявились въ двухъ направленіяхъ: мѣсто прежняго строгаго благочестія и истинно христіанской жизни заступили испорченность нравовъ, потворство плоти и угожденіе страстямъ; мѣсто древнихъ обрядовъ и догматовъ православныхъ заняли новые, еретическіе, заимствованные изъ чужихъ, невѣрныхъ странъ. Удѣляя немало мѣста обрисовкѣ первой стороны, строго проводя аскетическій идеалъ, отожествлявшійся имъ съ христіанскимъ, и указывая на несоотвѣтствіе ему дѣйствительности, Аввакумъ однакоже главное свое вниманіе обращалъ на вторую сторону никоніанства, причемъ исходнымъ пунктомъ его критики всегда являлась старина, «старыя святыя книги», старые обряды, малѣйшее отступленіе отъ которыхъ въ его пониманіи влекло за собою ересь. Но, слѣдя за примѣненіемъ имъ этого общаго положенія на практикѣ, нельзя избавиться отъ тягостнаго и досаднаго недоумѣнія при видѣ тѣхъ мелочей, на которыя исключительно направлена мысль проповѣдника, и тѣхъ противорѣчій, въ которыхъ безпомощно и, повидимому, безъисходно запутывается она. Въ самомъ дѣлѣ, отчего можно три раза подрядъ славословить Бога, а тотъ, кто произнесетъ славословіе въ четвертый разъ, будетъ проклятъ? отчего четвероконечный крестъ признается въ одномъ случаѣ и отвергается съ проклятіями въ другомъ? и, главное, отчего всѣмъ этимъ мелкимъ обрядовымъ различіямъ придается такое громадное значеніе? Чтобы найти отвѣтъ на эти вопросы, необходимо ближе подойти къ основамъ міровоззрѣнія проповѣдника и прежде всего разсмотрѣть, что представляла изъ себя та старина, на которую онъ такъ часто ссылался и противъ измѣненій которой такъ ратовалъ.

До нѣкоторой степени это опредѣляется уже общимъ отношеніемъ Аввакума къ измѣненіямъ въ церковной сферѣ. Черезъ всѣ его обличенія реформъ Никона красною чертою проходило стремленіе связать эти реформы съ латинствомъ, съ ученіемъ и практикой римской и польской церквей, съ «фряжскими» или «нѣмецкими» порядками; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда у него не имѣлось уже рѣшительно никакихъ данныхъ для устано-

вленія этой связи, онъ пытался создать ее путемъ совершенно произвольныхъ предположеній, въ дальнѣйшемъ \ ѣ мыслей принимаемыхъ за доказанныя истины. Такимъ образомъ всѣ современныя ему измѣненія церковной обрядности понимались имъ, какъ заимствованія отъ иностранцевъ, и обобщались подъ именемъ римской, польской или нѣмецкой вѣры. «Охъ, охъ, бѣдная Русь!—восклицалъ онъ.—Чего-то тебѣ захотѣлось нѣмецкихъ поступковъ и обычаевъ»? То же самое отношеніе сквозило и въ эпитетахъ, какіе онъ придавалъ виновникамъ и сторонникамъ церковной реформы, въ названіи ихъ «другими нѣмцами русскими». Русское православіе противополагалось такимъ образомъ въ представленіи Аввакума иноземной ереси. Согласно этому представленію, правая вѣра сохранилась только въ московской Руси, исчезнувъ во всѣхъ другихъ странахъ, не исключая Греціи и Малороссіи, гдѣ православіе уцѣлѣло только по имени, будучи на дѣлѣ давно искажено латинскою ересью. Москва единственная изъ всѣхъ государствъ древняго и новаго міра успѣла удержать у себя правую вѣру и потому всѣ отличія отъ практики православной церкви, установившіяся на Руси, пріобрѣтали характеръ признаковъ преимущественнаго правовѣрія. Это сохраненіе вѣры во всей ея чистотѣ придавало Москвѣ значеніе «третьяго Рима», главы православнаго міра, и понятно, что при такомъ воззрѣніи, въ которомъ религіозная исключительность сливалась съ національнымъ самомнѣніемъ, мало оставалось мѣста для какихъ-либо исправленій русской церковной жизни на основаніи практики другихъ православныхъ церквей. Такой результатъ еще усиливался самымъ пониманіемъ правовѣрія. Въ послѣднемъ Аввакумъ усматривалъ двѣ стороны: сохраненіе неизмѣнными всѣхъ догматовъ и обрядовъ церкви и соблюденіе строгаго благочестія въ жизни. Но какъ первое сводилось у него почти всецѣло къ обрядовой сторонѣ, къ наблюденію за тѣмъ, чтобы «гдѣ что положили святые отцы, тамъ бы оно и пребывало неизмѣнно», такъ второе при его аскетическомъ настроеніи переходило въ полное почти отреченіе отъ міра, въ жизнь, отрѣшенную отъ всякаго плотскаго наслажденія, отъ всякой не-церковной радости. «Дѣтей своихъ учите, Бога для, неослабно страху Божію; играть не велите. Охъ, свѣты мои! Вся мимо идутъ, токмо душа вещь непремѣнна»,—наставлялъ онъ своихъ учениковъ и давалъ имъ рядъ подробныхъ совѣтовъ, какъ устроить жизнь по правиламъ благочестія. Согласно этимъ совѣтамъ, вся жизнь въ ея цѣломъ, какъ церковная, такъ и общественная и частная, должна была управляться предписаніями религіи и стремиться исключительно къ удовлетворенію религіозныхъ интересовъ; рядомъ съ высшей религіозной истиной не оказывалось мѣста ни для какой другой, хотя бы даже и въ подчиненномъ по отношенію къ первой положеніи. Человѣческій разумъ не только всецѣло поглощался догмой въ области религіи, гдѣ ему предстояло лишь хранить завѣ..

вѣками преданіе, но и не имѣлъ для себя вообще ни какого поприща самостоятельной дѣятельности, такъ какъ все, не входившее въ церковную сферу, рѣшительно отвергалось. Всякая попытка проникнуть въ таинства природы являлась съ этой точки зрѣнія опаснымъ дерзновеніемъ, безплоднымъ и даже вреднымъ умствованіемъ, близкимъ къ ереси. «Не всѣ судьбы Бога человѣку надобно вѣдать,—увѣщевалъ вѣрныхъ Аввакумъ—полно и тово, что (Богъ) на земли надѣлалъ и далъ знать. И отъ того человѣкъ, что пузырь, раздувается; а какъ бы небесная-то вѣдалъ, и онъ бы равенъ былъ діяволу». Поэтому свѣтская наука, не имѣвшая своихъ корней въ религіи, признавалась исключительно наслѣдіемъ языческихъ временъ и предавалась проклятію. Язычники «достигоша съ сатаною разумомъ своимъ небесныхъ твердей и звѣздное теченіе поразумѣвше», а христіане «достигаютъ не мудрости внѣшнія поразумѣвати и луннаго теченія, но на самое небо восходятъ смиреніемъ». «Никоніяня такъ-то христіянъ губятъ,—прибавлялъ проповѣдникъ—научаютъ роскошному житію и остpологъ прочитать, богоотступное дѣло—бѣги небесныя читать». Въ сущности же всякая вообще наука должна быть чужда истинному христіанину. «Не ищите риторики и философіи, ни краснорѣчія,—поучалъ протопопъ—но, здравымъ истиннымъ глаголамъ послѣдующе, поживите. Понеже риторъ и философъ не можетъ быти христіяниномъ,—Григорій Нискій пишетъ». «Азъ есмь—писалъ въ соотвѣтствіи съ этимъ Аввакумъ о своей собственной учительской дѣятельности—ни риторъ, ни философъ, дидаскалства и логофетства не искусенъ, простецъ человѣкъ и зѣло исполненъ невѣдѣнія. Сказать-ли, кому я подобенъ? Подобенъ я нищему человѣку, ходящу по улицамъ града и по окошкамъ милостыню просящу. День той скончавъ и препитавъ домашнихъ своихъ, на утро паки поволокся. Тако и азъ, по вся дни волочась, сбираю и вамъ, питомникамъ церковнымъ, предлагаю: пускай ядше веселимся и живи будемъ. У богатова человѣка Христа изъ евангелія ломоть хлѣба выпрошу, у Павла апостола, у богатова гостя, изъ посланій его хлѣба крому выпрошу, у Златоуста, у торговаго человѣка, кусокъ словесъ его получу, у Давида царя и у Исаи пророка, у посадскихъ людей, по четвертинѣ хлѣба выпросилъ; набравъ кошель, да и вамъ даю, жителямъ въ дому Бога моего. Ну, ѣшьте на здоровье, питайтеся, не мрите съ голоду, я опять побреду сбирать по окошкамъ. Аще мнѣ подаютъ, добры до меня люди-те, помогаютъ моей нищетѣ,—а я паки вамъ бѣдненькимъ подѣлюсь, сколько Богъ дастъ». Только одна мудрость и цѣнна для христіанина—религіозная, но и здѣсь дѣло не въ изслѣдованіи, а въ усвоеніи и сохраненіи неизмѣнною готовой истины.

Такое міровоззрѣніе, отдѣльныя части котораго были тѣсно связаны между собою и которое слагалось изъ проникновенія всѣхъ жизненныхъ отношеній религіею, понимаемой притомъ преимущественно съ внѣшней ея

стороны, и изъ отожествленія религіи съ данною національностью, не допускало никакого воздѣйствія на жизнь народа извнѣ. Всякое признаніе преимущества въ чемъ-либо другого народа, неправильности того или другого порядка у себя дома сравнительно съ иноземцами посягало и на ту идею исключительнаго русскаго правовѣрія, на которой держалось все міросозерцаніе проповѣдника, и вотъ почему Аввакумъ такъ упорно держался за всякую мелочь и проявлялъ столько озлобленія въ самыхъ ничтожныхъ, повидимому, вопросахъ: отказаться отъ подробности значило вмѣстѣ своими руками подорвать и общую идею. «Не передвигаемъ вещей церковныхъ съ мѣста на мѣсто—заявлялъ онъ.—Идѣже святіи положиша что, то тутъ и лежи. Иже что, хотя малое, перемѣнитъ, да будетъ проклятъ». Возможность иной точки зрѣнія для русскаго человѣка совершенно не представлялась его уму и поэтому осужденіе его взглядовъ было въ его глазахъ равносильно осужденію всей русской церкви, посрамленію всего ея славнаго прошлаго, возвысившаго ее надъ всѣми другими. «То ли наша великая вина,—въ глубокомъ недоумѣніи спрашивалъ онъ—еже держимъ отецъ своихъ преданіе неизмѣнно во всемъ? Аще мнится имъ дурно сіе: подобаетъ имъ извергнути отъ памяти прежде бывшихъ царей и патріарховъ и всѣхъ русскихъ святыхъ. За что они намъ послѣ себя оставили книги сія, за нихже мы полагаемъ душа своя! Аще ли имъ памяти честнѣ творятъ и святыхъ русскихъ почитаютъ всѣхъ, ихже мы уставы и преданіе неизмѣнно держимъ: за что же насъ мучить и губить»? Странными и дикими представлялись Аввакуму при такомъ положеніи дѣла проклятія, обрушившіяся на него со стороны русскихъ іерарховъ. «А что вы насъ клянете,—говорилъ онъ—и мы тому смѣемся. И робенокъ засмѣется вашему безумію. Коли насъ за старину святую проклинать,—ино и отецъ вамъ и матерей подобаетъ своихъ проклинати, въ нашей вѣрѣ измершихъ».

Мало убѣдительными оказывались для Аввакума въ виду его руководящихъ принциповъ и возраженія, производившія особенности русской церковной жизни отъ невѣжества прежнихъ іерарховъ и призывавшія склониться передъ ученостью грековъ и малороссовъ. Въ его глазахъ православіе и невѣжество скорѣе могли быть синонимами, чѣмъ православіе и наука, и онъ съ особенной, понятной только съ точки зрѣнія всего его міросозерцанія, иронією противопоставлялъ невѣждъ-русскихъ ученымъ грекамъ. «Русскіе бѣдные, пускай глупы, рады мучителя дождались, полками въ огонь дерзаютъ за Христа Сына Божія-Свѣта. Мудры б...... дѣти греки, да съ варваромъ турскимъ съ одного блюда патріархи кушаютъ раѳленые курки. Русачки же миленкіе не такъ,—въ огонь лѣзетъ, а благовѣрія не предастъ»! Исправленія, сопровождаемыя ссылками на практику иныхъ церквей и на авторитетъ чужестранныхъ ученыхъ, уже

въ силу одного этого основанія своего, подрывавшаго ученіе объ исключительномъ русскомъ правовѣріи, пріобрѣтали въ сознаніи Аввакума видъ ереси, готовой поглотить и послѣдній народъ, оставшійся еще чистымъ отъ нея, одержать побѣду надъ православіемъ въ послѣднемъ его убѣжищѣ. «Иного же отступленія нигдѣ не будетъ: вездѣ бо бысть; послѣдняя Русь здѣ», писалъ онъ. Мотивъ религіозный въ его протестѣ такимъ образомъ не только сливался съ національнымъ, но въ значительной мѣрѣ и вытекалъ изъ послѣдняго. Не грекамъ, которые «потеряли своего царя», такъ какъ отреклись отъ «благочестія», предстояло учить чему-либо русскихъ людей; лишь изъ Москвы могъ изливаться на народы свѣтъ православія и всякое дѣйствіе, знаменовавшее собою отступленіе отъ этого общаго взгляда, какъ бы оно ни было мелко по внѣшности, открывало собою и начало ереси.

Связь «царства» и «благочестія» имѣла, впрочемъ, въ пониманіи ревнителя русской старины еще и другое значеніе. Правовѣріе не опредѣлялось, по его взгляду, личнымъ разумомъ отдѣльнаго человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ судьба этого правовѣрія не зависѣла и отъ свободной воли отдѣльныхъ членовъ церкви. Охрана его возлагалась на іерархію, которая и должна была наблюдать за дѣйствіями и мнѣніями своей паствы, ведя послѣднюю по правому пути и требуя отъ нея безпрекословнаго повиновенія; такъ поступалъ самъ Аввакумъ, будучи священникомъ, того же требовалъ онъ и отъ другихъ. Но обязанности такой охраны лежали, на его взглядъ, не только на духовной іерархіи, а и на свѣтской, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ главнаго ея представителя, царя: послѣдній долженъ былъ заботиться о чистотѣ вѣры своихъ подданныхъ и отвѣчалъ за нихъ передъ Богомъ. Къ царю, какъ къ верховному охранителю православія, и обращался Аввакумъ въ одномъ изъ своихъ посланій: кто бы рѣшился порицать русскую церковь, «аще бы не твоя держава попустила тому быти»? Такимъ образомъ главную роль въ дѣлѣ религіи для него играло не внутреннее самоопредѣленіе человѣка, а внѣшняя принудительная сила власти, церковной и свѣтской, которая получала при этомъ въ свои руки и соотвѣтствующія средства. Всякое отступленіе отъ опредѣляемыхъ религіей правилъ, совершалось ли оно въ области практической жизни или въ сферѣ теоретической мысли, неизбѣжно должно было, по воззрѣнію протопопа, повлечь за собою наказаніе, причемъ это послѣднее не ограничивалось собственно духовными мѣрами, но распространялось и на тѣлесную природу преступника. Въ рукахъ священника, какъ пастыря душъ, находилось не только духовное оружіе, но и палки, цѣпи и т. п., и тѣ же самыя средства должны были служить и свѣтской власти при защитѣ ею вѣры. Грубая сила являлась средствомъ для поддержанія церковной дисциплины, она же служила охраной и для самой вѣры. По

отношенію ко всякаго рода еретикамъ проповѣдывалась полная нетерпимость и преслѣдованіе ихъ вмѣнялось въ обязанность и духовной іерархіи, и свѣтской власти. Такъ, въ посланіи къ Алексѣю Копытовскому, одному изъ учениковъ своихъ, Аввакумъ совѣтовалъ ему побить палкой другого раскольника за неправильныя его мнѣнія и грозилъ проклясть послѣдняго, если онъ не исправится. Проклятіе—крайняя мѣра со стороны лица духовнаго, но упорныхъ еретиковъ должно передавать затѣмъ въ руки свѣтской власти, которая обязана казнить ихъ. Это общее положеніе Аввакумъ примѣнялъ и къ никоніанамъ. «Воли мнѣ нѣтъ да силы,—жаловался онъ въ одномъ изъ своихъ посланій—перерѣзалъ бы, что Илья пророкъ, студныхъ и мерзкихъ жеребцовъ всѣхъ, что собакъ»... При такой фанатической нетерпимости, не останавливавшейся передъ требованіемъ смертной казни за убѣжденія, идеальнымъ носителемъ государственной власти въ глазахъ проповѣдника являлся не кто иной, какъ самъ царь Грозный. Говоря о Никонѣ, Аввакумъ замѣчалъ: «какъ бы доброй царь, повѣсилъ бы ево на высокое древо... Миленькой царь Иванъ Васильевичъ скоро бы указъ сдѣлалъ такой собакѣ»... Эту идеальную въ его глазахъ фигуру прошлаго Аввакумъ мечталъ увидѣть и въ настоящемъ.

«Вѣдаю разумъ твой,—обращался онъ къ Алексѣю Михайловичу въ своихъ «Толкованіяхъ на псалмы»—умѣешь многими языки говорить: да што въ томъ прибыли? Съ симъ вѣкомъ останется здѣсь, а о грядущемъ ничимже пользуется. Воздохни-тко по старому, какъ при Стефанѣ бывало, добренько и рцы по русскому языку: Господи, помилуй мя грѣшнаго! А киріелейсонъ-отъ отставь: такъ ельняне говорятъ; плюнь на нихъ! Ты, вѣдь, Михайловичъ, русакъ, а не грекъ! Говори своимъ природнымъ языкомъ; не уничижай его и въ церкви, и въ дому, и въ пословицахъ. Какъ насъ Христосъ научилъ, такъ подобаетъ говорить. Любитъ насъ Богъ не меньше грековъ; предалъ намъ и грамоту нашимъ языкомъ Кирилломъ святымъ и братомъ его. Чего же намъ еще? Развѣ языка ангельскова? Да нѣтъ, нынѣ не дадутъ, до общаго воскресенія. Да еще бы и ангельски говорилъ, Павелъ рече, любве же не имамъ, быхъ яко мѣдь звеняща или кимвалъ бряцая,—барабаны ваши!... А ты, миленькой, посмотри-тко въ пазуху-ту, царь христіянскій! Всѣхъ-ли христіянъ-тѣхъ любишь? Нѣтъ больше, отбѣже любовь и вселися злоба. Еретиковъ-никоніянъ токмо любишь, а насъ, православныхъ христіянъ, мучишь, правду о церкви Божіей глаголющихъ ти. Перестань-ко ты насъ мучить-тово. Возми еретиковъ-тѣхъ, погубившихъ душу твою, и пережги ихъ, скверныхъ собакъ, латынниковъ и жидовъ, а насъ распусти, природныхъ своихъ. Право, будетъ хорошо»...

Итакъ, религіозная и національная исключительность, распространеніе религіи, понятой узко и односторонне, на всѣ сферы жизни, проповѣдь аскетизма и отреченія отъ свободы личнаго разума и отъ свѣтской науки, наконецъ, нетерпимость, доходившая до апоѳеоза грубѣйшаго насилія,—таковы были основныя черты міросозерцанія Аввакума, тѣсно связывавшія его съ предшествовавшимъ историческимъ моментомъ. Но примѣнять и проповѣдывать

это міросозерцаніе Аввакуму пришлось въ обстановкѣ, незнакомой его предшественникамъ. Благодаря этому и проповѣдь его не могла остановиться на первой своей стадіи—обличенія еретической новизны и защиты старины. Тѣ реальныя условія, въ какихъ очутился расколъ съ момента своего возникновенія, очень скоро заставили проповѣдника переступить грань, лежавшую между защитой стараго порядка и организаціей новаго.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣ того, какъ ревнители старины потерпѣли неудачу въ своихъ претензіяхъ на оффиціальное господство, они оказались въ положеніи, вызывавшемъ цѣлый рядъ новыхъ вопросовъ теоретическаго и практическаго характера. Съ того момента, какъ русская церковь отказалась отъ мысли о своемъ исключительномъ правовѣріи, она потеряла въ ихъ глазахъ значеніе православной. Но это пораженіе православія въ послѣднемъ его убѣжищѣ могло быть объяснено лишь наступленіемъ царства антихриста, за которымъ должна была послѣдовать кончина міра. Весьма многіе изъ защитниковъ старины и усмотрѣли въ Никонѣ антихриста, пришедшаго въ міръ ради исполненія пророчествъ и уничтоженія правой вѣры. Однако на долю предполагаемаго антихриста не досталось господства. Русская церковная старина была проклята въ роковомъ 1666 году ровно черезъ 666 лѣтъ послѣ перваго тысячелѣтія по Рождествѣ Христа; согласно указаніямъ Кирилловой книги, черезъ 1000 лѣтъ послѣ Рождества Христа совершилось отступленіе римской церкви отъ православія, а черезъ 660 лѣтъ послѣ того слѣдовало ждать отступленія русской церкви и еще черезъ 6 лѣтъ полнаго ея паденія. Въ этомъ пунктѣ пророчества сбывались. Но тотъ же соборъ, который наложилъ это проклятіе, низвергъ Никона съ патріаршаго престола. Въ виду послѣдняго обстоятельства, не соглашавшагося съ приписываемою Никону ролью, многіе изъ ревнителей старины видѣли въ Никонѣ не болѣе, какъ предтечу антихриста, царство котораго должно было еще наступить въ близкомъ будущемъ. Этого послѣдняго мнѣнія держался и Аввакумъ. Ожидая скорой кончины міра, объясняя дѣйствія Никона и послѣдовавшей за нимъ свѣтской власти «духомъ антихриста» и порою не воздерживаясь даже отъ искушенія примѣнить къ нимъ пророчества о послѣднемъ, онъ тѣмъ не менѣе рѣшительно утверждалъ, что «не пришелъ еще онъ, послѣдній чертъ», хотя и «скоро уже будетъ». Такъ какъ такимъ путемъ кончина міра отодвигалась еще на нѣкоторое время, то въ ожиданіи ея вѣрнымъ предстояло опредѣлить возможныя отношенія съ церковью, устроить свой внутренній бытъ примѣнительно къ новымъ условіямъ, отторгшимъ его отъ общаго церковнаго тѣла, наконецъ, установить руководящіе принципы жизни на будущее время. Въ эту сторону, подъ вліяніемъ постоянно поступавшихъ къ нему запросовъ, долженъ былъ направить свою проповѣдническую дѣятельность и Аввакумъ.

Первое мѣсто въ ряду подобныхъ вопросовъ, созданныхъ обстоятель-

ствами, которыя сопровождали образованіе раскола, какъ отдѣльной религіозной общины, лишенной связи съ церковью, занялъ вопросъ объ отношеніи раскольниковъ къ православнымъ или, употребляя терминологію партіи, къ «никоніанамъ». На этотъ вопросъ Аввакумъ давалъ вполнѣ точное и опредѣленное рѣшеніе, вытекавшее изъ самаго пониманія имъ «никоніанства». «Паче прежнихъ еретикъ никоніяня», говорилъ онъ и въ строгомъ согласіи съ этимъ общимъ взглядомъ устанавливалъ формы отношеній къ нимъ. «Христіанину сущу,—по его словамъ,—подобаетъ удалятися ихъ; не токмо жертвы, но и селенія ихъ поганы суть и древнихъ еретиковъ поганѣе». «Не водись съ никоніяны,—писалъ онъ въ другой разъ—не водись съ еретиками: враги они Богу и мучители христіаномъ, кровососы, душегубцы». По его совѣтамъ, слѣдовало избѣгать не только мирныхъ и дружескихъ сношеній съ никоніанами, но и всякихъ преній о вѣрѣ, хотя бы даже такія пренія не носили прямо враждебнаго характера. «Бѣги отъ еретика и не говори ему ничего о правовѣріи,—предписывалъ на этотъ случай Аввакумъ—токмо плюй на него. Аще онъ когда и мягко съ тобою говоритъ, отклоняйся его, понеже ловитъ тебя, даже наведетъ бѣду душевную и тѣлесную». Идеаломъ являлось такимъ образомъ полное отчужденіе отъ никоніанъ, причемъ оно должно было бы распространяться какъ на церковную, такъ и на частную жизнь. Этотъ общій принципъ въ житейской практикѣ встрѣчался, однако, съ такимъ случаемъ, къ которому онъ не могъ быть примѣненъ безъ предварительныхъ оговорокъ и дополненій. Раскольники даже тогда, еслибы они захотѣли всецѣло осуществить такое отчужденіе, не могли совершенно избѣжать столкновеній съ никоніанами, не могли отгородиться отъ нихъ такъ же прочно, какъ отгораживалась русская церковь въ ея цѣломъ отъ иноземнаго вліянія, такъ какъ это зависѣло не только отъ ихъ воли. Православная іерархія, поддерживаемая силою свѣтской власти, вмѣшивалась въ ихъ жизнь, требовала подчиненія себѣ, и такимъ образомъ возникалъ вопросъ, какъ быть съ этимъ вмѣшательствомъ, какого рода мѣры практиковать по отношенію къ воинствующему православію. Наилучшій выходъ изъ этого положенія указывалъ Аввакумъ въ мученичествѣ, на которое дѣятельно и возбуждалъ своихъ учениковъ, радуясь, что «русская земля освятилась кровію мученическою». «Само царствіе небесное валится въ ротъ,—писалъ онъ—а ты откладываешь, говоря: дѣти малы, жена молода, разориться не хочется!.. Ну, дѣти-тѣ пережениш и жену-ту утѣшишь; а затѣмъ что? не гробъ-ли? И та же смерть, да не такова: понеже не Христа ради, но общей всемірной конецъ». Смерть за вѣру была концомъ, наиболѣе достойнымъ христіанина, по мнѣнію протопопа, даже и въ томъ случаѣ, когда эта смерть не наносилась непосредственно гонителями, а являлась результатомъ самоубійства, если только къ послѣднему человѣкъ прибѣгалъ изъ боязни не устоять

передъ мученіями, «да цѣло и непорочно соблюдетъ правовѣріе». Получивъ первыя извѣстія о самосожженіи раскольниковъ, Аввакумъ отнесся къ нему съ большимъ одобреніемъ, величая умершихъ «самовольными мучениками». «Вѣчная имъ память во вѣки вѣковъ!—прибавлялъ онъ.—Добро дѣло содѣяли—надобно такъ. Разсуждали мы между собою и блажимъ кончину ихъ».

Но при всемъ своемъ ригоризмѣ Аввакумъ былъ все же слишкомъ практическимъ человѣкомъ, чтобы не видѣть, что такой исходъ—мученичество за открытое исповѣданіе вѣры—доступенъ лишь для отдѣльныхъ личностей, представляющихъ болѣе или менѣе рѣдкія исключенія изъ общей массы, и это вынуждало его смягчить тонъ своей проповѣди. Для тѣхъ, кто не могъ понести подвига отстаиванія старой вѣры во всей его полнотѣ, проповѣдникъ рекомендовалъ поэтому дорогу компромисса — «належащаго ради страха аще плотски и соединяться съ никоніяны, но внутрь горѣніемъ горѣть о истинѣ Христовѣ, ея же ради отцы и братія наша стражютъ и умираютъ». Разъ ставъ на эту точку зрѣнія, протопопъ съ обычною прямотою доводилъ свою мысль до конца, досказывая всѣ детали и не оставляя никакого мѣста для сомнѣнія. Подавая вѣрнымъ совѣты на тотъ случай, какъ вести себя, если придется исповѣдываться у православнаго священника, онъ говорилъ: «И ты съ нимъ въ церкви сказки сказывай, какъ лисица у крестьянина куры крала: прости-де, батюшко, я-де не отгналъ; и какъ собаки на волковъ лаютъ: прости-де, батюшко, я-де въ конуру собаки-той не заперъ. Да онъ, сидя, исповѣдаетъ, а ты лягъ передъ нимъ, да и ноги вверхъ подыми, да слюни пусти, такъ онъ и самъ отъ тебя побѣжитъ: черная-де немочь ударила». Не менѣе характерные совѣты давалъ протопопъ на тотъ случай, если православный попъ придетъ въ домъ раскольника съ святой водой. «А съ водою-тою какъ онъ придетъ, такъ ты во вратѣхъ-тѣхъ яму выкопай, да въ ней роженья натычь, такъ онъ набрушится тутъ, да и попадетъ. А ты охай, около ево бѣгая, бытто нечарокомъ. А буде который яму-ту перелезетъ и, въ дому-томъ бывъ, водою-тою намочитъ, а ты послѣ ево вымети метлою, а робятамъ-тѣмъ вели по запечью отъ него спрятаться. Онъ кропитъ, а ты рожу-ту въ уголъ вороти, или въ мошню въ тѣ поры полѣзь, да деньги ему давай. А жена бы, и она собаку изъ-подъ лавки въ тѣ поры гоняй, да кричи на нее. Онъ ко кресту зоветъ, а она говори: бачко, недосугъ, еще собаку выгоняю, тебя же заѣстъ. Да осердись на него, раба Христова,—бачко, какой ты человѣкъ»... «А въ чемъ погрѣшится,—прибавлялъ Аввакумъ— и ты кайся предъ Господомъ Богомъ! Гдѣ же дѣться? Живыя могилы нѣтъ».

Другой вопросъ, выдвинувшійся впередъ при образованіи раскола, касался церковной іерархіи и таинствъ. Разорвавши съ іерархіей православ-

ной церкви, раскольники и сами оказались въ крайне затруднительномъ положеніи, такъ какъ ихъ церковныя общины остались безъ верховнаго пастыря и не могли получить его никакимъ правильнымъ путемъ. Отсюда для раскола уже сразу пріобрѣли крайне серьезное значеніе вопросы о священствѣ и таинствахъ, настойчиво требуя того или иного рѣшенія. Нѣкоторые изъ раскольниковъ пытались рѣшить ихъ, доказывая, что за отступленіемъ іерархіи исчезла и дѣйствующая чрезъ нее благодать, почему не могло быть болѣе ни правильно поставленныхъ поповъ, ни правильно совершаемыхъ таинствъ, и на этомъ основаніи совершенно отрицали, напримѣръ, причащеніе. Аввакумъ однакоже энергично возсталъ противъ такого крайняго рѣшенія. «А кои не причащаются люди,—писалъ онъ—и онѣ дѣлають не гораздо, своимъ умысломъ говорятъ: взята-де благодать. И послѣ антихриста, послѣднева чорта, благодать-та не покинетъ вѣрныхъ своихъ... Какъ-то такь дерзко глаголютъ, что не обрящеши святыхъ таинъ. Толко то и людей святыхъ, что бытто одни мы, а то всѣ погибли; миленькіе батюшки, добро ревность по Бозѣ, да знать ей мѣра». По его мнѣнію, благодать сохранилась въ церкви и таинства остаются дѣйствительными, если только они совершаются людьми, право вѣрующими, и съ соблюденіемъ всѣхъ праведныхъ обрядовъ; поэтому въ никоніанской церкви нѣтъ таинствъ въ настоящемъ ихъ видѣ; ни причащеніе, ни крещеніе, ни другія таинства, совершаемыя никоніанами, не имѣютъ силы: причащая, никоніане «бѣсомъ жрутъ, а не Богови», «крещеніе еретическое нѣсть крещеніе, но оскверненіе», но дѣло здѣсь все-таки не въ исчезновеніи благодати, а въ еретическихъ обрядахъ, мѣшающихъ ей проявиться.

Не такъ опредѣленны были взгляды Аввакума въ вопросѣ о священствѣ. Онъ съ недоумѣніемъ спрашивалъ, правда: «какъ же міру быть безъ поповъ?», доказывалъ, что благодать сохранилась и въ священствѣ, и лишь печалился, что большинство «старопоставленныхъ» до Никона поповъ, услугами которыхъ могли пользоваться раскольники, хотя временно уклонялись въ никоніанство, «а лучше тѣхъ нынѣ и не возможно обрѣсти праваго священства». Тѣмъ не менѣе фактъ отступничества такихъ священниковъ претилъ его прямой натурѣ и онъ разрѣшалъ прибѣгать къ нимъ тольк въ крайней нуждѣ: «кромѣ же нужи никакоже отъ нихъ не принимай, понеже слабодѣйствоваша въ догматѣхъ»; въ другихъ же случаяхъ онъ прямо совѣтовалъ сбходиться безъ поповъ, говоря, что «можно иноку, простцу и простолюдину искреннимъ таинствомъ причащатися», равно какъ совершать и другія таинства. Такое рѣшеніе было тѣмъ естественнѣе, что поповъ, получившихъ поставленіе послѣ Никона, Аввакумъ не считалъ уже правыми священниками и такимъ образомъ количество послѣднихъ оказывалось весьма ограниченнымъ. Тѣмъ не менѣе ученіе его въ этомъ пунктѣ оставалось не вполнѣ выясненнымъ и опредѣленнымъ, нося нѣсколько дву-

смысленный характеръ и заключая въ себѣ какъ бы зародыши обоихъ главныхъ толковъ позднѣйшаго времени, поповщины и беззоповщины.

Третьимъ общимъ вопросомъ въ судьбѣ раскола, по которому приходилось Аввакуму, въ виду обращенныхъ къ нему настояній, высказывать свой приговоръ, были споры въ средѣ самихъ раскольниковъ. Разъ возникшее движеніе не застыло въ одной опредѣленной формѣ, но по мѣрѣ своего распространенія, принимая въ себя все новые элементы, сообразно ихъ свойствамъ видоизмѣняло нѣсколько и свой характеръ. Подъ общимъ знаменемъ оппозиціи православной церкви объединялись различныя стремленія расколъ дробился на отдѣльные толки и члены этихъ послѣднихъ во взаимныхъ отношеніяхъ проявляли ту же рѣзкую нетерпимость, какою управлялись ихъ дѣйствія относительно никоніанъ. Аввакумъ обыкновенно порицалъ такую вражду и старался сдерживать ея проявленія. «Тѣло наше—, писалъ онъ по этому поводу—безъ души есть калъ, и пепелъ, и прахъ а вы уже другъ друга гнушаетесь и хлѣба не ядите вмѣстѣ, глупцы, гордитеся другъ другомъ, а все одна земля и пепелъ». Но самые споры являлись въ его глазахъ неизбѣжными и даже полезными, такъ какъ они способствуютъ выясненію истины. «А что противятся другъ другу,—писалъ онъ въ другой разъ—пускай такъ! Тако истина и правда больше сыскивается... Грызитеся гораздо! Я о семъ не зазираю. Токмо праведнѣ и чистою совѣстію разыскивайте истину». Такой взглядъ не простирался однако у Аввакума на всю область богословскихъ споровъ, а имѣлъ свои опредѣленныя и довольно узкія границы. Каждый разъ, когда спорящія стороны касались вопроса, находившаго, по мнѣнію протопопа, свое рѣшеніе въ старинѣ, онъ требовалъ безусловнаго признанія послѣдней. Сообразно съ этимъ онъ съ рѣшительнымъ осужденіемъ относился ко всѣмъ ученіямъ, которыя возникали, по его мнѣнію, изъ иноземной вѣры; такъ, онъ рѣзко порицалъ не признававшихъ иконы, какъ подражателей лютеранъ и кальвинистовъ; въ этихъ случаяхъ онъ отъ убѣжденія ослушниковъ быстро переходилъ къ угрозамъ наложить на нихъ проклятіе за еретическія мнѣнія.

Это рвеніе къ старинѣ не оберегло однако самого Аввакума отъ уклоненія въ ересь. При глубоко реалистическомъ направленіи его ума, мало подготовленнаго къ усвоенію догматическихъ тонкостей, для него оказалось достаточно опечатки одной изъ старыхъ книгъ, въ которой Троица была названа «трисущной», чтобы отступить отъ нѣкоторыхъ догматовъ и ученій православія. Онъ началъ именно отрицать единосущность Троицы и, утверждая, что въ ней три существа, какъ три лица, вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣлялъ Іисуса Христа отъ третьяго члена Троицы. Изъ-за этого ученія между пустозерскими узниками поднялась большая распря, такъ какъ Епифаній и Лазарь приняли сторону Аввакума, дьяконъ же Ѳедоръ возсталъ противъ него. Въ пустозерской тюрьмѣ благодаря этому разыгрывались тяжелыя

сцены: Аввакумъ совмѣстно съ Лазаремъ проклялъ Ѳеодора и подущалъ противъ него тюремную стражу, съ помощью которой завладѣлъ даже оправдательными сочиненіями Ѳеодора и уничтожилъ ихъ. «Что се, Господи, будетъ? — спрашивалъ доведенный до отчаянія Ѳеодоръ.—Тамо на Москвѣ клятвы вси власти налагаютъ на мя за старую вѣру и на прочихъ вѣрныхъ, и здѣ у насъ между собою клятвы и свои друзи мене проклинаютъ за несогласіе съ ними въ вѣрѣ же, во многихъ догматѣхъ, болши и никоніянскихъ!»... И послѣ смерти Аввакума эта часть его ученія продолжала вызывать сильные споры между раскольниками, закончившіеся тѣмъ, что она была отвергнута, какъ несогласная съ ученіемъ церкви.

Но не только въ области церковныхъ догматовъ Аввакумъ незамѣтно для самого себя сошелъ съ почвы защищаемой имъ русской старины. Съ теченіемъ времени и нѣкоторыя другія стороны его міровоззрѣнія испытали весьма существенныя видоизмѣненія. Говоря о такихъ измѣненіяхъ, нельзя, правда, точно указать ни времени ихъ возникновенія, ни послѣдовательности, въ какой они появлялись, такъ какъ хронологія сочиненій Аввакума по крайней мѣрѣ, по отношенію къ значительному большинству ихъ, до сихъ поръ не установлена и едва-ли можетъ быть возстановлена при имѣющихся данныхъ. Но если мы не можемъ соблюсти строгой хронологической послѣдовательности въ изображеніи измѣненій взглядовъ Аввакума, то не представляется никакого затрудненія въ опредѣленіи тѣхъ реальныхъ условій, которыя были непосредственной причиной этихъ измѣненій.

Съ того момента, какъ безусловные защитники русской церковной старины потерпѣли рѣшительное пораженіе въ разгорѣвшейся борьбѣ партій, ихъ попытки всецѣло удержаться на почвѣ этой старины и сохранить всю систему прежнихъ взглядовъ встрѣтили серьезныя препятствія въ фактическомъ положеніи, созданномъ для нихъ обстоятельствами. Въ составъ понятія старины входили, между прочимъ, признаніе власти церковной іерархіи въ дѣлахъ вѣры надъ паствой и присвоеніе царю значенія верховнаго охранителя православія, облеченнаго властью для наказанія еретиковъ. Но всѣ главные представители церковной іерархіи, одни раньше, другіе позже, стали на сторону никоніанства, примкнула къ послѣднему и свѣтская власть, а раскольники очутились въ положеніи преслѣдуемой партіи. Всѣ тѣ громы, которые они призывали на своихъ противниковъ, обрушились теперь на ихъ собственныя головы: церковные іерархи и свѣтская власть равно возмутились противъ нихъ, равно клеймили ихъ именемъ еретиковъ, сыпали на нихъ увѣщанія и угрозы, пытки и казни. При такомъ оборотѣ дѣла оставленіе въ силѣ прежнихъ убѣжденій по даннымъ вопросамъ создавало безъисходное противорѣчіе въ ученіи раскольниковъ, совершенно невыносимое въ практической жизни, и, по мѣрѣ того, какъ суровая дѣйствительность отнимала у нихъ всякую надежду на перемѣну настроенія

властей въ ихъ пользу, среди нихъ дѣлала успѣхи и мысль о необходимости перестройки данныхъ сторонъ ученія въ связи съ измѣнившимися условіями. Попытки такой перестройки были сдѣланы и Аввакумомъ, выразившись въ измѣненіи его взглядовъ на значеніе іерархіи и на средства религіозной пропаганды. То обстоятельство, что ему на практикѣ пришлось встать противъ церковной іерархіи и вступать въ борьбу съ нею, привело его и въ теоріи къ отрицанію ея авторитета. Предвѣстникомъ такого отрицанія явились совѣты благочестивымъ со стороны Аввакума признавать не всякаго попа, но только такого, поведеніе и ученіе котораго по разсмотрѣнію окажутся согласными съ истиной. Въ дальнѣйшемъ Аввакумъ сталъ уже рѣшительно отрицать безусловный авторитетъ іерархіи въ рѣшеніи вопросовъ вѣры, нападая какъ на признававшихъ этотъ авторитетъ, такъ и на самихъ іерарховъ. Въ разгарѣ борьбы онъ говорилъ про послѣднихъ, что они людьми «яко кабальными обладали, что они велятъ, то и творятъ: «такъ-де намъ государи патріархи указали, на нихъ-де Богъ положилъ то дѣло». А которой Богъ? Скажи-тко, простолюдинъ, развѣ богъ тьмы ослѣпилъ сердца ваши, еже не возсіяти вамъ истины и правды? Прозри, безумне! Болишь слѣпотою неразумія!.. Али ты чаешь, потому святы нынѣшнія законоположники власти, что брюха-те у нихъ толсты, что у коровъ, да о небесныхъ тайнахъ не смыслятъ, понеже живутъ скотски и ко всякому беззаконію ползки? Или на то глядишь, что они воздыхаютъ? Не гляди на вздохи-те ихъ! Воздыхаетъ чернецъ, что долго во власти не поставятъ, а какъ докупится великія власти, вотъ уже и воздыхать перестанетъ».

Дольше, повидимому, держался Аввакумъ за другой аналогичный тезисъ, провозглашавшій верховную власть царя въ церкви, тѣмъ болѣе, что, и разочаровавшись уже въ іерархіи, онъ все еще хранилъ надежду на обращеніе Алексѣя Михайловича въ «старое благочестіе». Но время шло, а то, что казалось ему первоначально временнымъ ослѣпленіемъ царя, не только не проходило, но принимало все болѣе прочный характеръ, переходъ царя на сторону никоніанства становился все очевиднѣе. При этихъ условіяхъ нельзя было продолжать проповѣдь подчиненія царской власти въ религіозныхъ вопросахъ, не отказываясь отъ своего ученія или не становясь въ полное противорѣчіе съ нимъ, и Аввакумъ рѣзко перемѣнилъ свою точку зрѣнія въ этомъ вопросѣ. «Въ коихъ правилѣхъ писано—спрашивалъ онъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ сочиненій—царю церковію владѣть и догматъ измѣнять, святая кадить»? Ограничивая такимъ образомъ власть царя въ дѣлахъ церковныхъ, Аввакумъ не касался однако его свѣтской власти и, напротивъ, оговаривался, что этой послѣдней онъ не думаетъ «восхищать». Та же осторожность сказалась у Аввакума и по отношенію къ личности царя: отвѣчая на вопросы своихъ учениковъ, слѣ-

дуетъ-ли молиться за царя, онъ совѣтовалъ молиться за живого, на обращеніе котораго еще можно питать надежду, но на молитвахъ за умершаго, по крайней мѣрѣ, не настаивалъ, а иногда даже рѣшительно отвергалъ ихъ. Такое ограниченіе авторитета церковной и свѣтской іерархіи въ религіозныхъ вопросахъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ своимъ имѣло нѣкоторое освобожденіе личнаго разума. Правда, оно не могло быть ни полнымъ, ни даже особенно значительнымъ, такъ какъ въ основаніе всякаго вопроса полагался все-таки принципъ старины, но, по крайней мѣрѣ, въ опредѣленіи этой старины главная роль отводилась уже личной дѣятельности человѣка. Прежде всякихъ дальнѣйшихъ шаговъ въ этомъ направленіи предстояло закончить устраненіе насильственной опеки надъ совѣстью человѣка путемъ отрицанія самыхъ средствъ грубаго насилія въ дѣлѣ религіозной пропаганды и мысль Аввакума подъ вліяніемъ испытаній, вынесенныхъ имъ самимъ и его товарищами отъ противниковъ, дѣйствительно обратилась въ эту сторону. Въ его пустозерскихъ произведеніяхъ мѣстами попадаются какъ бы слабые проблески идеи вѣротерпимости, принявшіе, наконецъ, уже довольно законченную форму въ знаменитомъ мѣстѣ «Житія», такъ мало гармонирующемъ съ суровымъ и непримиримымъ фанатизмомъ его автора. «Чюдо,—говоритъ онъ здѣсь про никоніанъ — какъ то въ познаніе не хотятъ придти! Огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею хотятъ вѣру утвердить! Которые то апостолы научили такъ?—не знаю. Мой Христосъ не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить, еже бы огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею въ вѣру приводить... Татарской богъ Магметъ написалъ въ своихъ книгахъ сице: непокоряющихся нашему преданію и закону повелѣваемъ ихъ главы мечемъ подклонити. А нашъ Христосъ ученикамъ своимъ никогда такъ не повелѣлъ. И тѣ учители явны яко шиши антихристовы, которые, приводя въ вѣру, губятъ и смерти предаютъ: по вѣрѣ своей и дѣла творятъ таковы же».

Таковы тѣ стадіи, на которыхъ мы можемъ прослѣдить развитіе религіозной и общественной мысли Аввакума. Послѣднія изъ нихъ являются при этомъ далеко не столь рѣзко очерченными и опредѣленными, какъ первыя: даже въ тѣхъ самыхъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ заимствованы только что приведенныя цитаты, имѣются другія мѣста, стоящія въ противорѣчіи съ ними, проводящія старые взгляды, и особенно трудно въ этомъ смыслѣ дается Аввакуму идея вѣротерпимости, въ концѣ концовъ и усвоенная имъ только въ формѣ отрицанія казней за вѣру. Старыя идеи глубоко укоренились въ умѣ проповѣдника и не легко поддавались трансформаціи.

Во всякомъ случаѣ въ этихъ колебаніяхъ вождя раскола отразилась и общая судьба того движенія, руководителемъ котораго онъ былъ. Появленіе на почвѣ русской дѣйствительности фактовъ, противорѣчившихъ господ-

ствовавшей ранѣе идеѣ исключительнаго націонализма, повело къ критикѣ послѣдняго, которая вынудила его представителей точнѣе формулировать свои взгляды и свести ихъ въ болѣе строгую и стройную систему, а въ дальнѣйшемъ породила борьбу двухъ противоположныхъ міровоззрѣній. Въ этой борьбѣ лица, желавшія сохранить въ цѣлости все прежнее религіозно-націоналистическое міровоззрѣніе, замкнулись въ рамки раскола и лишь позднѣе это чисто идейное движеніе было осложнено политическими и соціальными факторами, первоначально въ немъ отсутствовавшими. Тѣмъ не менѣе значеніе раскола уже на первыхъ порахъ его существованія не исчерпывалось одною реакціею религіозно-общественнаго характера: фактъ образованія отдѣльной религіозной общины, ставшей внѣ связи съ церковной іерархіей и вызвавшей противъ себя преслѣдованіе со стороны свѣтской власти, не только повлекъ за собою измѣненія во внѣшней организаціи церковныхъ отношеній въ этой общинѣ, но и породилъ въ умахъ ея членовъ новыя представленія и идеи о церкви и государствѣ, въ свою очередь ставшія въ противорѣчіе даже съ тѣми сторонами стараго порядка, которыя находили себѣ полное признаніе у противниковъ раскола. Въ этой сторонѣ раскола коренились уже слабые зародыши будущаго сектантства—проповѣдника свободы человѣческой мысли въ религіозной и общественной сферѣ.

Съ этой точки зрѣнія чрезвычайно характерна и полна глубокаго трагизма и личная судьба Аввакума. Онъ хотѣлъ идти заодно съ церковной іерархіей и всталъ къ ней въ оппозицію, приведшую къ изверженію его изъ церкви, искалъ союза съ государственною властью, а послѣдняя вооружилась противъ него. Его идеи не успѣли совершить такого быстраго и крутого поворота, какой произошелъ въ его фактическомъ положеніи, и благодаря этому въ его произведеніяхъ нерѣдко звучала нота тяжелаго и скорбнаго недоумѣнія. Въ общемъ онъ представлялъ собою одинъ изъ яркихъ типовъ того переходнаго времени, когда господствовавшая раньше въ обществѣ система становилась достояніемъ оппозиціонной партіи. Еслибы онъ побѣдилъ въ начатой имъ борьбѣ, онъ былъ бы гонителемъ не менѣе, если еще не болѣе, безпощаднымъ и жестокимъ, чѣмъ тѣ, которые гнали и мучили его самого; но на его долю досталась роль побѣжденнаго и въ этой роли онъ пріобрѣлъ себѣ мѣсто въ исторіи. Какъ защитникъ націоналистическаго міровоззрѣнія, онъ принадлежитъ старому времени, какъ проповѣдникъ вѣротерпимости—новому.

* * *

Годы шли за годами, а въ положеніи Пустозерскихъ узниковъ не происходило никакой перемѣны. По прежнему были они заключены въ четырехъ стѣнахъ своей тюрьмы, по прежнему не было никакого просвѣта въ ихъ

мрачной судьбѣ. Даже Аввакумъ, сначала еще питавшій надежду на скорое освобожденіе, постепенно утрачивалъ ее. Проходили годы, совершались важныя перемѣны въ Московскомъ государствѣ, умеръ царь Алексѣй, вступилъ на престолъ сынъ его Өедоръ, а тяжелое заключеніе все тянулось и не предвидѣлось ему конца. Какъ ни силенъ духомъ и крѣпокъ тѣломъ былъ Аввакумъ, но и его закаленная въ бѣдствіяхъ натура подалась подъ тяжестью этого испытанія, ставшаго, наконецъ, невыносимымъ при его шестидесятилѣтнемъ возрастѣ. Въ 1681 году онъ написалъ и отправилъ къ царю Өедору посланіе, которое безпорядочностью мыслей и рѣзкою неровностью тона ясно выдавало не совсѣмъ уже нормальное состояніе узника. Начиналось это посланіе крайне смиренно. «Благаго и преблагаго и всеблагаго Бога нашего благодатному устроенію, блаженному и треблаженному и всеблаженному государю нашему свѣту, свѣтилу русскому, царю и в. кн. Өедору Алексѣевичу, не смѣю нарещися богомолецъ твой, но яко нѣкій извергъ и непричастенъ ногамъ твоимъ, издалече вопію, яко мытарь: милостивъ буди ми, господи!.. Помилуй мя страннаго, устрашшагося грѣхми Бога и человѣкъ,—помилуй мя, Алексѣевичъ, дитятко красное церковное! Тобою хощетъ весь міръ просвѣтитися, о тебѣ люди Божія расточенныя радуются, яко Богъ намъ далъ державу крѣпкую и незыблему. Отради ми, отрасль царская, отради ми и не погуби мене со беззаконми моими... Зане ты еси царь мой и азъ рабъ твой; ты помазанъ елеомъ радости, а азъ обложенъ узами желѣзными; ты, государь, царствуешь, а азъ во юдоли плачевной плачуся». Но не за себя только просилъ Аввакумъ и, моля о милости и освобожденіи, не отказывался онъ отъ подвига всей своей жизни. «Аще не ты по Господѣ Бозѣ,—продолжалъ онъ—кто намъ поможетъ? Столпи поколебошася навѣтомъ сатаны, патріарси изнемогоша, святителіе падоша и все священство еле живо, Богъ вѣсть, али и умроша... Спаси, спаси ихъ, Господи, ими же вѣси судьбами»! И непосредственно за этими смиренными мольбами прорывалась дикая вспышка фанатическаго изувѣрства и накопившагося за долгіе годы безсильнаго раздраженія: «А что, царь-государь, какъ бы ты мнѣ далъ волю, я бы ихъ, что Илья пророкъ, всѣхъ перепласталъ въ одинъ день. Не осквернилъ бы рукъ своихъ, но и освятилъ, чаю». Среди дальнѣйшихъ, безпорядочно набросанныхъ фразъ посланія Аввакумъ вспоминалъ и объ Алексѣѣ Михайловичѣ. «Богъ судитъ—говорилъ онъ—между мною и царемъ Алексѣемъ. Въ мукахъ онъ сидитъ,—слышалъ я отъ Спаса; то ему за свою правду. Иноземцы, что знаютъ, что велѣно имъ, то и творили. Своего царя Константина, потерявъ безвѣріемъ, предали турку, да и моего Алексѣя въ безуміи поддержали»...

Въ недобрый часъ пришла Аввакуму мысль написать это посланіе. При московскомъ дворѣ мало уже осталось тѣхъ его доброжелателей, которые такъ долго отводили отъ него конечную бѣду, да и тѣ, которые

были еще пощажены временемъ, или уже совсѣмъ одряхлѣли, или потеряли свой вѣсъ и значеніе со вступленіемъ на престолъ молодого царя. Самъ этотъ царь не былъ связанъ, какъ его отецъ, съ раскольниками ни узами личной дружбы, ни общностью взглядовъ: воспитанный кіевскимъ монахомъ Полоцкимъ, наученный польскому языку и съ охотой читавшій на немъ книги, онъ являлся уже представителемъ поколѣнія, выросшаго на идеяхъ реформы, чуждаго того мучительнаго колебанія, которымъ для предшествовавшаго поколѣнія сопровождался разрывъ съ идеями и порядками старины. При такихъ условіяхъ осужденный соборомъ старикъ-раскольникъ, выступавшій съ рѣзкимъ осужденіемъ какъ церковной реформы, такъ и всякаго общенія съ иноземцами, рѣшавшійся поносить память покойнаго царя, не могъ разсчитывать ни на помилованіе, ни на сожалѣніе. «За великія на царскій домъ хулы» приказано было сжечь и Аввакума, и его товарищей по заключенію. 14 апрѣля 1682 года казнь эта совершилась и жизнь, представлявшая собою почти непрерывный рядъ страданій и мученій, закончилась на кострѣ.

Казнь довершила дѣло, начатое ссылкой Аввакума, дорисовавъ его значеніе въ глазахъ современниковъ и ближайшаго потомства. Для раскольниковъ онъ являлся теперь не только мужественнымъ проповѣдникомъ, но и мученикомъ ихъ дѣла, и этотъ подвигъ мученичества въ сознаніи многихъ подкрѣплялъ и освящалъ самое дѣло, ради котораго онъ былъ предпринятъ. Такое отношеніе къ Аввакуму особенно ярко обнаружилось во время спора, раздѣлившаго было раскольничьи общины вскорѣ послѣ его смерти и возбужденнаго отголосками его же проповѣди. Выше мы упоминали, что Аввакумъ явился создателемъ еретическаго ученія о трисущности Троицы; наравнѣ съ остальными пунктами его проповѣди и этотъ былъ усвоенъ наиболѣе ревностными его послѣдователями, въ особенно значительномъ количествѣ населившими керженскіе скиты, гдѣ главою ихъ сдѣлался старецъ Онуфрій. Здѣсь почтеніе къ памяти Аввакума проявлялось въ особенно благоговѣйныхъ формахъ: раскольники писали иконы его и покланялись имъ, сочиненія своего учителя, и въ томъ числѣ особенно его полемическія «письма» къ діакону Өедору, украшали богатыми бархатными переплетами, хранили въ церквахъ у образовъ и почитали почти какъ евангеліе. Ересь, заключавшаяся въ этихъ произведеніяхъ, скоро, правда, нашла себѣ отпоръ въ самой раскольничьей средѣ: именно руководители московской общины, въ которой было больше людей съ богословскимъ образованіемъ, выступили съ обличеніемъ заблужденій Аввакума уже въ 1693 г. и успѣли добиться ихъ осужденія въ Москвѣ. Но на Керженцѣ не хотѣли признавать этого постановленія и долго еще продолжали упорно отстаивать святость и правоту Аввакумова ученія: «добры письма, говорили здѣсь, страдалецъ бо ихъ писалъ»; «свѣтлѣе солнца

письма Аввакумовы», заявляли наиболѣе ревностные изъ керженскихъ скитниковъ въ самой Москвѣ. Расколъ раздѣлился на двѣ партіи: на строгихъ послѣдователей Аввакума, прозванныхъ «онуфріевцами», и на отвергавшихъ православіе нѣкоторыхъ его произведеній, которые получили въ устахъ противоположной партіи имя «кривотолковъ». Уваженіе къ имени и страданіямъ бывшаго протопопа было однако такъ велико, что даже эти противники его ученія относились къ нему далеко не съ обычной у нихъ въ подобныхъ случаяхъ страстностью: полемизируя съ ересью Аввакума, они старались не только не задѣвать, но, по мѣрѣ возможности, даже совсѣмъ выгородить изъ спора его личность, охотно предполагая, вопреки очевидности, что спорныя письма и не принадлежатъ Аввакуму или что онъ отъ нихъ впослѣдствіи отказался. Но даже и такая полемика, сосредоточенная исключительно на самомъ вопросѣ, независимо отъ личности человѣка, его возбудившаго, не достигала своей цѣли: подъ давленіемъ московскихъ раскольничьихъ богослововъ Онуфрій и его приверженцы соглашались отвергнуть все, что было въ «письмахъ» несогласнаго съ божественнымъ писаніемъ, но непосредственно вслѣдъ затѣмъ, припертые къ стѣнѣ вопросами о самыхъ письмахъ, они заявляли, что «не токмо единой строки, но ни чертицы несходной нѣсть въ письмахъ Аввакумовыхъ, но все въ нихъ сходно съ божественнымъ писаніемъ». Потребовалась новая, еще болѣе серьезная, уступка со стороны защитниковъ догматовъ, чтобы склонить противниковъ къ признанію своего мнѣнія. Возникшій раздоръ былъ прекращенъ своего рода компромиссомъ, въ силу котораго Онуфрій и его приверженцы обязывались никогда не читать и не толковать спорныхъ писемъ Аввакума, но послѣднія и не подвергались никакой хулѣ или проклятію, а только «отлагались», т. е. изымались изъ обращенія. Только подъ этимъ условіемъ, и то лишь въ 1710 году, возстановленъ былъ миръ внутри раскольничьей общины. Такъ ревностно охраняли ученики Аввакума его имя отъ всякаго нареканія, такъ бережно вынуждены были относиться къ этому имени даже тѣ изъ раскольниковъ, которые видѣли въ Аввакумѣ человѣка, увлекшагося въ ересь. И въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ раскольниковъ, среди которыхъ уже не могло возникнуть спора по существу поднятаго Аввакумомъ догматическаго вопроса, съ теченіемъ времени, правда, и забывшагося, за протопопомъ оставался эпитетъ «многострадальнаго мужа». Еще Денисовъ характеризуетъ его, какъ «мужа огнепальныя ревности, добраго страдальца, иже, ревнуя о благочестіи, всюду свободнымъ языкомъ проповѣдаше».

Не забыли Аввакума и съ другой стороны. Въ 1717 году арестованъ былъ въ Москвѣ, по обвиненію въ тайномъ исповѣданіи раскола, мужикъ Иванъ, оказавшійся на слѣдствіи сыномъ бывшаго юрьевецкаго протопопа Втеченіе многихъ лѣтъ томился онъ съ матерью и братомъ въ тяжкомъ

заключеніи на Мезени, пока, наконецъ, его не освободило отсюда заступничество кн. В. В. Голицына, который и самъ въ то время находился уже въ опалѣ и чрезъ Мезень проѣзжалъ въ мѣсто своей ссылки—Холмогоры. Его слово имѣло еще вѣсъ у двоюроднаго брата его, кн. Бор. Ал. Голицына, стоявшаго тогда во главѣ правительства, и благодаря ему семья казненнаго протопопа получила свободу. Проживъ нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, Иванъ опять попалъ однако въ руки властей и на этотъ разъ уже не могъ освободиться. Напрасно онъ заявлялъ, что онъ «въ вѣрѣ православной и въ церкви православной каѳолической... въ соединеніи быть хощетъ до кончины жизни своей непремѣнно», что онъ у исповѣди бывалъ и св. таинъ причащался, а «крестное знаменіе полагаетъ онъ на себѣ трехперстное первыхъ перстовъ», напрасно проклиналъ раскольниковъ и подтверждалъ, что «отца своего Аввакума за православнаго не пріемлетъ и вмѣняетъ его за сущаго святѣй церкви противника и всѣхъ злыхъ дѣлъ его отрицается». Слава отца громко говорила противъ сына и призракъ могучаго протопопа заслонялъ въ глазахъ судей мелкую фигуру Ивана Аввакумова. Дѣло о послѣднемъ все тянулось, и, наконецъ, Ивана, несмотря на всѣ его оправданія, рѣшили «отослать въ монастырь дальній, куда належитъ, на вѣчное житье». Только что успѣли однако назначить мѣстомъ его ссылки Кирилловъ монастырь, какъ 7 декабря 1720 г. Иванъ Аввакумовъ, «будучи въ С.-Петербургской крѣпости за карауломъ, умре».

II.

Дворянскій публицистъ Екатерининской эпохи.

(Князь М. М. Щербатовъ).

Вторая половина XVIII вѣка, ознаменованная въ исторіи русскаго государства крайне быстрымъ, но дорогой цѣною купленнымъ внѣшнимъ ростомъ, наполненная побѣднымъ громомъ оружія Екатерининскихъ войскъ и горькими стонами окончательно закрѣпощеннаго народа, была вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно важною эпохой въ умственной жизни русскаго общества. Вѣкомъ ранѣе это общество пережило въ формѣ церковнаго раскола тяжелый культурный кризисъ, подорвавшій и обезсилившій тѣ традиціонныя понятія и представленія, какими жило оно въ рамкахъ стараго московскаго государства. Съ культурнымъ кризисомъ соединялся тогда, а въ значительной мѣрѣ и вызывалъ его, кризисъ иного рода, самъ по себѣ имѣвшій болѣе узкое значеніе. Правительственная система Москвы, долгое время путемъ довольно примитивныхъ средствъ болѣе или менѣе успѣшно справлявшаяся съ потребностями національной самообороны страны, напрягая для этой цѣли всѣ силы народа, по мѣрѣ того, какъ съ ростомъ государства усложнялись названныя потребности, становилась все менѣе способной удовлетворить имъ и къ концу XVII столѣтія, какъ разъ въ то время, когда онѣ приняли особенно острый характеръ, совершенно исчерпала свои рессурсы, благодаря чему создалась необходимость для обновленія ихъ обратиться къ помощи выращеннаго на Западѣ знанія. Московское государство и московское общество почти одновременно такимъ образомъ выступили на новую дорогу, но пошли они по ней не съ одинаковой быстротой. Болѣе настоятельныя потребности были удовлетворены первыми, и призванная въ Россію западно-европейская наука явилась здѣсь на первыхъ порахъ не самостоятельной, а лишь служебной силой, сдѣлавшись простымъ орудіемъ въ рукахъ Петровскаго правительства. Усваиваемая почти исключительно съ прикладной своей стороны, она повела не къ оцѣнкѣ основныхъ принциповъ государственнаго и общественнаго строя съ новыхъ точекъ зрѣнія, а только къ укрѣпленію существовавшей правительственной системы новыми средствами. Съ ея помощью была перестроена и

перевооружена русская армія, преобразована податная система, пересозданы административныя учрежденія, и все это, вмѣстѣ взятое, дало возможность государству добиться прочнаго успѣха въ международной борьбѣ и обезпечить себѣ необходимыя для дальнѣйшаго его развитія границы. Силы общества почти безъ остатка ушли на удовлетвореніе этихъ неотложныхъ интересовъ текущаго дня, на эту кипучую практическую работу, совершавшуюся подъ прямымъ руководствомъ и строгимъ присмотромъ правительства. Изъ Петровской реформы верхи русскаго общества вышли поэтому въ новомъ платьѣ, съ новыми манерами, съ нѣкоторымъ, не особенно, впрочемъ, значительнымъ, запасомъ новыхъ, по преимуществу техническихъ знаній и съ старымъ міровоззрѣніемъ, правда, еще болѣе расшатаннымъ и ослабленнымъ въ своихъ основахъ, но и не замѣненнымъ никакимъ другимъ. Исключенія, конечно, были—отдѣльные люди успѣвали на почвѣ вновь пріобрѣтенныхъ знаній создать себѣ болѣе широкіе взгляды на современныя имъ общество и государство, нежели тѣ, какіе были завѣщаны имъ московскою Русью; но, не говоря уже о томъ, что и эти попытки не отличались особенной глубиною мысли, число такихъ исключеній было весьма не велико. Событія какъ нарочно расположились такимъ образомъ, чтобы представить провѣрку этого факта. Въ ближайшую за реформой эпоху былъ моментъ, именно въ 1730 году, привлекшій вниманіе довольно значительныхъ круговъ дворянскаго класса къ общему политическому вопросу, но этотъ моментъ наступилъ такъ неожиданно и засталъ такъ мало силъ, подготовленныхъ къ тому, чтобы воспользоваться имъ, что он прошелъ, не только не принеся осязательныхъ результатовъ, но и почти не оставивъ за собою никакихъ слѣдовъ.

Скоро однакоже сказались и болѣе глубокія послѣдствія реформы для общества, проявившіяся въ усиленіи среди него интереса къ общему образованію и къ знакомству съ результатами, достигнутыми западно-европейскою мыслью въ сферѣ вопросовъ государственнаго и общественнаго быта. Помимо существовавшей уже ранѣе неудовлетворенности старымъ міровоззрѣніемъ, помимо непосредственнаго вліянія большей близости къ Западу, усиленію этого интереса въ немалой мѣрѣ должны были способствовать и тѣ серьезныя измѣненія, какія произошли въ соціальной жизни Россіи послѣ Петровской реформы и до нѣкоторой степени стояли въ прямой связи съ этой послѣдней. Та тягловая организація общества, которая выработалась въ старой Москвѣ и которая привязывала каждаго отдѣльнаго человѣка и каждый классъ къ опредѣленной «государевой службѣ», если и не теряла окончательно свой смыслъ, то во всякомъ случаѣ переставала быть столь настоятельно необходимою съ того момента, какъ государство овладѣло военной и административной техникой Запада и успѣло рѣшить важнѣйшія изъ вѣковыхъ задачъ московской внѣшней политики. Воспол-

зоваться этимъ результатомъ пришлось однако не всѣмъ общественнымъ классамъ. Лишь одинъ изъ нихъ, и именно высшій, обладалъ необходимыми для этого условіями, сплоченностью въ собственной средѣ и возможностью вліять на правительство, и онъ-то и извлекъ всѣ выгоды изъ даннаго положенія дѣлъ. Не особенно отзывчивые на идейныя побужденія, дворяне второй четверти XVIII вѣка оказались какъ нельзя болѣе чуткими къ своимъ матеріальнымъ интересамъ и, пользуясь открывшеюся передъ ними возможностью давленія на правительственную политику, постарались не только сбросить съ себя и переложить на другіе классы всѣ тяжелыя повинности передъ государствомъ, но и эксплуатировать исключительно въ свою пользу и закрѣпить на почвѣ закона ту крестьянскую неволю, какая создана была практикой жизни въ предшествовавшемъ періодѣ. Подъ этимъ давленіемъ послѣдовавшія за Петромъ правительства, одной рукой уничтожая условный характеръ дворянскаго землевладѣнія и снимая съ личности дворянина повинность обязательной службы, другой рукою обрывали нити, связывавшія еще владѣльческаго крестьянина съ государствомъ, и крѣпче затягивали и безъ того уже тѣсныя узы крѣпостничества, соединявшія этого крестьянина съ его помѣщикомъ. Въ началѣ второй половины столѣтія этотъ двойной процессъ представлялся уже почти законченнымъ и русское общество, въ сферѣ своихъ отношеній къ государству, получило совершенно новый видъ: на верху этого общества стоялъ теперь дворянинъ, переставшій быть служилымъ человѣкомъ, но сохранившій и усилившій свои имущественныя права и получившій въ свое исключительное обладаніе и распоряженіе крѣпостной трудъ, внизу—безправный крестьянинъ, несшій на своихъ плечахъ всю тяжесть личной и финансовой службы государству и отгороженный отъ него высокой и крѣпкой стѣной помѣщичьей власти. Дворянское общество этой поры не только получило уже такимъ образомъ извѣстный вкусъ къ образованію и обладало необходимымъ для него досугомъ и матеріальными средствами, но и стояло передъ фактами собственной жизни, созданными, правда, при его же дѣятельномъ участіи, но тѣмъ не менѣе лишь весьма плохо укладывавшимися въ рамки стараго его міросозерцанія. Естественно было ему обратиться въ своихъ попыткахъ такъ или иначе осмыслить эти факты и сдѣлать изъ нихъ дальнѣйшіе выводы къ помощи европейской науки, съ которой оно успѣло уже нѣсколько познакомиться. Несомнѣнно, этотъ мотивъ занималъ видное мѣсто въ ряду причинъ, породившихъ столь сильное увлеченіе философскими ученіями и общественными теоріями Запада въ русской общественной средѣ той эпохи, когда на русскомъ тронѣ сидѣла ученица Вольтера, какъ любила называть себя Екатерина II. Западная наука опять призывалась въ Россію, но въ основѣ новаго обращенія къ ней лежали на этотъ разъ не текущія нужды государства, а потребности общества, искав

шаго возможности освѣтить свою жизнь свѣтомъ теоретической мысли, и соотвѣтственно этому проснувшійся интересъ къ наукѣ обращался не на прикладную ея сторону, а на наиболѣе общія ея положенія и выводы, и на почвѣ этого ростущаго интереса начинало слагаться идейное общественное движеніе.

Въ представляемыхъ литературою изображеніяхъ этого движенія какъ дѣйствительные его размѣры, такъ и просторъ, предоставленный для его развитія практическими условіями жизни, подвергались иногда значительному преувеличенію. Мы не пишемъ общей характеристики эпохи и поэтому позволимъ себѣ, не развивая подробно нашей мысли, подтвердить ее однимъ лишь частнымъ примѣромъ, имѣющимъ, на нашъ взглядъ, и серьезное общее значеніе. Высшимъ проявленіемъ правительственнаго либерализма Екатерининской эпохи по всей справедливости считается созваніе знаменитой Коммиссіи для составленія новаго Уложенія. До самаго послѣдняго времени дѣятельность правительства въ этомъ случаѣ изображалась, какъ руководившаяся исключительно либеральными началами, дѣятельность общества—какъ искренній откликъ на правительственный призывъ. Наиболѣе осторожные и скептически настроенные изслѣдователи, какъ бы забывая о недостаточности имѣвшихся по данному вопросу матеріаловъ, присоединялись къ такимъ сужденіямъ. Проф. Сергѣевичъ, формулируя свой взглядъ на роль правительства при созывѣ Коммиссіи, говоритъ, что «мы не имѣемъ основанія думать, чтобы свобода выборовъ была въ какомъ-нибудь отношеніи стѣснена», и только «пугливой администраціи» приписываетъ единичныя попытки вліянія на составленіе наказовъ [1]). Еще рѣзче выражался покойный Дитятинъ: «странно было бы говорить—писалъ онъ—о вліяніи административныхъ органовъ на выборы въ смыслѣ давленія на нихъ, съ цѣлью добиться выборовъ того или иного лица, желательнаго въ виду какихъ-либо политическихъ соображеній высшаго правительства: оно, это правительство, въ лицѣ самой императрицы, желало совершенно искренно, по крайней мѣрѣ, въ моментъ созванія Коммиссіи, узнать дѣйствительное умоначертаніе народа; а при такомъ желаніи административное давленіе на выборы въ смыслѣ, нами указанномъ, въ томъ видѣ, какъ оно практикуется въ современной Западной Европѣ, было просто немыслимо при выборахъ въ Коммиссію нигдѣ, пожалуй, даже и въ Малороссіи съ Остзейскимъ краемъ» [2]). При ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ столь рѣшительныя утвержденія оказываются однако по меньшей мѣрѣ преждевременными. Въ другомъ мѣстѣ [3]) намъ случилось подробно коснуться одного изъ

[1]) В. Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, изд. 1883 г., ч. II, сс. 790—1.

[2]) И. Дитятинъ. Статьи по исторіи русскаго права, СПБ., 1896, с. 343.

[3]) Къ исторіи Нѣжинскаго полка, СПБ. 1896, сс. 25—39.

эпизодовъ, имѣющихъ отношеніе къ свободѣ выборовъ въ Екатерининскую Коммиссію, и мы позволимъ себѣ здѣсь напомнить его общія очертанія. Нѣжинское шляхетство, избравъ депутата, составило для него наказъ, нѣкоторые пункты котораго не понравились управлявшему тогда Малороссіей въ качествѣ генералъ-губернатора Румянцеву. Подъ вліяніемъ его настояній избранный депутатъ потребовалъ отъ собранія шляхетства передѣлки наказа въ другомъ духѣ и, не получивъ согласія на нее, отказался отъ депутатскаго званія. На его мѣсто было избрано другое лицо, но Румянцевъ кассировалъ новые выборы, какъ незаконные, а, когда шляхтичи вздумали было отстаивать свое право на избраніе согласнаго съ ними депутата, Сенатъ нарядилъ надъ ними судъ, причемъ тѣ изъ нихъ, которые состояли на службѣ въ козацкомъ войскѣ, были преданы военному суду и судились по правиламъ Воинскаго Устава за нарушеніе дисциплины. Военный судъ изъ 36 человѣкъ, привлеченныхъ къ нему, 33 подсудимыхъ приговорилъ къ смертной казни; судъ гражданскій для 18 лицъ, въ немъ судившихся, назначилъ наказаніемъ вѣчную ссылку. Правда, Сенатъ замѣнилъ эти приговоры шестинедѣльнымъ тюремнымъ заключеніемъ и лишеніемъ подсудимыхъ всѣхъ чиновъ и должностей. Попытки шляхтичей добиться новаго пересмотра дѣла остались совершенно безрезультатными и лишь въ 1770 г., когда они сами, наконецъ, сознали тщету этихъ попытокъ и обратились къ императрицѣ съ прошеніемъ, въ которомъ, «не принося никакого оправданія», молили о прощеніи имъ дерзновеннаго поступка, Екатерина надписала на ихъ просьбѣ: «Богъ проститъ» и имъ въ силу этой резолюціи были возвращены прежніе чины и должности. Такія формы принимала порою одна сторона подготовленія Коммиссіи. Приведемъ еще фактъ, касающійся другой его стороны. Не такъ давно въ одномъ изъ томовъ «Сборника Русскаго Историческаго Общества», было опубликовано сорокъ наказовъ отъ городовъ Московской губерніи [1]). При сколько-нибудь внимательномъ чтеніи этихъ наказовъ рѣзко бросается въ глаза то обстоятельство, что многіе изъ нихъ поразительно схожи другъ съ другомъ, и, наконецъ, приходится убѣдиться, что въ основѣ ихъ всѣхъ лежитъ весьма небольшое число редакцій, лишь очень немного видоизмѣнявшихся въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Самъ по себѣ такой фактъ могъ бы еще, пожалуй, быть объясняемъ различнымъ образомъ, но довольно трудно предположить, однако, чтобы Екатерининская Коммиссія вызвала среди городского населенія столь усердную пропаганду, доходившую до распространенія однихъ и тѣхъ же наказовъ, и едва-ли не приходится склониться къ болѣе простому объясненію. Итакъ, избиратели, предаваемые военному суду за неповиновеніе указаніямъ правительственныхъ агентовъ

[1]) Сборникъ Имп. Р. Ист. Общества, т. 93, СПБ. 1894.

въ дѣлѣ выборовъ, и избиратели, списывающіе другъ у друга свои наказы,— вотъ какія подробности мы должны внести въ идиллическую картину вполнѣ свободныхъ выборовъ и искренняго выраженія населеніемъ своихъ нуждъ, чтобы нѣсколько приблизить ее къ дѣйствительности.

Указывая на приведенные факты, мы хотѣли лишь подчеркнуть при помощи ихъ ту, не однажды уже высказывавшуюся и тѣмъ не менѣе часто забываемую мысль, что идейное движеніе данной поры не охватывало вполнѣ ни правительственной дѣятельности, лишь отчасти соприкасавшейся съ нимъ, ни широкихъ общественныхъ круговъ, и что общій фонъ русской жизни продолжалъ оставаться не особенно яркимъ. За всѣмъ тѣмъ эта жизнь уже не пребывала неподвижной и на общемъ сѣроватомъ и тусклемъ фонѣ ея тѣмъ рѣзче и рельефнѣе выдѣлялись отдѣльные кружки и личности, захваченные шедшимъ съ Запада потокомъ идей, съ тревожною пытливостью и суровою критикой вглядывавшіеся въ родную дѣйствительность и въ своихъ попыткахъ привлечь вниманіе общества на ея грѣхи и недостатки и указать средство ихъ исправленія въ вооруженной знаніемъ критической мысли становившіеся родоначальниками русскаго общественнаго движенія. Поприщемъ, на которомъ по преимуществу совершалось это движеніе, вербуя себѣ новыхъ сторонниковъ и завоевывая вліяніе въ обществѣ, сдѣлалась литература, сильно измѣнившая свой характеръ. На литературную арену вышелъ рядъ свѣжихъ силъ и, благодаря такимъ крупнымъ дѣятелямъ, какъ Новиковъ, Фонъ-Визинъ, Радищевъ, Щербатовъ, Болтинъ, не говоря уже о менѣе видныхъ, рядомъ съ реторическимъ панегирикомъ и шумной одой быстро водворилась ѣдкая сатира и серьезная публицистика. Правда, говоря о вліяніи публицистовъ той эпохи на современное имъ общество, необходимо опять-таки помнить нѣкоторыя условія, опредѣлявшія размѣры этого вліянія, и дѣлать соотвѣтственныя оговорки. Ихъ литературная дѣятельность имѣла свои, опредѣленныя довольно узкой сферой, границы, перейти которыя не всегда было въ ихъ волѣ. То, что они писали, нерѣдко назначалось не для печати и то, что они печатали, не всегда доходило до читателя. Когда менѣе осторожные изъ нихъ переступали грань дозволеннаго или обращали на себя подозрительное вниманіе, ихъ постигала суровая до жестокости кара, какъ это было съ Радищевымъ и Новиковымъ. Поэтому болѣе благоразумные публицисты эпохи предпочитали соединять высокое понятіе о своей дѣятельности съ добровольнымъ ограниченіемъ ея предѣловъ и, какъ Щербатовъ, считая посвященные ей часы «счастливѣйшими въ своей жизни», вмѣстѣ съ тѣмъ продуктамъ этой дѣятельности, въ видѣ наиболѣе крупныхъ своихъ произведеній, «опредѣляли сокрыться въ своей фамиліи»; они утѣшали себя тѣми соображеніями, что все же ихъ мысли не будутъ «прежде рожденія ихъ погребены въ вѣчное забвеніе» и что, разъ перенесенныя на бумагу, «можетъ быть, и чрезъ нѣсколько вѣковъ

могутъ сіи сѣмена желаемую жатву принести». Такая скромность со стороны писателя, вынужденнаго искать себѣ читателей не въ современности, а въ будущихъ вѣкахъ, въ свою очередь полагала не особенно широкіе предѣлы его вліянію, которое было наиболѣе сильно въ непосредственно примыкавшемъ къ нему кружкѣ лицъ, пользовавшихся довѣренностью его самого и его «фамиліи», и быстро падало по мѣрѣ удаленія отъ этой интимной среды. Наиболѣе глубокія и серьезныя идеи имѣли при такихъ условіяхъ лишь весьма ограниченную сферу распространенія, и это было вполнѣ естественно. Слѣдя за этой печатной и рукописной публицистической литературой, мы присутствуемъ при первыхъ шагахъ русской общественной мысли, которые по необходимости должны были быть неувѣренны и робки. Но въ нихъ заключался уже и залогъ дальнѣйшаго развитія: слабое на почвѣ практической жизни, считавшее за собою далеко не значительное число искреннихъ приверженцевъ, движеніе это было сильно въ своей идейной сторонѣ, сильно смѣлостью, съ какой оно поднимало наиболѣе важные и наболѣвшіе вопросы современной ему дѣйствительности, широтой мысли, сказывавшейся въ попыткахъ ихъ рѣшенія, наконецъ, связью, какую оно устанавливало между русскою общественной средой и лучшими умственными теченіями Запада. Даже теперь, оглядываясь на него черезъ столѣтній промежутокъ времени, нельзя сказать, чтобы живыя нити, связывающія это прошлое съ нашимъ настоящимъ, были совершенно порваны: въ этой, покрытой сѣдымъ мохомъ, старинѣ звучатъ порою мотивы, близко знакомые намъ въ современности, надъ иными пожелтѣвшими отъ времени страницами этихъ старыхъ книгъ можетъ задуматься и нынѣшній читатель; наоборотъ, въ окружающей насъ дѣйствительности нерѣдко встрѣчаются явленія, мѣсто которымъ въ этой далекой старинѣ и которыя могутъ быть понятны только какъ обломокъ нѣкогда цѣльнаго и живого міросозерцанія, пережившій свою пору и сохранившійся въ качествѣ археологическаго курьеза.

Движеніе, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, при всей общности почвы, на какой оно выросло, и исходныхъ точекъ, служившихъ ему пунктами отправленія, не сохранило однако полнаго единства, но распалось на нѣсколько различныхъ и порою прямо противоположныхъ теченій, представленныхъ отдѣльными группами писателей и сторонниковъ ихъ мнѣній. Одна изъ этихъ группъ на первый планъ выдвинула вопросы религіи и личной нравственности и уже на ихъ почву переносила и рѣшеніе общественныхъ вопросовъ. Другія, напротивъ, именно эти послѣдніе положили краеугольнымъ камнемъ своихъ теорій, но далеко разошлись при этомъ между собою въ ихъ оцѣнкѣ. Одни, отправляясь отъ существовавшаго въ жизни отношенія между различными общественными классами, стремились подыскать для него теоретическія обоснованія въ видѣ общихъ началъ и

требовали полнаго воплощенія этихъ началъ со всѣми логическими слѣдствіями, изъ нихъ вытекающими, въ дѣйствительной жизни, являясь такимъ образомъ представителями и поборниками интересовъ господствующаго класса. Иные, наконецъ, становясь на болѣе широкую и идейную точку зрѣнія, ближе всего принимали къ сердцу интересы самаго угнетеннаго класса и, выступая съ рѣзкой критикой всѣхъ существенныхъ основъ современнаго имъ строя, главные удары ея направляли именно на установившійся складъ соціальныхъ отношеній.

Самымъ виднымъ и крупнымъ дѣятелемъ второй изъ указанныхъ группъ былъ, несомнѣнно, Щербатовъ, изъ всѣхъ писателей данной поры наиболѣе заслужившій названіе дворянскаго публициста. Въ предѣлахъ настоящей статьи мы и хотѣли бы попытаться вывести передъ читателемъ обликъ этого суроваго и страстнаго критика русской жизни Екатерининской поры съ точки зрѣнія дворянскихъ интересовъ. Считаемъ нелишнимъ оговориться, что, интересуясь въ данномъ случаѣ Щербатовымъ исключительно какъ публицистомъ, мы не намѣрены касаться ни его общихъ историческихъ взглядовъ, ни значенія его трудовъ на почвѣ русской исторіи [1].

I.

Въ личной жизни Щербатова любопытнымъ образомъ отразились многія характерныя черты той общественной среды, къ которой онъ принадлежалъ. Не пересказывая здѣсь его біографіи, мы напомнимъ только наиболѣе интересные ея факты, могущіе пригодиться для уясненія характера его литературной дѣятельности. Фамилія князей Щербатовыхъ ведетъ свое происхожденіе, черезъ князя черниговскаго Михаила, отъ Рюрика. Въ рядахъ московской знати эта фамилія не играла однако особенно замѣтной и выдающейся роли, будучи отодвинута на второй планъ болѣе счастливыми родами, и ея члены, хотя и сидѣли въ московской думѣ, но не поднимались выше чина окольничаго. Восемнадцатый вѣкъ съ его уравненіемъ служилыхъ людей въ одномъ сословіи «шляхетства» еще болѣе понизилъ значеніе Щербатовыхъ, не попавшихъ въ число тѣхъ «случайныхъ» фамилій, которыми такъ богато было XVIII столѣтіе, и вмѣстѣ не выдвинувшихся въ первые ряды служебныхъ дѣятелей. Дѣдъ писателя, кн. Юрій Ѳедоровичъ Щербатовъ, воевалъ въ петровскихъ полкахъ во время Сѣверной войны, потомъ завѣдывалъ кирпичными заводами въ Петербургѣ, смѣнилъ старинный чинъ окольничаго на новый—бригадира и въ 1730 г. постригся въ Москвѣ въ монахи. Его сынъ Михаилъ былъ трижды женатъ, выбирая себѣ невѣстъ то изъ дворянства средней руки, то изъ такой же непервостепен-

---

[1]) Оцѣнку того и другого читатель можетъ найти въ книгѣ П. Н. Милюкова: «Главныя теченія русской исторической мысли XVIII и XIX столѣтій».

ной знати, къ какой принадлежалъ самъ; дослужившись до генералъ-майорскаго чина, онъ умеръ губернаторомъ въ Архангельскѣ. Отъ брака его на княжнѣ Солнцевой-Засѣкиной и родился 22 іюня 1733 г. Мих. Мих. Щербатовъ, будущій историкъ и публицистъ. Первое воспитаніе и образованіе онъ получилъ въ родительскомъ домѣ и уже очень рано началъ обязательную въ то время для всякаго дворянина службу, вступивъ именно въ 1746 г. въ гвардейскій Семеновскій полкъ; съ большою вѣроятностью можно предполагать, что на первыхъ порахъ эта служба по установившемуся тогда среди дворянства и терпѣвшемуся правительствомъ обычаю была фиктивною. Въ 1761 г. онъ былъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ, а въ слѣдующемъ году воспользовался манифестомъ о вольности дворянства и вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана, за три мѣсяца до произведеннаго Екатериною переворота. Когда новая императрица созвала Коммиссію для составленія проекта новаго уложенія, кн. Щербатовъ принялъ дѣятельное участіе въ составленіи наказа депутату отъ дворянъ московскаго уѣзда, самъ былъ избранъ въ депутаты ярославскимъ дворянствомъ и за время дѣйствій Коммиссіи заявилъ себя однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ ея участниковъ и ораторовъ. Около этого же времени онъ вновь вступилъ на службу: въ 1767 г. онъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, въ слѣдующемъ году назначенъ присутствовать въ коммиссіи о коммерціи, а затѣмъ послѣдовательно занималъ должности герольдмейстера, президента камеръ-коллегіи и сенатора. Не смотря на то, что его личная служба вся прошла такимъ образомъ въ центрѣ государства, ему приходилось имѣть близкія служебныя отношенія и къ провинціальной администраціи: такъ, въ 1784 г. онъ былъ посланъ изслѣдовать злоупотребленія тогда уже покойнаго гр. Р. Лар. Воронцова по управленію Владимірскимъ намѣстничествомъ и открылъ массу взятокъ и другихъ изъяновъ въ этомъ управленіи. Служба на этихъ, довольно все же видныхъ мѣстахъ, не мѣшала Щербатову испытывать бѣду, аналогичную съ тою, отъ какой страдала масса тогдашняго дворянства. Родъ Щербатовыхъ въ предшествовавшій періодъ не собралъ особенно значительныхъ богатствъ, хотя и не принадлежалъ къ очень бѣднымъ; во всякомъ случаѣ, М. М. Щербатовъ, имѣя большую семью и считая нужнымъ вести жизнь, «совмѣстную съ своимъ состояніемъ», не могъ удовлетвориться ни доходомъ съ наслѣдственныхъ деревень, ни получаемымъ на службѣ жалованьемъ и вошелъ въ большіе долги. Средство, употребленное имъ, чтобы избыть эту бѣду, опять принадлежало къ числу обычныхъ въ томъ періодѣ. Въ 1773 г. онъ обратился съ любопытнымъ письмомъ къ «монархинѣ, соединяющей качества великаго государя съ качествами великаго философа». Сообщая Екатеринѣ, что онъ нажилъ болѣе 40.000 р. долгу, онъ сознавался, что могъ бы уплатить его, «сократя себя и дѣтей своихъ», и прибавлялъ, что, «зная состояніе человѣческое и не

бывъ любитель роскоши, не отрекся бы и самое сіе исполнить, еслибы не опасался, что сіе можетъ воспретить мнѣ дѣтямъ своимъ нужное воспитаніе дать и отвлечи отъ службы»; въ виду послѣдняго соображенія онъ просилъ императрицу «обновить состояніе упадающаго рода» своею милостью. Просьба эта была принята милостиво и, надо полагать, получила благопріятное для ея автора рѣшеніе [1]).

Но была въ жизни Щербатова и черта, рѣзко отличавшая его отъ громаднаго большинства его современниковъ. Получивъ еще въ юности, повидимому, хорошее образованіе, онъ и въ зрѣлые годы продолжалъ много и усердно заниматься. Онъ составилъ себѣ весьма значительную по размѣрамъ библіотеку, заключавшую до 15.000 томовъ, тщательно слѣдилъ за европейской литературой, внимательно изучая произведенія корифеевъ просвѣтительной философіи, и являлся однимъ изъ наиболѣе образованныхъ и начитанныхъ людей русскаго общества Екатерининскаго времени. Собственныя его занятія литературой пошли въ двухъ направленіяхъ, сосредоточившись на исторіи и публицистикѣ. Интересъ къ первой былъ внушенъ ему общеніемъ съ историкомъ Миллеромъ, который, по словамъ Щербатова, подалъ ему и мысль написать общую исторію Россіи [2]). Что касается его публицистическихъ работъ, то первый толчокъ къ нимъ данъ былъ, повидимому, созывомъ и дѣятельностью Коммиссіи для составленія новаго уложенія. Дѣятельность его на поприщѣ публициста, принявшая особенно значительные размѣры съ конца семидесятыхъ годовъ и не прекращавшаяся до самой его смерти, послѣдовавшей въ 1790 г., охватывала весьма широкій кругъ вопросовъ: общія начала государственнаго права и примѣненіе ихъ къ Россіи, положеніе церкви въ государствѣ, взаимныя отношенія сословныхъ группъ и ихъ права передъ властью, вопросы суда и управленія, внѣшняя политика правительства въ рядѣ отдѣльныхъ случаевъ, практика рекрутскихъ наборовъ, народное образованіе, голодовки и правительственныя мѣропріятія къ ихъ прекращенію, мѣры противъ эпидемій—таковы лишь важнѣйшія изъ разнообразныхъ темъ, затронутыхъ въ его сочиненіяхъ. Почти на всякую крупную мѣру правительства Екатерины, почти на всѣ стороны общественной жизни обрушивалась его рѣзкая, нерѣдко даже желчная и придирчивая критика. Свою задачу, какъ публициста, въ разборѣ этихъ вопросовъ онъ формулировалъ при этомъ вполнѣ сознательно и точно. Онъ охотно готовъ былъ признать, что въ укорахъ, съ какими онъ обращался къ современной ему дѣйствительности, есть «нѣкоторое нетерпѣніе и чувствительность, происходящія отъ любви къ отечеству»; съ другой сто-

[1]) Лѣтописи русск. литературы и древности, изд. Н. Тихонравовымъ, т. IV, 1862, смѣсь, 36—8, тутъ же благопріятный отвѣтъ Козицкаго.

[2]) Сочиненія кн. М. М. Щербатова. Исторія Россіи, т. I—II, СПБ. 1901, с. 25.

роны, «нѣтъ ничего легче, какъ молчать», но только въ этомъ молчаніи онъ видѣлъ «слабость, лесть, неучастіе о пользѣ ближняго и подлое подобострастіе»; «а понеже, заключалъ онъ, нѣсть человѣка, который бы не подвергнутъ пороку былъ, то я и почитаю за лучшее остаться при моемъ порокѣ, нежели забыть отечество, не быть чувствительному къ тягостямъ ближняго, лгать изъ лести и подло раболѣпствовать» [1]). Такое ясное сознаніе необходимости и законности свободной, хотя бы и страстной, рѣчи, не помѣшало, какъ мы уже упоминали, рѣчи кн. Щербатова остаться по меньшей мѣрѣ не черезчуръ громкой. Его публицистическія произведенія не выходили въ свѣтъ при жизни автора и были извѣстны лишь небольшому кружку его ближайшихъ знакомыхъ и пріятелей; въ печати же они стали появляться лишь съ пятидесятыхъ годовъ XIX столѣтія [2]).

Итакъ, знатное происхожденіе, черезъ московскихъ окольничихъ восходящее къ удѣльному княжескому роду, тѣсная связь съ служилымъ и помѣстнымъ дворянствомъ XVIII вѣка, близкое знакомство съ ходомъ правительственнаго механизма Россіи и съ просвѣтительною литературою Запада—вотъ, стало быть, наиболѣе общіе и крупные факты жизни писателя. Разсмотрѣніе его сочиненій должно показать намъ, каковы были взаимныя отношенія этихъ фактовъ и какое вліяніе каждый изъ нихъ оказалъ на его душевный складъ, на характеръ его взглядовъ и убѣжденій. Далеко не разсчитывая при этомъ разсмотрѣніи исчерпать весь обильный матеріалъ, представляемый произведеніями Щербатова, мы остановимся только на тѣхъ наиболѣе существенныхъ чертахъ ихъ, въ которыхъ съ особенною ясностью выражаются общія основы его міросозерцанія, опредѣлившія собою и характеръ его отношенія къ главнѣйшимъ вопросамъ современной ему государственной и общественной жизни Россіи.

Русскіе люди XVIII столѣтія, выйдя изъ душнаго московскаго острога, въ которомъ они вѣка отсиживались отъ насѣдавшихъ съ разныхъ сторонъ непріятелей, на болѣе широкую арену, вступивъ въ живое общеніе съ иными народами, на первыхъ же порахъ этого общенія должны были испытать крутой переворотъ въ одной изъ самыхъ деликатныхъ сферъ жизни, именно, въ области религіознаго чувства. Та формальная религія обряда, въ которую окончательно выродилось православіе въ Москвѣ XVI—XVII вв. религія, при дѣятельной помощи свѣтской власти распространившая свое владычество на всѣ проявленія частной и общественной жизни и наложив-

[1]) «Оправданіе моихъ мыслей и часто съ излишнею смѣлостью изглаголанныхъ словъ». Сочиненія кн. М. М. Щербатова, т. II, 247—8.

[2]) Въ настоящее время эти произведенія собраны въ первыхъ двухъ томахъ собранія «Сочиненій кн. М. М. Щербатова» (т. I, СПБ. 1896; т. II, СПБ. 1898), предпринятаго однимъ изъ его потомковъ.

шая на нихъ рѣзкій отпечатокъ исключительнаго національизма, въ концѣ концовъ, благодаря своему упорному консерватизму, оказалась препятствіемъ на дорогѣ самого правительства, силою вещей вынужденнаго перейти къ нововведеніямъ, и вызвала противъ себя его дѣйствія, результатомъ которыхъ было полное подчиненіе ему церковной іерархіи. Въ жизни народа эта кратковременная распря сказалась глубокими послѣдствіями: масса народа, отрекшись отъ новшествъ, сохранила въ формѣ раскола прежнюю обрядовую религію, скоро начавшую, однако, при новыхъ обстоятельствахъ измѣнять свое содержаніе и значеніе; въ свою очередь, въ умахъ людей, пошедшихъ за нововведеніями, обрядъ утратилъ свое старое обаяніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣло и непосредственное религіозное чувство, не поддержанное сознательною мыслью. При такихъ условіяхъ русское общество встрѣтилось съ западно-европейскими вѣяніями, въ ряду которыхъ во второй половинѣ столѣтія самое видное мѣсто заняла боевая философія, провозглашавшая неограниченное господство разума и направлявшая самые губительные свои удары на средневѣковое католичество. Масса общества быстро поддалась этому вліянію и усвоила себѣ уроки западныхъ философовъ, понятые ею въ видѣ проповѣди непосредственнаго и грубаго матеріализма Отсюда шло то безвѣріе большинства образованнаго общества екатерининскаго времени, которое вызывало такой ужасъ у благочестивыхъ людей предшествовавшихъ поколѣній и столько разъ впослѣдствіи навлекало рѣзкое осужденіе на эту эпоху. Правда, увлеченіе матеріалистическими взглядами не было вполнѣ сознательнымъ и не оказалось особенно прочнымъ. Во всякомъ случаѣ на первыхъ порахъ лишь незначительное меньшинство соприкасавшихся съ Западомъ русскихъ людей успѣло разглядѣть въ его жизни и литературѣ иное отношеніе къ религіи и соотвѣтственно этому вынести изъ своихъ наблюденій не отрицаніе ея, а болѣе сознательное, сравнительно съ предшествовавшимъ періодомъ, пониманіе и оцѣнку ея внѣшней формы и внутренней сущности. Щербатовъ въ своихъ взглядахъ примыкалъ именно къ этому меньшинству. Какъ извѣстно изъ его біографіи, онъ принадлежалъ къ масонству, слѣдовательно, былъ связанъ какъ разъ съ такимъ направленіемъ, которое по преимуществу стремилось развить въ русской общественной средѣ духовное пониманіе религіи. Яркаго вліянія масонства незамѣтно въ его сочиненіяхъ и врядъ-ли даже складъ его ума, слишкомъ трезвый и практическій, позволялъ ему сильно поддаваться такому вліянію, но все же нѣкоторыя мѣста его произведеній, въ которыхъ идетъ рѣчь о религіи, обнаруживаютъ извѣстную близость къ идеямъ, проповѣдывавшимся масонами. Онъ горячо вооружался противъ внѣшняго, чисто обрядоваго пониманія религіи, равно какъ противъ суевѣрія, которое, по его словамъ, «не почтеніе есть Богу и закону, но паче

руганіе» [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отстаивалъ самостоятельное значеніе религіозной морали, доказывая, что и государственные законы «должны быть сходны съ божественными узаконеніями» [2]). Что касается самаго содержанія религіи, то оно представлялось ему чистымъ деизмомъ, опирающимся исключительно на нравственную природу человѣка, подкрѣпляемымъ только созерцаніемъ внѣшняго міра и не связаннымъ ни съ какимъ положительнымъ догматическимъ ученіемъ и ни съ какою обрядовой формой. Въ такомъ видѣ, по крайней мѣрѣ, представлялъ онъ религію въ идеальномъ государствѣ—землѣ Офирской, изображенной въ его сочиненіи подъ этимъ заглавіемъ [3]). Здѣсь же выраженъ взглядъ писателя на атеистическія ученія: въ его воображаемомъ государствѣ атеисты «наказуются, яко безумные; ибо кто не чувствуетъ естества Божія по видимымъ ему тварямъ, тотъ инако, какъ безумнымъ, не счесться не можетъ»; атеистъ поэтому лишается всякихъ должностей и отдается подъ опеку, а если онъ начинаетъ проповѣдывать свое ученіе, то подвергается домашнему заключенію, «дондеже исправится и принесетъ публичное покаяніе въ безуміи своемъ» [4]). На этомъ пунктѣ русскій вольнодумецъ довольно близко сошелся такимъ образомъ съ знаменитымъ женевскимъ философомъ, тоже не нашедшимъ для атеистовъ мѣста въ своемъ идеальномъ обществѣ. Протестуя противъ исключительнаго господства разума и чрезмѣрнаго простора для «духа новой философіи» въ дѣлахъ религіи, Щербатовъ, однако, аргументировалъ этотъ протестъ не только «правилами вѣры», но и началами «здравой политики». Всего охотнѣе и всего чаще онъ въ своихъ разсужденіяхъ о религіи становился на точку зрѣнія Монтескье, разсматривая ее не столько какъ самостоятельную силу, сколько какъ орудіе, которымъ можетъ пользоваться государство или которое можетъ быть обращено противъ послѣдняго. Не допуская, какъ мы видѣли, полной свободы совѣсти, онъ самую идею вѣротерпимости и возможные предѣлы ея практическаго приложенія разсматривалъ по преимуществу со стороны того вреда или пользы, какіе могутъ получаться отъ нея для государства [5]), и въ его предположеніяхъ, какъ мы еще увидимъ, эти предѣлы были гораздо уже тѣхъ, какіе рекомендовались Монтескье. Наши церковные историки склонны объяснять это отношеніе Щербатова и нѣкоторыхъ другихъ писателей его времени къ религіи исключительно вліяніемъ европейской литературы [6]). Едва-ли однако

1) «О поврежденіи нравовъ», Сочиненія, II, 165.
2) «Размышленія о законодательствѣ вообще». Сочиненія, I, 372.
3) «Путешествіе въ землю Офирскую». Соч., I, 799—839.
4) Тамже, 811—2.
5) «Статистика въ разсужденіи Россіи». Соч., I, 559.
6) П. Знаменскій. Историческіе труды Щербатова и Болтина въ отношеніи къ русской церковной исторіи, Труды Кіевской Духовной Академіи, 1862,

коже при такихъ объясненіяхъ не упускается изъ виду, сколько благопріятныхъ для возникновенія подобнаго взгляда условій было подготовлено предшествовавшей русской жизнью, въ которой подчиненіе церкви государству было совершившимся фактомъ. Теоріи западно-европейскихъ писателей и, въ частности, взгляды Монтескье въ этомъ случаѣ только помогали русскому публицисту обобщить хорошо знакомые ему факты родной дѣйствительности, причемъ такія обобщенія не вполнѣ и совпадали съ названными взглядами, сохраняя на себѣ нѣкоторую оригинальную окраску.

Гораздо болѣе глубокимъ и серьезнымъ оказалось вліяніе западной литературы на Щербатова въ другомъ основномъ пунктѣ его воззрѣній, именно, во взглядахъ его на сущность государственной организаціи и на взаимныя отношенія различныхъ формъ, принимаемыхъ ею. Въ вопросѣ о происхожденіи человѣческихъ обществъ онъ стоялъ на общей писателямъ восемнадцатаго вѣка точкѣ зрѣнія естественнаго права и вытекающаго изъ него первоначальнаго договора, по которому «люди уступили часть своей свободы и своихъ выгодъ, дабы другими частями безопасно пользоваться» [1]. Нѣсколько разъ въ различныхъ своихъ сочиненіяхъ возвращаясь къ этому тезису и пользуясь имъ для доказательства нѣкоторыхъ частныхъ положеній, онъ однакоже не выводилъ изъ него всѣхъ логическихъ слѣдствій и въ основу своихъ взглядовъ на государственный строй положилъ не данный тезисъ, а мысль Монтескье о различныхъ типахъ политической организаціи въ зависимости отъ условій, заключающихся въ природѣ страны и въ характерѣ людей. Схема этихъ типовъ и характеристика ихъ отличительныхъ чертъ, за нѣкоторыми исключеніями, цѣликомъ заимствована Щербатовымъ у того же писателя, и его разсужденія по этому поводу представляютъ собою лишь пересказъ положеній французскаго мыслителя, не лишенный, впрочемъ, кое-какихъ любопытныхъ оригинальныхъ чертъ. Слѣдуя Монтескье, онъ различалъ четыре типа или способа правленія: «монаршическое», аристократическое, демократическое или народное и «самовластное или деспотическое», между которыми устанавливалъ затѣмъ извѣстную генетическую связь. Древнѣйшимъ типомъ государства была монархія, возникшая изъ патріархальнаго управленія родоначальника; правленіе «вель-

г. II. с. 55, Авторъ этой, въ общемъ весьма интересной, статьи не зналъ главныхъ публицистическихъ работъ Щербатова и потому не совсѣмъ точно изобразилъ личное отношеніе его къ религіи, рѣшившись даже утверждать, что взглядъ на нее съ государственной точки зрѣнія «есть единственная точка, которою его религіозныя идеи примыкаютъ къ философіи XVIII вѣка». Какъ мы видѣли, точекъ соприкосновенія съ послѣдней у Щербатова было гораздо больше.

[1]) «Размышленія о законодательствѣ вообще». Соч., I, 421, ср. «Размышленія о смертной казни», тамже, 427.

можное» образовывалось или путемъ соединенія нѣсколькихъ родовъ, главы которыхъ не хотѣли уступить другъ другу власть, или изъ монархіи вслѣдствіе злоупотребленій монарха и вызваннаго имъ возстанія «именитѣйшихъ изъ народа»; наконецъ, народное правленіе, «кажется, не толь отъ естества вещей, коль отъ обстоятельствъ произошло», именно, путемъ возстанія народа противъ монарха или вельможъ. Что касается правленія «деспотическаго», то оно, по словамъ автора, въ сущности «не есть родъ правленія. но злоупотребленіе власти» и, не опредѣляя его происхожденія, авторъ довольствуется лишь бѣглымъ указаніемъ, что оно «введено мучителями» и можетъ возникнуть, какъ изъ монархіи, такъ и изъ аристократіи [1]). Ни одно изъ этихъ правленій не можетъ назваться совершеннымъ: у каждаго имѣются свои «полезности и пороки», заключающіеся въ его отличной отъ другихъ организаціи. Монархія возникаетъ изъ власти «отцовъ фамилій». Но отецъ «въ важныхъ дѣлахъ спрашиваетъ совѣта у старѣйшихъ или мудрѣйшихъ своихъ дѣтей». Тѣмъ болѣе, спрашиваетъ авторъ, «не необходимо ли нужно государю имѣть совѣтъ, сочиненный изъ мудрѣйшихъ и болѣе знанія имѣющихъ въ дѣлахъ людей его народа, которые должны ему представлять то, что можетъ служить къ счастію государствъ и отсовѣтывать колико возможно въ вещахъ, предосудительныхъ государству и клонящихся къ самовластію»? Другой признакъ монархіи заключается въ томъ, что она «должна имѣть свои основательные законы и сохранять всѣ установленные». Трудность этого способа правленія порождается тѣмъ обстоятельствомъ, что умѣренныхъ людей можно найти лишь очень рѣдко. «Коль мало, съ грустью восклицаетъ Щербатовъ, таковыхъ монарховъ, которые, имѣя уже вышнюю власть, бывъ склонены честолюбіемъ, разными страстями, а паче симъ адскимъ чудовищемъ, т. е. лестію придворныхъ, не покушаются достигнуть до самовластія. Коль же мало есть и министровъ, которые бы по слѣпой любви къ государю, а болѣе для собственной ихъ корысти, не готовы были ему въ томъ помогать, иль бы могли сопротивляться блистанію злата и достоинствъ! Такъ же мало есть и народовъ, которые бы не хотѣли простерть ихъ привилегіи чрезъ уменьшеніе власти и доходовъ государя» [2]). Менѣе свѣтлыми уже красками, какъ это ни странно на первый взглядъ, описывалъ Щербатовъ аристократію. Правда, онъ усматривалъ въ аристократическомъ строѣ государства и многія хорошія стороны: «съ перваго взгляду нѣсть ничего прекраснѣе главностей сего правленія; тутъ мудрѣйшіе люди сочиняютъ сенатъ; не по своенравію единаго, но по здравому разсужденію разумнѣйшихъ людей государства дѣла теченіе

[1]) «Размышленія о законодательствѣ вообще». Сочиненія, I, 383—4; «Разныя разсужденія о правленіи», тамже, 336—7.

[2]) «Разныя разсужденія о правленіи», тамже 337—8; «Размышленія о законодательствѣ», тамже, 387.

свое имѣютъ»; «законы тутъ не премѣняются для пользы или своеправія единаго», «лесть не имѣетъ власти», войскомъ командуютъ храбрѣйшіе и искуснѣйшіе полководцы, а не «пронырливѣйшіе придворные», юношество воспитывается въ добродѣтели и благородномъ честолюбіи. Рядомъ съ этими положительными чертами онъ не забывалъ однако указать и оборотную сторону медали, довольно сильно даже оттѣняя ее. «Хотя дѣла и рѣшаются по большинству голосовъ, однако большее число не всегда лучшее бываетъ»; споры, неизбѣжные при этомъ правленіи, порождаютъ медленность въ дѣлахъ; отдѣльные вельможи преслѣдуютъ личныя выгоды въ ущербъ государству, «стараются учинить вѣчными въ ихъ домахъ достоинства и богатства, со исключеніемъ другихъ, и утѣсняютъ подлой народъ, который нигдѣ столь не несчастливъ, какъ подъ аристократическимъ правленіемъ»; при данномъ способѣ правленія не легко отмѣнить хорошіе законы, но трудно добиться и уничтоженія законовъ вредныхъ, которые почему-либо приносятъ выгоду отдѣльнымъ членамъ сената; свойственная ему «тихость въ разсужденіи и исполненіи» можетъ стать опасною въ военное время; наконецъ, среди знатнаго юношества аристократія легко развиваетъ неумѣренное честолюбіе, обращающееся во вредъ государству [1]). Съ еще меньшей симпатіей относился русскій писатель къ демократіи, являющейся на смѣну аристократіи въ результатѣ «мучительствъ вельможъ простому народу». «Демократическое правленіе, по его словамъ, съ перваго взгляду является быть сходственнѣйшее съ естественнымъ закономъ, понеже, бывъ всѣ рождены отъ единаго отца, не всѣ ли имѣютъ справедливость требовать сію равность состояній, которая нынѣ является изгнанною изъ сообществъ? Но, разсмотря сіе съ другой страны, нѣсть ничего непостояннѣе сего правленія». При немъ въ государствѣ идетъ постоянная борьба партій, невозможно сохраненіе государственныхъ тайнъ, народъ уклоняется отъ назначенія необходимыхъ податей и, будучи неспособенъ оцѣнить истинныя заслуги, гонитъ людей справедливыхъ и возвышаетъ пронырливыхъ [2]). Совершенно особое мѣсто въ изображеніи Щербатова занимаетъ, наконецъ, «самовластіе» или «деспотичество» не-культурныхъ народовъ, которое онъ, какъ мы уже видѣли, не рѣшается даже причислить къ «родамъ правленія». «Я не знаю, говоритъ онъ, можно ли по справедливости самовластіе именемъ правленія именовать, понеже сіе есть мучительство, въ которомъ нѣтъ иныхъ законовъ и иныхъ правилъ, окромя безумныхъ своенравій деспота. Вмѣсто, что въ монархіи государь есть для народа, въ самовластномъ правленіи народъ является быть сдѣланъ для государя. Тщетно естество истощитъ свои сокровища для произведенія деспота, одареннаго всѣми возможными

[1]) «Разныя разсужденія о правленіи». Соч., I, 338—41.
[2]) Тамже, 341—3.

добродѣтельми, въ семъ родѣ правленія однако онъ весьма мало блага народу сдѣлаетъ, если не испровергнетъ самовластія: вмѣсто, что несчастіе и злоключеніе народа почти вездѣ послѣдуютъ поступкамъ такого государя. Воюетъ ли онъ, миръ ли заключаетъ, никогда ни въ чемъ о пользахъ народа не старается, но болѣе имѣетъ въ предметѣ честолюбіе иль своенравіе государя; сочиняетъ ли благіе законы, народъ не имѣетъ причины радоваться, понеже въ его самоизволеніи состоитъ ихъ отвергнуть иль, поставя ихъ, пребывать, нарушать ихъ, когда ему угодно, ради всѣхъ тѣхъ, для кого онъ восхочетъ. И дѣйствительно, какіе законы могутъ быть полезны для такого народа, который, я уже не упоминаю о дарованіяхъ счастія, но и самую жизнь имѣетъ токмо тогда, пока угодно деспоту дозволить ему оной пользоваться,—навсегда лишенъ величайшаго дара природы, то есть, вольности? Возможетъ ли что ужаснѣе быть, какъ видѣть милліоны людей сравненныхъ съ скотами, которые работаютъ лишь для единаго и для его визиря и фаворита, которой, бывъ рожденъ въ неволѣ, достигъ до милости государя лишь чрезъ мерзкую лесть и подлость—требуетъ, чтобы другіе ему подобное же почтеніе воздавали и дѣлали бы для него то же, что онъ для сохраненія своего случая дѣлаетъ»? При такихъ условіяхъ льстецы, невѣжественные придворные и взяточники «пресѣкаютъ дорогу добродѣтельнымъ людямъ, знающимъ воинамъ и справедливымъ судьямъ. «Такимъ образомъ подъ симъ правленіемъ народъ стонетъ въ неволѣ, воинъ болѣе старается угодить, нежель дѣлаетъ свою должность, судья продаетъ правосудіе для удовольствованія сребролюбія временщика, духовнаго чину человѣкъ безъ твердости, вмѣсто наставленій, лишь панегирики сочиняетъ, торговля ослабѣваетъ, науки, сіи украшенія разума, не имѣя вольности мыслить, бѣгутъ сихъ мѣстъ искать благорастворённѣйшихъ воздуховъ» [1]. «Правленіемъ деспотичество назвать не можно, писалъ онъ въ другой разъ, ни въ родъ оныхъ помѣстить, ибо оно не что иное есть, какъ злоупотребленіе монаршической власти: потому что монархія должна имѣть свои основательные законы и сохранять всѣ установленные, а самовластіе, послѣдуя единому своему хотѣнію, по волѣ своей всѣ законы разрушаетъ. Монархія по установленному закону хранитъ жизнь, честь и спокойствіе своихъ гражданъ, а самовластіе ни на что на сіе не взираетъ, льетъ токи кровавые лучшихъ своихъ подданныхъ, чести ихъ не сохраняетъ, не взираетъ на нѣжность сердецъ, имѣніе по хотѣнію своему отнимаетъ и возмущаетъ во всѣхъ частяхъ жизнь и спокойствіе каждаго гражданина; ибо, въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли тутъ кто спокоенъ быть, гдѣ никого поставленны законы не защищаютъ? И я приравниваю живущихъ подъ самовластіемъ людей тѣмъ мореходцамъ, которые въ жестокую бурю лишилися кормила,

[1]) Тамже, 343—5.

мачты и парусовъ своего корабля и коихъ робкіе служители съ тяжелыми вещами кинули въ море компасъ и всѣ другія для примѣчанія содѣланныя орудія. Плыветъ еще корабль, но при дыханіи бурныхъ вѣтровъ ни управиться не можетъ, ни знать мелей и камней, ни мѣста своего теченія. Спокойны ли на немъ сидящіе? Иногда достигаетъ счастливаго пристанища, но то не правило, а нечаянность его доведетъ». «Нѣсть въ самовластіи, продолжаетъ авторъ свою характеристику, награжденіе за заслуги, а напротивъ того самовластитель завидуетъ блистанію оныхъ... Раздача чиновъ не съ лучшимъ разборомъ чинится: Калигула лошадь свою консулемъ сдѣлалъ. А можетъ быть и много людей, не лучше лошади стоящихъ, самовластители въ вышніе чины произвели. Добродѣтели, достоинства тамъ утѣсняются, ибо каждый самовластитель въ добродѣтельномъ и исполненномъ достоинствъ человѣкѣ мнитъ зрить явнаго себѣ укорителя; наконецъ, разумъ затушается, ибо вредно самовластію, чтобъ кто вникалъ во взаимственныя нравы, сочиняющія основаніе обществъ, и умными бы очами возврилъ на состояніе свое. Таково есть деспотичество, таковы суть его вредныя слѣдствія. А потому я и заключаю, что въ просвѣщенномъ народѣ оно быть не можетъ. А ежели оно и случится, не можетъ быть продолжительно. Хотя, можетъ статься, какія постороннія обстоятельства и учиняютъ его продолжаться нѣсколько болѣ, нежели бъ надлежало, но сіе токмо ему жесточайшій конецъ приготовляетъ. Ибо, въ самомъ дѣлѣ, если всякій разсмотритъ обязательства свои къ Божіему закону, къ отечеству, къ самому себѣ, къ семьѣ и ближнимъ своимъ, то узритъ, что долгъ и благосостояніе его влечетъ его низвергнуть сего кумира, никогда твердыхъ ногъ не имѣющаго» [1]).

Щербатовъ усвоилъ себѣ и общую мысль Монтескье объ особомъ нравственномъ началѣ, свойственномъ каждому типу государственной организаціи, но въ проведеніи имъ этой мысли можно наблюдать любопытныя отступленія отъ установленной французскимъ мыслителемъ схемы. «Самовластіе» у русскаго публициста сохраняетъ принципъ, приданный ему авторомъ «Духа законовъ», принципъ монархіи подвергается уже нѣкоторому измѣненію и получаетъ болѣе грубую формулировку, что же касается аристократіи и демократіи, то по отношенію къ нимъ мысль Щербатова очень сильно эмансипируется отъ вліянія Монтескье. «Монархія, говоритъ онъ, требуетъ честолюбія, ибо единое насъ честолюбіе къ престолу царскому привязуетъ и побуждаетъ человѣку предъ человѣкомъ дѣлать низкости; въ вельможномъ правленіи требуется особливая добродѣтель, ибо кто хочетъ между равными себѣ имѣть преимущество, тотъ долженъ добродѣтелью своею принудить ихъ ему оное уступить... Въ народномъ же правленіи не столь должно имѣть добродѣте-

[1]) «Размышленія о законодательствѣ вообще». Соч., I, 337—9.

лей, сколь блистательныхъ качествъ и пронырства, каковы были: Периклесъ, Цесарь и Кромвель» [1]). Въ этомъ нѣсколько наивномъ подмѣнѣ высшей доблести, усматриваемой французскимъ теоретикомъ въ демократіи, «пронырствомъ» и умѣренности аристократіи—добродѣтелью, подмѣнѣ, сопровождаемомъ не менѣе наивными доказательствами въ видѣ приведенныхъ историческихъ примѣровъ, одновременно, кажется, сказались и инстинктивныя симпатіи и антипатіи родословнаго русскаго публициста, и нѣкоторая неподготовленность его къ пониманію сложной аргументаціи и глубокой мысли западнаго политика. Изящныя и мѣткія опредѣленія послѣдняго подъ перомъ его русскаго послѣдователя и перелагателя перерождались поэтому порою въ поспѣшныя и довольно топорныя обобщенія.

Нѣчто подобное имѣло мѣсто и въ пониманіи Щербатовымъ другого, болѣе крупнаго, вопроса въ теоріи Монтескье. Щербатовъ указываетъ, что въ дѣйствительности три главные характеризованные имъ типы правленія существовали и существуютъ не въ чистомъ видѣ, но въ смѣшанныхъ формахъ. Такъ было въ древней исторіи, то же явленіе повторяется и въ новое время. Такъ, во Франціи «нынѣ токмо нѣкоторыя изъ ея провинцій сохранили право собранія чиновъ, прочее же управляется парламентами, гдѣ присутствіе перовъ, судей и стряпчихъ,—послѣднихъ большая часть изъ мѣщанъ,—купно монаршическое, вельможное и народное правленіе представляетъ. Но нигдѣ толь не цвѣтетъ народная вольность подъ тѣнью монаршическія власти, какъ въ Англіи: тамъ вышнюю власть, ограниченную законами, имѣетъ король; верхняя камора парламента вельможную власть представляетъ; а нижняя камора, единая могущая накладывать налоги, представляетъ власть народную; и всѣ сіи три власти въ безпрестанныхъ преніяхъ между собою по раздѣльнымъ ихъ приватнымъ пользамъ, связаны непреоборимыми узами, равными стопами къ благу общему шествуютъ» [2]). Ниже мы будемъ имѣть случай убѣдиться, что того, какъ бы сочувственнаго, отношенія къ англійскому устройству, которое сквозитъ въ приведенномъ мѣстѣ, Щербатовъ на самомъ дѣлѣ не выдерживаетъ до конца. Пока же остановимся только на его пониманіи теоріи раздѣленія властей, довольно точно формулированной имъ въ словахъ этого отрывка, касающихся Англіи. Онъ говоритъ объ этой теоріи и въ другихъ мѣстахъ своихъ произведеній, пользуясь ею и въ болѣе чистомъ ея видѣ, классифицируя въ отдѣльныхъ случаяхъ государства на основаніи представляемыхъ ею признаковъ и опредѣляя такія страны, въ которыхъ законодательная

[1]) Тамже, 386 — 7; ср. «Разныя разсужденія о правленіи»: «въ монархіи люди честолюбивы, въ аристократіи горды и тверды, въ демократіи смутнолюбивы и увертчивы, въ самовластномъ же правленіи подлы и низки», тамже, 346.

[2]) «Размышленія о законодательствѣ», тамже, 385—6.

и исполнительная власть слиты въ одномъ лицѣ, какъ подчиненныя «самовластному» правленію [1]). Въ цѣляхъ болѣе тщательной оцѣнки его отношенія къ теоріи Монтескье небезъинтересно однако остановиться еще на положительныхъ совѣтахъ, преподаваемыхъ имъ для организаціи дѣла законодательства. По его мнѣнію, ни одинъ человѣкъ, будь то государь, вельможа или частный человѣкъ, при всемъ возможномъ въ немъ просвѣщеніи и усердіи, не способенъ собственными силами «сочинить всенародное законодательство», вслѣдствіе легкости ошибокъ и гибельнаго вліянія страстей; «страсти, колеблющія людей, малыя собранія, чинимыя для законодательства, также неспособны къ оному чинять»; большія же собранія «наполнены суть смутностію, невѣжествомъ и пристрастіями». Съ нескрываемою горечью вспоминалъ онъ при этомъ случаѣ объ Екатерининской Коммиссіи: «тамъ нѣкоторые козаки и крестьяне предложеніями своими почти и воздухъ дышущій у дворянъ и купцовъ хотѣли отнять; тамъ купцы старались распространить свои права съ ущербомъ правъ дворянъ и земледѣльцевъ; дворяне хотя и умѣрены были, ибо въ два года пребыванія сей коммиссіи почти токмо о общихъ правахъ говорено было, но и тѣ, однако, нѣкоторую захватчивость надъ правами другихъ оказали». Въ Коммиссіи были однако и хорошія стороны: «подаваніе голосовъ, по большей части вздорныхъ, къ законодательству не служило», а проекты составлялись частными коммиссіями, руководившимися депутатскими наказами и губернаторскими объясненіями о состояніи губерній, и хотя и въ наказахъ были «предубѣжденія», «но сія была грязь, изъ которой можно было много золота получить». Свое общее заключеніе онъ формулируетъ въ требованіи, «чтобъ законы сочинялись немногими честными, разумными, исполненными свѣдѣнія, трудолюбивыми и искусившимися въ дѣлахъ и, наконецъ, равными силою и кредитомъ при дворѣ людьми и чтобъ цѣлое государство снабжевало вещами къ сочиненію законовъ и каждый бы гражданинъ, по силѣ и могуществу своему, могъ полезный совѣтъ дать: ибо всѣ подъ закономъ должны жить, всѣ и участіе въ немъ должны имѣть». Исходя изъ этихъ требованій, Щербатовъ предлагалъ учредить для выработки законопроектовъ особую коммиссію, раздѣленную на 4 департамента, и рисовалъ для нея слѣдующій планъ дѣйствій. Первый департаментъ составлялъ бы выписки изъ законовъ, наказовъ и разныхъ представленій отъ губернаторовъ и представлялъ ихъ во второй департаментъ. Послѣдній — и въ этомъ начало дѣйствій коммиссіи — составляетъ «систему и планъ законовъ, росписанный по главамъ», и обнародываетъ его «съ прошеніемъ каждому гражданину, дабы, если что къ лучшему усмотритъ, мнѣнія свои присылалъ» въ опредѣленный срокъ въ третій департаментъ, и тотъ дѣлаетъ

[1]) «Статистика въ разсужденіи Россіи». Соч. I, 594.

изъ нихъ выписки; чтобы и бѣдные люди могли участвовать въ законодательствѣ, эти «мнѣнія» освобождаются на почтѣ отъ платежа за пересылку. Тѣмъ временемъ второй департаментъ составляетъ подробный планъ первой главы и, не обнародывая его, отдаетъ въ другіе департаменты, а первый изготовляетъ согласно этому плану выписки изъ своего матеріала къ отдѣльнымъ статьямъ. По изготовленіи этихъ выписокъ и собраніи мнѣній гражданъ по поводу плана, второй департаментъ сочиняетъ первую, а затѣмъ такимъ же порядкомъ и другія главы и постепенно обнародываетъ ихъ съ указаніемъ мотивовъ каждой статьи и съ назначеніемъ срока для представленія мнѣній. Эти мнѣнія и проектъ второго департамента вносятся затѣмъ въ четвертый, который изготовляетъ окончательный проектъ и передаетъ его, вмѣстѣ съ проектомъ второго департамента, на разсмотрѣніе «вышняго правительства», рѣшающаго законодательный вопросъ въ послѣдней инстанціи [1]). При всей неприкрытости мотивовъ отвращенія Щербатова къ законодательнымъ собраніямъ представляется мало вѣроятнымъ, чтобы онъ вполнѣ ясно оцѣнивалъ смыслъ этой замѣны политической организаціи неуклюжей бюрократической машиной, имъ проектированной. Съ гораздо большимъ вѣроятіемъ можно, кажется, допустить что онъ не давалъ себѣ точнаго отчета въ томъ, въ чьи руки попадетъ ея приводный ремень, и что въ его утвержденіяхъ, будто «каждому ощутительно, что такое учрежденіе для составленія законовъ есть наилучшее», и «каждый гражданинъ возлюбитъ такое законодательство, яко труды рукъ своихъ, и не только блаженствомъ, которое мнитъ отъ него себѣ получить, и опасностію за преступленіе наказанъ быть, по и яко отчасти къ дѣянію своему прилѣпится и будетъ точно наблюдатель онаго»,—что въ этихъ утвержденіяхъ заключалась не малая доля наивнаго и искренняго самодовольства. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что этотъ основной пунктъ теоріи Монтескье не занялъ въ воззрѣніяхъ русскаго публициста того мѣста, на какое онъ имѣлъ всѣ права, и остался не вполнѣ понятымъ и плохо разработаннымъ. Причины такого факта приходится едва-ли не въ равной мѣрѣ искать въ условіяхъ соціальной обстановки писателя и въ его идейной подготовкѣ. Матеріалъ, представляемый русской государственной жизнью той эпохи, былъ слишкомъ простъ въ сравненіи съ тѣми сложными построеніями политической мысли, какія встрѣчалъ теоретикъ этой жизни въ западной литературѣ, и это обстоятельство должно было служить немаловажнымъ препятствіемъ для него въ дѣлѣ усвоенія и оцѣнки данныхъ построеній. Тѣмъ серьезнѣе становилось это препятствіе при условіи подчиненія писателя исключительнымъ интересамъ узкой общественной среды, хотя бы такое подчиненіе было не всегда вполнѣ созна-

---

[1]) «Размышленія о законодательствѣ». Соч., I, 366—7, 360—2, 367—370.

тельнымъ и порою даже инстинктивнымъ. Нѣкоторыя разъясненія этой стороны дѣла можетъ доставить намъ знакомство съ основными воззрѣніями Щербатова на сущность соціальныхъ отношеній.

Опредѣленіе нормальныхъ отношеній между различными общественными классами представило собою именно ту область, въ которой взгляды Щербатова наиболѣе далеко разошлись съ положеніями и выводами просвѣтительной философіи. Онъ рѣшительно и какъ нельзя болѣе энергично отвергалъ «химеру равности состояній новыхъ философовъ», аппеллируя отъ нихъ къ Лейбницу, который «во изысканіи естественныхъ вещей и самаго единаго роду не нашелъ ни одной подобной другой». Существованіе «безконечной разности въ наружныхъ чертахъ тварей» приводило Щербатова къ «почти неоспоримой истинѣ, что нѣсть ни единаго человѣка совершенно подобнаго другому во внутреннихъ своихъ расположеніяхъ, а, гдѣ нѣсть таковаго подобія, тутъ нѣтъ и равности: кажется,—заключалъ онъ — сама природа, предупреждая наши суемудрія и располагая порядкомъ общежитія человѣческаго, разными дарованіями разныхъ людей снабдила, яко мудро распредѣляя единыхъ быть правителями и начальниками, другихъ добрыми исполнителями, а наконецъ третьихъ слѣпыми дѣйствующими лицами». Воззрѣнія Лейбница не легли однако въ основу взглядовъ Щербатова на человѣческую природу и не оказали на него очень серьезнаго вліянія. Напротивъ, исходной точкой, отъ какой онъ отправлялся въ своихъ доказательствахъ только что приведенной мысли, явилось положеніе сенсуализма, согласно которому «всѣ свѣдѣнія наши мы чрезъ чувства получаемъ, ибо, въ самомъ дѣлѣ, чего мы не видали, не слыхали, не обоняли, не вкушали и не осязали, о томъ и понятія имѣть не можемъ» [1]). На этомъ простомъ основаніи онъ воздвигаетъ цѣлую систему аргументовъ, не отличающихся, впрочемъ, чрезмѣрною серьезностью и не особенно опасныхъ для «химеры новыхъ философовъ». Онъ готовъ былъ, правда, согласиться, что всѣ люди «отъ единаго нашего праотца Адама и потомъ отъ Ноя произошли и потому всѣ суть братья и всѣ суть равно благородные», но это первоначальное равенство не могло, по его мнѣнію, сохраниться уже и въ естественномъ состояніи. Различіе дарованныхъ отдѣльнымъ людямъ отъ природы способностей и естественное почтеніе къ людямъ болѣе зрѣлаго возраста, въ особенности же къ старшимъ родственникамъ, скоро должны были разрушить это равенство и положить различія между людьми. Старѣйшины родовъ «первые получили начальство надъ равными себѣ, обязали тѣхъ не силою, но учиненными имъ услугами и привлекли къ себѣ почтеніе»; нѣкоторые грубые народы объявили за то «сихъ своихъ благодѣтелей» богами, а ближайшихъ ихъ потомковъ «сынами боговъ», «и сіе есть начало

[1]) «Размышленія о дворянствѣ». Соч., I, 221—2, 225.

благородства». Разъ установившееся неравенство переходитъ и на слѣдующія поколѣнія, такъ какъ «родившійся человѣкъ отъ благородныхъ родителей» почерпаетъ свои впечатлѣнія, помимо лучшаго образованія, въ разсказахъ родителей о старыхъ подвигахъ, въ бесѣдахъ ихъ о состояніи отечества, въ нравственныхъ наставленіяхъ родственниковъ и все это влагаетъ въ его сердце и разумъ «тѣ благія сѣмена, кои должны произвести плодъ полезный отечеству во время свое». «Каждому, думаю, ощутительно,—говоритъ писатель—что всѣхъ вышеписанныхъ преимуществъ и удобностей низкорожденный имѣть не можетъ, а потому и заключаю, что благородство должно быть потомственно». Съ этимъ выводомъ должно сообразоваться правительственное искусство и потому неразумно, по мнѣнію автора, «вытекающее изъ суемудрія нынѣшняго вѣка». «тщаніе многихъ дворовъ уменьшить почтеніе ко благородству». Государство легче всего можетъ пользоваться услугами гражданъ, возбуждая въ нихъ честолюбіе: у благороднаго оно легко возбуждается воспоминаніемъ о дѣяніяхъ предковъ, у низкорожденнаго же оно скорѣе получитъ «завидливый» характеръ; послѣдняго можетъ и не быть, низкорожденный, — говоритъ авторъ, не замѣчая, какъ онъ разрушаетъ этимъ свое на неподходящемъ фундаментѣ выстроенное зданіе,—можетъ пойти «добродѣтельными стезями» и сравняться съ благородными, но это труднѣе достижимо, а государство должно «легчайшими способами стараться себя управлять» [1]).

Послѣдній общій тезисъ,—о преимуществѣ дворянъ для государства и вытекающей отсюда обязанности послѣдняго поддерживать это сословіе,—Щербатовъ развиваетъ затѣмъ въ рядѣ частныхъ положеній, доказывая все тѣмъ же аргументомъ, заключающимся въ указаніи на развитіе въ дворянствѣ съ малолѣтства благородныхъ чувствъ, бóльшую пригодность дворянъ ко всѣмъ родамъ государственной службы сравнительно съ лицами другихъ сословій. Въ дѣлѣ составленія законовъ и отправленія правосудія, ученые юристы и юристы-практики должны уступить первое мѣсто дворянамъ. Наука юристовъ заслуживаетъ уваженія, но роль ихъ самихъ должна ограничиться совѣтами тѣмъ, кто «отъ родителей и родственниковъ въ юности лѣтъ своихъ наслушался о нуждахъ государства, почерпнулъ знаніе отъ нихъ законовъ» и, слѣдовательно, можетъ примѣнить общія положенія науки къ спеціальнымъ обстоятельствамъ своей родины. Юристы-практики могутъ съ дѣтства изучать «приказныя дѣла, уложенія и законы», но у нихъ все же не имѣется благороднаго честолюбія, которое предохраняетъ отъ увлеченія корыстью и которое дворянству «толь сродно, какъ горячность огню и мокрота водѣ», а потому «сіи люди да употребятся къ напамятованію законовъ благороднымъ, дондеже повторяе-

[1]) Тамже, 224—8.

мыми опытами докажутъ, что недостатокъ воспитанія и науки награждается въ нихъ добрымъ расположеніемъ ихъ сердца и прилежностью». Дипломатія требуетъ соединенія пріятности обхожденія и веселости нрава съ наукой, обыкновенно уничтожающей эти качества; такое соединеніе возможно только для дворянина, у котораго «кабинетной работѣ» остается только «прибавить нѣчто ко вліянному съ младенчества въ него знанію и въ порядокъ нѣкоторый расположить». Не будемъ далѣе слѣдить за этой однообразной аргументаціей, противъ которой, вѣроятно, нашли бы многое возразить современные Щербатову педагоги учебныхъ заведеній, въ которыхъ получало свое образованіе благородное россійское шляхетство. Отмѣтимъ только частныя соображенія, являющіяся у автора, когда онъ говоритъ о большей пригодности дворянъ по сравненію съ иными сословіями къ военной службѣ на сушѣ и на морѣ. Здѣсь Щербатовъ настаиваетъ, между прочимъ, на томъ взглядѣ, который мы указали уже и выше, что отличіе сословій не внутренняго, а внѣшняго происхожденія. «Не лишенъ отъ природы ни единый человѣкъ способовъ пріобрѣсти всѣ нужныя знанія и можетъ статься, что между пахарей мы многихъ бы Александровъ и Цесарей нашли, но они, родясь съ сохой, съ сохой и умираютъ, никогда не подозрѣвая такія дарованія имѣть»; государство же должно искать удобныхъ для его службы людей лишь тамъ, гдѣ съ большей вѣроятностью можетъ разсчитывать найти ихъ. Два ряда аргументовъ здѣсь оставались въ сущности такъ плохо связанными, что одинъ изъ нихъ безъ всякаго неудобства могъ быть направленъ противъ другого. Въ другомъ случаѣ аргументація автора, встрѣтившись съ необъясняемымъ ею фактомъ, переходитъ въ прямое морализированіе. Заговоривъ о преимуществѣ англійскаго флота, въ числѣ начальниковъ котораго было много лицъ не-дворянскаго класса, надъ французскимъ, офицерскій составъ котораго пополнялся исключительно дворянами, русскій писатель объясняетъ его дѣйствіемъ корысти, заключающейся въ надеждѣ захватить вражескій корабль: англичане «съ упорствомъ сражаются, а не съ благородною храбростью», «но какъ все оное основано толико на единой тщетной превозносливости и на корыстолюбіи, въ случаѣ несчастія помочи себѣ не обрѣтетъ, ибо единая благородная храбрость не возгоржается побѣдою, корыстью не ослѣпляется и побѣжденна не упадаетъ». Нынѣшній читатель могъ бы развѣ замѣтить по этому поводу, что мораль автора такъ же мало оправдана исторіей, какъ его психологія практикой современной ему школы. Наконецъ, дворянство, оказывающееся наиболѣе способнымъ и къ земледѣлію, и къ наукамъ, и къ «благонравію», полезно государству уже самымъ своимъ богатствомъ и пышною жизнью: дворянинъ или проживаетъ свой доходъ, или отдаетъ деньги въ ростъ; «первымъ онъ побуждаетъ искусства, ремесла и торговлю, а вторымъ съ прибылью себѣ другихъ

нужды удовлетворяетъ»; наоборотъ, роскошно живущій купецъ вынимаетъ деньги изъ торговли и тѣмъ сокращаетъ ее [1]).

Итакъ, дворянство въ силу всѣхъ указанныхъ соображеній должно занимать первое мѣсто въ государствѣ, совершенно отличающее его отъ другихъ сословій. Точное опредѣленіе этого мѣста, по мнѣнію Щербатова, могло быть сдѣлано лишь «съ глубочайшимъ познаніемъ градомудрія и закономудрія». Имѣвшіеся на лицо образцы положенія сословія въ различныхъ европейскихъ странахъ мало удовлетворяли его, и причины такой неудовлетворенности въ свою очередь не лишены интереса. Въ Польшѣ русскій публицистъ находилъ неумѣренныя преимущества дворянъ, которыя «ослабили самые законы, въ ничто привели власть королевскую, утѣснили низкій народъ подъ жестокимъ игомъ тѣхъ, кои бы должны быть его защитники, и, наконецъ, въ самую слабость и безсиліе отечество привели». Въ Германіи установлено такое различіе «въ степеняхъ самаго благородства», что въ результатѣ знатное дворянство, «если не физическимъ, то моральнымъ образомъ» притѣсняетъ не только низшіе слои народа, но и простыхъ дворянъ. Венеціанскіе нобили «суть въ самомъ дѣлѣ невольники по строгости законовъ внутри ихъ града, и тираны—въ покоренныхъ имъ областяхъ, какъ того дворянства, такъ и простого народа». Въ Англіи, гдѣ «состояніе благородныхъ толь смѣшано съ другими состояніями, что почти нечувствительная черта ихъ раздѣляетъ», еслибы не мудрые законы, устанавливающіе раздѣленіе властей, «то бы легко могло воспослѣдовать, чтобы огорчительные ихъ споры въ парламентѣ токами крови упоились». «Но однако и при всѣхъ сихъ мудрыхъ узаконеніяхъ не зримъ мы въ Англійскомъ народѣ сего безпристрастія, некорыстолюбія и благородства, которыя отличаютъ тѣ народы, кои умѣренно возвысили свое дворянство; но члены ихъ парламента по большей части подкуплены, избраніе не достойныхъ, но по страстямъ дѣлается; вожди ихъ не толь славы и благополучія государству ищутъ, какъ прибытку, народъ обще отягощенъ толико податьми, что почти самый воздухъ покупать долженъ». Наконецъ, въ Нидерландахъ «мѣщанство надъ благородными преимущество имѣетъ» и внутренніе раздоры, возмущенія, потеря части государственной территоріи «и стыдное покорство чужимъ державамъ суть плоды порочнаго ихъ установленія и необузданія народной власти» [2]). Врядъ-ли случайно въ этомъ перечнѣ оказывается пропущенной Франція. Если припомнить, что для «умѣреннаго возвышенія» дворянства авторъ считалъ нужнымъ открыть исключительно ему одному доступъ къ высшимъ мѣстамъ въ

[1]) Тамже, 230—54.
[2]) Тамже, 254—6.

государственной службѣ, освободить его отъ уплаты податей [1]) и снабдить особыми личными правами, которыя, отдѣляя его отъ остальныхъ классовъ общества, вмѣстѣ не создавали бы антагонизма между нимъ и верховною властью, то не будетъ, кажется, чрезмѣрною смѣлостью предположить, что въ его глазахъ наиболѣе близкимъ къ идеалу образцомъ рисовалось именно положеніе дворянства старой Франціи.

Остановимся здѣсь и соберемъ сдѣланныя нами до сихъ поръ наблюденія. Деизмъ въ сферѣ религіи, не особенно горячо, впрочемъ, проповѣдывавшійся, преимущественно политическая точка зрѣнія на религію и на вопросы свободы совѣсти, предпочтеніе всѣмъ видамъ правленія монархіи, имѣющей основные законы и совѣтъ «именитѣйшихъ людей» при государѣ, основывающей дѣйствія власти на законѣ и допускающей критику послѣдняго подданными, по крайней мѣрѣ, въ моментъ его составленія, наконецъ, выдѣленіе изъ ряда общественныхъ классовъ дворянства во имя присущихъ ему по самымъ условіямъ его жизни нравственныхъ качествъ, выдѣленіе, сопровождаемое требованіями привилегированнаго положенія для этого сословія и отграниченія его отъ прочихъ высокою стѣною, скачки черезъ которую были бы возможны только для отдѣльныхъ лицъ и охрана которой поручалась бы вниманію и заботамъ государства,—таковы основныя положенія, къ которымъ пришелъ Щербатовъ при помощи западной философской и политической литературы, правда, не всегда вполнѣ имъ усвоенной и порою получавшей подъ его перомъ оригинальное и не соотвѣтствовавшее сущности ея идей толкованіе. Дѣло въ томъ, что въ выработкѣ этихъ положеній участвовало и вліяніе фактовъ дѣйствительной жизни, и самый характеръ отношенія Щербатова къ западной литературѣ въ значительной степени зависѣлъ отъ того, что въ разборѣ представленныхъ ею теорій онъ стоялъ на точкѣ зрѣнія, въ немалой мѣрѣ уже предопредѣленной условіями его соціальной среды. Рѣзче всего сказавшись въ его взглядахъ на сословный строй, такое вліяніе, хотя и съ меньшею силой, проявлялось и въ другихъ сторонахъ его воззрѣній. Въ свою очередь послѣднія должны были послужить для него исходными пунктами критики, обращенной на окружавшую его дѣйствительность. Мы видѣли, что взялъ русскій публицистъ у европейской мысли; теперь намъ предстоитъ обратиться къ тому, на какихъ явленіяхъ русской жизни сосредоточилось его вниманіе и какія поправки онъ хотѣлъ внести въ нихъ, руководствуясь своими теоретическими взглядами.

---

[1]) Тамже, 246—7; по мнѣнію автора, налоги на дворянство вызваны лишь чрезмѣрною корыстью: «духъ корыстолюбія, вселившійся отъ нѣкоего времени во всѣ правительства свѣта, учинилъ, что главные правители государствъ за честь себѣ считаютъ, если могутъ нѣсколькими цифрами умножить сумму доходовъ государевыхъ».

II

Поводы, которые вызывали публицистическую дѣятельность Щербатова, побуждая его къ критикѣ тѣхъ или иныхъ сторонъ жизни, были почти такъ же разнообразны, какъ и самыя темы его произведеній. Иногда онъ находилъ такой поводъ въ своихъ служебныхъ обязанностяхъ и въ такомъ случаѣ его соображенія принимали характеръ проекта, представлявшагося авторомъ непосредственно императрицѣ и носившаго характеръ скорѣе докладной записки, нежели публицистическаго трактата; иногда подобные проекты подавались имъ и внѣ его прямой служебной сферы, на что онъ одно время, по крайней мѣрѣ, имѣлъ, повидимому, и разрѣшеніе отъ Екатерины [1]); таковы, напримѣръ, его «Проектъ о народномъ изученіи», касавшійся предмета, наблюденіе за которымъ входило въ кругъ его обязанностей, какъ герольдмейстера, и «Проектъ о причинѣ язвы»; особое мѣсто въ ряду обращенныхъ къ правительству произведеній Щербатова занимаютъ его мнѣнія, предлагавшіяся на разсмотрѣніе коммиссіи для составленія новаго уложенія. Въ другихъ, и гораздо болѣе частыхъ, случаяхъ поводомъ къ написанію того или другого сочиненія являлся изданный правительствомъ законодательный актъ, важный по своему значенію и затрогивавшій близкіе публицисту интересы; экстренные случаи, вродѣ голода, разразившагося въ Россіи въ 1787 г., или неудачнаго начала второй турецкой войны, также побуждали его время отъ времени браться за перо и, обсуждая спеціальныя мѣры по данному случаю, касаться вмѣстѣ съ тѣмъ и общихъ условій дѣятельности государства и общества. Порою его вниманіе особенно привлекали отдѣльныя стороны этой дѣятельности и онъ бралъ на себя разсмотрѣніе вопроса объ ихъ причинахъ и происхожденіи, причемъ публицистическій трактатъ наполовину обращался въ историческое изслѣдованіе; таково хотя бы наиболѣе извѣстное произведеніе его «О поврежденіи нравовъ въ Россіи». Но при всемъ разнообразіи поводовъ и темъ произведеній, равно какъ способовъ ихъ обработки, при не особенно даже рѣдкомъ противорѣчіи въ частныхъ положеніяхъ, случаи котораго мы уже видѣли у Щербатова и будемъ еще имѣть возможность наблюдать, основныя его мысли вездѣ остаются однѣми и тѣми же, причемъ авторъ упорно и настойчиво возвращается къ нимъ даже отъ такихъ темъ, съ которыми, казалось бы, онѣ имѣютъ очень мало общаго. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы и будемъ слѣдить только за этими основными мыслями, минуя тѣ частные поводы, по которымъ онѣ высказыва-

[1]) «Проектъ о причинѣ язвы» начинается словами: «бывъ побужденъ любовью къ отечеству и ободренъ повелѣніемъ Вашего Императорскаго Величества, дерзаю нѣкоторыя мнѣнія мои предложить». Соч., I, 721.

лись авторомъ. Поступить такимъ образомъ намъ представляется тѣмъ болѣе удобнымъ, что въ нашу задачу общей характеристики писателя не входитъ обстоятельное изложеніе всѣхъ моментовъ его литературной дѣятельности.

Одною изъ важныхъ областей народной жизни, сосредоточивавшихъ на себѣ вниманіе русскаго правительства и общества въ XVIII вѣкѣ, были вопросы церковнаго устройства и религіозной политики государства. Церковный расколъ предъидущаго столѣтія прибавилъ къ значительному и безъ того количеству иновѣрцевъ, жившихъ въ предѣлахъ государства, массы народа, ушедшія изъ-подъ власти православной іерархіи, усвоившія себѣ иные сравнительно съ господствовавшей церковью обряды и подчасъ вырабатывавшія новые догматы. На первыхъ порахъ отношеніе къ этимъ массамъ вылилось въ форму прямого гоненія, но это средство, обостривъ вопросъ, ни мало, какъ скоро уже оказалось, не содѣйствовало его рѣшенію. Въ связи съ начавшейся тѣмъ временемъ секуляризаціей верховной власти, которая съ XVIII-го вѣка стала понемногу сбрасывать съ себя теократическую оболочку, въ какую она была закутана въ Москвѣ, это обстоятельство породило колебаніе правительственной политики въ данномъ вопросѣ. Уже при Петрѣ сдѣлана была первая слабая попытка нѣсколько облегчить гоненіе путемъ измѣненія его формы, и усиленныя его преемниками мѣры противъ раскольниковъ были вновь, и болѣе значительно, ослаблены съ воцареніемъ автора Наказа, провозглашавшаго, что «гоненіе человѣческіе умы раздражаетъ, а дозволеніе вѣрить по своему закону умягчаетъ и самыя жестоковыйныя сердца». Прекращеніе гоненія представляло, однако, собою пока еще только отрицательное условіе для рѣшенія вопроса, средствъ же къ положительному воздѣйствію на раскольниковъ по прежнему не имѣлось въ рукахъ у правительства. Съ другой стороны пробуждавшійся и въ высшихъ по образованію кругахъ общества болѣе сознательный религіозный интересъ велъ къ недовольству чрезмѣрно зависимымъ положеніемъ церкви въ государствѣ.

Щербатовъ въ своихъ сочиненіяхъ удѣлилъ не мало мѣста и вниманія положенію русской церкви его времени. Причины, создавшія это положеніе, онъ находилъ въ прошломъ, усматривая ихъ одновременно въ дѣйствіяхъ свѣтскаго правительства и въ характерѣ духовенства. Мѣры, принятыя Петромъ Великимъ по отношенію къ способамъ воздѣйствія церкви на народъ, онъ считалъ разумными въ основѣ, такъ какъ онѣ были направлены къ уничтоженію суевѣрія, но преждевременными и потому принесшими вредъ вмѣсто пользы. «Въ Россіи бороду образомъ божіимъ почитали и за грѣхъ считали ее брить, а чрезъ сіе впадали въ ересь. Чудеса, безъ нужды учиненныя, явленные образы, рѣдко доказанные, повсюду прославляли, привлекали суевѣрное богомоліе и дѣлали доходы развратнымъ

священнослужителямъ». Петръ измѣнилъ всѣ эти порядки, но сдѣлалъ онъ это «тогда, когда народъ еще былъ непросвѣщенъ; и тако, отнимая суевѣріе у непросвѣщеннаго народа, онъ самую вѣру къ божественному закону отнималъ». Между тѣмъ «духовный чинъ, который его не любилъ за отнятіе своей власти, гремѣлъ въ храмахъ божіихъ его панегириками». Особенно сильно нападалъ Щербатовъ съ этой точки зрѣнія на Өеофана Прокоповича, который, по его словамъ, въ своей «Правдѣ воли монаршей» оставилъ «памятникъ лести и подобострастія монашескаго изволенію государскому» [1]). Другой недостатокъ, который констатировалъ Щербатовъ въ русскомъ духовенствѣ, заключался въ маломъ распространеніи среди него знанія. Всѣ эти причины и создали паденіе авторитета православной церкви, дошедшее до того, что раскольники, явные и тайные, «если не треть, то, по крайней мѣрѣ, четвертую долю подлаго народа сочиняютъ». Средства, которыми писатель разсчитывалъ повліять на это положеніе и измѣнить его, вытекали какъ изъ знакомыхъ уже намъ общихъ его взглядовъ на религію, такъ и изъ наблюденій его надъ русскою дѣйствительностью. Раскольники «упрямы и бѣсновѣры въ своей вѣрѣ» и, ведя сильную пропаганду ея, между прочимъ и при помощи своихъ матеріальныхъ средствъ, сами не поддаются никакимъ убѣжденіямъ. Политика Петра, который «многими законами старался ихъ утѣснить», была измѣнена его преемниками, но только потому, что они не проникли надлежащимъ образомъ въ причины поступковъ этого великаго монарха. Въ дѣйствительности, «хотя принужденіе въ вѣрѣ и есть являющееся нѣчто весьма суровое», но въ расколѣ есть и иная сторона. Занятія дѣлами Петровской Тайной Канцеляріи убѣдили автора въ существованіи среди раскольниковъ заговоровъ противъ Петра, оправдывавшихся представленіемъ о немъ, какъ объ антихристѣ или его предшественникѣ, возстаніе противъ котораго есть дѣло богоугодное. Тотъ же взглядъ, по его увѣренію, сохранилъ свою силу въ расколѣ и по отношенію къ преемникамъ Петра на престолѣ и не подвергся серьезнымъ измѣненіямъ вслѣдствіе прекращенія гоненія: «хотя таковыхъ бѣсновѣрныхъ поступковъ и неосторожныхъ противу монарха и не видно въ нихъ, но вездѣ, гдѣ они могутъ съ нѣкоторою надеждою показать свою ненависть противу государя и россійской церкви, не упускаютъ», доказательствомъ чему служитъ участіе ихъ въ происходившихъ бунтахъ. Все это дѣлаетъ ихъ «несумнительно опасными для правительства». Прямое гоненіе на расколъ представлялось однако Щербатову нежелательнымъ такъ какъ оно вообще лишь помогаетъ развитію гонимой вѣры, а въ данномъ случаѣ, обращенное на значительную массу народа, могло бы сверхъ того повести къ опаснымъ послѣдствіямъ. «И тако не гоненіемъ и нака-

---

[1]) «О поврежденіи нравовъ», Сочиненія, II, 165, 163.

ваніемъ, но наставленіемъ, стыдомъ и убытками надлежитъ ихъ истреблять». Предлагаемая программа мѣропріятій по отношенію къ расколу соотвѣтственно этому распадалась на три ряда мѣръ. Авторъ ея желалъ, чтобы въ мѣста поселеній раскольниковъ посылались хорошіе священники, которые, соблюдая нѣкоторые обычаи раскольниковъ, пріобрѣтали бы тѣмъ ихъ уваженіе, чтобы знающіе священники говорили народу поученія «безъ злобы и ругательства, но тихимъ образомъ» и чтобы увеличено было число школъ съ преподаваніемъ греческаго языка и въ нихъ привлекались раскольники, которые получили бы такимъ путемъ возможность убѣдиться въ справедливости исправленія церковныхъ книгъ. Далѣе онъ желалъ возобновленія для раскольниковъ «отличности поносной», установленной для нихъ Петромъ, въ видѣ ношенія разноцвѣтныхъ лоскутьевъ на одеждѣ. Третье требованіе его сводилось къ тому, чтобы для раскольниковъ были увеличены подати и постойная повинность и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ они были лишены права вступать въ подряды, являться свидѣтелями на судѣ и поручителями, но были привлечены къ отбыванію выборной городской службы, такъ какъ «неупотребленіе ихъ въ службы не токмо въ наказаніе имъ, но еще въ пользу обратилося, поелику сіи службы есть тягостны другимъ купцамъ» [1]). Духовное воздѣйствіе въ концѣ концовъ занимало въ этой программѣ лишь очень невидное мѣсто въ сравненіи съ чисто матеріальными лишеніями которыя только съ весьма большою натяжкой можно было бы отличить отъ гоненія. Но правительственная сила, практикующая эти лишенія, должна была дѣйствовать не столько ради возстановленія церковнаго единства, сколько въ своихъ непосредственныхъ интересахъ, направляясь противъ предполагаемой политической тенденціи раскола.

Тотъ же самый общій взглядъ съ большою послѣдовательностью прилагался Щербатовымъ и къ жившимъ въ Россіи иновѣрцамъ. Въ ихъ ряду его особое вниманіе привлекали населявшіе Казанскую, Симбирскую и Оренбургскую губерніи татары, башкиры и мещеряки—исповѣдники магометанской религіи, которая «въ разсужденіи политическаго состоянія Рос-

[1]) «Статистика въ разсужденіи Россіи», Соч., I, 551—7. Благодаря тяжести городской выборной службы XVIII вѣка, имѣвшей весьма мало общаго съ самоуправленіемъ, запрещеніе раскольникамъ служить по выборамъ на практикѣ, дѣйствительно, обратилось для нихъ въ немаловажную привилегію. Объ этомъ, между прочимъ, свидѣтельствовало само православное купечество въ своихъ наказахъ въ Екатерининскую Коммиссію. Вязниковское купечество даже увѣряло, что «многіе сверхъ суевѣрнаго своего мудрованія и записываются (въ расколъ) съ тѣмъ, чтобы имъ подъ покровомъ раскола не отправлять службы и свободнѣе исправлять свои торги». Въ виду этого шуйское, вязниковское и зарайское купечество просили уравнять раскольниковъ съ православными и дозволить первымъ службу по выборамъ. См. Сборникъ Р. Ист. Общества, т. 93, сс. 366, 419—20, 441—2.

сіи предосудительна». Предосудительность эта заключается въ томъ, что данная религія обязываетъ своихъ послѣдователей къ враждѣ съ христіанами, еще усиливающейся у татаръ воспоминаніемъ о прежнемъ ихъ владычествѣ надъ Россіей, и связываетъ ихъ съ Турціей, которой они всячески и высказывали свою преданность во время ея войнъ съ русскими. Опасность, грозящая отъ иновѣрія, такимъ образомъ я въ этомъ случаѣ сохраняетъ чисто политическій характеръ. Мѣры, принимавшіяся правительствомъ къ ея устраненію, въ глазахъ разбиравшаго ихъ публициста представлялись совершенно недостаточными. Онѣ сводились къ наградамъ за крещеніе, освобожденію переходившихъ въ православіе магометанъ отъ заслуженныхъ ими ранѣе наказаній и къ заведенію духовныхъ училищъ для воспитанія дѣтей магометанъ въ христіанской вѣрѣ, но все это или не достигало предположенной цѣли, или же и не могло достичь ея. Въ лицѣ магометанъ, принявшихъ крещеніе изъ-за награды, церковь пріобрѣтала не вѣрныхъ христіанъ, а «безсовѣстныхъ людей»; поступавшіе такимъ образомъ ради избѣжанія наказанія въ сущности не имѣли никакой религіи и только унижали самую христіанскую вѣру; что же касается школъ, то онѣ «не токмо не способствовали къ распространенію вѣры, но паче въ ненависть ее приводили, ибо духовный россійскій чинъ, подъ чьимъ вѣдѣніемъ сіи школы состояли, толь злоупотребленія чинилъ, что большая часть оныхъ отроковъ помирали, а и другіе исполненные огорченія и неизученные христіанскому закону выходили». Въ своей критикѣ, исходившей изъ признанія неудобствъ примѣси матеріальныхъ мотивовъ къ дѣламъ вѣры, авторъ какъ будто становился на дорогу, ведшую къ провозглашенію принципа вѣротерпимости; въ дѣйствительности однако мысль его работала въ иномъ направленіи и приводила его къ заключеніямъ совсѣмъ другого рода. Въ условіяхъ современной ему дѣйствительности онъ находилъ слишкомъ мало возможности надѣяться на устраненіе непріятныхъ ему сторонъ магометанства исключительно силою убѣжденія, и это заставляло его вызывать на сцену силу въ прямомъ смыслѣ этого слова. «Мнѣ весьма трудно является—писалъ онъ—сіи народы въ христіанскій законъ привести; ибо если особливаго милосердія на нихъ Божескаго не будетъ, то трудно такому духовному чину, каковъ у насъ есть, дѣлать обращенія, и тако кажется мнѣ, чтобъ къ духовнымъ увѣщаніямъ не худо нѣкоторые прибыточные для обращенныхъ способы приложить». Руководясь этимъ соображеніемъ, онъ предлагалъ, рядомъ съ усиленіемъ религіозной пропаганды путемъ проповѣди на языкахъ инородцевъ и перевода на эти языки церковныхъ книгъ, дать льготы новообращеннымъ въ уплатѣ податей и отбыванія службы и постойной повинности, наблюдать, чтобы они не испытывали притѣсненій со стороны духовенства, и дозволить имъ занятія нѣкоторыми «прибыльными мастерствами», которыя запретить магометанамъ.

«Сіи способы, заключалъ онъ, многихъ побудятъ креститься, а единозаконіе умножитъ силу государственную» [1]). Передъ нами, хотя и оправдываемая новыми мотивами, та же старая программа, на которую такъ сурово нападалъ критикъ, только еще обостренная и получившая болѣе аггрессивный характеръ.

Значительно уже мягче и снисходительнѣе относился Щербатовъ къ представителямъ другихъ религій въ Россіи. Правда, и по отношенію къ нимъ онъ настаивалъ на необходимости для правительства тщательнаго наблюденія за народами, не принадлежащими къ господствующему вѣроисповѣданію, считая это особенно важнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда такіе народы подчиняются въ вопросахъ религіи лицу, живущему внѣ предѣловъ государства, какъ это было съ ламаистами—калмыками, самое бѣгство которыхъ изъ Россіи въ 1771 г. онъ объяснялъ внушеніями ламъ. За то мелкія племена сибирскихъ инородцевъ, остававшіяся въ язычествѣ, но не могшія создать никакой опасности для государства, вызывали въ писателѣ сочувствіе къ своему положенію. «Мнѣ случилося—писалъ онъ—во многихъ данныхъ для Коммиссіи Уложенія наказахъ отъ сихъ народовъ ихъ депутатамъ слышать, что они всѣ на безчеловѣчіе и мздоимство поповъ жалуются, которые подъ именемъ проповѣдниковъ грабить и мучить ихъ ѣздятъ. Таковыя проповѣди, конечно, не могутъ хорошаго мнѣнія о законѣ, который сіи апостолы проповѣдуютъ, подать, отъ чего и дѣйствительно мало обращеній дѣлается, да и тѣ не искренныя, а токмо по неволѣ учиненныя. Но, по крайней мѣрѣ, надлежало бы подумать, что тѣ изъ сихъ народовъ, которые примутъ христіанскій законъ, счастливѣе учинятся; нѣтъ, они тѣмъ еще болѣе подвергнутся мучительству и мздоимству поповскому. Они, ѣздя по ихъ юртамъ, примѣчаютъ все у сихъ худо изученныхъ христіанъ и, если хотя малое что противу правилъ и преданій христіанскаго закона примѣтятъ, то не токмо жестоко на тѣлѣ наказуютъ, но и разоряютъ ихъ колико можно». Побуждаемый своимъ недовѣріемъ къ духовенству, Щербатовъ не только хотѣлъ ограничить его произволъ въ наказаніяхъ новообращенныхъ изданіемъ по этому поводу особыхъ правилъ отъ Синода, которыя исключили бы изъ числа налагаемыхъ духовенствомъ каръ тѣлесныя наказанія и лишеніе имущества, но и проектировалъ поставить самую религіозную пропаганду въ такія условія, какія въ сущности были бы равносильны ея прекращенію, предлагая именно запретить священникамъ ѣздить по улусамъ и назначить имъ для проповѣди опредѣленныя мѣста, гдѣ бы они и поучали приходящихъ. Говоря о язычникахъ Европейской Россіи, чувашахъ, черемисахъ, мордвѣ и вотякахъ, онъ и по отношенію къ нимъ отмѣчалъ тѣ же пріемы обращенія: хотя

[1]) Соч., I, 557—60.

ои «увѣщаніями, а больше силою, и склонены» къ принятію христіанства, но это обращеніе было и осталось чисто формальнымъ, да и не могло быть инымъ, такъ какъ проповѣдники не принимали на себя труда изучить ихъ языкъ, перевести на него священныя книги и дѣятельно заняться проповѣдью, «но токмо такъ, какъ въ баню, такъ ихъ ко крещенію водили и, давъ имъ крестъ, который они по грубости своей нѣкіимъ талисманомъ почитаютъ, образъ, который они чтятъ за идола, и запретъ имъ ѣсть мясо по постамъ, чего они не исполняютъ», считаютъ свое дѣло конченнымъ [1]).

Такимъ образомъ отъ идеи вѣротерпимости при примѣненіи ея писателемъ къ условіямъ русской дѣйствительности сохранялись лишь довольно жалкіе остатки, и русскаго публициста напрасно было бы упрекать въ чрезмѣрномъ подчиненіи теоріямъ Монтескье. Рекомендуемая имъ программа отношенія государства къ религіи измѣнила свой прежній источникъ и основывалась уже не на церковныхъ, а на государственныхъ интересахъ, но въ существѣ своемъ это была та же старая программа насильственнаго вмѣшательства власти въ вопросы религіозной совѣсти, какая практиковалась еще въ началѣ столѣтія, и, возстановляя ее, писатель находилъ возможнымъ исключить изъ нея только прямое уголовное преслѣдованіе иновѣрца, тѣмъ рѣшительнѣе возражая противъ всякихъ иныхъ отступленій отъ нея, допущенныхъ въ жизни. И однако нѣкоторый шагъ отъ старыхъ представленій былъ уже сдѣланъ. Система водворенія «единозаконія» правительственною силой въ интересахъ государства легче могла быть подвергнута критикѣ, нежели такая же система, практикуемая непосредственно на пользу церкви, а аргументы, обращенные защитникомъ этой системы противъ старой практики, подрывали его собственныя положенія. Признаніе, что «гоненіе за вѣру есть нѣчто весьма суровое», и указаніе на то, что подмѣсь матеріальныхъ побужденій въ дѣло религіозной пропаганды можетъ только унизить и загрязнить самую религію, плохо гармонировали съ проектами лишенія упорствующихъ иновѣрцевъ гражданскихъ правъ и награды новообращенныхъ путемъ облегченія ихъ обязанностей передъ государствомъ, и умы, болѣе энергическіе и послѣдовательные и вмѣстѣ менѣе поддававшіеся вліянію фактическаго склада отношеній, должны были скоро разъединить эти различныя части программы и прямѣе и дальше пойти по пути, только намѣченному Щербатовымъ.

Ту же точку зрѣнія первенства государственныхъ интересовъ, какую мы наблюдали въ отношеніяхъ Щербатова къ терпимымъ въ государствѣ религіямъ, онъ примѣнялъ и къ господствующей церкви и, стоя на этой точкѣ зрѣнія, не только одобрялъ мѣры Петровскаго правительства, кло-

[1]) Тамже, 560—4.

вившіяся къ уничтоженію политическаго значенія церкви и къ установленію вліянія верховнаго правительства на высшую ея іерархію, но и находилъ эти мѣры не вполнѣ еще достаточными. «Архіереи и другія духовныя лица, присутствующія въ Синодѣ, суть люди почтенные нхъ саномъ, а часто и пронырствомъ, сочиняющіе корпусъ, непрестанно борющійся для пріобрѣтенія себѣ больше силы, а въ сопротивленіе имъ посаженъ одинъ оберъ-прокуроръ, человѣкъ небольшого чина и по большей части не случайный при государѣ». Если при такихъ условіяхъ духовенство не попыталось захватить себѣ вновь бо́льшую власть, то это объяснялось, по мнѣнію Щербатова, только случайными обстоятельствами и, хотя «нынѣ царствующая императрица, послѣдовательница новой философіи, конечно, знаетъ, до коихъ мѣстъ власть духовная должна простираться, и изъ предѣловъ ее не выпуститъ», но въ будущемъ слѣдуетъ опасаться такихъ попытокъ [1]). Послѣдующая исторія, какъ извѣстно, не оправдала этихъ опасеній публициста XVIII вѣка. Но, отрицая самостоятельность церкви, какъ государственнаго учрежденія, онъ въ то же время выступалъ съ защитою независимости нравственнаго ученія религіи, на которую не должны покушаться устанавливаемые верховною властью законы, такъ какъ въ противномъ случаѣ «единый законъ другой разрушаетъ, оба приходятъ въ презрѣніе, святость присяги за ничто почитается, вѣрность къ отечеству и государю исчезаетъ и нравы повреждаются». Въ этомъ смыслѣ онъ возставалъ противъ признанія развода, какъ нарушающаго таинство брака, и противъ закона, предписывавшаго священнику доносить объ узнанныхъ имъ на исповѣди замыслахъ противъ государя или государства, такъ какъ «се есть законъ, очевидно противоборствующій закону Божію и разрушающій священнѣйшее таинство нашей вѣры» [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ протестъ со стороны Щербатова вызывало и покровительство, оказывавшееся Екатериной II распространенію въ Россіи просвѣтительной французской философіи путемъ переводовъ сочиненій Вольтера, Мармонтеля и другихъ авторовъ, покровительство, въ которомъ онъ усматривалъ равнодушіе къ религіи [3]).

Еще съ большею обстоятельностью разработаны въ сочиненіяхъ Щербатова вопросы собственно государственнаго быта Россіи. Исходнымъ пунктомъ для него и здѣсь служитъ реформа Петра и любопытно отмѣтить въ писателѣ, котораго нерѣдко считаютъ своего рода адвокатомъ московской старины, крайне бережное и почтительное отношеніе и къ данной сторонѣ дѣятельности царя-реформатора. Не пытаясь отрицать многихъ пороковъ и

[1]) Тамже, 571—2.
[2]) «Размышленія о законодательствѣ вообще». Соч., I, 372—8.
[3]) «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», Соч., II, 243.

недостатковъ въ Петрѣ, которые однакоже въ его глазахъ находили себѣ въ большинствѣ случаевъ достаточное объясненіе въ правахъ эпохи и обстоятельствахъ личной жизни царя, онъ ставитъ личность послѣдняго очень высоко. Для него Петръ представлялъ, правда, не идеалъ государя, но «великаго монарха», съ которымъ трудно выдержать сравненіе кому бы то ни было другому. Попытка оберъ-прокурора Сената, Неклюдова, возвысить въ рѣчи, сказанной по случаю заключенія мира съ Швеціей въ 1790 г., Екатерину II на счетъ Петра вызвала въ немъ негодованіе. «Ни у кого не отъемлю,—не безъ ироніи писалъ онъ по этому поводу—а меньше всѣхъ у нашей царствующей государыни, чтобы не могъ кто сравняться разумомъ, величествомъ души и прочее (ибо щедръ Господь въ дарованіяхъ!) съ Петромъ В., но не имѣютъ они такого случая, чтобы сіе показать» [1]). Петръ дѣйствовалъ среди народа непросвѣщеннаго, при такихъ обстоятельствахъ, которыя не могутъ уже болѣе выпасть на долю русскихъ государей, и потому его дѣятельность не подлежитъ обычной мѣркѣ. Недостатки, какіе Щербатовъ считалъ возможнымъ указать въ этой дѣятельности, съ принятой имъ точки зрѣнія вызывались обстоятельствами, но не принадлежали самому Петру. Послѣдній пользовался самовластіемъ, но употреблялъ его на благо народа и государства и инымъ путемъ не могъ бы провести реформы среди «загрубѣлаго въ своихъ обычаяхъ и противящагося всякому просвѣщенію» народа. Въ немъ проявлялись однако и стремленія иного рода: его правосудіе было одинаково для всѣхъ, онъ обнаруживалъ любовь къ истинѣ, хотя бы и непріятной лично ему, охотно совѣтовался съ отдѣльными своими сотрудниками и съ сенатомъ, словомъ, «нужда его заставляла быть деспотомъ, но въ сердцѣ онъ имѣлъ расположеніе и, можно сказать, влiянное познаніе взаимственныхъ обязательствъ государя съ подданными» [2]).

Такой взглядъ на Петра получаетъ себѣ дополненіе въ изображеніи Щербатовымъ попытки верховниковъ въ 1730 г., въ которой онъ подчеркивалъ ея олигархическую тенденцію. По его словамъ, эти «вельможи предопредѣлили великое намѣреніе, ежели бы самолюбіе и честолюбіе оное не помрачило, т. е. учинить основательные законы государству и власть государеву сенатомъ или парламентомъ ограничить. Но засѣданіе въ сенатѣ токмо нѣсколькимъ родамъ предоставили; тако уменьшая излишнюю власть монарха, предавали ее множеству вельможамъ съ огорченіемъ множества знатныхъ родовъ и, вмѣсто одного, толпу государей сочиняли» [3]). Но уже при Петрѣ, не смотря на добрыя намѣренія

[1]) «Отвѣтъ гражданина на рѣчь, говоренную .. Неклюдовымъ», Соч., II, 129.
[2]) «Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра В.», тамже, 49—50.
[3]) «О поврежденіи нравовъ», тамже, 182.

самого государя, въ характерѣ общества и особенно администраціи сказались сильныя перемѣны, вызванныя усложненіемъ общественной жизни, увеличеніемъ расходовъ и появленіемъ роскоши: «начали люди наиболѣе привязываться къ государю и къ вельможамъ, яко ко источникамъ богатства и вознагражденія». Такого рода привязанность Щербатовъ строго отличалъ отъ привязанности къ самой «особѣ государской», настойчиво указывая на своекорыстный характеръ первой: она была, по его словамъ, «не привязанность вѣрныхъ подданныхъ, любящихъ государя и его честь и соображающихъ все съ пользою государства, но привязанность рабовъ наемщиковъ, жертвующихъ все своимъ выгодамъ и обманывающихъ лестнымъ усердіемъ своего государя» [1]). Нельзя не сказать, что эта характеристика довольно точно обрисовывала временщиковъ XVIII вѣка. Трактатъ «О поврежденіи нравовъ въ Россіи» и имѣлъ своею главною цѣлью указать послѣдствія, вытекавшія изъ такого направленія государственной дѣятельности, при которомъ на первомъ планѣ ея оказывались выгоды отдѣльныхъ лицъ, перевѣшивавшія собою интересы государства и власть закона. Нѣсколько страницъ этого трактата, быть можетъ, наиболѣе горячихъ и страстныхъ, были отведены авторомъ характеристикѣ Екатерины II и ея отношенія къ государственнымъ дѣламъ. Рѣзкая и порою даже придирчивая критика его не пощадила, кажется, ни одной стороны не только правительственной дѣятельности, но и интимной жизни той императрицы, которую самъ онъ въ другой разъ называлъ «соединяющей качества великой государыни съ качествами великаго философа», но центральнымъ пунктомъ всей этой критики оставалось обвиненіе въ неуваженіи къ существующимъ законамъ и въ стремленіи къ произвольнымъ дѣйствіямъ, обвиненіе, подтвержденное рядомъ краснорѣчивыхъ фактовъ и опять-таки подчеркивавшее довольно замѣтную для современниковъ струю въ дѣятельности Екатерининскаго правительства [2]). Съ еще болѣе рѣзкими упреками обращался Щербатовъ къ лицамъ, стоявшимъ во главѣ современной ему администраціи. «Вижу нынѣ — писалъ онъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ произведеній, принадлежащемъ той эпохѣ, когда эта администрація особенно расшаталась, и обращенномъ къ «вельможамъ-правителямъ»,—вами народъ утѣсненный, законы въ ничтожность приведенные; имѣніе и жизнь гражданскую въ неподлинности; гордостью и жестокостью лишенныя души ихъ бодрости и имя свободы гражданской тщетнымъ учинившееся и даже отнятіе смѣлости страждущему жалобу приносить». Отказываясь признать вельможъ извергами отъ природы, онъ думалъ, что только непониманіе своего долга и страсти «содѣлываютъ изъ нихъ не людей, но нѣкіихъ чудовищей, созданныхъ на несчастіе и на

[1]) Тамже, 158—9.
[2]) Тамже, 235—41.

погибель их согражданъ». Опредѣленные быть исполнителями законовъ, вельможи, по его словамъ, или оставили эту науку законовъ своимъ секретарямъ, или судили произвольно, не обращая вниманія на законы и тѣмъ самымъ похищая монаршую власть и разстраивая правительство. Скорость суда въ его глазахъ не служила мотивомъ къ отступленію отъ законной почвы, такъ какъ такой судъ уже необходимо дѣлался несправедливымъ, а то и пристрастнымъ, какъ онъ и наблюдалъ это на дѣлѣ. Не могла быть мотивомъ къ подобному отступленію и недостаточность существующихъ законовъ для наказанія преступника. «Законы—разъяснялъ публицистъ—для того составлены, что они лицепріятія не имѣютъ; пристрастія въ нихъ нѣтъ: да судится каждый по законамъ, да отступленіе человѣка отъ извѣстныхъ ему правилъ накажется, а не потому, что кто внушилъ управляющему вельможѣ о комъ худо, или ему что показалось. Но вы на сіе говорите, что хитрость развратныхъ людей есть такая, что никакіе законы не могутъ предупредить ихъ коварства и злости и часто они, за недостаткомъ законовъ, безъ наказанія остаются. Сего оспорить не можно. Но не лучше ли, еслибы кто винный и избѣжалъ наказанія, нежели когда отъ нашего самохотѣнія, упрежденія или худого воззрѣнія невинный кто претерпитъ и разрушится безопасность гражданская, защищаемая законами? Вы тщитесь наказать другихъ за проступокъ противу законовъ или за вредный подъ нихъ подборъ, нарушая сами оные, и, считая ихъ достойными наказанія, сами уже ясно злѣйшими извергами, разрушителями законовъ и злодѣями, достойными жесточайшаго себѣ наказанія, учиняетесь». Не менѣе негодованія обнаруживалъ онъ, говоря о рѣшеніи имущественныхъ дѣлъ, основанномъ не на разборѣ документовъ и доказательствъ, а на произволѣ судьи, хотя бы такой произволъ исходилъ изъ наилучшихъ намѣреній. Достигнутое подобнымъ путемъ возвращеніе несправедливо захваченнаго имущества не удовлетворяло его даже и въ томъ случаѣ, когда иного пути къ такому возвращенію не оказывалось, и онъ легче соглашался терпѣть частную несправедливость, чѣмъ нарушеніе принципа законности со стороны судей и правителей. «Если—разсуждалъ онъ—и такъ вещи сокрыты или такія обстоятельства приведены, что похититель останется владѣтелемъ похищеннаго, не лучше ли, чтобъ государь или нѣкоторые граждане отъ хитрости такой претерпѣли, нежели бы вашимъ скоропостижнымъ сужденіемъ похитилась власть у государя, разрушились законы и погибла бы безопасность подданныхъ, а вы бы разбойниками учинились»? Нарушеніе того же основного принципа усматривалъ Щербатовъ и въ произвольности наказаній, налагаемыхъ судьями, изъ которыхъ одни ослабляли строгость закона въ пользу явныхъ преступниковъ, а другіе, не вникая въ смягчающія вину обстоятельства дѣла, находили себѣ удовольствіе въ увеличеніи размѣровъ наказанія. И то, и другое представляло въ

глазахъ писателя узурпацію законодательной власти, принадлежащей одному монарху: въ случаѣ обнаруженія неудобствъ въ самомъ законѣ слѣдовало обратиться къ высшей власти съ представленіемъ объ исправленіи его, а не поступать такъ, какъ вельможи,—«прописавъ законы въ глупыхъ вашихъ писаніяхъ, давать прощеніе или усугублять самую строгость законовъ, являя первымъ себя несмышленными похитителями вышней власти, а вторымъ—злодѣями, приличнѣйшими быть палачами, нежели правителями государства» [1]. Съ этимъ любопытно сопоставить одно частное указаніе Щербатова. Говоря въ другомъ мѣстѣ объ отмѣнѣ смертной казни въ Россіи Елизаветою, онъ указывалъ, что такая отмѣна осталась въ сущности фиктивной, такъ какъ наказаніе кнутомъ фактически часто равнялось смертной казни, и разница была только въ томъ, что «судья, подписывая опредѣленіе учинить такое наказаніе, обманываетъ законы, обманываетъ себя и въ самомъ дѣлѣ дѣлается самъ убійцею, тѣмъ паче неизвинительнѣйшимъ, что, во зло употребляя власть, данную ему законами, и по нѣкоимъ угожденіямъ ко двору, съ поврежденіемъ совѣсти, всенародно убійства учиняетъ». Выступая принципіальнымъ сторонникомъ смертной казни, онъ защищалъ ея возстановленіе въ законодательствѣ, между прочимъ, и тѣмъ соображеніемъ, что при немъ жизнь преступника будетъ поставлена въ зависимость не отъ произвола судьи, а отъ воли закона [2]. Всевозможныя нарушенія закона, которыя такъ возмущали публициста, всего чаще, по его увѣренію, происходили въ пользу богатыхъ людей, и особенно откупщиковъ, что заставляло его считать современныхъ ему администраторовъ или «мздоимцами», или настолько «малоумными», что они какъ бы старались выставить себя въ глазахъ народа взяточниками, не будучи таковыми въ дѣйствительности. Въ числѣ пороковъ администраціи онъ отмѣчалъ далѣе и непотизмъ при замѣщеніи должностей, который также не мало способствовалъ отягощенію народа [3]. Незадолго до своей смерти, предчувствуя уже ея приближеніе и подводя итоги своей публицистической дѣятельности, Щербатовъ тѣ же мысли объ отсутствіи въ современной ему русской жизни истинной законности, высказалъ въ еще болѣе широкой и опредѣленной постановкѣ. Управленіе своей эпохи онъ называлъ здѣсь «такимъ, гдѣ, хотя есть писанные законы, но они власти государевой и силѣ вельможъ уступаютъ, гдѣ состояніе каждаго подданнаго основывается не на защищеніи законовъ, не отъ собственнаго его поведенія зависитъ, но отъ мановенія злостнаго вельможи» [4]. Приводя изъ недалекаго прошлаго примѣры гибели

[1] «Письмо къ вельможамъ-правителямъ государства», Соч., II, 270, 271, 275—6, 278, 277.

[2] «Размышленія о смертной казни». Соч., I, 448—9.

[3] Соч., II. 278—81.

[4] «Оправданіе моихъ мыслей и часто съ излишнею смѣлостью изглаголанныхъ словъ», Соч., II, 249.

даже очень сильныхъ людей, какъ Волынскій и кн. Дм. Голицынъ, осужденныхъ вопреки законамъ, и указывая, что даже порядокъ престолонаслѣдія съ Петра опредѣлялся исключительно волею царствующаго государя, онъ рисовалъ печальную картину послѣдствій той незначительной роли, какая удѣлена была закону въ жизни государства. «Воззримъ—писалъ онъ—на самое сочиненіе законовъ и на наложеніе налоговъ: не всѣ ли они въ кабинетѣ государевомъ, по большей части крѣпко охраняемомъ отъ проницаній истины и свѣдѣній о бѣдности народной, сочиняются и располагаются государемъ и ближними его совѣтниками, которые дворъ считаютъ своимъ отечествомъ? Упражнены въ дворскихъ проискахъ, имъ некогда и не хотятъ ни истины, ни состоянія народнаго познать; мысли, занятыя единымъ своимъ любочестіемъ и самолюбіемъ,—не оставляютъ ни времени, ни мѣста на глубокія размышленія, и, увлечены быстротою дѣлъ,—лишь токмо дѣйствуютъ тогда, какъ размышлять надлежало; равно любочестивы, какъ несвѣдущи на дѣла, толико любочестивы, коль горды. А подъ сими-то правителями россійскій гражданинъ долженъ влачить тягость жизни своей, не имѣя ни твердыхъ законовъ, ни знающихъ правителей, ни правительствъ, довольною силою снабженныхъ; онъ долженъ ежедневно страшиться царя и вельможъ; жизнь, честь, имѣніе его не болѣе въ безопасности, какъ слабая лодка безъ руля среди сурово волнующагося моря. Нѣсть ни правила, коему бы могъ послѣдовать, ни пристанища, гдѣ бы зрилъ свое спасеніе» [1]). Не болѣе удовлетворяла суроваго критика и провинціальная администрація его времени, преобразованная Екатериной: намѣстники, назначенные часто неудачно, по преимуществу изъ военныхъ, мало знакомыхъ съ гражданскими законами и порядками, получили въ свое распоряженіе, по его отзыву, чрезмѣрную власть, тѣмъ болѣе, что имъ было предоставлено участіе въ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ, а беззаконныя и хищническія ихъ дѣйствія находили себѣ постоянное послабленіе и оставались безнаказанными [2]). Сверхъ того, въ практикѣ законодательства, суда и администраціи тогдашней Россіи критикъ подмѣчалъ еще одну общую и несимпатичную ему черту, вредно отражавшуюся, по его мнѣнію, на положеніи не только народа, но и самого правительства: «Россія не яко другія страны, гдѣ правительство тщится обнаружить свои операціи передъ народомъ, но о самыхъ вещахъ, касающихся непосредственно до народа, въ совершенной тайнѣ сіе содержитъ. Что я говорю о народѣ? Самыя таковыя дѣла главному правительству неизвѣстны, а знаетъ токмо ихъ тотъ, кому они препоручены» [3]).

[1]) Тамже, 251.
[2]) Тамже, 256, 258; ср. «О поврежденіи нравовъ», тамже, 237.
[3]) «Состояніе Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба въ началѣ 1786 г.», Соч., I, 697.

Итакъ, недостатокъ законности, въ видѣ отсутствія многихъ важныхъ законовъ, замѣняемыхъ частными распоряженіями власти, и неуваженія къ законамъ существующимъ,—таковъ главный выводъ, дѣлаемый Щербатовымъ изъ его наблюденій надъ русской государственной жизнью, таковъ, въ его пониманіи, основной грѣхъ этой жизни, изъ котораго вытекали уже и всѣ остальные. Отсутствіе твердыхъ основаній въ правительственной дѣятельности, глубокая тайна, какой покрывались исходные моменты этой дѣятельности въ глазахъ общества и народа, придворные происки въ высшихъ правительственныхъ кругахъ, приводившіе къ временщичеству, иначе говоря, къ господству отдѣльныхъ лицъ надъ всѣмъ составомъ управленія, произволъ, развившійся какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ административныхъ сферахъ, продажность суда и администраціи, раззореніе народа, угнетаемаго неправосудіемъ и лихоимствомъ и отягощаемаго непосильными податями,—вотъ наиболѣе общія очертанія набрасываемой имъ картины государственнаго быта Россіи въ ту эпоху; и, не смотря на всю густоту красокъ, налагаемыхъ имъ на свои изображенія, нельзя не признать, что эти общія очертанія соотвѣтствовали дѣйствительности и являлись вѣрнымъ ея отраженіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ возведеніе всѣхъ этихъ частныхъ недостатковъ управленія къ одному общему источнику не составляло исключительной заслуги Щербатова и его указанія на отсутствіе или, по меньшей мѣрѣ, недостаточное развитіе законности въ жизни государства не оставались совершенно одинокимъ голосомъ. Еще въ началѣ царствованія Екатерины Н. И. Панинъ, предлагая ей пересоздать высшую администрацію, указывалъ на вредъ «временщиковъ и куртизановъ», правившихъ чрезъ посредство «безгласныхъ и никакого образа государственнаго не имѣющихъ мѣстъ», и настаивалъ на необходимости утвердить «форму и порядокъ въ правительствѣ» [1]). Попытки подобнаго утвержденія были еще дѣлаемы въ первые годы Екатерининскаго правленія, но уже очень скоро онѣ были оставлены, и неудивительно, что государственная жизнь подъ нѣсколько измѣнившимися формами сохранила прежнюю свою сущность.

«Хранилищемъ законовъ» въ тогдашней Россіи считался Сенатъ, но онъ не былъ и не могъ быть, какъ доказывалъ Щербатовъ, хранителемъ законности въ государствѣ. Сами сенаторы XVIII вѣка проявляли слишкомъ мало интереса и способности къ такого рода роли [2]), но ихъ лич-

[1]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. VII, 205, 208.

[2]) Сенатъ этой поры, стоя въ полномъ согласіи съ остальною администраціею, не страдалъ, дѣйствительно, ни чрезмѣрнымъ прилежаніемъ, ни очень большими знаніями или памятью. Случалось, что въ сенатѣ по недѣлямъ не было засѣданія за не съѣздомъ или «за болѣзнью господъ сенаторовъ». Случалось и такъ, что губернаторамъ приходилось напоминать сенату его соб-

ное поведеніе, ихъ «пристрастія и пороки» не исчерпывали въ глазахъ писателя объясненія даннаго явленія и даже не составляли сути этого объясненія. По его словамъ, «не довольно охулять сенаторовъ за оные, надлежало бы проникнуть и ихъ начало». Такое начало или причину онъ находилъ въ чрезмѣрной власти генералъ-прокуроровъ, которые со времени Петра I «не переставали власть свою надъ сенатомъ распространять и можно сказать, что истребили духъ твердости и усердія въ сенаторахъ». Сенаторы, слушавшіе и разбиравшіе дѣла исключительно по опредѣляемой генералъ-прокуроромъ очереди, не имѣвшіе никакой власти надъ канцеляріей, не могшіе безъ разрѣшенія генералъ-прокурора перечитать дѣло даже въ Сенатѣ, не только взять его къ себѣ на домъ, принужденные въ случаѣ баллотировки какого-нибудь вопроса «слышать увѣщаніе и противное часто заключеніе генералъ-прокурора, съ напоминаніемъ указа, чтобы менѣе голосовъ подавали, а старалися бы между себя соглашаться», наконецъ, въ случаѣ разногласія съ генералъ-прокуроромъ сносившіеся съ верховною властью только черезъ его же посредство, такіе сенаторы, по мнѣнію автора, неизбѣжно утрачивали «нужную бодрость, для государственнаго правленія надлежащую». При подобныхъ условіяхъ «сенаторы повреждаютъ Сенатъ, а Сенатъ повреждаетъ сенаторовъ». Для исправленія этого неудобнаго порядка Щербатовъ считалъ нужнымъ установить для разбора дѣлъ въ сенатѣ опредѣленную очередь, которая могла бы нарушаться только въ исключительныхъ случаяхъ, заносимыхъ съ опредѣленіемъ причинъ сдѣланнаго отступленія въ журналъ, придать каждому сенатору по секретарю и учредить такой порядокъ, чтобы при разногласіи сенаторовъ по какому-либо вопросу изъ сторонниковъ каждаго мнѣнія выбиралось по нѣсколько человѣкъ для объясненія его государю [1]). На этихъ частныхъ измѣненіяхъ въ организаціи сенатскаго дѣлопроизводства не останавливались однако его реформаторскіе планы. Исходя изъ высказаннаго Екатериною въ Наказѣ положенія, что Россійская Имперія представляетъ изъ себя монархію, въ которой «надлежитъ имѣть хранилище законовъ, ибо законы въ ней должны

ственные указы. Но, безъ излишней ревности относясь къ дѣламъ и не особенно усердно и послѣдовательно охраняя законъ, сенатъ за то ревниво оберегалъ свой покой и съ большой энергіей поддерживалъ существовавшій соціальный порядокъ. Разсмотрѣніе сенатомъ челобитій, поданныхъ непосредственно на высочайшее имя, рѣдко обходилось безъ присужденія челобитчикамъ наказанія за «не-дѣльное утружденіе» императрицы вопреки указамъ, и исключеніе изъ этого правила допускалось лишь для лицъ высшихъ общественныхъ классовъ и сколько-нибудь вліятельныхъ, дѣла которыхъ и вообще пользовались въ сенатѣ особымъ вниманіемъ. Относящіеся сюда факты, между прочимъ, см. въ книгѣ г. Грибовскаго: «Высшій судъ и надзоръ въ Россіи въ первую половину царствованія имп. Екатерины II». Спб. 1901.

[1]) «Статистика въ разсужденіи Россіи». Соч., I, 564—570.

твердо пребывать подъ тѣнію монаршей власти», онъ заключалъ, что «понеже монархъ нѣсть вотчинникъ, но управитель и покровитель своего государства, а потому и должно быть нѣкіимъ основательнымъ правамъ, которыя бы не стѣсняли могущество монарха ко всему, полезному государству, но укрощали бы иногда его безпорядочныя хотѣнія, по большей части во вредъ ему самому обращающіяся». Въ ряду этихъ основныхъ законовъ онъ на первомъ мѣстѣ ставилъ законъ о престолонаслѣдіи; далѣе, «храненіе владычествующей вѣры и пребываніе государя въ оной и въ гражданскихъ законахъ должно составить ненарушимое положеніе»; основнымъ же закономъ предполагалъ онъ назначить предѣлы допускаемой въ государствѣ вѣротерпимости. «Права изданія законовъ, разныхъ налоговъ на народъ, переделанія монеты—вещи, которыя по непостоянству вещей человѣческихъ иногда премѣняются, то, по крайней мѣрѣ, порядокъ произведенія сего въ дѣйство на непоколебимыхъ основаніяхъ долженъ быть утвержденъ, равнымъ образомъ судъ и право себя защищать и совѣту для ради осуждаемыхъ людей по уголовнымъ дѣламъ спрашивать, и право, кому утверждать сіи осужденія; наконецъ, право именованія дворянскаго по ихъ разнымъ степенямъ ненарушимо въ монаршическомъ правленіи поставлено быть должно». Сверхъ всего этого необходимо было бы создать учрежденіе, которое наблюдало бы за сохраненіемъ всѣхъ этихъ законовъ, и такимъ учрежденіемъ могъ бы сдѣлаться Сенатъ, подъ условіемъ, однако, «не токмо снабдить его довольно основательными государственными правами о его могуществѣ, но также и наполнить его такими людьми въ силу же основательныхъ правъ, чтобъ онъ порученный ему залогъ въ силахъ былъ сохранять» [1]. Въ этой программѣ преобразованій Сенату намѣчалась такимъ образомъ роль того совѣта именитѣйшихъ людей, который, какъ мы видѣли ранѣе, въ представленіи автора составлялъ одинъ изъ необходимыхъ признаковъ монархіи. Серьезнаго вниманія заслуживаетъ еще одна часть данной программы, недостаточно ясно выраженная въ приведенномъ мѣстѣ, именно та, въ которой говорится о судѣ по уголовнымъ дѣламъ. На другихъ страницахъ того же сочиненія, изъ котораго заимствованы эти строки, Щербатовъ разъяснялъ, что онъ имѣлъ въ виду доставленіе возможности подсудимымъ въ уголовныхъ процессахъ обращаться къ помощи спеціальнаго защитника—«стряпчаго или совѣтника»,—какъ это практиковалось въ гражданскихъ искахъ, и аргументировалъ свое мнѣніе нѣсколькими бѣгло изложенными, но серьезными по существу соображеніями [2]. Въ связи съ

[1]) «Размышленія о законодательствѣ вообще», тамже, 390—2.

[2]) «Размышленія о законодательствѣ вообще»: «въ малой или великой вещи имѣнія нашего имѣемъ мы прибѣжище къ совѣту стряпчихъ; но какъ скоро касается до нашей жизни или чести, тутъ въ робости, въ смущеніи и въ трепетѣ духа, лишенные совѣту и помощи, сами должны отвѣчать и искать

этимъ онъ выставлялъ и еще два желанія, клонившіяся къ охранѣ личной безопасности гражданъ, именно, чтобы предварительный арестъ различался по своимъ условіямъ отъ тюремнаго заключенія по приговору суда и чтобы всякій обвиняемый могъ, представивъ поручителей за себя, освободиться отъ такого ареста, причемъ польза этого послѣдняго порядка доказывалась не совсѣмъ точной ссылкой на англійскій Habeas Corpus Act [1]).

Такимъ образомъ, какъ критика основныхъ явленій русской государственной жизни, такъ и положительныя требованія, предъявлявшіяся къ этой жизни Щербатовымъ, стояли въ строгомъ соотвѣтствіи съ тѣми теоретическими воззрѣніями его на государство, съ которыми мы познакомились ранѣе. Вытекавшая отсюда программа преобразованій далеко не заключала въ себѣ какихъ-либо чрезмѣрно радикальныхъ требованій, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ общемъ ея видѣ трудно было бы назвать ее и программой консервативной. Существованіе въ государствѣ основныхъ законовъ и особаго учрежденія, призваннаго оберегать ихъ ненарушимость, построеніе управленія на началахъ законности и гласности, охрана личной и имущественной безопасности гражданъ отъ произвола администраціи и суда,— всѣ эти требованія, предъявляемыя въ тогдашней Россіи, скорѣе всего могли бы быть подведены подъ понятіе умѣреннаго либерализма, свидѣтельствуя о совершившемся подъемѣ общественнаго правосознанія. При разборѣ общихъ взглядовъ Щербатова мы имѣли уже однако случай замѣтить, что его воззрѣнія на собственно государственную организацію, въ узкомъ смыслѣ этого слова, находятъ себѣ немаловажныя поправки и дополненія, порою измѣняющія самый ихъ смыслъ, въ его понятіяхъ о роли, какую должны играть въ государствѣ отдѣльныя общественныя группы. Съ большимъ вѣроятіемъ мы можемъ ожидать повторенія того же самаго факта и въ примѣненіи писателемъ этихъ общихъ взглядовъ къ условіямъ родного быта. Въ виду этого мы не будемъ дѣлать пока никакого рѣшительнаго заключенія о приведенной программѣ и обратимся еще къ разсмотрѣнію взглядовъ Щербатова на современныя ему русскія сословія, которое должно будетъ доставить намъ матеріалъ для болѣе точной оцѣнки проектировавшейся публицистомъ перестройки государственнаго зданія.

себѣ оправданій. Не могло бы отъ сего (т. е. отъ права обращаться къ защитникамъ) никакого зла произойтить, ибо пусть бы отъ сего нѣкоторые винные нашли случай оправдаться, но не лучше ли спасти единаго невиннаго, нежели сто виновныхъ погубить». Соч., I, 417—18; ср. аналогичное предложеніе Щербатова въ Ек. Коммиссіи, тамже, 20.

[1]) «Говоря о содержаніи подъ стражей, не могу я умолчать о аглинскомъ узаконеніи, *габеасъ корпусъ* называемомъ, по коему каждый, въ какомъ бы уголовномъ дѣлѣ не былъ обвиняемъ, имѣетъ право, сыскавъ по себѣ поручителей, отъ содержанія подъ стражей избѣжать и пользоваться свободой. Чего-жь бы ради сего у насъ не учредить?», тамже, 418.

Первое мѣсто въ ряду сословныхъ группъ Россіи занимало дворянство, которому Щербатовъ и удѣлилъ наиболѣе вниманія въ своихъ публицистическихъ произведеніяхъ. Исходнымъ пунктомъ для него и въ этой, особенно близкой его сердцу области, далеко не служила безусловная защита до-петровской старины, и, хотя онъ въ своемъ стремленіи обосновать права и притязанія сословія и обращался за аргументами къ исторіи, но послѣдняя въ этихъ доказательствахъ играла чисто служебную роль. Дѣло въ томъ, что его общая точка зрѣнія на дворянство, какъ на сословіе, которое «отъ чести происходитъ и честью содержится», почерпая свои права на исключительное положеніе въ воспитанномъ въ немъ вѣками «благородствѣ», лишь съ весьма большими и серьезными натяжками могла быть примѣнена къ исторіи благороднаго россійскаго шляхетства. Для человѣка, убѣжденнаго или старавшагося убѣдить другихъ въ происхожденіи сословія отъ благодѣтелей человѣчества, мало пріятнаго представляли воспоминанія о московскомъ періодѣ, когда «грубый народъ», вмѣсто того, чтобы считать потомковъ этихъ благодѣтелей «сыновьями боговъ», какъ полагалось ему по общей исторической схемѣ вельможнаго публициста, уравнивалъ ихъ съ собою во всемъ, включительно до битья батогами и другихъ позорныхъ наказаній. Единственный своеобразный институтъ старой Москвы, заключавшій въ себѣ нѣкоторое признаніе аристократическаго начала,—мѣстничество—на убѣжденнаго государственника XVIII столѣтія долженъ былъ производить впечатлѣніе крайне грубаго, почти-что уродливаго порядка, и само московское боярство отталкивало его отъ себя своимъ раболѣпствомъ, упорнымъ консерватизмомъ и невѣжествомъ [1]). При такихъ условіяхъ у него въ сущности не было прочныхъ и искреннихъ симпатій къ московской старинѣ, окончательно похороненной Петромъ. Пытаясь тѣмъ не менѣе въ согласіи съ своей общей точкой зрѣнія основать права современнаго ему высшаго класса на заслугахъ его предковъ, онъ ради этой цѣли ссылался на исторію русскаго служилаго класса, но настолько преображалъ ее, что она пріобрѣтала мало ей свойственныя, чтобъ не сказать, фантастическія, черты. Если вѣрить его неоднократнымъ утвержденіямъ, «въ созиданіи Россіи основаніе, части и подпоры ея были древніе россійскіе дворяне», причемъ этотъ классъ составился исключительно изъ Рюриковичей, Гедиминовичей, татарскихъ царевичей и князей и другихъ выѣхавшихъ въ Москву иностранныхъ «знатныхъ особъ» [2]). О такихъ фактахъ, какъ верстаніе

---

[1]) Сочиненія, I, 61; «Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра В.» тамже, II, 31—2. Реформа Петра, по взгляду публициста, сравнявъ на службѣ государству холопа съ его господиномъ, окончательно «истребила мысли благородной гордости въ дворянѣхъ». «О поврежденіи нравовъ», тамже, 164.

[2]) Сочиненія, I, 221; ср. тамже, 269—74.

въ число служилыхъ людей крестьянъ и даже холоповъ, писатель благоразумно умалчивалъ, а когда въ Екатерининской Коммиссіи одинъ изъ депутатовъ напомнилъ о происхожденіи дворянства отъ самыхъ незнатныхъ фамилій, кн. Щербатовъ, «съ крайнимъ, по словамъ дневной записки Коммиссіи, движеніемъ духа», удивлялся, «что оной господинъ депутатъ подлымъ началомъ древнія россійскія фамиліи порицаетъ, тогда, когда не токмо одна Россія, но вся вселенная свидѣтелемъ противному можетъ быть» [1]. Эта-то древность родословныхъ, засвидѣтельствованная цѣлой вселенной, и военныя заслуги, оказанныя дворянами въ качествѣ рядовыхъ солдатъ и предводителей армій, и служили тѣмъ, правду сказать, довольно шаткимъ, историческимъ основаніемъ, изъ котораго выводились писателемъ права сословія въ настоящемъ.

Впервые перечень этихъ правъ и вытекающихъ изъ нихъ требованій былъ сдѣланъ Щербатовымъ въ качествѣ дѣятеля Коммиссіи для составленія новаго уложенія, сперва при сочиненіи дворянскихъ наказовъ въ Москвѣ и Ярославлѣ, затѣмъ въ самой Коммиссіи путемъ подачи частныхъ мнѣній. Группируя вмѣстѣ всѣ эти мнѣнія, мы получаемъ цѣльную и широко поставленную программу дворянскихъ интересовъ, глубоко захватывавшую жизнь сословія и перестраивавшую ее на началахъ, весьма далекихъ отъ тѣхъ, какія были заложены предшествовавшей его исторіей. Исходя изъ своей основной мысли о дворянской семьѣ, какъ проникнутой особенной добродѣтелью, Щербатовъ вполнѣ послѣдовательно желалъ, «дабы дворянское достоинство уподлено не было», закрыть доступъ къ нему для членовъ другихъ сословій черезъ службу, узаконенный Петровскимъ указомъ 1721 г. и табелью о рангахъ; полезные и даже необходимые въ свое время, эти законы, по его мнѣнію, уже пережили нужду въ нихъ и на будущее время только монархъ долженъ былъ сохранить право пожалованія въ дворянство [2]). Отдѣленному такимъ образомъ отъ остальныхъ классовъ общества сословію онъ предполагалъ частью подтвердить, частью вновь даровать рядъ важныхъ личныхъ, имущественныхъ и корпоративныхъ правъ и привилегій. Выражая удовольствіе по поводу того, что по правиламъ полковничьей инструкціи дворяне рядовые имѣли при производствѣ въ офицеры преимущество передъ не-дворянами, онъ желалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ налагаемыхъ судомъ уголовныхъ наказаніяхъ установить различіе между дворянами и простыми людьми, чтобы первые отъ излишней строгости «не могли лишиться знатныхъ мыслей, которыя чрезъ долгое время родители въ нихъ тщились вложить». Точно также онъ высказывалъ желаніе, чтобы дворяне не были подвергаемы пыткѣ иначе, какъ послѣ лишенія дворянскаго зва-

¹) Тамже, 86—8.
²) Тамже, 12—15; 55—60.

нія, а въ другой разъ предлагалъ исключать изъ дворянства только за такія преступленія, которыя, по его мнѣнію, должны караться и смертною казнью, т. е. за измѣну, бунтъ, замыселъ противъ государя, оскорбленіе величества, убійство, разбой, подлогъ документовъ и торгъ правосудіемъ [1]).

Болѣе вниманія посвящено было Щербатовымъ перечисленію и защитѣ правъ сословія въ области имущественныхъ отношеній. Первое мѣсто въ ряду этихъ правъ въ его представленіи занимало исключительное владѣніе населенными деревнями, иначе говоря, крѣпостными крестьянами, со стороны дворянъ, «яко болѣе всѣхъ рожденіемъ своимъ и воспитаніемъ пристойныхъ владѣть другими подданными Ея И. В-ва». Исключительное пользованіе крѣпостнымъ трудомъ прежде всего полезно для самого дворянства [2]), а «политическое положеніе Россіи требуетъ, чтобы дворянскій корпусъ хотя не въ крайнемъ богатствѣ, но, по крайней мѣрѣ, въ довольствѣ содержать», такъ какъ дворяне главные слуги государства и ихъ слѣдуетъ «обязать и собственнымъ интересомъ къ вѣрности ему». На ряду съ этими аргументами онъ выставлялъ и другіе, заключавшіеся въ указаніи на тяжесть положенія крестьянъ подъ властью фабрикантовъ и въ опасеніяхъ, что купцы, владѣя деревнями, забросятъ торговлю и промышленность [3]). Далѣе, изъ права дворянъ на владѣніе деревнями Щербатовъ выводилъ и нѣкоторыя другія права: видя особую милость Екатерины въ подтвержденіи помѣщикамъ права винокуренія, онъ находилъ, что такая милость «не отъ чего инаго начало свое имѣетъ, какъ отъ того, что вино изъ продуктовъ земли, которой едиными дворяне владѣтели, сидится», и продолжалъ: «по тому же резону мнится, что и фабрики, сочиняющіяся изо льну и изъ пеньки и изъ прочихъ земляныхъ и экономическихъ произращеній, равнымъ же образомъ дворянамъ должны принадлежать»; за купцами же онъ соглашался оставить подобныя фабрики, заведенныя ими ранѣе, лишь подъ условіемъ особаго платежа въ пользу «корпуса дворянства». На своихъ фабрикахъ дворяне, по его словамъ, «содержатъ въ безпрестанномъ трудолюбіи своихъ крестьянъ, которые, получая отъ господъ своихъ довольную плату, и свое собственное благостояніе въ прибыткѣ своего господина находятъ». Злоупотребленія въ видѣ чрезмѣрнаго пониженія или полнаго отсутствія заработной платы невозможны, такъ какъ только собственный интересъ можетъ побудить фабричнаго къ хорошей работѣ, а при плохомъ исполне-

---

[1]) Тамже, 18—19; ср. 82—3.

[2]) Наивная аргументація этого пункта заслуживаетъ, кажется, воспроизведенія: «не мню, говоритъ Щербатовъ, чтобы кто изъ владѣльцовъ деревень мнѣ осмѣлился отвѣтствовать, чтобы владѣніе деревень ему не полезно было. И коль всѣ обще соглашаются, что владѣніе деревень полезно каждому особо... слѣдственно, и всему корпусу оно дворянскому полезно». Соч., I, 172—3.

[3]) Тамже, 15, 157—174.

нія работы фабрикантъ теряетъ очень много [1]). Нечего и говорить, что эта идиллическая картина помѣщичьихъ фабрикъ далеко отстояла отъ суровой дѣйствительности. Кромѣ того, Щербатовъ считалъ необходимымъ допустить дворянъ къ участію въ хлѣбной торговлѣ, дозволивъ имъ однимъ закупку хлѣба на крестьянскихъ дворахъ, и доказывалъ, въ виду пассивности русскаго купечества, пользу отъ допущенія дворянъ къ заграничной торговлѣ, «съ заплатою нѣкоей суммы на купечество» [2]); наконецъ, онъ предлагалъ отдавать на откупъ владѣльцамъ деревень имѣющіеся въ послѣднихъ питейные дома, допуская къ такимъ откупамъ купцовъ только въ случаѣ отказа со стороны владѣльцевъ [3]).—Корпоративныя права сословія, какъ ихъ понималъ Щербатовъ въ это время, не шли особенно далеко. Онъ проектировалъ устроить въ каждомъ уѣздѣ или провинціи ежегодное дворянское собраніе, которое выбирало бы себѣ предводителя и занималось бы разборомъ и повѣркой правъ отдѣльныхъ членовъ сословія. Затѣмъ, въ видахъ устраненія изъ судебныхъ мѣстъ массы мелкихъ дѣлъ, онъ предполагалъ учредить въ каждомъ стану особую должность коммиссара, ежегодно выбираемаго мѣстными дворянами изъ своей среды, вѣдающаго мелкія судебныя, административныя и полицейскія дѣла и подсуднаго по своей должности только дворянскому собранію [4]).

Такова была первоначальная программа, съ которою выступилъ Щербатовъ въ вопросѣ объ отношеніяхъ дворянства къ государству и къ другимъ сословіямъ при началѣ своей общественной и писательской дѣятельности. Позднѣе онъ неоднократно возвращался къ этому вопросу по различнымъ случаямъ, дополняя и развивая свои частныя положенія. Не слѣдя за всѣми такими мелкими дополненіями, мы прямо обратимся къ его критикѣ Екатерининскаго законодательства о дворянствѣ. Жалованная грамота 1785 г., какъ извѣстно, пошла на встрѣчу многимъ желаніямъ сословія, высказаннымъ въ Коммиссіи для составленія новаго уложенія, и, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ удовлетворила эти желанія даже въ большихъ размѣрахъ, нежели требовалъ того, повидимому, самъ Щербатовъ. Тѣмъ не менѣе послѣдній не присоединилъ своего голоса къ многочисленному хору восторженныхъ хвалителей дворянской грамоты, и, наоборотъ, въ особомъ своемъ произведеніи [5]), посвященномъ разбору этого законодательнаго акта, выступилъ съ рѣзкой его критикой, переходящей въ прямое осужденіе. За время, прошедшее съ 1767 г. по 1785 г.,

---

[1]) Тамже, 17, 93—8, 101—3.

[2]) Тамже, 17—18, 204—8.

[3]) Тамже, 21.

[4]) Тамже, 15, 69, 22—4, 208—13.

[5]) «Примѣчанія вѣрнаго сына отечества на дворянскія права на манифестъ». Соч., I, 269—334.

сословныя притязанія Щербатова не только укрѣпились, но и значительно выросли въ своемъ объемѣ, равно какъ укоренилось и развилось въ немъ за этотъ періодъ критическое отношеніе къ дѣятельности Екатерининскаго правительства; наконецъ, на рѣзкій тонъ даннаго произведенія могло имѣть вліяніе и то обстоятельство, что писатель обращался въ немъ не къ правительству съ цѣлью воздѣйствія на его политику, а къ обществу, хотя бы и очень узкому. Критическое настроеніе ни на минуту не покидаетъ писателя въ этомъ произведеніи, выражаясь въ мѣткихъ, нерѣдко остроумныхъ и ядовитыхъ замѣчаніяхъ, порою же оно переходитъ всякую мѣру, вызывая мелочныя придирки и несправедливыя по существу нападки автора.

Главною цѣлью послѣдній поставилъ себѣ разсмотрѣть, соотвѣтствуютъ ли дарованныя дворянству права «пышнымъ израженіемъ и великимъ обѣщаніямъ» грамоты, и весь его разборъ клонится къ отрицательному отвѣту на этотъ вопросъ. Онъ недоволенъ уже самой редакціей закона, страдающей, по его мнѣнію, значительными неточностями. Подобныя неточности онъ указывалъ въ перечисленіи преступленій, за которыя полагалось лишеніе дворянскаго достоинства: онъ недоумѣвалъ, какое преступленіе разумѣется подъ «нарушеніемъ клятвы», такъ какъ нарушеніе присяги государю входитъ въ понятіе измѣны, частные люди «клятвою между собою не обязуются», а клятва супруговъ «о взаимномъ любленіи» есть «таинство церковное». Точно также, замѣчалъ онъ, «лживые поступки — толь неопредѣлительное выраженіе, что я, по малоразумію своему, и ума приложить не могу»: дружба часто разстраивается вслѣдствіе «лживаго поступка» одного изъ друзей, но «всѣхъ ли сихъ судить и лишать дворянства»? «Лживый поступокъ въ общежитіи—продолжалъ безпощадный критикъ—болѣе всѣхъ бываетъ при дворѣ: однако не слышно, чтобы кто поправился или бы наказанъ былъ, а напротивъ того благодаренія, лживыя восклицанія, противу клятвы обманы государству умножаются». Содержаніе закона подвергалось не менѣе рѣшительнымъ нападеніямъ со стороны критика. Онъ находилъ, что статьи грамоты, обезпечивавшія ненаказуемость дворянина безъ суда, не представляютъ собою «какое особенное право, ибо нигдѣ и самой подлѣйшій злодѣй безъ суда не наказуется», самое освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія, по его словамъ, «не новое право», а существовало будто бы уже со времени Петра В. Съ еще большей ѣдкостью отзывался онъ о 21-й статьѣ грамоты, находя «удивительнымъ» милостивое разрѣшеніе именоваться «помѣщиками», данное черезъ 70 лѣтъ по уничтоженіи помѣстій, и говоря, что названіе «вотчинника», не дающее никакихъ особыхъ правъ, есть «токмо нѣкоторая пыль, брошенная въ глаза для ослѣпленія, и, можетъ быть, пріятная такимъ, которые никакими титлами удовольствоваться не могутъ и рады цѣлыя библейной величины книги титлами своими наполнять». Нѣкоторыя же статьи и положенія грамоты

вызывали у него прямое негодованіе и протестъ. Съ особенной энергіей возставалъ онъ противъ утвержденія, что дворяне должны начинать свою службу съ нижнихъ чиновъ, чтобы научиться быть хорошими начальниками. Въ опроверженіе такого правила онъ указывалъ примѣры—Помпея и Конде, которые не служили ни подъ чьимъ предводительствомъ, но сами были «добрые начальники». Подобному правилу противорѣчили, по его указанію, и случаи пожалованія Екатериною сыновей знатныхъ людей еще въ младенчествѣ офицерами гвардіи: еслибы правило было вѣрно, то въ такихъ пожалованіяхъ надо было бы видѣть не милость, а наказаніе. такъ какъ благодаря имъ пожалованные становятся «не толь годны, какъ другіе, токмо отъ низкихъ степеней происшедшіе». «Наконецъ, если сіе правило есть общее, то оно на всѣхъ государей простирается; они чрезъ всѣ чиноначалія не происходятъ; убо не могутъ быти добрые начальники, ибо въ свое время сами повиноваться не пріобыкли». Почти столь же страстно вооружался онъ противъ 7-й статьи грамоты, сохранявшей дворянское званіе за дворянкой, вышедшей замужъ за человѣка другого сословія, статьи, которая, по его словамъ, «не токмо есть не право, но вредъ государству, разрушеніе нравовъ». Смѣшеніе сословій уже само по себѣ составляло въ глазахъ писателя вредъ государству; сверхъ того онъ опасался, что при дозволеніи подобныхъ браковъ жены-дворянки будутъ раззорять своихъ мужей, а небогатые дворяне станутъ «продавать» своихъ дочерей за купцовъ. «Ея же Императорское Величество—не безъ ѣдкости заключалъ онъ—въ Наказѣ своемъ соизволила сказать, что, если послѣ ея законодательства народъ ея не будетъ наидобродѣтельнѣйшій, то до сего несчастія не хощетъ она дожить, а я, какъ вѣрной подданной, ни разврату не хочу и не желаю смерти моего монарха» [1]). Ко всѣмъ личнымъ и имущественнымъ правамъ, дарованнымъ и подтвержденнымъ дворянству жалованною грамотою, Щербатовъ считалъ нужнымъ присоединить еще нѣкоторыя, которыя, по его, не совсѣмъ, впрочемъ, справедливому, увѣренію, существовали и раньше и которыя онъ дѣлилъ на «почетныя» и «полезныя». Въ разрядъ первыхъ онъ относилъ освобожденіе дворянъ отъ службы въ нижнихъ чинахъ, установленіе особаго наказанія за оскорбленіе дворянскаго достоинства, право дворянина въ дѣлахъ, касающихся его чести и жизни, назначать одного въ число своихъ судей и выбирать адвоката («стряпчаго»). отдѣленіе дворянъ при заключеніи подъ стражу отъ лицъ другихъ сословій, право освобождаться внесеніемъ залога отъ ареста не по уголовнымъ дѣламъ, свободный доступъ для всѣхъ дворянъ ко двору, право ѣздить на парѣ лошадей въ каретѣ и сохраненіе полученныхъ за-границей чиновъ при поступленіи на русскую службу. Въ число «полезныхъ правъ» онъ помѣщалъ

---

[1]) Соч., I. 279 80, 282, 283, 285—6, 275—6, 280—2.

между прочимъ, такія, какъ право патроната помѣщиковъ надъ священниками и церковниками, «основанное на обрядѣ первенствующей церкви, всегда пребывающее, подтвержденное гражданскими узаконеніями и обычаемъ», право винокуренія и ввоза вина въ города, перевоза крестьянъ и отпуска ихъ на волю и завѣщанія деревень на временныхъ условіяхъ [1]).

Права, дарованныя жалованной грамотой дворянскимъ обществамъ, въ свою очередь подвергались со стороны Щербатова не менѣе рѣзкой критикѣ. Дворянскія собранія, составляющіяся по созыву и дозволенію генералъ-губернатора или губернатора, по мнѣнію писателя, «собираются не для сужденія о своихъ дѣлахъ, не для разсмотрѣнія общей и частной пользы, но токмо, какъ нѣкоторыя орудія»; дворянство не можетъ противиться власти намѣстниковъ, неподсудныхъ Сенату и пользующихся особымъ довѣріемъ монархини, и «дворяне будутъ токмо съѣзжаться быть каждые три года свидѣтели утѣсненія своего, тѣмъ горчайшаго, что видъ будетъ пребывать, якобы они сами виновны въ своемъ утѣсненіи». При такомъ положеніи не нуженъ дворянскому собранію и особый домъ, «развѣ утѣсненія его будетъ памятникъ и темница ихъ свободы», а въ архивѣ собранія «большая часть будутъ сохраняться дѣянія его рабства, а не дѣянія блаженства сего похвальнаго собранія». Чтобы исправить этотъ порядокъ, авторъ считалъ прежде всего необходимымъ дозволить дворянству вполнѣ свободный выборъ губернскаго предводителя, такъ какъ иначе «съ честолюбіемъ человѣкъ въ знатномъ чину» не рѣшится подвергнуть себя риску не-утвержденія со стороны намѣстника. Онъ желалъ, далѣе, болѣе точнаго опредѣленія правъ намѣстника относительно дворянскихъ ходатайствъ, именно въ такомъ видѣ, чтобы намѣстникъ либо представлялъ эти ходатайства монарху, либо сообщалъ причины своего отказа въ такомъ представленіи дворянамъ, причемъ послѣдніе сохраняли бы право сами послать свою челобитную. Самыя эти ходатайства, по мнѣнію писателя, должны были разрѣшаться не только въ предѣлахъ существующихъ законовъ, но и въ смыслѣ просьбъ объ измѣненіи послѣднихъ, если они тягостны сословію, въ противномъ случаѣ это право означало бы только то, что дворянамъ «позволяется визжать, когда ихъ бьютъ». Установленный закономъ имущественный и служебный цензъ для занятія должностей по выборамъ Щербатовъ отвергалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, предлагая лишь установить, чтобы вышедшіе въ отставку безъ серьезныхъ причинъ до полученія офицерскаго чина могли быть выбираемы только на самыя низшія должности; что касается возрастнаго ценза, то въ установленіи 25-лѣтняго возраста авторъ видѣлъ отдаленіе срока совершеннолѣтія и, слѣдовательно, «еще уменьшеніе древняго права дворянскаго» [2]). Порядокъ записи дво-

[1]) Тамже, 290—95.
[2]) Тамже, 295—6, 298, 301, 302; 296—7, 299—300, 303—310.

рянскихъ фамилій въ родословныя книги и доказательства дворянскаго происхожденія, въ томъ видѣ, какъ они были опредѣлены грамотою Екатерины, равнымъ образомъ навлекли на себя сильные упреки со стороны Щербатова. Находя, что установленныя шесть частей родословной книги своимъ порядкомъ и раздѣленіемъ, смѣшивающимъ новые роды со старыми, нарушаютъ «историческій порядокъ» и «истину историческую», онъ тутъ же возставалъ противъ доступа въ дворянство путемъ службы и при помощи грамматическихъ ухищреній доказывалъ незаконность такого доступа, утверждая именно, будто указъ 1721 г. и табель о рангахъ относились только къ лицамъ, получившимъ офицерскіе чины до изданія этихъ законовъ. Соотвѣтственно этому онъ отказывался считать патенты на чины и ордена, за исключеніемъ орденовъ, даваемыхъ самимъ государемъ, доказательствомъ дворянства; не считалъ онъ удобнымъ признавать за такое доказательство и свидѣтельство 12 дворянъ о благородной жизни дѣда и отца претендента на дворянское званіе, такъ какъ «всѣ сіи свидѣтели должны быть Несторы, жившіе три вѣка человѣческихъ», и, сверхъ того, при этомъ способѣ доказательства легко возможны злоупотребленія [1]).

Вниманіе писателя устремлялось такимъ образомъ по преимуществу на тѣ слабыя стороны въ жизни русскаго дворянства, которыя мѣшали этому, одаренному уже многими привилегіями, классу занять прочное и самостоятельное положеніе въ качествѣ обособленной соціальной группы. Онъ желалъ видѣть данный классъ замкнутымъ и рѣшительно первенствующимъ въ государствѣ сословіемъ, предназначеннымъ по преимуществу для государственной службы и надѣленнымъ на ней особыми правами, располагающимъ прочнымъ экономическимъ благосостояніемъ, которое создавалось бы путемъ исключительнаго владычества надъ невольнымъ народнымъ трудомъ и пользованія рядомъ важныхъ привилегій въ сферѣ торговли и промышленности, наконецъ, обладающимъ широкимъ самоуправленіемъ и вѣскимъ голосомъ въ обще-государственныхъ дѣлахъ. Уже эти черты указываютъ, какое положеніе должно было въ проектахъ дворянскаго публициста выпасть на долю другихъ классовъ народа. Щербатовъ въ своихъ произведеніяхъ не останавливался на нихъ столь же подробно и касался ихъ жизни главнымъ образомъ въ тѣхъ сторонахъ, какими она соприкасалась съ жизнью дворянства, но сущность его взглядовъ на отношенія этихъ другихъ классовъ къ государству и первому сословію была все же высказана имъ съ

[1]) Тамже, 315—325, 328—32; онъ приводитъ примѣръ, что «князь Урусовъ и другіе благородные о дворянствѣ Полетаева, холопа кн. Долгорукова, подписались»; указанный въ текстѣ взглядъ на указъ 1721 г. и табель о рангахъ, противорѣчащій тому, что заявлялъ Щербатовъ въ Екатерининской Коммиссіи, см. также въ его «Размышленіяхъ о законодательствѣ вообще», Соч., I, 413—14.

достаточною яркостью и убѣдительностью. Обратимся еще къ этой сторонѣ его воззрѣній, которая должна окончательно обрисовать намъ его соціальную физіономію.

Въ жизни городского класса Щербатовъ особенно подробно останавливался на возможности перехода изъ него въ высшее сословіе путемъ пожалованія чиномъ, возможности, послѣдствія которой онъ, въ строгомъ согласіи съ общими своими взглядами, обрисовывалъ самыми темными красками. Такой переходъ, никогда, впрочемъ, не пріобрѣтавшій массоваго характера, являлся въ его глазахъ одной изъ главнѣйшихъ причинъ слабости русской торговли и русскаго купечества. «Чины—восклицалъ онъ—есть язва, которая, заразивъ россійскихъ купцовъ вреднымъ и обществу, и имъ самимъ безуміемъ, совершенно раззоряетъ россійскую торговлю». Благодаря пожалованію купцовъ чинами изъ торговаго обращенія изъемлются большіе капиталы, которыми и такъ небогато русское купечество, и наносится еще вредъ торговлѣ въ томъ смыслѣ, что «чужестранные купцы, зная, коль легко въ Россіи изъ купцовъ въ дворяне перепрыгнуть, удерживаютъ своимъ кредитомъ», безъ котораго не можетъ существовать русская торговля. Такія пожалованія ослабляютъ городской классъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ «служба претерпѣваетъ и чины уподляются, а служащій корпусъ дворянской огорчается». Купцовъ же, по мнѣнію публициста, побуждалъ добиваться чиновъ только «родъ безумія, сопряженный съ лѣностію», такъ какъ при этомъ они выигрывали лишь «едное имя, позволеніе имѣть деревни и ношеніе шпаги, потому что, если прямо разсмотрѣть, то россійскій дворянинъ никакихъ, окромя сего, правъ не имѣетъ». За то они теряли «прибыльный торгъ» и возможность «спокойнаго житія» для себя и дѣтей и, взваливая на послѣднихъ, «въ грубости рожденныхъ и худо воспитанныхъ», расходы и тягости дворянской службы, подвергали ихъ риску легкаго раззоренія и становились «злодѣями своего исчадія» [1]. Этотъ вопросъ крайне интересовалъ писателя и онъ неоднократно къ нему возвращался, пользуясь иногда для его возбужденія совсѣмъ, казалось бы, неподходящими поводами. Такъ, предлагая въ 1787 г. рядъ мѣръ для помощи народу въ пораженныхъ голодомъ мѣстностяхъ Россіи, онъ въ

[1] «Размышленія о ущербѣ торговли», тамже, 620, 623—6; въ другой разъ Щербатовъ заявлялъ даже, что въ Россіи права купцовъ выше правъ дворянства, доказывая это слѣдующими примѣрами: сынъ именитаго купца можетъ ѣздить въ каретѣ четверней, а дворянинъ, не имѣющій офицерскаго чина,—только на дрожкахъ; «богатаго откупщика или подрядчика внукъ, не меньше именитаго своимъ капиталомъ, какъ воровствомъ и отягощеніемъ народа, при рожденіи своемъ право на потомственное почетное имя дворянина получаетъ», а сыновья дворянина не получаютъ безъ службы даже низшаго офицерскаго чина—«Размышленія о законодательствѣ», тамже, 401.

число этихъ мѣръ ставилъ и дарованіе купцамъ чиновъ и орденовъ за пожертвованія въ пользу голодающихъ, но тутъ же и проектировалъ на будущее время прекратить подобныя пожалованія, и первый проектъ занималъ его едва-ли не болѣе всего, какъ средство для проведенія послѣдняго [1]).

Закрывая такимъ образомъ передъ купечествомъ доступъ въ ряды дворянства, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ упорно возставалъ противъ покушеній купцовъ раздѣлить съ высшимъ сословіемъ его главное право—на владѣніе крѣпостнымъ трудомъ. Когда въ Екатерининской Коммиссіи нѣкоторые изъ городскихъ депутатовъ выступили съ просьбами о разрѣшеніи купцамъ покупать крѣпостныхъ, Щербатовъ явился однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ противниковъ такихъ притязаній, пользуясь для опроверженія ихъ такими аргументами, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ могли быть обращены и противъ дворянскаго владѣнія людьми. Отстаивая крѣпостное право въ рукахъ дворянъ, какъ учащихся въ деревняхъ управлять государствомъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ, что не можетъ существовать такихъ основаній, по которымъ бы «равной равнаго могъ въ неволѣ у себя имѣть», тѣмъ болѣе, что для этого нужно было «дойти до такой суровости, чтобы равноестественныхъ намъ сравнять съ скотами и по одиночкѣ продавать». Покупка людей, по его мнѣнію, не принесла бы пользы и самому купечеству, такъ какъ свободный человѣкъ «служитъ окромя жалованья своего по совершенному усердію, а въ невольникѣ я проникнуть не могу, усерденъ ли онъ ко мнѣ или нѣтъ». Ссылаясь на примѣръ всей Европы, на природу человѣка, въ силу которой «вольный человѣкъ, могущій болѣе благополучія своего потерять, нежели рабъ, менѣе на какое злое дѣло отважится и, слѣдственно, болѣе повѣренности достоинъ», и на интересы низшихъ разрядовъ самого городского класса, рискующихъ лишиться заработка при появленіи у купцовъ крѣпостныхъ, Щербатовъ приходилъ къ заключенію о необходимости отказать купцамъ въ ихъ требованіи [2]).

Но онъ шелъ еще и дальше, недружелюбно относясь, какъ мы отчасти видѣли уже это и выше, и къ владѣнію фабрикантовъ изъ горожанъ такъ называемыми поссессіонными или фабричными крестьянами. Онъ не однажды затрагивалъ этотъ вопросъ въ засѣданіяхъ Коммиссіи и, указывая на притѣсненія фабрикантовъ и вызываемые ими бунты крестьянъ, на развратъ, распространяющійся среди послѣднихъ на купеческихъ фабрикахъ, наконецъ, на то, что нѣкоторые купцы держатъ фабрики лишь для виду, чтобы пользоваться «помѣщичьими доходами», настаивалъ, если не на со-

[1]) «Разсужденіе о нынѣшнемъ въ 1787 г. почти повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи». Соч., I, 659—61.

[2]) Соч., I, 115—9.

вершенной отмѣнѣ, то, по меньшей мѣрѣ, на серьезномъ ограниченіи права купцовъ владѣть населенными деревнями путемъ воспрещенія покупки ихъ къ фабрикамъ на будущее время и принятія мѣръ къ постепенному освобожденію купленныхъ ранѣе или къ переходу ихъ въ дворянскія руки. Руководящимъ мотивомъ къ проектированію такого рода мѣръ, которыя замѣнили бы на купеческихъ фабрикахъ крѣпостной трудъ наемнымъ, служила у Щербатова далеко, впрочемъ, не одна забота объ утѣсненномъ крестьянствѣ; по его разсчетамъ, и «дворянство, когда ихъ крестьяне между работныхъ поръ будутъ ходить къ купцамъ работать на фабрики и заводы, чрезъ вящшую циркуляцію денегъ пользу же себѣ пріобрѣтетъ» [1]). Стремясь поставить промышленную дѣятельность городского класса исключительно на основаніи его личнаго и наемнаго труда, Щербатовъ не особенно благосклонно смотрѣлъ и на торговую дѣятельность даннаго класса, упрекая его въ крайней лѣности и пассивности, благодаря которой вывозная торговля оставалась всецѣло въ рукахъ иностранныхъ купцовъ, и въ стремленіи пріобрѣтать себѣ благосостояніе главнымъ образомъ на почвѣ вредныхъ общему народному хозяйству монополій. Считая нужнымъ, какъ было уже упомянуто выше, допустить дворянство къ заграничной торговлѣ и воспретить купцамъ покупку хлѣба въ деревняхъ, онъ вмѣстѣ доказывалъ необходимость разрѣшить крестьянамъ свободную, безъ посредничества купцовъ, продажу сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ городахъ, хотя бы только въ опредѣленные часы и съ возовъ, а не въ лавкахъ. Въ Коммиссію имъ представленъ былъ цѣлый планъ устройства городского класса, дѣлившагося по этому плану на купечество и мѣщанство, причемъ послѣднее составлялось изъ владѣльцевъ городскихъ домовъ и земель и изъ ремесленниковъ. Оба эти разряда горожанъ лишались права пріобрѣтать деревни и даже земли внѣ города; управляться и судиться они должны были выборными магистратами, а для ремесленниковъ, раздѣленныхъ на цехи, предполагались еще выборные же цеховые судьи [2]).

Позднѣе этотъ планъ былъ значительно переработанъ и видоизмѣненъ его авторомъ, и опять-таки мотивами такой переработки врядъ-ли служили одни лишь интересы русскаго купечества и торговли. Екатерининская грамота городамъ такъ же мало удовлетворила Щербатова, какъ и грамота дворянамъ. Онъ прежде всего остался недоволенъ установленнымъ въ ней «великимъ числомъ судей», выбираемыхъ горожанами изъ своей среды, усматривая въ этомъ отвлеченіе силъ сословія отъ торговли, которая «требуетъ все время для упражненія человѣку». Затѣмъ, хотя «судиться равными себѣ»—правило справедливое и драгоцѣнное для каждаго гражданина, но выборъ въ судьи «купцовъ, насилу грамотѣ знающихъ, не токмо

[1]) Тамже, 15—16, 98—100, 125—6, 130, 162—3; 16

[2]) Соч., I, 18, 40—1, 42—9, 105—9, 109—13.

нужной логикѣ, безъ всякаго понятія о законахъ, съ врожденной грубостью и пристрастіями», долженъ былъ, по мнѣнію публициста, создать судъ невѣжественный и пристрастный, какой онъ и находилъ во всѣхъ городскихъ магистратахъ [1]). Въ силу этихъ соображеній онъ предлагалъ, «чтобъ всѣ суды купеческіе наполнялись дворянами или людьми, не привязанными къ торговлѣ, а довольно для чести купечества, чтобъ былъ избираемъ голова и при судахъ одинъ купеческій депутатъ находился». Въ самомъ устройствѣ городского класса критикъ находилъ неудачнымъ раздѣленіе купечества по степенямъ и гильдіямъ, которыя «предписаны не по качеству ихъ и не по пользѣ, какую они могутъ дѣлать отечеству, но по капиталамъ, якобы капиталъ производилъ качества и самъ собою дѣлалъ пользу». Онъ предлагалъ дѣленіе иного рода, основанное на принципѣ личныхъ заслугъ: такъ, банкиръ, купецъ, устроившій контору заграницей или ведшій прямыя сношенія съ чужими странами, открывшій новую отрасль торговли, «а паче въ Азіятскія страны», купецъ, вооружившій корабль для китовой ловли и занимавшійся этимъ промысломъ не менѣе 5 лѣтъ,—должны были бы удостоиваться званія именитыхъ людей, а купцы, ведшіе внутреннюю валовую торговлю и отпускавшіе товаръ заграницу, должны были входить въ первую гильдію. Третье общее возраженіе, выдвинутое Щербатовымъ противъ Екатерининскаго законодательства о городскомъ классѣ, касалось цехового устройства ремесленниковъ, которое онъ находилъ теперь совершенно ненужнымъ. Неудобства его, на взглядъ публициста, заключались уже въ томъ, что опредѣленіемъ годовъ обученія ремеслу игнорировались природныя способности, что принятіе ученика въ мастера зависѣло отъ старыхъ мастеровъ, интересу которыхъ противорѣчило увеличеніе ихъ числа, наконецъ, въ томъ, что Россія нуждалась не столько въ совершенныхъ, сколько въ дешевыхъ ремесленникахъ. Сверхъ того «не токмо состояніе, введенный обычай, но и самый климатъ нашей страны, кажется, составляютъ препоны такому учрежденію, ибо: 1-е, множество дворянъ съ немалымъ себѣ убыткомъ изучили ремесленниковъ, которые, можно сказать, и лучшіе есть: они и благонравіемъ своимъ, и искусствомъ большую часть мѣщанъ превосходятъ, а дешевизною за работу дѣлаютъ пользу всѣмъ гражданамъ; 2-е, семь мѣсяцевъ продолжающаяся зима крестьянъ въ праздности оставляетъ и изъ нихъ многіе приходятъ въ города ремеслами своими себѣ прибыль получать и спомоществовать пользѣ общества». «То должно ли—спрашивалъ писатель—для единыхъ мѣщанъ ремесленниковъ отнять у дворянъ плоды попеченія ихъ, сдѣлать ихъ ремесленниковъ безъ пропитанія, крестьянъ привести въ нуж-

[1]) Напомнимъ, что для дворянъ Щербатовъ не считалъ нужнымъ знаніе законсвъ при исполненіи судейскихъ обязанностей.

ду и бѣдность и граждан изубытчить дорогою платою»? Руководясь такими аргументами, онъ приходилъ къ мысли о необходимости полной свободы ремеслъ, такъ какъ свободная конкурренція наиболѣе способствуетъ и дешевизнѣ, и хорошему качеству произведеній [1]). Нѣкоторыя отдѣльныя замѣчанія Щербатова по поводу положенія и притязаній городского класса нельзя не признать вѣскими и справедливыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ трудно не видѣть, что въ общемъ онъ склоненъ былъ не придавать этому классу почти никакого самостоятельнаго значенія. Лишаясь, по его проектамъ, своего сословнаго самоуправленія въ пользу дворянъ-чиновниковъ, городской классъ и экономическую свою дѣятельность долженъ былъ, слѣдуя указаніямъ публициста, въ значительной мѣрѣ подчинить интересамъ дворянскаго сословія.

Перейдемъ еще къ мнѣніямъ, выражавшимися Щербатовымъ по поводу положенія различныхъ разрядовъ крестьянства [2]). Выше мы имѣли уже случай отмѣтить, что порядокъ крѣпостного права представлялся ему вполнѣ нормальнымъ, пока онъ былъ обращенъ исключительно на пользу дворянъ, являвшихся единственными господами невольнаго труда народа. Въ данномъ порядкѣ публицистъ усматривалъ тѣсную связь благосостоянія крестьянъ съ благосостояніемъ ихъ владѣльцевъ и утверждалъ, что «всякое расторженіе сей связи угрожаетъ паденіемъ государству» [3]). Существо этой связи онъ изображалъ весьма розовыми красками и въ чертахъ, мало общаго имѣвшихъ съ дѣйствительностью: по его словамъ, «дворяне, получа земли и деревни въ награжденіе за пролитую свою кровь и за разныя услуги, большую часть земель для пропитанія своимъ крестьянамъ уступили; снабдили ихъ лѣсами, снабдили ихъ лугами, надзираютъ подобно какъ надъ дѣтьми своими, чтобы никто никакой обиды имъ не учинилъ и чтобъ между собою другъ друга не раззоряли; ссужаютъ ихъ во время нужды и хлѣбомъ, и скотиной, и лошадьми. За такія дарованія, защищеніе и доброе управленіе иль полагаютъ крестьянъ своихъ на пашню и работу, оставляя, однако, по меньшей мѣрѣ двѣ трети времени на ихъ собственныя работы, иль положили ихъ на оброки и тогда уже работы не требуютъ». Въ томъ и другомъ случаѣ крестьяне не подвергаются притѣсненіямъ, такъ какъ раззореніе ихъ вредно отозвалось бы на благосостояніи самого владѣльца [4]).

---

[1]) «Размышленія о законодательствѣ вообще». Соч., I, 402—3; 408—12.

[2]) Обстоятельный разборъ мнѣній, высказанныхъ Щербатовымъ о крестьянствѣ въ Екат. Коммиссіи, см. въ трудѣ В. И. Семевскаго «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка», т. I, гл. VII; см. также, гл. XII—разборъ анонимнаго мнѣнія 1785 г., приписываемаго авторомъ Щербатову.

[3]) «Размышленіе о дворянствѣ». Соч., I, 268.

[4]) Соч., I, 129.

съ интересомъ государства, заключавшимся въ поддержанiи и воспитанiи «дворянскаго корпуса» чрезъ посредство предоставленнаго ему крѣпостного права, въ схемѣ публициста совпадалъ интересъ самихъ крестьянъ, находившихъ, по его мнѣнiю, въ порядкѣ крѣпостного права удовлетворенiе важнѣйшихъ своихъ нуждъ и потребностей. Съ такой точки зрѣнiя не только уничтоженiе даннаго порядка, но и проведенiе какихъ бы то ни было серьезныхъ измѣненiй въ немъ въ видѣ ограниченiя помѣщичьей власти представлялось совершенно невозможнымъ. Когда въ Коммиссiи для составленiя новаго уложенiя былъ поднятъ крестьянскiй вопросъ и нѣкоторыми депутатами были сдѣланы предложенiя, клонившiяся къ болѣе или менѣе существенному ограниченiю произвола помѣщиковъ въ дѣлѣ распоряженiя личностью и имуществомъ крѣпостного, Щербатовъ выступилъ краснорѣчивымъ апологетомъ существующаго порядка. Не отрицая существованiя, впрочемъ, лишь въ видѣ рѣдкихъ исключенiй, помѣщиковъ, притѣсняющихъ своихъ крестьянъ, и необходимости старанiя прекратить эти притѣсненiя, онъ отвергалъ возможность установить норму помѣщичьяго дохода, ссылаясь на разнообразiе мѣстныхъ условiй, какому можетъ удовлетворять только существующiй строй, настолько удобный, что и «довольно извѣстный всему свѣту мудрыми своими правилами для законодательства г. Монтескье точно россiйское учрежденiе о сборѣ доходовъ и связь между помѣщиками и ихъ подданными похваляетъ». Точно также отвергалъ онъ и возможность утвердить за крестьянами какую-либо собственность. Право собственности на движимое имущество, по его утвержденiю, и безъ проектируемаго закона принадлежало крестьянамъ, «токмо съ такимъ ограниченiемъ, что помѣщики наблюдаютъ, для крестьянскаго же благоденствiя, дабы самыхъ нужныхъ вещей для земледѣлiя не сбывали и не становились бобылями». Что касается земли, то отдача ея въ собственность крестьянамъ представлялась ему немыслимой: прежде всего большая часть земель принадлежала дворянамъ, которые не только заслужили ихъ своею кровью, но, уплачивая пошлины при переходѣ имѣнiй изъ рукъ въ руки, «едва не всю цѣну и денежную въ государственную казну внесли»; затѣмъ, раздача крестьянамъ мелкихъ участковъ на правѣ полной собственности и созданiе такимъ путемъ крестьянскаго участковаго землевладѣнiя, не говоря уже о трудностяхъ размежеванiя, поведетъ лишь къ тому, что большинство новыхъ владѣльцевъ скоро вынуждено будетъ распродать свои земли меньшинству и окажется въ неволѣ у послѣдняго [1]). Наконецъ, право собственности не имѣетъ большого значенiя въ рукахъ невольнаго человѣка: «когда тѣло чье подвластно другому, имѣнiе его всегда тому же подвластно будетъ». Подобнаго рода аргументы противъ частичныхъ улучшенiй въ быту крѣ-

[1]) Послѣднее соображенiе особенно полно развито въ анонимномъ „Размышленiи", приписываемомъ В. И. Семевскимъ Щербатову.

постныхъ, заключавшіе въ себѣ не мало справедливыхъ указаній, могли имѣть однимъ изъ своихъ послѣдствій и болѣе радикальную постановку вопроса о реформѣ, но самъ Щербатовъ вооружался не только противъ попытокъ въ корнѣ рѣшить этотъ вопросъ силою государственной власти, но и противъ предоставленія отдѣльнымъ помѣщикамъ права отпускать на волю цѣлыя деревни по условію съ ними, такъ какъ, по его взгляду, «коль бы мало сіе право свободы ни было, однако, разрываетъ сію цѣпь, связующую помѣщиковъ съ ихъ крестьянами, которая въ толь давнихъ временахъ благоденствіе самихъ крестьянъ и цѣлость государства сохраняла». Въ виду этого онъ соглашался лишь на весьма небольшія, чтобъ не сказать, ничтожныя, уступки въ дѣлѣ ограниченія помѣщичьихъ правъ надъ крестьяниномъ. Самою важной изъ нихъ было признаніе необходимости отмѣнить розничную продажу крестьянъ безъ земли; сверхъ того онъ предлагалъ лишь поручить дворянскимъ собраніямъ и выбираемымъ ими коммиссарамъ наблюдать за благосостояніемъ крестьянъ и сперва словесно или письменно склонять замѣченныхъ въ жестокости помѣщиковъ къ умѣренности, а если это не подѣйствуетъ, то увѣдомлять о нихъ правительство, которое послѣ строгаго разслѣдованія можетъ отдать имѣніе такого помѣщика въ опеку. Возвратившись въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ произведеній къ этому вопросу, Щербатовъ высказалъ еще пожеланіе, чтобы у помѣщиковъ отнята была власть убивать и пытать своихъ крѣпостныхъ, чтобы они были поручителями въ платежѣ податей послѣдними и не допускали ихъ до нищенства, но, какъ самъ онъ правильно оговорился, въ этихъ пожеланіяхъ не было ничего существенно новаго сравнительно съ дѣйствовавшимъ законодательствомъ [1]).

Въ Коммиссію для составленія уложенія Щербатовъ разсчитывалъ еще представить, а частью и дѣйствительно представилъ, нѣкоторыя общія ходатайства относительно правъ крестьянъ. Онъ желалъ, именно, чтобы крестьяне во время полевыхъ работъ не требовались въ города по частнымъ искамъ, чтобы имъ дозволено было, на указанныхъ выше условіяхъ, продавать продукты своего хозяйства въ городахъ, чтобы имъ разрѣшено было заниматься ремеслами и брать казенные подряды на поставку хлѣба, холста и продуктовъ ихъ ремесленнаго производства, наконецъ, чтобъ имъ разрѣшалось, но только на зимнее время, служить приказчиками въ купеческихъ лавкахъ и питейныхъ домахъ. Послѣднему ограниченію соотвѣтствовала еще одна проектированная Щербатовымъ мѣра: стремясь по возможности привязать крестьянина къ деревнѣ и земледѣлію, онъ совѣтовалъ установить для живущаго въ деревнѣ крестьянина двойную или тройную плату за безчестье сравнительно съ живущимъ въ городѣ [2]).

[1]) Соч., I, 181—9, 192—200, 115—6, 190—1, 268.
[2]) Тамже, 25—9.

Настаивая на сохраненіи безъ существенныхъ перемѣнъ всѣхъ главныхъ особенностей положенія помѣщичьихъ крестьянъ, Щербатовъ совершенно иной образъ дѣйствій рекомендовалъ по отношенію къ государственнымъ крестьянамъ. Екатерининское законодательство и практика Екатерининскаго правительства опять-таки весьма мало удовлетворяли его въ этомъ вопросѣ. Нижняя расправа столь же мало нравилась ему, какъ и городской магистратъ, и отчасти по тѣмъ же самымъ причинамъ. «Желаніе ровности, до неумѣренности доведенное,—съ горечью замѣчалъ онъ—учинило, что изъ послѣдняго и непросвѣщеннѣйшаго рода людей судьи избираются»,—порядокъ, отъ котораго онъ не ждалъ никакихъ добрыхъ послѣдствій. Участіе въ судѣ можетъ только отвлечь крестьянъ отъ земледѣлія, и тогда они, возгордившись, станутъ «тиранами другимъ своимъ собратьямъ». Самый судъ равныхъ полезенъ лишь потому, что обезпечиваетъ бо́льшую справедливость, «а можетъ ли она быть отъ глупыхъ, грубыхъ и непросвѣщенныхъ людей»? «Не такъ легко—продолжалъ авторъ свои пессимистическія разсужденія—и не такъ полезно просвѣтиться народу, какъ думаютъ; ибо малое просвѣщеніе ведетъ токмо въ вящшія заблужденія и къ духу неподданства, а нужно нравственное просвѣщеніе». Ссылаясь на примѣръ духовенства, которое, по его мнѣнію, «имѣетъ малое просвѣщеніе безъ нравовъ» и потому является «наивреднѣйшими людьми въ государствѣ», впадая въ такія преступленія, какъ разбой, корчемство и т. п., авторъ обращался, наконецъ, къ мрачнымъ предсказаніямъ: «и ежели—писалъ онъ—народъ подлой просвѣтится и будетъ сравнивать тягости своихъ налоговъ съ пышностію государя и вельможъ, не зная, впрочемъ, ни нужды государства, ни пользы самой пышности, тогда не будетъ ли онъ роптать на налоги, а, наконецъ, не произведетъ ли сіе и бунта»? Всѣ такія соображенія приводили писателя къ проекту замѣны крестьянскаго суда особыми опекунами, которыхъ бы сами крестьяне избирали на годовой срокъ, сохраняя за собою право по истеченіи его избрать ихъ вновь или замѣнить другими [1]).

Съ этими разсужденіями о вліяніи просвѣщенія на народъ не безъинтересно во всякомъ случаѣ сопоставить составленный Щербатовымъ, когда онъ занималъ должность герольдмейстера, проектъ народнаго образованія. Указывая на примѣръ средневѣковой Европы, авторъ считалъ необходимымъ передать дѣло просвѣщенія народа въ руки духовенства, которое онъ и рекомендовалъ прежде всего «начать просвѣщать». Существовавшія въ его время духовныя семинаріи не удовлетворяли его, главнымъ образомъ, въ виду чрезмѣрной высоты ихъ курса: это послѣднее обстоятельство давало возможность лишь немногимъ окончить ученіе въ нихъ, но и эти немногіе

---

[1]) «Статистика въ разсужденіи Россіи», тамже, 616—618.

выходили «учеными латинщиками», мало пригодными для вліянія на «грубые и непросвѣщенные разумы». Исходя изъ той мысли, что для сельскихъ жителей нужны лишь священники, которые умѣли бы внятно читать, знали краткій катехизисъ, священную и церковную исторію и «выучены были правиламъ правоучительнымъ», онъ предлагалъ раздѣлить учениковъ семинарій на два разряда, такъ, чтобы болѣе способные изучали древніе языки, философію и богословіе, а менѣе способные, готовясь въ сельскіе священники, проходили указанный упрощенный курсъ и затѣмъ назначались въ лучшіе приходы, гдѣ и обучали бы своихъ прихожанъ. Вспомогательными средствами при обученіи могли бы служить составленныя для этихъ учениковъ руководства, которыя авторъ предлагалъ разослать по всѣмъ церквамъ и пустить въ продажу «съ самою малою прибылью», и проповѣди, которыя были бы сочинены «кѣмъ напросвѣщеннѣйшимъ изъ сановниковъ церкви» и читались бы во всѣхъ храмахъ [1]). Духовная пища, которую писатель считалъ возможнымъ предложить народу, не отличалась, такимъ образомъ, особеннымъ разнообразіемъ и изысканностью, и ея значеніе сводилось къ воспитанію нравственныхъ чувствъ, которое на практикѣ, конечно, должно было оказаться совершенно мнимымъ.

Экономическій бытъ крестьянства также, и едва-ли еще не въ большей мѣрѣ, привлекалъ вниманіе Щербатова. Считая земледѣліе главною основою благосостоянія всякой страны [2]), онъ съ сожалѣніемъ отмѣчалъ тотъ фактъ, что въ Россіи многіе крестьяне отвлекались отъ этого занятія другими промыслами. Объясненіе этому онъ находилъ въ увеличеніи со времени Петра какъ государственныхъ податей, такъ и владѣльческихъ оброковъ, благодаря тому, что «помѣщики узнали многія спокойствія жизни», и въ недостаткѣ земли у многихъ крестьянъ; даже у государственныхъ крестьянъ «множество не имѣетъ и по осьминѣ на работника высѣять». Для борьбы съ отвлеченіемъ крестьянъ отъ хлѣбопашества онъ совѣтовалъ постепенно лишать ихъ тѣхъ промысловъ, которые «прямо городамъ принадлежатъ», и раздавать даромъ помѣщикамъ и крестьянамъ казенныя пустыя земли въ Бѣлогородской и Воронежской губерніяхъ. Практиковавшаяся въ его время раздача и продажа казенныхъ земель обращалась, по его утвержденію, исключительно въ пользу вельможъ и богатыхъ людей, которые захватили «многія тысячи десятинъ», и, не заботясь объ ихъ заселеніи и обработкѣ, пользовались ими для скотоводства [3]). Было бы большою ошибкою на осно-

[1]) «Проектъ о народномъ изученіи». Соч., I. 728—33.

[2]) «Никогда не можетъ быть та благополучна страна, гдѣ пропитаніе жителей не на земледѣліи основано». «Статистика въ разсужденіи Россіи». Соч., I. 481.

[3]) Тамже, 491—2; «Разсужденіе о нынѣшнемъ въ 1787 году голодѣ». тамже, 638.

зацiи приведеннаго пожеланiя счесть Щербатова своего рода сторонникомъ самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства. Подобныя идеи не умѣщались въ рамки его общихъ представленiй и крестьянство въ его планахъ и проектахъ всегда играло чисто служебную роль. Исходя изъ своихъ правовыхъ взглядовъ и агрономическихъ соображенiй, онъ представлялъ въ мрачномъ свѣтѣ даже такой крупный въ исторiи русскаго крестьянства и благопрiятный для него фактъ, какъ отобранiе имѣнiй у монастырей и образованiе изъ бывшихъ монастырскихъ т. н. экономическихъ крестьянъ. По мнѣнiю публициста, правительство не имѣло права на этотъ шагъ, а, разъ рѣшившись на него, должно было отобранныя деревни возвратить потомкамъ тѣхъ лицъ, которыя нѣкогда жертвовали ихъ въ монастыри. Кромѣ того, онъ находилъ, что эта реформа повела къ паденiю хозяйства въ данныхъ имѣнiяхъ, такъ какъ старыя хозяйственныя заведенiя монастырей были въ ея результатѣ или раззорены, или запущены, а вновь установленные казначеи и управители «или сами крестьянъ раззоряютъ, или крестьянамъ же крестьянъ раззорять даютъ». Для поправленiя дѣла онъ совѣтовалъ устроить въ этихъ имѣнiяхъ ежегодно выбираемыхъ крестьянами опекуновъ изъ дворянъ, которые получали бы опредѣленное жалованье; еще лучше было бы, по его мнѣнiю, «раздробя деревни, отдать ихъ на аренду: сiе бы послужило къ поправленiю состоянiя множества бѣдныхъ дворянъ и къ умноженiю государственныя экономiи» [1]). Завѣтные планы Щербатова не исчерпывались, впрочемъ, этимъ предложенiемъ и шли еще гораздо дальше. «Для обновленiя упадшаго у насъ земледѣлiя» онъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ произведенiй проектировалъ «продать всѣ государственныя и экономическiя деревни дворянамъ, считая кругомъ по 80 р. за душу», а цѣну мельницъ и другихъ оброчныхъ статей опредѣляя путемъ капитализацiи дохода изъ 5%. Въ отвращенiе злоупотребленiй онъ предполагалъ распредѣлить продаваемыя деревни между дворянами по чинамъ и производить продажу по жребiю, съ разрѣшенiемъ мѣняться участками. Въ дальнѣйшемъ путемъ довольно наивной манипуляцiи эта продажа обращалась въ почти даровую раздачу и яркими красками рисовались благодѣянiя, какiя должны получиться въ результатѣ такой мѣры. «Продажу бы сiю—мечталъ писатель—сдѣлать, не бравъ деньги, но бравъ въ залогъ самыя сiи деревни безсрочно, съ платежемъ процентовъ; отъ сего бы пользы слѣдующiя произошли: каждый бы старался умножить разныя домостройствы въ сихъ деревняхъ; дворянство бы обогатилось, земледѣлiе и другiя домоводствы умножились, службы бы наградились, крестьяне лучше бы управляемы и защищены были, доимокъ не было и казна не токмо бы потеряла, но нашла прибыль въ денежномъ своемъ доходѣ», такъ какъ съ каждой тысячи

[1]) «Статистика въ разсужденiи Россiи», тамже, 598-9, 602—3.

крестьянъ, вмѣсто 3,000 р. податей, получила бы съ пошлинами 84,000 р., слѣдовательно, 4,200 р. процентовъ въ годъ. При всемъ томъ Щербатовъ и самъ понималъ, что его проекту суждено остаться въ области мечтаній. «Коль онъ ни есть полезенъ, съ нескрываемою горечью замѣчалъ онъ—но исполненъ не будетъ до того, пока у насъ не познаютъ прямую пользу Короны, чего и въ сто лѣтъ не уповательно быть». Вслѣдствіе сознаваемой имъ самимъ невозможности исполненія даннаго плана онъ проектировалъ, по крайней мѣрѣ, устройство «государственной коллегіи или приказа земледѣлія и домоводства», причемъ въ число обязанностей этой коллегіи входило бы приведеніе въ извѣстность казенныхъ пустыхъ земель и распродажа лишней противъ потребностей государственныхъ крестьянъ земли помѣщикамъ, для поселенія ихъ малоземельныхъ крестьянъ, по умѣренной цѣнѣ, которую «покупающій воленъ платить или не платить», внося въ послѣднемъ случаѣ съ капитальной суммы ежегодно по пяти процентовъ [1]). Казалось бы, помѣщичье хозяйство, для котораго писатель считалъ возможнымъ требовать столь крупныхъ жертвъ отъ государства, должно было стоять въ агрономическомъ отношеніи образцово, и такъ, дѣйствительно, и трактовалъ его Щербатовъ въ своихъ общихъ разсужденіяхъ. Но въ одномъ изъ своихъ произведеній онъ далъ болѣе подробную картину этого хозяйства и она оказалась очень печальной. По сознанію горячаго защитника дворянскаго землевладѣнія, почти никто изъ дворянъ не велъ сколько-нибудь рачительно и успѣшно своего земледѣльческаго хозяйства: бѣдные помѣщики отвлекались службой въ городахъ, которая давала имъ болѣе дохода, многіе изъ богатыхъ также заняты были службой и, наконецъ, «достаточные и благоразумные», жившіе въ деревняхъ, не могли сами слѣдить за своими, разбросанными въ разныхъ губерніяхъ, имѣніями и не находили достаточно надежныхъ для этого людей [2]). Экономическія жертвы отъ государства требовались, стало быть, не столько ради улучшенія сельскаго хозяйства, сколько для поддержанія дворянскаго благополучія.

Мы можемъ теперь свести конечные результаты своихъ наблюденій и ясно представить себѣ тотъ идеалъ, который былъ выработанъ Щербатовымъ. Государство, проектированное имъ, должно было носить свѣтскій характеръ; подчиняя себѣ церковь, оно воспринимало однако нѣкоторую конфессіональную окраску и вмѣстѣ съ тѣмъ не отказывалось отъ вмѣшательства въ сферу религіозныхъ убѣжденій и борьбы съ ними при помощи насильственныхъ средствъ, разъ эти убѣжденія не отвѣчали его требованіямъ. Отношенія между властью и гражданами государства въ представленіи публициста покоились на началахъ нѣкоторой, довольно умѣренной, полити-

[1]) «Разсужденіе о нынѣшнемъ въ 1787 году голодѣ». Соч., I, 667—8, 674—6.

[2]) Тамже, 636—7.

ческой свободы и правомѣрности дѣйствій власти, но то и другое, свобода и законность, находили себѣ лишь весьма узкую сферу приложенія, примѣняясь въ полномъ объемѣ лишь къ высшей общественной группѣ, по своимъ нравственнымъ свойствамъ и соціальному положенію рѣзко отдѣленной отъ остальной массы народа. Въ то время, какъ эта высшая группа, иначе говоря, дворянское сословіе, измѣняя на указанныхъ началахъ свои отношенія къ правительственной власти, вмѣстѣ съ тѣмъ во имя прирожденнаго ему благородства получало рядъ важныхъ привилегій, низшія сословія должны были утратить часть даже тѣхъ небольшихъ правъ, которыя они въ дѣйствительности имѣли, и частью подчинить свою дѣятельность интересамъ дворянства, какъ это было съ городскимъ классомъ, частью стать къ нему въ положеніе почти совершенно безправныхъ его рабовъ, какъ это проектировалось относительно крестьянства. Въ послѣднемъ итогѣ дворянство, освобожденное почти отъ всякихъ обязательствъ передъ государствомъ, получало въ свое распоряженіе если не всѣ, то большую часть государственныхъ силъ и средствъ. Такой идеалъ во всякомъ случаѣ не вполнѣ совпадалъ съ дѣйствительностью. Какія же средства, какіе пути указывалъ его творецъ для осуществленія его въ жизни, гдѣ онъ видѣлъ силы, которыя помогли бы такому осуществленію? Такихъ путей Щербатовымъ было указано два. Въ заключеніи своего извѣстнаго труда «О поврежденіи нравовъ въ Россіи» онъ ожидалъ улучшеній въ отечествѣ отъ воцаренія государя, одареннаго высокими нравственными качествами, «могущаго имѣть довольно великодушія и любви къ отечеству, чтобы составить и передать основательныя права государству и довольно тверда, чтобы ихъ исполнять» [1]). Въ одномъ же изъ послѣднихъ, если не въ послѣднемъ произведеніи своемъ, озаглавленномъ: «Оправданіе моихъ мыслей и часто съ излишнею смѣлостью изглаголанныхъ словъ», онъ переносилъ иниціативу возбужденія вопроса о реформѣ на наиболѣе заинтересованное въ ней дворянское сословіе, убѣждая его «принять духъ благородный, духъ твердости и любви отечества, представить предъ престолъ монаршій тугу состоянія отечества нашего» [2]). Можно думать, однако, что самъ Щербатовъ не особенно вѣрилъ въ возможность подвинуть сословіе на этотъ путь. По крайней мѣрѣ, въ его идеальномъ государствѣ—«Офирской землѣ» благотворный переворотъ производитъ великій и добродѣтельный монархъ по собственному побужденію,—черта, характерная для оцѣнки дѣйствительной силы даннаго направленія.

Мы не будемъ уже останавливаться на только что помянутомъ утопическомъ произведеніи Щербатова — «Путешествіе въ землю Офирскую»,

[1]) Сочиненія, II, 243—4.
[2]) Тамже, 268.

едва-ли не на самомъ слабомъ его трудѣ и по силѣ обнаруженнаго въ немъ таланта, и по характеру содержанія [1]). На половину памфлетъ, на половину идиллія, оно заключаетъ въ себѣ слишкомъ мало полета мысли для утопіи и написано слишкомъ блѣдными и тусклыми красками для того, чтобы имѣть значеніе сатиры. Въ немъ такъ мало фантазіи, что дѣйствующія лица не только говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, но и обладаютъ всѣ почти одною и тою же наружностью; такъ мало утопіи, что въ изображаемомъ имъ идеальномъ государствѣ оказываются крѣпости, служащія не только для отраженія внѣшнихъ враговъ, но и для усмиренія бунтующихъ гражданъ. Здѣсь мы находимъ и департаментъ для составленія законовъ, въ томъ видѣ, какъ мы познакомились съ нимъ ранѣе, и архивъ вотчинной коллегіи съ устройствомъ, проектированнымъ Щербатовымъ для современнаго ему архива, и многія еще другія детали. Наиболѣе же крупныхъ вопросовъ Щербатовъ не успѣлъ разработать въ этомъ недоконченномъ имъ трудѣ, если не считать вопроса о религіи, о чемъ было у насъ упомянуто раньше. Въ общемъ въ этомъ произведеніи можно наблюдать то же соединеніе политическаго свободомыслія съ узко-сословнымъ эгоизмомъ, столь характерное для Щербатова, соединившаго уроки западно-европейской теоріи съ впечатлѣніями русской дѣйствительности въ одно цѣльное, но узкое міросозерцаніе.

Направленіе, которое было порождено встрѣчей западной политической мысли съ русскимъ крѣпостничествомъ и яркимъ представителемъ котораго явился Щербатовъ, не умерло вмѣстѣ съ послѣднимъ и съ его эпохой. Послѣдовавшій за блестящимъ по внѣшности царствованіемъ Екатерины кратковременный періодъ правленія Павла наглядно показалъ широкимъ кругамъ дворянскаго общества, на чемъ основывались всѣ ихъ привилегіи, и это обстоятельство дало сильный толчокъ идейному движенію, сообщивъ ему бо́льшую серьезность и сознательность. Блестящій ораторъ Государственнаго Совѣта Александровской эпохи, корреспондентъ и другъ Бентама, Мордвиновъ далеко опередилъ людей Екатерининскаго времени въ глубинѣ пониманія западныхъ учрежденій и идей, но при внимательномъ наблюденіи не трудно открыть черты разительнаго сходства между нимъ и тяжеловѣснымъ, неуклюжимъ ученикомъ «господина Монтескье»—Щербатовымъ. Побѣда въ спорѣ общественныхъ силъ не досталась однако на долю дан-

[1]) Объ этомъ произведеніи Щербатова см. талантливую статью г. Кизеветтера: «Русская утопія XVIII вѣка» (въ сборникѣ «Помощь евреямъ, пострадавшимъ отъ неурожая», СПБ. 1901); о немъ же см. въ статьѣ г. Пыпина («Вѣстникъ Европы», 1896 г., № 11) и г. Чечулина («Русскій соціальный романъ XVIII вѣка», «Ж. М. Н. Пр.», 1900 г., № 1). Попытку общей характеристики Щербатова см. еще въ статьѣ М. А. Дьяконова: «Выдающійся русскій публицистъ XVIII вѣка» («Вѣстникъ Права», 1904, № 7).

наго направленія и колесо исторіи повернулось не въ ту сторону, въ какую хотѣли его направить Щербатовъ и его ближайшіе преемники. Но по мѣрѣ того, какъ выяснялся этотъ общій результатъ, разъединялись и становились во враждебное отношеніе и отдѣльныя части нѣкогда цѣльной програмы. Самъ Щербатовъ основывалъ свой планъ общей реформы на опредѣленномъ соціальномъ фундаментѣ и съ своей точки зрѣнія довольно послѣдовательно предсказывалъ результаты паденія крѣпостного права для дворянскаго общества: «что болѣе сей ключъ дворянскихъ доходовъ будетъ уменьшаться, то болѣе дворянство въ дѣйствительную нищету, въ загрубѣлость, въ уныніе и въ другія злы неизбѣжныя впадетъ» [1]). Нѣкоторую «загрубѣлость и унынiе», дѣйствительно, пришлось наблюдать позднѣйшимъ поколѣніямъ. Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе представители сословныхъ притязаній забывали правило, на которомъ настаивалъ ихъ предшественникъ Екатерининской эпохи, которымъ онъ оправдывалъ свои горькія укоризны современности: «уподленіе духа никогда не дѣлаетъ честныхъ людей и есть ужасно и безумно требовать, что болѣе мы глупы будемъ, то лутчіе будемъ граждане» [2]).

[1]) Сочиненія кн. М. М. Щербатова, I, 160.
[2]) Тамже, 333—4.

III.

На зарѣ русской общественности.

Восемнадцатое столѣтіе, открывшее собою новый періодъ въ исторіи русскаго государства, въ жизни русскаго общества явилось временемъ рѣзкаго разграниченія сословныхъ группъ. То зданіе «крѣпостного устава», фундаментъ котораго былъ заложенъ еще въ старомъ московскомъ государствѣ, было быстро достроено въ концѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Крестьянское прикрѣпленіе за это время окончательно превратилось въ крѣпостную неволю и одновременно бывшій государевъ служилый человѣкъ выросъ въ благороднаго россійскаго дворянина, привилегированнаго владѣльца крѣпостныхъ душъ. Освободившись отъ личныхъ обязанностей по отношенію къ государству, дворянинъ XVIII вѣка вмѣстѣ съ тѣмъ успѣлъ сосредоточить въ своихъ рукахъ значительную долю государственной власти надъ массою крѣпостного крестьянства. Ко второй половинѣ столѣтія воздвигавшееся такимъ путемъ зданіе сословныхъ привилегій дворянства было въ общихъ чертахъ уже готово и на долю Екатерининской эпохи досталось лишь завершеніе и увѣнчаніе его.

Но на ряду съ этимъ процессомъ измѣненія соціальнаго строя въ жизни общества шелъ и другой процессъ, лишь на первыхъ порахъ совпадавшій въ своихъ результатахъ съ упомянутымъ выше. Сближеніе съ Западомъ, предпринятое первоначально государственною властью ради ея спеціальныхъ нуждъ, скоро стало цѣлью самостоятельныхъ стремленій русскаго общества. Правда, на первыхъ порахъ стремленія, направленныя въ эту сторону, не отличались ни особенной глубиной, ни большою сознательностью. Верхи русскаго общества, располагавшіе теперь большимъ досугомъ и щедро надѣленные матеріальными средствами, жадно набросились на внѣшнюю оболочку европейской цивилизаціи, мало обращая вниманія на внутреннее ея существо. Нерѣдко такое заимствованіе шло и далѣе условій матеріальной обстановки, продолжая, однакоже, оставаться чисто поверхностнымъ. Идеи, составлявшія на Западѣ величайшія завоеванія человѣческой мысли, дававшія содержаніе жизни цѣлыхъ поколѣній, переносились въ Россію въ качествѣ болѣе или менѣе красивыхъ декорацій барскаго быта, не оказывая

на него сколько-нибудь глубокаго вліянія. Фразы о равенствѣ людей спокойно уживались въ этомъ быту рядомъ съ грубѣйшими насиліями крѣпостного права, восхваленія свободы нисколько не мѣшали широкому распространенію культа безправія. Заимствованныя слова не претворялись въ идеи и, не проникая въ глубину сознанія, не находили себѣ и никакого реальнаго примѣненія въ жизни. На этой своей ступени европейское вліяніе лишь расширяло и углубляло ту пропасть, какая была вырыта между русскими общественными классами условіями ихъ соціальнаго развитія. Грубая роскошь барства, ослѣплявшая глаза современниковъ этой эпохи, оплачивалась быстро возраставшею тяжестью невольнаго крестьянскаго труда, а верхушки европейскаго просвѣщенія, схваченныя высшими классами общества, лишь рѣзче подчеркивали грань, раздѣлявшую эти классы отъ невѣжественной массы народа.

Однакоже, разъ войдя въ русскую жизнь, западное вліяніе постепенно стало отвоевывать себѣ въ ней и иного рода роль, болѣе самостоятельную и активную. До извѣстной степени путь къ завоеванію такой роли былъ для него расчищенъ. Средневѣковыя понятія и представленія, составлявшія содержаніе умственной жизни московской Руси, были изжиты ею уже къ концу XVII вѣка, когда несостоятельность ихъ обнаружилась съ полною очевидностью. Съ той поры старое міросозерцаніе потеряло безграничную власть надъ умами не только высшихъ слоевъ общества, но и значительной части народа. Но въ то время, какъ народная масса, отрѣзанная отъ просвѣщенія и предоставленная лишь собственнымъ своимъ силамъ, искала основъ новаго міросозерцанія почти исключительно на почвѣ религіозныхъ представленій, передъ верхними слоями русскаго общества открылась широкая дорога къ источникамъ европейскаго просвѣщенія. Моментъ, въ который они ступили на эту дорогу, совпадалъ съ необычайнымъ оживленіемъ философской и научной мысли на самомъ Западѣ. Какъ разъ въ это время просвѣтительная философія гордо поднимала во Франціи свое знамя и во имя требованій разума начинала ожесточенную борьбу съ остатками феодально-католическаго строя. Такимъ образомъ, едва успѣвъ выработать себѣ формы замкнутаго сословнаго быта, русское общество становилось свидѣтелемъ могучаго идейнаго движенія, заключавшаго въ себѣ горячій протестъ противъ основныхъ принциповъ подобнаго быта, и вступало даже въ извѣстное общеніе съ этимъ движеніемъ. Противорѣчіе, заключавшееся въ такомъ положеніи вещей, могло оставаться невскрытымъ лишь до той поры, пока самое общеніе съ Западомъ носило чисто внѣшній и механическій характеръ. Для большинства общества оно и оставалось такимъ втеченіе всего восемнадцатаго столѣтія. Но, по крайней мѣрѣ, небольшая часть русскаго общества успѣла за это время перейти отъ простого заимствованія иноземныхъ обычаевъ и взглядовъ къ сознательному усвоенію плодовъ тео-

ретической мысли Запада. Прямымъ послѣдствіемъ такого перехода для испытавшихъ его общественныхъ группъ и отдѣльныхъ личностей явились попытки осмыслить собственное положеніе и выработать новое міросозерцаніе на основѣ вновь пріобрѣтенныхъ знаній и взглядовъ. Не одинаково складываясь у различныхъ группъ общества, въ разной мѣрѣ испытавшихъ на себѣ воздѣйствіе западныхъ вѣяній, эти попытки во всякомъ случаѣ уводили мысль на новые пути и неизбѣжно порождали критику русской дѣйствительности съ новыхъ точекъ зрѣнія. Такъ на почвѣ общенія съ умственными теченіями Запада зарождалось идейное движеніе въ нѣдрахъ самого русскаго общества. Съ однимъ изъ представителей этого движенія мы имѣли уже случай познакомиться въ предъидущей статьѣ. Въ рамкахъ настоящаго очерка я попытаюсь представить читателю характеристику другого, быть можетъ, самаго крупнаго, изъ дѣятелей названнаго движенія—А. Н. Радищева. Въ томъ пути, какимъ сложилось міровоззрѣніе этого замѣчательнаго человѣка, и въ той судьбѣ, какая выпала на его долю въ жизни, ярко отразились характеръ и результаты умственнаго движенія, ознаменовавшаго собою послѣднія десятилѣтія XVIII вѣка въ Россіи.

I.

О раннихъ годахъ жизни Радищева сохранились лишь краткія и отрывочныя свѣдѣнія. Онъ родился 20 августа 1749 г., въ зажиточной дворянской семьѣ, по своему происхожденію принадлежавшей къ массѣ рядового русскаго дворянства. Дѣдъ его изъ Петровскихъ потѣшныхъ дослужился до бригадирскаго чина и путемъ женитьбы на богатой невѣстѣ пріобрѣлъ имѣніе въ Саратовской губерніи. Сынъ его, отецъ писателя, былъ помѣщикомъ средней руки, по своему времени довольно образованнымъ и гуманнымъ, хотя его образованіе мирно уживалось съ немалою долею суевѣрія. Въ его отношеніяхъ къ крестьянамъ не было жестокости и его крѣпостные, въ свою очередь, любили добраго помѣщика. Впослѣдствіи Пугачевщина, оставившая по себѣ кровавые слѣды во многихъ дворянскихъ семьяхъ Екатерининской эпохи, не коснулась семьи Радищевыхъ, благодаря крестьянамъ, которые не указали полчищамъ самозванца убѣжища своего помѣщика и спрятали у себя нѣкоторыхъ изъ его дѣтей. Первые годы дѣтства А. Н. Радищева прошли въ саратовской деревнѣ его отца. Здѣсь началось и его ученіе, не отклонявшееся первоначально отъ обычнаго для того времени пути. Читать онъ выучился по часослову и псалтырю, а, когда онъ достигъ шестилѣтняго возраста, къ нему былъ приглашенъ учитель французъ. Громадный спросъ, существовавшій въ тогдашней Россіи на педагоговъ иностраннаго происхожденія, и низкія требованія, предъявлявшіяся къ нимъ необразованнымъ обществомъ, создали

увѣковѣченный въ позднѣйшей сатирической литературѣ типъ случайнаго педагога, видѣвшаго въ учительской профессіи исключительно выгодное ремесло и бравшагося за нее безъ малѣйшаго о ней понятія. Подобный педагогъ достался и на долю Радищева. Первый его учитель оказался бѣглымъ солдатомъ и вскорѣ былъ удаленъ. Послѣ того отецъ отправилъ Радищева къ своему родственнику въ Москву, гдѣ онъ и воспитывался втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ наблюденіемъ опять-таки француза-гувернера, который на родинѣ былъ совѣтникомъ руанскаго парламента, но бѣжалъ отъ преслѣдованій правительства Людовика XV и укрылся въ Россіи. Въ Москвѣ Радищевъ пользовался, сверхъ того, и уроками профессоровъ только что открытаго здѣсь университета, но всѣ эти уроки едва-ли могли идти далѣе усвоенія элементарныхъ свѣдѣній. Тринадцати лѣтъ отъ роду Радищевъ былъ уже переведенъ отцомъ въ Петербургъ и помѣщенъ въ пажескій корпусъ, въ которомъ и пробылъ до 1766 года, дѣля свое время между учебными занятіями и дежурствами при дворѣ императрицы. Въ пажескомъ корпусѣ, который, подобно большинству русскихъ учебныхъ заведеній этой эпохи, обладалъ широкой и разносторонней программой, плохо, однако, примѣнявшейся на практикѣ [1]), Радищевъ выдѣлился изъ среды товарищей своими блестящими способностями, но, надобно думать, не могъ пріобрѣсти особенно серьезныхъ познаній. Тѣмъ временемъ въ его судьбѣ готовился серьезный поворотъ, опредѣлившій собою не только дальнѣйшій ходъ его образованія, но и всю его послѣдующую жизнь. Екатерина II, въ эту пору своей жизни увлекавшаяся мыслью о широкихъ реформахъ, испытывала нужду въ образованныхъ чиновникахъ и, желая «получить людей, къ службѣ политической и гражданской способныхъ» [2]), вознамѣрилась для этой цѣли воспользоваться услугами заграничныхъ университетовъ. Для осуществленія плановъ императрицы въ 1766 году рѣшено было отправить въ Лейпцигскій университетъ на казенный счетъ двѣнадцать молодыхъ дворянъ, въ томъ числѣ шесть пажей, изъ наиболѣе способныхъ къ наукамъ. Въ число избранныхъ пажей попалъ и Радищевъ, и въ сентябрѣ 1766 года онъ уже выѣхалъ съ новыми своими товарищами за границу.

---

[1]) Согласно составленному академикомъ Миллеромъ плану, пажи должны были обучаться: русскому языку и каллиграфіи; математикѣ, ариѳметикѣ геометріи, тригонометріи, геодезіи, фортификаціи, артиллеріи, механикѣ; философіи, морали, естественному и народному праву; исторіи, географіи, генеалогіи и геральдикѣ; юриспруденціи, гражданскому и государственному праву и церемоніаламъ (Сухомлиновъ, Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію, СПБ. 1889, т. I, сс. 543—4). Легко видѣть, что съ такимъ количествомъ предметовъ мудрено было основательно познакомить малолѣтнихъ учениковъ въ 4 года.

[2]) Сборникъ Русскаго Истор. Общества, т. X, 116.

Такимъ образомъ семнадцатилѣтнимъ юношей Радищевъ изъ классовъ пажескаго корпуса непосредственно перешелъ въ аудиторію нѣмецкаго университета, и мѣсто впечатлѣній отъ русскаго придворнаго быта въ его умѣ заняли наблюденія надъ западно-европейскою жизнью. При всей рѣзкости такого перехода его благотворное вліяніе не замедлило сказаться. Научныя занятія скоро сдѣлались господствующимъ интересомъ въ кружкѣ лейпцигскихъ стипендіатовъ. Главаремъ и руководителемъ кружка въ этомъ отношеніи явился старшій членъ его, Ѳ. В. Ушаковъ. Въ Россіи онъ занималъ уже видное мѣсто, обѣщавшее ему быструю служебную карьеру, но, когда рѣшена была посылка молодыхъ людей въ Лейпцигъ, онъ увлекся желаніемъ пополнить свое образованіе и исхлопоталъ себѣ назначеніе въ число отправлявшихся за границу дворянъ. Благодаря своему сравнительно болѣе зрѣлому возрасту и твердому характеру, Ушаковъ быстро пріобрѣлъ сильное вліяніе на своихъ товарищей и, самъ со страстью отдаваясь наукѣ, поддерживалъ и во всемъ кружкѣ энтузіазмъ къ научнымъ занятіямъ. Плоды этого энтузіазма скоро стали замѣтны и постороннему глазу. Черезъ полтора года по прибытіи русскихъ студентовъ въ Лейпцигъ русскій посланникъ въ Дрезденѣ сообщалъ объ ихъ успѣхахъ такіе отзывы: «всѣ генерально съ удивленіемъ признаются, что въ толь короткое время они оказали знатные успѣхи и не уступаютъ въ знаніи самымъ тѣмъ, которые издавна тамъ обучаются; особливо же хвалятъ и находятъ отмѣнно искусными: во-первыхъ, старшаго Ушакова, а по немъ—Янова и Радищева, которые превзошли чаяніе своихъ учителей» [1]).

Ранѣе однако, чѣмъ русскіе студенты получили возможность свободно отдаться научнымъ занятіямъ и впечатлѣніямъ заграничной жизни, имъ пришлось пережить довольно серьезное испытаніе, длившееся немалое время. Порядокъ ихъ занятій и жизни въ Лейпцигѣ былъ опредѣленъ инструкціей, составленной самою Екатериной. Согласно этой инструкціи, студентамъ предписывалось «обучаться всѣмъ латинскому, нѣмецкому, французскому и, если возможно, словянскому языкамъ; всѣмъ обучаться моральной философіи, исторіи, а наипаче праву естественному и всенародному и нѣсколько и Римской имперіи праву». «Прочимъ наукамъ обучаться—продолжала инструкція—оставить всякому на произволеніе». На каждаго студента отпускалось изъ казны въ годъ 800 р.; изъ этой суммы, сверхъ расходовъ на содержаніе студентовъ, имъ должны были еще выдаваться карманныя деньги на мелкіе расходы. Позднѣе эта, довольно значительная по тогдашнему времени, сумма была еще повышена до 1.000 р. въ годъ. Надзоръ за ученіемъ и поведеніемъ студентовъ возлагался инструкціей на особаго инспектора, права котораго, въ свою очередь, точно опредѣлялись

[1]) Сухомлиновъ, назв. соч., сс. 546—7.

ею. «Если кто изъ дворянъ—гласилъ одинъ изъ параграфовъ инструкціи—явится въ поступкахъ неисправнымъ или въ ученіи нерадивымъ, того инспектору увѣщевать прежде наединѣ. А послѣ, если не исправится, выговаривать при всѣхъ дворянахъ; если же и симъ не удовольствуется, объявлять професcору». Наконецъ, еслибы и это средство не помогло, инспекторъ обязывался обратиться къ ближайшему русскому посланнику для отправленія виновнаго «при первомъ удобномъ случаѣ въ Россію, дабы втунѣ государственная казна не была на него трачена». Никакихъ же наказаній инспекторъ не могъ налагать на студентовъ [1]).

Дѣйствительность, ожидавшая русскихъ студентовъ въ Лейпцигѣ, плохо согласовалась съ предписаніями инструкціи. Назначенный инспекторомъ или «гофмейстеромъ» молодыхъ дворянъ майоръ Бокумъ былъ человѣкъ грубый, до крайности корыстолюбивый и жестокій. Не довольствуясь своимъ жалованіемъ и подарками, которые онъ получалъ отъ родителей порученныхъ ему дворянъ, онъ удерживалъ еще въ свою пользу немалую часть казенныхъ денегъ, отпускавшихся на одежду, пищу и квартиру студентовъ. Благодаря этой своеобразной экономіи, послѣдніе помѣщались въ темныхъ, сырыхъ и грязныхъ квартирахъ, вынуждены были иногда носить платье съ чужого плеча, порою даже голодали. Проѣзжавшій черезъ Лейпцигъ кабинетъ-курьеръ Яковлевъ сообщалъ позднѣе въ Россіи, что, во время пребыванія его въ этомъ городѣ, Бокумъ кормилъ студентовъ несвѣжей провизіей; Радищевъ въ это время «за болѣзнію къ столу ходить не могъ, а отпускалось ему кушанье на квартиру. Онъ—прибавлялъ Яковлевъ—въ разсужденіи его болѣзни, за отпускомъ худого кушанья, прямой претерпѣваетъ голодъ» [2]). На этой почвѣ между гофмейстеромъ и студентами скоро возникли рѣзкія столкновенія, еще осложнившіяся тѣмъ, что Бокумъ смотрѣлъ на молодыхъ людей, къ которымъ онъ былъ приставленъ, какъ на дѣтей, обязанныхъ во всемъ безпрекословно повиноваться его волѣ, и вопреки инструкціи не стѣснялся примѣнять къ нимъ разнообразныя наказанія, не исключая и тѣлесныхъ. «Не зналъ нашъ путеводитель,—разсказывалъ впослѣдствіи объ этомъ Радищевъ—что худо отвергать справедливое подчиненныхъ требованіе и что высшая власть сокрушалась иногда отъ безвременной упругости и безразсудной строгости. Мы стали отважнѣе въ нашихъ поступкахъ, дерзновеннѣе въ требованіяхъ и отъ повторяемыхъ оскорбленій стали, наконецъ, презирать его власть» [3]). Единичныя столкновенія перешли въ систематическую борьбу: студенты все чаще отказывали своему оффиціальному руководителю въ повиновеніи,

[1]) Сборникъ Русск. Истор. Общества, X, 107—111.

[2]) Сухомлиновъ, назв. соч., с. 545.

[3]) Собраніе оставшихся сочиненій покойнаго А. Н. Радищева, М. 1811, ч. V, с. 23.

Бокумъ чаще и чаще прибѣгалъ къ унизительнымъ наказаніямъ непокорныхъ, сѣкъ ихъ розгами, билъ фухтелями и т. п. Не довольствуясь обычными видами наказаній, онъ самъ изобрѣлъ новую кару. Курьеръ Яковлевъ «видѣлъ выдуманную Бокумомъ клѣтку, въ которую намѣренъ онъ былъ запирать и сажать дворянъ въ такомъ тѣсномъ и переломномъ и тѣмъ самымъ здоровью ихъ опасномъ весьма положеніи, что въ ней ни стоять, ни сидѣть на остроконечныхъ перекладинахъ прямо не можно. И чтобъ хитрому вымыслу сему ничего не доставало, то похвалялся его высокоблагородіе клѣтку сію и въ оной заключеннаго, поднявъ на блокѣ, держать чрезъ опредѣляемое къ тому время повѣшанною на воздухѣ» [1]). Жалобы студентовъ, пытавшихся указать на то, «въ коль несчастную и горестную жизнь ввергнулъ ихъ г. маіоръ Бокумъ», частью перехватывались послѣднимъ, частью не находили себѣ вѣры у тѣхъ лицъ, къ которымъ онѣ были обращены, и лейпцигскіе стипендіаты оставались предоставленными самимъ себѣ въ этой неравной борьбѣ. Наконецъ терпѣніе ихъ лопнуло и однажды, когда Бокумъ оскорбилъ студента Насакина послѣдній, подчиняясь единогласному рѣшенію товарищей, возвратилъ ему пощечину. Растерявшійся гофмейстеръ въ первую минуту поднялъ исторію, обвинилъ студентовъ въ покушеніи на его жизнь и посадилъ ихъ всѣхъ подъ арестъ. Они уже ждали крайне суровыхъ каръ по отношенію къ себѣ и задумывались даже надъ вопросомъ, не лучше ли заблаговременно бѣжать изъ-подъ ареста и, скрывшись изъ Лейпцига, навсегда отказаться отъ возвращенія въ отечество. Дѣло окончилось однакоже тѣмъ, что студенты просидѣли нѣкоторое время подъ стражей, а затѣмъ были освобождены по приказанію русскаго посланника въ Дрезденѣ, кн. Бѣлосельскаго, до свѣдѣнія котораго дошла вся эта исторія. Съ той поры, по крайней мѣрѣ, старшіе студенты освободились, если не отъ экономическихъ поползновеній Бокума, то хотя отъ его назойливой опеки: «онъ рачилъ о своемъ карманѣ,—разсказываетъ Радищевъ—а мы жили на волѣ и не видали его мѣсяца по два» [2]).

Въ Россію свѣдѣнія объ обращеніи Бокума съ посланными въ Лейпцигъ дворянами и о налагаемыхъ на нихъ наказаніяхъ дошли поздно—лишь въ концѣ 1770 года. Когда такія свѣдѣнія были получены, изъ императорскаго Кабинета отправлено было къ Бокуму длинное посланіе. Въ Кабинетѣ говорилось здѣсь, «усмотрѣно не только съ несказаннымъ удивленіемъ, но и съ крайнимъ ужасомъ, что точно въ противность высочайшей ея и. в—ва волѣ имѣли вы неслыханное дерзновеніе неоднократно наказывать на тѣлѣ гг. Зиновьева и Олсуфьевыхъ. Вѣдать вамъ надле-

[1]) Сборникъ Р. Ист. Общества. X, 123.
[2]) Собраніе сочиненій А. Н. Радищева, ч. V, с. 55.

жало, что не только всякія тѣлесныя наказанія, но и въ выговорахъ всякая суровость, гнѣвъ и брань,—какъ средства, благоразумному и пристойному воспитанію, каковымъ по намѣренію своему всемилостивѣйше жалуетъ ея и. в—во отправленныхъ для того въ Лейпцигъ дворянъ, совсѣмъ безчестныя, непристойныя, гнусныя и только подлаго духа людямъ свойственныя,—изъ данной вамъ инструкціи... вовсе исключены». «Какою властію и по чьему дозволенію—спрашивалъ Кабинетъ—осмѣлилися вы попустить себя на такую преподлую и прегнусную дерзость, подвергающую россійское дворянство явному безславію, въ самихъ же дворянахъ не иное что, какъ уныніе и подлость духа, произвести могущую?.. Не варварство ли это и тиранство? При такихъ подлыхъ съ благородными людьми поступкахъ возможно ли надѣяться, что вкоренены будутъ въ нѣжныхъ сердцахъ ихъ человѣколюбіе, добронравіе и истинное любочестіе? Да и вы сами можете ли чаять пріобрѣсть чрезъ такое звѣрское воспитаніе любовь ихъ къ себѣ, дружескую довѣренность и почтеніе, къ чему, однако жь, всѣ старанія ваши устремить вы обязаны?.. Вѣчно стыдиться вамъ и продерзость толикую оплакивать должно». На будущее время Бокуму строго предписывалось, еслибы онъ по усвоенной отъ собственнаго воспитанія привычкѣ даже своихъ дѣтей задумалъ исправлять, «по обычаю подлаго народа, побоями, суровостью, крикомъ и бранью», «и въ томъ случаѣ чинить сіе съ такою предосторожностью, въ такое время и въ такомъ уединеніи, чтобъ никто изъ дворянъ россійскихъ сихъ гнусностей никогда не видалъ и объ нихъ не вѣдалъ». Въ заключеніе Кабинетъ настоятельно требовалъ, «чтобъ всякая лютость въ нравахъ, неучтивость, свирѣпость и непристойность всемѣрно отъ глазъ и ушей дворянъ россійскихъ оставались сокровенны» [1]. Слухи, разошедшіеся по Петербургу о насиліяхъ Бокума надъ русскими юношами, и сѣтованія нѣкоторыхъ родителей, что ихъ сыновья частыми побоями «въ такую уже приведены подлую нечувствительность, что сего почти ни во что вмѣнять начинаютъ» [2]), видимо, раздражали, однако, Екатерину. 15 января 1771 г. она обратилась къ вице-канцлеру кн. А. М. Голицыну съ запискою такого содержанія: «Князь Александръ Михайловичъ! Извольте объявить тѣмъ отцамъ и матерямъ, кои почитаютъ, что дѣти ихъ въ Лейпцигѣ отъ Бокума столь много претерпѣваютъ, что въ ихъ волѣ состоитъ ихъ оттудова отозвать, ибо я рушить намѣрена все тамошнее мною сдѣланное учрежденіе, для того, что много отъ него безпокойства, нежели пользы: я трачу пятнадцать тысячъ, а принимаю негодованіе. Если есть такіе отцы, кои дѣтей своихъ хотятъ оставить на теперешнемъ основаніи, то прошу мнѣ сказать».

[1]) Сборникъ Р. Ист. Общества, X, 119—21.
[2]) Тамже, 123.

Но нѣсколькими днями раньше императрица тому же вице-канцлеру поручала «отписать къ кн. Бѣлосельскому, чтобъ онъ послалъ въ Лейпцигъ г. Бокуму сказать, что я съ крайнимъ неудовольствіемъ слышу, что онъ осмѣливается въ противность данной ему инструкціи бить палочьемъ, шпагою и розгами ему отъ меня повѣренныхъ дворянъ, и что чрезъ то одно видно, что онъ неспособенъ къ тому мѣсту, къ которому приставленъ, ибо, еслибъ умѣлъ съ ними обходиться, то бы не нужно было къ такимъ суровымъ приступить средствамъ; что я ему запрещаю вновь осмѣлиться кого бить» [1]).

Исполняя порученіе императрицы, кн. Голицынъ 7 янв. 1771 г. написалъ кн. Бѣлосельскому въ Дрезденъ, поручая ему черезъ вѣрнаго человѣка провѣрить справедливость слуховъ объ обращеніи Бокума съ порученными его надзору дворянами и въ томъ случаѣ, если эти слухи подтвердятся, объявить Бокуму повелѣніе императрицы, но такъ, «чтобъ наша маладежа о томъ не свѣдома была» [2]). Тайною, которая должна была облекать выговоръ, разсчитывали, очевидно, спасти авторитетъ воспитателя въ глазахъ его воспитанниковъ. Но, не говоря уже о томъ, что въ сознаніи послѣднихъ авторитетъ Бокума давно и безвозвратно исчезъ, и правительству не удалось удержаться на той позиціи, которую оно заняло было относительно Бокума. Слѣдствіе, произведенное кн. Бѣлосельскимъ, выяснило не только суровость дисциплинарныхъ мѣръ, принимавшихся Бокумомъ, но и его казнокрадство, и въ результатѣ этого слѣдствія строгій майоръ потерялъ свою должность [3]). Но это случилось уже тогда, когда старшіе изъ лейпцигскихъ стипендіатовъ, и въ томъ числѣ Радищевъ, оканчивали курсъ своего ученія. Такимъ образомъ, поскольку имъ удалось добиться смягченія суроваго въ началѣ режима своего «гофмейстера» и сломить его произволъ, это было достигнуто болѣе ихъ собственными усиліями, нежели распоряженіями правительства.

Вся эта исторія борьбы съ Бокумомъ заняла видное мѣсто въ лейпцигскихъ впечатлѣніяхъ юноши-Радищева. Не даромъ впослѣдствіи, достигнувъ уже зрѣлаго возраста, онъ такъ хорошо помнилъ всѣ детали этой исторіи и такъ подробно описывалъ ее въ составленномъ имъ «Житіи Ѳ. В. Ушакова». Въ столкновеніяхъ съ мелочнымъ деспотизмомъ Бокума Радищевъ и

[1]) Изъ рукописныхъ матеріаловъ, сообщенныхъ мнѣ В. И. Семевскимъ: въ обѣихъ запискахъ имп. Екатерины мною не воспроизведена орѳографія подлинника. Пользуюсь случаемъ выразить здѣсь живѣйшую благодарность В. И. Семевскому, дружески сообщившему мнѣ собранные имъ рукописные матеріалы, касающіеся Радищева.

[2]) Изъ рукописныхъ матеріаловъ, сообщенныхъ мнѣ В. И. Семевскимъ письмо кн. Голицына было исправлено имп. Екатериной и поставленныя въ кавычкахъ слова внесены ею.

[3]) Сборникъ Р. Ист. Общ., X, 126—8.

его товарищи впервые научились сознавать чувство личнаго достоинства и отстаивать его отъ чрезмѣрно грубыхъ посягательствъ, впервые прониклись сознательной враждой къ произволу, съ горькими плодами котораго имъ пришлось свести такое близкое знакомство. Эти же столкновенія, уравнивавшія всѣхъ членовъ студенческаго кружка и объединявшія ихъ въ одномъ и томъ же чувствѣ, завязали между ними первыя узы взаимнаго общенія. Разъ установившись, такое общеніе и обусловленное имъ единство стремленій кружка не исчезли и тогда, когда первоначальный поводъ къ нимъ былъ устраненъ и студентамъ удалось до нѣкоторой степени оградить себя отъ насильственной опеки со стороны Бокума. Къ этому времени нашлась новая и болѣе серьезная почва для общенія членовъ кружка въ совмѣстныхъ занятіяхъ наукой, которымъ они и отдались съ пламеннымъ увлеченіемъ.

Для такого увлеченія было немало поводовъ въ той обстановкѣ, какая окружила юныхъ студентовъ въ Лейпцигѣ. Уже однѣ университетскія лекціи сами по себѣ открывали имъ доступъ въ міръ научнаго знанія, мало похожій на тѣ традиціонныя, на половину дѣтскія, на половину невѣжественныя представленія, какими снабдило ихъ предшествовавшее воспитаніе. Наивное міросозерцаніе, основанное на этихъ представленіяхъ, рушилось тѣмъ скорѣе, что къ вліянію нѣмецкой университетской науки, не вполнѣ еще сбросившей съ себя схоластическую одежду, присоединилось еще болѣе глубокое вліяніе французской литературы. «Всѣ почти юноши, мыслить начинающіе,—замѣчалъ впослѣдствіи Радищевъ, вспоминая объ этомъ періодѣ своей жизни,—любятъ метафизику; съ другой же стороны, всѣ, чувствовать начинающіе, придерживаются правилъ, народнымъ правленіямъ приличныхъ» [1]). Въ исторіи европейской литературы немного можно насчитать моментовъ, когда она давала бы такой полный и сочувственный откликъ на эти инстинктивныя стремленія юности къ свободѣ и къ свѣту обобщеннаго знанія, какъ это было во второй половинѣ XVIII-го вѣка. Французская философская и политическая литература этого вѣка съ ея рѣшительными отвѣтами на важнѣйшіе вопросы мірозданія, съ ея страстною проповѣдью господства разума и правъ человѣка какъ нельзя болѣе способна была разбудить молодой умъ и взволновать неокрѣпшее чувство. Живя въ Лейпцигѣ, русскіе студенты не могли избѣжать знакомства съ этой литературой, вліяніе которой широко распространилось по всей тогдашней Европѣ, и толчокъ къ такому знакомству, дѣйствительно, не заставилъ себя ждать. Одинъ изъ проѣзжавшихъ черезъ Лейпцигъ русскихъ, разсказываетъ Радищевъ, «возбудилъ во всѣхъ насъ великое желаніе къ чтенію, давъ намъ случай узнать книгу Гельвеціеву о Разумѣ... По его совѣту мы читали сію

---

[1]) Собраніе сочиненій Радищева, ч. V, 26.

книгу, читали со вниманіемъ и въ оной мыслить научалися» [1]). Отъ Гельвенія русскіе студенты перешли къ другимъ корифеямъ современной имъ французской литературы и послѣ философскаго радикализма ихъ вниманіе поглотили идеи политическаго демократизма, главными представителями котораго являлись Мабли и Руссо. Изученіе произведеній этихъ послѣднихъ писателей, раскрывшихъ передъ мыслью своихъ русскихъ читателей новые горизонты, произвело на Радищева и его товарищей неизгладимое впечатлѣніе. Сочиненія Мабли представлялись имъ верхомъ совершенства. Когда проф. Бёме объявилъ въ лейпцигскомъ университетѣ курсъ о публичномъ правѣ Европы, трое изъ русскихъ студентовъ, и въ числѣ ихъ Радищевъ, предпочли слушанію этого курса чтеніе книги Мабли «Droit public de l'Europe fondé sur les traités», будучи, по ихъ словамъ, увѣрены, что «образцовое, по мнѣнію всего свѣта, произведеніе Мабли, конечно, содержитъ въ себѣ болѣе поучительнаго, нежели какія бы то ни было лекціи» [2]).

Было бы ошибочно видѣть въ этомъ отзывѣ, не лишенномъ доли наивной заносчивости неофита, свидѣтельство умственной лѣни или слѣпого фанатизма его авторовъ. Умственное возбужденіе, испытанное русскими студентами при встрѣчѣ съ философскою мыслью Запада, въ большинствѣ изъ нихъ вызвало жажду серьезнаго знанія, и они съ удвоенной энергіей набросились на занятія, торопясь удовлетворить эту жажду и захватить все наиболѣе цѣнное изъ раскрытой передъ ними сокровищницы науки. Старшій изъ членовъ студенческаго кружка, Ѳ. В. Ушаковъ, неумѣренными занятіями въ конецъ расшаталъ даже свое и безъ того уже разстроенное здоровье и довелъ себя до преждевременной смерти въ Лейпцигѣ. Радищевъ, также далеко не отличавшійся крѣпкимъ здоровьемъ, за время своего пребыванія въ Лейпцигѣ, помимо главнаго предмета своихъ занятій, заключавшагося въ юридическихъ наукахъ, усовершенствовалъ свои познанія въ латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, много занимался естественными науками, въ особенности же химіей, и настолько изучилъ медицину, что могъ выдержать экзаменъ на врача. Широко раздвигая кругъ своихъ научныхъ интересовъ, Радищевъ и въ области общихъ философскихъ взглядовъ не ограничился изученіемъ лишь той системы, которая дала ему первый серьезный толчокъ къ самостоятельной умственной работѣ. Въ нашей литературѣ за нимъ съ давнихъ поръ прочно укрѣпилась репутація безусловнаго послѣдователя французскихъ философовъ-матеріалистовъ, и въ частности Гельвеція, основанная въ сущности лишь на приведенныхъ выше словахъ самого Радищева, что онъ учился мыслить по книгѣ Гельвеція. Но въ дѣйствительности изученіе книги Гельвеція было для Радищева лишь первымъ

[1]) Тамже, 60—61.

[2]) Сухомлиновъ, назв. соч., 549—50.

сознательнымъ шагомъ въ область философскихъ вопросовъ и на немъ онъ не остановился, какъ не ограничился и знакомствомъ съ французской философской литературой. Лекціи лейпцигскаго профессора Платнера, слѣдовавшаго въ своемъ курсѣ философіи воззрѣніямъ Лейбница, ознакомили его съ системою знаменитаго нѣмецкаго мыслителя и подъ вліяніемъ этихъ лекцій Радищевъ принялся за внимательное изученіе нѣмецкой философіи. Двадцать лѣтъ спустя, Платнеръ въ разговорѣ съ Карамзинымъ вспоминалъ о Радищевѣ, какъ объ одномъ изъ самыхъ способныхъ русскихъ учениковъ своихъ [1]).

Эта разносторонняя и богатая результатами умственная дѣятельность сопровождалась сильнымъ подъемомъ нравственнаго чувства. Входя въ соприкосновеніе съ жизнью Запада и воспринимая плоды существовавшаго въ ней идейнаго движенія, поскольку они выразились въ университетской наукѣ и въ литературныхъ произведеніяхъ, Радищевъ и его товарищи искали и находили въ нихъ не только теоретическую истину, но и этическій идеалъ. Основныя черты этого идеала стояли въ тѣсной и непосредственной связи съ высокимъ понятіемъ о значеніи человѣческаго разума, опредѣляющаго собою всю жизнь. «Помни,—говорилъ Радищеву умирающій Ушаковъ — что нужно въ жизни имѣть правила, дабы быть блаженнымъ, и что должно быть тверду въ мысляхъ, дабы умирать безтрепетно» [2]). Каковы бы ни были эти дающія блаженство въ жизни «правила», они являлись уже результатомъ самостоятельной работы мысли, а не рабскаго слѣдованія традиціи. При этомъ смыслъ тѣхъ нравственныхъ уроковъ, какіе могли быть извлечены и извлекались въ дѣйствительности изъ основныхъ идей умственнаго движенія XVIII столѣтія, не ограничивался въ сознаніи русскихъ наблюдателей этого движенія узкими рамками ихъ личной жизни. Глубоко космополитическая по существу своему, французская литература XVIII вѣка умѣла силою выставляемыхъ ею общихъ идеаловъ зажигать въ сердцахъ искреннихъ своихъ адептовъ горячую любовь къ родинѣ, любовь, чуждую всякаго шовинизма и тѣмъ самымъ наиболѣе плодотворную. Русскіе студенты во время пребыванія своего за границей забыли нѣсколько даже русскій языкъ и должны были подучиваться ему по возвращеніи, но Россіи они не забыли. Много лѣтъ спустя послѣ возвращенія на родину, Радищевъ съ искреннимъ и глубокимъ чувствомъ вспоминалъ тотъ, доходившій до изступленія, восторгъ, съ которымъ онъ и его товарищи «узрѣли межу, Россію отъ Курляндіи отдѣляющую» [3]).

Пробывъ пять лѣтъ въ Лейпцигѣ, Радищевъ возвратился въ Россію

[1]) Карамзинъ. Письма русскаго путешественника.
[2]) Собраніе сочиненій Радищева, ч. V, 80.
[3]) Тамже, 51.

позднею осенью 1771 г. [1]). Онъ уѣхалъ юношей и вернулся вполнѣ сложившимся человѣкомъ, усвоившимъ себѣ европейское просвѣщеніе, обогащеннымъ познаніями и готовымъ отдать ихъ на службу родинѣ. Но отъ того, что онъ засталъ въ отечествѣ, на него повѣяло разочарованіемъ. Разсказывая впослѣдствіи о своемъ энтузіазмѣ при возвращеніи на родину, Радищевъ прибавлялъ: «послѣдовавшее по возвращенія нашемъ жаръ сей въ насъ гораздо умѣрило. О вы, управляющіе умами! — замѣчалъ онъ — колико вы бываете часто кратковидцы и близоруки, коликократно упускаете вы случай на пользу общую, утушая пламень, объемлющій сердце юности. Единожды смиривъ юношу, нерѣдко навѣки содѣлаете калѣкою» [2]). И онъ имѣлъ основаніе для этихъ горькихъ сѣтованій. За годы, проведенные Радищевымъ въ аудиторіяхъ лейпцигскаго университета, неясный вначалѣ характеръ правленія Екатерины II успѣлъ окончательно опредѣлиться. Ко времени пріѣзда изъ Лейпцига первыхъ студентовъ, нѣкогда отправленныхъ туда императрицею, она уже забыла высказанное ею въ Наказѣ намѣреніе поставить Россію на высшую ступень процвѣтанія путемъ установленія въ ней справедливости и избрала для своей государственной дѣятельности другіе пути. Главною своею цѣлью ея правительство поставило внѣшнія завоеванія, а во внутренней его дѣятельности планы реформъ, направленныхъ къ установленію законности въ управленіи и равенства гражданъ, уступили свое мѣсто заботамъ объ упроченіи господства дворянскаго класса въ соціальной жизни страны путемъ сокращенія и безъ того ничтожныхъ правъ массы крѣпостного крестьянства. Въ рамки такой дѣятельности плохо укладывались идеи Мабли и Руссо, и ученикъ этихъ мыслителей скоро долженъ былъ сознать это и испытать холодъ разочарованія. Но хотя сознаніе глубокаго разлада этихъ идей съ русскою дѣйствительностью и охладило нѣсколько юношескій энтузіазмъ Радищева, оно не заставило его ни измѣнить своихъ взглядовъ, ни впасть въ индифферентизмъ. Внѣшній обликъ его жизни въ Петербургѣ мало отличался, правда, отъ порядковъ жизни большинства того общества, къ которому онъ принадлежалъ. Не располагая такимъ состояніемъ, которое давало бы ему полную матеріальную независимость, онъ добывалъ себѣ средства къ жизни путемъ государственной службы. Сперва онъ поступилъ протоколистомъ въ сенатъ, затѣмъ перешелъ въ штабъ командовавшаго въ Петербургѣ генералъ-аншефа

[1]) Онъ выѣхалъ изъ Лейпцига не ранѣе 22 октября и пріѣхалъ въ Петербургъ не позже 25 ноября 1771 г. См. Сборникъ Р. Ист. Общ., X, 129 и Р. Архивъ, 1870 г., № 4—5, стр. 946—7. Болѣе подробное описаніе учебныхъ лѣтъ Радищева см. въ появившейся недавно статьѣ В. Е. Якушкина («Учебные годы А. Н. Радищева»—въ сборникѣ «Подъ знаменемъ науки», М. 1902, сс. 136—203), основанной, впрочемъ, исключительно на печатномъ матеріалѣ и не дающей чего-либо новаго.

[2]) Собраніе сочиненій Радищева, ч. V, 51.

Брюса, но въ 1775 г. вышелъ въ отставку. Черезъ три года однако онъ вновь вступилъ на службу, на этотъ разъ въ коммерцъ-коллегію; отсюда онъ перешелъ черезъ десять лѣтъ въ петербургскую таможню и въ ней быстро дослужился до должности управляющаго. Служба далеко не заполняла однако всего времени Радищева. Живя въ Петербургѣ, онъ не порывалъ однажды завязанныхъ связей съ европейскимъ просвѣщеніемъ, много читалъ и составилъ себѣ хорошую библіотеку. Понемногу онъ и самъ сталъ браться за перо и пытать свои силы въ литературной работѣ, причемъ въ его рукахъ эта работа неизмѣнно принимала характеръ пропаганды его идей и писательское перо становилось орудіемъ проведенія въ жизнь общества завѣтныхъ мыслей самого писателя.

Первый литературный трудъ Радищева имѣлъ полуоффиціальное происхожденіе. Екатерина II въ своихъ заботахъ о распространеніи просвѣщенія въ Россіи учредила, между прочимъ, общество для перевода замѣчательныхъ литературныхъ произведеній съ иностранныхъ языковъ на русскій, причемъ средства на изданіе этихъ переводовъ ассигновались изъ собственной шкатулки государыни. Къ участію въ работахъ этого общества былъ приглашенъ и Радищевъ, и на его долю достался переводъ книги Мабли «Observations sur l'histoire de la Grèce». Радищевъ не только перевелъ эту книгу, но и снабдилъ переводъ своими примѣчаніями, съ которыми онъ и вышелъ въ свѣтъ въ 1773 году. Въ этихъ примѣчаніяхъ ихъ авторъ выступаетъ рѣшительнымъ сторонникомъ теоріи естественнаго права и идеи народнаго суверенитета. «Самодержавство—говоритъ онъ, переводя этимъ терминомъ слово despotisme и поясняя его значеніе,—есть наипротивнѣйшее человѣческому естеству состояніе. Мы не токмо не можемъ дать надъ собою неограниченной власти, но ниже законъ, извѣтъ общія воли, не имѣетъ другого права наказывать преступниковъ, опричь права собственныя сохранности. Если мы живемъ подъ властію законовъ, то сіе не для того, что мы оное дѣлать долженствуемъ неотмѣнно, но для того, что мы находимъ въономъ выгоды. Если мы удѣляемъ закону часть нашихъ правъ и нашея природныя власти, то дабы оная употребляема была въ нашу пользу; о семъ мы дѣлаемъ съ обществомъ безмолвный договоръ. Если онъ нарушенъ, то и мы освобождаемся отъ нашея обязанности. Неправосудіе государя даетъ народу, его судіи, то же, и болѣе, надъ нимъ право, какое ему даетъ законъ надъ преступниками. Государь есть первый гражданинъ народнаго общества» [1]). Такимъ образомъ въ книгѣ, изданной на средства императрицы, проводилась мысль объ отвѣтственности верховной власти передъ народомъ и объ ограниченности ея полномочій. Екатерина II не раздѣляла, правда, этихъ идей,

[1]) Размышленія о греческой исторіи или о причинахъ благоденствія и несчастія грековъ. Сочиненіе г. аббата де-Мабли. СПБ. 1773 г., сс. 126–7

-ю она и не усматривала еще въ нихъ никакой опасности для прочности государственнаго порядка.

Дальнѣйшая литературная дѣятельность Радищева совершалась съ большими перерывами. Существуетъ преданіе, что онъ принималъ участіе въ Новиковскомъ «Живописцѣ». Преданіе это не подтверждается никакими современными доказательствами, но его можно считать довольно вѣроятнымъ въ виду того, что письма о положеніи крестьянъ, помѣщенныя въ этомъ сатирическомъ журналѣ, и по высказаннымъ въ нихъ мнѣніямъ, и по своей писательской манерѣ сильно напоминаютъ Радищева [1]). Во всякомъ случаѣ участіе его въ Новиковскомъ журналѣ не могло быть очень значительно и, если даже оно существовало въ дѣйствительности, то послѣ того Радищевъ надолго замолкъ въ литературѣ. Вновь выступилъ онъ на литературномъ поприщѣ лишь въ 1789 году. Тогда какъ позднѣйшіе русскіе источники приписываютъ издававшійся въ этомъ году сатирическій журналъ «Почта Духовъ» Крылову, хорошо освѣдомленный современникъ — иностранецъ (Массонъ) называетъ его издателемъ Радищева [2]) и можно, дѣйствительно, съ большою вѣроятностью предполагать, что послѣднему принадлежитъ значительная и притомъ наиболѣе рѣзкая часть этого журнала, отличавшагося, къ слову сказать, серьезнымъ общественнымъ характеромъ своей сатиры [3]). Въ томъ же 1789 г. Радищевъ выпустилъ въ свѣтъ небольшую книжку, содержавшую въ себѣ біографію Ушакова съ присоединеніемъ оставшихся послѣ него сочиненій и озаглавленную «Житіе Ѳ. В. Ушакова». Въ этой книжкѣ Радищевъ особенно подробно разсказываетъ о жизни Ушакова въ Лейпцигѣ, выясняя значеніе своего покойнаго друга въ русскомъ студенческомъ кружкѣ и характеризуя направленіе умственныхъ интересовъ послѣдняго, благодаря чему весь этотъ трудъ пріобрѣтаетъ автобіографическое значеніе. Очевидно, мысль писателя охотно уходила отъ текущаго дня въ далекое прошлое, съ любовью возстановляя его черты и упиваясь воспоминаніями о смѣлыхъ надеждахъ и пылкихъ мечтахъ юности. Въ противоположность этому прошлому переживаемое настоящее, какъ какъ можно судить по нѣсколькимъ намекамъ, разсѣяннымъ въ книгѣ,

[1]) Иного мнѣнія держится въ этомъ вопросѣ П. А. Ефремовъ, отрицающій принадлежность названныхъ писемъ Радищеву въ виду того, что послѣдній молчалъ объ нихъ на допросѣ 1790 г. («Живописецъ Н. И. Новикова», изд. 7-е, СПБ. 1864, сс. 320—1 и 346—7). Трудно признать такой аргументъ вполнѣ убѣдительнымъ. На допросахъ Шешковскаго Радищевъ указывалъ, правда, литературные источники своего «Путешествія», тѣмъ самымъ, можетъ быть, разсчитывая уменьшить его значеніе, но едва-ли онъ имѣлъ основанія вскрывать прежнюю свою литературную дѣятельность, оставшуюся неизвѣстною слѣдователю.

[2]) Mémoires secrets sur la Russie, t. II, pp. 188—9.

[3]) Пыпинъ, «Крыловъ и Радищевъ». Вѣстникъ Европы, 1868 г., № 5.

внушало ея автору настроеніе, далекое отъ жизнерадостности. Особенно характерно въ этомъ смыслѣ заключеніе книги. Радищевъ разсказываетъ въ немъ, какъ Ушаковъ въ тяжелыхъ предсмертныхъ мученіяхъ, зная уже о неизбѣжности своей смерти, просилъ своего товарища и друга, А. М. Кутузова, дать ему яду. Кутузовъ, посовѣтовавшись съ Радищевымъ, не исполнилъ этой просьбы. Теперь такое рѣшеніе представлялось Радищеву неправильнымъ: самоубійство является въ его глазахъ естественнымъ исходомъ, разъ жизнь обратилась въ мученіе. «Если еще услышишь гласъ стенящаго твоего друга,—обращается онъ къ Кутузову—если гибель ему предстоять будетъ необходимая и воззову къ тебѣ на спасеніе мое, не медли, любезнѣйшій мой: ты жизнь несносную скончаешь и дашь отраду жизнью гнушающемуся и ее возненавидѣвшему» [1]). Но мрачное настроеніе, вылившееся въ этомъ воззваніи къ другу, не мѣшало во всякомъ случаѣ Радищеву дѣятельно работать. Онъ началъ было писать исторію сената, но затѣмъ уничтожилъ написанное. Историческое изслѣдованіе, повидимому, мало удовлетворяло его умъ, занятый по преимуществу анализомъ современной дѣйствительности. Въ соотвѣтствіи съ этимъ дальнѣйшія его работы приняли чисто публицистическій характеръ. Воспользовавшись указомъ Екатерины II о вольныхъ типографіяхъ, дававшимъ право всякому желающему печатать книги съ разрѣшенія управы благочинія, онъ завелъ у себя домашнюю типографію, въ которой работали его крѣпостные. Въ 1790 г. изъ этой типографіи вышла брошюра, носившая заглавіе: «Письмо къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ». Въ ней Радищевъ разсказывалъ объ открытіи въ Петербургѣ памятника Петру I, пересыпая свой разсказъ размышленіями о существѣ и назначеніи верховной власти. Но это «Письмо» было только первой пробой. За нимъ въ томъ же году послѣдовала большая книга, которая занимала вниманіе Радищева втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ и окончательный толчокъ къ написанію которой дало ему «Сентиментальное путешествіе» Стерна. Свой новый трудъ Радищевъ посвятилъ Кутузову, скрывъ его имя подъ буквами А. М. К. «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», какъ называлась эта книга Радищева, напечатанная имъ въ своей типографіи безъ имени автора, вышло въ свѣтъ съ разрѣшенія петербургскаго полицеймейстера Рылѣева и въ концѣ іюня 1790 г. появилось въ продажѣ. Публика стала быстро раскупать его, но уже черезъ нѣсколько дней. «Путешествіе» исчезло изъ продажи. На этой книгѣ, имѣвшей такое кратковременное существованіе и составившей несчастье и славу Радищева, намъ предстоитъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

[1]) Собраніе сочиненій Радищева, ч. V, 84.

II.

«Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» носитъ на себѣ явственные слѣды подражанія литературной манерѣ Стерна. Вся книга написана въ формѣ дорожныхъ замѣтокъ, составленныхъ на пути между двумя русскими столицами, причемъ отдѣльныя ея главы названы именами почтовыхъ станцій, лежащихъ на этомъ пути. Никакой другой внѣшней связи между различными частями этихъ замѣтокъ не существуетъ, какъ не существуетъ въ нихъ и единства формы изложенія, отличающейся, напротивъ, полной свободой: описанія дорожныхъ приключеній и встрѣчъ смѣняются размышленіями и воспоминаніями самого автора, а послѣднія, въ свою очередь, уступаютъ мѣсто историческимъ этюдамъ, либо передачѣ содержанія найденныхъ на дорогѣ бумагъ. Но подражаніе иностранному образцу не идетъ въ книгѣ далѣе внѣшней манеры изложенія, въ выборѣ же и расположеніи своего матеріала русскій авторъ остался совершенно самостоятельнымъ. Матеріалъ, внесенный имъ въ свою книгу, является опять-таки крайне разнообразнымъ и на первый взглядъ даже поражаетъ своею пестротою и кажущеюся безпорядочностью. Широко пользуясь преимуществами избранной имъ литературной формы, Радищевъ затрогиваетъ самые различные и, казалось бы, отдаленные другъ отъ друга вопросы семейнаго, общественнаго и государственнаго быта, постоянно переходя отъ частныхъ случаевъ русской дѣйствительности къ общимъ размышленіямъ и съ высотъ теоріи вновь возвращаясь къ мелочамъ жизни. При этомъ онъ не скупится на лирическія отступленія во вкусѣ только что начинавшаго тогда входить въ моду сентиментализма, а въ теоретическихъ своихъ разсужденіяхъ многое прямо заимствуетъ у излюбленныхъ имъ иностранныхъ писателей, по преимуществу у Руссо, Мабли и Рейналя. Послѣднее обстоятельство неоднократно давало поводъ строгимъ критикамъ книги Радищева признавать всю ея теоретическую часть простымъ заимствованіемъ, причемъ источникомъ, изъ котораго было совершено такое заимствованіе, часто считали произведенія французскихъ матеріалистовъ. Даже такой компетентный и осторожный историкъ литературы, какъ покойный Сухомлиновъ, нашелъ возможнымъ утверждать, что «въ книгѣ Радищева рѣзко отличаются одна отъ другой двѣ ея составныя части: съ одной стороны—заимствованное, чужое, вычитанное изъ книжекъ; съ другой—свое, взятое изъ жизни, изъ тогдашняго быта», причемъ «между своимъ и чужимъ нѣтъ внутренней, органической связи; они сопоставлены болѣе или менѣе случайно, образуя два, независимыя одно отъ другого теченія» [1]). Внимательное изученіе книги Радищева

[1]) Сухомлиновъ, назв. соч., с. 556. Въ частности по поводу «Философской и политической исторіи европейскихъ колоній и европейской торговли

не позволяетъ однакоже согласиться съ подобными отзывами объ ней. При такомъ изученіи за внѣшнею пестротою содержанія «Путешествія» не трудно разглядѣть въ немъ внутренній порядокъ и гармонію, подчиняющую отдѣльныя части книги общей ея задачѣ. Многочисленныя литературныя заимствованія Радищева не даютъ еще права считать его ни слѣпымъ рабомъ какого-либо авторитета, ни трудолюбивой пчелой, безъ разбора слѣпляющей въ одно цѣлое части различныхъ доктринъ. Не выступая въ «Путешествіи» самостоятельнымъ мыслителемъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, Радищевъ пытается однако на фундаментѣ извѣстныхъ ему философскихъ и политическихъ теорій воздвигнуть зданіе болѣе или менѣе цѣльнаго міросозерцанія, и, принимая во вниманіе историческія условія, нельзя отрицать за этимъ міросозерцаніемъ ни продуманности, ни извѣстной стройности. Равнымъ образомъ странно отрицать и существованіе тѣсной связи между основными идеями этого міросозерцанія и тѣмъ изображеніемъ, какое получила русская дѣйствительность въ книгѣ Радищева. Но для ближайшаго опредѣленія этой связи необходимо обратиться къ самому содержанію «Путешествія» и возстановить, хотя бы въ наиболѣе общихъ чертахъ, важнѣйшія воззрѣнія его автора и характеръ наблюденій, сдѣланныхъ имъ надъ русскою жизнью.

Собирая въ одно цѣлое отдѣльныя замѣчанія, разсѣянныя на различныхъ страницахъ «Путешествія», не трудно составить опредѣленное представленіе объ общихъ взглядахъ Радищева. Въ своей книгѣ онъ высту-

въ обѣихъ Индіяхъ аббата Рейналя Сухомлиновъ замѣчаетъ: «подражаніе слогу Рейналя, котораго французскіе критики называютъ не иначе, какъ «le declamateur Raynal», развило въ нашемъ авторѣ наклонность къ фразерству, къ риторическимъ украшеніямъ и многословію» (тамже, с. 554). Съ этимъ строгимъ отзывомъ русскаго ученаго, замѣтившаго у Рейналя только напыщенный слогъ, любопытно сопоставить мнѣніе англійскаго ученаго. «У XVIII столѣтія—говоритъ Морлей—была положительная сторона, которая имѣла по меньшей мѣрѣ столь же важное значеніе, какъ и его отрицательная сторона... Писатели того времени... были воодушевлены стремленіемъ къ политической справедливости, къ гуманности, къ введенію лучшаго и болѣе однообразнаго для всѣхъ законодательства и къ улучшенію участи каждаго,—такимъ стремленіемъ, которое никогда не было превзойдено ни въ своей стойкости, ни въ своей искренности, ни въ своемъ безкорыстіи. А произведеніе Рейналя въ цѣломъ было едва-ли не самой сильной и самой выдержанной изъ всѣхъ литературныхъ формъ, въ которыхъ выразились великія соціальныя идеи того вѣка. Въ немъ вовсе не было того страннаго и сосредоточеннаго пламени, которое пылало на страницахъ «Общественнаго Договора»; за то оно было полно движенія, реальности, живыхъ и живописныхъ повѣствованій. Оно было доступно для пониманія каждаго и оно было конкретно. Рейналевская «Исторія» затрогивала прямо за сердце многихъ изъ числа тѣхъ читателей, которымъ аргументы Руссо казались несовсѣмъ понятными и наводящими уныніе». Морлей, Дидро и энциклопедисты, р. переводъ Невѣдомскаго, М. 1882. сс. 406—7.

зался рѣшительнымъ противникомъ мистицизма. По его мнѣнію, усиленіе и распространеніе мистицизма является вѣрнымъ признакомъ упадка человѣчества и соотвѣтственно этому Радищевъ и къ современнымъ ему мистикамъ—мартинистамъ относился враждебно и насмѣшливо [1]). Но, отстаивая права разума и отказываясь подчинить его въ области познанія чувству, Радищевъ вмѣстѣ съ тѣмъ не примкнулъ и къ главнымъ выводамъ философіи матеріализма. По своимъ религіознымъ воззрѣніямъ онъ являлся послѣдовательнымъ деистомъ. «Не могу повѣрить, о Всесильный, — говоритъ онъ въ своей книгѣ—чтобы человѣкъ мольбу сердца своего возсылалъ къ другому какому-либо существу, а не къ тебѣ... Если смертный въ заблужденіи своемъ странными, непристойными и звѣрскими нарицаетъ тебя именованіями, почитаніе его, однакоже, стремится къ тебѣ, предвѣчному, и онъ трепещетъ предъ твоимъ могуществомъ. Егова, Юпитеръ, Брама; Богъ Авраама, Богъ Моисея, Богъ Конфуція, Богъ Зороастра, Богъ Сократа, Богъ Марка Аврелія, Богъ христіанъ, о Богъ мой! ты единъ повсюду. Если въ заблужденіи своемъ смертные, казалося, не тебя чтили единаго, но боготворили они твои несравненныя силы, твои неуподобляемыя дѣла. Могущество твое, вездѣ и во всемъ ощущаемое, было вездѣ и во всемъ поклоняемо. Безбожникъ, тебя отрицающій, признавая природы законъ непремѣнный, тебѣ же приноситъ тѣмъ хвалу, хваля паче нашего пѣснопѣнія» [2])

Деизмъ не былъ уже во времена Радищева совершенною новостью на русской почвѣ. Деистомъ являлся въ своихъ произведеніяхъ и другой видный публицистъ этой поры, кн. Щербатовъ, но для него вопросъ о положеніи религіи въ государствѣ опредѣлялся по преимуществу соображеніями государственнаго порядка. Для Радищева послѣднихъ въ области религіозныхъ вопросовъ не существовало. Исходя изъ понятія о правахъ отдѣльной личности, онъ ставилъ вопросъ о свободѣ религіознаго мышленія гораздо шире и рѣшалъ его гораздо послѣдовательнѣе, нежели допускалъ это самъ его учитель, Руссо. Высказываясь за полную и безусловную свободу мысли въ области религіи, авторъ «Путешествія» полагалъ, что слѣдуетъ «дозволять всякому заблужденію быть явнымъ: явнѣе оно будетъ, скорѣе сокрушится». Не существовало для него и особыхъ религіозныхъ преступленій, такъ что самое преслѣдованіе за богохульство представлялось ему совершенно невозможнымъ: «если думаешь,—говорилъ онъ, становясь на точку зрѣнія воображаемаго противника,—что хуленіемъ Всевышній оскорбится,— урядникъ ли благочинія можетъ быть за него истецъ»? Свобода мысли, не стѣсняемая никакими внѣшними рамками, вообще составляетъ въ глазахъ Радищева необходимое благо. Для борьбы съ предразсудками и суевѣріемъ

[1]) Путешествіе изъ Петербурга въ Москву, сс. 92—8.
[2]) Тамже, 115—117.

онъ знаетъ лишь одно дѣйствительное средство, заключающееся въ свободѣ устнаго и печатнаго слова. Согласно этому воззрѣнію, цензура можетъ существовать лишь какъ средство защиты авторитета, въ самомъ существѣ своемъ несостоятельнаго, и Радищевъ, обстоятельно доказывая такой порядокъ возникновенія цензуры, ссылками на Екатерининскій Наказъ доказываетъ необходимость ея уничтоженія. «Пускай печатаютъ все, кому что на умъ ни взойдетъ, -разсуждаетъ онъ.—Кто себя въ печати найдетъ обиженнымъ, тому да дастся судъ по формѣ. Я говорю не смѣхомъ. Слова не всегда суть дѣянія, размышленія же не преступленія. Се правила Наказа о новомъ уложеніи. Но брань на словахъ и въ печати—всегда брань. Въ законѣ никого бранить не велѣно и всякому свобода есть жаловаться. Но если кто про кого скажетъ правду, бранью ли то почитать, того въ законѣ нѣтъ. Какой вредъ можетъ быть, если книги въ печати будутъ безъ клейма полицейскаго? Не токмо не можетъ быть вреда, но польза, польза отъ перваго до послѣдняго, отъ малаго до великаго, отъ царя до послѣднѣйшаго гражданина» [1]).

Но мы зашли уже въ область вопросовъ общественнаго и государственнаго быта. Вернемся еще назадъ, ко взглядамъ писателя на человѣка и его природу. Радищевъ вполнѣ сознательно усвоилъ себѣ основную идею Руссо о благѣ, лежащемъ въ основѣ нравственной природы человѣка, и развилъ изъ нея рядъ общихъ положеній, не впадая притомъ въ неосторожныя крайности женевскаго философа. Нравственное существо человѣка покоится на страстяхъ, говоритъ авторъ «Путешествія» устами дворянина, встрѣченнаго имъ въ Крестцахъ. «Корень страстей благъ», такъ какъ онѣ основаны на природѣ нашихъ чувствъ и могутъ ослабѣвать лишь съ ослабленіемъ чувствъ, а слѣдовательно, и самой жизни въ человѣкѣ. Поэтому полное подавленіе страстей не можетъ служить идеаломъ: «совершенно безстрастный человѣкъ есть глупецъ и истуканъ нелѣпый». Если «чрезвычайность въ страсти есть гибель», то «безстрастіе есть нравственная смерть» и истинное благо представляетъ лишь «умѣренность въ страсти», дѣлающая человѣка господиномъ его духовной жизни. На почвѣ этихъ общихъ представленій о правахъ личности и нравственной природѣ человѣка у Радищева возникаетъ опредѣленный идеалъ семейной жизни и воспитанія. Семейный союзъ, какъ между супругами, такъ и между родителями и дѣтьми, можетъ быть основанъ только на нравственной связи, въ видѣ взаимной любви, и не долженъ знать никакихъ другихъ узъ. Родители не имѣютъ никакой власти надъ достигшими совершеннаго возраста дѣтьми, дѣти не связаны никакими обязательствами по отношенію къ родителямъ, включая сюда и благодарность, такъ какъ всѣ заботы

[1]) Тамже, 297, 296, 294—5.

послѣднихъ о дѣтяхъ вытекаютъ изъ эгоистическихъ побужденій. Воспитаніе дѣтей въ этой идеальной семьѣ должно принадлежать самимъ родителямъ, услуги же «наемныхъ рачительницъ» и «наемныхъ наставниковъ» рѣшительно исключаются. Съ ранняго дѣтства въ воспитаніи не должно быть никакого принужденія, чтобы воспитать «духъ, нетерпящъ велѣнія безразсуднаго, кротокъ къ совѣту дружества». Необходимо укрѣпить тѣло ребенка физическими упражненіями и трудами, развить его умъ размышленіями, избѣгая излишняго отягощенія памяти, воспитать въ немъ нравственное чувство, которое сообщило бы ему умѣренность въ удовлетвореніи чувствъ и страстей, наконецъ, создать въ немъ чувство собственнаго достоинства, которое сдѣлало бы его судьею собственныхъ поступковъ и заставило бы его избѣгать «даже вида раболѣпствованія». Воспитанный такимъ образомъ человѣкъ явится полезнымъ членомъ общества и будетъ въ состояніи достигнуть истиннаго блага жизни, заключающагося въ добродѣтели, «вершинѣ дѣяній человѣческихъ».

«Добродѣтели суть — по словамъ Радищева — или частныя, или общественныя». Корень первыхъ «всегда благъ», такъ какъ побужденія къ нимъ вытекаютъ изъ любви къ ближнему. Общественныя же добродѣтели могутъ быть порождаемы и чисто эгоистическими мотивами тщеславія и честолюбія, не заслуживая и въ этомъ случаѣ пренебреженія. Но особеннаго блеска онѣ достигаютъ тогда, когда источникомъ ихъ также является человѣколюбіе, и поэтому упражненіе въ частныхъ добродѣтеляхъ служитъ подготовительной ступенью къ добродѣтели общественной. Въ общественной жизни человѣкъ имѣетъ дѣло съ обычаями или нравами народа, съ требованіями закона и съ предписаніями добродѣтели. Эти три источника общественной морали имѣютъ не одинаковое значеніе. Закономъ нельзя поступаться въ пользу обычая, такъ какъ «законъ, каковъ ни худъ, есть связь общества», и даже въ силу прямого требованія со стороны верховной власти нельзя нарушить законъ, пока онъ остается неотмѣненнымъ. Но важнѣе закона—велѣнія добродѣтели. Ни приказанія власти, ни авторитетъ закона не могутъ стать выше этихъ велѣній, передъ которыми должны быть равно безсильны обольщенія и угрозы, насмѣшки и гоненія, и даже самая смерть. Эта добродѣтель не знаетъ уступокъ обстоятельствамъ, не допускаетъ сдѣлокъ съ «робостью благоразумія» и не позволяетъ «именовать благоразуміемъ слабость въ дѣяніяхъ, сего перваго добродѣтели врага». Можетъ случиться, правда, что высокій идеалъ окажется недостижимымъ въ современной жизни, что послѣдняя выбьетъ оружіе изъ рукъ борца за добродѣтель и раздавитъ его своею тяжестью. Тогда есть надежный исходъ. «Если ненавистное счастіе истощитъ надъ тобою всѣ стрѣлы свои, если добродѣтели твоей убѣжища на землѣ не останется, если, доведенну до крайности, не будетъ тебѣ покрова отъ угнетенія, тогда вспомни, что ты

человѣкъ, воспомяни величество твое, восхити вѣнецъ блаженства, его же отъяти у тебя тщатся,—умри»[1]). Такимъ образомъ самоубійство, на которое Радищевъ въ «Житіи Ушакова» указывалъ, какъ на средство уйти изъ жизни, сдѣлавшейся несносной вслѣдствіе физическихъ страданій, пріобрѣтало въ его глазахъ и другое значеніе: въ самоубійствѣ онъ видѣлъ послѣднее оружіе въ борьбѣ съ неблагопріятною судьбою, крайнее средство для охраны человѣческаго достоинства личности и избавленія отъ нравственныхъ мученій, какія можетъ повлечь за собою борьба съ существующимъ общественнымъ порядкомъ.

Что касается права личности на такую борьбу, то оно, по взгляду Радищева, заключается уже въ самыхъ условіяхъ возникновенія человѣческаго общества. Принимая общую почти всѣмъ писателямъ XVIII вѣка теорію естественнаго права и происхожденія общества изъ первоначальнаго договора, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ примыкаетъ къ наиболѣе демократическимъ выводамъ изъ этой теоріи. «Человѣкъ родится въ міръ—говоритъ одинъ изъ положительныхъ героевъ «Путешествія»—равенъ во всемъ одинъ другому. Всѣ одинаковые имѣемъ члены, всѣ имѣемъ разумъ и волю. Слѣдственно, человѣкъ безъ отношенія къ обществу есть существо, ни отъ кого не зависящее въ своихъ дѣяніяхъ». Но съ моментомъ возникновенія общества человѣкъ соглашается повиноваться не одной лишь своей волѣ и признавать надъ собою установленную въ обществѣ власть. «Какія же ради вины обуздываетъ онъ свои хотѣнія? по что поставляетъ надъ собою власть?.. Для своея пользы, скажетъ разсудокъ; для своея пользы, скажетъ внутреннее чувство; для своея пользы, скажетъ мудрое законоположеніе. Слѣдственно, гдѣ нѣтъ его пользы быть гражданиномъ, тамъ онъ и не гражданинъ. Слѣдственно, тотъ, кто восхощетъ его лишить пользы гражданскаго званія, есть его врагъ. Противъ врага своего онъ защиты и мщенія ищетъ въ законѣ. Если законъ или не въ силахъ его заступить,

[1]) Тамже, 179—80, 160—178, 186—7, 182—6, 191. Аналогичный взглядъ на самоубійство мы встрѣчаемъ во французской литературѣ у Дидро въ его статьѣ въ Энциклопедіи и у Гольбаха. «Страхъ смерти—говоритъ послѣдній—всегда будетъ лишь дѣлать людей трусами; страхъ предполагаемыхъ ея послѣдствій будетъ только дѣлать изъ людей фанатиковъ или меланхолическихъ піетистовъ, равно безполезныхъ для себя самихъ и для другихъ. Смерть—такой рессурсъ, котораго не слѣдуетъ отнимать у угнетенной добродѣтели, нерѣдко доводимой до отчаянія людскою несправедливостью. Еслибы люди меньше боялись смерти, они не были бы ни рабами, ни суевѣрами; истина находила бы для себя болѣе ревностныхъ защитниковъ, права людей отстаивались бы съ большимъ рвеніемъ, борьба съ заблужденіями велась бы энергичнѣе и изъ жизни народовъ была бы навсегда изгнана тираннія; низость питаетъ ее и страхъ ее поддерживаетъ». Holbach, Systême de la Nature. Nouvelle edition. Paris. 1820. T. I, p. 384.

или того не хочетъ... тогда пользуется гражданинъ природнымъ правомъ защищенія... Ибо гражданинъ, становяся гражданиномъ, не перестаетъ быть человѣкомъ, коего первая обязанность есть собственная сохранность, защита, благосостояніе». Цѣлью государственнаго устройства служитъ благосостояніе страны, слагающееся изъ благосостоянія отдѣльныхъ гражданъ. Нельзя назвать «блаженною страну, гдѣ сто гордыхъ гражданъ утопаютъ въ роскоши, а тысящи не имѣютъ надежнаго пропитанія, ни собственнаго отъ зноя и мраза укрова». Не можетъ быть названа блаженной и такая страна, которая не знаетъ правъ отдѣльныхъ гражданъ, уподобляясь въ своемъ устройствѣ военному лагерю. «Устройство на счетъ свободы столь же противно блаженству нашему, какъ и самыя узы» [1]). Такимъ образомъ изъ естественнаго равенства людей, опредѣлившаго собою условія первоначальнаго общественнаго договора, мысль писателя непосредственно выводитъ равенство гражданъ въ государствѣ и права народа передъ верховною властью. Когда то или другое изъ этихъ требованій нормальнаго государственнаго строя нарушается послѣдней, природное право защиты можетъ быть обращено противъ нея, и съ этой точки зрѣнія Кромвель и Франклинъ равно являются въ глазахъ Радищева носителями общественной добродѣтели. «Я чту,—обращается онъ къ первому изъ нихъ въ своей одѣ «Вольность»—я чту, Кромвель, въ тебѣ злодѣя,—что, власть въ рукѣ своей имѣя,—ты твердь свободы сокрушилъ.—Но научилъ ты въ родъ и роды,—какъ могутъ мстить себя народы:—ты Карла на судѣ казнилъ» [2]).

[1]) Тамже, 143—4, 248—51.

[2]) Тамже, 366. Совпаденіе этихъ воззрѣній съ теоріями Руссо и Мабли не нуждается въ особыхъ доказательствахъ. Съ другой стороны, указанные взгляды Радищева очень близки къ тѣмъ положеніямъ, защитникомъ которыхъ выступалъ авторъ «Системы природы». «Такъ какъ правительство — писалъ Гольбахъ—заимствуетъ свою власть только отъ общества и учреждается лишь для блага послѣдняго, то, очевидно, что общество, если того требуетъ его интересъ, можетъ брать назадъ эту власть, измѣнять форму правленія, расширять или ограничивать власть, ввѣряемую имъ главамъ правительства, надъ которыми оно всегда сохраняетъ высшій авторитетъ, согласно неизмѣнному закону природы, подчиняющему часть цѣлому». «Общество — продолжалъ онъ, поясняя свою мысль,—имѣетъ права надъ всѣми своими членами въ силу тѣхъ выгодъ, какія оно имъ доставляетъ, и всѣ его члены въ правѣ требовать отъ него или отъ своихъ уполномоченныхъ тѣхъ выгодъ, ради которыхъ они живутъ въ обществѣ и отказываются отъ части своей естественной свободы. Общество, главы и законы котораго не доставляютъ никакихъ благъ его членамъ, очевидно, утрачиваетъ свои права надъ послѣдними; тѣ главы, которыя вредятъ обществу, утрачиваютъ право руководить имъ. Не существуетъ отечества безъ благосостоянія; общество безъ справедливости заключаетъ въ себѣ лишь враговъ, угнетенное общество заключаетъ въ себѣ лишь угнетателей и рабовъ; рабы не могутъ быть гражданами лишь свобода, собственность и безопасность дѣлаютъ отечество драгоцѣннымъ

Таковы основныя воззрѣнія Радищева, поскольку они были имъ высказаны въ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву». Многое въ нихъ, несомнѣнно, заимствовано, но это заимствованіе во всякомъ случаѣ стояло очень далеко отъ рабскаго подражанія однажды избраннымъ образцамъ. Сознательно усвоивъ себѣ главные результаты теоретической мысли Запада, онъ переработалъ ихъ самостоятельно и слилъ въ одно органическое цѣлое. Жизненность создавшагося такимъ путемъ міровоззрѣнія всего лучше проявлялась въ томъ примѣненіи, какое оно получало въ условіяхъ русской жизни.

Въ своей книгѣ Радищевъ касается самыхъ различныхъ сторонъ современнаго ему русскаго быта, являясь глубокимъ знатокомъ послѣдняго. О знакомствѣ его съ народнымъ бытомъ въ извѣстной мѣрѣ свидѣтельствуетъ уже самый языкъ книги. Тяжелый и нѣсколько напыщенный въ отвлеченныхъ разсужденіяхъ, онъ въ описаніяхъ бытовыхъ сценъ нерѣдко переходитъ въ живую разговорную рѣчь, изобилующую народными оборотами и подчасъ блещущую искрами неподдѣльнаго юмора. Богатство разбросанныхъ въ книгѣ типичныхъ бытовыхъ подробностей изъ жизни различныхъ общественныхъ классовъ и умѣлый подборъ матеріала по основнымъ вопросамъ государственнаго и соціальнаго строя Россіи въ еще большей степени обличаютъ въ ея авторѣ человѣка, пристально вглядывавшагося въ окружавшую его дѣйствительность и хорошо изучившаго ее. Большую роль въ этомъ изученіи должна была сыграть наблюдательность Радищева, возникавшая на почвѣ его необыкновенной воспріимчивости и живого ума, быстро схватывавшаго впечатлѣнія и легко разбиравшагося въ нихъ. Но къ этимъ особенностямъ духовной природы писателя присоединялась и еще одна, созданная внѣшними условіями его жизни. Въ противоположность большинству своихъ современниковъ, Радищевъ приступилъ къ сознательнымъ наблюденіямъ надъ русскою дѣйствительностью во всеоружіи теоретическаго знанія и твердыхъ убѣжденій. Выѣхавъ изъ Россіи въ поискахъ за образованіемъ на зарѣ юности, онъ вернулся человѣкомъ съ установившимся міровоззрѣніемъ, и это обстоятельство должно было значительно облегчить ему самое наблюденіе фактовъ родной дѣйствительности. Проходя сквозь призму опредѣленнаго міровоззрѣнія, эти факты пріобрѣтали болѣе яркую окраску и, не утрачивая конкретныхъ своихъ чертъ, вмѣстѣ съ тѣмъ яснѣе обнаруживали свой общій смыслъ. Благодаря этому счастливому соединенію въ лицѣ автора «Путешествія» человѣка съ

и лишь любовь къ отечеству создаетъ гражданъ». См. Système de la Nature, Paris. 1820, pp. 212, 214. Какъ можно видѣть даже изъ приведенныхъ цитатъ, тотъ оттѣнокъ индивидуализма, который отличалъ взгляды Гольбаха отъ идей Руссо, не былъ чуждъ и Радищеву.

широкимъ размахомъ теоретической мысли и внимательнаго наблюдателя повседневной жизни, онъ смогъ въ своей на половину лирической книгѣ произвести глубокій и смѣлый анализъ современной ему действительности и дать такую яркую и обобщенную картину пороковъ и золъ Екатерининской Россіи, какую напрасно было бы искать въ самыхъ зрѣлыхъ произведеніяхъ сатиры этой эпохи.

Такая картина не развертывается въ «Путешествіи» сразу во всей ея широтѣ. Она создается въ умѣ читателя книги постепенно, путемъ своего рода мозаичной работы. Авторъ приводитъ безъ всякаго видимаго порядка лишь частные факты изъ различныхъ сферъ русской общественной жизни, но въ каждомъ изъ нихъ онъ подчеркиваетъ его наиболѣе общую сторону, связываетъ отдѣльные эпизоды нитями теоретическихъ разсужденій,— и понемногу въ глазахъ читателя вырисовывается то «чудище обло, огромно, озорно, стозѣвно и лаяй», о которомъ говоритъ эпиграфъ книги Радищева. Въ самыхъ свѣтлыхъ и радостныхъ на первый взглядъ явленіяхъ жизни авторъ умѣетъ найти и показать читателю мрачные слѣды этого чудища.

Наибольшее количество такихъ слѣдовъ находилъ Радищевъ въ положеніи низшаго общественнаго класса своей родины—крѣпостного крестьянства. Жалкое положеніе крѣпостныхъ составляетъ одну изъ главнѣйшихъ темъ въ изображеніи Радищевымъ русской жизни и доставляетъ наибольшее количество эпизодовъ, вплетенныхъ въ повѣствовательное кружево «Путешествія». Мысль объ этомъ жалкомъ положеніи неустанно преслѣдуетъ писателя. Даже зрѣлище богатствъ родины вызываетъ у него лишь минутную радость, быстро увядающую при воспоминаніи о томъ, что «въ Россіи многіе земледѣлатели не для себя работаютъ» и, слѣдовательно, самое изобиліе плодовъ земли доказываетъ лишь «отягченный жребій ея жителей» [1]). Рядъ разбросанныхъ въ книгѣ фактовъ посвященъ изображенію «отягченнаго жребія» крестьянства, и эти факты ярко освѣщаютъ весь ужасъ наиболѣе темныхъ сторонъ крѣпостного права. «Путешествіе» возсоздаетъ передъ глазами читателя своего рода портретную галлерею типовъ, порожденныхъ крѣпостничествомъ. Помѣщикъ, заставляющій крестьянъ шесть дней въ недѣлю работать на господской пашнѣ и лишь воскресенье оставляющій имъ для работы на ихъ собственныя семьи; крѣпостные, осужденные за убійство семьи помѣщика, который не только обратилъ ихъ въ батраковъ, отнявъ у нихъ всю землю, и истязалъ ихъ жестокими наказаніями, но еще и безчестилъ ихъ женъ и дочерей; помѣщикъ, введшій въ своемъ имѣніи jus primae noctis и лишь случайно спасшійся отъ смерти, уготованной ему крестьянами; распродаваемые съ аукціона люди, въ томъ числѣ дядька, кормилица, любовница и сынъ продающаго ихъ ба-

[1]) Путешествіе, 269—270.

рина: дворовый, по барскому капризу получившій образованіе и, благодаря этому, тѣмъ съ большею силою чувствующій тяготѣющій надъ нимъ произволъ: крестьяне, вступающіе въ бракъ по принужденію господина; казенные крестьяне, покупающіе крѣпостныхъ у помѣщика для отдачи ихъ въ рекруты, — таковы важнѣйшія фигуры этой галлереи, наглядно убѣждающія Радищева въ томъ, что въ Россіи «крестьянинъ въ законѣ мертвъ» [1]. Какъ бы заключая рядъ впечатлѣній, получаемыхъ читателемъ отъ этихъ фигуръ, и сводя въ одно цѣлое ихъ разрозненныя черты, Радищевъ въ одной изъ послѣднихъ главъ своей книги изображаетъ внѣшнюю обстановку жизни крестьянина. Рѣзкими штрихами набрасываетъ онъ картину жалкаго убожества этой обстановки, граничащаго съ нищетой. Жилище крестьянина — курная изба съ покрытыми сажей и грязью стѣнами, съ затянутыми пузыремъ окнами, изба, въ которой люди спятъ ночью вмѣстѣ съ животными, въ спертомъ воздухѣ которой свѣча горитъ, какъ въ туманѣ. Внутреннее убранство этой избы состоитъ изъ скудной утвари: двухъ-трехъ горшковъ — «счастлива изба, коли въ одномъ изъ нихъ есть пустыя щи», — деревянной чашки и кружковъ вмѣсто тарелокъ, срубленнаго топоромъ стола, корыта для корма свиней и телятъ и кадки съ квасомъ, похожимъ на уксусъ. Одежда крестьянина — «посконная рубаха, обувь, данная природою, онучки съ лаптями для выхода». «Вотъ въ чемъ — восклицаетъ писатель — почитается по справедливости источникъ государственнаго избытка, силы, могущества; но тутъ же видны слабость, недостатки и злоупотребленія законовъ и ихъ шероховатая, такъ сказать, сторона. Тутъ видна алчность дворянства, грабежъ, мучительство наше и беззащитное нищеты состояніе.—Звѣри алчные, піявицы ненасытныя, что крестьянину мы оставляемъ?—то, чего отнять не можемъ, воздухъ. Да, одинъ воздухъ. Отъемлемъ нерѣдко у него не токмо даръ земли, хлѣбъ и воду, но и самый свѣтъ. Законъ запрещаетъ отъяти у него жизнь. Но развѣ мгновенно. Сколько способовъ отъяти ее у него постепенно! Съ одной стороны почти всесиліе; съ другой немощь беззащитная. Ибо помѣщикъ въ отношеніи крестьянина есть законодатель, судія, исполнитель своего рѣшенія и, по желанію своему, истецъ, противъ котораго отвѣтчикъ ничего сказать не смѣетъ. Се жребіи заклепаннаго въ узы, се жребіи заключеннаго въ смрадной темницѣ, се жребіи вола въ ярмѣ» [2])...

Жизнь другихъ сословій, внѣ ихъ отношенія къ крестьянамъ, менѣе привлекала къ себѣ вниманіе автора «Путешествія». Но и эти стороны общественной жизни не остались вовсе не затронутыми его критикою. Онъ указывалъ на плутни и обманы, на почвѣ которыхъ создавались нерѣдко богатства купечества, на раболѣпство дворянъ, выходящихъ на видныя слу-

[1]) Тамже, 15—18, 125—8, 217—8, 342—6, 373—85, 417—8, 385—9.
[2]) Тамже, 412—14.

жебныя мѣста черезъ придворные чины и видящихъ въ службѣ лишь источникъ личнаго благосостоянія, на изнѣженную и развратную жизнь высшихъ общественныхъ классовъ, создающую ихъ физическое вырожденіе.

Въ гораздо большей мѣрѣ сосредоточивали на себѣ вниманіе Радищева тѣ явленія русской жизни, которыя стояли въ непосредственной связи съ существовавшими въ ней административными порядками. Если въ соціальномъ строѣ Россіи автора «Путешествія» поражало безправіе народной массы, если въ общественной жизни онъ констатировалъ отсутствіе сколько-нибудь высокаго этическаго идеала, то порядки современной ему администраціи и суда оставили въ его умѣ не менѣе опредѣленное впечатлѣніе. Слѣдуя общей своей манерѣ, онъ возсоздаетъ это впечатлѣніе передъ читателемъ въ рядѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, сливающихся подъ конецъ въ одну широкую и цѣльную картину. На страницахъ «Путешествія» передъ глазами читателя проходятъ одинъ за другимъ типы администраторовъ, въ своей дѣятельности не считающихся съ требованіями закона и не заботящихся о благосостояніи гражданъ, но широко пользующихся властью для удовлетворенія личныхъ своихъ интересовъ. Почтовый коммиссаръ, вопреки правиламъ не отпускающій проѣзжимъ лошадей ночью, смѣняется на этихъ страницахъ начальникомъ, котораго его подчиненные не смѣютъ разбудить, хотя отъ этого зависитъ спасеніе погибающихъ людей. Вслѣдъ за ними авторъ, постепенно поднимаясь по ступенямъ административной лѣстницы, выводитъ намѣстника, расходующаго казенныя деньги на свои прихоти и обращающаго подчиненныхъ ему чиновниковъ въ своихъ слугъ, другого намѣстника, оказывающаго противозаконное давленіе на судей, наконецъ, самихъ судей, доступныхъ обольщеніямъ, угрозамъ и подкупу и рѣшающихъ дѣла вопреки закону и совѣсти. Честные люди, входящіе въ административныя учрежденія, напрасно истощаютъ свои силы въ борьбѣ съ этими порядками и въ концѣ концовъ вынуждены признать всю безполезность такой борьбы. Произволъ администраціи и продажность суда лишаютъ и частныхъ лицъ всякой возможности добиться справедливости въ борьбѣ съ общественной неправдой. Единственной надеждой ихъ при этихъ условіяхъ остается верховная власть, которая въ «самодержавномъ правленіи одна въ отношеніи другихъ можетъ быть безпристрастна». Въ связи съ этимъ авторъ «Путешествія» разсказываетъ содержаніе видѣннаго имъ сна. Въ этомъ снѣ онъ видѣлъ себя царемъ, сидящимъ на престолѣ и окруженнымъ толпою своихъ слугъ. Они льстиво увѣряютъ его въ благоденствіи его царства: по ихъ словамъ, онъ обогатилъ государство, расширилъ торговлю, содѣйствовалъ процвѣтанію наукъ и искусствъ, облегчилъ положеніе народа, установилъ справедливые законы и правосудіе. Его министры быстро исполняютъ его повелѣнія и доносятъ ему о счастливыхъ ихъ результатахъ: его арміи совершаютъ блестящія завоеванія, флоты обтекаютъ моря, внутри его го-

сударства царять правосудіе и милосердіе. Но изъ толпы богато разодѣтыхъ придворныхъ къ нему подходитъ скромная странница въ простой одеждѣ, называющая себя Истиной. Она снимаетъ бѣльма съ глазъ царя и онъ видитъ, что его солдаты умираютъ отъ голода и болѣзней, суда разваливаются, полководцы и министры расхищаютъ казну, раззоренный и угнетаемый народъ бѣдствуетъ, а царскія милости обращаются въ предметъ торговли и достаются лишь недостойнымъ. Въ ужасѣ онъ просыпается. «Властитель міра,—заключаетъ Радищевъ свой разсказъ—если, читая сонъ мой, ты улыбнешься съ насмѣшкой или нахмуришь чело, вѣдай, что видѣнная мною странница отлетѣла отъ тебя далеко и чертоговъ твоихъ гнушается» [1]).

Между тѣми теоретическими воззрѣніями, какія выработалъ себѣ Радищевъ, и тѣми наблюденіями, какія онъ сдѣлалъ надъ русскою жизнью, существовала, очевидно, самая тѣсная и неразрывная связь. Общеніе съ умственными теченіями Запада, расширивъ его умственный горизонтъ и укрѣпивъ его нравственное чувство, тѣмъ самымъ усилило и углубило въ немъ интересъ къ явленіямъ родной дѣйствительности, въ которыхъ ему пришлось наблюдать черты, прямо противоположныя его идеалу. Соотвѣтственно этому, и даваемая имъ критика этой дѣйствительности, согрѣтая чувствомъ глубокой вѣры въ достоинство человѣческой личности и горячей симпатіи къ народной массѣ, носила строго общественный характеръ, не переходя въ узкую мораль. Но одною критикою Радищевъ не ограничивается и идетъ еще дальше. Онъ подводитъ общій итогъ своимъ наблюденіямъ надъ русскою жизнью и указываетъ тотъ путь, на которомъ могутъ быть исправлены ея недостатки. Главнымъ изъ нихъ, отъ котораго болѣе или менѣе зависятъ всѣ другіе, онъ считаетъ крѣпостное право. Возможно ли, спрашиваетъ онъ, «наслаждаясь внутренней тишиною, внѣшнихъ враговъ не имѣя, доведя общество до высшаго блаженства гражданскаго сожитія», оставлять «цѣлую треть согражданъ, намъ равныхъ, въ тяжкихъ узахъ рабства и неволи»? Право естественное и гражданское учитъ, что люди должны быть равны, что государство должно обезпечивать благосостояніе гражданъ и что только злодѣй или непріятель можетъ быть повергнутъ въ неволю. «Но кто между нами оковы носитъ, кто ощущаетъ тяготу неволи? Земледѣлецъ!.. тотъ, кто даетъ намъ здравіе, кто житіе наше продолжаетъ, не имѣя правъ распоряжати ни тѣмъ, что обрабатываетъ, ни тѣмъ, что производитъ. Кто же къ нивѣ ближайшее имѣетъ право, буде не дѣлатель ея»?.. Тогда какъ въ началѣ общества, кто обрабатывалъ землю, тотъ и владѣлъ ею, теперь «тотъ, кто естественное имѣетъ къ оному право, не токмо отъ того исключенъ совершенно, но, обрабатывая ниву чуждую, зритъ пропитаніе свое зависящее отъ власти другого». «Можетъ ли—спрашиваетъ еще писатель—

[1]) Тамже, 4—6, 21—40, 43—7, 58, 58—9, 61—85.

государство, гдѣ двѣ трети гражданъ лишены гражданскаго званія и частію въ законѣ мертвы, назваться блаженнымъ? Можно ли назвать блаженнымъ положеніе крестьянина въ Россіи»? Противорѣча основнымъ требованіямъ естественнаго и государственнаго права, крѣпостное состояніе, какъ доказываетъ далѣе писатель, приноситъ тяжелый вредъ обществу и грозитъ опасностью государственному порядку. Невольный трудъ по самому существу своему менѣе выгоденъ, нежели свободный; благодаря этому, при существованіи перваго задерживается ростъ богатства страны и размноженіе ея народонаселенія. Еще болѣе опасны нравственныя послѣдствія крѣпостного права, исключающаго во всемъ обществѣ возможность какихъ-либо другихъ узъ, кромѣ насилія. При существованіи рабства крестьянъ вся нравственная жизнь общества проходитъ въ атмосферѣ произвола, такъ какъ среди самихъ рабовладѣльцевъ «съ одной стороны родится надменность, а съ другой—робость». Среди подобнаго общества нѣтъ мѣста ни сознанію своего достоинства, ни истинной свободѣ, такъ какъ владѣльцы рабовъ, сами не будучи въ состояніи воспользоваться свободой, являются вмѣстѣ съ тѣмъ горячими поборниками неволи. Между тѣмъ лишенный своихъ правъ народъ не можетъ примириться съ этимъ лишеніемъ и, предпринимая время отъ времени отчаянныя попытки возвратить себѣ свободу, жестоко мститъ своимъ угнетателямъ и потрясаетъ самое зданіе государства.

Исходя изъ этихъ соображеній, Радищевъ горячо убѣждаетъ своихъ современниковъ приступить къ освобожденію крестьянъ и набрасываетъ свой планъ такого освобожденія, отличающійся замѣчательною для того времени широтой и трезвостью мысли. Все дѣло освобожденія дѣлится, согласно его проекту, на три періода. Въ первомъ устанавливается «раздѣленіе сельскаго рабства и рабства домашняго»: уничтожается помѣщичья дворня и помѣщикъ лишается права брать крестьянъ въ дворовые, а взятый во дворъ крестьянинъ становится свободнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ крестьяне получаютъ право вступать въ бракъ безъ согласія помѣщика и уничтожаются выводныя деньги. Во второмъ періодѣ крестьянинъ получаетъ собственность и нѣкоторыя гражданскія права. «Удѣлъ въ землѣ, ими обрабатываемой, должны они имѣть собственностью, ибо платятъ сами подушную подать». Одновременно крестьяне надѣляются правомъ пріобрѣтать въ собственность землю и движимое имущество, судиться у избранныхъ ими самими судей и выкупаться на волю за опредѣленную сумму и избавляются отъ произвольныхъ наказаній, налагаемыхъ безъ суда. Послѣ того наступаетъ третій періодъ—«совершенное уничтоженіе рабства»[1]).

Проектируя такимъ образомъ въ качествѣ перваго шага къ обновленію Россіи освобожденіе крестьянъ, сопровождаемое предоставленіемъ въ ихъ

[1]) Тамже, 238—63, 265—7.

собственность обрабатываемыхъ ими земельныхъ надѣловъ, Радищевъ далеко опередилъ не только всѣхъ русскихъ своихъ современниковъ, но и большинство западно-европейскихъ мыслителей своей эпохи. Достаточно напомнить, что изъ 155 иностранцевъ, отозвавшихся на поставленную въ 1766 г. Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ по почину Екатерины II задачу, долженъ ли крестьянинъ имѣть собственность, лишь одинъ французъ Граслэнъ категорически высказался за обращеніе всего земельнаго надѣла крестьянъ въ ихъ собственность. Около этого же времени Мабли, ставившій идеаломъ далекаго будущаго общность имуществъ, въ отвѣтъ на обращенный къ нему барскими конфедератами вызовъ указать необходимыя для Польши реформы, ограничился лишь неопредѣленными намеками на желательность предоставленія крестьянамъ не только свободы, но и земельной собственности, тогда какъ Руссо опасался и самаго освобожденія, считая необходимымъ раньше сдѣлать рабовъ достойными свободы и способными пользоваться ею [1]). Радищевъ смѣлѣе своихъ учителей переходилъ отъ теоріи къ практикѣ жизни. Но, выступая съ такимъ рѣшительнымъ проектомъ, онъ долженъ былъ задуматься и надъ вопросомъ, какія силы смогутъ перекинуть этотъ мостъ черезъ пропасть, отдѣлявшую его идеалъ отъ современной ему дѣйствительности. Подъ той сентиментальной и даже риторической оболочкой, въ которую Радищевъ одѣвалъ подчасъ свою мысль, послѣдняя всегда сохраняла въ существѣ своемъ глубоко реальное направленіе, никогда не утрачивая способности взвѣшивать силу конкретныхъ условій дѣйствительности. Радищевъ не ждалъ большой симпатіи къ дѣлу освобожденія крестьянъ отъ главныхъ силъ современнаго ему общественнаго порядка и всего менѣе надеждъ возлагалъ въ этомъ отношеніи на помѣщиковъ. Задавая себѣ вопросъ, какъ можетъ существовать продажа людей въ государствѣ, гдѣ мыслить и вѣрить дозволяется всякому, кто какъ хочетъ», онъ отвѣчалъ: «установленіе свободы въ исповѣданіи обидитъ однихъ поповъ и чернецовъ, да и тѣ скорѣе пожелаютъ пріобрѣсти себѣ овцу, нежели овцу во Христово стадо. Но свобода сельскихъ жителей обидитъ, какъ то говорятъ, право собственности. А всѣ тѣ, кто бы могли свободѣ поборствовать, всѣ великіе отчинники, и свободы не отъ ихъ совѣтовъ ожидать должно, но отъ самой тяжести порабощенія». Въ другомъ мѣстѣ онъ поясняетъ эту мысль, сказавъ, что крестьянинъ въ законѣ мертвъ, и немедленно прибавляя: «нѣтъ, онъ живъ, онъ живъ будетъ, если того восхочетъ» [2]). Итакъ, стремленія самой народной массы, естественно по-

---

[1]) В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в., Спб. 1888, т. I, сс. 64—6; В. Мякотинъ. Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ, Спб. 1889, сс. 95—192.

[2]) Путешествіе, 349, 218.

рождаемыя тяжестью ея положенія, могутъ измѣнить существующій порядокъ вещей. Оставаясь вѣрнымъ духу раціоналистической философіи XVIII вѣка, Радищевъ находилъ и другую силу, способную дѣйствовать въ томъ же самомъ направленіи. Такою силою является для него просвѣщенный разумъ, способный перестраивать жизнь общества. Въ посвященіи своей книги Кутузову Радищевъ говоритъ о томъ глубокомъ уныніи, которое охватило его, когда онъ вглядѣлся въ современную ему русскую жизнь. Но—продолжаетъ онъ —«я обратилъ взоры мои во внутренность мою—и узрѣлъ, что бѣдствія человѣка происходятъ отъ человѣка, и часто отъ того только, что онъ взираетъ не прямо на окружающіе его предметы». Признаніе такого положенія открывало выходъ изъ печальнаго настоящаго въ свѣтлое будущее и давало возможность отдѣльному человѣку принимать дѣятельное участіе въ работѣ надъ созданіемъ условій, облегчающихъ наступленіе этого будущаго. Если главная причина бѣдствій человѣка заключается въ неправильныхъ понятіяхъ, заслоняющихъ его природныя чувства, то просвѣщенный разумъ можетъ устранить эти понятія и тѣмъ самымъ содѣйствовать дѣлу общественнаго прогресса. Въ такомъ содѣйствіи заключался для Радищева и весь смыслъ его собственной книги. «Я человѣку—говоритъ онъ—нашелъ утѣшителя въ немъ самомъ. Отъими завѣсу отъ очей природнаго чувствованія—и блаженъ буду... Воспрянулъ я отъ унынія моего... и—веселіе неизрѣченное!—я почувствовалъ, что возможно всякому соучастникомъ быть въ благоденствіи себѣ подобныхъ. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь». Стихійныя стремленія народной массы и просвѣщенное сознаніе единичныхъ личностей, возвышающее ихъ надъ узкими личными и классовыми интересами,—таковы, стало быть, были въ представленіи Радищева тѣ устои, на которыхъ онъ разсчитывалъ построить мостъ черезъ пропасть, лежавшую между дѣйствительностью его эпохи и его идеаломъ. Исторія въ общемъ оправдала эти разсчеты, но въ одномъ она горько обманула Радищева: тотъ первый шагъ въ обновленіи русскаго быта, котораго онъ ждалъ отъ своей эпохи, на который горячо звалъ своихъ современниковъ, былъ сдѣланъ лишь 70 лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ его книги и болѣе полувѣка послѣ его смерти.

III.

Въ свое время книга Радищева явилась наиболѣе зрѣлымъ плодомъ того идейнаго движенія, какое зарождалось подъ конецъ XVIII вѣка въ жизни русскаго общества подъ вліяніемъ встрѣчи его съ умственными теченіями европейскаго Запада. Ни одинъ изъ писателей его эпохи не усвоилъ себѣ такъ полно и сознательно этихъ теченій, ни одинъ не вглядывался такъ

глубоко въ русскую жизнь и не указывалъ такъ вѣрно на присущія ей болѣзни. Но идеи, лежавшія въ основѣ этого движенія, ставили наиболѣе послѣдовательныхъ своихъ адептовъ въ черезчуръ рѣшительное противорѣчіе съ коренными условіями русской дѣйствительности той поры, а слабость только что начинавшагося движенія заранѣе предрѣшала трагическій исходъ этого противорѣчія. Радищеву первому довелось извѣдать такой исходъ на собственномъ опытѣ. Почти немедленно вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ его книги ему пришлось имѣть дѣло съ такими послѣдствіями этого шага, какихъ онъ не предвидѣлъ и не ожидалъ. Когда «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» появилось въ книжныхъ лавкахъ, продажа его сразу пошла хорошо и книга, видимо, легко находила себѣ читателей, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ обществѣ стали распространяться настолько неблагопріятные слухи относительно вѣроятной судьбы остававшагося пока безъименнымъ автора, что послѣдній уже черезъ нѣсколько дней рѣшился пріостановить продажу, а затѣмъ и сжегъ всѣ оставшіеся у него экземпляры книги. Но было уже поздно; за эти дни надъ головой Радищева нависла бѣда и ему не удалось предотвратить ее.

Въ числѣ первыхъ читателей «Путешествія» оказалась сама имп. Екатерина. Секретарь ея, Храповицкій, 26 іюня 1790 г. записалъ въ своемъ дневникѣ: «Говорено о книгѣ: «Путешествіе отъ Петербурга до Москвы». Тутъ разсѣваніе заразы французской, отвращеніе отъ начальства. Авторъ—мартинистъ. Я прочла тридцать страницъ. Посылка за Рылѣевымъ. Открывается подозрѣніе на Радищева». Впечатлѣніе, произведенное на императрицу чтеніемъ «Путешествія», было чрезвычайно сильно. Екатерина II, о которой въ свое время приближенный къ ней человѣкъ, П. В. Завадовскій, въ интимномъ письмѣ отзывался: «мы любимъ хвалу и въ оной не знаемъ излишества» [1]), которая до сихъ поръ привыкла слышать лишь истину, говоренную «съ улыбкою», иначе говоря, малую долю истины, приправленную значительною долею лести, въ книгѣ Радищева впервые столкнулась съ такою свободою рѣчи и смѣлостью критики, какихъ она ранѣе не знала въ примѣненіи къ условіямъ русскаго быта. Если уже языкъ Новиковскихъ журналовъ и Фонъ-Визинской сатиры непріятно рѣзалъ ея ухо, то Радищевское «Путешествіе» глубоко поразило и оскорбило ее. Вдобавокъ, сама Екатерина къ этой порѣ своей жизни значительно измѣнилась по сравненію съ первыми годами ея царствованія. Бывшая ученица французскихъ философовъ, всегда, впрочемъ, воздерживавшаяся отъ сколько-нибудь широкаго примѣненія ихъ теорій на практикѣ, пугливо отшатнулась отъ ихъ ученія при первыхъ признакахъ революціоннаго движенія въ Европѣ, всецѣло поставленнаго ею

---

[1]) Въ письмѣ Завадовскаго къ гр. С. Р. Воронцову, отъ 16 марта 1777 г. см. Архивъ кн. Воронцова, XXIV, 154.

на счетъ этого ученія. Первыя же вспышки революціи во Франціи заставили ее съ опасливымъ вниманіемъ вглядываться въ настроеніе русскаго общества, и однажды возбужденная въ этомъ направленіи подозрительность доходила до того, что даже въ скромныхъ московскихъ масонахъ Екатерина готова была видѣть предтечъ революціонеровъ, а въ ихъ благотворительной дѣятельности—преступную пропаганду. При такомъ настроеніи императрицы авторъ «Письма къ другу, жительствующему въ Тобольскѣ» и «Путешествія изъ Петербурга въ Москву» представился ей ни болѣе, ни менѣе, какъ «первымъ подвизателемъ французской революціи въ Россіи» [1]). Прочитавъ лишь тридцать страницъ «Путешествія», Екатерина уже произнесла надъ нимъ суровый приговоръ. «Намѣреніе сей книги—записала она—на каждомъ листѣ видно. Сочинитель наполненъ и зараженъ французскимъ заблужденіемъ, ищетъ всячески и защищаетъ все возможное къ умаленію почтенія къ власти и властямъ, къ приведенію народа въ негодованіе противу начальниковъ и начальства. Онъ же едва-ли не мартинистъ или чего подобное» [2]). Дальнѣйшія главы «Путешествія» Екатерина читала очень внимательно, съ перомъ въ рукѣ, тщательно конспектируя содержаніе прочитаннаго изъ страницы въ страницу. Но это не было вниманіе читателя-друга. Взгляды читательницы были черезчуръ далеки отъ міросозерцанія писателя и между ними оказывались возможными лишь рѣзкія и враждебныя столкновенія. Благодаря этому, конспектъ ежеминутно переходилъ въ желчную полемику, а послѣдняя обращалась въ тяжелыя обвиненія, становившіяся весьма опасными въ устахъ того лица, отъ котораго они исходили.

Въ этой любопытной полемикѣ, которую императрица въ тайнѣ отъ другихъ читателей вела въ стѣнахъ своего кабинета съ Радищевымъ, ясно сказалось, какъ глубоко задѣла книга послѣдняго ея самолюбіе. Въ своихъ замѣчаніяхъ Екатерина не пропустила ни одного случая указать на несостоятельность мнѣній непріятнаго ей автора, выставить въ непривлекательномъ видѣ нравственную сторону его взглядовъ или насмѣяться надъ нимъ, не особенно заботясь при этомъ объ основательности собственныхъ аргументовъ и утвержденій. Подмѣтивъ въ философскихъ мѣстахъ книги присутствіе идеалистическихъ воззрѣній и не умѣя опредѣлить истиннаго ихъ источника, она безъ дальнихъ размышленій отнесла автора къ мартинистамъ. Замѣчаніе Радищева, что человѣкъ долженъ болѣе всего заботиться о сохраненіи въ себѣ самоуваженія, дало ей поводъ заключить, что «сочинитель эгоистъ сущій и болѣе собою занятъ, нежели инымъ чѣмъ». Сентиментальная манера повѣствованія, усвоенная Радищевымъ, вызывала злыя насмѣшки его вѣнчаннаго критика: «начинается прежалкая повѣсть

[1]) Чтенія въ Обществѣ Ист. и Древн. Росс., 1865, кн. III, смѣсь. с. 77.
[2]) Архивъ кн. Воронцова, V, 407.

о семьѣ, проданной съ молотка за долги господина»—записала Екатерина при разсказѣ о продажѣ крѣпостныхъ съ аукціона. Язвительное замѣчаніе вылилось изъ-подъ ея пера и при чтеніи разсужденій автора о вредѣ крѣпостного права: «уговариваетъ помѣщиковъ освободить крестьянъ, да никто не послушаетъ». «Ѣдетъ—отозвалась она въ другомъ мѣстѣ объ авторѣ—оплакивать плачевную судьбу крестьянскаго состоянія, хотя и то неоспоримо, что лучшея судьбы нашихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика нѣтъ во всей вселенной». Насмѣшливое отношеніе къ автору книги, усвоенное Екатериною, и категорическое отрицаніе ею справедливости общихъ его утвержденій такъ мало, однако, были согласованы съ дѣйствительностью, что самъ суровый критикъ не только не рѣшался заподозривать правдивость отдѣльныхъ фактовъ, сообщенныхъ въ книгѣ, но даже могъ въ разсказы объ нѣкоторыхъ изъ нихъ вписать имена ихъ виновниковъ, укрытыя авторомъ: «едва ли не исторія Александра Васильевича Салтыкова»,—приписала Екатерина, прочитавъ разсказъ о помѣщикѣ, котораго крестьяне собирались убить за систематическое обезчещеніе дѣвушекъ [1]).

Но если такимъ образомъ въ полемикѣ, предпринятой Екатериною, преимущества, даваемыя точнымъ знаніемъ фактовъ и искренностью и последовательностью мысли, въ большинствѣ случаевъ были не на ея сторонѣ, то это обстоятельство могло не облегчить, а развѣ усугубить тяжесть тѣхъ обвиненій, какія она выставляла противъ автора книги. Черезъ весь разборъ «Путешествія», написанный Екатериною, красною нитью проходитъ тенденція отыскать въ немъ противозаконныя мысли и преступныя стремленія. Въ этомъ разборѣ трудно узнать ту самую государыню, которая нѣкогда переписывала въ свой Наказъ афоризмы Монтескье, утверждая, что «все превращаетъ и опровергаетъ тотъ, кто дѣлаетъ изъ словъ преступленіе, смертной казни достойное», и что «великое было бы несчастье въ государствѣ, еслибы не смѣлъ никто представлять своего опасенія о будущемъ какомъ приключеніи... ниже свободно говорить своего мнѣнія». Теперь общіе взгляды, высказанные въ книгѣ Радищева, представлялись въ ея глазахъ равносильными преступленію, а критика, направленная не на отдѣльныхъ лицъ, а на нравы и учрежденія, казалась ей «опорочиваніемъ всего установленнаго и принятаго». Екатерина, которая сама была, какъ хорошо знали ея современники, болѣе, чѣмъ холодна къ религіи, отмѣчала, однакоже, тѣ страницы книги Радищева, которыя «доказываютъ, что сочинитель совершенный деистъ, и несходственны православному восточному исповѣданію». Она усмотрѣла въ разбираемой ею книгѣ «ядъ французской» и мнѣнія, «уничтожающія законы и совершенно тѣ, отъ которыхъ Франція вверхъ дномъ поставлена». Идеалъ воспитанія, выставленный Радище-

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, V, 410, 416, 420, 419, 414, 417—8.

вымъ, вызвалъ съ ея стороны замѣчаніе, что мнѣнія писателя ведутъ «къ разрушенію союза между родителей и чадъ и совсѣмъ противны Закону Божію, десяти заповѣдямъ, Святому Писанію и гражданскому закону». Наконецъ, утверждая, что мысль автора «клонится къ возмущенію крестьянъ противу помѣщиковъ, войскъ противу начальства», Екатерина и по отношенію къ правительствамъ находила въ книгѣ «страницы криминальнаго намѣренія, совершенно бунтовскія», и заключала, что сочинитель «себя опредѣлилъ начальникомъ, книгою ли или инако, исторгнуть скипетры изъ рукъ царей». «Но какъ — прибавляла она — сіе исполнить онъ единъ не могъ, и оказываются уже слѣды, что нѣсколько сообщниковъ имѣлъ, то надлежитъ его допросить, какъ о семъ, и о подлинномъ намѣреніи и сказать ему, чтобъ онъ написалъ самъ, какъ онъ говоритъ, что правду любитъ, какъ дѣло было; ежели же не напишетъ правду, тогда принудитъ меня сыскать доказательства, и дѣло его сдѣлается дурнѣе прежняго». «Скажите сочинителю,—написала еще Екатерина въ концѣ своихъ замѣчаній, вскрывая одинъ изъ главныхъ мотивовъ своего раздраженія,—что я читала его книгу отъ доски до доски и, прочтя, усумнилась, не сдѣлано ли ему мною какой обиды? Ибо судить его не хочу, дондеже не выслушанъ, хотя онъ судитъ о царяхъ, не выслушивая ихъ оправданія» [1]).

Заключеніе замѣчаній Екатерины говорило уже о допросѣ автора «Путешествія» и судѣ надъ нимъ. Но допросъ Радищева начался еще ранѣе, чѣмъ Екатерина закончила свои замѣчанія. Съ первыхъ страницъ книги императрица заинтересовалась вопросомъ о личности ея автора. Купецъ, въ лавкѣ котораго продавалась книга, и таможенный служащій, бывшій книгопродавецъ, носившій ее на цензуру оберъ-полицеймейстера Рылѣева, были арестованы, но они не назвали имени автора. Указанія на послѣдняго были однако даны Екатеринѣ самимъ содержаніемъ «Путешествія». Слова автора о «знаніи, которое онъ къ счастью своему имѣлъ случай узнать», обратили вниманіе Екатерины на Радищева и его бывшаго товарища по лейпцигскому университету Челищева, о которыхъ она слышала, что у нихъ имѣются домашнія типографіи, а знакомство автора съ «подробностями купецкихъ обмановъ,—чего у таможни приглядѣться можно», — укрѣпило ея подозрѣнія на Радищева [2]). 27 іюня гр. Безбородко именемъ императрицы поручилъ гр. А. Р. Воронцову, непосредственному начальнику Радищева по службѣ, допросить послѣдняго, не онъ ли авторъ инкриминированной книги, но въ тотъ же день Безбородко другимъ письмомъ извѣстилъ Воронцова объ отмѣнѣ этого порученія въ виду того, что «дѣло пошло уже

---

[1]) Тамже, 411, 413, 414, 415, 419, 421—2, 421.
[2]) Архивъ кн. Воронцова, V, 410, 41

формальнымъ слѣдствіемъ» [1]. Послѣднее передано было знаменитому начальнику тайной экспедиціи, Шешковскому. Когда Радищевъ, вызванный къ допросу, услышалъ страшное имя слѣдователя, которому поручено было его дѣло, онъ упалъ въ обморокъ [2]. 30 іюня онъ былъ отвезенъ въ Петропавловскую крѣпость, а 2 іюля Храповицкій занесъ въ свой дневникъ такую отмѣтку: «Радищевъ, сказываютъ, препорученъ Шешковскому и сидитъ въ крѣпости».

Тяжелый ударъ, обрушившійся на Радищева, ошеломилъ его. Поставленный въ положеніе государственнаго преступника, «препорученный» прославившемуся своимъ «кнутобойничаніемъ», по выраженію Потемкина, Шешковскому, предупрежденный отъ имени самой Екатерины, что упорство съ его стороны вынудитъ ее «сыскать доказательства» и сдѣлаетъ его дѣло «дурнѣе прежняго», онъ палъ духомъ. Этому содѣйствовалъ и самый характеръ допроса и обвиненій, къ нему предъявлявшихся. Шешковскій, которому Екатерина переслала свои замѣчанія на «Путешествіе», обратилъ содержаніе всѣхъ этихъ замѣчаній въ допросные пункты Радищеву. Послѣднему легко было доказать, что онъ при написаніи своей книги не руководился никакими мотивами личнаго раздраженія, для которыхъ не было мѣста въ его жизни и служебной дѣятельности, и не питалъ никакихъ преступныхъ замысловъ. «Если кто скажетъ,—говорилъ онъ по поводу послѣдняго пункта въ своей повинной—что я, писавъ сію книгу, хотѣлъ сдѣлать возмущеніе, тому скажу, что ошибается: первое потому, что народъ нашъ книгъ не читаетъ, что писана она слогомъ, для простого народа невнятнымъ, что и напечатано ея очень мало, не цѣлое изданіе или заводъ, а только половина, и можетъ-ли мыслить о семъ, кто общниковъ не имѣетъ; возмогъ-ли я помыслить, что почесть меня такимъ возможно» [3]. Легко, наконецъ, было Радищеву доказать свою непричастность къ мнѣніямъ, несправедливо приписаннымъ ему, въ родѣ симпатіи къ мартинистамъ, простою ссылкою на свою книгу. Но затѣмъ оставался еще вопросъ о мнѣніяхъ, которыя были, несомнѣнно, высказаны Радищевымъ въ его книгѣ и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ уже въ вопросныхъ пунктахъ были квалифицированы, какъ преступныя. Радищевъ не нашелъ въ себѣ мужества,—которое при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ онъ находился, было бы равносильно геройству,—всецѣло подтвердить эти свои мнѣнія. Онъ призналъ себя «преступникомъ», свою книгу—«пагубной», наполненной «безразсудною дерзостью», «гнусными, дерзкими и развратными выраженіями», заявилъ, что написалъ и напечаталъ ее исклю-

[1]) Тамже, XIII, 199, 201.

[2]) П. А. Радищевъ, «А. Н. Радищевъ. По воспоминаніямъ сына». Р. Вѣстникъ, 1858, т. 18, с. 407.

[3]) Архивъ кн. Воронцова, V, 428.

чительно для того, чтобы получить славу смѣлаго писателя и денежную выгоду отъ продажи книги, сознался, что многое написалъ «по сумасшествію на то время и сумасбродству своему», и молилъ о помилованіи [1]). Словомъ, на допросахъ Шешковскаго Радищевъ отрекся отъ своихъ мнѣній. Но, какъ было уже однажды указано въ нашей литературѣ [2]), это отреченіе не было ни искреннимъ, ни даже полнымъ. Свое отреченіе Радищевъ иногда сопровождалъ такими оговорками, которыя, если и не уничтожали, то, по крайней мѣрѣ, значительно смягчали его смыслъ. Въ первоначальныхъ двухъ своихъ повинныхъ онъ, признавая въ общихъ выраженіяхъ свою вину, вмѣстѣ съ тѣмъ пытался отстаивать свои мнѣнія по различнымъ вопросамъ, объясняя, что въ нихъ не заключалось ничего преступнаго. Когда вслѣдъ затѣмъ предложенные ему Шешковскимъ вопросные пункты вновь потребовали у него объясненія этихъ мнѣній, какъ преступныхъ, ему пришлось идти въ своихъ уступкахъ грозному слѣдователю дальше. Такъ, въ своей повинной отъ 1 іюля онъ говорилъ: «если я писалъ противъ цензуры, то думалъ, что творю доброе: думалъ, что она не нужна и, если не будетъ существовать, то обязанный всякъ самъ отвѣтствовать на цензуру полагаться не будетъ». Но въ поставленныхъ ему послѣ того допросныхъ пунктахъ вновь былъ повторенъ вопросъ, почему онъ хочетъ уничтожить цензуру, и на этотъ разъ Радищевъ заявилъ, что признаетъ свое заблужденіе, на собственномъ опытѣ убѣдившись въ пользѣ цензуры, которая можетъ спасти многихъ «заблужденно мыслящихъ» отъ погибели, подобной той, въ какую онъ ввергнулъ себя. Подобнымъ же образомъ на вопросъ о цѣли его размышленій о желательности уничтоженія придворныхъ чиновъ онъ отвѣтилъ: «мысль моя отнюдь того не имѣла въ виду, чтобъ уничтожить тѣ чины, а только безъ всякаго соображенія въ душѣ моей полагалъ такъ, что тѣ чины суть излишніе, и въ томъ признаю себя виновнымъ». По вопросу объ его мнѣніяхъ относительно семейнаго быта, онъ сперва пытался доказать, что, не помышляя «умалить власти родительской», онъ «хотѣлъ только показать, какимъ образомъ она можетъ быть тверда, основанная на чувствованіи сердца», но затѣмъ призналъ «не только ошибку, но и совершенное безуміе» своего мнѣнія, будто дѣти не обязаны благодарностью по отношенію къ родителямъ. Однако по нѣкоторымъ пунктамъ Радищевъ и на вторичномъ допросѣ Шешковскаго снабжалъ признаніе своей вины знаменательными оговорками. Соглашаясь, что не его дѣло было судить о злоупотребленіяхъ администраціи, онъ тѣмъ не менѣе не бралъ назадъ своихъ мнѣній по этому вопросу, заявляя, что «писалъ по умствованію своему о слышанныхъ

---

[1]) Тамже, 423, 429, 437, 431, 433.

[2]) В. Якушкинъ. Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII в. Р. Старина, 1882, № 9, сс. 480—4.

имъ иногда въ народной молвѣ якобы происходившихъ иногда по разнымъ дѣламъ злоупотребленіяхъ», будучи «наслышанъ въ народной молвѣ, будто бъ господа намѣстники употребляютъ данную имъ власть иногда по своимъ прихотямъ, не держась высочайшихъ учрежденій» [1]).

Былъ, наконецъ, одинъ вопросъ, въ которомъ такія оговорки Радищева становились особенно настойчивыми, уничтожая почти весь смыслъ его отреченія отъ идей «Путешествія». Это былъ вопросъ о тяжести положенія крѣпостныхъ и о необходимости ихъ освобожденія. Въ первой своей повинной, говоря о мотивахъ, вызвавшихъ его къ написанію «Путешествія», Радищевъ замѣчалъ: «я думалъ въ заблужденіи моемъ, что могу принести иногда пользу, описывая состояніе помѣщичьихъ крестьянъ, думалъ, что устыжу тѣмъ тѣхъ, которые съ ними поступаютъ жестокосердо». Оправдывая далѣе свой проектъ освобожденія крестьянъ, онъ говорилъ: «въ проектѣ... я мечталъ, признаюсь, какъ можетъ быть оно постепенно; ибо увѣренъ въ душѣ моей, что запретившей покупку деревень къ заводамъ и фабрикамъ законоположницей, что начертавшей перстомъ мягкосердія мѣру работъ приписаннымъ къ заводамъ крестьянамъ, что давшей крестьянину судію изъ среды его мысль освобожденія крестьянъ помѣщичьихъ если не исполнена, то потому, что вящшія тому препятствуютъ соображенія». Когда ему поставлено было на видъ мнѣніе Екатерины, соглаасно которому нигдѣ не было лучше судьбы русскихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика, онъ заявилъ, что въ этомъ онъ и самъ увѣренъ, но писалъ о тяжеломъ ихъ положеніи, «чая, что между помѣщиковъ есть такіе, можно сказать, уроды, которые, отступая отъ правилъ честности и благонравія, дѣлаютъ иногда такія предосудительныя дѣянія, и симъ своимъ писаніемъ думалъ дурного сорта людей отъ такихъ гнусныхъ поступковъ отвратить». Равнымъ образомъ и на другіе вопросы относительно заключающихся въ «Путешествіи» разсказовъ о насиліяхъ помѣщиковъ и убійствахъ послѣднихъ крестьянами онъ повторялъ, что этими разсказами онъ хотѣлъ помѣщиковъ отъ «дурныхъ поступковъ воздержать», и «посрамить, а не меньше и навести страхъ». «Чтобъ крестьяне были вольные,—прибавлялъ онъ—то его желаніе было; однакожъ располагалъ онъ такъ въ мысляхъ своихъ, что-де сіе сдѣлано будетъ по волѣ государыни», и, когда ожидалъ крестьянской свободы отъ самой тяжести порабощенія, то «разумѣлъ: еслибъ случилось, что дворяне будутъ своихъ крестьянъ отягощать чрезмѣрно, и тогда высшая императорская власть ихъ отъ онаго отягощенія избавитъ» [2]). Такимъ образомъ, даже лицомъ къ лицу съ Шешковскимъ, наканунѣ суда и приговора, Радищевъ нашелъ въ себѣ довольно силы, чтобы хотя коснѣющимъ

[1]) Архивъ кн. Воронцова, V, 428, 438, 426, 435—6, 433, 434.
[2]) Тамже, 423, 426—7, 434—5, 437, 439.

отъ страха языкомъ, все же признать свою скорбь о крѣпостномъ крестьянствѣ и выговорить передъ правительствомъ слово защиты за него. Не даромъ въ его семьѣ сохранилось преданіе, что, находясь подъ арестомъ, онъ заказалъ своему крѣпостному живописцу образъ одного заключеннаго за чрезмѣрную смѣлость обличеній святого съ надписью: «блаженны изгнаніи правды ради» [1]). Не даромъ также, возобновивъ въ тоскѣ заключенія свою литературную дѣятельность и начавъ писать повѣсть въ поученіе своимъ дѣтямъ, онъ выбралъ героемъ ея Филарета милостиваго и его примѣромъ убѣждалъ своихъ будущихъ читателей выше всѣхъ добродѣтелей цѣнить любовь къ ближнему или, говоря его языкомъ, «мягкосердіе» [2]).

Слѣдствіе Шешковскаго закончилось около 11 іюля и 13 іюля именной указъ Екатерины, данный на имя петербургскаго главнокомандующаго гр. Брюса, передалъ дѣло Радищева въ палату уголовнаго суда. Предварительное слѣдствіе, произведенное Шешковскимъ, опровергло обвиненія Радищева въ преступныхъ замыслахъ и дало новый матеріалъ для другихъ обвиненій лишь въ видѣ признанія самимъ обвиняемымъ преступности его мнѣній; новое свѣдѣніе, доставленное слѣдствіемъ, заключалось лишь въ сознаніи самого Радищева, что онъ послѣ цензуры Рылѣева внесъ въ свою книгу коекакія не особенно значительныя дополненія и поправки, имѣвшія по преимуществу характеръ корректурныхъ исправленій. Соотвѣтственно этому и указъ Екатерины выставлялъ противъ Радищева главнымъ образомъ тѣ обвиненія, которыя были сформулированы ею при самомъ началѣ чтенія «Путешествія». Радищевъ предавался суду за то, что, по собственному признанію, напечаталъ книгу, «наполненную самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобъ произвесть въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, наконецъ, оскорбительными выраженіями противу сана и власти царской», и «послѣ цензуры управы благочинія внесъ многіе листы въ помянутую книгу» [3]). Одновременно съ этимъ указомъ гр. Брюсъ получилъ отъ Безбородка и инструкцію, какъ должно вести дѣло въ уголовной палатѣ. Согласно этой инструкціи, палата должна была предложить Радищеву четыре вопроса: 1) онъ ли сочинитель книги? 2) въ какомъ намѣреніи сочинилъ ее? 3) кто его сообщники? 4) чувствуетъ ли онъ важность своего преступленія? «По таковомъ допросѣ— гласила инструкція—не трудно будетъ палатѣ положить свой приговоръ, на точныхъ словахъ законовъ основанный». Допросы же, произведенные Радищеву въ тайной экспедиціи, было признано совершенно излишнимъ

---

[1]) Р. Вѣстникъ, 1858, т. 18, с. 409.
[2]) См. эту повѣсть у Сухомлинова. Изслѣдованія и статьи, I, 598—611.
[3]) Сочиненія имп. Екатерины II, СПБ., 1850 г., т. III, с. 393.

сообщать палатѣ, и они остались въ тайнѣ. «Многія тутъ вещи — писалъ Безбородко—никакъ не могутъ относиться къ обыкновенному трибуналу, который видитъ его преступленіе, удостовѣряется въ немъ новымъ его признаніемъ и имѣетъ прямые законы на осужденіе его. Сверхъ того, многіе вопросы, особливо же: «не имѣетъ ли онъ какого неудовольствія или обиды на ея величество?» отнюдь непристойно выводить передъ судомъ». Наконецъ, послѣдній пунктъ инструкціи содержалъ въ себѣ такое указаніе: «раскаяніе до суда не касается, а въ волѣ государевой на него воззрѣть, когда судъ до его крайняго изреченія достигнетъ» [1]).

Дѣйствуя въ полномъ согласіи съ данною ей инструкціей, уголовная палата предложила Радищеву указанные ей вопросы и, признавъ его по выслушаніи его отвѣтовъ виновнымъ, буквально переписала въ свой приговоръ ту часть указа 13 іюля, въ которой перечислялись преступленія Радищева. Труднѣе было отыскать прямые законы, на основаніи которыхъ возможно было бы покарать эти преступленія. Въ тогдашней Россіи не существовало законовъ, которые предусматривали бы преступленія, за какія обвинялся Радищевъ. Изъ этого затрудненія палата вышла, примѣнивъ къ автору «Путешествія» почти всѣ статьи тогдашнихъ законовъ: Уложенія, Воинскаго Регламента и Морского Устава, — трактовавшія о государственныхъ преступленіяхъ и назначавшія за нихъ смертную казнь. Къ Радищеву были такимъ путемъ примѣнены статьи законовъ, говорившія о «ворахъ, которые чинятъ въ людяхъ смуту и затѣваютъ на многихъ людей воровскимъ своимъ умышленіемъ затѣйныя дѣла», о преступникахъ, «умышляющихъ на государево здоровье злое дѣло», или желающихъ «московскимъ государствомъ завладѣти и государемъ быти», объ офицерахъ, сдавшихъ непріятелю крѣпость безъ крайности, и т. п. На основаніи всѣхъ этихъ законовъ палата 24 іюля приговорила Радищева къ смертной казни [2]). Въ такомъ видѣ приговоръ поступилъ въ сенатъ, согласно ст. 13 жалованной грамоты дворянству, предписывавшей дѣла о лишеніи дворянина жизни, чести или имущества вносить на разсмотрѣніе сената и на утвержденіе верховной власти. Сенатъ призналъ приговоръ палаты правильнымъ и съ своей стороны полагалъ лишь до подписанія указа о смертной казни Радищеву, «заклепавъ его въ кандалы, сослать въ каторжную работу... въ Нерчинскъ» [3]). 11 августа мнѣніе сената было доложено императрицѣ, которая нашла нужнымъ передать его на разсмотрѣніе существовавшаго въ это время для особо важныхъ дѣлъ «совѣта ея величества». «Съ примѣтною чувствительностію—отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ Храповицкій—при-

[1]) Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи, I, 591.

[2]) Якушкинъ. Судъ надъ русскимъ писателемъ въ XVIII в., Рус. Старина, 1882 г., № 9, сс. 495—501 и 505—6.

[3]) Тамже, с. 531.

казано разсмотрѣть въ совѣтѣ, чтобъ не быть пристрастною, и объявить, дабы не уважали до меня касающееся, понеже я презираю». Черезъ восемь дней послѣ того докладъ сената и былъ внесенъ въ совѣтъ, причемъ Безбородко объявилъ послѣднему замѣчаніе императрицы, что въ сенатскомъ докладѣ «выписаны всѣ законы, кромѣ присяги, противу коей подсудимый преступникомъ явился», и заявленіе Екатерины, что она «презираетъ все, что въ зловредной его, Радищева, книгѣ оскорбительнаго особѣ ея высказано». Такимъ образомъ совѣту были указаны два новыя обстоятельства, отягчавшія вину Радищева: нарушеніе присяги и личное оскорбленіе, нанесенное императрицѣ. Совѣтъ, выслушавъ докладъ и «сличая означенное въ немъ содержаніе помянутой книги съ присягою, находилъ, что сочинитель сей книги, поступя въ противность своей присяги и должности, заслуживаетъ наказаніе, законами предписанное» [1]).

Если вся судебная процедура по дѣлу Радищева потребовала для себя такимъ образомъ лишь немногимъ болѣе мѣсяца, то окончательное рѣшеніе дѣла затянулось на несоразмѣрно долгій срокъ. Лишь 4 сентября 1790 г. состоялся именной указъ сенату, опредѣлившій судьбу Радищева. Въ началѣ этого указа перечислялись всѣ преступленія, поставленныя въ вину Радищеву во время прохожденія его дѣла черезъ различныя судебныя инстанціи. Онъ, по словамъ указа, «оказался въ преступленіи противу присяги его и должности подданнаго изданіемъ книги подъ названіемъ: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства и, наконецъ, оскорбительными и неистовыми выраженіями противу сана и власти царской, учинивъ сверхъ того ложный поступокъ прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу». За эти преступленія палата уголовныхъ дѣлъ и сенатъ присудили его къ смертной казни. «И хотя—продолжалъ указъ—по роду столь важной вины заслуживаетъ онъ сію казнь, по точной силѣ законовъ означенными мѣстами ему приговоренную, но мы, послѣдуя правиламъ нашимъ, чтобъ соединять правосудіе съ милосердіемъ, для всеобщей радости» по случаю заключенія мира со Швеціей, «освобождаемъ его отъ лишенія живота и повелѣваемъ вмѣсто того, отобравъ у него чины, знаки ордена св. Владиміра и дворянское достоинство, сослать его въ Сибирь, въ Илимской острогъ, на 10-лѣтнее безъисходное пребываніе; имѣніе же, буде у него есть, оставить въ пользу дѣтей его, которыхъ отдать на попеченіе дѣда ихъ» [2]). Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе съ чрезвычайною поспѣшностью

[1]) Архивъ Государственнаго Совѣта, т. I. СПБ., 1869 г., с 737.
[2]) П. С. З., № 16.901.

и большою суровостью. Радищеву не удалось даже передъ отъѣздомъ проститься съ своей семьей—дѣтьми отъ умершей жены и жившей съ ними свояченицей его. Прямо изъ петербургскаго губернскаго правленія, куда онъ былъ привезенъ изъ мѣста своего заключенія для выслушанія приговора, онъ и былъ отправленъ въ дорогу, причемъ правленіе отъ себя распорядилось заковать его въ кандалы. У него не было теплой одежды,—на него надѣли «гнусную нагольную шубу, взявъ ее тутъ же у сторожа или солдата». Лишь въ Новгородѣ догналъ его курьеръ съ исходатайствованнымъ гр. А. Р. Воронцовымъ приказаніемъ Екатерины снять съ него оковы и доставить ему нужныя для дороги вещи [1].

Воронцовъ и вообще принялъ большое участіе въ судьбѣ Радищева. Въ качествѣ президента коммерцъ-коллегіи онъ еще съ 1777 года былъ начальникомъ Радищева по службѣ и, успѣвъ оцѣнить въ немъ не только честнаго чиновника, но и человѣка большого образованія и высокихъ душевныхъ качествъ, дружески сблизился съ нимъ. Не покинулъ онъ Радищева и въ бѣдѣ, хотя самъ въ это время не пользовался расположеніемъ Екатерины и петербургская молва даже называла его, правда, безъ всякихъ основаній, соучастникомъ въ книгѣ Радищева. Когда состоялся уже приговоръ палаты надъ послѣднимъ и братъ его, М. Н. Радищевъ, служившій въ архангельской таможнѣ, рѣшилъ было выйти въ отставку, чтобы посвятить себя воспитанію дѣтей своего брата, Воронцовъ уговорилъ его выждать окончанія дѣла, обѣщая во всякомъ случаѣ съ своей стороны не оставить осиротѣвшей семьи. Послѣ того, какъ судьба Радищева была рѣшена указомъ 4 сентября, Воронцовъ назначилъ его семьѣ пенсію изъ своихъ средствъ и принялъ мѣры къ облегченію участи его самого. Съ этою цѣлью онъ написалъ тверскому, нижегородскому, пермскому и иркутскому губернаторамъ, прося ихъ принять зависящія отъ нихъ мѣры къ облегченію участи Радищева при проѣздѣ его черезъ ихъ губерніи, и пересылалъ черезъ нихъ деньги для Радищева, вскорѣ вступивъ съ нимъ и въ прямую переписку [2]. Большое сочувствіе къ судьбѣ Радищева выказывали и другія знавшія его лица. Не только купцы на биржѣ плакали, узнавъ объ его участи, но даже полицейскій чиновникъ, объявлявшій его семейству о состоявшемся надъ нимъ приговорѣ, исполнялъ это порученіе со слезами [3]. Приговоръ надъ авторомъ «Путешествія» многихъ изъ современниковъ поражалъ своею суровостью. Тогдашній русскій посланникъ въ Англіи, гр. С. Р. Воронцовъ, писалъ своему брату, что подобное наказаніе, наложенное за простую опрометчивость,

[1] Архивъ кн. Воронцова, V, 399, 285.
[2] Тамже, 395—6, 396—400.
[3] Р. Вѣстникъ, 1858, т. 18, 409, 408.

заставляетъ содрогаться [1]). Около этого же времени одинъ изъ московскихъ масоновъ писалъ въ Берлинъ Кутузову, другу Радищева: «жалѣніе твое о немъ, конечно, извиняютъ всѣ, имѣющіе сентименты честности». Въ обществѣ не могли сразу примириться съ мыслью, что приговоръ, заключавшійся въ указѣ 4 сентября, будетъ осуществленъ на дѣлѣ во всей своей строгости, и втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ того, какъ Радищевъ былъ вывезенъ изъ Петербурга, въ различныхъ кругахъ общества все еще упорно возникали одинъ за другимъ слухи о предстоящемъ или даже уже совершившемся смягченіи его участи. Черезъ два мѣсяца по объявленіи приговора, 31 октября 1790 г., Лопухинъ писалъ Кутузову, что въ Москвѣ ходитъ слухъ, будто Радищева велѣно отправить не въ Сибирь, а къ отцу его въ Саратовскую губернію. Еще ранѣе того до Кутузова дошелъ въ Берлинъ слухъ, будто императрица приказала возвратить его друга изъ Сибири и лишь запретила ему въѣздъ въ обѣ столицы [2]). Отцу Радищева многіе совѣтовали обратиться съ просьбою о смягченіи наказанія, постигшаго его сына, къ Потемкину, а въ Архангельскѣ въ маѣ 1791 г. было получено даже извѣстіе изъ Петербурга, будто Потемкинъ уже исходатайствовалъ свободу Радищеву и къ послѣднему посланъ въ Сибирь курьеръ съ разрѣшеніемъ возвратиться [3]). Сочувствіе общества, сказавшееся во всѣхъ этихъ слухахъ и ожиданіяхъ, было однако безсильно въ чемъ-либо измѣнить судьбу автора «Путешествія», и онъ остался въ Сибири до конца царствованія Екатерины.

IV.

Кара, постигшая Радищева, въ первую минуту тяжело отозвалась на немъ. Изданіе «Путешествія» не было съ его стороны результатомъ легкомысленнаго увлеченія или неосторожной ошибки. Когда онъ издавалъ свою книгу, онъ приближался уже къ концу сорокъ перваго года своей жизни и былъ, слѣдовательно, въ такомъ возрастѣ, когда человѣкъ обыкновенно не подчиняется первому влеченію чувства, а болѣе или менѣе тщательно взвѣшиваетъ свои рѣшенія и ихъ возможные результаты. Авторъ «Путешествія» могъ, конечно, предполагать, что его книга не особенно благосклонно будетъ встрѣчена императрицей и онъ потеряетъ расположеніе послѣдней, но онъ,

---

[1]) «La condamnation du pauvre Radistchef me fait une peine extreme. Quelle sentence et quel adoucissement pour une étourderie... Cela fait fremir». Архивъ кн. Воронцова, IX, 181, письмо отъ 1 октября 1790 г.

[2]) Русскіе вольнодумцы въ царствованіе Екатерины II, Р. Старина. 1874, № 1, с. 72; № 2, с. 262; № 3, с. 466.

[3]) Письма къ А. Р. Воронцову Н. А. Радищева отъ 9 марта и М. Н. Радищева отъ 17 мая 1791 г., Архивъ кн. Воронцова, V, 401 и 402.

несомнѣнно, не ожидалъ, что его мысли будутъ вмѣнены ему въ преступленіе. Тѣмъ менѣе могъ онъ ожидать для себя такой кары, какая послѣдовала въ дѣйствительности, и она глубоко потрясла его. Онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ ссылку разбитымъ и физически, и нравственно. Трехмѣсячное заключеніе, долгая и томительная неизвѣстность о своей судьбѣ и лишенія, испытанныя въ началѣ пути, надломили его и безъ того слабое здоровье, и въ Москву его привезли настолько больнымъ, что здѣсь пришлось остановиться и ждать его выздоровленія. Выѣхавъ изъ Нижняго, онъ опять было заболѣлъ и болѣе или менѣе оправился, лишь подъѣзжая къ Казани. Но сильнѣе физическихъ страданій мучила его въ это время мысль о дѣтяхъ, оставшихся безъ призора и обезпеченія. «Какъ скучно вспомнить,—писалъ онъ Воронцову изъ Перми — что я живу въ разлученіи съ дѣтьми... Если кто знаетъ, что дѣйствительнымъ блаженствомъ я полагалъ быть съ ними, тотъ можетъ себѣ вообразить, что скорбь моя должна быть безпредѣльна». «Признаюсь,—писалъ онъ въ другой разъ - что чувствительно было видѣть на себѣ желѣзы, но разлука съ дѣтьми моими есть для меня томная смерть» [1]). Переживая эту скорбь разлуки съ дѣтьми и безпокойства объ нихъ, Радищевъ готовъ былъ даже винить исключительно себя въ томъ, что попалъ въ бѣду, которой не случилось бы, еслибы онъ не утаилъ своего «безразсудства» отъ Воронцова. «Пенять, ни сѣтовать мнѣ не на кого совершенно,—писалъ онъ послѣднему, соглашаясь съ его словами въ письмѣ къ тверскому губернатору. — Я самъ себѣ устроилъ бѣдствіе и стараюсь сносить казнь мою съ терпѣніемъ». Извѣстіе о томъ, что Воронцовъ принялъ на себя заботу объ его семьѣ, нѣсколько успокоило Радищева, но все же его не переставала волновать мысль о дѣтяхъ и о своей винѣ передъ ними, и въ своихъ письмахъ съ дороги къ Воронцову онъ не разъ говоритъ о своемъ раскаяніи въ совершенномъ проступкѣ и о намѣреніи «исправиться». Порою эти выраженія скорби и печали были очень рѣшительны, до нѣкоторой степени напоминая даже показанія, данныя Радищевымъ на допросахъ. Еще 8 марта 1797 г., въ письмѣ, отправленномъ изъ Тобольска, онъ говорилъ, что самъ навлекъ на себя несчастье «безразсудствомъ, непростительнымъ въ его годы». Восемь мѣсяцевъ спустя, въ письмѣ, посланномъ изъ Иркутска 5 ноября 1797 г., онъ опять повторялъ, что ничто не можетъ заглушить въ его душѣ печали, происходящей отъ разлуки съ дѣтьми, и что эта печаль, заставляя его раскаяваться въ совершенномъ проступкѣ, не позволила бы ему вновь «впасть въ преступленіе». «И признаюсь вамъ чистосердечно, — прибавлялъ онъ — каково должно быть мое поведеніе, чтобы раскаяніе изъявляло, не знаю» [2]).

---

[1]) Тамже, V, 400 и XII, 428, 426.
[2]) Тамже, V, 288; XII, 427; V, 289 и 328.

Но какъ ни велика была душевная растерянность, охватившая Радищева въ первый моментъ послѣ осужденія, какъ ни сильна была въ его сердцѣ любящаго отца печаль о покинутыхъ дѣтяхъ, его дѣятельный умъ не могъ долго жить одними лишь впечатлѣніями сухой и безплодной скорби. Путешествіе, хотя бы и невольное, само по себѣ уже до нѣкоторой степени разсѣивало эти впечатлѣнія, давая обильный и разнообразный матеріалъ для наблюденій надъ природой и жизнью страны, которую путешественнику предстояло проѣхать изъ конца въ конецъ. Такого рода наблюденія могли производиться имъ тѣмъ съ большимъ удобствомъ, что хлопоты Воронцова передъ мѣстнымъ начальствомъ тѣхъ губерній, которыя долженъ былъ проѣзжать Радищевъ, не остались безъ послѣдствій: начиная съ Твери, онъ былъ уже снабженъ необходимыми вещами, могъ запасаться книгами и вещами и пользовался нѣкоторыми другими льготами. Въ свою очередь нравственная поддержка Воронцова, тѣ утѣшенія и ободренія, какія находилъ въ его письмахъ Радищевъ, забрасывали искру надежды въ его измученную душу и воскрешали въ ней энергію. «Еслибы не блисталъ лучъ надежды, хотя въ отдаленности,—писалъ онъ по этому поводу Воронцову - еслибы я не находилъ толикое соболѣзнованіе и человѣколюбіе отъ начальства въ проѣздъ мой чрезъ разныя губерніи, то, признаюсь. что лишился бы. можетъ быть. и совсѣмъ разсудка». Во всякомъ случаѣ при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ совершалась поѣздка Радищева, впечатлѣнія дороги скоро завладѣли его вниманіемъ и дали богатую пищу его разностороннему и воспріимчивому уму. «Разумъ мой—писалъ онъ уже изъ Нижняго 20 октября 1790 г. - можетъ иногда заниматься упражненіемъ. Когда я стою на ночлегѣ, то могу читать; когда ѣду, стараюсь замѣчать положеніе долинъ, буераковъ, горъ, рѣкъ; учусь въ самомъ дѣлѣ тому, что иногда читалъ о исторіи земли; песокъ, глина, камень, все привлекаетъ мое вниманіе» [1]. Если первоначально эти наблюденія служили для Радищева по преимуществу средствомъ разсѣяться, «примѣчаніями и наблюденіями естественности разогнать черноту мыслей» [2], то постепенно они все болѣе занимали его и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтали совершенно самостоятельное значеніе. Его письма къ Воронцову съ теченіемъ времени все въ большей мѣрѣ переполнялись разнообразными замѣчаніями о характерѣ тѣхъ мѣстностей, черезъ которыя онъ проѣзжалъ, и о бытѣ ихъ населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ начиналъ помышлять о систематическихъ наблюденіяхъ на мѣстѣ своего будущаго пребыванія и все чаще обращался къ Воронцову съ просьбами о высылкѣ необходимыхъ инструментовъ и книгъ. Начиная съ Казани, куда онъ прибылъ въ первыхъ числахъ ноября, онъ сталъ вести

[1]) Тамже, XII, 428; V, 286.
[2]) Тамже, XII, 428.

путевыя замѣтки въ формѣ дневника и прекратилъ ихъ составленіе лишь незадолго до окончанія своего длиннаго пути, 20 декабря 1791 г. [1]). Эти непритязательныя замѣтки, набросанныя ихъ авторомъ исключительно для самого себя, представляютъ большой интересъ, указывая тѣ вопросы, которые привлекали къ себѣ мысль ихъ составителя. Изо дня въ день Радищевъ, на ряду съ названіями проѣзжаемыхъ станцій и числомъ раздѣляющихъ ихъ верстъ, заносилъ въ свои замѣтки самыя разнообразныя свѣдѣнія, какія ему удавалось пріобрѣсти на пути. Геологическія наблюденія и краткія описанія мѣстности смѣняются здѣсь свѣдѣніями объ ея флорѣ и фаунѣ, а эти свѣдѣнія уступаютъ мѣсто отмѣткамъ объ этнографическихъ особенностяхъ жителей, ихъ бытѣ, промыслахъ и т. д. Экономическій бытъ населенія въ свою очередь привлекаетъ къ себѣ вниманіе автора замѣтокъ, съ особенною подробностью записывавшаго въ нихъ тѣ свѣдѣнія, какія ему удавалось собрать относительно тяжелаго положенія приписанныхъ къ заводамъ крестьянъ. Очевидно, мысль писателя не только сохранила свой широкій кругозоръ и работала съ прежнею энергіей, но и возвращалась упорно на тѣ самые пути, отъ слѣдованія по которымъ Радищевъ хотѣлъ было «исправиться».

Ко времени его пріѣзда въ Сибирь эти наблюденія перешли уже въ попытки систематическаго изученія «Время моего здѣсь пребыванія—писалъ онъ изъ Тобольска—я по возможности стараюсь употребить себѣ въ пользу пріобрѣтеніемъ безпристрастныхъ о здѣшней сторонѣ свѣдѣній» [2]). Условія его обстановки до нѣкоторой степени благопріятствовали этому. Онъ могъ теперь менѣе тревожиться о своей семьѣ: младшія его дѣти были привезены къ нему уже въ Тобольскъ его свояченицей, Е. В. Рубановской, на которой онъ впослѣдствіи женился въ Илимскѣ, а старшія были отосланы, по его желанію, къ жившему въ Архангельскѣ брату его. Мѣстная высшая администрація, предувѣдомленная о Радищевѣ Воронцовымъ и впервые увидѣвшая въ Сибири ссыльнаго новаго типа, отнеслась къ нему мягко, и онъ могъ, не торопясь въ мѣсто своей ссылки, прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ Тобольскѣ и болѣе двухъ мѣсяцевъ въ Иркутскѣ. Но въ концѣ концовъ надо было уѣзжать и изъ послѣдняго города, тѣмъ болѣе, что этого настоятельно требовалъ и Воронцовъ, опасавшійся новой вспышки гнѣва Екатерины. 3 января 1792 г. Радищевъ пріѣхалъ съ своею семьей въ Илимскъ, глухой городишко Иркутской губерніи, не насчитывавшій въ себѣ и 500 жителей. Здѣсь онъ прожилъ еще шесть лѣтъ, отрѣзанный отъ личныхъ сношеній со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, внѣ всякаго интеллигентнаго общества,

---

[1]) Копія этихъ замѣтокъ, какъ и замѣтокъ, веденныхъ Радищевымъ на пути изъ Сибири, любезно сообщена мнѣ В. И. Семевскимъ.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, V, 291.

состоя подъ надзоромъ грубыхъ и невѣжественныхъ исправниковъ, которые, не имѣя никакого понятія объ его преступленіи, видѣли въ немъ проворовавшагося чиновника и отъ корыстолюбія которыхъ его спасало лишь личное знакомство съ губернаторомъ.

Но и въ этомъ медвѣжьемъ углу Сибири Радищевъ не остался въ бездѣйствіи. Вспомнивъ свои лейпцигскія занятія медициной, онъ сдѣлался врачемъ нуждавшагося въ медицинской помощи населенія Илимска, причемъ ему случалось выступать въ роли не только врача-терапевта, но и хирурга [1]). Не ослабѣла въ новой обстановкѣ жизни и его умственная энергія. Выписавъ въ Сибирь часть собственной библіотеки, онъ сверхъ того черезъ Воронцова получалъ французскіе и нѣмецкіе журналы и книги и такимъ путемъ по возможности слѣдилъ за европейской литературой и наукой. Въ своей перепискѣ съ Воронцовымъ онъ продолжалъ сообщать послѣднему обстоятельныя свѣдѣнія по различнымъ вопросамъ сибирской жизни, которую онъ изучалъ съ большимъ вниманіемъ, насколько позволяло это его положеніе прикрѣпленнаго къ одному мѣсту человѣка. Плодомъ такого изученія явился, между прочимъ, его трактатъ «О китайскомъ торгѣ», написанный въ 1792 г. въ формѣ письма къ тому же Воронцову. За время пребыванія въ Илимскѣ были написаны имъ еще два произведенія—«Сокращенное повѣствованіе о пріобрѣтеніи Сибири» и большой философскій трактатъ «О человѣкѣ, его смертности и безсмертіи». Руководящія идеи этой разносторонней литературной дѣятельности, въ которой изученіе основныхъ проблемъ философіи соединялось съ изслѣдованіемъ вопросовъ современнаго экономическаго быта и попытками историческаго повѣствованія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ были болѣе детально развиты, чѣмъ это удавалось сдѣлать Радищеву ранѣе, но въ общемъ ихъ направленіе осталось прежнимъ. Иногда же, наоборотъ, идеи, высказанныя въ «Путешествіи», въ этихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ Радищева являются лишь въ видѣ мимоходомъ брошенныхъ намековъ, достаточно, однакоже, ясныхъ для того, чтобы не могло возникать сомнѣнія на счетъ ихъ смысла. Главной задачей государства въ глазахъ Радищева по прежнему является развитіе гражданственности, и въ своей статьѣ о завоеваніи Сибири онъ высказываетъ надежду на то, что когда-нибудь великія силы русскаго народа будутъ обращены отъ пріобрѣтенія внѣшняго могущества «на снисканіе всего того, что содѣлать можетъ блаженство общественное» [2]). Въ области вопросовъ экономическаго и въ частности промышленнаго быта онъ въ своемъ «Письмѣ о китайскомъ торгѣ» выступаетъ рѣшительнымъ сторонникомъ интересовъ народной массы, которые въ его пониманіи ведутъ къ предпочтенію деревенскихъ кустарныхъ промысловъ большимъ городскимъ

[1]) Тамже, XII, 430.

[2]) Собраніе сочиненій Радищева, М. 1811, ч. VI, с. 11.

фабрикамъ: выше мануфактуръ, которыя «за каждыми 200, 300, 500 или 1.000 человѣкъ, получающихъ хлѣбъ насущный, обогащаютъ одного или двухъ гражданъ», ставитъ онъ такое «рукодѣліе», которое, «не обогащая ни одного, многимъ частнымъ и большею частію сельскимъ жителямъ доставляетъ довольственное житіе» [1]). Но изъ всѣхъ трудовъ этой поры жизни Радищева наиболѣе важенъ для выясненія его воззрѣній и мѣста, занимаемаго имъ въ исторіи русскаго просвѣщенія, его философскій трактатъ. Толчкомъ къ написанію этого трактата, какъ указываетъ самъ Радищевъ, для него послужило «нечаянное переселеніе» въ далекую страну, разлучившее его съ близкими людьми и почти отнявшее надежду на новое свиданіе съ ними. И раньше ему не разъ приходилось задумываться надъ тѣмъ, что ожидаетъ человѣка за порогомъ жизни, причемъ онъ не находилъ, повидимому, вполнѣ опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ [2]). Теперь ссылка заставила его чаще прежняго возвращаться къ вопросу о томъ состояніи, какое наступаетъ для человѣка послѣ его смерти, когда разрушается тѣло, прерывается жизнь и чувствованіе. Горечь разлуки съ близкими сдѣлала для него особенно привлекательной мысль о возможности, хотя бы и не достигающей степени очевидности, нѣкогда, если не въ этой жизни, то въ будущей, «паки облобызать своихъ друзей и сказать имъ: люблю васъ по прежнему» [3]). Подъ вліяніемъ такого настроенія онъ принялся за философскій трактатъ, спеціально посвященный вопросу о безсмертіи. Трактатъ этотъ, обнаруживающій въ авторѣ обстоятельное знакомство съ западно-европейской естественно-научной и философской литературой и рѣдкое для русскаго человѣка той эпохи умѣніе пользоваться пріемами мыслителя, раздѣляется на четыре части. Въ первой Радищевъ устанавливаетъ необходимыя для него общія положенія и исходные пункты разсужденія: обозрѣвая жизнь человѣка, онъ пытается опредѣлить состояніе человѣка до рожденія, мѣсто, занимаемое имъ въ природѣ, его сходства съ минералами, растеніями и животными, наконецъ, его философскія и умственныя способности. Человѣкъ, по его взгляду, неразрывно связанъ со всею цѣпью существъ, образующихъ природу, и вмѣстѣ съ тѣмъ

1) Тамже, с. 94.

2) Его колебанія нашли себѣ характерное выраженіе въ эпитафіи, написанной на смерть первой жены. «О, если то не ложно,—говоритъ здѣсь Радищевъ—что мы по смерти будемъ жить; — коль будемъ жить, то чувствовать намъ должно;—коль будемъ чувствовать, нельзя и не любить.—Надеждой сей себя питая—и дни въ тоскѣ препровождая,—я смерти жду, какъ брачна дня:—умру и горести забуду, —въ объятіяхъ твоихъ я паки счастливъ буду!—Но если-жь то мечта, что сердцу льститъ, маня,—и ненавистный рокъ отъялъ тебя на вѣки,—тогда отрады нѣтъ, да льются слезны рѣки»!.. Собраніе сочиненій Радищева, ч. I, с. 199.

3) Собраніе сочиненій Радищева, ч. II, сс. 5—6.

является наиболѣе совершеннымъ ея созданіемъ. Во второй части разбирается вопросъ о тожествѣ или различіи матеріи и духа, причемъ авторъ, считая возможнымъ лишь болѣе вѣроятное разрѣшеніе этого вопроса, приводитъ доводы въ пользу обоихъ мнѣній и заключаетъ ихъ изложеніе пространнымъ монологомъ, который онъ вкладываетъ въ уста своего воображаемаго противника, рѣшительнаго и послѣдовательнаго матеріалиста. Этотъ монологъ, дѣйствительно, воспроизводитъ довольно близко къ подлиннику многіе изъ основныхъ доводовъ философскаго матеріализма XVIII вѣка, въ частности многіе изъ тѣхъ доводовъ, которые нашли себѣ мѣсто въ «Системѣ Природы» Гольбаха [1]). Въ двухъ послѣднихъ частяхъ своего труда Радищевъ занимаетъ уже болѣе опредѣленную позицію. Рѣшительно выступая противъ безотраднаго съ его точки зрѣнія ученія матеріализма, но въ то же время далеко отходя отъ традиціонныхъ представленій, онъ въ положительной части своего труда является ученикомъ и послѣдователемъ Лейбница, идеи котораго издавна легли въ основу его собственныхъ философскихъ взглядовъ. Доказывая, что въ мірѣ ничто не уничтожается, но все подвержено безпрерывному измѣненію, причемъ каждая вещь переходитъ изъ одного состоянія въ другое, прямо ему противоположное и тѣмъ не менѣе уже заключающееся въ первомъ, онъ примѣнялъ этотъ общій взглядъ и къ явленію смерти. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пытался рядомъ естественно-научныхъ наблюденій и теоретическихъ доводовъ обосновать мнѣніе объ отдѣльномъ бытіи души, какъ существа простого и несложнаго, и отсюда заключалъ о невозможности ея уничтоженія, мыслимаго вообще

[1]) Выше намъ приходилось уже отмѣчать возможность вліянія автора «Системы Природы» на Радищева въ другихъ вопросахъ. Радищевъ, нужно замѣтить, нигдѣ въ своихъ сочиненіяхъ не называетъ имени Гольбаха, хотя нерѣдко ссылается на другихъ ученыхъ и философовъ. Однако его изложеніе доводовъ матеріализма во многомъ такъ близко къ изложенію Гольбаха, подчасъ повторяя не только мысли, но и слова послѣдняго, что трудно сомнѣваться въ непосредственномъ знакомствѣ русскаго писателя съ наиболѣе блестящимъ и глубокимъ представителемъ французскаго матеріализма XVIII вѣка. Тѣмъ любопытнѣе отмѣтить, что это знакомство, оказавъ несомнѣнное вліяніе на Радищева, не оторвало его однако отъ идеалистическихъ воззрѣній нѣмецкой философской школы. Въ условіяхъ исторической обстановки послѣднія оказывались болѣе понятными для пробудившейся на русской почвѣ личности, болѣе способными удовлетворить ея умственные и нравственные запросы, нежели прямолинейныя положенія матеріализма. Не всегда будучи въ силахъ опровергнуть эти положенія, Радищевъ однако отступалъ передъ тѣмъ впечатлѣніемъ безотраднаго унынія, какое они внушали ему. Но, какъ мы видѣли выше, его идеализмъ, воспитывая въ немъ высокій нравственный идеалъ, нисколько не мѣшалъ и даже содѣйствовалъ увлеченію общественными теоріями, на родинѣ своей истекавшими изъ другого теоретическаго источника.

лишь въ формѣ разложенія. Съ другой стороны къ тому же выводу о неуничтожаемости души его приводило и представленіе о мірѣ, какъ о лѣстницѣ явленій, постепенно и непрерывно возвышающейся къ совершенству. Человѣкъ заключаетъ въ себѣ всѣ силы, свойственныя низшимъ явленіямъ природы, но у него есть и специфическая сила—«мысленность». Такъ какъ однако всѣ силы въ природѣ неуничтожаемы, то тѣмъ менѣе можетъ подвергаться уничтоженію превосходнѣйшая изъ всѣхъ извѣстныхъ человѣку силъ. Наконецъ, стоя на почвѣ только что указаннаго воззрѣнія на міръ, Радищевъ и будущую жизнь души представлялъ себѣ, какъ новую ступень на лѣстницѣ, ведущей къ совершенству, причемъ, опять-таки въ согласіи съ теоріей Лейбница, допускалъ, что въ этой новой жизни душа можетъ создать себѣ и новую, болѣе совершенную организацію [1]).

Эта любопытная работа, явившаяся первою по времени попыткою перенесенія въ среду русскаго общества идей нѣмецкаго философскаго идеализма въ томъ видѣ, какъ онѣ сложились въ моментъ, непосредственно предшествовавшій Канту, въ свое время не была напечатана и появилась въ свѣтъ вмѣстѣ съ другими трудами Радищева, послѣдовавшими за «Путешествіемъ», лишь послѣ смерти автора, въ 1809 г., когда она не обратила на себя ничьего вниманія.

Среди неустанной умственной дѣятельности, наполнявшей досуги илимскаго узника, постепенно ослабѣвали болѣзненныя ощущенія, пережитыя имъ въ первый моментъ постигшей его кары, и, оглядываясь на прошлое, Радищевъ получалъ возможность спокойнѣе судить о немъ и сознательнѣе оцѣнивать ту роль, какая досталась на его собственную долю въ развитіи русскаго общества. Ссылка по прежнему давила его тяжестью соединенныхъ съ ней лишеній, но, мечтая объ облегченіи этой тяжести, онъ не сгибался болѣе подъ нею. Въ своемъ «Письмѣ о китайскомъ торгѣ» онъ говорилъ, что счелъ бы благодѣяніемъ, еслибы ему позволено было въ цѣляхъ изученія Сибири отлучаться изъ мѣста его пребыванія. «Если—съ нескрываемою горечью прибавляетъ онъ — глаголъ мой заразителенъ, если дышу

[1]) Ср. Е. Бобровъ. Философія въ Россіи. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки. Вып. III. Казань. 1900. (II. А. Н. Радищевъ, какъ философъ). Г. Боброву принадлежитъ несомнѣнная заслуга перваго въ литературѣ рѣшительнаго указанія на ученіе Лейбница, какъ на источникъ философскихъ воззрѣній Радищева. Но при этомъ онъ ограничился лишь пересказомъ труда Радищева и приведеніемъ историко-литературныхъ справокъ объ упоминаемыхъ въ этомъ трудѣ писателяхъ, не давъ сколько-нибудь обстоятельнаго разбора и оцѣнки его. Такой разборъ данъ въ послѣднее время П. Н. Милюковымъ въ его «Очеркахъ по исторіи русской культуры», ч. III, вып. 2 (Спб. 1903, сс. 378—202). Между прочимъ, названный авторъ впервые указалъ на то, что въ своей защитѣ идеи безсмертія Радищевъ пользовался главнымъ образомъ книгою Мендельсона: «Phaedon oder über die Unsterblichkeit der Seele».

язвою и взоръ мой возмущеніе разсѣваетъ,—скитаясь по пустынямъ и дебрямъ, преходя лѣса, скалы и пропасти, — кто можетъ чувствовать дѣйствіе толико злодѣйственна существа. Пускай гласъ мой не премѣнился, пускай выя не стерта и носится гордо,—гласъ ударять будетъ въ камень, отзвонокъ его изыдетъ изъ пещеры и раздастся въ дубравѣ необитаемой. Свидѣтели моихъ мыслей будутъ небо и земля: а Тотъ, кто зритъ въ сердца и завѣсу внутренности нашея проницаетъ, тотъ знаетъ, что я, что быть бы могъ и что буду». Вспоминая прошлое, онъ въ томъ же трудѣ находилъ возможнымъ заявить, что его взгляды остались тѣми же самыми, какими они были до осужденія, и выяснить смыслъ допущеннаго имъ отреченія. По его словамъ, онъ охотно измѣнилъ бы свои взгляды, еслибы его убѣждали «доводами лучше тѣхъ, которые въ семъ случаѣ употреблены были. А на таковые — продолжалъ онъ — я въ возраженіе, какъ авторъ, другого сказать не умѣлъ, какъ что сказалъ; помню, что Галилей отрекся отъ доказательствъ своихъ о неподвижности солнца и, слѣдуя глаголу инквизиціи, воскликнулъ вопреки здраваго разсудка: солнце коловращается». Яснѣе представлялось теперь Радищеву и общее значеніе тѣхъ идей, выразителемъ которыхъ онъ явился въ исторіи русскаго общества, и свою собственную судьбу онъ ставилъ въ тѣсную связь съ этимъ значеніемъ. Въ мірѣ идей, говоритъ онъ въ своемъ философскомъ трактатѣ, новыя мысли распространяются съ быстротою электричества. «Едва одинъ возмогъ, осмѣлился, дерзнулъ изъятися изъ толпы, какъ вся окрестность согрѣвается его огнемъ и яко желѣзныя пылинки летятъ прилѣпитися къ мощному магниту. Но нужны обстоятельства, нужно ихъ поборствіе; а безъ того Іоганъ Гусъ издыхаетъ въ пламени, Галилей влечется въ темницу, другъ вашъ въ Илимскъ заточается. Но время, уготовленіе отъемлетъ всѣ препоны» [1]). За личными и случайными элементами своей судьбы Радищевъ открывалъ такимъ образомъ ея общій смыслъ и терзавшая его душу скорбь смягчалась сознаніемъ величія той истины, провозвѣстникомъ и служителемъ которой явился онъ среди современнаго ему общества.

Извѣстіе о воцареніи Павла вновь оживило въ душѣ Радищева надежду на возвращеніе изъ ссылки. 23 ноября 1796 года, дѣйствительно, состоялся рескриптъ имп. Павла на имя гр. Самойлова, разрѣшавшій Радищеву вернуться на родину и жить въ своихъ деревняхъ подъ надзоромъ мѣстнаго губернатора, которому предписывалось наблюдать за его поведеніемъ и перепиской [2]). Въ началѣ слѣдующаго года это повелѣніе дошло до Илимска и 20 февраля 1797 г. Радищевъ записалъ въ своемъ дневникѣ:

[1]) Собраніе сочиненій Радищева. М. 1811, ч. VI, сс. 138—9 и 68 — 9; М. 1809, ч. III, с. 110.

[2]) Р. Старина, 1882 г., № 12, с. 499.

«Распродавъ или раздавъ все въ Илимскѣ, на что употребилъ я 10 дней, мы выѣхали, при стеченіи всѣхъ почти Илимскихъ жителей, въ 3 часа пополудни. О, колико возрадовалось сердце наше!.. и еслибы не предстояла горесть о потеряніи Анютушки, которую заранѣе предузнаваютъ, то выѣздъ нашъ былъ бы торжественный»... Со дня выѣзда изъ Илимска Радищевъ вновь началъ вести дневникъ и продолжалъ его до пріѣзда своего въ Москву 11 іюля 1797 г. Нося въ общемъ тотъ же характеръ, что и замѣтки, веденныя на пути въ Сибирь, этотъ дневникъ отличается большею подробностью сдѣланныхъ въ немъ записей и обиліемъ внесенныхъ въ него бытовыхъ свѣдѣній. Какая-либо опредѣленная система записей отсутствуетъ въ немъ: авторъ то отводитъ цѣлыя страницы на запись слышанныхъ имъ мѣстныхъ преданій и разсказовъ и на описаніе поразившихъ его воображеніе видовъ, то заноситъ въ свой дневникъ рядъ краткихъ отмѣтокъ о различныхъ явленіяхъ экономической и соціальной жизни населенія, привлекшихъ къ себѣ его вниманіе, перемѣшивая ихъ съ такими же краткими записями о различныхъ происшествіяхъ, какія ему пришлось наблюдать во время пути. Ключъ ко многимъ изъ этихъ отмѣтокъ и записей въ настоящее время потерянъ безвозвратно, но въ тѣхъ конспективныхъ набросказъ, какіе онѣ представляютъ собою, живо чувствуется пытливый и глубокій умъ автора «Путешествія», быстро схватывавшій характерныя черты наблюдаемыхъ явленій и связывавшій въ одно стройное цѣлое разнородныя впечатлѣнія, получаемыя отъ окружающей дѣйствительности. Среди разнообразныхъ замѣтокъ, составляющихъ содержаніе дневника, особенно часто мелькаютъ свѣдѣнія, относящіяся къ быту поселенцевъ и крестьянъ Сибири и помѣщичьихъ крѣпостныхъ русскихъ губерній. На первыхъ же страницахъ дневника авторъ записываетъ собранныя имъ свѣдѣнія о бытѣ и работахъ крестьянъ, приписанныхъ къ Колывановоскресенскимъ заводамъ. При проѣздѣ черезъ барабинскій округъ онъ отмѣчаетъ тѣ улучшенія, какія ему пришлось наблюдать въ жизни мѣстныхъ поселенцевъ, и прибавляетъ: «можно предсказать, что если раззорительная рука начальства частнаго не простретъ свое опустошеніе, если равняющаяся огню для сельскаго жителя приписка къ заводамъ не распространится на барабинскихъ жителей, то благосостояніе ихъ будетъ лучше и лучше». Плывя по Камѣ и Волгѣ съ караваномъ судовъ, нагруженныхъ желѣзомъ, Радищевъ заноситъ въ свой дневникъ наблюденія надъ порядками каравана и обращеніемъ съ рабочими, свѣдѣнія о размѣрахъ оброка помѣщичьихъ крестьянъ въ окрестныхъ селахъ, разсказы о разбойникахъ, грабившихъ по преимуществу дворянъ. Такимъ образомъ и въ эти мѣсяцы возвращенія изъ ссылки въ Радищевѣ, повидимому, ни на минуту не ослабѣвалъ горячій интересъ къ положенію крестьянства, и онъ не переставалъ внимательно вглядываться въ условія этого положенія и въ тѣ факты протеста противъ крѣпостничества, какіе порою являла крестьянская жизнь.

Получивъ въ Сибири первыя извѣстія о воцареніи Павла, Радищевъ возлагалъ сначала большія надежды на это событіе. Но по возвращеніи въ Россію онъ скоро долженъ былъ убѣдиться, что новое царствованіе далеко не является зарею того свѣтлаго дня обновленія русской общественной жизни, о которомъ онъ такъ упорно мечталъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и его собственная жизнь оставалась значительно стѣсненной. Получивъ разрѣшеніе вернуться въ Россію, онъ все-таки оставался на положеніи осужденнаго преступника: ему не были возвращены его сословныя и имущественныя права жить онъ долженъ былъ безвыѣздно въ своей деревнѣ Нѣмцово, въ Калужской губерніи, надъ его поведеніемъ и перепиской тяготѣлъ полицейскій надзоръ. Въ концѣ 1797 года онъ обратился къ императору съ просьбою о разрѣшеніи ѣздить для свиданія съ своимъ отцомъ и матерью въ отцовское имѣніе въ Саратовской губерніи. На эту просьбу послѣдовалъ отвѣтъ разрѣшавшій ему съѣздить въ Саратовскую губернію одинъ разъ. Воспользовавшись тѣмъ, что въ разрѣшеніи не былъ указанъ маршрутъ пути, какъ не былъ назначенъ и срокъ пребыванія въ Саратовской губерніи, Радищевъ использовалъ, правда, полученное дозволеніе довольно широко: онъ поѣхалъ черезъ Москву, гдѣ у него были родственники и оставался у отца около года [1]). Но за то остальное время Павловскаго царствованія онъ долженъ былъ, дѣйствительно, безвыѣздно прожить въ своей Калужской деревнѣ, и досугъ этого невольнаго уединенія онъ посвятилъ главнымъ образомъ литературной работѣ, плоды которой не разсчитаны были, однако, на вниманіе современниковъ, такъ какъ написанныя Радищевымъ въ эту пору его жизни произведенія увидѣли свѣтъ лишь послѣ его смерти. За эти годы онъ написалъ большую поэму: «Бова» въ 11 пѣсняхъ, нѣсколько мелкихъ статей и трактатъ, названный имъ: «Описаніе моего владѣнія». Въ послѣдней работѣ, посвященной по преимуществу обсужденію агрономическихъ и экономическихъ вопросовъ, Радищевъ касался и положенія крѣпостныхъ крестьянъ, и тѣ мѣста его работы, которыя такъ или иначе затрогиваютъ это положеніе, представляютъ большой интересъ. Въ самомъ началѣ «Описанія», рисуя картину возвращающихся осенью съ убранныхъ полей крестьянъ, авторъ сопровождаетъ ее восклицаніемъ: «Блаженны, блаженны, еслибы весь плодъ трудовъ вашихъ былъ вашъ. Но, о, горестное напоминовеніе! ниву селянинъ воздѣлывалъ чуждую и самъ, самъ чуждъ есть, увы»! Въ другомъ мѣстѣ авторъ, говоря объ обязанностяхъ крестьянина по отношенію къ государству и помѣщику, подводитъ итогъ правамъ помѣщика надъ крестьянами. Господинъ, говоритъ Радищевъ, можетъ крестьянина «продать оптомъ или подробно» и «есть экономы, которые, изнуривъ земледѣльца работою, про-

---

[1]) Чтенія въ Обществѣ Ист. и Древн. Росс., 1865, кн. 3, смѣсь, сс. 197—8; Архивъ кн. Воронцова, XII, 443; Русск. Вѣстникъ, 1858 г., т. 18, 421—2.

даютъ его остальныя силы». Господинъ можетъ, далѣе, «заставить крестьянина работать, сколько хочетъ». Законъ Павла о трехдневной барщинѣ, вызвавшій въ свое время горячія похвалы со стороны нѣкоторыхъ нетребовательныхъ защитниковъ крестьянства, не имѣетъ серьезнаго значенія въ глазахъ Радищева, дающаго ему трезвую и справедливую оцѣнку. «Нынѣ— замѣчаетъ онъ—только запрещено работать по воскресеньямъ и совѣтомъ сказано, что довольно трехъ дней на господскую работу; но на нынѣшнее время законоположеніе сіе невеликое будетъ имѣть дѣйствіе, ибо состояніе ни земледѣльца, ни двороваго не опредѣлено». Указывая затѣмъ, что помѣщикъ располагаетъ правомъ суда и наказанія надъ крестьяниномъ, можетъ распоряжаться его имуществомъ и дѣтьми и принуждать его къ браку, Радищевъ заключаетъ, что по отношенію къ помѣщику «земледѣлецъ есть рабъ совершенно»: помѣщикъ не можетъ лишь «уволить селянина своего отъ государственныхъ податей, отъ наказанія за преступленія, заставить жениться на роднѣ и въ посты ѣсть мясо». Между тѣмъ по отношенію къ государству крестьянинъ обязанъ только «жить на одномъ мѣстѣ, но и то. доколѣ господинъ его хочетъ; отдавать рекрутъ всякаго рода, какіе бы ни были; платить подати; судиму быть за общественныя преступленія въ судебныхъ мѣстахъ». Если крестьянинъ что и имѣетъ, то лишь въ силу милости господина. «Но кажется,—прибавляетъ авторъ—поелику поселянинъ платитъ подать, то онъ для удовлетворенія тому долженъ имѣть собственность, и проч » [1]). На этомъ Радищевъ и останавливаетъ свое разсужденіе о крестьянахъ, обрывая мысль на полусловѣ, но уже одинъ характеръ даннаго имъ перечня помѣщичьихъ правъ въ связи съ требованіемъ земельной собственности для крестьянина достаточно ясно говоритъ, что авторъ «Путешествія» и въ эту эпоху своей жизни сохранилъ не только свой интересъ къ положенію крестьянства, но и свои широкіе реформаторскіе планы.

Воцареніе имп. Александра I, казалось, открыло дорогу къ проведенію этихъ плановъ въ дѣйствительную жизнь. Черезъ три дня послѣ своего восшествія на престолъ онъ «простилъ и освободилъ» изъ ссылки и заточенія 156 лицъ, осужденныхъ тайной экспедиціей, возвративъ при этомъ чины и дворянство тѣмъ изъ нихъ, которые при осужденіи были лишены ихъ. Въ числѣ этихъ лицъ находился и Радищевъ. Пять мѣсяцевъ спустя, 6 августа 1801 г., онъ былъ назначенъ членомъ находившейся подъ предсѣдательствомъ гр. Завадовскаго коммиссіи о составленіи законовъ, цѣлью дѣятельности которой являлось созданіе общаго руководящаго плана работъ по различнымъ отраслямъ законодательства. Гласно выраженное намѣреніе новаго государя «поставить въ единомъ законѣ начало и источникъ народнаго блаженства» придавало, повидимому, работамъ коммиссіи особенное значеніе, и Радищевъ ревностно взялся за представив-

[1]) Собраніе сочиненій Радищева, М. 1811 г., ч. IV, 99, 145—7.

шееся ему дѣло. «Когда разсматривали мы сенатскія дѣла и писали заключенія, соглашаясь съ законами,—разказываетъ въ своихъ запискахъ одинъ изъ товарищей его по этой коммиссіи—онъ при каждомъ заключеніи, не соглашаясь съ нами, прилагалъ свое мнѣніе, основываясь единственно на философскомъ свободомысліи» [1]). Философское свободомысліе Радищева, какъ показываютъ сохранившіеся подлинники его мнѣній по частнымъ дѣламъ, рѣшавшимся коммиссіей, заключалось въ отстаиваніи человѣческихъ правъ крѣпостныхъ и въ стремленіи оградить подсудимаго въ уголовныхъ дѣлахъ отъ произвола судей путемъ предоставленія ему права отвода послѣднихъ [2]). Но скоро его встрѣтило новое и горькое разочарованіе. Не ограничиваясь частными вопросами, поднимавшимися въ коммиссіи, онъ составилъ было общій планъ реформы законодательства. Содержаніе этого плана дошло до насъ лишь въ неясныхъ намекахъ [3]), но онъ во всякомъ случаѣ былъ настолько радикаленъ, что гр. Завадовскій сдѣлалъ Радищеву строгій выговоръ и даже пригрозилъ ему Сибирью. Надежда, вспыхнувшая было въ душѣ Радищева, погасла при этой угрозѣ: вновь пришлось ему убѣдиться, что его завѣтныя идеи не могутъ быть проведены въ жизнь, что между ними и дѣйствительностью лежитъ по прежнему глубокая и непроходимая пропасть, и онъ не вынесъ тяжести этого разочарованія. Усталый и разбитый тѣми испытаніями, какія ранѣе выпали на его долю, онъ не находилъ въ себѣ силы для новой борьбы и, быть можетъ, новаго мученичества, но не могъ и отказаться отъ тѣхъ идей, какія составляли весь смыслъ его жизни. Онъ выбралъ тотъ исходъ, на который самъ нѣкогда указывалъ, и прекратилъ ставшую непосильной борьбу, не складывая оружія. Въ ночь на 12 сентября 1802 г. онъ покончилъ съ собою самоубійствомъ. «Ради-

[1]) Изъ записокъ Н. С. Ильинскаго, Р. Архивъ, 1879, № 12, сс. 415-6.

[2]) Сухомлиновъ. Статьи и изслѣдованія, I, 629—34.

[3]) Старшій сынъ Радищева въ своихъ воспоминаніяхъ объ отцѣ (Р. Старина, 1872, № 11) ничего не говоритъ объ этомъ проектѣ. Кн. П. А. Вяземскій, которому онъ передалъ свою записку, сдѣлалъ къ ней такую добавку: «Радищевъ-отецъ, кажется, во время службы своей въ коммиссіи о составленіи законовъ подавалъ по предмету освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного состоянія проектъ, весьма неблагопріятный освобожденію крестьянъ, и, по тогдашнему господствующему образу мыслей о семъ вопросѣ, несогласный съ большинствомъ мнѣній». Вяземскій не указываетъ однако источника своего сообщенія и Сухомлиновъ (назв. соч, с. 619) считаетъ его требующимъ подтвержденія. Въ дѣйствительности это сообщеніе настолько противорѣчитъ всему, что мы знаемъ о Радищевѣ, и въ томъ числѣ открытымъ самимъ Сухомлиновымъ подлиннымъ мнѣніямъ его по крестьянскому вопросу, что ему нельзя придавать никакой вѣры. Пушкинъ говоритъ, что Радищевъ изложилъ свои «мысли касательно нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій» въ проектѣ, представленномъ имъ по начальству. Младшій сынъ Радищева сообщаетъ, что его отецъ составилъ проектъ гражданскаго уложе-

щевъ умеръ—писалъ одинъ изъ младшихъ его современниковъ [1]) — и, какъ сказываютъ, насильственною, произвольною смертью. Какъ согласить сіе дѣйствіе съ непоколебимою твердостью философа, покоряющагося необходимости и радѣющаго о благѣ людей въ самомъ изгнаніи, въ ссылкѣ, въ несчастіи, будучи отчужденнымъ круга родныхъ и друзей? — Или позналъ онъ ничтожность жизни человѣческой? или отчаялся онъ, какъ Брутъ, въ самой добродѣтели? — Положимъ перстъ на уста наши и пожалѣемъ объ участи человѣчества».

Горячему защитнику интересовъ народной массы, исходившему въ своей дѣятельности изъ идеала общественнаго равенства и свободнаго развитія человѣческой личности, не нашлось такимъ образомъ мѣста въ русской дѣйствительности на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ, и богатая идейнымъ содержаніемъ жизнь писателя-гражданина оборвалась трагическимъ концомъ. Но эта трагическая судьба самого писателя еще не рѣшала вопроса о судьбѣ его идей въ современномъ ему обществѣ. На судѣ, происходившемъ въ 1790 г., Радищевъ совершенно правильно показывалъ, что онъ при составленіи своей книги «общниковъ не имѣлъ». Не имѣлъ онъ сообщниковъ и втеченіе всей послѣдующей своей дѣятельности, оставаясь въ ней совершенно одинокимъ. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что вся эта дѣятельность не установила и никакого общенія между идеями писателя и умственною жизнью современнаго ему общества, пройдя для послѣдней совершенно безслѣдно?

Тѣ условія, въ какихъ проходила литературная дѣятельность Радищева, сами по себѣ уже затрудняли пріобрѣтеніе писателемъ вліянія на общество. Они не только создавали крайне неблагопріятную внѣшнюю обстановку для дѣятельности самого писателя, но и ставили серьезныя преграды на пути къ проникновенію достигнутыхъ ею результатовъ въ читательскую среду. Несомнѣнно, что, благодаря этому, далеко не всѣ плоды богатой и разно-

нія, въ которомъ предлагалъ отмѣнить тѣлесныя наказанія, уничтожить табель о рангахъ, ввести гласный судъ присяжныхъ, установить свободу вѣроисповѣданія и свободу книгопечатанія, освободить крѣпостныхъ и прекратить продажу людей въ рекруты, ввести поземельную подать вмѣсто подушной, установить свободу торговли и отмѣнить строгіе законы противъ ростовщиковъ и несостоятельныхъ должниковъ (Р. Вѣстникъ, 1858, т. 18, 424—5). Сухомлиновъ усматриваетъ въ такой передачѣ проекта нѣкоторое подновленіе и, не найдя никакого общаго проекта Радищева въ архивѣ коммиссіи о составленіи законовъ, склоненъ предполагать, что такого проекта и не существовало (назв. соч., сс. 620—4). Но о проектѣ Радищева и его послѣдствіяхъ говоритъ и цитированный уже нами товарищъ Радищева по коммиссіи—Ильинскій. По его словамъ, Радищевъ «написалъ коммиссіи такое мнѣніе, что она должна быть поставлена почти вмѣсто сената и для составленія лучшихъ и твердыхъ законовъ требовать не только о производствѣ дѣлъ отчета, но и о всѣхъ приходахъ и расходахъ казенныхъ».

[1]) Борнъ въ альманахѣ «Свитокъ музъ», СПБ. 1803.

образной дѣятельности Радищева нашли себѣ дорогу въ сознаніе русскаго общества и были такъ или иначе восприняты жизнью послѣдняго. Въ иныхъ случаяхъ писатель, независимо отъ своей воли, оказывался обойденнымъ этою жизнью. Ссылка отрѣзала Радищева не только отъ умственнаго движенія Западной Европы, за которымъ онъ по возможности старался все же слѣдить изъ Сибири, но и отъ русской литературы. Всѣ произведенія, написанныя имъ послѣ «Путешествія», увидѣли свѣтъ лишь нѣсколько лѣтъ спустя по смерти ихъ автора, и къ этому времени лучшія изъ нихъ оказались ненужными, а немного позже—и запоздалыми. Тотъ поворотъ въ судьбахъ русскаго просвѣщенія, который сказался уже въ ссылкѣ Радищева и дѣйствіе котораго продолжалось затѣмъ до воцаренія Александра I, не прошелъ безъ замѣтныхъ результатовъ для общества. Если онъ не могъ остановить самаго развитія просвѣщенія, то во всякомъ случаѣ успѣлъ оборвать нѣкоторыя нити его и сдѣлать это развитіе болѣе одностороннимъ. Стремленіе усвоить не только политическія теоріи Запада, но и его философскія системы вновь проявилось въ русскомъ обществѣ лишь въ 30-хъ годахъ XIX вѣка, но къ этому времени главный трудъ послѣднихъ лѣтъ жизни Радищева—его философскій трактатъ, для своего времени имѣвшій большое значеніе, уже совершенно устарѣлъ. Иначе стояло дѣло съ самымъ важнымъ трудомъ Радищева—«Путешествіемъ», носившимъ болѣе общій характеръ и заключавшимъ въ себѣ не только изложеніе теоретическихъ взглядовъ автора, но и критику конкретныхъ явленій русской жизни. Уничтоженіе этой книги, произведенное сперва авторомъ, а затѣмъ судомъ, сильно сократило, правда, предѣлы ея распространенія. Тѣмъ не менѣе такое уничтоженіе не было полнымъ. Когда книга только что вышла въ свѣтъ, она, по словамъ гр. Безбородка въ его письмѣ къ правителю канцеляріи кн. Потемкина, Попову, «начала входить въ моду у многой шали» [1]). О «великомъ любопытствѣ публики» къ книгѣ Радищева свидѣтельствовалъ на допросахъ у Шешковскаго и писатель Осиповъ [2]). Это любопытство публики спасло книгу отъ совершеннаго истребленія и послѣ состоявшагося надъ нею приговора. Массонъ въ своихъ мемуарахъ разсказываетъ, что, не смотря на обыски въ домахъ съ цѣлью истребить «Путешествіе», оно сохранилось во многихъ домахъ и находились люди, которые платили по 25 р. за то, чтобы на одинъ часъ получить для чтенія эту книгу [3]). Въ книжныхъ магазинахъ Москвы «Путешествіе» можно было достать и послѣ процесса Радищева [4]). Заходила книга послѣдняго,

---

[1]) Григоровичъ. Канцлеръ кн. А. А. Безбородко въ связи съ событіями его времени. 1881, т. II, сс. 94—5.

[2]) Сухомлиновъ, назв. соч., с. 589.

[3]) Mémoires secrets sur la Russie, t. II, pp. 188—91, 200.

[4]) Р. Старина, 1874, № 2, с. 259.

если не въ печатныхъ, то въ рукописныхъ экземплярахъ и въ далекіе провинціальные углы: самъ Радищевъ, возвращаясь въ 1797 г. изъ ссылки, нашелъ копію своей книги въ Кунгурѣ [1]). Наконецъ, по свидѣтельству Гельбига, рукописное «Путешествіе» проникло и за границу, и многіе отрывки изъ него были помѣщены въ «Эндорскомъ Оракулѣ» («Das Orakel zu Endor»), издававшемся въ Лейпцигѣ въ 1794—5 гг. Самъ по себѣ этотъ фактъ распространенія книги Радищева, конечно, не говоритъ еще объ его вліяніи на современное ему общество, какъ и сочувствіе разныхъ лицъ въ обществѣ къ судьбѣ автора «Путешествія» не говоритъ еще о сочувствіи къ его идеямъ. Если судьба Радищева могла вызывать и вызывала дѣйствительно сочувствіе къ нему даже у лицъ, не раздѣлявшихъ его идей, то и успѣхъ его книги въ извѣстной мѣрѣ могъ быть созданъ тяготѣвшимъ надъ ней запретомъ. Но у насъ есть и свидѣтельства, говорящія, что успѣхъ «Путешествія» не былъ исключительно внѣшнимъ и что, по крайней мѣрѣ, часть общества оцѣнила по достоинству значеніе идей, высказанныхъ Радищевымъ въ этомъ его произведеніи.

Въ одномъ рукописномъ сборникѣ 1792 г. есть такой «Отвѣтъ г-на Радищева, во время проѣзда его черезъ Тобольскъ любопытствующему узнать о немъ»:

Ты хочешь знать, кто я? что я? куда я ѣду?
Я тотъ же, что и былъ, и буду весь мой вѣкъ:
Не скотъ, не дерево, не рабъ, но человѣкъ.
Дорогу проложить, гдѣ не бывало слѣду,
Для борзыхъ смѣльчаковъ и въ прозѣ, и въ стихахъ,
Чувствительнымъ сердцамъ и истинѣ я въ страхъ
Въ острогъ Илимскій ѣду [2]).

Если даже предположить, какъ дѣлаетъ это г. Якушкинъ [3]), что стихотвореніе это принадлежитъ самому Радищеву, то включеніе его въ сборникъ все же показываетъ, что въ обществѣ были люди, живо интересовавшіеся, хотя бы и со словъ самого писателя, общимъ смысломъ его дѣятельности. Опредѣленіе этой дѣятельности, весьма близкое по своему содержанію къ приведенному стихотворенію, дано было по смерти Радищева двумя молодыми писателями. «Друзья! — писалъ цитированный уже нами Бориъ въ своемъ некрологѣ Радищева—посвятимъ слезу сердечную памяти Радищева.

[1]) Изъ рукописнаго дневника Радищева. Издать эту книгу въ Россіи безъ всякихъ ограниченій оказалось возможнымъ только въ 1905 г. Издатели—Н. П. Сильванскій и П. Е. Щеголевъ—присоединили къ ней біографію Радищева, написанную первымъ изъ нихъ, и статью о рукописи „Путешествія“, написанную вторымъ.

[2]) Приведено г. Ефремовымъ въ его примѣчаніяхъ къ «Живописцу», изд. 1864 г., с. 349.

[3]) Р. Старина, 1882, № 9, с. 519.

Онъ любилъ истину и добродѣтель. Пламенное его человѣколюбіе жадало озарить всѣхъ своихъ собратій симъ немерцающимъ лучемъ вѣчности; жадало видѣть мудрость, возсѣвшую на тронѣ всемірномъ. Онъ зрѣлъ лишь слабость и невѣжество, обманъ подъ личиною святости — и сошелъ въ гробъ. Онъ родился быть просвѣтителемъ, жилъ въ утѣсненіи—и сошелъ въ гробъ; въ сердцахъ благодарныхъ патріотовъ да сооружится ему памятникъ, достойный его»! У другого писателя и поэта этой эпохи — Пнина, смерть Радищева вызвала такой откликъ:

Уста, что истину вѣщали,
Увы, на вѣки замолчали
И пламенникъ ума погасъ;
Кто къ счастью велъ путемъ свободы,
На вѣкъ, на вѣкъ оставилъ насъ.

Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ современниковъ Радищева успѣли уловить смыслъ его проповѣди и трагедіи его личной жизни, и между писателемъ и обществомъ установилось извѣстное общеніе, хотя бы и весьма слабое. Не исчезло это общеніе и въ слѣдующую эпоху: у Радищева юный Пушкинъ учился ненависти къ крѣпостному праву...

Среди своихъ современниковъ Радищевъ явился наиболѣе энергичнымъ и послѣдовательнымъ поборникомъ европейскихъ идей своей эпохи въ ихъ примѣненіи къ русской дѣйствительности. Въ его лицѣ изъ среды русскаго общества впервые вышелъ человѣкъ, глубоко усвоившій главные результаты западно-европейской мысли и сознательно увидѣвшій въ нихъ не только теоретическую истину, но и средство служенія благу народной массы на своей родинѣ. Благородный идеалистъ, далеко опередившій свой вѣкъ, палъ жертвою смѣлости своей мысли. Но начатое движеніе не остановилось съ его гибелью и дѣятельность его самого не прошла безплодно. Брошенное сѣмя вошло въ почву и слѣдующія поколѣнія увидали его первые ростки.

IV.

Изъ пушкинской эпохи.

(**Л. Майковъ.** *Пушкинъ.* Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки. СПБ. 1899).

Въ нашей литературѣ накопилось немалое количество работъ, посвященныхъ Пушкину, его произведеніямъ и его жизни. Вышедшій въ 1886 г. спеціальный каталогъ Межова, далеко неполный, насчитывалъ все же болѣе четырехъ съ половиной тысячъ книгъ, статей и замѣтокъ, такъ или иначе относящихся къ творчеству Пушкина либо къ его біографіи. Съ той поры эта Пушкинская литература значительно разрослась. Тѣмъ не менѣе, при всей видимой громадности ея размѣровъ, въ ней и теперь еще продолжаютъ существовать весьма серьезные и ощутительные пробѣлы. Не смотря на то, что мы не такъ давно отпраздновали столѣтнюю годовщину рожденія великаго поэта, мы и до сихъ поръ не имѣемъ, въ сущности, ни полнаго изданія его сочиненій, ни обстоятельной его біографіи, удовлетворяющей тѣмъ требованіямъ, какія естественно предъявить къ біографія Пушкина. Даже лучшія изъ существующихъ пока изданій сочиненій Пушкина,—вышедшее въ 1887 г. подъ редакціей П. О. Морозова изданіе Литературнаго Фонда и вышедшее въ 1903-5 гг. изданіе Суворина подъ редакціей П. А. Ефремова,—не могутъ считаться свободными отъ нѣкоторыхъ серьезныхъ недостатковъ, и главнымъ изъ нихъ является именно неполнота. Несравненно хуже еще обстоитъ дѣло съ біографіей поэта. Труды Анненкова: «А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній» и «А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху», въ свое время имѣвшіе весьма большое значеніе и отчасти сохраняющіе его и теперь, во всякомъ случаѣ сильно устарѣли, какъ по матеріалу, положенному въ ихъ основу, такъ и по взглядамъ ихъ автора. Между тѣмъ, за исключеніемъ этихъ трудовъ, вся остальная литература, относящаяся къ жизни Пушкина, представляетъ лишь краткіе біографическіе очерки, либо изслѣдованія, порой, правда, очень обстоятельныя и цѣнныя, отдѣльныхъ моментовъ и частныхъ сторонъ въ жизни поэта, либо, наконецъ, простые и весьма разнокачествен-

ные матеріалы, ожидающіе еще своего изслѣдователя. Біографія Пушкина, которая охватила бы всѣ эти разнородные матеріалы и соединила бы ихъ въ одно стройное цѣлое, которая изобразила бы жизнь и творчество поэта въ тѣсной связи съ жизнью современнаго ему общества,—такая біографія составляетъ еще задачу будущаго, надо надѣяться, не особенно далекаго. Пока же и столѣтній юбилей Пушкина принесъ намъ лишь новые матеріалы и новыя пособія для подобной біографіи.

Въ ряду такихъ пособій видное мѣсто займетъ книга г. Майкова, заглавіе которой мы выписали выше. Ея содержаніе, не представляющее собою чего-либо цѣльнаго, хорошо опредѣляется ея подзаголовкомъ: «біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки». Въ большей своей части это содержаніе и не ново: нѣкоторые отдѣльные этюды, входящіе въ книгу г. Майкова, были уже помѣщены имъ въ его «Историко-литературныхъ очеркахъ» 1895 г.; другіе печатались авторомъ ранѣе въ журналахъ и сборникахъ и въ книгѣ лишь перепечатаны съизнова. Но взятые всѣ вмѣстѣ, эти матеріалы и этюды составляютъ интересную книгу, являющуюся, несомнѣнно, цѣннымъ вкладомъ въ существующую литературу о Пушкинѣ.

Собственно біографическіе матеріалы, даваемые книгою г. Майкова, представляютъ изъ себя серію воспоминаній о Пушкинѣ разныхъ лицъ, знакомившихся съ нимъ въ различныя эпохи его жизни. Здѣсь мы находимъ разсказы о Пушкинѣ его младшаго брата, Л. С. Пушкина, воспоминанія лицейскаго товарища и друга Пушкина, И. И. Пущина, разсказъ А. Ө. Вельтмана объ его знакомствѣ съ Пушкинымъ въ Бессарабіи, дневникъ А. Н. Вульфа, бывшаго близкимъ знакомымъ поэта во время его пребыванія въ Михайловскомъ, далѣе воспоминанія А. П. Кернъ (Марковой-Виноградской), воспоминанія С. П. Шевырева, разсказъ М. И. Пущина о встрѣчѣ съ Пушкинымъ на Кавказѣ въ 1829 г. и, наконецъ, воспоминанія В. И. Даля, относящіяся, главнымъ образомъ, къ поѣздкѣ Пушкина въ Оренбургъ въ 1833 г. Печатая всѣ эти матеріалы, авторъ снабжаетъ ихъ обстоятельными библіографическими указаніями и критическими замѣчаніями, порою разростающимися въ цѣлую статью, интересъ и цѣнность которой превышаетъ даже цѣнность источника, подавшаго къ ней поводъ. Таковы замѣчанія г. Майкова по поводу воспоминаній Даля и, въ особенности, Шевырева. Къ біографіи поэта имѣютъ еще отношеніе письмо къ Пушкину Н. Н. Раевскаго отъ 10 мая 1825 г., посвященное литературнымъ вопросамъ и опять-таки снабженное подробными комментаріями г. Майкова, едва-ли, однако, на этотъ разъ не заходящими черезчуръ далеко, и двѣ статьи: «Знакомство Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ» и «Н. К. Загряжская». Въ первой изъ нихъ авторъ на основаніи частью рукописнаго матеріала (воспоминаній и альбома Е. Н. Киселевой), частью устныхъ воспоминаній

передаетъ новыя подробности объ отношеніяхъ Пушкина къ семьѣ Ушаковыхъ, во второй—набрасываетъ характеристику извѣстной въ свое время въ придворныхъ и свѣтскихъ кругахъ родственницы жены Пушкина. Впрочемъ, эта послѣдняя статья — едва-ли не самая слабая въ книгѣ. Не сообщая ничего новаго сравнительно съ свѣдѣніями, оставленными о Загряжской самимъ Пушкинымъ и А. А. Васильчиковымъ, она не даетъ и яркой характеристики этой, во всякомъ случаѣ, любопытной и оригинальной фигуры стараго времени. Наконецъ, еще въ двухъ статьяхъ («Кн. П. А. Вяземскій и Пушкинъ объ Озеровѣ» и «Пушкинъ о Батюшковѣ»), основанныхъ на рукописяхъ Пушкина, г. Майковъ знакомитъ читателя съ Пушкинымъ, какъ съ литературнымъ критикомъ, набрасывавшимъ свои критическія замѣчанія для своихъ друзей и самого себя. Обѣ эти статьи, представляя немалый интересъ для характеристики литературныхъ взглядовъ Пушкина во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря уже самому характеру матеріала, положеннаго въ ихъ основу, по необходимости являются нѣсколько отрывочными и не даютъ цѣльнаго представленія о Пушкинѣ-критикѣ.

Такимъ образомъ главный интересъ книги г. Майкова сосредоточивается на матеріалахъ, относящихся къ жизни Пушкина. Въ свою очередь эти матеріалы имѣютъ далеко не одинаковую цѣнность и значеніе. Разсказы Л. С. Пушкина и Вельтмана, давно уже извѣстные въ литературѣ, не отличаются ни точностью, ни богатствомъ свѣдѣній и, вопреки настояніямъ г. Майкова, не заключаютъ въ себѣ большого интереса. Воспоминанія Шевырева, М. И. Пущина и Даля, впервые опубликованныя г. Майковымъ [1]), различаясь между собою по степени точности сообщеній, сходны въ томъ, что, принадлежа людямъ, довольно далеко стоявшимъ отъ Пушкина, передаютъ лишь мелочныя, хотя порой и характерныя, подробности изъ разныхъ періодовъ его жизни. Дневникъ А. Н. Вульфа, самъ по себѣ способный заинтересовать читателя, заключаетъ въ себѣ и нѣкоторыя, подчасъ весьма любопытныя, свѣдѣнія относительно Пушкина, но эти свѣдѣнія во всякомъ случаѣ обрисовываютъ не болѣе, какъ отдѣльныя черты въ жизни поэта и во взглядахъ на него его современниковъ. Совершенно иной характеръ имѣютъ воспоминанія А. П. Кернъ и И. И. Пущина. Разсказы А. П. Кернъ о Пушкинѣ въ свое время печатались въ различныхъ изданіяхъ, въ книгѣ же г. Майкова изъ этихъ разсказовъ собрано все то, что непосредственно относится къ Пушкину, и дополнено свѣдѣніями о самой г-жѣ Кернъ. Ея разсказы даютъ яркую характеристику поэта въ

[1]) Слѣдуетъ отмѣтить, что другой, болѣе короткій, разсказъ М. И. Пущина о встрѣчѣ его съ Пушкинымъ въ 1829 г. былъ уже напечатанъ въ сдѣланномъ бар. Е. А. Розеномъ извлеченіи изъ записокъ Пущина: «Декабристы на Кавказѣ»,—Р. Старина, 1894 г., т. 41, сс. 303—338.

наиболѣе интимной сторонѣ его жизни, характеристику, безъ близорукаго пристрастія, но съ трогательной нѣжностью набросанную рукой умной женщины, которая сама одно время внушала поэту горячую страсть и отвѣчала ему живымъ увлеченіемъ. Въ нихъ нѣтъ тщательной литературной отдѣлки, но это скорѣе увеличиваетъ, чѣмъ уменьшаетъ, ихъ достоинство, какъ источника. Еще болѣе важны воспоминанія И. И. Пущина, до сихъ поръ извѣстныя лишь въ отдѣльныхъ отрывкахъ и впервые въ книгѣ г. Майкова появившіяся въ цѣльномъ видѣ [1]). Пущинъ, первый и самый близкій другъ Пушкина по лицею, сохранившій дружескія отношенія съ нимъ и по окончаніи курса, позднѣе одинъ изъ немногихъ друзей, не отшатнувшихся отъ Пушкина въ самый тяжелый періодъ его жизни, когда опальный поэтъ проживалъ въ селѣ Михайловскомъ, былъ оторванъ отъ своего пріятеля лишь событіемъ 14 декабря 1825 г., перебросившимъ самого Пущина на далекую сибирскую окраину. Разлука и годы не заглушили въ Пущинѣ чувства теплой пріязни къ бывшему товарищу и другу, и на склонѣ своихъ лѣтъ онъ охотно отозвался на приглашеніе написать записки о своихъ отношеніяхъ къ Пушкину. Эти записки имѣютъ тѣмъ болѣе цѣны, что онѣ касаются такой эпохи и такихъ сторонъ въ жизни Пушкина, относительно которыхъ въ распоряженіи біографовъ поэта имѣется наименѣе подробныхъ свидѣтельствъ современниковъ, и принадлежатъ перу человѣка, который самъ стоялъ въ передовыхъ рядахъ русскаго общества начала XIX-го столѣтія. Написанныя со всею откровенностью и теплотою искренней дружбы, воспоминанія Пущина рисуютъ живой портретъ Пушкина-мальчика и юноши и даютъ, между прочимъ, возможность точнѣе опредѣлить то положеніе, какое онъ занималъ въ дни своей молодости среди окружавшихъ его общественныхъ теченій. Въ виду этого едва-ли не приходится усматривать именно въ Запискахъ Пущина наиболѣе важное изъ всѣхъ пріобрѣтеній, даваемыхъ книгою г. Майкова.

Довольствуясь сказаннымъ, я и не буду уже долѣе останавливаться на разборѣ этой книги. Взамѣнъ того я попытаюсь использовать хотя часть матеріала, вносимаго ею въ нашу литературу, и на основаніи его, равно какъ и существовавшихъ ранѣе источниковъ, представить читателю очеркъ тѣхъ отношеній, какія связывали Пушкина съ однимъ изъ наиболѣе замѣтныхъ и глубокихъ идейныхъ теченій въ современной ему русской общественной жизни. Смѣю думать, что такой очеркъ, даже не содержа въ себѣ ничего существенно новаго, а лишь сводя разбросанные

[1]) Почему-то только г. Майковъ опустилъ конецъ воспоминаній Пущина, содержащій разсказъ о томъ впечатлѣніи, какое было произведено на него извѣстіемъ о смерти Пушкина. Эта часть записокъ Пущина напечатана съ рукописи въ «Р. Вѣд.» 26 мая 1899 г., № 143.

свѣдѣнія, не будетъ совершенно безполезенъ, какъ попытка ближе подойти къ опредѣленію дѣйствительнаго характера связи между поэтомъ и обществомъ его времени.

Первыя связи съ обществомъ, первое знакомство съ волновавшими его идеями были заключены Пушкинымъ еще на школьной скамьѣ. Уже поступая въ лицей, двѣнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ, онъ выдавался среди своихъ товарищей не только способностями, но и знаніями. «Всѣ мы видѣли,—писалъ впослѣдствіи Пущинъ, припоминая обстоятельства своего поступленія въ лицей,—что Пушкинъ насъ опередилъ, многое прочелъ, о чемъ мы и не слыхали, все, что читалъ, помнилъ: но достоинство его состояло въ томъ, что онъ отнюдь не думалъ выказываться и важничать, какъ это очень часто бываетъ въ тѣ годы съ скороспѣлками, которые по какимъ-либо особеннымъ обстоятельствамъ и раньше, и легче находятъ случай чему-нибудь выучиться» [1]). Между тѣмъ школьные годы Пушкина проходили въ такой обстановкѣ, которая могла бы способствовать быстрому росту и не столь выдающагося ума. Нашествіе Наполеона, громъ войны 12-го года, съ ея пораженіями и побѣдами, позднѣе походъ русскихъ войскъ за границу, закончившійся взятіемъ Парижа,—всѣ эти событія, изъ ряду вонъ выходившія, вліяли на воображеніе, развивали умъ и чувство современниковъ, даже тѣхъ, которые сидѣли еще на скамьяхъ средней школы. Лицей въ этомъ отношеніи находился, быть можетъ, въ особенно благопріятныхъ условіяхъ. Среди учебныхъ заведеній столицы онъ занималъ особое мѣсто, не всегда даже понятное для окружающихъ. Пущинъ въ своихъ запискахъ сохранилъ забавный разсказъ о томъ, какъ опредѣлялъ это мѣсто лицея гр. Милорадовичъ. «Въ 1817 году,—разсказываетъ онъ—когда послѣ выпуска мы шестеро, назначенные въ гвардію, были въ лицейскихъ мундирахъ на парадѣ гвардейскаго корпуса, подъѣзжаетъ къ намъ гр. Милорадовичъ, тогдашній корпусный командиръ, съ вопросомъ: что мы за люди и какой это мундиръ? Услышавъ нашъ отвѣтъ, онъ нѣсколько задумался, и потомъ очень важно сказалъ окружавшимъ его: «Да, это не то, что университетъ, не то, что кадетскій корпусъ, не гимназія, не семинарія—это... лицей». Поклонился, повернулъ лошадь и ускакалъ» [2]). На первыхъ порахъ своего существованія лицей смущалъ и ставилъ втупикъ не одного гр. Милорадовича, хотя не всѣ, можетъ статься, умѣли такъ побѣдоносно выйти изъ затрудненія, какъ этотъ храбрый генералъ. Соединяя въ себѣ среднюю и высшую школу, порядки закрытаго учебнаго заведенія съ широкой свободой воспитанниковъ внутри

[1]) Майковъ, назв. соч., 45.
[2]) Тамже, 43—4.

лицейскихъ стѣнъ и съ отсутствіемъ тѣлесныхъ наказаній, лицей отличался отъ другихъ заведеній и своей разносторонней и по тому времени весьма цѣлесообразной программой. Если эта программа и не осуществлялась цѣликомъ, если преподаватели, среди которыхъ были и видные ученые, какъ Куницынъ и Галичъ, подчасъ не очень тщательно относились къ своимъ обязанностямъ, то, съ другой стороны, они не проявляли чрезмѣрнаго педантизма въ своихъ отношеніяхъ къ ученикамъ и, умѣя порой глядѣть сквозь пальцы на молодыя проказы, умѣли и сближаться съ юными «студентами», пробуждая въ нихъ стремленіе къ развитію. Такое сближеніе началось съ событій 12-го года. «Эти событія сильно отразились на нашемъ дѣтствѣ—вспоминалъ впослѣдствіи Пущинъ.—Началось съ того, что мы провожали всѣ гвардейскіе полки, потому что они проходили мимо самаго лицея; мы всегда были тутъ при ихъ появленіи, выходили даже во время классовъ, напутствовали воиновъ сердечною молитвою, обнимались съ родными и знакомыми; усатые гренадеры изъ рядовъ благословляли насъ крестомъ. Не одна слеза тутъ пролита». Проводами гвардіи не ограничилось участіе лицеистовъ къ войнѣ. «Когда начались военныя дѣйствія,—продолжаетъ тотъ же свидѣтель—всякое воскресенье кто-нибудь изъ родныхъ привозилъ реляціи; Кошанскій читалъ ихъ намъ громогласно въ залѣ. Газетная комната никогда не была пуста въ часы, свободные отъ классовъ; читались наперерывъ русскіе и иностранные журналы при неумолкаемыхъ толкахъ и преніяхъ; всему живо сочувствовалось у насъ: опасенія смѣнялись восторгомъ при малѣйшемъ проблескѣ къ лучшему. Профессора приходили къ намъ и научали насъ слѣдить за ходомъ дѣлъ и событій, объясняя иное, намъ недоступное» [1]). При такихъ-то условіяхъ началась школьная жизнь Пушкина. Въ связи съ ними «неволя мирная», «шесть лѣтъ соединенья» сдѣлали свое дѣло, и лицеисты перваго выпуска тѣсно сплотились между собою. Ближе другихъ къ Пушкину стояли «вѣтреный мудрецъ»—Пущинъ, Дельвигъ и нескладный, неуклюжій, но глубоко чувствовавшій поэзію и способный къ благороднымъ увлеченіямъ идеалистъ Кюхельбекеръ, «братъ Кюхля», какъ любилъ называть его Пушкинъ. Не порвалось съ теченіемъ времени и завязавшееся сближеніе съ профессорами, по крайней мѣрѣ, съ лучшими изъ нихъ. Галичъ заслужилъ благодарную память первыхъ лицеистовъ едва-ли однимъ лишь участіемъ въ ихъ пирушкахъ, тѣмъ болѣе, что самыя эти пирушки принимали широкіе размѣры, повидимому, исключительно въ поэтическомъ воображеніи Пушкина. Еще болѣе важно было общеніе съ Куницынымъ, этимъ виднымъ ученымъ и убѣжденнымъ либераломъ. Правда, по нѣкоторымъ разсказамъ, его преподаваніе въ лицеѣ ограничивалось заучиваніемъ

[1]) Тамже, 53—4, 54.

со стороны лицеистовъ профессорскихъ тетрадокъ, но, какъ бы то ни было, онъ съумѣлъ пріобрѣсти вліяніе на своихъ учениковъ. Спустя восемь лѣтъ по выходѣ изъ лицея, Пушкинъ не усумнился въ теплыхъ словахъ признать благотворность этого вліянія: «онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень,—поставленъ имъ краеугольный камень,—имъ чистая лампада вожжена». Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря сравнительной свободѣ лицеистовъ, у нихъ легко завязывались сношенія и внѣ стѣнъ самого лицея, и для Пушкина они скоро пріобрѣли болѣе значенія, чѣмъ дружба товарищей и вліяніе преподавателей. Въ то время, какъ рано сказавшійся талантъ быстро выдвинулъ его изъ ряда сверстниковъ и далъ ему возможность войти въ качествѣ равнаго въ кругъ поэтовъ и литераторовъ Арзамаса, сосѣдство лицея съ квартировавшимъ въ Царскомъ Селѣ лейбъ-гусарскимъ полкомъ ввело Пушкина и его товарищей въ среду гвардейской молодежи.

Вліяніе на Пушкина этой среды нерѣдко изображалось почти исключительно темными красками, равно какъ во вліяніи Арзамаса подчеркивались по преимуществу—и едва-ли правильно—лишь свѣтлыя его стороны. Между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что военные кружки этой эпохи могли научить входившаго въ нихъ юношу не одному лишь разгулу. Офицерское общество данной поры было богато особенностями, въ такомъ размѣрѣ не свойственными ему ни раньше, ни позже. Патріотическій порывъ двѣнадцатаго года бросилъ въ ряды войска немалое количество дворянской образованной молодежи и приподнялъ настроеніе тѣхъ, которые уже ранѣе стояли въ этихъ рядахъ. Этотъ порывъ не могъ разрѣшиться однимъ шовинистическимъ увлеченіемъ громомъ отечественнаго оружія. Для этого обстоятельства были слишкомъ сложны, сцена, на которой приходилось дѣйствовать, слишкомъ громадна и полна неожиданностей. Передъ глазами владѣльцевъ крѣпостныхъ душъ, владѣльцевъ, болѣе или менѣе наивно увѣренныхъ въ полномъ безсмысліи и равнодушіи массы, въ ея лицѣ внезапно выступилъ на историческую арену народъ, самостоятельно поднявшійся на защиту родины отъ нашествія врага, для возбужденія своего патріотизма не нуждавшійся ни въ синодскихъ увѣщаніяхъ [1]), ни въ статьяхъ спеціально для этой цѣли выписаннаго изъ Германіи публициста Арндта, ни въ Растопчинскихъ афишкахъ. Когда затѣмъ народная война поглотила силы Наполеона и, гордыя своимъ подвигомъ, русскія войска двинулись освобождать другія

[1]) Какъ извѣстно, во время предъидущей войны съ Франціей Синодъ разослалъ по церквамъ объявленіе, въ которомъ Наполеонъ назывался лже-Мессіей, поклоняющимся языческимъ богамъ и стремящимся возстановить еврейскій синедріонъ,—см. Шильдеръ, Имп. Александръ I, его жизнь и царствованіе, СПБ., 1897, т. II, сс. 156 и 352—8. Весьма возможно, что это объявленіе не осталось безъ вліянія на отожествленіе въ народѣ Наполеона съ антихристомъ.

страны, въ Европѣ, гдѣ реакція едва только начинала приподнимать свою голову подъ шумъ оружія союзниковъ, «освободителямъ» пришлось пережить рядъ очень сложныхъ впечатлѣній. Жизнь учитъ скорѣе книгъ и теоретическихъ размышленій. Неудивительно поэтому, что, благодаря впечатлѣніямъ, полученнымъ отъ непосредственнаго знакомства съ европейскою жизнью, идеи, еще недавно бывшія въ Россіи достояніемъ только единичныхъ личностей и робко высказывавшіяся немногими мечтателями въ литературѣ, были теперь усвоены цѣлыми кружками офицеровъ и вмѣстѣ съ послѣдними возвратились въ петербургскія и московскія казармы. На долю русскихъ войскъ въ Европѣ выпала крупная и блестящая роль и самый этотъ блескъ невольно будилъ мысль и дѣлалъ ее особенно чуткой къ голосу совѣсти. «Пребываніе цѣлый годъ въ Германіи и потомъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ не могло — говоритъ одинъ изъ офицеровъ этой поры — не измѣнить воззрѣнія хоть сколько-нибудь мыслящей русской молодежи; при такой огромной обстановкѣ каждый изъ насъ сколько-нибудь выросъ» [1]). Участники міровыхъ событій, русскіе люди за-границей отвыкли отъ тѣсныхъ рамокъ сѣрой родной дѣйствительности и съ трудомъ снова входили въ нихъ. Объ этомъ у насъ сохранились недвусмысленныя свидѣтельства и такихъ лицъ, которыхъ мудрено въ данномъ случаѣ заподозрить въ пристрастіи къ описываемымъ ими фактамъ. «Не только офицеры, — читаемъ мы въ запискахъ Греча — но и нижніе чины гвардіи набрались заморскаго духа, они чувствовали и видѣли свое превосходство предъ иностранными войсками, видѣли, что тѣ войска, при меньшемъ образованіи, пользуются бо́льшими льготами, бо́льшимъ уваженіемъ, имѣютъ голосъ въ обществѣ. Это не могло не возбудить вначалѣ просто ихъ соревнованія и желанія стать наравнѣ съ побѣжденными» [2]). Правильно передавая общій характеръ даннаго явленія, наблюдатель, слова котораго мы привели, уменьшаетъ, вѣроятно, безсознательно, его значеніе. Дѣло было, конечно, не въ одной противоположности между правами армій. Контрастъ, поражавшій воображеніе познакомившейся съ заграничной жизнью молодежи, былъ болѣе глубокъ; это былъ контрастъ европейской роли Россіи съ внутреннимъ ея бытомъ, особенно хорошо уяснявшимся изъ сравненія съ бытомъ только что освобожденной ею Европы, контрастъ великихъ силъ, обнаруженныхъ народомъ, съ тѣмъ жалкимъ положеніемъ, въ которомъ онъ находился. Сознаніе этого контраста наростало постепенно, но съ особенною силою оно должно было проявиться при возвратѣ арміи на родину, когда ее вновь окружили забытыя было условія. По возвращеніи въ 14-мъ году изъ Франціи, — разсказываетъ одинъ изъ современниковъ — «первая гвардейская дивизія была высажена у Ораніен-

[1]) Записки И. Д. Якушкина, с. 3.
[2]) Н. И. Гречъ. Записки о моей жизни. СПБ. 1886, с. 325.

баума и слушала благодарственный молебенъ, который служилъ оберъ-священникъ Державинъ. Во время молебствія полиція нещадно била народъ, пытавшійся приблизиться къ выстроенному войску. Это произвело на насъ первое неблагопріятное впечатлѣніе по возвращеніи въ отечество»... За нимъ не замедлили послѣдовать и другія. «Въ 14-мъ году, по словамъ того же лица, существованіе молодежи въ Петербургѣ было томительно. Въ продолженіи двухъ лѣтъ мы имѣли передъ глазами великія событія, рѣшившія судьбы народовъ, и нѣкоторымъ образомъ участвовали въ нихъ; теперь было невыносимо смотрѣть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариковъ, выхваляющихъ все старое и отрицающихъ всякое движеніе впередъ. Мы ушли отъ нихъ на 100 лѣтъ впередъ» [1]).

На первыхъ порахъ однако все роковое значеніе этого скачка не было ясно даже людямъ, сдѣлавшимъ его. Недостатки, оказавшіеся въ русской дѣйствительности, казалось, требовали лишь выясненія и затѣмъ исправленіе ихъ становилось уже вопросомъ недолгаго времени. Въ гвардейскихъ казармахъ Петербурга шли между офицерами оживленныя бесѣды на эту тему. «Въ бесѣдахъ нашихъ обыкновенно разговоръ былъ о положеніи Россіи. Тутъ разбирались главныя язвы нашего отечества: закоснѣлость народа, крѣпостное состояніе, жестокое обращеніе съ солдатами, которыхъ служба въ теченіе 25 лѣтъ почти была каторгой, повсемѣстное лихоимство, грабительство и, наконецъ, явное неуваженіе къ человѣку вообще». Отъ бесѣдъ, начатыхъ въ своей товарищеской средѣ, естественно было перейти къ дальнѣйшей пропагандѣ выработанныхъ взглядовъ, и эта пропаганда была поведена тѣмъ съ бо́льшимъ жаромъ, что для большинства людей, повернувшихъ на новый путь, косность общественной среды представлялась пока единственнымъ препятствіемъ къ осуществленію ихъ взглядовъ въ жизни. Эта косность и въ самомъ дѣлѣ сильно давала о себѣ знать. «На каждомъ шагу встрѣчались Скалозубы не только въ арміи, но и въ гвардіи, для которыхъ было не понятно, чтобы изъ русскаго человѣка возможно выправить годнаго солдата, не изломавъ на его спинѣ нѣсколько возовъ палокъ. Всѣ почти помѣщики смотрѣли на крестьянъ своихъ, какъ на собственность, вполнѣ имъ принадлежащую, и на крѣпостное состояніе, какъ на священную старину, до которой нельзя было коснуться безъ потрясенія самой основы государства. По ихъ мнѣнію, Россія держалась однимъ только благороднымъ сословіемъ, а съ уничтоженіемъ крѣпостного состоянія уничтожалось и самое дворянство. По мнѣнію тѣхъ же старовѣровъ, ничего не могло быть пагубнѣе, какъ приступить къ образованію народа. Вообще свобода мыслей тогдашней молодежи пугала всѣхъ, но эта молодежь вездѣ высказывала смѣло слово истины» [2]).

---

[1]) Записки Якушкина, сс. 3—4, 5.

[2]) Тамже, сс. 8—10, 24—5.

Чувство приподнятаго патріотизма, обращеннаго, однако, не на внѣшнюю славу отечества, а на уврачеваніе его внутреннихъ золъ, рѣзкая критика темныхъ сторонъ существующаго порядка, исходившая изъ понятія о человѣческомъ достоинствѣ, и либеральные взгляды въ политическихъ вопросахъ составляли, такимъ образомъ, характерныя особенности, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ военныхъ и, въ частности, гвардейскихъ кружковъ послѣ 1814 года. Существуетъ любопытное указаніе, что эти особенности—не безъ прямого вліянія непосредственныхъ сношеній съ офицерскими кружками—были быстро усвоены и лицейской средою данной поры. Такое указаніе представляетъ собою доносъ, нѣсколько позже этого времени поданный на лицей и его направленіе. «Въ свѣтѣ, по словамъ неизвѣстнаго доносчика, называется *лицейскимъ духомъ*, когда молодой человѣкъ не уважаетъ старшихъ, обходится фамильярно съ начальниками, высокомѣрно съ равными, презрительно съ низшими, исключая тѣхъ случаевъ, когда для фанфаронады надобно показаться любителемъ равенства. Молодой вертопрахъ долженъ при семъ порицать насмѣшливо всѣ поступки особъ, занимающихъ значительныя мѣста, всѣ мѣры правительства, знать наизустъ или самому быть сочинителемъ эпиграммъ, пасквилей и пѣсенъ предосудительныхъ на русскомъ языкѣ, а на французскомъ—знать всѣ дерзкіе и возмутительные стихи и мѣста самыя сильныя изъ революціонныхъ сочиненій. Сверхъ того, онъ долженъ толковать о конституціяхъ, палатахъ, выборахъ, парламентахъ, казаться невѣрующимъ христіанскимъ догматамъ и болѣе всего представляться филантропомъ и русскимъ патріотомъ. Къ тому принадлежитъ также обязанность насмѣхаться надъ выправкою и обученіемъ войскъ и въ сей цѣли выдумано ими слово шагистика» [1]). Дѣло, конечно, не въ тонѣ этого документа, а въ самомъ фактѣ, имъ указываемомъ. Не мѣшаетъ припомнить еще, что среди лейбъ-гусаръ Пушкинъ познакомился и сдружился съ однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ людей своей эпохи, П. Я. Чаадаевымъ. Въ свою очередь ближайшій другъ Пушкина въ лицеѣ разсказываетъ о себѣ самомъ: «еще въ лицейскомъ мундирѣ я былъ частымъ гостемъ (офицерской) артели, которую тогда составляли Муравьевы (Александръ и Михайло), Бурцевъ, Павелъ Колошинъ и Семеновъ. Съ Колошинымъ я былъ въ родствѣ. Постоянныя наши бесѣды о предметахъ общественныхъ, о злѣ существующаго у насъ порядка и о возможности измѣненія, желаемаго многими втайнѣ, необыкновенно сблизили меня съ этимъ мыслящимъ кружкомъ: я сдружился съ нимъ, почти жилъ въ немъ» [2]).

Живая и воспріимчивая натура не позволила Пушкину остаться безучастнымъ къ совершавшемуся вокругъ него общественному движенію и из-

[1]) Р. Старина, 1877, № 4, с. 657: «Нѣчто о Царскосельскомъ лицеѣ и о духѣ его».

[2]) Майковъ, назв. соч., с. 69.

бѣгнуть вліянія идей, съ такой могучей властью подчинявшихъ себѣ его сверстниковъ. Въ своихъ первыхъ поэтическихъ опытахъ, относящихся къ тому времени, когда еще не совсѣмъ улеглась борьба союзниковъ съ Наполеономъ, онъ не пошелъ по торной дорогѣ военнаго патріотизма и не то съ робостью, не то съ насмѣшкой отклонялъ призывы ступить на эту дорогу [1]). Немногія стихотворенія, написанныя имъ на эти темы, не принадлежатъ къ числу лучшихъ его произведеній лицейской поры. Но уже въ тѣхъ же лицейскихъ стихотвореніяхъ, среди анакреонтическихъ и элегическихъ пьесъ, встрѣчаются и первые проблески гражданскихъ мотивовъ, пріурочиваемыхъ, правда, пока къ классическимъ темамъ [2]). Съ выходомъ Пушкина изъ лицея, со вступленіемъ его въ болѣе широкое общество эти мотивы быстро разростаются въ его поэзіи, сбрасывая съ себя классическую одежду и принимая чаще всего сатирическую форму. Нѣтъ сомнѣнія, что самому поэту эпиграммы и злыя шутки, срывавшіяся съ его устъ, нерѣдко, особенно въ первое время, представлялись болѣе или менѣе невинною, хотя и дерзкою шалостью, такъ мѣтко охарактеризованною имъ самимъ въ посланіи къ В. В. Энгельгардту 1819 г. [3]). Но иначе смотрѣло на это общество, да и звуки Пушкинской лиры быстро крѣпли. Въ короткое время, какъ бы мимоходомъ, юный поэтъ успѣлъ, однако, затронуть почти всѣ обсуждавшіяся въ либеральныхъ кружкахъ Петербурга темы, порою выказывая при этомъ поразительную энергію. Во главѣ подобныхъ произведеній его этой поры стоитъ знаменитое первое посланіе къ Чаадаеву, такъ ярко схватывавшее настроеніе современной поэту петербургской молодежи и еще и теперь не утратившее своей свѣжести:

Любви, надежды, гордой славы
Недолго тѣшилъ насъ обманъ:
Исчезли юныя забавы,
Какъ дымъ, какъ утренній туманъ!
Но въ насъ кипятъ еще желанья:

---

1) «Къ Батюшкову», 1815 г.,—Сочиненія Пушкина, I, 77—8; здѣсь, какъ и вездѣ далѣе, я цитирую по изданію Литературнаго Фонда.

2) «Я сердцемъ римлянинъ; кипитъ въ груди свобода,
Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа...»
«Лицинію». 1815 г.; тамже, I, 72.

3) Тамже, I, 199: «...Пріѣду я
Въ началѣ мрачномъ октября:
Съ тобою пить мы будемъ снова,
Открытымъ сердцемъ говоря
Насчетъ глупца, вельможи злова,
Насчетъ холопа записнова,
Насчетъ небеснаго Царя,
А иногда насчетъ земнова».

Подъ гнетомъ власти роковой
Нетерпѣливою душой
Отчизны внемлемъ призыванья!
Мы ждемъ, съ томленьемъ упованья,
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья.
Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души высокіе порывы.
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена.

Въ написанномъ годомъ позднѣе посланіи къ А. Ѳ. Орлову, имѣющемъ въ сущности полу-интимный характеръ, Пушкинъ мимоходомъ нѣсколькими язвительными стихами клеймитъ армейскіе порядки своей эпохи, восхваляя въ «русскомъ генералѣ» «любезность, разумъ просвѣщенный» и отдавая своему собесѣднику честь въ томъ, что онъ, хотя и учитъ солдатъ, «но не безславитъ сгоряча—свою воинственную руку—презрѣнной палкой палача». Къ этому же году относится «Деревня» съ ея энергичнымъ протестомъ противъ крѣпостного права и тогда же, повидимому, написана и ода «Вольность [1]). Эпиграммы 1818 года на «Исторію» Карамзина, на кн. Голицына и архим. Фотія въ началѣ 1820 года находятъ себѣ достойное продолженіе въ эпиграммахъ на Аракчеева, полныхъ то убійственнаго сарказма, то едва сдержаннаго гнѣва.

Эта сторона поэтической дѣятельности Пушкина вызывала неодинаковое отношеніе къ себѣ даже среди безусловныхъ почитателей его таланта. Бывшіе учителя его въ дѣлѣ литературы, теперь уже превзойденные имъ степенные Арзамасцы, близкіе къ вліятельнымъ сферамъ и придворнымъ кругамъ, съ неудовольствіемъ покачивали головами по поводу либерализма поэта, видя въ немъ лишь небезопасныя проказы молодости, аналогичныя другимъ проказамъ и увлеченіямъ геніальнаго юноши. Даже въ наиболѣе умѣренныхъ изъ этихъ его произведеній они находили излишнія крайности. А. И. Тургеневъ писалъ П. А. Вяземскому о «Деревнѣ»: «есть сильные и

[1]) Въ изданіи Лит. Фонда (I, 219—21) она отнесена почему-то къ 1820 г., но она была извѣстна петербургскимъ пріятелямъ поэта уже въ 1819 г., (такъ, А. И. Тургеневъ пишетъ о ней П. А. Вяземскому 5 авг. 1819 г., см. Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ, I, СПБ. 1899, с. 280), а самъ Пушкинъ въ шуточномъ произведеніи 1825 г.: «Воображаемый разговоръ съ имп. Александромъ» относилъ ея написаніе даже къ 1817 г. (Соч. Пушкина, изд. Л. Ф., V. 37).

прекрасные стихи, но и преувеличенія насчетъ псковского хамства». Въ другой разъ онъ же, послѣ присылки Вяземскимъ стихотворенія о Сибиряковѣ, поэтѣ-крѣпостномъ, за выкупъ котораго его помѣщикъ Масловъ требовалъ 10,000 р., сообщалъ: «Пушкинъ бѣсится, что ты отнялъ у него такой богатый сюжетъ, а я этому радъ, ибо онъ пересолилъ бы самое негодованіе» [1]). Оду «Вольность», или, какъ она иначе называлась, «стансы на свободу», Тургеневъ не рѣшался даже отправлять почтою къ Вяземскому въ Варшаву: «я боюсь—писалъ онъ—и за него, и за тебя посылать ихъ къ тебѣ. Les murs peuvent avoir des yeux et meme des oreilles» [2]) За то среди либерально настроенной молодежи эти произведенія встрѣчали живое сочувствіе и восхищеніе. «Вездѣ—разсказываетъ Пущинъ—ходили по рукамъ, переписывались и читались наизусть его «Деревня», «Ода на свободу», «Ура! Въ Россію скачетъ...» и другія мелочи въ томъ же духѣ. Не было живого человѣка, который не зналъ бы его стиховъ» [3]). Почти тѣми же словами говоритъ и другой современникъ: «всѣ его не напечатанныя стихотворенія: Деревня, Четырехстишіе къ Аракчееву, Посланіе къ П. Чаадаеву и много другихъ, были не только всѣмъ извѣстны, но въ то время не было сколько-нибудь грамотнаго прапорщика въ арміи, который не зналъ ихъ наизусть» [4]). Въ этихъ произведеніяхъ многіе представители молодого поколѣнія находили отраженіе собственныхъ идей и чувствъ, и тѣмъ быстрѣе росла извѣстность поэта.

По отношенію къ передовымъ кружкамъ тогдашней молодежи Пушкинъ не былъ однако ихъ пѣвцомъ и вдохновителемъ, какъ не былъ и простымъ ихъ отголоскомъ Если для послѣдней роли онъ былъ слишкомъ самостоятеленъ, то для первой ему не доставало выдержанной прямолинейности характера и сосредоточенности страсти.

Общественное движеніе, начавшееся въ 1812 году, развивалось съ той поры не только вширь, но и вглубь, и это развитіе шло впередъ быстрыми шагами. Если по окончаніи Наполеоновскихъ войнъ для многихъ еще не было ясно, что либеральные элементы русскаго общества и правительство пошли по совершенно различнымъ дорогамъ, то къ 1820 году это уже

[1]) Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ, I, СПБ. 1890, сс. 296, 304; стоитъ припомнить, что имп. Александръ, прочитавъ «Деревню», поручилъ передать Пушкину благодарность за «прекрасныя чувства».

[2]) Тамже, с. 335, письмо отъ 22 окт. 1819 г. Вяземскій, потому ли, что онъ былъ смѣлѣе, или потому, что не ясно представлялъ себѣ дѣло, остался недоволенъ Тургеневымъ. «Присылай же пѣсню Пушкина—писалъ онъ.—Что ты за трусишка такой. Я никого и ничего не боюсь; совѣсть—вотъ мое право. Пускай у стѣнъ не только уши и глаза, но и ротъ будетъ: я все-таки стану бить въ нее горохомъ»,—тамже, сс. 342—3.

[3]) Майковъ, назв. соч., с. 70.

[4]) Записки Якушкина, с. 67.

обнаружилось съ полною очевидностью. Правда, въ теоріи либеральныя идеи и теперь еще не совсѣмъ были заброшены въ правительственныхъ сферахъ. Въ рѣчи, произнесенной имп. Александромъ въ Варшавѣ 15 марта 1818 г. при открытіи перваго сейма Царства Польскаго, заключалось знаменательное обѣщаніе «законно-свободныхъ учрежденій» для Россіи [1]). Дѣло, въ 1809—11 г. составлявшее предметъ попеченій Сперанскаго, было передано теперь въ руки Новосильцева и подъ его руководствомъ французскій юристъ Deschamps писалъ въ Варшавѣ проектъ новыхъ учрежденій для Россіи, а кн. П. А. Вяземскій перелагалъ этотъ проектъ на русскій языкъ [2]). Но, не смотря на эти громкія обѣщанія и тайныя работы, не имѣвшія будущаго, реальная политика правительства рѣшительно свернула на путь реакціи. Первымъ лицомъ въ правительствѣ сталъ Аракчеевъ и его тяжелая рука всюду давала себя чувствовать. Военныя поселенія нависли грозою надъ крестьянствомъ и солдатами, въ арміи опять усилилась ослабѣвшая было жестокость дисциплины, печать лишилась возможности трактовать о существенныхъ политическихъ и соціальныхъ вопросахъ, учебныя заведенія подверглись строгому надзору, а затѣмъ въ нихъ начались и печальные разгромы, имѣвшіе своею цѣлью истребить успѣхи вольномыслія и останавливавшіе только успѣхи просвѣщенія въ странѣ, и безъ того имъ не богатой. При такихъ условіяхъ людямъ, мечтавшимъ объ обновленіи Россіи, приходилось все болѣе разочаровываться въ существовавшей у нихъ первоначально надеждѣ встрѣтить поддержку въ дѣлѣ этого обновленія со стороны самого правительства. Это обстоятельство не подорвало однако ихъ энергіи, а лишь направило ее въ другую сторону. Еще въ 1816 году небольшой кружокъ молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ (братья Муравьевы и Муравьевы-Апостолы, кн. С. П. Трубецкой, кн. И. А. Долгоруковъ, И. Д. Якушкинъ, П. Пестель, Лунинъ, Ѳ. Н. Глинка и др.) образовалъ первое тайное общество, для котораго въ слѣдующемъ году былъ выработанъ Пестелемъ и уставъ. Члены общества, получившаго имя «Союза Спасенія» или «истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества», обязывались содѣйствовать всѣмъ благимъ начинаніямъ правительства и частныхъ лицъ, добиваться исправленія администраціи, обличая злоупотребленія отдѣльныхъ

[1]) Вотъ это мѣсто рѣчи: «Образованіе, существовавшее въ вашемъ краѣ, дозволяло мнѣ ввести немедленно то, которое я вамъ даровалъ, руководствуясь правилами законно-свободныхъ учрежденій, бывшихъ непрестанно предметомъ моихъ помышленій и которыхъ спасительное вліяніе надѣюсь я, при помощи Божіей, распространить и на всѣ страны, Провидѣніемъ попеченію моему ввѣренныя. Такимъ образомъ вы мнѣ подали средство явить моему отечеству то, что я уже съ давнихъ лѣтъ ему пріуготовляю и чѣмъ оно воспользуется, когда начала столь важнаго дѣла достигнутъ надлежащей зрѣлости». См. «Сѣверную Почту», 1818 г., № 26.

[2]) Полное собраніе сочиненій кн. Вяземскаго, II, 87.

ся дѣятелей, распространять просвѣщеніе и улучшать общественные нравы путемъ личнаго примѣра и пропаганды гуманныхъ идей. Конечною цѣлью дѣятельности общества предполагалось измѣненіе политическаго строя Россіи и введеніе въ ней представительныхъ учрежденій, но для достиженія этой цѣли не указывалось никакихъ конкретныхъ путей. Тайное общество не имѣло еще, такимъ образомъ, яснаго характера заговора. Повидимому, на первыхъ порахъ люди, усвоившіе себѣ новый образъ мыслей и разсѣянные среди враждебно косившагося на нихъ консервативнаго большинства, чувствовали просто потребность тѣснѣе сплотиться между собою для обмѣна мнѣніями и отысканія какой-либо дѣятельности въ духѣ своихъ идей, и этой-то потребности отвѣчало устройство тайнаго общества по образцу существовавшихъ въ Германіи. Не оказалось и недостатка въ новыхъ кандидатахъ въ «Союзъ Спасенія». Между прочимъ однимъ изъ первыхъ былъ принятъ введенный Бурцевымъ 18-лѣтній юноша И. И. Пущинъ, только что сошедшій, вмѣстѣ съ Пушкинымъ, съ лицейской скамьи. Въ своихъ запискахъ, веденныхъ уже на старости лѣтъ, онъ оставилъ любопытное указаніе на тотъ подъемъ духа, какимъ сопровождалось для новыхъ членовъ вступленіе въ «Союзъ». Послѣ принятія въ общество,—разсказываетъ онъ,—«эта высокая цѣль жизни самою своею таинственностью и начертаніемъ новыхъ обязанностей рѣзко и глубоко проникла душу мою; я какъ будто получилъ особенное значеніе въ собственныхъ своихъ глазахъ: сталъ внимательно смотрѣть на жизнь во всѣхъ проявленіяхъ буйной молодости, наблюдалъ за собою, какъ за частицею, хотя ничего не значущею, но входящею въ составъ того цѣлаго, которое рано или поздно должно имѣть благотворное дѣйствіе» [1]). Искренность и безусловную правдивость этихъ словъ Пущинъ доказалъ всею своею послѣдующею жизнью. Черезъ нѣсколько лѣтъ по вступленіи въ общество онъ смѣнилъ блестящій мундиръ конно-артиллерійскаго офицера на сравнительно скромную должность судьи въ уголовномъ департаментѣ московскаго надворнаго суда, руководясь правиломъ тайнаго общества—поднимать уваженіе къ общественнымъ должностямъ и собственной дѣятельностью содѣйствовать улучшенію всѣхъ полезныхъ отраслей администраціи, проводя въ нее начала гуманности и безкорыстія. Подобный шагъ требовалъ немалаго нравственнаго мужества въ то время, когда на дѣятельность, избранную Пущинымъ, въ свѣтѣ, къ которому онъ принадлежалъ, смотрѣли чуть не съ презрѣніемъ. Какъ судья и какъ человѣкъ, Пущинъ вызывалъ дань невольнаго уваженія даже со стороны лицъ, являвшихся ревностными и озлобленными противниками исповѣдуемыхъ имъ взглядовъ [2]). И позднѣе, въ годы ссылки, онъ не утратилъ бодраго на-

[1]) Майковъ, назв. соч., с. 69.

[2]) Гречъ, постаравшійся въ своихъ воспоминаніяхъ очернить всю группу людей, къ которой принадлежалъ И. И. Пущинъ, объ этомъ послѣд-

строенія и до старости пронесъ невредимымъ подъ тяжелыми ударами судьбы гордый и цѣльный идеализмъ своей юности. Приблизительно такой же подъемъ нравственнаго чувства переживали и другіе молодые участники общества. Поставленная передъ ними высокая, хотя и нѣсколько туманная, цѣль освѣщала жизнь, помогала переносить нерѣдко пустое и тяжелое настоящее и заставляла готовиться къ лучшему будущему, а сознаніе принадлежности къ проникнутому однимъ стремленіемъ обществу, могущему оказать поддержку своимъ сочленамъ, сообщало имъ увѣренность въ своихъ силахъ. Въ 1818 г. «Союзъ Спасенія» былъ переименованъ въ «Союзъ Благоденствія» и вмѣстѣ съ тѣмъ уставъ его подвергся новой переработкѣ, но и въ ней политическій характеръ, несомнѣнно, еще болѣе ставшій теперь присущимъ обществу, не опредѣлился съ полною ясностью. На собраніяхъ членовъ «Союза» шли въ неизмѣнномъ либеральномъ духѣ разговоры на политическія темы, горячо дебатировался, между прочимъ, вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, но дальше просвѣтительныхъ начинаній отдѣльныхъ участниковъ и устной пропаганды либеральныхъ взглядовъ члены «Союза» пока не шли. Н. И. Тургеневъ задумалъ было изданіе политическаго журнала, путемъ котораго «Союзъ Благоденствія» могъ бы вліять на болѣе широкіе круги общества. Къ участію въ журналѣ привлечены были многіе члены «Союза», въ томъ числѣ и Пущинъ; самъ Тургеневъ написалъ уже нѣсколько статей по уголовному праву и о судѣ присяжныхъ, но этому предпріятію не пришлось осуществиться. Не удались и попытки М. Ѳ. Орлова привлечь къ просвѣтительной дѣятельности въ духѣ «Союза Благоденствія» Арзамасъ и Библейское общество: оба названныя общества отклонили отъ себя эту задачу [1]). За то устная пропаганда дѣлала свое дѣло, особенно въ кругахъ офицерской молодежи. «Вліяніе членовъ «Союза» въ Петербургѣ—говоритъ одинъ изъ современниковъ этой эпохи—было очевидно. Въ семеновскомъ полку палка почти совсѣмъ уже была выведена изъ употребленія; въ другихъ полкахъ ротные командиры нашли возможность безъ нея обходиться. Про жестокости, какія бывали прежде, слышно

немъ отзывается, однако, какъ о «благородномъ, миломъ, добромъ молодомъ человѣкѣ, истинномъ филантропѣ, покровителѣ бѣдныхъ, гонителѣ неправды»; самое вступленіе его въ тайное общество Гречъ объясняетъ тѣмъ, что онъ «познакомился на бѣду свою съ Рылѣевымъ, увлекся его сумасбродствомъ и сгубилъ себя». Н. И. Гречъ. Записки о моей жизни, СПБ. 1886 г., с. 407. Въ дѣйствительности, какъ мы еще увидимъ, дѣло происходило какъ разъ наоборотъ: не Пущинъ Рылѣевымъ, а Рылѣевъ Пущинымъ былъ принятъ въ общество.

[1]) Tourgeneff, La Russie et les russes, I, 84—5, 171—3; Записки Вигеля, V, 52—3; рѣчь Орлова въ Кіевскомъ отдѣленіи Библейскаго общества 11 августа 1811 г. см. въ Сборникѣ Р. Истор. Общества, т. 78, сс. 519—28.

было очень рѣдко» [1]). Быстро росло въ эти годы и число членовъ тайнаго общества. Вербовка ихъ совершалась въ кругахъ, близкихъ Пушкину; вслѣдъ за пріятелемъ его со школьной скамьи, Пущинымъ, въ общество вошло немало и другихъ близкихъ знакомыхъ поэта, но самъ онъ не былъ приглашенъ въ «Союзъ Благоденствія» и едва лишь подозрѣвалъ въ эту пору своей жизни объ его существованіи.

Это удаленіе тайнаго общества отъ Пушкина, которое не могло быть ни случайнымъ, ни безсознательнымъ, находило себѣ различное истолкованіе въ нашей литературѣ. Высказывалось—въ формѣ то предположеній, то рѣшительнаго утвержденія—и такое мнѣніе, что члены тайнаго общества не желали подвергать Пушкина опасности, щадя въ немъ великій талантъ родной литературы. На это не безъ основанія возражали, что устроители и члены политическихъ обществъ обыкновенно не руководятся подобными соображеніями. Люди, такъ страстно преданные своимъ идеямъ, какъ это было съ большинствомъ членовъ «Союза Благоденствія», не могли знать ничего выше служенія этимъ идеямъ и должны были стремиться завербовать въ свои ряды всякую выдающуюся силу, а Пушкинъ, несомнѣнно, уже представлялъ изъ себя такую силу, пренебрегать услугами которой безъ серьезныхъ мотивовъ было бы странно, тѣмъ болѣе, что и въ его поэтическомъ творчествѣ данной поры слышался энергическій отзвукъ тѣхъ самыхъ идей, какія вдохновляли дѣятелей «Союза Благоденствія». Записки Пущина доставляютъ, кажется, возможность окончательно разрѣшить этотъ вопросъ о мотивахъ, заставлявшихъ участниковъ «Союза» воздерживаться отъ принятія Пушкина въ свой составъ. Правда, Пущинъ говоритъ здѣсь только за себя, но тѣ побужденія, которыя были въ этомъ случаѣ у него, самаго близкаго пріятеля поэта, должны были, и, быть можетъ, еще съ большею силою, дѣйствовать и на другихъ его товарищей по обществу.

По разсказу Пущина, первою его мыслью по вступленіи въ общество было открыться Пушкину: «онъ всегда—поясняетъ разсказчикъ—согласно со мною мыслилъ о дѣлѣ общемъ, по своему проповѣдывалъ въ нашемъ смыслѣ—и изустно, и письменно, стихами и прозой». Но въ этотъ моментъ Пушкина не было въ Петербургѣ: онъ по окончаніи курса въ лицеѣ отдыхалъ въ деревнѣ и, пока онъ вернулся оттуда, пріятель его успѣлъ раздумать. Потомъ—говоритъ Пущинъ—«я уже не рѣшался ввѣрить ему тайну, не мнѣ одному принадлежавшую, гдѣ малѣйшая неосторожность могла быть пагубна всему дѣлу. Подвижность пылкаго его нрава, сближеніе съ людьми ненадежными пугали меня». Однако перемѣна, происшедшая въ самомъ Пущинѣ, обратила на себя вниманіе поэта, онъ заподозрилъ существованіе скрываемой отъ него тайны и неоднократно настойчиво пытался открыть ее.

---

[1]) Записки Якушкина, с. 34.

Его пріятелю въ виду этихъ попытокъ приходилось переживать минуты тяжелыхъ сомнѣній и снова спрашивать себя, не слѣдуетъ ли открыть Пушкину существованіе «Союза Благоденствія» и предложить присоединиться къ нему. «Между тѣмъ, — продолжаетъ онъ, — тутъ же невольно являлся вопросъ: почему же, помимо меня, никто изъ близко знакомыхъ ему старшихъ нашихъ членовъ не думалъ о немъ? Значитъ, ихъ останавливало то же, что меня пугало: образъ его мыслей всѣмъ хорошо былъ извѣстенъ, но не было полнаго къ нему довѣрія». Но мысль о томъ, чтобы охранять Пушкина отъ тайнаго общества, и въ голову не приходила восторженно настроенному юному другу его, совершенно напротивъ. «Я—разсказываетъ онъ—страдалъ за него и подчасъ мнѣ опять казалось, что, можетъ быть, тайное общество сокровеннымъ своимъ клеймомъ поможетъ ему повнимательнѣе и построже взглянуть на самого себя, сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ нормальномъ своемъ быту. Я зналъ, что онъ иногда скорбѣлъ о своихъ промахахъ, обличалъ ихъ въ близкихъ нашихъ откровенныхъ бесѣдахъ, но видно, не пришла еще пора кипучей его природѣ угомониться. Какъ ни вертѣлъ я все это въ умѣ и сердцѣ, кончилъ тѣмъ, что созналъ себя не въ правѣ дѣйствовать по личному шаткому воззрѣнію, безъ полнаго убѣжденія, въ дѣлѣ, отвѣтственномъ предъ цѣлью самаго союза» [1]).

Этотъ обстоятельный разсказъ совершенно разъясняетъ дѣло и не оставляетъ мѣста дальнѣйшимъ сомнѣніямъ. Очевидно, участники «Союза Благоденствія», скрывая свою тайну отъ Пушкина, не столько оберегали его отъ риска, сопряженнаго со вступленіемъ въ ряды тайнаго общества, сколько опасались неудобныхъ послѣдствій отъ такого вступленія для самаго общества. Кипучій, не установившійся еще окончательно характеръ поэта, его слишкомъ разнообразныя свѣтскія связи и знакомства, тѣсная дружба его съ дѣятелями Арзамаса, которые, если и не были представителями строгаго консерватизма, то въ большинствѣ все же неодобрительно смотрѣли на радикальную молодежь [2]),—все это создавало почву для подобныхъ опасеній. Но, и не будучи посвященъ въ тайну «Союза», Пушкинъ не чуждъ былъ извѣстной близости къ его идеямъ и его вліянія: со многими отдѣльными его членами онъ находился въ постоянныхъ, и порой очень близкихъ, отношеніяхъ, раздѣлялъ ихъ общественные взгляды и испытывалъ на себѣ воз-

---

[1]) Майковъ, назв. соч., сс. 69—70, 70, 73, 74.

[2]) Изъ членовъ Арзамаса Жуковскій, которому сдѣлано было прямое предложеніе войти въ «Союзъ Благоденствія», отклонилъ его, отозвавшись объ уставѣ Союза въ выраженіяхъ, настолько лестныхъ, что они походили на иронію, см. Записки кн. Трубецкаго, с. 80: А. И. Тургеневъ находилъ неумѣстнымъ даже призывъ М. Ѳ. Орловымъ Библейскаго общества къ просвѣщенію народа, такъ какъ «симъ нарушилась бы простая цѣль Библейскаго общества—раздача библіи», см. Остафьевскій Архивъ, I, 296—7 и 306.

дѣйствіе ихъ приподнятаго идеалистическаго настроенія. Не даромъ въ посланіи 1821 г. къ одному изъ наиболѣе видныхъ людей этого круга, П. Я. Чаадаеву, онъ такими яркими и привлекательными чертами обрисовываетъ его значеніе въ своей внутренней жизни: «во глубину души вникая строгимъ взоромъ,—ты оживлялъ ее совѣтомъ иль укоромъ;—твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;—терпѣнье смѣлое во мнѣ рождалось вновь»... Тѣмъ не менѣе, слова Пущина о проповѣди Пушкинымъ тѣхъ же взглядовъ, какіе вдохновляли самого Пущина и его товарищей, могутъ быть приняты лишь съ нѣкоторыми оговорками. При всей своей симпатіи къ освободительнымъ стремленіямъ эпохи Пушкинъ не былъ охваченъ такимъ глубокимъ и, главное, такимъ безраздѣльнымъ увлеченіемъ общественными интересами, какое переживали нѣкоторые его сверстники. Для этого, не говоря уже о различныхъ вліяніяхъ, отвлекавшихъ его въ сторону, въ его собственной природѣ, можетъ статься, слишкомъ преобладали чисто художественные инстинкты и слишкомъ сильна была жажда разнообразія жизненныхъ впечатлѣній. Соотвѣтственно этому опредѣлилась и роль гражданскихъ мотивовъ въ его творчествѣ данной поры. Симпатія къ безправному крѣпостному и признаніе за нимъ человѣческаго достоинства, рѣзкій протестъ противъ обскурантизма и произвола, вольнолюбивыя мечты и смѣлыя надежды,—всѣ эти главные мотивы общественнаго движенія вошли и въ поэзію Пушкина, озаренные въ ней розовымъ свѣтомъ того оптимистически настроеннаго идеализма, какой присущъ еще былъ данной эпохѣ жизни русскаго общества. Въ цѣломъ однако Пушкинъ этой поры едва-ли могъ бы назваться поэтомъ-гражданиномъ, пѣвцомъ скорби и боли современнаго ему поколѣнія. Мотивы гражданскаго гнѣва и скорби далеко не занимали первенствующаго мѣста въ свѣтлой, жизнерадостной поэзіи пѣвца «Руслана и Людмилы» и сравнительно даже рѣдко звучали въ ней.

Но по тѣмъ временамъ даже и такихъ откликовъ, какіе порою давала Пушкинская муза на злобу дня, оказалось достаточно для того, чтобы вызвать радикальную перемѣну въ жизни поэта. Реакція все усиливалась, и надъ головою Пушкина, не ждавшаго бѣды, собралась гроза. Ходившія по рукамъ въ обществѣ не напечатанныя произведенія его, въ особенности ода «Вольность» и эпиграммы на Аракчеева, обратили на себя неблагосклонное вниманіе властей и объ опасномъ направленіи молодого поэта доложено было имп. Александру. Возникали предположенія о ссылкѣ Пушкина въ Сибирь или заточеніи въ Соловки и, только благодаря вмѣшательству нѣсколькихъ друзей его и благожелательно расположенныхъ къ нему людей [1]),

---

[1]) По разсказамъ современниковъ, въ смягченіи участи Пушкина принимали участіе П. Я. Чаадаевъ, Н. М. Карамзинъ, Ѳ. Н. Глинка, гр. Милорадовичъ и директоръ лицея Е. А. Энгельгардтъ. При этомъ всѣхъ суше и высо-

дѣло окончилось не столь трагически. «Для пользы службы» Пушкинъ, числившійся по министерству иностранныхъ дѣлъ, былъ переведенъ въ распоряженіе попечителя иностранныхъ колоній на югѣ Россіи, генерала Инзова, и 5 мая 1820 г. выѣхалъ изъ Петербурга въ Екатеринославъ. Съ этого момента въ его жизни начался новый періодъ, ознаменованный своими особенностями.

Въ этой высылкѣ на югъ даже многіе друзья Пушкина видѣли крайне благопріятное для него обстоятельство, давшее ему возможность набраться новыхъ впечатлѣній и расширить свой поэтическій кругозоръ. Позднѣе этотъ взглядъ былъ усвоенъ и нѣкоторыми біографами поэта, замѣчавшими вдобавокъ, что жизнь его въ Екатеринославѣ и въ Кишиневѣ, куда онъ перебрался вслѣдъ за переводомъ въ этотъ городъ Инзова, не подвергалась чрезмѣрнымъ стѣсненіямъ и не была собственно похожа на жизнь настоящаго ссыльнаго. Благодушный оптимизмъ современниковъ, за художникомъ забывавшій живого человѣка, отмѣтилъ въ свое время самъ Пушкинъ и далъ на него не лишенный оттѣнка скорбной ироніи отвѣтъ:

Къ доброжелательству досель я не привыкъ
. . . .
Постигнетъ ли пѣвца незапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье—
«Тѣмъ лучше», говорятъ любители искусствъ:
«Тѣмъ лучше! наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
И намъ ихъ передастъ».

(«Отвѣтъ Анониму», 1830).

Едва-ли можно вполнѣ согласиться и съ указанными соображеніями біографовъ. Дѣйствительно, Инзовъ, подъ наблюденіе котораго былъ отданъ

комѣрнѣе держалъ себя Карамзинъ. Условіемъ своего заступничества онъ поставилъ требованіе, чтобы Пушкинъ втеченіе по крайней мѣрѣ года не писалъ ничего, противнаго правительству. «Иначе, говорилъ онъ, я выйду лжецомъ, прося за васъ и говоря о вашемъ раскаяніи». Когда же судьба Пушкина была окончательно рѣшена, Карамзинъ писалъ объ этомъ П. А. Вяземскому: «Пушкинъ былъ нѣсколько дней совсѣмъ не въ піитическомъ страхѣ отъ своихъ стиховъ на свободу и нѣкоторыхъ эпиграммъ. Далъ мнѣ слово уняться и благополучно поѣхалъ въ Крымъ (sic) мѣсяцевъ на пять; ему дали рублей тысячу на дорогу. Онъ былъ, кажется, тронутъ великодушіемъ государя, дѣйствительно трогательнымъ. Долго описывать подробности; но если Пушкинъ и теперь не исправится, то будетъ чортомъ еще до прибытія своего въ адъ». См. П. Бартеневъ, «Пушкинъ въ южной Россіи», Р. Архивъ, 1866, сс. 1098—9 и П. П. Вяземскій, «А. С. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива и личнымъ воспоминаніямъ». Р. Архивъ. 1884, № 4, с. 381.

Пушкинъ, мягко и дружелюбно относился къ нему, разрѣшалъ ему уѣзжать изъ Екатеринослава на Кавказъ и въ Крымъ, потомъ изъ Кишинева въ Кіевъ и Каменку, не тѣснилъ его и даже заступался за него передъ высшими властями, но при всемъ томъ ссылка оставалась для Пушкина ссылкою. Главное ея значеніе заключалось въ насильственномъ лишеніи свободы и въ томъ, что она порвала всѣ прежнія связи и отношенія поэта, перебросивъ его изъ центра умственной жизни страны на глухую окраину имперіи, и это ея значеніе не могло быть искуплено никакимъ добродушіемъ Инзова. Мы знаемъ, какъ быстро разросся геній поэта въ годы ссылки при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, но намъ остается неизвѣстнымъ, какъ совершался бы этотъ ростъ въ свободно избранной самимъ поэтомъ обстановкѣ, при постоянномъ общеніи съ тѣмъ высоко-интеллигентнымъ кругомъ людей, который онъ покинулъ въ Петербургѣ.

Вѣрно во всякомъ случаѣ то, что высылка, а затѣмъ жизнь вдалекѣ отъ обстановки, въ которой прошла первая юность поэта, дали сильный толчокъ той внутренней работѣ надъ самимъ собой, какая началась у Пушкина еще въ Петербургѣ. Въ своемъ кишиневскомъ посланіи къ Чаадаеву онъ самъ намѣтилъ ходъ и плоды этой работы:

...Для сердца новую вкушаю тишину,
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій;
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.
Богини мира, вновь явились музы мнѣ
И независимымъ досугамъ улыбнулись..

Въ нашей литературѣ сдѣлана была попытка умалить значеніе этого произведенія, какъ автобіографическаго показанія. «Спокойный, мудро-эпическій тонъ пьесы — писалъ Анненковъ—находится въ совершенномъ противорѣчіи со всѣмъ, что мы знаемъ о бѣшеной жизни Пушкина въ эту эпоху, и еще разъ показываетъ, какъ заблуждаются біографы и въ какое заблужденіе вводятъ читателей, когда, на основаніи стихотвореній, въ которыхъ личность поэта является преображенною поэзіей и творчествомъ, вздумаютъ судить о дѣйствительномъ реальномъ ея видѣ въ извѣстный моментъ»[1]). Кажется, однако, осторожность завела въ данномъ случаѣ біографа черезчуръ далеко и сообщила ему нѣкоторую близорукость. Конечно, слова Пушкина нельзя принимать совершенно буквально. Онъ и въ Кишиневѣ не

[1]) Анненковъ. А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху. СПБ. 1874, с. 156.

былъ анахоретомъ, не отказывался проводить время въ веселой молодой компаніи, ухаживалъ за женщинами, подчасъ кутилъ съ пріятелями и позволялъ себѣ смѣлыя шутки и проказы, порой кончавшіяся даже дуэлью. Но вѣдь умѣренность и вообще никогда не принадлежала къ числу добродѣтелей Пушкина. При всемъ томъ, еслибы даже у насъ не имѣлось никакихъ свѣдѣній о подробностяхъ его жизни въ Кишиневѣ, одного перечня созданныхъ и задуманныхъ имъ здѣсь произведеній было бы достаточно, чтобы видѣть, какъ энергична и плодотворна была его работа за это время. Есть, однако, и прямыя показанія близко знавшихъ поэта современниковъ, свидѣтельствующія о томъ, что въ этотъ періодъ своей жизни онъ, дѣйствительно, не смотря на наружное легкомысліе, съ особенною жадностью работалъ и учился [1]). Къ тому же и въ обстановкѣ кишиневской жизни, какою ее засталъ Пушкинъ, были извѣстныя особенности, возбуждавшія работу мысли и направлявшія ее на опредѣленный путь. Благодаря имъ, вниманіе къ политическимъ вопросамъ, пробудившееся въ Пушкинѣ въ Петербургѣ, на новой почвѣ не только не ослабло, но еще и нашло для себя новую пищу.

Пушкинъ явился въ Бессарабію, когда подготовлялось возстаніе греческой гетеріи, на его глазахъ затѣмъ и разыгравшееся. Полусонный въ другое время, Кишиневъ переживалъ необычное для него оживленіе, благодаря съѣзду гетеристовъ и бѣглецовъ изъ Молдавіи и Валахіи. «На каждомъ шагу,—разсказываетъ Вельтманъ—загорался разговоръ о дѣлахъ греческихъ: участіе было необыкновенное. Новости разносились, какъ электрическая искра, по всему греческому міру Кишинева. Чалмы князей и кочулы бояръ разъѣзжали въ вѣнскихъ коляскахъ изъ дома въ домъ, съ письмами, полученными изъ-за границы. Можно было выдумать какую угодно нелѣпость о побѣдахъ грековъ и пустить въ ходъ; всему вѣрили, все служило пищей для толковъ и преувеличеній» [2]). Среди монотонной жизни глухого городка это движеніе заинтересовало Пушкина не только общею своей идейной стороной, но и отдѣльными личностями, которыя участвовали въ немъ. «Эта новая общественная сфера,—сообщаетъ другой очевидецъ—мнѣ казалось, пробудила Пушкина; съ одной стороны, она предоставляла болѣе, такъ сказать, разгула его живому характеру, страстно преданному всевозможнымъ наслажденіямъ; съ другой, онъ встрѣчалъ въ нѣкоторыхъ фанаріотахъ... людей съ глубокими и серьезными познаніями». Болѣе или менѣе близкое

---

[1]) Особенно интересны въ этомъ отношеніи воспоминанія И. И. Липранди (Р. Архивъ, 1866 г.). То обстоятельство, что для автора ихъ поэтическое творчество Пушкина оставалось книгою за семью печатями, сообщаетъ имъ извѣстную наивность, но оно же въ другихъ случаяхъ дѣлаетъ ихъ особенно цѣнными.

[2]) Майковъ, назв. соч., с. 118.

общеніе съ такими людьми, укрѣпляя въ умѣ Пушкина либеральныя понятія, вмѣстѣ съ тѣмъ заставляло его живѣе чувствовать недостатки своего образованія и стремиться пополнить ихъ [1]).

Но не одни лишь греки-гетеристы были въ Кишиневѣ носителями либеральныхъ идей. Осмотрѣвшись на новомъ мѣстѣ жительства, Пушкинъ встрѣтилъ людей, одушевленныхъ этими идеями, и въ русскомъ обществѣ, притомъ подчасъ на видныхъ постахъ. И здѣсь, какъ и въ Петербургѣ и другихъ городахъ, это были по преимуществу военные. Дивизіею, расположенной въ Бессарабіи, командовалъ въ это время М. Ѳ. Орловъ, съ именемъ котораго мы уже встрѣчались, человѣкъ просвѣщенный и раздѣлявшій взгляды передовой части общества. Одно время онъ былъ членомъ Союза Благоденствія, изъ котораго вышелъ въ 1821 г. Впрочемъ, и послѣ того онъ въ своей дѣятельности до извѣстной степени проводилъ убѣжденія, свойственныя Союзу, изгоняя изъ ввѣренныхъ ему войскъ палку и заботясь о просвѣщеніи солдатъ. Членомъ Союза Благоденствія былъ и старшій адъютантъ Орлова, Охотниковъ. Въ домѣ Орлова Пушкинъ встрѣтилъ радушный пріемъ со стороны какъ самого хозяина, такъ и всего офицерскаго общества, здѣсь собиравшагося. Но особенно сошелся Пушкинъ изъ встрѣченныхъ имъ въ Кишиневѣ офицеровъ съ майоромъ В. Ѳ. Раевскимъ, завѣдывавшимъ въ дивизіи Орлова солдатской ланкастерской школой и также принадлежавшимъ къ числу членовъ Союза Благоденствія. Обладая серьезнымъ образованіемъ, Раевскій, сверхъ того, отличался рѣшительнымъ характеромъ и рѣзкимъ, насмѣшливымъ умомъ. Сближенію его съ Пушкинымъ не мало способствовало то обстоятельство, что онъ питалъ живой интересъ къ литературнымъ вопросамъ и даже самъ писалъ стихи. Пушкинъ нерѣдко вступалъ въ споръ съ нимъ, но тѣмъ не менѣе до нѣкоторой степени находился подъ его вліяніемъ. Любопытныя подробности объ этомъ сохранены въ воспоминаніяхъ Липранди. Послѣ споровъ съ Раевскимъ—разсказываетъ онъ—Пушкинъ «неоднократно, на другой или на третій день, бралъ у меня книги, касавшіяся до предмета, о которомъ шла рѣчь. Пушкинъ, какъ вспыльчивъ ни былъ, но часто выслушивалъ отъ Раевскаго, подъ веселую

---

[1]) Изъ дневника и воспоминаній И. И. Липранди, Р. Архивъ, 1866, сс. 1244—5. Онъ же передаетъ слѣдующій анекдотъ, живо показывающій, какъ соединялась у Пушкина въ эту пору жажда знанія съ чисто-юношескимъ самолюбіемъ: «Однажды съ кѣмъ-то изъ грековъ въ разговорѣ упомянуто было о какомъ-то сочиненіи. Пушкинъ просилъ достать ему. Тотъ съ удивленіемъ спросилъ его: «Какъ! вы поэтъ и не знаете объ этой книгѣ?!» Пушкину показалось это обидно и онъ хотѣлъ вызвать возразившаго на дуэль. Рѣшено было такъ: когда книга была ему доставлена, то онъ при запискѣ возвратилъ оную, сказавъ, что эту онъ знаетъ. Послѣ сего мы и условились: если что нужно будетъ, а у меня того не окажется, то я доставать буду на свое имя».

руку обоихъ, довольно рѣзкія выраженія и далеко не обижался, а, напротивъ, казалось, искалъ выслушивать бойкую рѣчь Раевскаго. Въ одномъ, сколько я помню, Пушкинъ не соглашался съ Раевскимъ, когда этотъ утверждалъ, что въ русской поэзіи не должно приводить имена ни изъ миѳологіи, ни историческихъ лицъ древней Греціи и Рима, что у насъ то и другое есть свое и т. п.». Бесѣды о литературѣ въ этомъ офицерскомъ кружкѣ смѣнялись разговорами на общественныя темы, а послѣднія въ свою очередь иногда приводили къ своего рода литературнымъ занятіямъ, когда по почину Раевскаго, бывшаго «всегда въ весело-мрачномъ расположеніи духа», и при участіи Пушкина сочинялись сатирическія пѣсни, осмѣивавшія усилившійся въ арміи формализмъ и т.п. [1]). Но близкія сношенія Пушкина съ Раевскимъ были непродолжительны. Въ 1821 году былъ поднятъ во второй арміи переполохъ доносомъ, что въ дивизіи Орлова среди офицеровъ составляется тайное общество, а солдаты въ ланкастерской школѣ «толкуютъ о какомъ-то просвѣщеніи». Раевскій, который обратилъ на себя вниманіе начальника штаба корпуса своимъ независимымъ характеромъ и на котораго вдобавокъ «донесли, что онъ въ ланкастерской школѣ задобриваетъ солдатъ... и что прописи включаютъ въ себѣ имена извѣстныхъ республиканцевъ: Брута, Кассія и т. п.», въ началѣ 1822 г. былъ арестованъ и заключенъ въ Тираспольскую крѣпость. Отсюда онъ еще переслалъ Пушкину свое произведеніе: «Пѣвецъ въ темницѣ», но видѣться имъ болѣе уже не пришлось [2]). Наконецъ, въ Кишиневѣ же, еще въ началѣ 1821 года, Пуш-

[1]) Р. Архивъ, 1866 г., сс. 1255—7. Въ тѣхъ же запискахъ можно найти примѣры обычныхъ въ тогдашней арміи жестокостей, которыя, совершаясь даже подъ гуманнымъ начальствомъ Орлова, вызывали раздраженіе и протестъ среди молодыхъ офицеровъ. Приведемъ одинъ изъ нихъ. «Въ началѣ декабря 1821 г. два унтеръ-офицера, георгіевскіе кавалера... явились къ Орлову съ жалобой на маіора Вержейскаго, что онъ, не смотря на георгіевскіе кресты, неоднократно ихъ наказывалъ... и около недѣли тому назадъ, найдя какіе-то безпорядки на 6 кордонахъ, ими съ капральствами занятыхъ, на каждомъ изъ этихъ кордоновъ давалъ по 20 розогъ или палокъ, смачивалъ разсѣченное тѣло соленой водой и переводилъ за двѣ и за три версты до другого кордона, возобновляя наказаніе на каждомъ, такъ что имъ дано было въ нѣсколько часовъ времени по 120 ударовъ палками и розгами; потомъ на ночь въ баталіонной квартирѣ ихъ привязали къ поднятымъ оглоблямъ саней какъ бы распятыми... Излишне говорить объ ужасахъ, открытыхъ по слѣдствію; маіоръ Вержейскій преданъ былъ суду».—тамже, сс. 1432—3.

[2]) Р. Старина, 1883 г., т. 40, № 12, с. 657; Изъ дневника и воспоминаній Липранди, Р. Архивъ, 1866, сс. 1437, 1449—52, 1469—70. Когда Пушкинъ жилъ въ Одессѣ, ему предлагали устроить свиданіе съ Раевскимъ въ крѣпости, но онъ отказался, такъ какъ его собственное положеніе сильно ухудшилось и онъ не безъ основанія опасался еще болѣе испортить его такимъ свиданіемъ. Дальнѣйшая судьба В. Ѳ. Раевскаго была очень печальна. За нимъ не нашли никакого преступленія и самыя прописи, употреблявшіяся

кинъ познакомился и съ главнымъ дѣятелемъ Союза Благоденствія на югѣ Россіи, Пестелемъ, который проѣзжалъ въ это время въ Молдавію и даже при непродолжительномъ знакомствѣ поразилъ поэта своимъ выдающимся и оригинальнымъ умомъ [1]).

Былъ и еще пунктъ, въ которомъ ссыльный поэтъ отдыхалъ душою встрѣчаясь съ людьми, не входившими въ сѣрыя рамки его будничной кишиневской жизни. «Я нахожусь—писалъ онъ Гнѣдичу 4 дек. 1820 г.—въ Кіевской губерніи, въ деревнѣ Давыдовыхъ, милыхъ и умныхъ отшельниковъ, братьевъ генерала Раевскаго. Время мое протекаетъ между аристократическими обѣдами и демагогическими спорами. Общество наше, теперь разсѣянное, было недавно—разнообразная и веселая смѣсь умовъ оригинальныхъ, людей извѣстныхъ въ нашей Россіи, любопытныхъ для незнакомаго наблюдателя. Женщинъ мало, много шампанскаго, много острыхъ словъ, много книгъ, немного стиховъ»... [2]) Въ запискахъ одного современника мы имѣемъ описаніе и этого общества, и части тѣхъ «демагогическихъ споровъ», какіе въ немъ велись. Кромѣ Пушкина, въ имѣніи Давыдовыхъ, Каменкѣ, гостили въ ноябрѣ этого года генералъ Раевскій съ сыномъ А. Н. Раевскимъ, пріятелемъ поэта, М. Ѳ. Орловъ, Охотниковъ и И. Д. Якушкинъ. За исключеніемъ Раевскихъ и Пушкина, всѣ гости, а изъ хозяевъ одинъ—В. Л. Давыдовъ, принадлежали къ Союзу Благоденствія, Якушкинъ же и пріѣхалъ въ Каменку исключительно по его дѣламъ. Это неизбѣжно прорывалось до нѣкоторой степени и въ общихъ разговорахъ. Пушкинъ и молодой Раевскій чувствовали вокругъ себя атмосферу таинственности, заподозривали существованіе скрываемаго отъ нихъ секрета и, чтобы сбить ихъ съ толку, остальные члены общества условились мистифицировать ихъ. Устроенъ былъ по наружности серьезный диспутъ о томъ, нужно ли и возможно ли существо-

имъ въ солдатской школѣ и поставленныя ему сперва въ вину, оказались одинаковыми во всей арміи и выписанными для нея изъ Петербурга. Но рѣзкіе отвѣты Раевскаго озлобили судей. Его держали въ Тираспольской крѣпости до конца 1825 года и тогда отправили въ Петербургъ. Хотя онъ оказался непричастнымъ къ событіямъ 14 декабря 1825 г., онъ все же былъ отправленъ для новаго слѣдствія въ Динабургъ, а отсюда, не смотря на мнѣніе в. к. Константина Павловича, не видѣвшаго за нимъ вины, былъ, по настоянію Дибича, лишенъ правъ и сосланъ въ Иркутскъ, гдѣ пробылъ до 1856 г., когда былъ освобожденъ, но безъ возвращенія чина. О немъ см. П. Е. Щеголевъ. Первый декабристъ.—Владиміръ Раевскій. СПБ. 1905.

[1]) Въ своемъ кишиневскомъ дневникѣ Пушкинъ подъ 9 апр. 1821 г. записалъ: «Утро провелъ я съ Пестелемъ. Умный человѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова... Мы съ нимъ имѣли разговоръ метафизическій, политическій, нравственный и пр. Онъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю». Соч. Пушкина, V, 6. Въ виду этой записи, сдѣланной для себя, едва-ли приходится довѣрять разсказу Липранди о недружелюбномъ отношеніи Пушкина къ Пестелю, см. Р. Архивъ, 1866 г., с. 1258.

[2]) Сочиненія Пушкина, VII, 11.

ваніе тайнаго общества, и, когда не только Пушкинъ, но и А. Н. Раевскій сталъ защищать мысль объ образованіи такого общества и выразилъ готовность вступить въ него, если оно существуетъ,—весь разговоръ былъ объявленъ простою шуткой. Тогда—продолжаетъ разсказчикъ—«Пушкинъ всталъ, раскраснѣвшись, и сказалъ со слезой на глазахъ: я никогда не былъ такъ несчастливъ, какъ теперь; я уже видѣлъ жизнь мою облагороженною и высокую цѣль передъ собою, и все это была только злая шутка» [1]). Этотъ разсказъ даетъ достаточное понятіе о томъ душевномъ настроеніи, какое переживалъ Пушкинъ въ данную пору. Какъ и два года назадъ въ Петербургѣ, онъ и теперь подозрѣвалъ существованіе тайнаго общества, направляющаго свои усилія къ водворенію либеральныхъ идей, и стремился войти въ него, но по прежнему встрѣчалъ препятствія къ этому со стороны членовъ Союза Благоденствія, опасавшихся его черезчуръ подвижного и увлекающагося характера [2]).

Тѣмъ не менѣе нити, связывавшія Пушкина съ этою частью современнаго ему общества, не только не ослабли за время его пребыванія въ Кишиневѣ, но еще окрѣпли и увеличились въ числѣ. Помимо случайныхъ встрѣчъ со старыми знакомцами, помимо довольно рѣдкихъ письменныхъ сношеній съ немногими изъ оставшихся на сѣверѣ друзей, онъ завязалъ теперь новыя связи и знакомства въ той же самой средѣ юнаго русскаго либерализма. Въ этой средѣ онъ встрѣчалъ и признаніе своего таланта, и поощреніе къ дальнѣйшему серьезному труду, въ ней находилъ онъ сочувственный откликъ на свои запросы отъ общественной жизни, и подъ извѣстнымъ воздѣйствіемъ ея идей складывалось его собственное міросозерцаніе. И въ Кишиневѣ, и въ Каменкѣ онъ встрѣчалъ и другихъ людей этого же круга, кромѣ названныхъ уже нами болѣе видныхъ. Изъ Кишинева же завязалась у него переписка съ тогдашнимъ издателемъ «Полярной Звѣзды», А. Бестужевымъ, позднѣе вовлекшая его и въ переписку съ Рылѣевымъ. Въ этой перепискѣ, продолжавшейся до самаго 1825 года, литературные вопросы нерѣдко уступали мѣсто общественнымъ или, вѣрнѣе, разбирались въ тѣсной связи съ послѣдними. «Какъ можно—пишетъ Пушкинъ по поводу статьи Бестужева «Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи»—въ статьѣ о русской словесности забыть Радищева? Кого же мы

---

[1]) Записки Якушкина, сс. 65—70.

[2]) О недовѣріи къ Пушкину членовъ Союза свидѣтельствуютъ и отзывы М. А. Бестужева и И. И. Горбачевскаго, которые редакція «Р. Старины» въ свое время не рѣшилась даже привести полностью въ виду ихъ рѣзкости. И. И. Горбачевскій въ письмѣ отъ 6 іюля 1861 г. изъ Петровскаго завода утверждаетъ, что членамъ тайнаго общества «отъ верховной думы было запрещено знакомиться съ поэтомъ А. С. Пушкинымъ, когда онъ жилъ на югѣ,— и почему? Прямо было указано на его характеръ»... Р. Старина, 1880, т. 27, № 1, с. 130.

будемъ помнить? Это молчаніе непростительно» [1]... Въ свою очередь въ письмахъ и литературныхъ произведеніяхъ этихъ своихъ корреспондентовъ Пушкинъ находилъ рѣшительно поставленныя и довольно обстоятельно аргументированныя положенія о необходимости независимости литературы и о роли гражданскаго элемента въ поэзіи, встрѣчалъ прямые призывы къ общественной сатирѣ и опредѣленные демократическіе взгляды, соединенные съ добродушной насмѣшкой надъ свойственной ему кичливостью своимъ дворянскимъ происхожденіемъ [2]). Всѣ эти разсужденія и взгляды, такъ непохожіе на понятія стараго Арзамаса о чистомъ, самодовлѣющемъ искусствѣ, уводили мысль на новые пути и образовывали лишнюю связь между поэтомъ и покинутымъ имъ въ Петербургѣ общественнымъ движеніемъ.

Въ самомъ этомъ движеніи происходилъ тѣмъ временемъ рѣшительный кризисъ. Русскій либерализмъ Александровскаго царствованія переживалъ заключительную эпоху своего существованія, близившагося къ трагической развязкѣ. Еще правительство, связанное своимъ прошлымъ, не принимало рѣшительныхъ мѣръ къ подавленію всѣхъ либеральныхъ увлеченій молодой части общества [3]), но со дня на день яснѣе становилась и вся неосновательность надеждъ на возвращеніе его къ политикѣ первыхъ лѣтъ царствованія. Полный отказъ правительства отъ пути общественныхъ реформъ вызывалъ глухое раздраженіе среди людей, видѣвшихъ въ такихъ реформахъ единственную возможность оздоровленія государственнаго организма Россіи. При такихъ условіяхъ и дѣятельность Союза Благоденствія, заключенная въ скромныя рамки устной пропаганды либеральныхъ идей, безъ указанія конкретныхъ путей для проведенія ихъ въ жизнь, перестала удовлетворять многихъ его членовъ, въ то самое время, какъ другіе почувствовали потреб-

---

[1]) Сочиненія Пушкина, VII, 50.

[2]) Письма къ Пушкину А. Бестужева, см. Р. Архивъ, 1881, I; Рылѣева— «Сочиненія и переписка К. Ѳ. Рылѣева», изд. подъ редакціей П. А. Ефремова, СПБ. 1875. «Ты мастерски оправдываешь—писалъ Рылѣевъ въ 1825 г.— свое чванство шестисотлѣтнимъ дворянствомъ, но несправедливо. Справедливость должна быть основаніемъ и дѣйствій, и самыхъ желаній нашихъ. Преимуществъ гражданскихъ не должно существовать, да они для поэта Пушкина ни къ чему и не служатъ ни въ залѣ невѣжды, ни въ залѣ знатнаго подлеца, не умѣющаго цѣнить твоего таланта... Чванство дворянствомъ непростительно, особенно тебѣ. На тебя устремлены глаза Россіи; тебя любятъ, тебѣ вѣрятъ, тебѣ подражаютъ. Будь поэтъ и гражданинъ» (назв. соч., стр. 213, ср. еще 212—13, 205—6).

[3]) Въ 1821 г. имп. Александръ сказалъ командиру гвардейскаго корпуса Васильчикову въ отвѣтъ на докладъ его о тайномъ обществѣ: «Любезный Васильчиковъ! Вы, который служите мнѣ съ самаго начала моего царствованія, вы знаете, что я раздѣлялъ и поощрялъ всѣ эти мечты и заблужденія; не мнѣ подобаетъ быть строгимъ». Шильдеръ, Имп. Александръ I, въ Біограф. Словарѣ Р. Истор. Общества, т. I, с. 368.

ность отшатнуться отъ либерализма, изъ невиннаго и даже моднаго ученія открыто переходившаго въ разрядъ опасныхъ. Въ началѣ 1821 года въ Москвѣ устроенъ былъ съѣздъ представителей Союза Благоденствія, на которомъ рѣшено было его закрытіе. Оно явилось, впрочемъ, лишь средствомъ удалить ненадежныхъ и колеблющихся членовъ. Немедленно вслѣдъ за нимъ были образованы два новыя общества, сѣверное и южное, получившія эти названія по мѣсту своихъ дѣйствій. Главныя силы перваго были въ Петербургѣ, среди гвардіи, второго—на югѣ, гдѣ была расположена вторая армія, и по преимуществу въ Тульчинѣ, мѣстѣ пребыванія ея штаба. Въ Петербургѣ общество проявило особенно энергичную дѣятельность послѣ того, какъ Пущинъ ввелъ въ него въ 1823 г. Рылѣева; Рылѣевъ же, вмѣстѣ съ кн. Трубецкимъ и Никитой Муравьевымъ, стоялъ здѣсь и во главѣ общества, въ которое усердно вербовалъ новыхъ членовъ. Имъ, между прочимъ, принятъ былъ въ члены лицейскій товарищъ Пушкина, Кюхельбекеръ [1]). Руководство южнымъ обществомъ сосредоточивалось въ рукахъ Пестеля. Оба эти общества, по преимуществу пополнявшіяся военною молодежью [2]), непосредственною своею цѣлью ставили теперь насильственный переворотъ въ государственномъ устройствѣ Россіи. Не было выработано въ сущности никакого опредѣленнаго плана такого переворота, но его обсуждали, къ нему до извѣстной степени готовились, проектировали его послѣдствія: въ Петербургѣ Никита Муравьевъ писалъ проектъ государственныхъ учрежденій для конституціонной монархіи съ народнымъ представительствомъ, организованнымъ на началахъ имущественнаго ценза, въ Тульчинѣ Пестель составлялъ планъ республиканскаго устройства, на широкихъ демократическихъ основаніяхъ, съ нѣкоторымъ даже соціалистическимъ оттѣнкомъ [3]).

---

[1]) Гречъ назвалъ Кюхельбекера «комическимъ лицомъ мелодрамы» (Записки о моей жизни, с. 382). Это отзывъ слишкомъ жесткій, но, что доля правды была въ немъ, показываютъ и слова И. И. Пущина въ его письмѣ 1845 г. къ Е. А. Энгельгардту изъ Ялуторовска: «Напрасно покойникъ Рылѣевъ принялъ Кюхельбекера въ общество, безъ моего вѣдома, когда я былъ въ Москвѣ. Это было незадолго до 14 декабря. Еслибъ вамъ разсказать всѣ продѣлки Вильгельма въ день происшествія и въ день объявленія сентенціи, то вы просто погибли бы отъ смѣху, не смотря, что онъ былъ тогда на сценѣ довольно трагической и довольно важной». Р. Архивъ, 1879, № 12, с. 473.

[2]) Приблизительное понятіе объ участіи различныхъ поколѣній могутъ дать слѣдующія данныя: изъ 117 лицъ, осужденныхъ въ 1826 г. верховнымъ уголовнымъ судомъ, въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ находились 36 человѣкъ, отъ 26 до 30 лѣтъ—43, отъ 31 до 35 лѣтъ—25, отъ 36 до 40 лѣтъ—10, отъ 41 до 45 лѣтъ—2 и отъ 46 до 50 лѣтъ—одинъ.

[3]) Донесеніе слѣдственной коммиссіи, сс. 28—9. В. И. Семевскій. Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка. Историческое Обозрѣніе, т. IX, сс. 377—8. См. также А. Н. Пыпинъ, Общественное движеніе при Александрѣ I и Богдановичъ, Исторія царствованія имп. Александра I, т. VI.

Броженіе умовъ, сказавшееся во всѣхъ этихъ событіяхъ, отразилось и на Пушкинѣ, соприкасавшемся съ тою средой, въ которой оно происходило съ особенной силой. Поэзія Пушкина и теперь не стала поэзіей гражданской, тѣмъ менѣе политической, но въ ней прорывались въ эту пору болѣе рѣзкіе и страстные звуки, чѣмъ когда бы то ни было [1]). Въ 1821 г. онъ написалъ свой «Кинжалъ», по энергіи поэтическаго выраженія едва-ли не оставляющій за собою оду «Вольность», и къ этому же году относится стихотворное письмо къ В. Л. Давыдову, представляющее отголосокъ тѣхъ разговоровъ, какіе велись въ Каменкѣ. Поэтъ напоминаетъ своему корреспонденту то время,

Когда и ты, и милый братъ,
Передъ каминомъ надѣвая
Демократическій халатъ,
Спасенья чашу наполняли
Безпѣнной, мерзлою струей
И за здоровье тѣхъ и той
До дна, до капли выпивали...
Но—продолжаетъ онъ—тѣ въ Неаполѣ шалятъ,
А та едва ли тамъ воскреснетъ:
Народы тишины хотятъ
И долго ихъ яремъ не треснетъ.
Ужель надежды лучъ исчезъ?
Но нѣтъ,—мы счастьемъ насладимся,
Кровавой чашей причастимся, –
И я скажу: Христосъ воскресъ! [2])

Въ иной нѣсколько формѣ, но та же основная мысль, тѣ же призывы «свободы» и предчувствіе ея повторяются въ пьесѣ 1821 г. «Наполеонъ» и въ написанномъ въ 1823 г. «Отрывкѣ», въ которомъ выведены Наполеонъ и Александръ. Не безъ вліянія Байрона, вѣроятно, мысль о свободѣ связывается въ это время у Пушкина съ представленіемъ о ней, какъ о завѣщаніи Наполеона. Байрономъ же отзывается и пьеса 1824 г. «Къ морю» съ ея мрачнымъ заключеніемъ:

Судьба людей повсюду та же:
Гдѣ капля блага, тамъ на стражѣ
Непросвѣщенье иль тиранъ.

---

[1]) Въ литературѣ высказано было и такое мнѣніе, будто Пушкинъ послѣ отъѣзда изъ Петербурга въ 1820 г. «не писалъ уже болѣе политическихъ стихотвореній» (Скабичевскій. Очерки исторіи русской цензуры, СПБ. 1892, с. 171), но оно, очевидно, основано на недоразумѣніи.

[2]) Сочиненія Пушкина, VII, 21. Къ этому же времени, если не ошибаюсь, относятся «Посланіе къ другу», извѣстное пока въ неполномъ видѣ, и «Мысль о свободѣ», изъ которой имѣются въ нашей печати лишь первые четыре стиха

Если кое-что въ этихъ то гнѣвныхъ, то безнадежно-грустныхъ звукахъ гражданской скорби, примѣшивавшихся къ обычному мягкому тону Пушкинской лиры, и слѣдуетъ отнести на счетъ влiянiя поэзiи Байрона, съ которой онъ познакомился какъ разъ въ эти годы, и личной судьбы самого поэта, то несомнѣнно все же, что на ряду съ этимъ въ числѣ причинъ, вызывавшихъ такiе звуки, извѣстную роль играли и общiя условiя русской жизни, при оцѣнкѣ которыхъ Пушкинъ находился подъ воздѣйствiемъ взглядовъ передовыхъ элементовъ русскаго общества. Въ полномъ согласiи съ этими взглядами написана была Пушкинымъ и извѣстная Кишиневская записка о русской исторiи (1822 года), въ которой онъ рѣшительно высказывается за освобожденiе крестьянъ и противъ сословныхъ привилегiй и «чудовищнаго феодализма» [1]). Но скоро всѣ заключенныя Пушкинымъ связи снова были порваны, и въ обстановкѣ его жизни послѣдовала еще болѣе крутая и суровая перемѣна, чѣмъ въ 1820 г.

Поэта не забывали въ Петербургѣ и какъ за его произведенiями, такъ и за его жизнью существовалъ бдительный и не особенно дружелюбный надзоръ. Еще въ концѣ 1820 года Аракчеевъ обращалъ вниманiе государя на то, что «извѣстнаго Пушкина стихи печатаются въ журналахъ, съ означенiемъ изъ Кавказа, видно, для того, чтобы извѣстить объ немъ подобныхъ его сотоварищей и друзей» [2]). Въ слѣдующемъ году въ доносѣ, поданномъ изъ Кишинева на вредный духъ мѣстныхъ войскъ, упоминалось и имя Пушкина, и въ томъ же году отъ Инзова затребованы были кн. Волконскимъ для государя свѣдѣнiя о поведенiи Пушкина и участiи его въ кишиневской масонской ложѣ [3]). Пока поэтъ находился при Инзовѣ, добродушный старикъ по мѣрѣ возможности защищалъ его и отписывался, что Пушкинъ «ведетъ себя изрядно». Но дѣло измѣнилось, когда послѣднiй перебрался въ 1823 г. въ Одессу, подъ начальство новаго намѣстника Новороссiи, гр. Воронцова. Воронцовъ хотѣлъ видѣть въ поэтѣ прежде всего маленькаго чиновника, обязаннаго къ нему почтенiемъ, и забывалъ или, вѣрнѣе, не понималъ, что онъ имѣетъ дѣло съ первоклассннымъ литературнымъ талантомъ, извѣстнымъ уже всей читающей Россiи; къ этому

(см. Р. Старина, 1871, № 12, статья г. Петрова: «Скобелевъ и Пушкинъ» и Р. Архивъ, 1881, I, сс. 183—4):

«Взойдетъ-ли наконецъ она
Среди небесъ родного края—
Давно желанная заря,
Заря свободы золотая».

[1]) Сочиненiя Пушкина. V, 10—11.

[2]) Богдановичъ, Исторiя царствованiя имп. Александра I, т. VI. Приложенiя, с. 101.

[3]) Р. Старина, 1883, т. 40, № 12, сс. 654—7.

основному мотиву неудовольствій между Пушкинымъ и его начальникомъ присоединились запутанныя чисто-личныя отношенія, печально окончившіяся для поэта. Взбѣшенный его язвительными эпиграммами и какъ бы желая до конца оправдать ихъ, Воронцовъ не задумался написать министру иностранныхъ дѣлъ, гр. Нессельроде, бумагу, въ которой подъ видомъ участія къ «молодому человѣку, не лишенному дарованій», просилъ выслать его изъ Одессы. «Главный недостатокъ Пушкина — мотивировалъ онъ свою просьбу—самолюбіе. Здѣсь проживаетъ множество людей, и количество ихъ еще увеличится во время сезона купаній. Они, будучи экзальтированными поклонниками его поэзіи, думаютъ ему выразить этимъ свою дружбу и оказываютъ услугу неpріятеля, способствуя его самоувлеченію и убѣждая его, что онъ выдающійся писатель, между тѣмъ, какъ Пушкинъ пока не болѣе, какъ слабый подражатель не особенно похвальнаго оригинала (лорда Байрона) и только путемъ труда и усидчиваго изученія истинно великихъ классическихъ поэтовъ могутъ принести плоды его счастливыя дарованія, въ которыхъ ему нельзя отказать, и сдѣлать его выдающимся писателемъ». Эта бумага, увѣковѣчившая за гр. Воронцовымъ славу столь же доблестнаго администратора, какъ и тонкаго цѣнителя литературы, была получена въ Петербургѣ въ то самое время, когда государю доложено было о перехваченномъ полиціею въ Москвѣ письмѣ Пушкина къ одному изъ пріятелей, письмѣ, въ которомъ поэтъ сообщалъ, что беретъ «уроки чистаго аѳеизма... система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастію, болѣе всего правдоподобная». Немедленно состоялось повелѣніе исключить Пушкина изъ службы и «выслать его въ принадлежащее родителямъ его помѣстье, въ предѣлахъ Псковской губерніи, подъ надзоръ мѣстныхъ властей». Получивъ извѣщеніе объ этомъ повелѣніи, гр. Воронцовъ позаботился кое-что добавить къ нему и отъ себя и, находясь самъ въ это время въ Симферополѣ, предписалъ одесскому градоначальнику Гурьеву— «если Пушкинъ дастъ подписку, что отправится къ своему назначенію, не останавливаясь нигдѣ на пути ко Пскову, то дозволить ему ѣхать одному, въ противномъ же случаѣ отправить съ надежнымъ чиновникомъ». Пушкинъ далъ требуемую подписку и, выѣхавъ изъ Одессы 30 іюля 1824 г., 9 августа явился въ Михайловское [1]).

Эта исторія тяжело отразилась на душевномъ настроеніи поэта. Въ посланіи къ Языкову изъ Михайловскаго, помѣченномъ 20 сентября 1824 г., онъ говоритъ о себѣ:

... злобно мной играетъ счастье;
Давно безъ крова я ношусь,

---

[1]) См. «Дѣло о высылкѣ изъ Одессы въ Псковскую губернію кол. секр. Пушкина» — въ «Вѣдомостяхъ Одесскаго Градоначальства» за май 1899 г.

Куда подуетъ самовластье;
Уснувъ, не знаю, гдѣ проснусь;
Всегда гонимъ, теперь въ изгнаньѣ,
Влачу закованные дни...

(Сочиненія Пушкина, I, 308).

Здѣсь не было преувеличенія. Заброшенный въ глухую псковскую деревушку, лишенный почти всякаго общества, за исключеніемъ ближайшихъ сосѣдей—семейства Осиповыхъ, отданный подъ двойной надзоръ гражданской и духовной власти, поэтъ, дѣйствительно, въ своемъ Михайловскомъ могъ чувствовать себя, какъ въ просторной тюрьмѣ. Большинство его родныхъ и пріятелей боялись самой мысли о посѣщеніи опальнаго поэта [1]) и лишь немногіе молодые друзья изрѣдка навѣщали его въ его невольномъ уединеніи. Онъ много работалъ, но работа не могла замѣнить его живой, неугомонившейся еще натурѣ шума людской толпы и пестрой смѣны впечатлѣній городской жизни, еще не потерявшихъ для него своей прелести. Жадно рвался онъ на волю и изыскивалъ всевозможные способы освобожденія. Онъ находилъ у себя аневризмъ и просилъ разрѣшенія ѣхать лѣчиться за границу или въ столицы. Ему разрѣшили лѣчиться во Псковѣ,—и Пушкину пришлось удовлетвориться благодарственнымъ письмомъ на имя Жуковскаго, по своей убійственно-вѣжливой саркастичности стоющимъ десятка эпиграммъ [2]). Почти одновременно обдумывалъ онъ планъ побѣга за границу и заранѣе уже въ своихъ произведеніяхъ прощался съ родиной, но и этотъ отчаянный планъ не пришлось выполнить [3]). Въ это-то время тоски и томленія написалъ Пушкинъ своего «А. Шенье». Позднѣе, уже въ царствованіе имп. Николая, это произведеніе вызвало цѣлое слѣдствіе и едва не навлекло новой бѣды на голову Пушкина. Благодаря найденному у штабсъ-капитана Алексѣева отрывку изъ «Шенье», не пропущенному тогдашней цензурой, съ надписью: «по поводу 14 декабря 1825 г.», возникло обвиненіе противъ лицъ, хранившихъ у себя это стихотвореніе, и противъ самого поэта въ «распространеніи въ неблагонамѣренныхъ людяхъ пагубнаго духа». Нелѣпость обвиненія, смѣшивавшаго событія французской революціи съ происшествіемъ 14 декабря, Пушкину не трудно было доказать, но тѣмъ не менѣе дѣло восходило до государственнаго совѣта и окончилось для самого поэта выговоромъ и отдачей подъ секретный надзоръ полиціи, а для другихъ замѣшанныхъ въ него еще хуже [4]). Врядъ-ли можно, однако,

---

[1]) Такъ, Пущинъ разсказываетъ, что и А. И. Тургеневъ, и дядя поэта В. Л. Пушкинъ, узнавъ, что онъ собирается въ Михайловское, предостерегали его отъ этой поѣздки. Майковъ, назв. соч., с. 77.

[2]) Сочиненія Пушкина, VII, 135—6.

[3]) Тамже, 97, 158—9, 164.

[4]) Р. Старина, 1871, т. IV, № 12, сс. 667—73; 1874 г., т. X, сс. 691—4 и XI, 581—5; 1882 г., т. XXXIII, 223—6 и 465—9; 1883 г., XXXVIII, 690—2;

сомнѣваться и въ томъ, что въ основу этой пьесы легло настроеніе, созданное не одними только воспоминаніями о французской революціи и трагической судьбѣ погибшаго въ ней поэта. Самый интересъ Пушкина къ этой судьбѣ могъ, если не появиться, то разростись на почвѣ сознанія извѣстнаго родства, представляемаго ею съ переживаемымъ имъ самимъ положеніемъ, и едва-ли не это именно вплетеніе личныхъ мотивовъ въ названную пьесу и придало ей ея необыкновенную задушевность. На то, что въ «А. Шенье» можно усматривать не только отраженіе общихъ идей поэта, но и нѣкоторое автобіографическое значеніе, указываютъ, повидимому, и слова самого Пушкина въ письмѣ къ П. А. Вяземскому 13 іюля 1825 г.: «читалъ ли ты моего А. Шенье въ темницѣ? Суди о немъ, какъ езуитъ,— по намѣренію» [1]. Въ самомъ дѣлѣ, жалобы заключеннаго поэта и охватывающія его сомнѣнія такъ хорошо подходятъ къ положенію самого Пушкина и къ общему настроенію его музы, которое оказалось въ столь рѣзкомъ противорѣчіи съ обстоятельствами его жизни:

...Куда, куда завлекъ меня враждебный геній?
Рожденный для любви, для мирныхъ искушеній,
Зачѣмъ я покидалъ безвѣстной жизни сѣнь,
Свободу, и друзей, и сладостную лѣнь?
. . . .
Зачѣмъ отъ жизни сей, лѣнивой и простой,
Я кинулся туда, гдѣ ужасъ роковой,
Гдѣ страсти дикія, гдѣ буйные невѣжды,
И злоба, и корысть? Куда, мои надежды,
Вы завлекли меня? Что дѣлать было мнѣ,
Мнѣ, вѣрному любви, стихамъ и тишинѣ,
На низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами?
Мнѣ-ль было управлять строптивыми конями
И круто напрягать безсильныя бразды?

Та же личная нота могла звучать и въ гордомъ утѣшеніи поэта, что онъ «не поникъ главой послушной передъ позоромъ нашихъ лѣтъ». Нѣкоторое подтвержденіе этому можно видѣть въ запискахъ И. И. Пущина, посѣтившаго Михайловское въ январѣ 1825 года и оставившаго въ своихъ воспоминаніяхъ подробное и трогательное описаніе этой поѣздки и свиданія съ другомъ. «Вообще—говоритъ онъ—Пушкинъ показался мнѣ нѣсколько серьезнѣе прежняго, сохраняя однакожъ ту же веселость». Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, поэтъ приписывалъ себѣ нѣчто большее чисто литературнаго зна-

---

1884 г., XLII, 636. Записки Вигеля. М. 1865, ч. VII, сс. 54—5. Любопытно, что, благодаря разъѣздамъ Пушкина, полиція смогла сообщить ему состоявшееся 29 августа 1828 г. постановленіе государственнаго совѣта лишь въ концѣ января 1831 года.

[1]) Сочиненія Пушкина, VII, 137.

ченія и предполагалъ, что въ Петербургѣ опасаются его пріѣзда. «На это разсказываетъ Пущинъ—я ему отвѣтилъ, что онъ совершенно напрасно мечтаетъ о политическомъ своемъ значеніи, что врядъ-ли кто-нибудь на него смотритъ съ этой точки зрѣнія, что вообще читающая наша публика благодаритъ его за всякій литературный подарокъ, что стихи его пріобрѣли народность во всей Россіи и, наконецъ, что близкіе и друзья помнятъ и любятъ его, желая искренно, чтобъ скорѣе кончилось его изгнаніе». Въ общихъ взглядахъ свидѣвшихся послѣ пятилѣтней разлуки друзей по прежнему было много сходнаго. Когда Пушкинъ узналъ о перемѣнѣ своимъ пріятелемъ военной службы на судебную и о мотивахъ такой перемѣны, «это было ему по сердцу,—вспоминаетъ Пущинъ—онъ гордился мною и за меня». Свое одобреніе сдѣланному бывшимъ его товарищемъ шагу Пушкинъ запечатлѣлъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого свиданія и въ стихотвореніи, посвященномъ лицейской годовщинѣ 19 октября 1825 г. [1]). Но и теперь, какъ и прежде, Пущинъ не считалъ возможнымъ ни заходить въ своей откровенности передъ другомъ слишкомъ далеко, ни, тѣмъ менѣе, втягивать его въ политическое общество. Его простой и правдивый разсказъ объ этомъ заслуживаетъ большого вниманія. «Незамѣтно—говоритъ онъ, сообщая о своей бесѣдѣ съ поэтомъ,—коснулись опять подозрѣній на счетъ общества». Пушкинъ сперва былъ очень взволнованъ ими. «Потомъ, успокоившись, онъ продолжалъ: «Впрочемъ, я не заставляю тебя говорить. Можетъ быть, ты и правъ, что мнѣ не довѣряешь. Вѣрно, я этого довѣрія не стою,—по многимъ моимъ глупостямъ». Молча, я крѣпко расцѣловалъ его; мы обнялись и пошли ходить: обоимъ нужно было вздохнуть» [2]). Въ тотъ же день Пущинъ уѣхалъ изъ Михайловскаго и это свиданіе, послѣднее въ жизни друзей, осталось вмѣстѣ и послѣднимъ соприкосновеніемъ Пушкина съ тайнымъ обществомъ. Менѣе, чѣмъ черезъ годъ, послѣ него

. . . . лоно волнъ
Измялъ съ-налету вѣтеръ шумный...
Погибъ и кормщикъ, и пловецъ...

---

[1]) Поэта домъ опальный,
О Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ;
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его лицея превратилъ.

Въ рукописи за этимъ слѣдовала зачеркнутая потомъ строфа, оканчивавшаяся словами:

Ты освятилъ тобой избранный санъ,
Ему въ очахъ общественнаго мнѣнья
Завоевалъ почтеніе гражданъ.

(Сочиненія, I, 358).

[2]) Майковъ, назв. соч., сс., 79—81. И. Д. Якушкинъ въ своихъ запискахъ приводитъ почти такія же слова, сказанныя Пушкинымъ уже въ 1827 г.

Съ началомъ новаго царствованія началась и новая эпоха въ жизни Пушкина. Въ результатѣ просьбы, поданной имъ имп. Николаю, онъ былъ возвращенъ изъ ссылки и послѣ бесѣды съ нимъ императоръ вызвался самъ быть цензоромъ его произведеній. Бывшій ссыльный поэтъ былъ затѣмъ приближенъ ко двору, получилъ званіе исторіографа и придворный чинъ камеръ-юнкера,—послѣднее, впрочемъ, безъ своего желанія и даже вопреки ему [1]). Вопросъ о томъ, насколько въ этомъ новомъ своемъ положеніи Пушкинъ сохранилъ прежніе свои взгляды, и въ частности тѣ, которые связывали его съ крайними либеральными кружками Александровской поры, покончившими свое гражданское существованіе 14 декабря 1825 года, неоднократно поднимался въ литературѣ и получалъ очень различное рѣшеніе. Мнѣнія, высказанныя въ ней по этому поводу, можно распредѣлить на три главныя группы. Нѣкоторые писатели утверждали, что Пушкинъ въ 1826 г. совершилъ крутой поворотъ, перейдя въ лагерь, прямо противоположный тому, въ которомъ онъ находился раньше, причемъ одни изъ нихъ относились къ этому повороту съ безусловной похвалой, другіе же, напротивъ,—съ осужденіемъ, видя въ немъ результатъ угодливости поэта. По мнѣнію другихъ критиковъ, Пушкинъ и въ Николаевскую эпоху сохранилъ гуманную и просвѣщенную основу своихъ убѣжденій, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ произошелъ рядъ очень крупныхъ и существенныхъ измѣненій, въ концѣ концовъ далеко отведшихъ поэта отъ тѣхъ людей, съ которыми онъ нѣкогда стоялъ рядомъ въ качествѣ единомышленника. Существуетъ, наконецъ, и такое мнѣніе,—наименѣе однако распространенное,—согласно которому Пушкинъ и въ послѣдній періодъ своей жизни не испыталъ никакой существенной перемѣны въ своихъ убѣжденіяхъ, а являлся «выразителемъ и носителемъ общественныхъ идей 20-хъ годовъ» [2]). Споръ представителей этихъ мнѣній остается незаконченнымъ

А. Г. Муравьевой, ѣхавшей въ Сибирь къ своему осужденному мужу, Никитѣ Муравьеву (назв. соч., с. 70).

[1]) Кажется, однако, что Пушкинъ былъ недоволенъ въ данномъ случаѣ не придворнымъ званіемъ вообще, а именно камеръ-юнкерствомъ. Послѣ его смерти П. А. Вяземскій писалъ вел. кн. Михаилу Павловичу, оправдывая погребеніе поэта не въ мундирѣ, а въ сюртукѣ, что онъ не любилъ своего мундира: «При всей моей дружбѣ съ нимъ я не стану скрывать, что онъ былъ человѣкъ свѣтскій и суетный (vain et mondain)... Камергерскій ключъ былъ бы для него дорогимъ знакомъ отличія; но ему казалось неприличнымъ, что въ его лѣта, посреди его поприща, сдѣлали его камеръ-юнкеромъ, словно какого-то юношу и новичка въ общественномъ кругу». Р. Архивъ, 1879, № 3, с. 390. Этому, по крайней мѣрѣ, не противорѣчатъ и отзывы самого Пушкина въ его письмахъ и дневникѣ.

[2]) Послѣднее мнѣніе принадлежитъ В. Е. Якушкину (О Пушкинѣ. М. 1899 сс. 52, 54 и 67—8). Можно пожалѣть, что г. Якушкинъ, перепечатавъ въ этомъ сборникѣ свою статью «Радищевъ и Пушкинъ» 1886 г., съ нѣкоторыми

и по настоящее время, но я не намѣренъ здѣсь разбирать отдѣльныя соображенія, которыми поддерживается и защищается тотъ или другой взглядъ. Дальнѣйшее изложеніе, въ которомъ я попытаюсь собрать главнѣйшіе матеріалы для рѣшенія спорнаго вопроса, само покажетъ, къ какому изъ указанныхъ взглядовъ ближе всего подходитъ принимаемый мною.

Приступая къ этому изложенію, я прежде всего долженъ напомнить то обстоятельство, на которомъ я уже неоднократно настаивалъ,—что между Пушкинымъ и т. наз. декабристами, при всей ихъ близости въ общихъ взглядахъ, никогда не было совершенно полной и безусловной связи, что въ ихъ отношеніяхъ всегда существовала извѣстная грань. Въ свое время сознаніе этой грани было живо у обѣихъ сторонъ и лишь постепенно оно нѣсколько стерлось и затуманилось. Не даромъ Пушкинъ и въ черновикѣ своего «Аріона» замѣнилъ было первое лицо третьимъ:

Ихъ было много на челнѣ... [1]).

Примыкая въ началѣ 20-хъ годовъ по своимъ убѣжденіямъ и симпатіямъ къ тому самому общественному движенію, наиболѣе яркими представителями котораго явились декабристы, Пушкинъ, однако, не былъ близко знакомъ съ ихъ главными руководителями, не былъ вполнѣ посвященъ ни въ ихъ замыслы, ни въ ихъ практическіе планы и по нѣкоторымъ вопросамъ сохранялъ даже взгляды, плохо мирившіеся съ принятыми въ этомъ кругу. По отношенію къ послѣднему поэтъ являлся скорѣе человѣкомъ, ему сочувствующимъ, нежели равноправнымъ его участникомъ, болѣе самъ подчинялся воздѣйствію его взглядовъ, чѣмъ вліялъ на окружавшее его общество въ смыслѣ этихъ взглядовъ. Благодарная память объ этихъ отношеніяхъ и теплое чувство къ людямъ, въ нихъ участвовавшимъ, не покидали тѣмъ не менѣе поэта и послѣ крушенія надеждъ и мечтаній его бывшихъ друзей, превратившихся въ судимыхъ, а затѣмъ осужденныхъ преступниковъ.

Происшествіе 14-го декабря и его послѣдствія глубоко взволновали и потрясли Пушкина. Запертый въ своемъ Михайловскомъ, онъ осыпаетъ петербургскихъ пріятелей письмами, требуя извѣстій о ходѣ процесса, объ участи того или другого изъ своихъ знакомыхъ: «неизвѣстность о людяхъ. съ которыми находился въ короткой связи, меня мучитъ», пишетъ онъ. Онъ не спѣшитъ послѣдовать совѣтамъ друзей и, пользуясь перемѣной царствующаго лица, ходатайствовать о смягченіи своей личной судьбы, такъ какъ ему «не до себя», да и «просить какъ-то совѣстно, особенно нынѣ». По отношенію къ подсудимымъ онъ твердо надѣется на снисхожденіе правительства. «Съ нетерпѣніемъ ожидаю рѣшенія участи несчастныхъ и обна-

лишь мелкими дополненіями, не потрудился посчитаться съ солидными работами А. Н. Пыпина, А. М. Скабичевскаго и В. Д. Спасовича.

[1]) В. Е. Якушкинъ. О Пушкинѣ, с 51.

родованія приговора. Твердо надѣюсь на великодушіе молодого нашего царя», — пишетъ онъ въ январѣ 1826 г. и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ повторяетъ: «сердце не на мѣстѣ, но крѣпко надѣюсь на милость царскую. Мѣры правительства доказали его рѣшимость и могущество. Большаго подтвержденія, кажется, не нужно» [1]). Когда, лишь 24 іюля 1826 г., дошла до него вѣсть о приговорѣ и о совершившейся 13 іюля казни Рылѣева, Пестеля, Муравьева, Каховскаго и Бестужева, онъ заноситъ это извѣстіе въ свои тетради... [2]). Но надежда на смягченіе участи остальныхъ осужденныхъ все еще не покидаетъ его. «Еще таки — пишетъ онъ П. А. Вяземскому — я все надѣюсь на коронацію. Повѣшенные повѣшены, но каторга 120 друзей, братьевъ, товарищей ужасна». Невѣрный слухъ, дошедшій до него въ это время, будто Н. Тургеневъ, находившійся за границей и также обвинявшійся за участіе въ тайномъ обществѣ, привезенъ моремъ въ Петербургъ, заставляетъ глубоко взволнованное чувство поэта, въ томъ же письмѣ къ Вяземскому, вылиться въ стихахъ:

Такъ море, древній душегубецъ,
Воспламеняетъ геній твой?
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грознаго трезубецъ?
Не славь его! Въ нашъ гнусный вѣкъ
Сѣдой Нептунъ—земли союзникъ.
На всѣхъ стихіяхъ человѣкъ—
Тиранъ, предатель или узникъ [3]).

Въ промежутокъ времени до объявленія приговора надъ декабристами Пушкинъ подалъ государю свое прошеніе о разрѣшеніи выѣхать въ столицы или за границу, заявляя «твердое намѣреніе не противорѣчить моими мнѣніями общепринятому порядку» [4]). Теперь, когда Вяземскій нашелъ это письмо «холоднымъ и сухимъ», онъ отвѣчаетъ: «иначе и быть невозможно. Благо написано. Теперь у меня перо не повернулось бы» [5]). И, когда уже судьба участниковъ тайныхъ обществъ выяснилась окончательно, Пушкинъ все еще не терялъ надежды на измѣненіе ея къ лучшему. Въ 1830 г. онъ писалъ Вяземскому, выражая одобреніе внѣшней политикѣ Россіи: «Каковъ государь? Молодецъ! Того и гляди, что нашихъ каторжниковъ проститъ. Дай Богъ ему здоровье...» Еще позже, за годъ съ небольшимъ

[1]) Сочиненія Пушкина, VII, 172; 172 и 174; 174; 182.
[2]) Тамже, II, 2.
[3]) Тамже, VII, 184. Г. Чириковъ въ своихъ «Замѣткахъ на новое изданіе сочиненій Пушкина» (Р. Архивъ, 1881, I, с. 178) приводитъ еще рѣзкую эпиграмму Пушкина на кн. Голицына по поводу дѣйствій его въ верховномъ уголовномъ судѣ.
[4]) Сочиненія, VII, 177.
[5]) Тамже, VII, 185.

до своей смерти, онъ сообщалъ П. А. Осиповой о послѣдовавшемъ смягченіи участи нѣкоторыхъ декабристовъ, въ томъ числѣ Кюхельбекера, переведеннаго въ южную часть Сибири, и выражалъ надежду, не осуществившуюся, впрочемъ, что послѣднему будетъ разрѣшено вернуться въ Россію и поселиться въ имѣніи своей сестры, г-жи Глинки [1]).

Но однимъ лишь сожалѣніемъ не ограничивалась память Пушкина о людяхъ, съ которыми его связывали нѣкогда узы дружбы и пріятельства. Съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ поддерживалъ, по мѣрѣ возможности, и прямыя сношенія. Кюхельбекера, лицейскаго своего товарища, онъ случайно встрѣтилъ въ 1827 году уже арестантомъ на почтовой станціи около Боровичей. «Мы—такъ записалъ онъ эту встрѣчу въ своихъ бумагахъ—пристально смотримъ другъ на друга—и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись другъ другу въ объятія. Жандармы насъ растащили. Фельдъегерь взялъ меня за руку съ угрозами и ругательствомъ. Я его не слышалъ. Кюхельбекеру сдѣлалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили въ телѣжку и ускакали» [1]). Кюхельбекера перевозили тогда изъ Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ онъ первоначально содержался, въ Динабургскую. Изъ этого послѣдняго мѣста заключенія онъ писалъ Пушкину и самъ, быть можетъ, получалъ отъ него здѣсь письма. Пушкинъ принималъ участіе въ изданіи его «Ижорскаго», хотя о поэтическомъ талантѣ своего бывшаго товарища и держался невысокаго мнѣнія, посылалъ ему книги и вообще оказывалъ заключенному другу посильныя услуги. Въ письмѣ изъ Баргузина отъ 12 февраля 1836 г. Кюхельбекеръ, благодаря поэта за память и присылку «время отъ времени» книгъ, прибавлялъ: «мой долгъ прежде всѣхъ лицейскихъ товарищей вспомнить о тебѣ въ минуту, когда считаю себя свободнымъ писать къ вамъ; долгъ, потому что и ты же болѣе всѣхъ прочихъ помнилъ о вашемъ затворникѣ... Мнѣ особенно пріятно было, что ты, поэтъ, болѣе нашихъ прозаиковъ заботишься обо мнѣ: это служило мнѣ вмѣсто явнаго опроверженія всего того, что господа люди хладно-

---

[1]) Сочиненія Пушкина, VII, 244, 390. По смерти Кюхельбекера въ 1846 г., сестрѣ его, Ю. К. Глинкѣ, разрѣшено было взять на воспитаніе двухъ его дѣтей, но съ тѣмъ, чтобы они назывались не по фамиліи отца, а Васильевыми. А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ. Декабристы въ Западной Сибири. М. 1895, с. 184. Гречъ неправильно говоритъ въ своихъ запискахъ, будто Кюхельбекеръ былъ возвращенъ изъ Сибири и жилъ въ имѣніи своей сестры, гдѣ и умеръ (Записки о моей жизни, с. 382). Упоминаю объ этомъ потому, что невѣрное сообщеніе Греча повторено и въ такомъ распространенномъ изданіи, какъ Энцикл. Словарь Брокгауза и Ефрона (XVII, 169). Въ дѣйствительности, Кюхельбекеръ умеръ 11 авг. 1846 г. въ Тобольскѣ, гдѣ и похороненъ. См. Дмитріевъ-Мамоновъ, назв. соч., с. 181.

[2]) Сочиненія, V, 51 и здѣсь же, с. 52,—рапортъ сопровождавшаго Кюхельбекера фельдъегеря объ этой встрѣчѣ.

кровные и разсудительные обыкновенно взводятъ на грѣшныхъ служителей стиха и риѳмы. У нихъ поэтъ и человѣкъ не дѣльный одно и то же; а вотъ же Пушкинъ оказался другомъ гораздо болѣе дѣльнымъ, чѣмъ всѣ они вмѣстѣ» [1]). Другой, и болѣе близкій, товарищъ Пушкина по лицею былъ встрѣченъ привѣтствіемъ поэта уже въ далекой Сибири. Черезъ А. Г. Муравьеву, отправлявшуюся къ мужу, Пушкинъ послалъ И. И. Пущину свое стихотвореніе, въ которомъ вспоминалъ его пріѣздъ въ Михайловское и выражалъ пожеланіе,

Да голосъ мой душѣ твоей
Даруетъ то же утѣшенье,
Да озаритъ онъ заточенье
Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней.

Въ самый день пріѣзда Пущина изъ Шлиссельбурга въ Читу, 5 янв. 1828 г., Муравьева вызвала его къ частоколу острога и передала ему листокъ бумаги съ этимъ стихотвореніемъ. «Увы,—вспоминаетъ Пущинъ — я не могъ даже пожать руку той женщины, которая такъ радостно спѣшила утѣшить меня воспоминаніемъ друга; но она поняла мое чувство безъ всякаго внѣшняго проявленія, нужнаго, можетъ быть, другимъ людямъ и при другихъ обстоятельствахъ; а Пушкину, вѣрно, тогда не разъ икнулось» [2]). И въ стихотвореніи, посвященномъ лицейской годовщинѣ 19 окт. 1827 г., Пушкинъ призываетъ счастье къ своимъ друзьямъ въ разныхъ положеніяхъ, между прочимъ:

И въ мрачныхъ пропастяхъ земли [3]).

Въ творчествѣ Пушкина были, наконецъ, и болѣе общіе, относившіеся не только къ лицейскимъ товарищамъ, отклики на несчастье декабристовъ, могущіе служить лишнимъ доказательствомъ той же благородной памяти сердца. Объ одномъ изъ нихъ, «Аріонѣ», мы уже упоминали; другой— «Посланіе въ Сибирь», написанное въ томъ же 1827 году:

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье:
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.

[1]) Р. Архивъ, 1881, I, 137—9, 141. Въ письмѣ 1836 г. Кюхельбекеръ говоритъ, что онъ 12 лѣтъ не писалъ Пушкину, но два его письма изъ Динабурга (10 іюля 1828 г. и 20 окт. 1830 г.) напечатаны тутъ же. Можетъ быть, онъ не считалъ возможнымъ говорить объ этой перепискѣ, какъ о тайной.

[2]) Майковъ, назв. соч., с. 84.

[3]) Сочиненія Пушкина, II, 23. И это стихотвореніе попало въ Сибирь: И. И. Пущину переслалъ его директоръ лицея Е. А. Энгельгардтъ, находившійся съ нимъ въ перепискѣ. Майковъ, назв. соч., с. 85.

Несчастью вѣрная сестра,
Надежда, въ мрачномъ подземельѣ
Пробудитъ бодрость и веселье.
Придетъ желанная пора:
Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ;
Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ—и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ подадутъ.

Посланіе это дошло по назначенію и вызвало извѣстный отвѣтъ кн. А. И. Одоевскаго:

Струнъ вѣщихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли!
Къ мечамъ рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрѣли.
Но будь покоенъ, бардъ: цѣпями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
Въ душѣ смѣемся... [1]).

При всемъ сходствѣ темъ этихъ двухъ пьесъ различіе ихъ настроенія, быть можетъ, не вполнѣ сознававшееся самими ихъ авторами, не трудно подмѣтить постороннему слушателю: «терпѣнье» и «надежда» одной слишкомъ опредѣленно замѣняются «гордостью» и «смѣхомъ» въ другой. Такое различіе едва-ли было случайнымъ. Мы только что видѣли, что Пушкинъ долго и упорно хранилъ сочувственную и благодарную память о личностяхъ тѣхъ людей, съ которыми онъ былъ связанъ въ годы юности. Но, если поставить вопросъ иначе, если говорить о томъ, насколько сохранилъ Пушкинъ въ послѣдній періодъ своей жизни общественныя идеи этихъ людей, отвѣтъ долженъ будетъ значительно измѣнить свой характеръ. Несомнѣнно, общее гуманное направленіе, развитое сознаніе личнаго достоинства, признаніе общественнаго блага цѣлью всякой власти, всѣ эти воззрѣнія, выработанныя Пушкинымъ при дѣятельномъ участіи той среды, гдѣ «уваженіе къ человѣку вообще» ставилось руководящимъ принципомъ,

[1]) Сочиненія, II, 11 и Р. Архивъ, 1881, I, 200—201. Нѣсколько разсказовъ объ отношеніи Пушкина къ декабристамъ послѣ ихъ ссылки сохранено еще въ пресловутыхъ Запискахъ А. О. Смирновой (часть I, СПБ. 1895, сс. 74—5, 94, 176), но въ этихъ разсказахъ дѣйствительность явно перемѣшана съ вымысломъ. Я не касаюсь ихъ здѣсь, такъ какъ достовѣрныя ихъ подробности не даютъ ничего новаго, а разборъ ихъ въ цѣломъ видѣ потребовалъ бы много мѣста.

навсегда остались его принадлежностью, какъ человѣка и писателя. Но на этомъ общемъ фонѣ съ теченіемъ времени выдѣлились и такіе взгляды на конкретные вопросы русской жизни, которые значительно отъ него отличались. И если не слишкомъ тѣсная связь поэта съ кружками начала 20-хъ годовъ не помѣшала ему сохранить теплое чувство по отношенію къ личностямъ, входившимъ въ ихъ составъ, то, быть можетъ, именно недостаточная прочность этой связи не давала ему возможности всегда вѣрно оцѣнить, гдѣ начинается рѣшительное уклоненіе отъ основныхъ идей этихъ кружковъ. Мы упоминали, впрочемъ, выше, что въ литературѣ высказано было и мнѣніе, отрицающее какія-либо существенныя измѣненія во взглядахъ Пушкина въ Николаевскую эпоху. Согласиться съ нимъ однакоже довольно трудно. По крайней мѣрѣ, г. Якушкинъ, выставившій такое положеніе, самъ долженъ былъ снабдить его оговорками, настолько серьезными, что онѣ способны опрокинуть сопровождаемое ими утвержденіе. По его словамъ, вся перемѣна въ Пушкинѣ этой поры сводилась къ усвоенію имъ оппортунизма; разочаровавшись въ возможности иныхъ путей, поэтъ стремился теперь идти вмѣстѣ съ правительствомъ и черезъ его посредство содѣйствовать просвѣщенію. «Въ «оппортунизмѣ» весь смыслъ общественной дѣятельности Пушкина при Николаѣ. Общія его идеи тѣ же, но взглядъ на средства для ихъ проведенія другой» [1]). Но вѣдь дѣятели 20-хъ годовъ какъ разъ менѣе всего обнаруживали пристрастія къ оппортунизму, и ихъ общественныя идеи, съ какой бы точки зрѣнія ни оцѣнивать ихъ, такъ же мало могли быть замкнуты въ эту формулу, какъ и сведены къ одному лишь «просвѣщенію». Въ дѣйствительности же измѣненія въ міросозерцаніи поэта за эту эпоху его жизни едва-ли могутъ быть покрыты формулой, предложенной г. Якушкинымъ. Причинъ вызывавшихъ такія измѣненія, было не мало, и онѣ коренились не въ одномъ лишь характерѣ поэта.

Событія, сопровождавшія вступленіе имп. Николая Павловича на престолъ, оказали глубокое, подавляющее вліяніе на весь характеръ русской общественной жизни послѣдующаго періода. Жизнь эта разомъ потускнѣла, пріобрѣла болѣе сѣрую, будничную окраску, улеглась въ болѣе скромныя и тѣсныя рамки. Героиня «Русскихъ Женщинъ» у Некрасова говоритъ пр свѣтское общество этой поры:

Гдѣ были дубы до небесъ,
Тамъ нынче пни торчатъ.

И это же самое можно было бы съ нѣкоторымъ правомъ сказать не про одинъ лишь свѣтскій кругъ. Изъ жизни общества была безповоротно вычеркнута цѣлая группа людей, представлявшихъ собою опредѣленное

Назв. соч., сс. 51, 54, 56.

общественное движеніе и во всякомъ случаѣ, какъ бы ни оцѣнивать ихъ дѣйствія, выдѣлявшихся изъ среды своихъ современниковъ высотою своего нравственнаго уровня и богатствомъ умственныхъ силъ. Съ ихъ гибелью и то идейное теченіе, выразителями котораго они явились, исчезло съ поверхности общественной жизни. Уцѣлѣвшіе единомышленники ихъ не чувствовали болѣе подъ собою почвы и, разрозненные, разобщенные, отказывались отъ всякой болѣе широкой дѣятельности, въ угрюмомъ молчаніи замыкаясь въ болѣе или менѣе добровольномъ уединеніи. Большинство же общества пугливо отшатнулось отъ идей, повлекшихъ за собою столь роковое крушеніе, поторопилось подладиться подъ твердый и недвусмысленный тонъ новаго порядка, и такимъ образомъ въ старшемъ поколѣніи эти идеи скоро стали достояніемъ и традиціей лишь немногихъ единичныхъ личностей. Въ эту-то разрѣженную среду, съ ея поблѣднѣвшими красками и пониженнымъ пульсомъ жизни, вошелъ Пушкинъ послѣ своего возвращенія изъ ссылки. Онъ не нашелъ уже въ ней тѣхъ прежнихъ друзей, которые, бережно сдерживая чрезмѣрные порывы его горячей натуры, вмѣстѣ съ тѣмъ «высокимъ стремленьемъ думъ» помогали ему создавать большія требованія къ жизни. Теперь его окружали лишь прежніе пріятели по Арзамасу, легко примирившіеся съ происшедшей перемѣной, свободно дышавшіе въ установившихся условіяхъ жизни и находившіе безуміемъ всякій сколько-нибудь рѣшительный протестъ противъ нихъ. Эта новая обстановка не могла не оказать своего воздѣйствія на впечатлительнаго поэта.

Къ ея вліянію присоединилось еще одно обстоятельство. Въ оппозиціонное настроеніе Пушкина, начиная съ 1820 года, замѣтною струею входилъ и личный элементъ. Теперь онъ исчезъ или, по крайней мѣрѣ, такъ казалось поэту на первыхъ порахъ. Еще недавно гонимый и обреченный на ссылку, онъ былъ возвращенъ, обласканъ императоромъ, принятъ подъ его непосредственное покровительство,—и ликующіе звуки «Стансовъ» 1826 г. смутили даже друзей поэта, не безъ основанія находившихъ сравненіе Николая I съ Петромъ В. преждевременнымъ, а погибшихъ единомышленниковъ поэта съ «буйными стрѣльцами»,—по крайней мѣрѣ, неумѣстнымъ. Обвиненія въ угодливости и лести дошли до самого Пушкина, и онъ предпринялъ свое оправданіе въ новомъ стихотвореніи—«Друзьямъ». Оправданіе, нужно признаться, вышло туманнымъ и сбивчивымъ.

> Россію вдругъ онъ оживилъ
> Войной, надеждами, трудами,—

говоритъ поэтъ въ доказательство своего права на высокія хвалы новому правителю государства. Современники, однако, могли бы не безъ успѣха возразить на это, что они пока еще не видятъ признаковъ такого оживленія, и самъ Пушкинъ едва-ли бы смогъ указать ихъ съ большею точ-

ностью. Одинъ только мотивъ звучалъ въ данной пьесѣ съ полною опредѣленностью и яркостью, и это мотивъ—чисто личный:

Текла въ изгнаньѣ жизнь моя,
Влачилъ я съ милыми разлуку,
Но онъ мнѣ царственную руку
Подалъ—и съ вами снова я!
Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою,
И я-ль, въ сердечномъ умиленьѣ,
Ему хвалы не воспою?

Хотя этотъ мотивъ и уступалъ въ своей силѣ влiянiю общественной обстановки, онъ все же надолго, если не навсегда, сохранилъ свою власть надъ Пушкинымъ, въ свою очередь оказывая извѣстное воздѣйствiе на его взгляды, прокладывая дорогу для компромиссовъ и побуждая его примириться съ существующимъ порядкомъ.

Это примиренiе въ извѣстной степени сказалось уже и въ томъ, что нѣкоторыя струны на Пушкинской лирѣ за послѣднiе годы его жизни значительно ослабѣли, а то и совсѣмъ замерли. Послѣ 1828 года, когда былъ написанъ «Анчаръ», навлекшiй на поэта выговоръ, гражданскiе мотивы прорываются въ поэзiи Пушкина очень рѣдко, и то лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда они вполнѣ гармонируютъ съ господствующимъ настроенiемъ. Вообще же поэтъ въ эти годы совершенно почти уходитъ въ область чистаго художественнаго творчества, чуждаго страстнаго субъективнаго отношенiя къ скорбямъ и злобѣ настоящей минуты.

Опредѣленная попытка къ примиренiю сдѣлана была Пушкинымъ, впрочемъ, не по собственному почину, уже въ 1826 г. Вскорѣ послѣ возвращенiя поэта изъ ссылки гр. Бенкендорфъ передалъ ему порученiе государя «заняться предметами о воспитанiи юношества». «Предметъ сей—прибавлялъ Бенкендорфъ—долженъ представить вамъ тѣмъ обширнѣйшiй кругъ, что вы на опытѣ видѣли совершенно всѣ пагубныя послѣдствiя ложной системы воспитанiя». На это письмо, заключавшее въ себѣ столь недвусмысленный намекъ, Пушкинъ сперва ничего не отвѣчалъ. Лишь, когда порученiе было повторено, онъ принялся за работу и затѣмъ представилъ свою «Записку о народномъ воспитанiи». Въ ней онъ постарался провести, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ дорогихъ ему взглядовъ: онъ отстаивалъ пользу и необходимость просвѣщенiя, доказывалъ возможность преподавать исторiю безъ искаженiя характера событiй, возставалъ противъ тѣлесныхъ наказанiй въ школахъ. Но на ряду съ этими свѣтлыми взглядами онъ принесъ и жертвы новому своему положенiю, порою безусловно сознательныя. Онъ предлагалъ «увлечь все юношество въ общественныя заведенiя, подчиненныя надзору правительства», и «во что бы то ни

стало, подавить воспитаніе частное»; запрещать заграничное воспитаніе онъ не совѣтовалъ, потому что «довольно будетъ опутать его однѣми невыгодами, сопряженными съ воспитаніемъ домашнимъ». Далѣе, по его плану, для кадетскихъ корпусовъ «нужна полиція, составленная изъ лучшихъ воспитанниковъ». «Должно обратить строгое вниманіе на рукописи, ходящія между воспитанниками. За найденную похабную рукопись положить тягчайшее наказаніе, за возмутительную—исключеніе изъ училища, но безъ дальнѣйшаго гоненія по службѣ». Не менѣе, пожалуй, неожиданнымъ со стороны бывшаго дѣятельнаго участника лицейскихъ журналовъ заявленіемъ было рѣшительное осужденіе того, что «во всѣхъ почти училищахъ дѣти занимаются литературою, составляютъ общества, даже печатаютъ свои сочиненія въ свѣтскихъ журналахъ» [1]).

Перемѣна общественнаго настроенія, условія личнаго положенія, наконецъ, сознательныя уступки духу времени ради сохраненія возможности высказывать хотя часть своихъ воззрѣній,—всѣ эти обстоятельства частью усилили въ общественныхъ взглядахъ Пушкина стороны, и раньше въ нихъ бывшія, но не особенно выдававшіяся, частью внесли въ нихъ новыя черты. Дворянскіе предразсудки, ранѣе свойственные Пушкину въ формѣ родословной гордости передъ новою знатью, въ послѣдніе годы его жизни усилились и приняли менѣе невинный видъ. Пушкинъ, еще въ началѣ 20-хъ годовъ так враждебно относившійся къ аристократическимъ притязаніямъ и къ

---

[1]) Сочиненія Пушкина, V, 43—7. Уже a priori трудно было бы думать, что Пушкинъ былъ вполнѣ искрененъ въ этой запискѣ, но у насъ есть и прямое доказательство противнаго. А. Н. Вульфъ занесъ въ свой дневникъ подъ 16 сент. 1827 г. бывшій у него наканунѣ разговоръ съ поэтомъ въ Михайловскомъ. «Говоря о недостаткахъ нашего частнаго и общественнаго воспитанія, Пушкинъ сказалъ:—Я былъ въ затрудненіи, когда Николай спросилъ мое мнѣніе о семъ предметѣ. Мнѣ бы легко было написать то, чего хотѣли, но не надобно же пропускать такого случая, чтобъ сдѣлать добро. Однако, я между прочимъ сказалъ, что должно подавить частное воспитаніе. Не смотря на то, мнѣ вымыли голову». Майковъ, назв. соч., сс. 177—8. Головомойка, дѣйствительно, была дана Пушкину. «Его величество—писалъ ему Бенкендорфъ, передавая благодарность за «Записку»,—при семъ замѣтить изволилъ, что принятое вами правило, будто бы просвѣщеніе и геній служатъ исключительнымъ основаніемъ совершенству, есть правило опасное для общаго спокойствія, завлекшее васъ самихъ на край пропасти и повергшее въ оную толикое число молодыхъ людей. Нравственность, прилежное служеніе, усердіе предпочесть должно просвѣщенію неопытному, безнравственному и безполезному. На сихъ-то началахъ должно быть основано благонаправленное воспитаніе». Сочиненія Пушкина, V, 48 и М. И. Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи. СПБ. 1889, т. II, сс. 235—46. Нужно еще замѣтить, что о «геніи» Пушкинъ ни слова не говорилъ въ своей «Запискѣ», такъ что это была стрѣла, спеціально измышленная для него Бенкендорфомъ.

феодализму, выражалъ теперь сожалѣніе объ уничтоженіи боярскихъ правъ и униженіи старыхъ родовъ. Въ связи съ этимъ ослабляется и прежнее благоговѣйное отношеніе поэта къ Петру В.: въ «Мѣдномъ Всадникѣ», по свидѣтельству П. П. Вяземскаго, въ уста героя поэмы былъ вложенъ энергическій монологъ противъ европейской цивилизаціи, къ сожалѣнію, не сохранившійся до нашего времени, или, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не отысканный. Измѣнилось и отношеніе Пушкина къ «Исторіи» Карамзина, слабыя стороны которой онъ раньше умѣлъ отмѣтить и оцѣнить. Въ 1826 г. «Исторія Государства Россійскаго» въ его глазахъ не просто хорошая книга, а «подвигъ честнаго человѣка». Съ нѣкоторымъ предаже презрѣніемъ говоритъ онъ въ это время о томъ, что Н. Муравьевъ письменно разобралъ только предисловіе Карамзина, хотя, по справедливому замѣчанію г. Пыпина, для разсмотрѣнія общихъ тенденцій Карамзина, какъ историка, что собственно и интересовало Муравьева, совершенно достаточно было разобрать предисловіе исторіографа [1]). Охрана имени и славы Карамзина отъ всякихъ нападеній заводила подчасъ Пушкина въ это время очень далеко. Его пріятель, кн. П. А. Вяземскій, съ его согласія и одобренія подалъ министру народнаго просвѣщенія Уварову письмо о разнузданности цензуры, которая пропускаетъ въ печати излишне свободныя мысли и въ частности критику на «твореніе Карамзина, эту единственную въ Россіи книгу, истинно государственную и народную, и монархическую, и чрезъ то самое поощряетъ черную шайку разрушителей или ломщиковъ, которые только того и добиваются, чтобы можно было провозгласить: у насъ нѣтъ исторіи». Въ качествѣ членовъ этой «черной шайки ломщиковъ» донесеніе указывало журналы «Телеграфъ» и «Телескопъ» и Устрялова, который, надо думать, и не подозрѣвалъ, въ какихъ ужасныхъ преступленіяхъ онъ участвовалъ [2]). Извѣстно, что издателя «Телеграфа», Полевого, Пушкинъ вообще сильно не долюбливалъ. Эта нелюбовь подчасъ проявлялась, не безъ вліянія литературныхъ друзей поэта, въ формахъ, едва-ли его достойныхъ. Когда въ 1834 г. «Телеграфъ» подвергся запрещенію, Пушкинъ записываетъ въ своемъ дневникѣ: «Жуковскій говоритъ: «Я радъ, что «Телеграфъ» запрещенъ, хотя жалѣю, что запретили». «Телеграфъ» достоинъ

[1]) Сочиненія Пушкина, IV, 356; V, 82; V, 41. Пыпинъ. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I, изд. 2-е, СПБ. 1885, с. 417.

[2]) Собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго, т. II, сс. 211—26. Лишь на одно мѣсто этого донесенія Пушкинъ замѣтилъ: «не лишнее ли?». Это замѣчаніе было вызвано слѣдующей фразой: «и самое 14 декабря не было ли впослѣдствіи времени, такъ сказать, критика вооруженною рукою на мнѣніе, исповѣдуемое Карамзинымъ, то-есть Исторіею Государства Россійскаго, хотя, конечно, участвующіе въ немъ тогда не думали ни о Карамзинѣ, ни о трудѣ его».

былъ—продолжаетъ Пушкинъ уже отъ себя—участи своей. Мудрено съ большей наглостью проповѣдывать якобинизмъ передъ носомъ правительства; но Полевой былъ баловень полиціи. Онъ умѣлъ увѣрить ее, что его либерализмъ пустая только маска» [1]. Это смѣшеніе якобинизма съ либерализмомъ, странное причисленіе Полевого къ якобинцамъ въ связи съ не менѣе пожалуй, страннымъ увѣреніемъ, будто издатель «Телеграфа» былъ баловнемъ полиціи, дико звучатъ въ устахъ Пушкина. Въ освѣщеніи этого конкретнаго примѣра можетъ выясниться и настоящее значеніе предпринимавшейся порою Пушкинымъ защиты цензуры. «Писатели—говоритъ онъ въ недоконченной и не увидавшей при немъ свѣта статьѣ, возражая противъ нападокъ Радищева на цензуру,—во всѣхъ странахъ міра суть классъ, самый малочисленный изо всего народонаселенія... Очевидно, что аристократія самая мощная, самая опасная есть аристократія людей, которые на цѣлыя поколѣнія, на цѣлыя столѣтія налагаютъ свой образъ мыслей, свои страсти, свои предразсудки. Что значитъ аристократія породы и богатства въ сравненіи съ аристократіей пишущихъ талантовъ? Никакое богатство не можетъ перекупить вліяніе обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правленіе не можетъ устоять противу всеразрушительнаго дѣйствія типографическаго снаряда. Уважайте классъ писателей, но не допускайте же его овладѣть вами совершенно... Дѣйствіе человѣка мгновенно и одно (isolé); дѣйствіе книги множественно и повсемѣстно. Законы противу злоупотребленій книгопечатанія не достигаютъ цѣли закона: не предупреждаютъ зла, рѣдко его пресѣкая. Одна цензура можетъ исполнить то и другое» [2].

Питая столь преувеличенныя опасенія по поводу литературы, и въ частности литературы русской [3], находившейся тогда въ самомъ жалкомъ и приниженномъ положеніи, какъ бы признавая необходимость бюрократической опеки надъ мыслью писателя и отрекаясь отъ защиты свободы этой мысли, Пушкинъ въ 30-хъ годахъ ушелъ въ сторону консерватизма и въ

---

[1]) Сочиненія Пушкина, V, 204. О закрытіи «Телеграфа» см. у М. И. Сухомлинова, Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію, СПБ. 1889, т. II, сс. 365—432.

[2]) Сочиненія Пушкина, V, 237.

[3]) Для характеристики отношенія Пушкина къ вопросу о свободѣ русской литературы не безъинтересенъ также слѣдующій разсказъ его, переданный П. П. Вяземскимъ: «Въ прошломъ году (1835) я говорилъ государю на балѣ, что царствованіе его будетъ ознаменовано свободою печати, что я въ этомъ не сомнѣваюсь. Императоръ разсмѣялся и отвѣчалъ, что онъ моего убѣжденія не раздѣляетъ. Для меня сомнѣнія нѣтъ,—продолжалъ Пушкинъ—но тоже нѣтъ сомнѣнія, что первыя книги, которыя выйдутъ въ Россіи безъ цензуры, будутъ полное собраніе стихотвореній Баркова». Р. Архивъ, 1884, № 4, с. 428.

другомъ важномъ вопросѣ русской общественной жизни. Его нѣкогда напряженный и страстный интересъ къ вопросу освобожденія крестьянъ значительно ослабѣлъ за эти годы и ему случалось даже обмолвливаться въ этомъ вопросѣ аргументами, которые могли быть обращены въ пользу существующаго порядка. «Судьба крестьянина—писалъ онъ въ 1834 г. въ неоконченной статьѣ своей, названной въ изданіяхъ его сочиненій «Мысли на дорогѣ»,—улучшается со дня на день, по мѣрѣ распространенія просвѣщенія. Избави меня Боже быть поборникомъ и проповѣдникомъ рабства; я говорю только, что благосостояніе крестьянъ тѣсно связано съ пользою помѣщиковъ». Вся разработка исторіи крестьянства въ XIX в., до сихъ поръ произведенная, какъ нельзя очевиднѣе опровергла оба эти положенія, несостоятельность которыхъ была, впрочемъ, ясна и въ свое время для людей, не желавшихъ закрывать глаза на жизнь. «Злоупотребленія встрѣчаются вездѣ—продолжаетъ Пушкинъ.—Конечно, должны произойти великія перемѣны; но не должно торопить времени, и безъ того уже довольно дѣятельнаго. Лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ одного улучшенія нравовъ, безъ насильственныхъ потрясеній политическихъ, страшныхъ для человѣчества»... Въ другомъ мѣстѣ той же статьи, доказывая необходимость рекрутскихъ наборовъ, онъ прибавляетъ: «власть помѣщиковъ въ томъ видѣ, какъ она существуетъ, необходима для рекрутскаго набора» [1]). Этотъ сравнительно благодушный оптимизмъ, готовый признать «довольно дѣятельнымъ» время, въ которомъ ничего не дѣлалось для рѣшенія крестьянскаго вопроса, возложить всю надежду въ дѣлѣ освобожденія на улучшеніе нравовъ и до поры, до времени почти помириться съ необходимостью крѣпостного права, былъ мало похожъ на тѣ горячіе призывы рѣшить крестьянское дѣло, съ какими обращался къ власти юный Пушкинъ.

Послѣднія цитаты взяты нами изъ статьи, посвященной Радищеву. Еще въ 1823 г. Пушкинъ находилъ молчаніе русской литературы о Радищевѣ «непростительнымъ». Въ 30-хъ годахъ онъ дважды попытался нарушить это молчаніе. Въ 1833—4 гг. онъ писалъ большую статью, содержащую изложеніе «Путешествія изъ Петербурга въ Москву» и собственныя его размышленія на затронутыя Радищевымъ темы, но не окончилъ этой статьи, не надѣясь, вѣроятно, на благополучное прохожденіе ея черезъ цензуру. Въ 1836 г. онъ написалъ для своего «Современника» новую статью: «Александръ Радищевъ», но тогдашняя цензура ее не пропустила. Въ обѣихъ этихъ статьяхъ воспоминаніе о смѣломъ писателѣ Екатерининскаго вѣка вышло, однако, не такимъ, какимъ оно было бы, вѣроятно, у Пушкина ранѣе. Многія изъ тѣхъ возраженій, какія Пушкинъ

[1]) Сочиненія Пушкина, V, 240, 231.

противопоставляетъ Радищеву, изъ тѣхъ оговорокъ, какими онъ сопровождаетъ мысли послѣдняго, наконецъ, изъ тѣхъ эпитетовъ, которые придаются здѣсь самому Радищеву, несомнѣнно, должны быть объяснены цензурными соображеніями автора. Врядъ-ли однако такое объясненіе можетъ быть приложено ко всѣмъ имъ. Нѣкоторыя оговорки во всякомъ случаѣ были настолько сильны, — если не по существу, то по выраженіямъ,—шли такъ далеко, что цѣною ихъ, пожалуй, и не стоило покупать сообщеніе русскимъ читателямъ нѣсколькихъ свѣдѣній о Радищевѣ. Примѣры оговорокъ изъ первой статьи мы уже приводили. Во второй отсутствовало изложеніе «Путешествія», замѣненное общимъ отзывомъ о Радищевѣ и его книгѣ. «Онъ— говорится здѣсь—есть истинный представитель полупросвѣщенія. Невѣжественное презрѣніе ко всему прошедшему, слабоумное изумленіе передъ своимъ вѣкомъ, слѣпое пристрастіе къ новизнѣ, частныя, поверхностныя свѣдѣнія, наобумъ приноровленныя ко всему,—вотъ что мы видимъ въ Радищевѣ. Отымите у него честность,—въ остаткѣ будетъ Полевой» [1]). Выше мы видѣли, какъ относился къ Полевому Пушкинъ въ интимныхъ записяхъ, дѣлаемыхъ исключительно для себя. Если все это лишь оговорки, сдѣланныя по постороннимъ соображеніямъ, то читателю довольно трудно было бы опредѣлить истинное мнѣніе Пушкина. Одинъ изъ новѣйшихъ критиковъ, г. Якушкинъ, рѣшительно настаиваетъ на томъ, что всѣ эти оговорки въ устахъ Пушкина были иносказаніями и эзоповскимъ языкомъ, и для большей убѣдительности сравниваетъ статьи Пушкина съ показаніями самого Радищева объ его книгѣ [2]). Сравненіе не доказываетъ, но оно часто уясняетъ, и потому я позволю себѣ развить сравненіе г. Якушкина нѣсколько дальше. Радищевъ писалъ свои показанія въ тюрьмѣ, для Шешковскаго, Пушкинъ свои статьи—въ журналѣ, для публики. Настаивать на серьезномъ значеніи этого различія едва-ли приходится. Самая возможность подобнаго сравненія всего лучше доказываетъ, что Пушкинъ въ своихъ статьяхъ перешелъ мѣру возможныхъ оговорокъ, а это въ свою очередь объясняется нѣкоторымъ измѣненіемъ въ его взглядахъ и выработавшейся наклонностью къ компромиссамъ.

Я не пишу здѣсь общей характеристики поэта и не имѣю поэтому нужды указывать другія стороны его воззрѣній, составлявшія извѣстный противовѣсъ только что упомянутымъ. Достаточно сказать, что послѣднія не сложились въ какую-либо прочную и стройную систему, дававшую поэту право на мѣсто среди отечественныхъ консерваторовъ, что они скорѣе представляли собою рядъ колебаній и уступокъ, лишенныхъ строгой послѣдовательности и подчасъ встрѣчавшихъ себѣ противорѣчіе въ

[1]) Тамже, 355.
[2]) В. Е. Якушкинъ. О Пушкинѣ. М. 1899, с. 37.

мнѣніяхъ самого же Пушкина. Во всякомъ случаѣ изъ сказаннаго видно, что считать Пушкина въ Николаевскую эпоху выразителемъ общественныхъ идей 20-хъ годовъ было бы неправильно. И въ предшествующую эпоху къ Пушкину было бы не вполнѣ приложимо подобное опредѣленіе, а еще менѣе возможнымъ стало оно въ 30-хъ годахъ, когда самъ Пушкинъ не мало измѣнился. Для современниковъ, какъ и для потомства, Пушкинъ былъ важенъ прежде всего великимъ художественнымъ значеніемъ своей поэзіи, въ цѣломъ всегда сохранявшей высокій и благородный характеръ. Общіе идеалы поэта, въ ней выражавшіеся и тѣсно связанные съ тою общественной средой, какая окружала его юность, несомнѣнно, оказывали воспитательное вліяніе на дальнѣйшія поколѣнія. Но нельзя было бы сказать, что чисто-публицистическія воззрѣнія поэта, особенно выражавшіяся въ 30-хъ годахъ, составляли передаточное звено между общественнымъ движеніемъ 20-хъ и 40-хъ годовъ: для этого они были слишкомъ сложны и неопредѣленны и въ нихъ вкрались слишкомъ замѣтныя уступки духу времени.

Нельзя, какъ извѣстно, сказать и того, чтобы эти уступки сильно улучшили положеніе самого поэта и много облегчили ему выполненіе его жизненныхъ задачъ. Для окружавшей его современности онѣ оказывались слишкомъ малыми, и Пушкинъ оставался человѣкомъ подозрительнымъ. Онъ и самъ понялъ это, хотя не сразу. Его произведенія проходили черезъ строгую цензуру и не всегда появлялись въ свѣтъ, когда онъ того желалъ, а иногда и вовсе не появлялись. Просьба его о разрѣшеніи ему газеты была отклонена и лишь незадолго до смерти онъ получилъ разрѣшеніе издавать журналъ, но и въ послѣднемъ тѣ статьи, въ которыхъ онъ пытался проводить особенно дорогіе ему взгляды, при всѣхъ оговоркахъ и смягченіяхъ, какими они сопровождались, обыкновенно задерживались. Самъ Пушкинъ, какъ мы уже упоминали, съ 1828 года находился подъ секретнымъ полицейскимъ надзоромъ и сверхъ того былъ поставленъ въ необходимость безпрестанныхъ сношеній съ шефомъ жандармовъ гр. Бенкендорфомъ, который постоянно давалъ чувствовать поэту его зависимость, дѣлая ему, въ наружно вѣжливой формѣ, обидныя по существу замѣчанія не только по поводу его литературныхъ произведеній или поѣздокъ, безъ особаго о томъ сообщенія, по Россіи, но даже по поводу его женитьбы. Приближенность къ государю не избавляла Пушкина отъ контроля надъ его перепиской, и этотъ контроль простирался даже на письма къ женѣ. Томимый двусмысленной, противорѣчивой обстановкой своей жизни, Пушкинъ не разъ помышлялъ бросить и придворную службу, и Петербургъ, но въ такихъ случаяхъ друзья упрекали его въ неблагодарности, задѣвая такими упреками за одну изъ самыхъ чувствительныхъ его струнъ. «Это хуже либерализма», говорилъ онъ и оставался, не разставаясь, однако,

совсѣмъ съ мыслью объ отъѣздѣ въ деревню, постепенно ставшей его любимой мечтой.

На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля,—

грустно жалуется въ 1836 г. когда-то столь жизнерадостный поэтъ.

Давно завидная мечтается мнѣ доля,
Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ
Въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ.

Въ этомъ видѣ побѣгъ отъ тяготившей его жизни не удался поэту. Онъ совершился иначе. Стоитъ лишь внимательно прочитать переписку Пушкина за послѣдніе годы его жизни, чтобы видѣть, какъ шагъ за шагомъ развивалась роковая драма, завершившаяся трагической кончиной поэта. Случайнаго въ этой драмѣ было мало и чисто личный элементъ далеко не преобладалъ въ ней. Поэтъ, ушедшій въ безоблачную высь чистаго художественнаго творчества, писатель, пытавшійся примирить свои взгляды съ современною ему жизнью путемъ ряда уступокъ и компромиссовъ, великій художникъ оставался все-таки человѣкомъ слишкомъ безпокойнаго ума и слишкомъ горячаго сердца для своего «жестокаго вѣка». И онъ ушелъ, но не въ обитель трудовъ, а въ тѣсный пріютъ могилы, ушелъ, еще полный творческой силы и великихъ возможностей.

V.

Профессоръ сороковыхъ годовъ.

(Т. Н. Грановскій).

Прошло уже болѣе полустолѣтія со дня смерти Т. Н. Грановскаго. Въ его лицѣ сошелъ въ могилу одинъ изъ лучшихъ представителей русской университетской науки и одинъ изъ наиболѣе видныхъ вождей русскаго общественнаго движенія той поры, когда послѣднее стало принимать особенно широкій и сознательный характеръ. Ознакомиться съ духовной физіономіей покойнаго историка, опредѣлить, какъ складывались и какъ окончательно выразились его основныя воззрѣнія, значило бы поэтому не только оглянуться на путь, пройденный русской исторической наукой за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, но и раскрыть передъ собою исторію умственнаго развитія русскаго общества на одной изъ наиболѣе любопытныхъ и содержательныхъ ея страницъ. Правда, осуществленіе такой задачи, представляющей высокій интересъ, встрѣчаетъ и серьезныя затрудненія. Грановскій гораздо болѣе далъ своимъ современникамъ, нежели оставилъ потомству. Прежде всего и болѣе всего профессоръ, дѣятель устнаго слова, онъ писалъ мало и неохотно; были на это и другія причины. Какъ бы то ни было, но, благодаря этому обстоятельству, настоящее его значеніе далеко не полно вскрывается въ тѣхъ его трудахъ, которые попали въ печать и дошли до насъ. Произведенія, напечатанныя имъ самимъ и потомъ вошедшія въ собраніе его сочиненій, отдѣльныя лекціи, записанныя и позднѣе напечатанныя его учениками и слушателями, сами по себѣ, при всемъ высокомъ значеніи, какое они могутъ имѣть, еще не способны воспроизвести передъ читателями фигуру Грановскаго во весь ея ростъ. Въ концѣ концовъ все это не болѣе, какъ отрывки, хотя и весьма значительные, обломки, въ которыхъ легко чувствуется обаятельная красота того цѣлаго, къ какому они принадлежали, но по которымъ еще нельзя составить себѣ вполнѣ отчетливаго понятія объ этомъ цѣломъ. Чтобы получить такое понятіе, чтобы ясно представить себѣ мѣсто и роль Грановскаго въ общественной жизни его эпохи, вліяніе его идей, а иногда и самый характеръ послѣднихъ, нельзя

ограничиться однимъ анализомъ его сочиненій: необходимо еще снабдить ихъ своего рода историческимъ комментаріемъ, почерпая матеріалъ для него изъ частной переписки самого Грановскаго, изъ показаній современниковъ, наконецъ, изъ фактовъ окружавшей его общественной жизни, запросамъ которой отвѣчалъ онъ всею своею дѣятельностью, въ томъ числѣ и своими научными трудами.

И это тѣмъ болѣе необходимо, что самая дѣятельность его далеко не всегда находила себѣ однообразную оцѣнку. Нерѣдко приходится встрѣчать мнѣніе, будто дѣятельность Грановскаго не вызывала противоположныхъ сужденій. Въ сущности это не совсѣмъ вѣрно. Не говоря ужъ объ озлобленныхъ врагахъ, въ увлеченіи борьбы съ Грановскимъ или его идеями забывавшихъ всякое чувство справедливости,—а ихъ было не мало, и въ ихъ число всталъ даже Достоевскій,—можно назвать въ нашей литературѣ рядъ отзывовъ, неблагопріятныхъ Грановскому, пытавшихся отнять у него ту или иную долю его славы. Мы напомнимъ только болѣе яркіе изъ такихъ отзывовъ. Когда по смерти Грановскаго въ одномъ изъ посвященныхъ его памяти некрологовъ его назвали «общественнымъ русскимъ человѣкомъ», одинъ изъ самыхъ умныхъ, если не самый умный, изъ его литературныхъ противниковъ, А. С. Хомяковъ, находилъ, что «похвала эта была совсѣмъ несправедлива въ отношеніи къ нему» и что, «конечно, въ общественномъ значеніи Погодинъ Грановскому не чета» [1]) Эта оцѣнка была сдѣлана въ частномъ письмѣ. Но вскорѣ, въ виду свѣжей еще могилы Грановскаго, надъ его дѣятельностью былъ произнесенъ еще болѣе суровый и притомъ уже публичный приговоръ. Бывшій другъ юности покойнаго, г. Григорьевъ, напечаталъ въ 1856 году свои воспоминанія о немъ, въ которыхъ отрицалъ за нимъ всякія заслуги, кромѣ ораторскаго таланта. По мнѣнію автора воспоминаній, Грановскій, какъ профессоръ, былъ лишь «вдохновенный актеръ исторіи»; какъ общественный дѣятель—эпикуреецъ, умышленно возводившій всѣ убѣжденія на такую идеальную высоту, на которой всякія различія между ними исчезали, и тѣмъ достигавшій мира со всѣми; какъ ученый—не отличался ни самостоятельностью, ни оригинальностью, являясь «почти совершенно пассивнымъ передатчикомъ усвоеннаго имъ матеріала, не судьею дѣла, а докладчикомъ фактовъ и выработанныхъ другими воззрѣній на нихъ» [2]). Нѣсколько болѣе серьезнаго, хотя не менѣе, пожалуй, строгаго, суда дождался московскій профессоръ черезъ пятнадцать лѣтъ совсѣмъ съ другой стороны, въ статьѣ г. Скабичевскаго. По словамъ послѣдняго, Грановскій былъ «вполнѣ человѣкомъ сороковыхъ годовъ, живымъ, воплощен-

[1]) Р. Архивъ, 1879, III, 343; письмо Хомякова къ Ю. Самарину отъ 17 окт. 1855 г.

[2]) Григорьевъ, Грановскій до его профессорства въ Москвѣ. Русская Бесѣда, 1856, кн. III—IV, смѣсь, 54—7.

нымъ типомъ тѣхъ промежуточныхъ людей, въ которыхъ старыя идеи упорно боролись съ новыми и которые въ изнеможеніи останавливались на этой борьбѣ, не въ силахъ найти никакого исхода изъ нея и не смѣя рѣшиться смѣло пойти въ одну какую-нибудь сторону». Возможное еще недоумѣніе на счетъ того, что именно подразумѣвается здѣсь подъ «старыми» идеями, критикъ окончательно разсѣиваетъ, сравнивая Грановскаго то съ Фонъ-Визинскимъ Митрофанушкой, то съ г-жею Простаковой и говоря въ другомъ мѣстѣ статьи, что «въ Грановскомъ сидѣли двѣ противоположныя системы міровоззрѣній: одна—допетровская, архаическая, вся основанная на средневѣковыхъ преданіяхъ, другая—новая, система XIX столѣтія». Стоя на распутьи двухъ міровоззрѣній и въ каждомъ изъ нихъ находя симпатичныя для себя стороны, Грановскій старался всячески примирять ихъ противорѣчія, но это же самое стояніе на распутьи «располагало его враждебно ко всѣмъ направленіямъ, существовавшимъ въ его время». Отсюда г. Скабичевскій вполнѣ логично заключилъ, что такой человѣкъ могъ вести впередъ только толпу, «всѣ умственные интересы которой сосредоточивались въ узкой сферѣ эстетическихъ вопросовъ и двухъ-трехъ романтическихъ идеальчиковъ». Грановскій ввелъ ее въ область вопросовъ общественныхъ и политическихъ, но и здѣсь онъ явился «не столько проповѣдникомъ глубокихъ истинъ или новыхъ идей, сколько художникомъ-созерцателемъ» [1]). Въ статьѣ г. Скабичевскаго Грановскому посылался между прочимъ упрекъ за то, что онъ отстаивалъ систему классическаго образованія. Немного спустя г. Иловайскій тотъ же фактъ обратилъ въ похвалу покойному историку, утверждая, что послѣдній «ратовалъ за истинно-охранительныя начала» [2]). Наконецъ, не такъ давно проф. А. Н. Веселовскій въ своей автобіографіи сообщилъ, что, будучи въ пятидесятыхъ годахъ студентомъ московскаго университета, онъ не могъ пристать къ поклонникамъ Грановскаго, отъ лекцій котораго ему «отдавало фразой», и въ этомъ сообщеніи проф. В. И. Ламанскій увидалъ «большой успѣхъ нашего европеизма» [3]).

Я привелъ этотъ, немного пестрый, букетъ характеристикъ и отзывовъ не для того, чтобы разбирать или опровергать ихъ. Своего рода отвѣтъ на нихъ будетъ данъ дальнѣйшимъ изложеніемъ моего собственнаго пониманія личности Грановскаго и его значенія въ русской общественной жизни. Приводя только что процитированные отзывы, я хотѣлъ пока лишь наглядно иллюстрировать ими то обстоятельство, что имя Грановскаго сохранило еще и по-сейчасъ способность возбуждать иногда живые споры и что разногла-

---

[1]) Скабичевскій. Очерки умственнаго развитія нашего общества, Отеч. Записки, 1871, № 3, сс. 85, 88, 92, 96, 102, 105—6.

[2]) Р. Архивъ, 1874, 807.

[3]) Живая Старина, 1890, вып. 2, 232.

сія въ оцѣнкѣ его дѣятельности, время отъ времени проявлявшіяся, не всегда даже могутъ быть сведены къ различію литературныхъ лагерей. Объясненіе послѣдняго факта едва-ли не лежитъ однако въ недостаточности матеріала, которымъ пользовались при такихъ изображеніяхъ, и въ самомъ ихъ способѣ, при которомъ человѣка и его взгляды иной разъ произвольно отрывали отъ среды, въ какой онъ жилъ и дѣйствовалъ, или этой средѣ придавали не принадлежащія ей черты. Но историческій портретъ можетъ быть вѣренъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ нарисованъ на вѣрномъ фонѣ. Съ своей стороны, не разсчитывая добавить какія-либо важныя черты къ характеристикѣ научныхъ взглядовъ Грановскаго, сдѣланной уже другими, болѣе компетентными въ данномъ случаѣ лицами [1]), я хотѣлъ бы, поскольку позволяютъ это существующіе матеріалы, дать общую характеристику его не только какъ ученаго, но и какъ общественнаго дѣятеля, и, быть можетъ, нѣсколько точнѣе опредѣлить его мѣсто въ ряду людей, подготовившихъ то возрожденіе русскаго общества, свидѣтелями котораго были шестидесятые годы нашего столѣтія.

I.

Дѣтство и ранняя юность Грановскаго не представляли собою ничего выдающагося, ничего особенно замѣтнаго. Родился онъ 9 марта 1813 г. въ Орлѣ и первыя восемнадцать лѣтъ своей жизни провелъ, съ небольшими перерывами, частью въ этомъ губернскомъ городѣ, частью въ недалеко отъ него лежавшемъ имѣніи своихъ родителей, с. Погорѣльцѣ, тамъ и здѣсь не выходя изъ сѣрой, обыденной обстановки тогдашняго средняго помѣщичьяго быта. Отецъ его былъ чиновникъ; занималъ онъ должность

[1]) См. П. Г. Виноградовъ, Т. Н. Грановскій (Сборникъ въ пользу воскресныхъ школъ, М. 1894) и Н. И. Карѣевъ, Историческое міросозерцаніе Грановскаго, СПБ. 1896. См. также статью П. Н. Милюкова: Университетскій курсъ Грановскаго (въ сборникѣ: Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ. М. 1897, сс. 19—61). Послѣдняя работа появилась послѣ того, какъ впервые былъ напечатанъ настоящій очеркъ, и авторъ ея нѣсколько иначе излагаетъ развитіе научныхъ воззрѣній Грановскаго. Знакомство съ аргументами П. Н. Милюкова не заставило однако меня измѣнить свое изложеніе. Біографія Грановскаго, написанная К. Станкевичемъ (Т. Н. Грановскій, М. 1869; новое изданіе—М. 1897, т. I. Біографическій очеркъ; т. II. Переписка Т. Н. Грановскаго), до сихъ поръ не потеряла своего значенія. Популярная и вмѣстѣ болѣе подробная біографія Грановскаго дана въ недавнее время г. Ч. Вѣтринскимъ (Т. Н. Грановскій и его время, М. 1897), но общіе взгляды послѣдняго автора страдаютъ значительною неопредѣленностью, особенно сильно дающей себя знать въ оцѣнкѣ философскихъ и научныхъ воззрѣній Грановскаго.

совѣтника соляного управленія; мать происходила изъ богатой малороссійской фамиліи, члены которой въ 18-мъ вѣкѣ, въ періодъ самостоятельнаго существованія Малороссіи, славились своимъ умѣніемъ собирать немалыя богатства на счетъ подвластныхъ имъ крестьянъ и козаковъ. Но общественная обстановка, окружавшая Грановскаго въ эти раніе его годы, какъ-то лишь скользнула по немъ, не оставивъ замѣтныхъ слѣдовъ въ его душевномъ складѣ. За то вліяніе расы и природы сказалось на немъ рѣзкими чертами. Малороссъ по происхожденію, сынъ свѣтлаго и вмѣстѣ задумчиваго русскаго юга, онъ какъ будто заимствовалъ отъ тамошней природы богатство поэтическихъ тоновъ своего душевнаго настроенія, мягкую ровность характера и ту прозрачную дымку легкой грусти, которая окутывала его даже въ лучшія минуты его жизни. Немало, повидимому, дѣйствовала на созданіе его характера и мать его, любящая и обладавшая нѣкоторымъ образованіемъ женщина, которую онъ страстно любилъ и вліянію которой приписывалъ впослѣдствіи всѣ лучшія свои свойства. Но и мать не могла или не хотѣла пересилить безпечность отца и сколько-нибудь правильно поставить ученіе сына. Грановскій въ свои раніе годы учился въ полномъ смыслѣ слова «понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь». Къ нему примѣнялась обыкновенная въ тогдашней помѣщичьей средѣ система воспитанія съ помощью гувернеровъ-иноземцевъ и пансіоновъ, но и та въ конецъ разстраивалась безалаберностью отца. Сперва у Грановскаго были гувернеры-иноземцы, благодаря которымъ онъ познакомился съ французскимъ и англійскимъ языками, затѣмъ его, тринадцати лѣтъ отъ роду, отвезли было въ Москву, въ нѣмецкій пансіонъ Кистера, но, продержавъ тамъ неполные два года, втеченіе которыхъ онъ не успѣлъ даже научиться нѣмецкому языку, взяли домой на каникулы и въ пансіонъ не вернули. Предоставленный самому себѣ, томясь скукою, онъ сталъ наполнять праздное время охотой и чтеніемъ, доставая книги изъ библіотекъ сосѣднихъ богатыхъ помѣщиковъ и читая безъ разбора все, что попадалось подъ руку. Особенно увлекался онъ въ то время Вальтеръ-Скоттомъ, впервые и съ самой свѣтлой стороны открывшимъ передъ нимъ міръ средневѣковой рыцарской Европы; любовь къ этому писателю надолго сохранилась у него и впослѣдствіи.

Такъ проходили годы, и юношѣ грозила опасность остаться безъ всякаго систематическаго образованія. Надо было однако подумать о томъ или иномъ устройствѣ дальнѣйшей его судьбы. Отецъ позаботился толкнуть его на готовую, проторенную дорожку—опредѣлить на службу. Самъ Грановскій подумывалъ даже вступить въ военную службу, но убѣжденія матери заставили его выбрать гражданское поприще. Въ 1831 г. онъ отправился въ Петербургъ и здѣсь поступилъ на службу въ департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Внѣшняго толчка, заключавшагося въ перемѣнѣ об-

становки, оказалось достаточно, чтобы разбудить дремавшія въ душѣ юноши силы. На новомъ мѣстѣ, среди иного общества, нежели то, какое окружало его дома, Грановскій почувствовалъ себя «невѣждой и глупцомъ», и рѣшеніе его было быстро составлено. Не прошло и полугода съ зачисленія его въ ряды чиновниковъ, какъ онъ вышелъ въ отставку и сталъ готовиться къ поступленію въ университетъ. Вскорѣ послѣ того умерла его мать, и Грановскій, потрясенный горемъ, остался въ чужомъ городѣ одинъ, почти безъ всякой поддержки, такъ какъ отецъ теперь крайне неаккуратно доставлялъ ему средства. Тѣмъ не менѣе, терпя сильную матеріальную нужду, доходившую до того, что онъ питался одно время только картофелемъ и чаемъ, онъ продолжалъ занятія, выхлопоталъ себѣ съ января 1832 года разрѣшеніе посѣщать университетскія лекціи, готовясь въ то же время къ экзамену, осенью того же года сдалъ экзаменъ и вступилъ въ число студентовъ юридическаго факультета. Самый выборъ факультета былъ обусловленъ не столько опредѣленнымъ призваніемъ, сколько случайностями предъидущаго образованія юноши: къ математическимъ наукамъ онъ не чувствовалъ влеченія, греческаго языка, необходимаго для вступленія на словесный факультетъ, не зналъ, оставалось сдѣлаться юристомъ. Къ тому же Грановскій искалъ въ университетѣ не спеціальныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для какого-нибудь житейскаго поприща, а общаго образованія.

Но въ этомъ смыслѣ тогдашній университетъ и не могъ дать ему особенно многаго. Петербургскій университетъ той поры, начала тридцатыхъ годовъ, представлялъ изъ себя скорѣе школу, съ нѣсколько болѣе высокимъ противъ средней школы уровнемъ знаній, нежели университетъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Каѳедры были заняты учеными посредственностями и бездарностями, въ лучшемъ случаѣ добросовѣстными, но узкими и ограниченными спеціалистами. Работа профессоровъ сводилась къ чтенію изъ года въ годъ однихъ и тѣхъ же курсовъ, разъ составленныхъ и потомъ остававшихся безъ перемѣны; работа студентовъ—къ заучиванію этихъ курсовъ наизусть и отвѣту ихъ на экзаменахъ. Такой университетъ могъ пополнить нѣкоторые частные недостатки въ знаніяхъ Грановскаго, даже пріучить его къ попыткамъ самостоятельной работы, но не могъ дать и не далъ удовлетворенія его стремленію къ систематическому научному образованію. Съ наибольшей охотой слушалъ еще Грановскій лекціи профессора философіи Фишера и, когда въ 1834 г. объявленный послѣднимъ курсъ исторіи философскихъ системъ былъ отмѣненъ по распоряженію университетскаго совѣта, Грановскій убѣдилъ товарищей просить совѣтъ о разрѣшеніи этого курса. Но немного позднѣе о томъ же Фишерѣ Грановскій писалъ, что вмѣсто философіи онъ читалъ студентамъ какую-то другую науку, «значенія которой, прибавлялъ онъ, я теперь не понимаю». То, чего не доставало въ университетѣ, Грановскій старался найти въ

самостоятельномъ чтеніи. Отъ историческихъ романовъ, отъ поэтовъ онъ перешелъ къ научнымъ сочиненіямъ по исторіи. Знакомство съ корифеями исторической литературы Франціи и Англіи, съ трудами Мишле, Гизо, Тьерри, Робертсона, Юма и Гиббона, пріобрѣтенное за годы университетской жизни, прочно привязало его симпатіи къ исторической наукѣ и, если не дало ему вполнѣ цѣльнаго міровоззрѣнія, то все же обогатило его умъ рядомъ опредѣленныхъ идей. Особенно высоко цѣнилъ онъ въ это время Ог. Тьерри и даже перевелъ было на русскій языкъ двѣ части его «Завоеванія Англіи Норманнами». Между тѣмъ продолжавшаяся матеріальная необезпеченность положенія Грановскаго вынуждала его искать себѣ того или иного заработка, и онъ уже очень рано выступилъ на литературное поприще, въ качествѣ сотрудника «Библіотеки для Чтенія» Сенковскаго. Въ 1835 г. въ этомъ журналѣ была напечатана первая историческая статья Грановскаго, составленная по Капфигу и Деппингу, подъ названіемъ «Судьбы еврейскаго народа». Статья эта, не дающая предвидѣть блестящей славы, какая окружила впослѣдствіи ея автора, замѣчательна только своимъ яснымъ изложеніемъ и проникающимъ ее гуманнымъ настроеніемъ. Грановскій и послѣ того работалъ еще нѣсколько времени въ журналѣ Сенковскаго, но сношенія съ послѣднимъ не оказали на него никакого замѣтнаго вліянія. Блестящее, порою злое, порою площадное, но всегда почти безпредметное остроуміе «барона Брамбеуса», не согрѣтое никакимъ искреннимъ и страстнымъ убѣжденіемъ, было очень далеко отъ вдумчивой серьезности его юнаго сотрудника, и для Грановскаго сотрудничество въ «Библіотекѣ для Чтенія» осталось лишь средствомъ литературнаго заработка, но не сдѣлалось этапомъ его умственнаго развитія. Равнымъ образомъ и среди кружка товарищей-студентовъ, въ которомъ онъ вращался, онъ не встрѣчалъ сильныхъ толчковъ къ дальнѣйшему движенію впередъ. Стоя въ сущности на одной съ ними ступени развитія, онъ въ то же время многихъ изъ нихъ превосходилъ своей нравственной чистотой и едва-ли не всѣхъ — своими богатыми способностями. Эти способности обратили на него вниманіе университетскаго начальства и ему сдѣлано было предложеніе отправиться на казенный счетъ за границу для приготовленія къ профессурѣ. Но онъ считалъ себя въ это время связаннымъ романическими отношеніями, существовавшими между нимъ и одною дѣвушкой изъ помѣщичьей семьи, жившей по сосѣдству съ имѣніемъ его отца, и отклонилъ это предложеніе. Окончивъ курсъ въ университетѣ, онъ поселился въ Петербургѣ и вновь поступилъ на службу, на этотъ разъ въ морское министерство, секретаремъ перваго отдѣленія гидрографическаго департамента; въ то же время онъ продолжалъ работать въ литературѣ, помѣщая свои статьи въ «Библіотекѣ для Чтенія» и въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» Плюшара.

Но ни чиновникомъ, ни журналистомъ ему не суждено было сдѣлаться. Ранній романъ его скоро сталъ терять свою прелесть. Родственники дѣвушки старались сдѣлать Грановскаго формальнымъ женихомъ раньше, нежели онъ сдѣлался таковымъ по собственному побужденію, и это волновало и оскорбляло его. Отношенія запутывались, не приходя ни къ какой опредѣленной развязкѣ. Тѣмъ временемъ ему вновь было сдѣлано, уже съ другой стороны, именно московскимъ попечителемъ гр. С. Г. Строгановымъ, искавшимъ въ это время свѣжихъ силъ для обновленія московскаго университета, предложеніе отправиться за границу для приготовленія къ ученой дѣятельности. Теперь онъ отнесся къ этому иначе и принялъ предложеніе, испросивъ, правда, на это раньше разрѣшеніе отъ дѣвушки, которую все еще продолжалъ считать связанной съ собой на всю жизнь. Впослѣдствіи разлука и посредничество третьяго лица разорвали эту связь, и они больше не встрѣчались другъ съ другомъ. Но раньше, чѣмъ Грановскій успѣлъ выѣхать за границу, въ его жизни завязалась иного рода связь, гораздо болѣе важная по своимъ послѣдствіямъ. Въ Москвѣ, куда онъ пріѣзжалъ въ началѣ 1836 года для окончательныхъ переговоровъ съ Строгановымъ насчетъ своей заграничной поѣздки, онъ познакомился съ Н. В. Станкевичемъ, и это знакомство быстро перешло въ горячую дружбу. «Мы подружились съ Грановскимъ, писалъ Станкевичъ годъ спустя объ этомъ эпизодѣ, какъ люди не дружатся иногда за цѣлую жизнь» [1].

Глубокой бороздой легло вліяніе Станкевича въ жизнь Грановскаго и навсегда оставило въ ней свои яркіе слѣды. Послѣ міра ученыхъ ремесленниковъ и болѣе или менѣе прилежныхъ и умныхъ юношей онъ впервые столкнулся теперь съ убѣжденнымъ и пылкимъ идеалистомъ, всѣ свои силы посвятившимъ на уясненіе смысла и законовъ мірозданія, понимавшимъ науку, какъ одно великое цѣлое, и настойчиво и страстно допрашивавшимъ жизнь объ ея тайныхъ цѣляхъ, хотя надъ нимъ самимъ смерть уже распускала свои черныя крылья. Соединяя въ себѣ серьезныя философскія познанія и необыкновенныя діалектическія способности съ глубокимъ эстетическимъ чувствомъ и рѣдкимъ даромъ проникать въ души людей, быстро угадывать ихъ основныя свойства и нѣжной, но умѣлой рукой затрогивать ихъ лучшія струны, этотъ юноша, съ пламеннымъ энтузіазмомъ отдававшій свою жизнь почти исключительно умственнымъ интересамъ и обреченный ранней смерти, представлялъ изъ себя такую крупную духовную силу, мимо которой не могъ пройти безнаказанно ни одинъ мыслящій человѣкъ. Всѣхъ своихъ друзей Станкевичъ опутывалъ чарами своего умственнаго и нравственнаго вліянія, вводилъ въ кругъ своихъ интересовъ и надолго, если не навсегда, оставлялъ на нихъ свой

---

[1] Переписка Н. В. Станкевича, изд. Анненковымъ, 208.

отпечатокъ. Грановскій менѣе, чѣмъ кто-либо, могъ избѣжать этой судьбы. Въ его мягкой, поэтической и гуманной натурѣ было много родственнаго Станкевичу. Послѣдній, раскрывъ новые горизонты его мысли, подсказавъ ему иное, болѣе широкое пониманіе науки и жизни, заставилъ звучать въ этой богатой, но не вполнѣ еще развернувшейся натурѣ молчавшія ранѣе струны и сдѣлался руководителемъ молодого историка на новомъ поприщѣ знаній, установивъ между нимъ и собою тѣсное духовное общеніе [1]). Обогащенный первыми результатами этого общенія, Грановскій выѣхалъ за границу, въ Берлинъ, питая новыя стремленія, готовясь полнѣе воспринять впечатлѣнія и уроки европейской науки. Нѣсколько выдержекъ изъ переписки друзей лучше всего помогутъ намъ выяснить содержаніе этихъ стремленій и тотъ страстно-сосредоточенный характеръ, какой принимали они, по крайней мѣрѣ, у Станкевича и какой неизбѣжно долженъ былъ заразительно дѣйствовать и на Грановскаго. Для Станкевича Берлинъ, этотъ центръ гегеліанской философіи, являлся не обыкновеннымъ университетскимъ городомъ, въ которомъ удобно довершить свое образованіе, а своего рода обѣтованной землей, въ которой онъ надѣялся найти высшую истину, какая освѣтила бы ему всю жизнь. «Ты въ Берлинѣ! Ты достигъ цѣли твоего странствія!—писалъ онъ Грановскому 14 іюня 1836 г.—Я воображаю, какъ сжалось твое сердце, когда ты увидѣлъ этотъ нѣмецкій городъ, на который каждый изъ насъ возложилъ свою надежду... Надѣюсь, ты сдержишь свое обѣщаніе и напишешь мнѣ о тѣхъ чудакахъ, отъ которыхъ мы ждемъ себѣ душевнаго возрожденія. Признаюсь тебѣ, мнѣ давно стало душно отъ этой проклятой неизвѣстности, отъ этого откладыванья. Когда же нибудь надобно отбросить эту робкую уступчивость, эту ученическую скромность, стать лицомъ къ лицу съ тѣми обольстителями души, которые тайною, отрадною надеждою поддерживаютъ жизнь ея, и потребовать отъ нихъ вразумительнаго отвѣта. Воля твоя, я не понимаю натуралиста, который считаетъ ноги у козявокъ, и историка, который, начавъ съ Ромула, въ цѣлую жизнь не дойдетъ до Нумы Помпилія,—не понимаю человѣка, который знаетъ о существованіи и спорахъ мыслителей и бѣжитъ ихъ, и отдается въ волю своего земного поэтическаго чувства. Если нельзя ничего знать, стоитъ работать до кроваваго пота, чтобъ узнать хоть это. Тогда въ моемъ отчаяніи, въ моемъ ропотѣ будетъ больше счастія, больше поэзіи, по крайней мѣрѣ, нежели въ этомъ робкомъ отказѣ отъ своего достоинства, отъ своихъ потребностей, силъ. Тогда, можетъ быть, я лучше пойму смиреніе вѣры; тогда я, можетъ

[1]) Въ іюнѣ 1836 г. онъ писалъ Грановскому: «ты самъ одобрилъ мои занятія, ты самъ подалъ намъ руку и мы прочли въ душѣ твоей, что ты нашъ». Тамже, с. 186.

быть, безъ удержанія отдамся душѣ своей, въ которой есть же капля любви, и стану жить въ одномъ чувствѣ, ничѣмъ не раздробляемомъ». Нужно было имѣть слишкомъ мало увѣренности въ себѣ или слишкомъ много сухости и черствости ума, чтобы устоять противъ этихъ страстныхъ призывовъ въ область широкихъ философскихъ вопросовъ и остаться за тѣсной оградой своей спеціальности. Послѣднимъ качествомъ Грановскій не отличался, но Станкевичъ какъ будто предвидѣлъ, что онъ можетъ слишкомъ мало довѣрять своимъ силамъ, и заранѣе предостерегалъ его на этотъ случай. «Прочь интересы бѣдныхъ головъ!—писалъ онъ.—Что за нужда, въ какомъ-то году умеръ Александръ Македонскій, довольно, что онъ жилъ и переродилъ вселенную, а если это знать, такъ знать для того, чтобы понять, что такое вселенная. Интересъ всѣхъ наукъ одинъ; посторонніе интересы могутъ быть искренни и безкорыстны, но они суть слѣдствіе привычки, а не жажда души, которая во всемъ хочетъ поэзіи, упоенія, которая во всемъ ищетъ себя и своего единства съ жизнью природы и Бога, безъ котораго нѣтъ жизни и существенности, безъ котораго вселенная скелетъ или призракъ. Мужество, твердость, Грановскій! Не бойся этихъ формулъ, этихъ костей, которыя облекутся плотію и возродятся духомъ по глаголу Божію, по глаголу души твоей. Твой предметъ—жизнь человѣчества: ищи же въ этомъ человѣчествѣ образа Божія; но прежде приготовься трудными испытаніями—займись философіею. Занимайся тѣмъ и другимъ, эти переходы изъ отвлеченной къ конкретной жизни и снова углубленіе въ себя—наслажденіе! Тысячу разъ бросишь ты книги, тысячу разъ отчаешься и снова исполнишься надежды; но вѣрь, вѣрь и иди путемъ своимъ» [1]). Сомнѣнія и даже отчаяніе, которыхъ опасался Станкевичъ, дѣйствительно охватили его друга въ Берлинѣ. Послѣ той весьма скромной духовной пищи, какую предлагалъ своимъ питомцамъ петербургскій университетъ, переходъ къ ознакомленію съ европейской исторической наукой на ея родинѣ не могъ не показаться рѣзкимъ, какъ ни былъ подготовленъ къ нему Грановскій предшествовавшимъ самостоятельнымъ чтеніемъ. Зрѣлище тщательно воздѣлываемой въ Германіи науки пробуждало въ немъ и недовольство своимъ прошлымъ, и опасеніе за будущее: «я только теперь—писалъ онъ въ іюлѣ 1836 г.—началъ заниматься наукою, какъ должно, и не могу безъ грусти подумать о времени, которое такъ безплодно тратилъ въ Петербургѣ» [2]). Вскорѣ у него явилось сомнѣніе, сможетъ ли онъ охватить все, сдѣланное до него; къ сомнѣнію въ своихъ силахъ присоединилось и чувство болѣе глубокое, поколебавшее основы того непосредственнаго религіознаго міросозерцанія, какое

---

[1]) Переписка Н. В. Станкевича, 183—6.
[2]) Въ воспоминаніяхъ Я. М. Невѣрова, Р. Старина, 1880, № 4, 744.

до этой поры оставалось, повидимому, непотрясеннымъ у Грановскаго, и породившее недовѣріе къ самой наукѣ; все это привело его къ тяжелой и глухой тоскѣ. Обезпокоенный ею, Станкевичъ поспѣшилъ придти ему на помощь, тѣмъ болѣе дѣйствительную, что въ жалобахъ Грановскаго онъ слышалъ отголоски настроенія, недавно и не вполнѣ еще пережитаго имъ самимъ. Онъ старался убѣдить Грановскаго, что сомнѣніе—необходимый и законный періодъ въ жизни человѣка: вопросъ только въ томъ, какъ перейти отъ него къ примиренію съ жизнью и къ дѣятельности. «Всякій другой рѣшилъ бы это дѣло просто: стремись къ тому, чего желаешь; ищи отвѣты на тѣ вопросы, которые съ большею силою гнетутъ тебя; ступай въ тотъ міръ, котораго гражданиномъ ты себя чувствуешь. Но я не скажу тебѣ этого—не только потому, что желѣзная необходимость заставитъ тебя заниматься многимъ, о чемъ душа не спрашивала, но и потому, что ясно сознать свои потребности не есть дѣло одной минуты». Приводя въ примѣръ собственныя занятія, онъ говорилъ, что онъ началъ было заниматься исторіей едва-ли не болѣе всего по «привычкѣ къ недѣятельности ума, которая дѣлала страшнымъ занятіе философіей и изрѣдка обдавала какимъ-то холодомъ невѣрія къ достоинству ума». Изъ этого состоянія его вывело знакомство съ ученіемъ Шеллинга. «Оковы спали съ души, когда я увидѣлъ, что внѣ одной всеобъемлющей идеи нѣтъ знанія, что жизнь есть самонаслажденіе любви и что все другое—призракъ. Теперь есть цѣль передо мною. Я хочу полнаго единства въ мірѣ моего знанія, хочу дать себѣ отчетъ въ каждомъ явленіи, хочу видѣть связь его съ жизнію цѣлаго міра, его необходимость, его роль въ развитіи этой идеи». Тѣмъ настойчивѣе указывалъ Станкевичъ своему другу на необходимость выработки философскаго міросозерцанія, что не находилъ въ немъ задатковъ узкаго спеціалиста. «Другое дѣло—прагматическій интересъ въ наукѣ; тогда она средство, и это занятіе имѣетъ свою прелесть; но для этого надобно имѣть страсть, преодолѣвающую всѣ труды, а къ этакой страсти способны люди односторонніе. Ты не изъ этого рода людей:—это можно узнать, взглянувши на тебя. Больше простора душѣ, мой милый Грановскій! Теперь ты занимаешься исторіей: люби же ее какъ поэзію, - прежде, нежели ты свяжешь ее съ идеею,—какъ картину разнообразной и причудливой жизни человѣчества, какъ задачу, которой рѣшеніе не въ ней, а въ тебѣ, и которое вызовется строгимъ мышленіемъ, приведеннымъ въ науку. Поэзія и философія—вотъ душа сущаго. Это жизнь, любовь: внѣ ихъ все мертво. Ты скорбишь о томъ, что едва знаешь имена тѣхъ людей, которыхъ Миллеръ называлъ великими. Не говоря о томъ, что на счетъ величія людей можно имѣть разныя понятія съ Миллеромъ, я скажу: что за потребность узнать и того,

и другого, и третьяго? Ты узнаешь ихъ тогда, когда въ тебѣ будетъ вопросъ, котораго рѣшенію они могутъ способствовать» [1]).

Совѣты Станкевича не устранили, конечно, переживавшагося Грановскимъ кризиса, но помогли ему легче выйти изъ послѣдняго. Руководясь ими, онъ параллельно съ занятіями исторіей принялся за ученіе Гегеля, но къ систематическому изученію философіи пока не приступалъ [2]). Оно началось для него съ пріѣздомъ въ Берлинъ осенью 1837 г. Станкевича, когда они вмѣстѣ начали заниматься исторіей и философіей, послѣдней подъ руководствомъ гегеліанца Вердера. Около двухъ лѣтъ продолжалась эта совмѣстная жизнь ихъ въ Берлинѣ, на время прервавшаяся только въ 1838 г., когда они отдѣльно другъ отъ друга путешествовали по Германіи. Въ половинѣ 1839 года они окончательно разстались: Грановскій отправился въ Россію—занять каѳедру въ московскомъ университетѣ, Станкевичъ въ Италію—умирать отъ чахотки. Намъ нѣтъ надобности останавливаться на внѣшнихъ подробностяхъ этого періода жизни Грановскаго или слѣдить за порядкомъ его занятій. Мы можемъ, минуя то и другое, прямо обратиться къ тѣмъ результатамъ, какіе были вынесены имъ изъ этой жизни за-границей въ продолженіи трехъ почти лѣтъ. За данное время сложились, действительно, его основныя научныя воззрѣнія въ прямой зависимости отъ тѣхъ направленій научной мысли, съ которыми онъ встрѣтился и познакомился въ Берлинѣ.

Политическіе перевороты, происшедшіе въ Западной Европѣ въ концѣ XVIII и началѣ XIX-го столѣтій, какъ извѣстно, повели къ немалымъ переворотамъ и въ области теоретической мысли, особенно сильно сказавшимся въ сферѣ воззрѣній на природу и характеръ развитія человѣческихъ обществъ. Крушеніе многихъ надеждъ и ожиданій, связанныхъ съ великой французской революціей, и для многихъ неожиданный отпоръ, встрѣченный этою революціей, а затѣмъ и грандіозною попыткою Наполеоновской монархіи со стороны отдѣльныхъ національностей, нанесли въ сознаніи эпохи тяжелые удары отвлеченной философіи XVIII вѣка и проповѣдывавшейся ею вѣрѣ въ безусловное могущество разумной и свободной человѣческой личности. Гордая попытка перестроить жизнь человѣчества, руководствуясь одними лишь указаніями чистаго разума, независимаго отъ условій времени

[1]) Переписка Н. В. Станкевича, 194—8; ср. отзывы Станкевича о состояніи Грановскаго въ письмахъ къ Я. М. Невѣрову, тамже, 193 и 207, и позднѣйшій отзывъ самого Грановскаго въ письмѣ къ Григорьеву «Т. Н. Грановскій», А. Станкевича, 63—6.

[2]) См. въ письмѣ Станкевича къ Невѣрову 20 сент. 1837 г. шутливую благодарность Грановскому «за то, что онъ занимается дѣломъ и начинаетъ признавать достоинство Егора Федоровича Гегелева». Переписка, 230. Ср. о занятіяхъ философіей до пріѣзда Станкевича приведенное въ воспоминаніяхъ Невѣрова письмо Грановскаго. Р. Старина, 1880 г., № 4, сс. 745—6.

и мѣста,—какъ понято было многими энтузіастами дѣло французской революціи,—окончилась горькимъ разочарованіемъ и, чѣмъ глубже было это разочарованіе, тѣмъ настоятельнѣе сказывалась необходимость провѣрить основныя положенія старой системы пониманія общественныхъ отношеній, въ рамки которой рѣшительно не укладывались факты, слишкомъ громко говорившіе за себя, слишкомъ свѣжіе въ общей памяти, чтобы ихъ можно было обойти или забыть. Эти факты сами по себѣ способны были подорвать въ общественномъ сознаніи вѣру въ старую систему, не говоря уже о томъ, что на послѣднюю, какъ идейную виновницу недавнихъ потрясеній, было воздвигнуто и прямое гоненіе со стороны побѣдившихъ въ борьбѣ представителей старыхъ порядковъ. Научной мысли предстояло теперь создать иную теорію, которая могла бы исправить увлеченія и крайности прежде господствовавшихъ воззрѣній. Работа въ этомъ смыслѣ и была начата, когда выдвинута была идея народности. Абстрактный человѣкъ теоретиковъ XVIII столѣтія у мыслителей XIX-го уступилъ свое мѣсто понятію о національности, какъ своеобразномъ организмѣ, имѣющемъ особыя свойства, присущія всѣмъ его членамъ и опредѣляющія его исторію; мѣсто разсудочной философіи заняло историческое изученіе. Послѣднее пошло при этомъ въ двухъ направленіяхъ. Одно изъ нихъ проявилось по преимуществу во французской исторіографіи и заключалось въ изученіи генезиса новыхъ политическихъ идей и формъ, утвержденныхъ на материкѣ Европы революціею; такое изученіе должно было повести и къ косвенному оправданію этихъ идей, осуществленіе которыхъ оказывалось не дѣломъ личнаго произвола но плодомъ историческаго процесса. Дѣйствительно, съ точки зрѣнія писателей этой школы, существенною частью историческаго прогресса является развитіе личности; такимъ образомъ, подъ ихъ перомъ исторія выступила своего рода защитницею гонимаго либерализма. Болѣе глубоко и послѣдовательно, но вмѣстѣ и болѣе одностороние новое воззрѣніе развито было другимъ направленіемъ, самые яркіе и талантливые представители котораго дѣйствовали въ Германіи. Здѣсь именно создалась, въ трудахъ Нибура, Савиньи, Эйхгорна, Як. Гримма и ихъ послѣдователей, цѣлая школа, выставившая своеобразное ученіе о пути историческаго развитія человѣчества. Въ прямую противоположность философамъ прошлаго столѣтія, склоннымъ едва-ли не всѣ формы человѣческой жизни выводить изъ сознательной воли единичной личности и всѣ соединенія людей разсматривать, какъ нѣчто механическое, данная школа выдвинула мысль о безсознательномъ процессѣ органическаго развитія, являющемся истиннымъ двигателемъ и вмѣстѣ единственнымъ содержаніемъ исторіи. Языкъ, право, государственныя учрежденія народа не созданы тою или другою личностью, не возникли въ силу договора, а органически и строго послѣдовательно развились изъ основныхъ особенностей народнаго характера, представляя

изъ себя продуктъ творчества всей народной массы. Эта въ высшей степени плодотворная для науки мысль объ органическомъ развитіи, выражающемся въ безсознательномъ творчествѣ массы, уже первыми ея авторами высказывалась однако съ рѣзкою односторонностью, скоро породившею крайности, въ нѣкоторой мѣрѣ аналогичныя тѣмъ, противъ которыхъ сама эта теорія направлялась. Выдвигая на первый планъ закономѣрность историческаго процесса, она тѣмъ самымъ дѣлала значительный шагъ впередъ въ научныхъ построеніяхъ. Но, отстаивая исключительно стихійный характеръ этого процесса, не поддающагося, по ея ученію, сознательному воздѣйствію на него, доказывая безполезность и даже вредъ всякихъ искусственныхъ переворотовъ, она совершенно игнорировала значеніе идей въ исторіи и, покорно склоняясь передъ фактами, принимала на себя, порою не вполнѣ сознательно, роль апологета существующихъ порядковъ; понимаемые, какъ произведеніе народнаго характера, эти порядки тѣмъ самымъ уже освобождались отъ критики, по необходимости носившей всегда индивидуальный характеръ, и еще болѣе отъ насильственнаго разрушенія и требовали только уясненія истиннаго своего смысла, которое достигалось историческимъ изслѣдованіемъ.

Съ произведеніями либеральной школы французскихъ историковъ Грановскій былъ знакомъ еще въ Петербургѣ, но со взглядами и трудами нѣмецкихъ историковъ и юристовъ онъ познакомился только въ Берлинѣ, частью изъ университетскихъ лекцій, частью изъ книгъ, и они сразу глубоко захватили его своею серьезностью и тѣмъ строго научнымъ построеніемъ, какое придавалось въ нихъ исторіи. Наименьшее, быть можетъ, вліяніе оказалъ на Грановскаго Ранке, не смотря на то, что отъ лекцій послѣдняго молодой ученый былъ въ «восторгѣ», то называя Ранке «самымъ геніальнымъ изъ новыхъ нѣмецкихъ историковъ», то ставя его «выше большей части современныхъ историковъ». На лекціяхъ наиболѣе виднаго изъ тогдашнихъ представителей критическаго направленія вниманіе русскаго его слушателя обратилось однако не на пріемы критической оцѣнки показаній источниковъ, составляющіе главную силу Ранке, а на его общіе взгляды. «Не говорю объ его учености, - писалъ Грановскій одному изъ своихъ друзей —это вещь неудивительная въ Германіи, но его свѣтлые, живые, поэтическіе взгляды на науку очаруютъ тебя. Онъ понимаетъ исторію». «У него—отзывался онъ другой разъ—такой простой, не натянутый, практическій взглядъ на вещи, что послѣ каждой лекціи я дивлюсь, какъ это мнѣ самому не пришло въ голову» [1]). Любопытно сопоставить съ этими отзывами то обстоятельство, что много лѣтъ позже, начавъ трудъ о Нибурѣ, настоящемъ главѣ критической школы, Грановскій главной своей задачей

[1]) Русск. Старина, 1880, № 4, с. 745; «Т. Н. Грановскій», 72.

ставилъ «показать, сколько было положительнаго въ его выводахъ и сколько поэзіи въ его воззрѣніи на исторію»; лучшими качествами Нибура, какъ историка, онъ готовъ былъ считать его творческую фантазію и то пылкое участіе, съ которымъ онъ относился къ излагаемымъ имъ событіямъ и благодаря которому даже «становился самъ въ ряды горячихъ приверженцевъ или враговъ описываемыхъ лицъ» [1]). Грановскій, съ его художественной натурой, въ которой Станкевичъ такъ рано и мѣтко опредѣлилъ отсутствіе склонности къ ученой спеціализаціи, не въ пріемахъ, а въ результатахъ ученой работы видѣлъ главное ея достоинство и, хотя понималъ всю важность правильныхъ пріемовъ, но неспособенъ былъ восхищаться ими самими по себѣ. Неудивительно, что при такомъ пониманіи науки онъ вынесъ особенно глубокія и поучительныя впечатлѣнія главнымъ образомъ изъ лекцій Савиньи и Риттера, о которыхъ онъ не могъ въ это время писать иначе, какъ въ восторженныхъ выраженіяхъ. Черезъ посредство Савиньи познакомился онъ съ теоріею органическаго развитія народовъ, и она легла въ основу его научныхъ воззрѣній. Новую поддержку для положеній этой теоріи и болѣе широкую ихъ постановку нашелъ онъ внѣ своихъ спеціальныхъ историческихъ занятій, въ философіи Гегеля, къ тщательному изученію которой онъ приступилъ съ пріѣздомъ въ Берлинъ Станкевича и въ значительной мѣрѣ подъ руководствомъ послѣдняго [2]).

Ученіе Гегеля слишкомъ извѣстно, чтобы излагать его здѣсь, хотя бы въ самыхъ краткихъ чертахъ. Эта единственная по своей грандіозности философская система, однимъ необычайно широкимъ размахомъ охватившая весь міръ, представившая всю жизнь природы и всю исторію человѣчества, какъ непрерывное развитіе одного и того же вѣчнаго діалектическаго процесса, въ себѣ самомъ находящаго высшую истину и полное оправданіе, глубоко потрясла и увлекла Грановскаго, избавивъ его отъ тяжелыхъ сомнѣній и обезпечивъ ему возможность цѣльнаго міросозерцанія. Въ гегеліанской философіи онъ нашелъ и примиреніе съ жизнью на почвѣ признанія ея разумности, и смыслъ научной работы, направленной къ раскрытію этой разумности. «Міръ Божій — читаемъ мы въ одномъ берлинскомъ письмѣ Грановскаго—хорошъ и разуменъ, только на него надо смотрѣть разумными очами. А у насъ часто преглупыя очи. Хаосъ въ насъ, въ нашихъ идеяхъ, въ нашихъ понятіяхъ, а мы приписываемъ его міру. Точно какъ человѣку въ зеленыхъ очкахъ все кажется зеленымъ, хотя

---

[1]) Сочиненія Грановскаго, 3 изд., ч. II, 8, 118, 49.

[2]) Любопытно отмѣтить, какъ даже въ нѣкоторыхъ частностяхъ Грановскій слѣдовалъ толкованіямъ своего друга; ср. хотя бы объясненіе мнѣнія Гегеля о безполезности исторіи въ письмѣ Станкевича 25 іюня 1838 г. и въ рѣчи, произнесенной Грановскимъ въ 1852 г. (Переписка, 264 и Сочиненія Грановскаго, ч. I, 23—4).

этотъ цвѣтъ у него на носу только. Wer die Welt vernünftig ansieht, den sieht sie auch vernünftig an, говоритъ Гегель. И это едва-ли не величайшая истина, сказанная имъ» [1]. Идеалистическое пониманіе исторіи, какъ процесса развитія всемірнаго духа, совершающагося исключительно по законамъ, вытекающимъ изъ сущности послѣдняго, и представленіе этого процесса въ видѣ смѣны противорѣчивыхъ и затѣмъ примиряющихся въ высшемъ синтезѣ идей, воплощающихся въ отдѣльныхъ народахъ съ ихъ національнымъ духомъ, глубоко вошли въ сознаніе Грановскаго и составили основной фонъ его историческихъ воззрѣній. Если онъ на первыхъ же порахъ и могъ предъявить нѣкоторыя возраженія противъ историко-философской схемы Гегеля, то эти возраженія касались лишь отдѣльныхъ частностей схемы, явная несообразность которыхъ бросалась въ глаза,—вродѣ такого распредѣленія ролей между народами, при которомъ на долю славянскихъ національностей доставалась лишь судьба пассивнаго матеріала,—но ни мало не колебали главныхъ ея положеній. Разсматриваемая съ высоты послѣднихъ, исторія не заключала въ себѣ ничего случайнаго: событія развивались въ строго-логическомъ порядкѣ, закономѣрность котораго, исключающая возможность произвола, не подлежала никакому сомнѣнію. Но значеніе гегеліанской философіи не ограничивалось одною сферою теоретическаго мышленія: подчиняя себѣ послѣднее, она властно выходила и въ міръ практической дѣйствительности, предъявляя къ нему такія требованія, которыя, на первыхъ порахъ, по крайней мѣрѣ, близко роднили ее съ воззрѣніями представителей органической школы въ исторіи. Философія, направленная къ уясненію дѣйствительности, въ рукахъ самого Гегеля и ближайшихъ его учениковъ нерѣдко обращалась въ преклоненіе передъ нею, въ орудіе прославленія и охраны господствовавшихъ въ жизни порядковъ. Такъ, государство было признано высшимъ воплощеніемъ разума въ жизни человѣчества, своего рода земнымъ богомъ, и идеалъ государства—абсолютная философія нашла въ бюргерско-бюрократической Пруссіи Фридриха-Вильгельма III. Сводя содержаніе исторіи къ прогрессу въ сознаніи свободы, Гегель вмѣстѣ съ тѣмъ проповѣдывалъ однако, что цѣль философіи заключается не въ томъ, чтобы построить государство, какимъ оно должно быть, но въ томъ, чтобы понять государство, какъ оно есть. Благодаря этому ранѣе, чѣмъ гегеліанская философія была освобождена отъ этого конкретнаго содержанія, мало соотвѣтствовавшаго истинной ея сущности, она шла въ уровень съ общимъ реакціоннымъ духомъ эпохи, представляясь однимъ изъ средствъ для насажденія въ обществѣ консерватизма, опирающагося на якобы научную основу.

При всемъ своемъ увлеченіи Гегелемъ, Грановскій не могъ, однако, ни

[1] «Т. Н. Грановскій», 65

всецѣло уйти въ абстрактныя схемы его философіи, ни принять вполнѣ представленные ею односторонніе уроки консерватизма, начавшіе къ тому же вызывать отпоръ и среди самихъ нѣмецкихъ гегеліанцевъ. Этому мѣшали и сильно развитое въ немъ художественное чувство, и его сознательно-направленный интересъ къ современности. Онъ слишкомъ сильно чувствовалъ красоту прошлой жизни человѣчества, чтобы быть въ состояніи пожертвовать ея красками и цвѣтами голымъ научнымъ построеніямъ, и нерѣдко, начавъ работу, какъ строгій мыслитель, онъ оканчивалъ ее, какъ истинный художникъ. «Я—писалъ онъ Невѣрову изъ Берлина—прочелъ и понялъ въ подлинникѣ Тацита. Какая душа была у этого человѣка! Послѣ Шекспира мнѣ никто не далъ такого наслажденія. Я хотѣлъ было дѣлать изъ него выписки, читать, какъ историка, и не сдѣлалъ ничего, потому что читалъ его, какъ поэта. У него болѣе истинно-человѣческой грустной поэзіи, нежели у всѣхъ римскихъ поэтовъ вмѣстѣ. У него мало любви, но за то какая благородная ненависть, какое прекрасное презрѣніе» [1]). Въ Берлинѣ Грановскій встрѣтился, между прочимъ, съ супружеской четой Фроловыхъ, скоро и близко сдружился съ ними и впослѣдствіи заявлялъ, что ничье вліяніе не было для него такъ благотворно, какъ ихъ. По словамъ же пріятеля Грановскаго, вмѣстѣ съ нимъ жившаго въ Берлинѣ, Я. М. Невѣрова, вліяніе Е. П. Фроловой, высоко образованной и развитой женщины, сказалось въ томъ, что «она заставила Грановскаго вглядываться въ современное общество, сочувствовать его интересамъ и оживила его взглядъ какъ на минувшую жизнь человѣчества, такъ и на настоящее его стремленіе» [2]). Болѣе близкое знакомство съ тогдашней европейской жизнью не могло не подорвать вѣры въ полное совершенство существующихъ отношеній, и этотъ практическій комментарій къ отвлеченной теоріи долженъ былъ благотворно подѣйствовать на Грановскаго. Наконецъ, вліяніе нѣмецкихъ историковъ и философовъ только заслонило собою, но не заглушило окончательно болѣе раннихъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ изученія французскихъ историческихъ писателей. Темою своей магистерской диссертаціи онъ выбиралъ въ это время вопросъ объ образованіи и упадкѣ народныхъ общинъ въ средніе вѣка, бывшій предметомъ изученія Гизо и Тьерри. Слѣдовъ того же вліянія нельзя не видѣть и въ общемъ опредѣленіи, какое придавалъ Грановскій исторіи. «Меня—писалъ онъ—почти исключительно занимаетъ развитіе политической формы и учрежденій. Это одностороннее направленіе, но я не могу изъ него вырваться». Съ этой точки зрѣнія онъ не придавалъ большого значенія средневѣковой исторіи славянства, хотя тепло относился къ вождямъ пробуждавшагося славянскаго движенія и умѣлъ

[1]) Русская Старина, 1880, № 4, 746.
[2]) «Т. Н. Грановскій», с. 76; Русск. Старина, 1880, № 4, с. 754

за его крайностями отличать и законныя его стремленія. Въ прошлой жизни славянскихъ народовъ онъ не находилъ главнаго, что его привлекало,— политическаго интереса. «Литературы—писалъ онъ—нѣтъ ни у чеховъ, ни у сербовъ; историческихъ источниковъ также. Все это истреблено, а новое только im Werden». «Я не могу—говорилъ онъ другой разъ—согласиться, что славяне не менѣе нѣмцевъ участвовали во всемірной исторіи. Мнѣ кажется, что намъ принадлежитъ будущее, а отъ прошедшаго мы должны отказаться въ пользу другихъ. Мы не въ убыткѣ при этомъ раздѣлѣ». Живую симпатію вызывала за то въ немъ испанская исторія, разсматриваемая съ той же самой точки зрѣнія. «Чудный народъ!—восклицалъ онъ.—Они понимали конституціонныя формы тогда, когда объ этомъ нигдѣ не имѣли понятія. Въ 1305 г. испанскіе кортесы опредѣлили, чтобы во время ихъ засѣданій королевское войско оставляло городъ, иначе голоса не свободны. Такихъ законовъ у нихъ было много. Теперешняя Европа еще борется за то, что у нихъ тогда уже было» [1]. Закрѣпившись на почвѣ научныхъ занятій, общественное настроеніе Грановскаго одинаково распространялось на явленія прошлаго и факты современности. Жизнь и наука вообще не раздѣлялись у него какой-либо трудно переходимой чертой: исторія прошедшаго времени должна была въ его пониманіи служить цѣлямъ объясненія настоящаго и, встрѣчая въ современной дѣйствительности то или иное поражавшее его явленіе, онъ отъ души восклицалъ: «только дай Богъ до каѳедры добраться»! Естественно, это же настроеніе охватывало и сферы русской общественной жизни. Человѣкъ исключительно духовнаго убѣжденія, сознательный и послѣдовательный прогрессистъ—такъ опредѣлился Грановскій въ своихъ отношеніяхъ къ ней уже въ эту пору. Встрѣтивъ въ одномъ изъ вѣнскихъ салоновъ какую-то русскую аристократку, увѣрявшую собравшееся общество, что русскіе крѣпостные крестьяне очень счастливы и не чувствуютъ никакого желанія измѣнить свою участь, онъ не могъ удержаться отъ горячихъ возраженій. И протестъ противъ крѣпостного права не ограничивался у него одними словами. Ожидая продажи отцовскаго имѣнія за долги, онъ просилъ сестеръ, чтобы онѣ во всякомъ случаѣ спасли отъ продажи его няню и слугъ, хотя бы за это пришлось расплатиться всѣмъ оставшимся имуществомъ. Для обрисовки терпимости Грановскаго къ чужимъ убѣжденіямъ характеренъ передаваемый въ воспоминаніяхъ Невѣрова эпизодъ столкновенія проживавшихъ въ Берлинѣ русскихъ съ поляками, разрѣшившійся примиреніемъ, благодаря благородной гуманности Грановскаго, съумѣвшаго проявить уваженіе къ чужимъ національнымъ правамъ, не отказываясь отъ своихъ [2]. По мѣрѣ того, какъ выяснялись окончательно

---

[1]) Русск. Старина, 1880, № 4, 761; «Т. Н. Грановскій», 81.
[2]) «Т. Н. Грановскій», 87, 94; Р. Старина, 1889, № 4, 749—50.

взгляды Грановскаго и накоплялись у него знанія, его начинало все сильнѣе тянуть на родину, къ живому общественному дѣлу, какое онъ усматривалъ для себя въ профессорствѣ. Сухая и одинокая кабинетная работа была не по немъ. Ему нужно было дѣлиться съ другими результатами своихъ трудовъ, переводить мысль немедленно въ живое слово и видѣть вызванное имъ впечатлѣніе. «Мнѣ надоѣло бездѣйствіе, — писалъ онъ въ концѣ своего пребыванія въ Берлинѣ.—Положимъ, что я не теряю времени здѣсь, что свѣдѣнія мои увеличиваются съ каждымъ днемъ, но работать только для себя скучно, мнѣ нужна живая дѣятельность». Планъ и значеніе этой дѣятельности уже вырисовывались передъ нимъ, увѣренность въ своихъ силахъ явилась вмѣстѣ съ опредѣленностью взглядовъ. «Мнѣ кажется, что я могу дѣйствовать при настоящихъ моихъ силахъ и дѣйствовать именно словомъ,—писалъ онъ друзьямъ.—Что такое даръ слова? краснорѣчіе? У меня есть оно, потому что у меня есть теплая душа и убѣжденія. Я увѣренъ, что меня будутъ слушать студенты. У меня еще нѣтъ свѣдѣній, нужныхъ для историка въ настоящемъ смыслѣ; я еще не знаю исторіи, но мнѣ кажется, что понимаю и чувствую ее» [1]). Такимъ образомъ онъ нашелъ, наконецъ, свое истинное призваніе, настоящую свою дорогу въ жизни: избранная наука явилась для него не средствомъ личнаго существованія, не интереснымъ занятіемъ, удовлетворяющимъ личные вкусы, а поприщемъ для служенія важнѣйшимъ интересамъ родного общества и народа.

Пребываніе въ Берлинѣ закончило собою для Грановскаго подготовительный періодъ его жизни и оно же наиболѣе содѣйствовало выясненію и упроченію главныхъ особенностей его духовной личности, вполнѣ опредѣленно сложившейся ко времени его пріѣзда въ Москву. Мы не хотимъ сказать этимъ, чтобы его взгляды въ данную пору вылились въ настолько прочную и окаменѣлую систему, что не были способны къ дальнѣйшему развитію и не допускали возможности какихъ-либо измѣненій. Основныя его воззрѣнія, дѣйствительно, остались неизмѣнными, но отдѣльные и очень существенные взгляды подвергались весьма сильнымъ подчасъ видоизмѣненіямъ, о которыхъ намъ придется еще говорить. И эти видоизмѣненія являлись результатомъ не только работы отвлеченной мысли, но и окружавшей ученаго обстановки, вызывались попытками отвѣта на запросы, предъявлявшіеся къ нему общественною жизнью, съ которой онъ вошелъ теперь въ постоянное и тѣсное соприкосновеніе. Насколько тихо и спокойно было теченіе предъидущей жизни Грановскаго, сперва въ Петербургѣ, потомъ за границей, настолько же его московская жизнь, оставаясь по внѣшности довольно однообразной, была богата постояннымъ внутреннимъ движеніемъ. Благодаря

---

[1]) «Т. Н. Грановскій», 92, 86.

своему положенію профессора и знакомству со Станкевичемъ, онъ въ Москвѣ сразу очутился въ центрѣ тогдашняго общественнаго движенія, среди начинавшей уже разгораться борьбы литературныхъ партій, по оригинальнымъ условіямъ русской жизни разыгрывавшейся едва-ли не болѣе и во всякомъ случаѣ откровеннѣе въ частныхъ домахъ, нежели въ литературныхъ органахъ, но не терявшей отъ этого своего серьезнаго значенія. Крупный талантъ Грановскаго, его серьезное знакомство съ пріемами и результатами новѣйшей европейской науки, широта его воззрѣній, свободныхъ отъ рабскаго преклоненія передъ узко-понятой системой и подкрѣплявшихся опредѣленнымъ политическимъ настроеніемъ, обезпечивали ему почетное мѣсто въ этой борьбѣ. Въ свою очередь она яснѣе выставила передъ нимъ противорѣчія, заключавшіяся въ тѣхъ элементахъ, изъ которыхъ слагалось его міросозерцаніе, и побудила подвергнуть пересмотру многое изъ того, что было уже имъ признано за несомнѣнно вѣрное. Лишь путемъ дѣятельнаго и безостановочнаго участія въ общественномъ движеніи, совершавшемся вокругъ него, путемъ столкновеній то съ принципіальными противниками, то съ близкими по убѣжденіямъ друзьями, окончательно опредѣлились взгляды Грановскаго.

Это общественное движеніе обнаруживало уже естественное тяготѣніе къ университету, хотя совершалось не въ его стѣнахъ. Московскій университетъ къ этой порѣ только что начиналъ еще выходить изъ «архаическаго періода» своего существованія, какъ выразился о предъидущей его эпохѣ А. Н. Пыпинъ [1]). Въ немъ еще не перевелись профессора, видѣвшіе свою обязанность въ томъ, чтобы «только исправно ходить въ аудиторію и читать какія-нибудь лекціи», наивно добродушно сознававшіе свое невѣжество и какъ нельзя болѣе серьезно удивлявшіеся, когда студенты начинали ихъ слушать, или же пытавшіеся прикрыть отсутствіе знаній пустымъ самохвальствомъ, никого не обманывавшимъ. Еще свѣжи были въ университетскихъ стѣнахъ преданія, какъ на лекціяхъ одного такого профессора забавлялись насвистываніемъ танцевъ, какъ другого на вечерней лекціи встрѣчали хоромъ: «се женихъ грядетъ во полунощи», какъ въ аудиторіи третьяго выпускали воробья. Почти въ серединѣ тридцатыхъ годовъ разыгралась пресловутая исторія профессора Малова, выгнаннаго студентами изъ аудиторіи. При открытомъ выраженіи со стороны высшаго начальства университета мнѣнія, что профессоръ прежде всего долженъ быть «хорошимъ во всѣхъ случаяхъ орудіемъ правительства» [2]), даже болѣе умные и серьезные изъ профессоровъ стараго поколѣнія, особенно такіе, которымъ

[1]) Бѣлинскій, его жизнь и переписка, ч. 1, 61.

[2]) Слова товарища министра нар. просв., С. С. Уварова, въ 1832 г. въ его отзывѣ о московскомъ университетѣ. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, IV, с. 79.

приходилось читать болѣе отвѣтственные съ этой точки зрѣнія предметы, нерѣдко сводили свои лекціи на остроты и балагурство. Такъ, Василевскій вмѣсто лекцій по международному праву разсказывалъ анекдоты изъ древней исторіи, или Сандуновъ замѣнялъ критическій разборъ русскихъ законовъ устраиваемыми въ аудиторіи примѣрными образцами суда, подбирая засѣдателей изъ студентовъ-заикъ. Въ самыхъ отношеніяхъ между профессорами и студентами еще не исчезла грубоватая патріархальность нравовъ, позволявшая профессору видѣть въ своемъ слушателѣ не то ученика, не то подчиненнаго: въ устахъ многихъ профессоровъ угрозы не только исключеніемъ изъ университета, но и отдачей въ солдаты были довольно обыкновеннымъ средствомъ для возстановленія нарушенной въ чемъ-либо дисциплины [1]). Съ университетской каѳедры, правда, поставленной въ тяжелыя условія вслѣдствіе павшаго на нее подозрѣнія въ неблагонадежности, рѣдко раздавалось живое слово, еще рѣже высказывались взгляды, которые дѣйствительно стояли бы на высотѣ современной науки, и лишь временами и поодиночкѣ на ней появлялись люди, способные зажечь «священный огонь» въ душѣ молодежи, дать толчокъ къ сознательной критической работѣ мысли. Одно время такую роль игралъ М. Т. Каченовскій, извѣстный какъ основатель скептической школы въ русской исторіографіи. Его возраженія противъ Карамзинскаго изображенія русской исторіи, ставшаго или, вѣрнѣе, бывшаго и въ самый моментъ своего появленія вмѣстѣ и изображеніемъ казеннымъ, нашли себѣ живой отголосокъ въ умахъ молодыхъ слушателей; мысли его о недостовѣрности древней русской исторіи, основанной на сомнительныхъ источникахъ, совпали съ нарождавшимися образованіями болѣе научнаго построенія исторіи и на первыхъ порахъ вызвали значительный энтузіазмъ. Но Каченовскій, не обладавшій серьезнымъ общимъ образованіемъ, бывшій лишь дѣльнымъ спеціалистомъ-самоучкой, усвоилъ себѣ въ сущности лишь одни внѣшніе пріемы новой исторической науки, оставшись чуждымъ ея духу. Онъ остановился на формальной критикѣ источниковъ, самыя основанія которой были къ тому же выбраны имъ неудачно, и не пошелъ далѣе. Молодое поколѣніе скоро обогнало его и, продолжая относиться къ нему съ почтительнымъ уваженіемъ, усиливавшимся еще тѣмъ обстоятельствомъ, что отрицательные взгляды Каченовскаго навлекли на него своего рода опалу, выразившуюся въ перемѣщеніи его на каѳедру славянскихъ нарѣчій, не видѣло въ немъ болѣе своего учителя. Къ концу же тридцатыхъ годовъ онъ уже такъ одряхлѣлъ, что, по разсказу Ю. Ѳ. Самарина, «не былъ въ состояніи прочесть о чемъ бы то ни было лекціи

[1]) См. въ упомянутомъ трудѣ г. Пыпина пересказъ нѣкоторыхъ подобныхъ эпизодовъ, I, 46, 61—5; ср. также любопытныя воспоминанія Костенецкаго о московскомъ университетѣ конца 20-хъ и начала 30-хъ годовъ Р. Архивъ, 1887 г.

для слушателей своихъ; онъ читалъ про себя, надъ развернутою книгою, горячо спорилъ съ авторомъ ея, бранилъ его, улыбался ему; но о чемъ трактовала книга, что нравилось или не нравилось профессору, все это для насъ оставалось тайною. Подъ конецъ дѣло дошло до того, что вмѣсто пятидесяти человѣкъ у него обыкновенно бывало на лекціи отъ десяти до пятнадцати, и тѣ занимались своимъ дѣломъ» [1]). Болѣе прочною была популярность двухъ другихъ профессоровъ, принадлежавшихъ къ двумъ различнымъ факультетамъ, но строившихъ свое преподаваніе на основѣ одной общей системы. Археологъ и словесникъ Надеждинъ и физикъ Павловъ равно являлись проводниками въ среду университетской молодежи философскаго ученія Шеллинга. Изъ нихъ Надеждинъ, человѣкъ весьма начитанный и блестящій лекторъ, не обладалъ въ сущности строгимъ философскимъ образованіемъ и не вполнѣ даже усвоилъ то ученіе, адептомъ котораго являлся, но во всякомъ случаѣ онъ своими лекціями, въ которыхъ прилагалъ нѣкоторыя идеи шеллингіанства къ теоріи искусства, сообщалъ сильный толчокъ умамъ слушателей, знакомя ихъ хотя отчасти съ нѣмецкою идеалистической философіей, и въ этомъ смыслѣ онъ былъ едва-ли не самымъ виднымъ преподавателемъ своего факультета. Не менѣе, если еще не болѣе сильное впечатлѣніе вызывали въ университетѣ лекціи Павлова, который своимъ яснымъ изложеніемъ натурфилософскихъ воззрѣній Шеллинговой школы останавливалъ вниманіе студентовъ на общихъ вопросахъ науки и вводилъ ихъ въ кругъ философскихъ понятій. Не совсѣмъ чужды были увлеченія шеллингіанствомъ и позже вступившіе въ университетъ въ качествѣ преподавателей Погодинъ и Шевыревъ, на первыхъ порахъ тоже вызвавшіе было къ себѣ сочувствіе студентовъ [2]). Это сочувствіе впрочемъ, скоро охладѣло, и не по винѣ студенческой аудиторіи. Оба названные ученые не отличались большою самостоятельностью въ сферѣ общихъ идей науки: примыкая къ русскимъ послѣдователямъ ученія Шеллинга, они и его поняли лишь довольно поверхностнымъ образомъ, удовольствовавшись заимствованіемъ его терминологіи да нѣкоторыхъ наскоро схваченныхъ и мало продуманныхъ выводовъ. Въ особенности приходится сказать это о Погодинѣ, бывшемъ непосредственнымъ предшественникомъ Грановскаго въ университетѣ, такъ какъ онъ не только получилъ каѳедру русской исторіи послѣ удаленія съ нея Каченовскаго, но и читалъ

[1]) Русь, 1880, № 1, 19.

[2]) См. о первыхъ курсахъ Погодина отзывъ Костенецкаго, который даже дивился ихъ смѣлости. Р. Архивъ, 1887, I, 242. Станкевичъ послѣ первой лекціи Шевырева писалъ: «онъ обѣщаетъ много для нашего университета съ своею добросовѣстностью, своими свѣдѣніями, умомъ и любовью къ наукѣ», но уже черезъ полгода онъ сознавался, что эти ожиданія обмануты. Переписка Станкевича, 81 и 133, 135.

нѣсколько лѣтъ курсъ всеобщей исторіи. Сознавая уже необходимость строго-научнаго построенія исторіи, но, не располагая ни серьезной обще-образовательной подготовкой, ни широкимъ и свѣтлымъ умомъ теоретика, ни пламеннымъ энтузіазмомъ къ наукѣ, который позволилъ бы ему всецѣло отдаться ей, онъ почерпалъ свои воззрѣнія наполовину изъ старыхъ взглядовъ карамзинскаго пошиба, несостоятельность которыхъ онъ самъ уже чувствовалъ, наполовину изъ ходячихъ идей шеллингіанства, знакомаго ему больше по наслышкѣ, и въ результатѣ получалось нѣчто весьма топорное и неудобоваримое. Его довольно богатыя фактическія свѣдѣнія, давшія ему возможность, особенно въ области древней русской исторіи, придти къ нѣкоторымъ вѣрнымъ частнымъ выводамъ, въ цѣломъ слагались въ крайне уродливую систему, послѣдній выводъ которой, добывавшійся путемъ самыхъ произвольныхъ пріемовъ и самыхъ грубыхъ аналогій, сводился къ тому, что въ основѣ исторіи лежитъ чудесный и ничѣмъ съ научной точки зрѣнія необъяснимый произволъ [1]). Безплодность научнаго изслѣдованія, обращающагося въ восторженный или, вѣрнѣе, напыщенный хвалебный гимнъ невѣдомой силѣ, скоро оцѣнили студенты, да временами, кажется, понималъ ее и самъ профессоръ. Начиная въ 1832 г. курсъ по русской исторіи Погодинъ писалъ: «хочется пройти русскую исторію въ родѣ Гизо». Когда же ему поручено было читать и всеобщую исторію, онъ пришелъ въ полный восторгъ. «Я подамъ руку— записывалъ онъ въ своемъ дневникѣ—Шлецеру, Гердеру, Вико. Читалъ Шлегеля. Мысли высѣкаются у меня о всякую страницу и, если я не произведу реформаціи въ исторіи, то открою многіе виды». Но прошло около четырехъ лѣтъ и это наивно-самодовольное увлеченіе уступило мѣсто сознанію горькой истины. «Нѣтъ,—пишетъ теперь Погодинъ—лекціи не мое дѣло, какъ мало я приготовленъ къ профессорству исторіи... Но когда мнѣ! Я все печаталъ... Нѣтъ, на лекціяхъ моихъ есть польза, кто хочетъ слушать, но скука слушать» [2]). «Польза», дѣйствительно, была для немногихъ спеціалистовъ, которымъ Погодинъ могъ сообщить цѣнныя частныя свѣдѣнія по русской исторіи, хотя и это онъ дѣлалъ не особенно часто, за то «скука» была общею для спеціалистовъ и не-спеціалистовъ, рѣшительно господствуя на лекціяхъ. Даже русскую исторію Погодинъ читалъ, придерживаясь Карамзина, что же касается курса всеобщей исторіи, то въ немъ онъ прямо ставилъ своей цѣлью «представлять на лекціяхъ полныя извлеченія изъ классическихъ сочиненій» [3]) и, дѣйстви-

---

[1]) Мѣткая и яркая, хотя сжатая, характеристика Погодина, какъ историка, дана П. Н. Милюковымъ въ его книгѣ: «Главныя теченія русской исторической мысли XVIII и XIX столѣтія».

[2]) Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, IV, 60, 172, 348. О характерѣ Погодинскихъ лекцій см. разсказъ С. М. Соловьева въ его воспоминаніяхъ, Р. Вѣстникъ, 1896, № 2.

[3]) Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, IV, 138.

тельно, читалъ древнюю исторію прямо по Герену; когда же онъ отступалъ отъ этого источника, студентамъ приходилось жалѣть объ этихъ отступленіяхъ. Работа самихъ студентовъ по всеобщей исторіи подъ его руководствомъ сводилась къ переводамъ иностранныхъ сочиненій и, еще чаще, рецензій на нихъ. Иногда эти переводы принимали комичный характеръ. Когда посѣтившій Москву министръ Уваровъ на лекціи Погодина похвалилъ «Исторію среднихъ вѣковъ» Демишеля, Погодинъ, чтобы почтить министра, устроилъ «обыденный», т. е. однодневный, переводъ этой книги, какъ нѣкогда на Руси строили «обыденныя» церкви ради спасенія отъ мора: онъ роздалъ книгу Демишеля переводить по частямъ тридцати пяти студентамъ и на другой день поднесъ Уварову готовый переводъ. Уваровъ вообще благоволилъ къ Погодину, не только въ силу подобныхъ подношеній, къ которымъ онъ былъ, впрочемъ, очень чувствителенъ, но и потому еще, главнымъ образомъ, что въ лицѣ Погодина онъ нашелъ добровольнаго и вѣрнаго защитника своихъ правительственныхъ взглядовъ, въ которыхъ самъ онъ являлся лишь истолкователемъ пресловутой системы «оффиціальной народности». Начавъ съ «филантропическихъ и космополитическихъ мечтаній», къ которымъ, впрочемъ, всегда примѣшивалась немалая доля наивнаго квасного патріотизма, Погодинъ очень скоро однако разстался съ либеральнымъ настроеніемъ и отъ утвержденій, что русскій народъ «удивителенъ только еще въ возможности, въ дѣйствительности же низокъ, ужасенъ и скотенъ», перешелъ къ необузданнымъ панегирикамъ національнымъ особенностямъ русскаго народа и русскимъ порядкамъ. Вмѣстѣ съ своимъ другомъ Шевыревымъ, прошедшимъ чрезъ подобную же эволюцію, онъ взялъ на себя при помощи того немногаго, что было имъ усвоено изъ нѣмецкой философіи, защиту основъ русскаго быта, какъ онѣ были провозглашены Уваровымъ. Извѣстно, что консерватизмъ его формулы на практикѣ распространялся гораздо дальше поддержанія лишь включенныхъ въ нее общихъ понятій самодержавія, православія и народности. Въ частности самъ Уваровъ въ отдѣльныхъ своихъ распоряженіяхъ вводилъ въ нее, въ качествѣ равноправнаго съ другими догмата, и крѣпостное право. «Политическая религія — говорилъ онъ въ Москвѣ издателю «Земледѣльческаго Журнала», Двигубскому,—имѣетъ свои догматы неприкосновенные, подобно христіанской религіи; у насъ они—самодержавіе и крѣпостное право;—зачѣмъ ихъ касаться, когда они къ счастію Россіи утверждены сильною рукою» [1]. Основанный Погодинымъ въ 1841 г. журналъ «Москвитянинъ», не нося на себѣ прямого клейма оффиціальности, сдѣлался тѣмъ не менѣе литературнымъ органомъ московскаго консерватизма, отличавшагося отъ петербургскаго консерватизма Булгарина и Греча своею меньшею гибкостью и боль-

---

[1]) Тамже, 98.

шею убѣжденностью, выражавшеюся въ неопредѣленныхъ мессіанистическихъ идеяхъ его главныхъ сотрудниковъ. Развивая свою программу, Погодинъ и Шевыревъ пользовались при этомъ пріемами нѣмецкой учености. Само собою разумѣется, что послѣдняя вообще, и въ частности шеллингіанство, съ которымъ редакторы «Москвитянина» старались сохранить связи, играли здѣсь уже чисто пассивную роль и порою даже должны были выносить довольно насильственныя операціи.

Но и вообще университетское шеллингіанство не представляло собою особенно прогрессивнаго факта. Конечно, можно сказать, что послѣ наивнаго мистицизма, господствовавшаго въ широкихъ слояхъ русскаго общества конца XVIII и начала XIX столѣтій, и послѣ непродолжительнаго, впрочемъ, увлеченія французскимъ эклектизмомъ, даже переходъ къ философскому мистицизму Шеллинга, къ его непосредственному созерцанію абсолюта, раскрывавшагося посредствомъ философіи тожества, которая, по ѣдкому выраженію Гегеля, «выдавала абсолютное за ночную темноту, въ которой всѣ кошки сѣры», являлся шагомъ впередъ въ области теоретической мысли. Но наиболѣе крупные послѣдователи ученія Шеллинга, съумѣвшіе болѣе самостоятельно отнестись къ его системѣ и вмѣстѣ нашедшіе для его идей нѣкоторое практическое приложеніе въ русской общественной жизни, во всякомъ случаѣ болѣе достойное самого ученія, чѣмъ то, какое сдѣлали изъ нихъ Погодинъ и его ближайшіе друзья, эти послѣдователи стояли внѣ стѣнъ университета. Таковъ былъ прежде всего И. В. Кирѣевскій, первый теоретикъ и вождь славянофильства, воспитавшій свои взгляды на изученіи европейской романтической литературы и Шеллинговой философіи; хотя позднѣе онъ и познакомился съ Гегелемъ и даже слушалъ въ 1830 г. его лекціи въ берлинскомъ университетѣ, но онѣ не оказали на него глубокаго вліянія и онъ воспринялъ изъ нихъ лишь нѣкоторые внѣшніе пріемы гегелевской діалектики. Рядомъ съ Кирѣевскимъ, примыкая ко всѣмъ его основнымъ идеямъ, стоялъ А. С. Хомяковъ, помогая ему строить самостоятельную систему воззрѣній въ духѣ романтической народности на почвѣ философіи, противополагавшей, въ качествѣ истинныхъ источниковъ познанія, фантазію и непосредственное чувство разсудку. Корни славянофильства, этой особой формы русскаго романтизма, лишь наполовину лежали, однако, въ европейской философіи, наполовину же они принадлежали реальнымъ условіямъ русской жизни. Въ началѣ XIX столѣтія русское общество пережило быстро слѣдовавшіе одинъ за другимъ періоды либерализма и консервативной реакціи. Та часть передовыхъ людей общества, которая, будучи застигнута понятнымъ движеніемъ, не захотѣла принять въ немъ участія и попыталась ему противодѣйствовать, была имъ раздавлена, и тяжелый ударъ 1825 года, казалось, положилъ конецъ общественному движенію въ Россіи. Въ обществѣ, въ которомъ элементы самостоятельной крити-

ческой мысли были вообще развиты еще очень слабо, это крушеніе либерализма повлекло за собою быстрое разочарованіе въ самыхъ его основахъ. Теоріи, провозглашавшія главенство разума и одинаковость человѣческой природы, съ необыкновенною быстротою были вытѣснены изъ обращенія возродившимся національнымъ и религіознымъ чувствомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ стремленія къ политическимъ преобразованіямъ уступили мѣсто философскимъ увлеченіямъ, основаннымъ на примиреніи съ условіями дѣйствительности, смягчавшемся лишь надеждой внести въ нихъ нѣкоторыя измѣненія при помощи личнаго усовершенствованія. Встрѣча этого русскаго теченія съ европейскимъ романтизмомъ и нѣмецкою метафизикой и породила московское славянофильство. Двадцати одного года отъ роду, Кирѣевскій уже обзывалъ либерализмъ «глупымъ», разсчитывая замѣнить его «уваженіемъ законовъ», и собирался «возвратить права истинной религіи». Нѣсколько лѣтъ спустя онъ выступилъ съ пропагандою идей, составившихъ остовъ славянофильства. Провозглашая коренную противоположность въ ходѣ развитія Западной Европы и Россіи, онъ видѣлъ сущность ея въ томъ, что на Западѣ развитіе совершалось односторонне, силами одного лишь разума, въ концѣ концовъ пришедшаго къ сознанію своего безсилія, тогда какъ въ Россіи развитіе народа никогда не отрывалось отъ почвы религіознаго чувства и поэтому было вполнѣ цѣльно. Возможность частныхъ заимствованій съ Запада не отрицалась при этомъ воззрѣніи, но западная цивилизація въ ея цѣломъ объявлялась непригодною для Россіи; послѣдней предстояло на почвѣ древняго православія выработать свою цивилизацію, которая должна была обновить и самый Западъ. Провозглашая такую программу, Кирѣевскій далеко не становился однако въ ряды безусловныхъ сторонниковъ господствовавшихъ порядковъ, и представители послѣднихъ не совсѣмъ ошибались, увидѣвъ въ немъ, при самомъ началѣ его литературнаго поприща, своего врага, хотя со свойственною имъ боязливостью и преувеличили степень его опасности [1]). Археологическая одежда, въ какую наряжалось славянофильство, подобно тѣмъ мурмолкамъ, въ которыхъ щеголяли позднѣе нѣкоторые славянофилы, лишь по покрою своему принадлежала русской старинѣ, матеріалъ же ея былъ новѣйшаго происхожденія. Понятія, вносившіяся славянофильствомъ въ свою программу, не были простою идеализацией суще-

[1]) Начатый Кирѣевскимъ въ 1832 г. журналъ «Европеецъ», былъ какъ извѣстно, запрещенъ послѣ второй же книжки за статью самого издателя: «XIX вѣкъ», причемъ въ сообщавшемъ это запрещеніе документѣ говорилось, «что сочинитель, разсуждая будто бы о литературѣ, разумѣетъ совсѣмъ иное, что подъ словомъ просвѣщеніе онъ понимаетъ свободу, что дѣятельность разума означаетъ у него революцію, а искусно отысканная средина не что иное, какъ конституція». Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, V, 8.

ствовавшихъ въ жизни фактовъ: взятыя изъ жизни лишь въ наиболѣе общей своей формѣ и переработанныя при помощи нѣмецкой философіи, они возвращались обратно въ жизнь настолько видоизмѣненными, настолько отличающимися отъ нея, что самое появленіе ихъ неизбѣжно возбуждало работу критической мысли и яснѣе вскрывало неудовлетворенность нравственнаго чувства въ дѣйствительности. Печать квіетизма не лежала поэтому необходимо на данной программѣ и въ рукахъ другихъ, болѣе энергичныхъ и страстныхъ по натурѣ людей, чѣмъ Кирѣевскій и Хомяковъ, она могла даже принять характеръ боевой. Не менѣе серьезную сторону славянофильства составляла и та особенность этого направленія, что оно впервые у насъ отдѣлило начало народности отъ облекавшихъ его рамокъ государственности и стало придавать ему самостоятельное значеніе. Но эти частныя заслуги славянофильства, при всей ихъ важности, не могли возмѣстить основной ошибки его вождей, поставившихъ исходной точкой своей дѣятельности указанія чувства въ противоположность требованіямъ разсудка.

Философскія вѣянія, проникавшія въ русское общество, скоро вызвали однако и иное направленіе, болѣе свѣжее, хотя на первыхъ порахъ и болѣе абстрактное, а одно время даже и болѣе консервативное. Въ серединѣ тридцатыхъ годовъ на скамьяхъ московскаго университета около Станкевича составился кружокъ студентовъ, подъ вліяніемъ лекцій профессоровъ-шеллингистовъ приступившій къ самостоятельному изученію Шеллинга и быстро перегнавшій своихъ учителей. Еще до отъѣзда Станкевича за границу кружокъ перешелъ отъ Шеллинга къ Гегелю, и эти занятія не только не прекратились съ отъѣздомъ первоначальнаго главы кружка, но пріобрѣли еще, особенно благодаря незадолго до того вступившему въ него Бакунину, крайне напряженный характеръ, такъ неподражаемо-ярко изображенный авторомъ «Былого и Думъ». «Нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ логики Гегеля, въ двухъ эстетики, энциклопедіи и пр., который бы не былъ взятъ отчаянными спорами нѣсколькихъ ночей. Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіи «перехватывающаго духа», принимали за обиды мнѣнія объ «абсолютной личности и ея по-себѣ бытіи». Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ въ нѣсколько дней». Въ этой замѣнѣ одной метафизической системы другою скрывался серьезный смыслъ, такъ какъ она знаменовала возстановленіе правъ разума, но на первыхъ порахъ она происходила съ такимъ наивнымъ увлеченіемъ, что принимала подчасъ прямо комичныя формы. Жизнь какъ бы утрачивала свое самостоятельное значеніе и обращалась исключительно въ предметъ для философіи. «Все въ самомъ дѣлѣ непосредственное,—говоритъ Герценъ,—всякое простое чувство было возводимо въ отвлеченныя катего-

ріи и возвращалось оттуда безъ капли живой крови, блѣдной, алгебраической тѣнью. Во всемъ этомъ была своего рода наивность, потому что все это было совершенно искренно. Человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобы отдаваться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ; и если ему попадался по дорогѣ какой-нибудь солдатъ или баба, вступавшая въ разговоръ, то философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народную въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи. Самая слеза, навертывавшаяся на вѣкахъ, была строго отнесена къ своему порядку, къ «гемюту» или къ трагическому въ сердцѣ». Когда въ область этихъ метафизическихъ абстракцій, вслѣдъ за явленіями личной жизни и искусства, были включены и вопросы жизни общественной, кружокъ, при Станкевичѣ державшійся на почвѣ умѣреннаго либерализма, быстро перешелъ къ рѣзко-противоположному настроенію. Бакунинъ вполнѣ усвоилъ себѣ то консервативное толкованіе ученія Гегеля, какое было придано ему самимъ его авторомъ, и настойчиво проповѣдывалъ его друзьямъ. «Счастіе не въ призракѣ, -писалъ онъ въ предисловіи къ печатавшимся въ «Московскомъ Наблюдателѣ» въ 1838 г. «Гимназическимъ рѣчамъ» Гегеля—не въ отвлеченномъ снѣ, а въ живой дѣйствительности, возставать противъ дѣйствительности и убивать въ себѣ всякій источникъ жизни — одно и то же; примиреніе съ дѣйствительностью, во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ сферахъ жизни, есть великая задача нашего времени, и Гегель и Гете—главы этого примиренія, этого возвращенія отъ смерти къ жизни... Будемъ надѣяться, что новое поколѣніе сроднится, наконецъ, съ нашею прекрасною русскою дѣйствительностью и что, оставивъ всѣ пустыя претензіи на геніальность, оно ощутитъ, наконецъ, въ себѣ законную потребность быть дѣйствительными русскими людьми». Изъ бывшаго круга Станкевича еще Бѣлинскій пытался временами сбросить съ себя это навязываемое ему возрѣніе о полной разумности не всей дѣйствительности (ибо въ такомъ истолкованіи Гегелевская фраза становилась тавтологіей), а господствовавшихъ въ ней порядковъ, но, не успѣвая вырваться изъ желѣзныхъ тисковъ Бакунинской діалектики, тѣмъ страстнѣе и безпощаднѣе доводилъ данное возрѣніе до послѣднихъ логическихъ выводовъ изъ него и дописывался, въ письмахъ и въ печати, до такихъ положеній, которыя заставляли блѣднѣть даже нѣкоторыхъ изъ его друзей. «Слово дѣйствительность — писалъ онъ,- сдѣлалось для меня разнозначительно слову Богъ». «Я гляжу на дѣйствительность, столь презираемую прежде мною, и трепещу таинственнымъ восторгомъ, сознавая ея разумность, видя, что изъ нея нельзя ничего выкинуть и въ ней ничего нельзя похулить и отвергнуть». Проповѣдь знанія и личнаго совершенствованія—вотъ что единственно занимало теперь Бѣлинскаго. «Къ чорту политика, да здравствуетъ наука!»—восклицалъ онъ и сообщалъ друзьямъ такіе рецепты: «политика у насъ въ Россіи не имѣетъ

смысла и ею могутъ заниматься только пустыя головы. Люби добро и тогда ты будешь необходимо полезенъ своему отечеству, не думая и не стараясь быть ему полезнымъ. Еслибы каждый изъ индивидовъ, составляющихъ Россію, путемъ любви дошелъ до совершенства,—тогда Россія безъ всякой политики сдѣлалась бы счастливѣйшею страною въ мірѣ» [1]). Итакъ, воздѣйствіе на жизнь чрезъ посредство и въ духѣ религіознаго чувства и примиреніе съ дѣйствительностью при помощи науки—таковы были полюсы, между которыми колебалась мысль московскихъ философскихъ кружковъ данной поры.

Параллельно съ этими философскими увлеченіями, приводившими къ большему или меньшему общественному консерватизму, въ жизни московской университетской молодежи за 30-е годы шло, впрочемъ, и другое, не столь замѣтное, но не менѣе серьезное по своему смыслу теченіе, имѣвшее болѣе практическій характеръ. Время отъ времени въ ея средѣ дѣлались попытки возстановить порванную въ 1825 г. нить либеральнаго общественнаго движенія. Такой попыткой явился въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ т. н. Сунгуровскій кружокъ, быстро погибшій [2]), такою же попыткой былъ и сложившійся немного позже кружокъ Герцена и Огарева, съ его неясной въ деталяхъ, но яркой въ общей своей постановкѣ программой общественной дѣятельности, съ его пропагандой сенъ-симонизма и политическихъ идей, воспитанныхъ по преимуществу на французской литературѣ. Разсѣянные изъ Москвы въ 1834 г. члены этого послѣдняго кружка вновь начали собираться сюда къ концу 30-хъ годовъ и, враждебно столкнувшись съ Бѣлинскимъ, въ свою очередь взялись за изученіе Гегеля. Но для нихъ результатъ этого изученія сложился какъ разъ въ обратную сторону: откинувъ консерватизмъ, навязанный Гегелемъ своей философіи, они нашли въ его діалектикѣ новое и могучее орудіе для поддержанія и развитія своихъ общественныхъ взглядовъ, примкнувъ такимъ образомъ къ слагавшемуся въ Германіи лѣвому гегеліанству. Вражда кружковъ перешла было даже, подъ впечатлѣніемъ гнѣвныхъ статей раздраженнаго первыми возраженіями Бѣлинскаго, въ прямой разрывъ, но затѣмъ скоро недоразумѣнія были устранены и борющіяся партіи перемѣнили фронтъ. Это послѣднее произошло однако уже послѣ пріѣзда Грановскаго и при его дѣятельномъ участіи.

---

[1]) Пыпинъ. Бѣлинскій, его жизнь и переписка, I, 226, 227, 182, 179. Бѣлинскій восхищался въ эту пору и тѣмъ, что «власть даетъ намъ полную свободу думать и мыслить, но ограничиваетъ свободу громко говорить и вмѣшиваться въ ея дѣла», и видѣлъ въ стѣсненіи «политическаго направленія» «самое благонамѣренное средство» къ распространенію мысли, такъ какъ «политика есть вино, которое въ Россіи можетъ превратиться даже въ опіумъ», тамже, 181—2.

[2]) Его любопытная исторія разсказана однимъ изъ его участниковъ въ упомянутыхъ выше воспоминаніяхъ Костенецкаго.

II.

Вступая въ жизнь московскаго общества въ 1839 г., Грановскій не былъ постороннимъ для этого общества человѣкомъ. Черезъ посредство Станкевича онъ уже вошелъ въ соприкосновеніе съ его жизнью, ознакомился съ ея интересами, и было не мало соотвѣтствія между ними и его собственнымъ настроеніемъ и вкусами, долженствовавшими опредѣлить характеръ будущей его дѣятельности. Какъ ученый, онъ не чувствовалъ большого тяготѣнія къ спеціализаціи, не стремился къ исключительному углубленію въ тотъ или другой частный вопросъ избранной имъ науки и еще менѣе того способенъ былъ увлекаться чисто технической стороной работы историка-изслѣдователя, хотя и владѣлъ этою техникою. Въ наукѣ его вниманіе всецѣло сосредоточивалось на ея общихъ вопросахъ и, отыскивая ихъ рѣшеніе, онъ пользовался не только искусствомъ ученаго изслѣдователя, но и талантомъ художника. Его сравнительно мало интересовалъ разборъ мелкихъ деталей историческихъ фактовъ. Въ своихъ занятіяхъ онъ всего болѣе стремился къ воспроизведенію общаго движенія исторіи, къ уясненію смысла крупныхъ историческихъ эпохъ и достигалъ своей цѣли не столько при помощи тщательнаго анализа фактовъ, сколько силою творческаго синтеза. Но именно эти особенности сближали ученаго съ тѣмъ обществомъ, среди котораго онъ дѣйствовалъ, такъ какъ въ нихъ до нѣкоторой степени сказывалась родственная связь, соединявшая Грановскаго съ окружавшею его умственною средою. Весьма еще бѣдное положительными знаніями, но жадно рвавшееся уже къ европейской наукѣ, соединявшее съ этимъ стремленіемъ къ ней желаніе съ ея помощью разъяснить собственную дѣйствительность и уже по тому одному ставившее наукѣ очень высокія требованія, русское интеллигентное общество той поры нуждалось въ дѣятеляхъ науки, но могло еще подождать строгихъ ученыхъ спеціалистовъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ своего пребыванія въ Москвѣ самъ Грановскій вполнѣ сознательно выразилъ эту мысль печатно. «Нуждаясь въ необходимомъ,—писалъ онъ—мы не имѣемъ права на ученую роскошь... Сухое, не приложенное къ пользѣ общества знаніе въ наше время не высоко цѣнится. Оно слишкомъ легко достается. Если увеличился матеріалъ науки, то съ другой стороны, и еще въ большей степени, усилились средства, которыми его можно себѣ усвоивать» [1]. Отрекаясь отъ чрезмѣрной спеціализаціи ученой работы, Грановскій почти цѣликомъ посвятилъ себя прямому служенію обществу на почвѣ науки—путемъ профессорства, и шестнадцатилѣтняя дѣятельность его на этомъ

[1] Сочиненія Грановскаго, изд. 3-е, I, 239—40.

поприщѣ покрыла его имя славой, какая достается на долю рѣдкаго писателя.

Къ концу тридцатыхъ годовъ въ московскомъ университетѣ уже сильнѣе повѣяло новымъ духомъ, и не только въ студенческихъ аудиторіяхъ, но и на профессорскихъ каѳедрахъ. Не мало способствовало этому и появленіе во главѣ управленія учебнымъ округомъ свѣжаго человѣка, умѣвшаго цѣнить и уважать истинную науку, —гр. Строганова. Наиболѣе одряхлѣвшіе и неспособные профессора одинъ за другимъ уходили съ университетскихъ каѳедръ, а на ихъ мѣсто появлялись молодые ученые, по большей части сами причастные тому возбужденію, какое охватило уже лучшую, хотя и немногочисленную, часть общества, побывавшіе за-границей, главнымъ образомъ въ Берлинѣ, и приносившіе съ собою оттуда горячій энтузіазмъ къ наукѣ и свѣжіе взгляды, образовавшіеся подъ сильнымъ вліяніемъ гегеліанской философіи. Нѣсколько талантливыхъ и блестящихъ молодыхъ профессоровъ, какъ Крюковъ, Рѣдкинъ, Крыловъ, занимали уже каѳедры въ университетѣ, когда Грановскій началъ свои лекціи. Въ короткое время онъ далеко выдвинулся изъ ряда всѣхъ своихъ товарищей и пріобрѣлъ пламенное сочувствіе университетской молодежи, не измѣнившее ему до самаго конца его жизни. Его лекціи производили потрясающее впечатлѣніе на слушателей, единогласно засвидѣтельствованное многочисленными показаніями. На каѳедрѣ, лицомъ къ лицу съ симпатично настроенной аудиторіей, Грановскій чувствовалъ себя въ родной стихіи и, дѣйствительно, онъ обладалъ всѣми данными для глубокаго и прочнаго вліянія на своихъ слушателей. Первое время уже одна его наружность дѣйствовала на воображеніе и возбуждала симпатію къ нему. «Онъ имѣлъ—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ первыхъ его университетскихъ слушателей, С. М. Соловьевъ,—малороссійскую, южную физіономію; необыкновенная красота его производила сильное впечатлѣніе не на однѣхъ женщинъ. Своею наружностью онъ лучше всего доказывалъ, что красота есть завидный даръ, очень много помогающій человѣку въ жизни. Онъ имѣлъ смуглую кожу, длинные черные волосы, черные, огненные, глубоко смотрящіе глаза» [1]). Обаятельность наружности молодого профессора заключалась, насколько можно судить по отзывамъ, главнымъ образомъ въ томъ, что за нею живо чувствовалась душевная красота и мягкая поэтичность всего его существа. Герценъ, описывая свое первое свиданіе съ Грановскимъ въ 1840 г., говоритъ: «онъ мнѣ понравился своей благородной, задумчивой наружностью, своими печальными глазами съ насупившимися бровями и грустно-добродушной улыбкой... Черты, костюмъ, темные волосы—все это придавало столько изящества и граціи его личности, стоявшей на предѣлѣ ушедшей

---

[1]) Русскій Вѣстникъ, 1896, № 2, 17.

юности и богато развертывающейся возмужалости, что и не увлекающемуся человѣку нельзя было остаться равнодушнымъ къ нему». Наружность въ данномъ случаѣ вполнѣ соотвѣтствовала внутренней природѣ человѣка, и на лекціяхъ своихъ Грановскій явился, по словамъ того же Соловьева, «первоклассным художникомъ въ историческомъ изложеніи». Къ сожалѣнію, эти лекціи не сохранились до насъ цѣликомъ и, говоря объ ихъ формѣ, приходится опять лишь ссылаться на свидѣтельства людей, имѣвшихъ возможность ихъ слышать. Грановскій, случалось, самъ съ легкой насмѣшкой отзывался о своемъ краснорѣчіи, и, дѣйствительно, онъ не былъ тѣмъ, что называютъ присяжнымъ ораторомъ, но за то его рѣчь всегда свѣтилась красотою изящно выраженной мысли и горѣла огнемъ внутренняго убѣжденія. «Онъ не могъ—говоритъ Соловьевъ—похвастать внѣшнею изящностью своей рѣчи: говорилъ очень тихо, требовалъ напряженнаго вниманія, заикался, глоталъ слова. Но внѣшніе недостатки исчезали предъ внутренними достоинствами рѣчи, передъ внутреннею силою и теплотою, которыя давали жизнь историческимъ лицамъ и событіямъ и приковывали вниманіе слушателей къ этимъ живымъ, превосходно очерченнымъ лицамъ и событіямъ. Если—продолжаетъ онъ—изложеніе Крюкова производило впечатлѣніе, какое производятъ изящныя изваянія, то изложеніе Грановскаго можно сравнить съ изящною картиною, которая дышетъ теплотой, гдѣ всѣ фигуры расцвѣчены, живутъ, дѣйствуютъ передъ вами» [1]). Когда въ 1843 г. Грановскій открылъ публичный курсъ по исторіи среднихъ вѣковъ, увлеченіе студенческой аудиторіи съ неменьшею силой передалось разнороднымъ посѣтителямъ публичныхъ чтеній, не исключая и свѣтскихъ дамъ. Даже самые близкіе друзья Грановскаго, хорошо знавшіе его, но не слыхавшіе на каѳедрѣ, были поражены и потрясены впечатлѣніемъ его рѣчи. «Какое благородство языка,—писалъ по поводу этихъ лекцій Герценъ въ своемъ дневникѣ—смѣлое, открытое изложеніе. Были минуты, въ которыя его рѣчь подымалась до вдохновенія». Лучшее общество тогдашней Москвы сошлось вокругъ Грановскаго на скамьи университетской аудиторіи, и впечатлѣніе этого факта было настолько сильно для современниковъ, что Чаадаевъ, а за нимъ и Герценъ, не обинуясь, называли эти лекціи событіемъ. Грановскому случалось переносить свои чтенія изъ многолюдныхъ аудиторій въ тѣсный дружескій кружокъ, и это не только не ослабляло его обаянія, но едва-ли еще не усиливало его. Одно время, когда жена Герцена по нездоровью не могла бывать на публичныхъ чтеніяхъ, онъ читалъ нѣсколько лекцій по средней исторіи у нея на дому. По отзыву одной изъ слушательницъ, «не стѣсненный ни цензурой, ни публикой, онъ читалъ серьезно, сильно, полно поэзіи и до того увлекатель-

1) Тамже, 17—18.

но, что присутствующіе превращались въ слухъ и наслажденіе; нерѣдко по лицу иныхъ скатывались слезы» [1]). Прошли года, унесшіе съ собою внѣшнее обаяніе личности лектора, усилившіе старые его природные недостатки и породившіе новые, а эта власть его надъ умами аудиторіи оставалась непоколебленной. Позволимъ себѣ привести еще одно свидѣтельство,—разсказъ студента, который принадлежалъ къ послѣднему курсу, слушавшему Грановскаго, о первой его лекціи въ 1855 году. «Первое впечатлѣніе не оправдало ожиданій: передъ нами сидѣлъ пожилой господинъ съ круглымъ брюшкомъ, огромною лысиной, красный и толстый, сидѣлъ неподвижно, молчалъ и отдувался. Началъ онъ лекцію тихо, шепелявымъ голосомъ, присюсюкивая: вся фигура выражала собою не то апатію, не то усталость. Но это впечатлѣніе исчезло очень скоро, съ первыхъ же фразъ, отрывочныхъ, нерѣдко безсвязныхъ, произносимыхъ съ долгими интервалами и тяжелыми вздохами. Передъ аудиторіей, какъ бы застывшей въ глубочайшемъ вниманіи, стали понемногу развертываться одна за другою картины средневѣковой жизни, исполненныя смысла и красоты... Чѣмъ дальше говорилъ знаменитый профессоръ, тѣмъ дальше отодвигалась окружающая дѣйствительность; онъ уводилъ свою аудиторію въ сѣдую глубь вѣковъ, воскрешалъ передъ нею минувшіе идеалы, оживлялъ въ чарующихъ образахъ давно сошедшіе со сцены типы, а надъ всѣмъ этимъ какъ-то незамѣтно, сами собою вставали въ сердцахъ слушателей великія начала человѣчности, свѣта, правды и добра» [2]).

Тайна такого сильнаго и такого прочнаго вліянія, очевидно, не могла скрываться въ одной лишь прелести разсказа, какъ бы ни была велика эта послѣдняя. Даже въ приведенныхъ уже нами отзывахъ сквозятъ указанія на то, что своимъ успѣхомъ Грановскій былъ обязанъ не столько внѣшнему способу изложенія, сколько самому содержанію и характеру своихъ идей. Въ свое время это хорошо понимали его противники, равно какъ и самъ онъ какъ нельзя болѣе рѣшительно отклонялъ отъ себя роль простого разсказчика историческихъ событій. Когда въ 1843 году онъ читалъ публичный курсъ, его обвиняли Шевыревъ и Погодинъ въ томъ, что онъ пользуется каѳедрой историка для изложенія своихъ воззрѣній. Грановскій принялъ эти обвиненія и отвѣтилъ на нихъ—съ каѳедры же. «Это отчасти справедливо,—заявилъ онъ—я имѣю убѣжденія и провожу ихъ въ моихъ чтеніяхъ; если бъ я не имѣлъ ихъ, я не вышелъ бы публично передъ вами для того, чтобы разсказывать, больше или меньше занимательно, рядъ событій». Признавая за Грановскимъ опредѣленность научныхъ взглядовъ, нѣкоторые изъ современниковъ посылали ему другой упрекъ, отрицая самостоятельность этихъ взглядовъ. Впервые такой упрекъ

---

[1]) Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія Т. П. Пассекъ, II, 373.

[2]) Обнинскій. Изъ воспоминаній юриста, Р. Архивъ, 1892, № 1, 103—4

былъ громко высказанъ Шевыревымъ, по поводу публичныхъ лекцій 1843 г. упрекавшимъ Грановскаго въ исключительномъ подчиненіи Гегелю. Подобный же упрекъ имѣется въ воспоминаніяхъ С. М. Соловьева, говорящаго, что Грановскій, подобно Крюкову, «не былъ самостоятеленъ, былъ поклонникомъ того же Гегеля» [1]). Сохранившійся конспектъ перваго университетскаго курса Грановскаго [2]) позволяетъ заключить, что въ этомъ упрекѣ была доля правды, поскольку онъ не распространялся на всю профессорскую дѣятельность Грановскаго, а относился только къ ея началу. Въ этомъ конспективномъ наброскѣ курса его авторъ является усерднымъ сторонникомъ нѣмецкихъ мыслителей, правда, не одного Гегеля, но и главъ органической школы. Рѣшительно выступая противъ «сухой теоріи прогресса» XVIII вѣка, для которой человѣкъ являлся простымъ матеріаломъ, получающимъ свою форму извнѣ, подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ, какъ климатъ, пища, родъ жизни, принужденіе и т. п., онъ осуждалъ эту теорію за то, что для нея «исторія и человѣкъ простые матеріалы безъ внутренняго содержанія и развитія», и противопоставлялъ ей, какъ «идеи, общія нынѣ всѣмъ историкамъ», — «признаніе индивидуальныхъ особенностей народныхъ характеровъ, источникъ которыхъ живая, по внутреннему закону развивающаяся сила». Развитіе этой силы и составляетъ истинное содержаніе исторіи. Грановскій подчеркивалъ тотъ фактъ, что наиболѣе услугъ такому пониманію исторіи оказано новой нѣмецкой философіей, Шеллингомъ и особенно Гегелемъ, создавшими философію исторіи. Спеціалисты-историки вооружились было противъ такого вліянія философіи, но «тѣ же люди, которые такъ гордо отстаивали независимость исторіи, защищали ее противъ насилія новой философской системы, сами, безъ сознанія, были приверженцы старой, уже отжившей системы». Новая философія исторіи основана на тожествѣ реальнаго съ идеальнымъ, бытія и мышленія, въ силу котораго «субъективный духъ и міръ подчинены одному закону, совершаютъ одинъ и тотъ же процесъ развитія». Задача же философіи исторіи заключается въ томъ, чтобы «извлечь изъ глубины стоящаго выше всякаго опыта самосознанія духа общія понятія, лежащія въ основаніи историческихъ явленій—разумное, существенное съ ихъ внутренней, логическою необходимостью, показать, что случившееся должно было случиться по внутреннему, логическому закону, оправдать исторію». Съ новой точки зрѣнія народъ не былъ болѣе конгломератомъ случайно собранныхъ единицъ и внѣшнимъ образомъ соединенныхъ между собою силъ; онъ представлялъ изъ себя «жи-

[1]) Р. Вѣстникъ, 1896 г., № 2, 17.

[2]) Начальный отрывокъ этого конспекта, которымъ я и пользуюсь въ дальнѣйшемъ изложеніи, напечатанъ проф. Виноградовымъ въ «Сборникѣ въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета св. Владиміра». СПБ. 1895, 308—25.

вое единство, систему многообразныхъ силъ, надъ которыми владычествуетъ одна, основная». Причины измѣненій въ исторіи народа лежатъ не внѣ, но внутри его, и сводятся къ этой основной силѣ, иначе, къ «народному духу, который при безконечномъ разнообразіи лицъ и круговъ, къ которымъ они принадлежатъ, отражается во всемъ и, не смотря на разнородность частныхъ цѣлей, удерживаетъ одно общее направленіе». Въ представленіи Грановскаго этотъ духъ народа не вытекаетъ изъ внѣшнихъ вліяній, не взирая на все ихъ могущество; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ «живая, дѣятельная сила, а не страдательная масса; онъ усвоиваетъ себѣ все приходящее извнѣ и кладетъ на него свою печать, какъ господинъ и хозяинъ». Всѣ существенныя явленія исторіи порождаются этой основной силой: «дѣла народа, его судьбы, учрежденія, религія, языкъ, искусство — суть откровенія народнаго духа, органы его дѣятельности». Въ волнахъ послѣдняго тонетъ, наконецъ, и единичная человѣческая личность, такъ какъ даже великіе люди лишь «цвѣтъ народа, котораго духъ въ нихъ является въ наибольшей красотѣ». Историку предстоитъ наблюдать проявленія указанной силы, но изслѣдовать и объяснить ее самое онъ не въ состояніи: «происхожденіе врожденнаго генія народа непроницаемо, сущность таинственна». За то могутъ быть изслѣдованы законы его развитія или, что́ то же, органическаго роста, выражающагося въ постоянной смѣнѣ вѣчно новыхъ противоположностей. Всеобщая исторія, понимаемая такимъ образомъ, какъ тожественная съ философіей исторіи, охватываетъ лишь «общее существенное» въ развитіи человѣчества, лишь логически необходимые моменты этого развитія, но никакъ не всѣ частные его случаи, и, слѣдовательно, не совпадаетъ со «всемірной исторіей»; только въ далекомъ будущемъ можно ожидать «исторіи полнаго человѣчества», которая включитъ въ себя всѣ нетронутые исторіею народы.

Такова была первоначальная схема историческихъ воззрѣній Грановскаго, всецѣло заимствованная имъ изъ нѣмецкой философской и исторической литературы. При всѣхъ несомнѣнныхъ достоинствахъ этой идеалистической схемы, строго развитой изъ одного начала, стройность ея логическихъ формулъ нерѣдко покупалась цѣною ихъ содержательности и въ концѣ концовъ вся система приводила къ глухой стѣнѣ, прыжокъ черезъ которую совершался при посредствѣ чисто-метафизическаго понятія. Но Грановскій и не остановился окончательно на теоріяхъ органической школы и строгаго гегеліанства. Онѣ послужили для него лишь первыми ступенями въ его собственныхъ историческихъ построеніяхъ. Прочно усвоивъ себѣ то, что въ нихъ было наиболѣе цѣннаго — понятіе объ исторіи, какъ о строго-закономѣрномъ процессѣ развитія силъ и формъ народной жизни, — онъ скоро пошелъ дальше и расширилъ свой кругозоръ. Наполняя усвоенную систему живымъ содержаніемъ, онъ скоро долженъ былъ убѣдиться въ сравнитель-

ной узости ея рамокъ и оказался въ необходимости выбирать между нарушеніемъ ихъ и урѣзываніемъ матеріала исторіи ради помѣщенія его на прокрустово ложе системы. Мы указывали выше, какія условія уясняли ему этотъ выборъ и облегчали критику разъ усвоенныхъ взглядовъ, и теперь намъ остается опредѣлить, въ какомъ направленіи пошла эта критика и къ какимъ положительнымъ результатамъ она привела. Было бы въ высшей степени заманчиво намѣтить ту постепенность, въ какой происходило освобожденіе Грановскаго отъ узости старыхъ взглядовъ. Къ сожалѣнію, имѣющійся у насъ матеріалъ слишкомъ скуденъ и отрывоченъ для такой широкой задачи. Отдѣльныя фразы и положенія общаго характера, тамъ и здѣсь встрѣчающіяся въ печатныхъ сочиненіяхъ Грановскаго, немногочисленныя и иногда случайныя, едва достаточны для опредѣленія характера видоизмѣненій въ воззрѣніяхъ историка, но по нимъ трудно, если не невозможно, составить себѣ точное понятіе о послѣдовательности этихъ видоизмѣненій.

Во всякомъ случаѣ можно сказать, что уже очень рано Грановскій внесъ немаловажныя поправки въ указанные выше взгляды. Читая въ 1843—4 гг. лекціи въ университетѣ и публичный курсъ по средневѣковой исторіи, онъ все еще продолжалъ укладывать историческій матеріалъ въ созданныя Гегелемъ формулы, какъ убѣждаютъ въ этомъ и сохранившіеся конспекты тогдашнихъ студентовъ [1]), и свидѣтельство такого компетентнаго въ оцѣнкѣ данной стороны лекцій слушателя, какимъ былъ Герценъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, въ его изложеніи эти формулы въ значительной степени утрачивали свой рѣзко насильственный характеръ. «Принимая исторію— говоритъ Герценъ въ своемъ второмъ отчетѣ объ этихъ публичныхъ лекціяхъ [2]) — за правильно развивающійся организмъ, онъ нигдѣ не подчинилъ событій формальному закону необходимости и искусственнымъ гранямъ. Необходимость являлась въ его разсказѣ какою-то сокровенною мыслью эпохи; она ощущалась издали, какъ нѣкій Deus implicitus, предоставляющій полную волю и полный разгулъ жизни». Правда, этотъ отзывъ болѣе всего говоритъ объ общей манерѣ историческаго изложенія Грановскаго, въ которомъ мыслитель никогда не заслонялъ собою окончательно художника. Но въ дневникѣ Герцена мы находимъ указаніе еще на одну частную и, пожалуй, болѣе характерную черту даннаго курса, которая уже не могла явиться простымъ смягченіемъ философской формулы въ силу художественнаго инстинкта, а представляла собою отступленіе отъ нея или, по меньшей мѣрѣ, иное ея истолкованіе. Говоря о гибели тампліеровъ, Грановскій, по

---

[1]) См. отрывки изъ конспекта, составленнаго проф. Герцемъ, въ цитированномъ выше «Сборникѣ», сс. 322—24.

[2]) Москвитянинъ, 1844, № 4.

словамъ названнаго дневника, выразился слѣдующимъ образомъ: «необходимость гибели ихъ, ихъ виновность даже, ясны, но средства употребленныя гнусны; такъ и въ новѣйшей исторіи мы часто видимъ необходимость побѣды, но не можемъ отказать ни въ симпатіи къ побѣжденнымъ, ни въ презрѣніи къ побѣдителю». Трудно не видѣть въ этихъ словахъ шага впередъ къ высвобожденію изъ-подъ чрезмѣрной власти отвлеченной формулы необходимости. Вмѣсто «оправданія» исторіи задачей историка въ нихъ ставится лишь *объясненіе* ея, не исключающее возможности параллельной нравственной оцѣнки объясняемыхъ фактовъ. Въ своемъ университетскомъ курсѣ этого же года Грановскій, говоря о корифеяхъ нѣмецкой исторической школы, мѣтко указывалъ самую слабую сторону ихъ, замѣчая, что «они хорошо понимали прошедшее, но не понимали настоящаго и будущаго» [1]). Подобный протестъ противъ неподвижнаго консерватизма, основаннаго на безграничномъ уваженіи къ результатамъ исторіи, какъ плодамъ обще-народнаго духа, неизбѣжно приводилъ къ попыткамъ разложенія этихъ результатовъ и опредѣленія той роли, какую играло въ ихъ созданіи индивидуальное творчество. Грановскій въ своихъ печатныхъ работахъ нѣсколько разъ возвращался къ такимъ попыткамъ. «Многочисленная партія—писалъ онъ въ 1847 г.—подняла въ наше время знамя народныхъ преданій и величаетъ ихъ выраженіемъ общаго непогрѣшимаго разума. Такое уваженіе къ массѣ неубыточно. Довольствуясь созерцаніемъ собственной красоты, эта теорія не требуетъ подвига. Но въ основаніи своемъ она враждебна всякому развитію и общественному успѣху. Массы, какъ природа или какъ скандинавскій Торъ, безсмысленно-жестоки и безсмысленно-добродушны. Онѣ коснѣютъ подъ тяжестію историческихъ опредѣленій, отъ которыхъ освобождается мыслью только отдѣльная личность. Въ этомъ разложеніи массъ мыслью заключается процессъ исторіи. Ея задача—нравственная, просвѣщенная, независимая отъ роковыхъ опредѣленій личность и сообразное требованіямъ такой личности общество» [2]). Выписанное нами мѣсто едва-ли не наиболѣе ярко отражаетъ въ себѣ тотъ новый взглядъ, къ какому пришелъ Грановскій и какой, отдаляя его отъ нѣмецкой исторической школы, вмѣстѣ съ тѣмъ вновь сблизилъ съ французскими учеными и особенно съ Гизо. Разъ устранялась прямолинейность историческаго процесса и основной его источникъ—народный духъ—былъ признанъ распадающимися на два враждебныя теченія, массовой и индивидуальной психологіи,—предстояло еще, въ интересахъ сохраненія понятія закономѣрности процесса, установить постоянное отношеніе между этими теченіями и опредѣлить ту роль, какая могла принадлежать единичной

[1]) Это мѣсто курса приведено въ названной выше статьѣ проф. Виноградова, см. сборникъ «Въ пользу воскресныхъ школъ», М. 1894, 72.

[2]) Сочиненія, II, 220.

личности въ осуществленіи законовъ исторіи. Грановскій ставилъ себѣ этотъ вопросъ, и въ его сочиненіяхъ можно найти слѣды попытокъ его рѣшенія, хотя и не всегда, можетъ быть, достаточно отчетливые. Вводя въ науку понятіе о свободной отъ роковыхъ опредѣленій личности, противополагающей себя массѣ, онъ не думалъ устранять этимъ существованіе законовъ исторіи: въ его представленіи и такая свободная личность дѣйствовала лишь въ кругѣ этихъ законовъ и не могла переступить ихъ предѣла. Сами великіе люди «стоятъ не отдѣльно, не независимо, но тѣсно и крѣпко связаны съ землею, на которой выросли, и съ временемъ, въ которомъ дѣйствуютъ»; въ своей дѣятельности они «облекаютъ въ живое слово то, что до нихъ таилось въ народной думѣ, и обращаютъ въ видимый подвигъ неясныя стремленія своихъ соотечественниковъ или современниковъ» [1]). Самостоятельность личности, такимъ образомъ, далеко не безгранична. Ближе опредѣляя ея роль, Грановскій въ одной изъ своихъ работъ, относящейся къ 1848 г., передавалъ личности лишь опредѣленіе момента выполненія общаго и неизбѣжнаго закона. «Жизнь человѣчества—говорилъ онъ здѣсь—подчинена тѣмъ же законамъ, какимъ подчинена жизнь всей природы, но законъ неодинаково осуществляется въ этихъ двухъ сферахъ. Явленія природы совершаются гораздо однообразнѣе и правильнѣе, чѣмъ явленія исторіи». Эта правильность заключается въ точной опредѣленности не только самыхъ явленій, но и сроковъ ихъ жизни. Иначе стоитъ дѣло въ исторіи человѣчества. «Ей данъ законъ, котораго исполненіе неизбѣжно—десять лѣтъ или десять вѣковъ, все равно. Законъ стоитъ какъ цѣль, къ которой неудержимо идетъ человѣчество; но ему нѣтъ дѣла до того, какою дорогою оно идетъ и много ли потратитъ времени на пути. Здѣсь то и вступаетъ во всѣ права свои отдѣльная личность. Здѣсь лицо выступаетъ не какъ орудіе, а самостоятельно, поборникомъ или противникомъ историческаго закона и принимаетъ на себя по праву отвѣтственность за цѣлые ряды имъ вызванныхъ или задержанныхъ событій» [2]). Наука не даромъ жила десятилѣтія, протекшія со смерти Грановскаго, и съ современной точки зрѣнія производимое историкомъ выдѣленіе личности изъ среды и противоположеніе мыслящей личности инертной массѣ можетъ показаться рѣзкимъ и насильственнымъ, а самое опредѣленіе роли личности по отношенію къ законамъ исторіи—нѣсколько механическимъ. Но, если судить эти воззрѣнія по сравненію съ тѣми, какія мы видѣли господствовавшими у Грановскаго раньше, то придется признать въ нихъ значительный прогрессъ: въ борьбѣ личности съ массой находила себѣ, если не полное объясненіе, то, по крайней мѣрѣ, олицетвореніе та борьба мысли съ преданіемъ, которая занимаетъ такое видное мѣсто въ

---

[1]) Тамже, I, 337—9.
[2]) Сочиненія, II, 276—7.

исторіи и которая совершенно стушевывалась въ безличномъ и прямолинейномъ процессѣ органическаго развитія цѣльнаго народнаго духа.

Перемѣщая центръ тяжести историческаго движенія и ставя его источниками и цѣлями идею и личность, Грановскій въ сущности не сходилъ съ почвы гегеліанской философіи, примыкая лишь къ тѣмъ ея послѣдователямъ которые придавали ея формуламъ, вмѣсто консервативнаго, прогрессивное истолкованіе, обращая ее въ философію индивидуализма. За то въ другомъ направленіи онъ далеко ушелъ отъ узкихъ схемъ гегеліанства. Еще въ Берлинѣ лекціи Риттера обратили его вниманіе на географію и заставили искать нѣкотораго отношенія между природными особенностями страны и свойствами населяющаго ее народа и его исторіи. Въ свою очередь французскіе историки, и изъ нихъ особенно Тьерри, познакомили его съ изученіемъ расовыхъ особенностей и привили ему любовь къ этнографическимъ изысканіямъ. Позднѣе, въ Москвѣ, онъ неустанно и усердно занимался географіей и этнографіей, слѣдя за всѣми важнѣйшими явленіями научной литературы въ этой области и въ то же время знакомясь, главнымъ образомъ черезъ посредство Гердена, съ общимъ прогрессомъ естественныхъ наукъ, получившихъ такое необычайно широкое развитіе съ начала XIX столѣтія. Въ этомъ общеніи съ міромъ естествознанія точнѣе выяснялось ему значеніе матеріальныхъ факторовъ въ жизни человѣчества и разсѣялось постепенно горделивое убѣжденіе, почерпнутое отъ Гегеля, будто человѣческій духъ, независимо отъ внѣшнихъ вліяній, единственно самъ изъ себя творитъ исторію народовъ. Зрѣлымъ плодомъ занятій и наблюденій Грановскаго, пошедшихъ въ этомъ направленіи, явилось новое, болѣе сознательное и широкое пониманіе существа исторіи, наиболѣе полно выраженное въ рѣчи, произнесенной имъ на университетскомъ актѣ 1852 г. [1]), но сложившееся въ главныхъ своихъ очертаніяхъ несомнѣнно еще раньше. Указывая въ этой рѣчи на вліяніе, оказанное на исторію успѣхами географіи и этнографическими изысканіями Форіеля, Тьерри, Эдвардса, ораторъ вмѣстѣ констатируетъ тотъ фактъ, что въ трудахъ собственно историковъ до сихъ поръ дѣлаются лишь внѣшнія уступки этому вліянію. Правда, историки ввели въ свои труды географическіе обзоры, но это скорѣе случайная прибавка къ ихъ работамъ, нежели органическая ихъ часть. «Предпославъ труду своему бѣглый очеркъ описываемой страны и ея произведеній, историкъ съ спокойной совѣстью переходитъ къ другимъ, болѣе знакомымъ ему предметамъ и думаетъ, что вполнѣ удовлетворилъ современнымъ требованіямъ науки». Между тѣмъ, по смыслу послѣднихъ, «исторія должна выступить изъ круга наукъ филолого-юридическихъ, въ которомъ она такъ долго была заключена, на обширное поприще естествен-

[1]) Тамже, I.

ныхъ наукъ». Въ союзѣ съ антропологіей и географіей исторія должна опредѣлить отличительныя свойства народовъ и открыть не вполнѣ еще извѣстныя пока «таинственныя нити, привязывающія народъ къ землѣ, на которой онъ выросъ и изъ которой заимствуетъ не только средства физическаго существованія, но значительную часть своихъ нравственныхъ свойствъ». Въ глазахъ историка радикально мѣняется такимъ образомъ содержаніе науки. Его еще «составляютъ до сихъ поръ дѣла человѣческой воли, отрѣшенныя отъ ихъ необходимой, можно сказать, роковой основы», но такъ е можетъ продолжаться. «Сверхъ логической необходимости есть въ исторіи другая, которую можно назвать естественною, лежащая въ основаніи всѣхъ важныхъ явленій народной жизни. Ей нѣтъ мѣста въ умозрительномъ построеніи исторіи; ее нельзя вывести изъ законовъ разума, но ее нельзя также отнести къ сферѣ случайности, потому что она принадлежитъ къ числу главныхъ, опредѣляющихъ развитіе нашихъ судебъ, двигателей исторіи». Это измѣненіе содержанія науки влекло за собою и измѣненіе въ способахъ научнаго познанія. Жизнь человѣчества, признанная въ своемъ развитіи стоящей въ тѣсной причинной связи съ окружающими ее внѣшними условіями, не могла уже быть всецѣло выведена изъ законовъ духа, не могла, слѣдовательно, быть уложена въ тѣсныя рамки философіи исторіи. Эта послѣдняя, въ прежнихъ воззрѣніяхъ Грановскаго господствовавшая надъ самою исторіею и частью даже вытѣснявшая фактическое изученіе, съ новой точки зрѣнія историка оказывалась въ подчиненномъ положеніи сравнительно со всѣмъ объемомъ исторической науки и теряла право на самостоятельное существованіе. «Съ конца прошедшаго столѣтія—говоритъ онъ—философія исторіи не переставала предъявлять правъ своихъ на независимое отъ фактической исторіи значеніе. Успѣхъ не оправдалъ этихъ притязаній. Скажемъ болѣе, философія исторіи едва-ли можетъ быть предметомъ особеннаго, отдѣльнаго отъ всеобщей исторіи, изложенія. Ей принадлежитъ по праву глава въ феноменологіи духа», но выясненіе реальнаго хода исторіи и его оцѣнка не ея дѣло. «Всякое покушеніе съ ея стороны провести рѣзкую черту между событіями логически необходимыми и случайными можетъ повести къ значительнымъ ошибкамъ и будетъ болѣе или менѣе носить на себѣ характеръ произвола». Итакъ, исторія утрачивала свое прежнее, правда, призрачное, единство, распадалась на двѣ стороны, имѣющія самостоятельное бытіе и особые законы. Отъ идеалистическаго монизма Грановскій перешелъ такимъ путемъ къ дуализму духа и матеріи. Обогащенная фактическимъ содержаніемъ, мысль историка выиграла въ широтѣ, но нѣсколько потеряла въ своей философской опредѣленности. Можно думать, однако, что и данная стадія въ воззрѣніяхъ Грановскаго не была окончательною и что на ней не завершилось ихъ развитіе. Въ его сочиненіяхъ встрѣчаются мѣста, позволяющія догадываться, что ему представлялась возможность выхода изъ дуалистическаго міровоззрѣнія и приведенія

всѣхъ разнородныхъ стихій науки въ единую цѣльную систему. Такая возможность рисовалась, однако, для него не на почвѣ исторіи. Историкъ въ своей спеціальной области имѣетъ дѣло съ сложившимися уже фактами, объясняя законы ихъ дальнѣйшаго развитія, но будучи безсиленъ разложить и объяснить начальныя данныя своихъ построеній. Неразрѣшимыя для исторіи тайны могутъ быть, однако, раскрыты за ея предѣлами. «Для историка, напримѣръ, различіе породъ человѣческихъ существуетъ, какъ нѣчто, данное природою, роковое, необъяснимое ни въ причинахъ, ни въ слѣдствіяхъ. Можно догадываться, что это различіе находится въ тѣсной связи съ началомъ національностей, что оно, какъ тайный дѣятель, участвуетъ въ безконечномъ множествѣ явленій; но одна физіологія въ состояніи въ этомъ случаѣ перевести отъ догадки къ уразумѣнію самаго закона» [1]). Намѣчая возможность разрѣшенія загадокъ исторіи путемъ естественно-научныхъ объясненій, Грановскій не переходилъ, однакоже, къ философскому матеріализму и не вносилъ въ исторію искусственно-упрощенныхъ объясненій, отстаивая напротивъ, ея самостоятельность. Въ самой исторіи для него все же оставались «двѣ стороны: въ одной является намъ свободное творчество духа человѣческаго, въ другой—независимыя отъ него, данныя природою условія его дѣятельности». Признавая недостаточность старыхъ умозрительныхъ построеній исторіи, настаивая на необходимости измѣненія ея метода, Грановскій не думалъ, однако, о простомъ заимствованіи метода естествознанія путемъ подчиненія ему исторіи. «Новый методъ долженъ возникнуть изъ внимательнаго изученія фактовъ міра духовнаго и природы въ ихъ взаимодѣйствіи. Только такимъ образомъ можно достигнуть до прочныхъ основныхъ началъ, т. е., до яснаго знанія законовъ, опредѣляющихъ движеніе историческихъ событій» [2]). Послѣднее слово этихъ воззрѣній осталось недоговореннымъ, но врядъ-ли оно и могло быть договорено при тогдашнемъ состояніи науки. Дальнѣйшее движеніе науки, отбросивъ нѣкоторые частные взгляды, принятые Грановскимъ, вродѣ теоріи устойчивости расовыхъ признаковъ, въ общемъ оправдало тотъ путь, на который онъ вступилъ и который при дальнѣйшемъ развитіи опытнаго знанія велъ къ возстановленію цѣльнаго міросозерцанія въ болѣе научномъ видѣ, чѣмъ могла его создать метафизическая философія. Неразработанностью самой исторіи, въ свою очередь, достаточно объясняется то обстоятельство, что въ воззрѣніяхъ Грановскаго экономическая сторона исторіи не занимала достаточно виднаго и самостоятельнаго мѣста. Эпоха историко-экономическихъ изслѣдованій только что начиналась и въ западно-европейской наукѣ, когда окончилась жизнь Грановскаго; въ среду же русскихъ ученыхъ это теченіе проникло

[1]) Сочиненія, II, 209; эти строки были написаны еще въ 1847 г.
[2]) Сочиненія, I, 22—3.

еще позднѣе, а за то время, когда онъ еще дѣйствовалъ, въ ней господствовали весьма поверхностные взгляды на эту сторону исторіи.

Сказаннаго до сихъ поръ, кажется намъ, достаточно для того, чтобы обрисовать важнѣйшіе взгляды Грановскаго и вмѣстѣ показать, насколько правды было въ тѣхъ голосахъ, которые стремились выставить его, какъ робкаго пересказчика чужихъ теорій. Поддавшись на первыхъ порахъ сильному вліянію нѣмецкихъ мыслителей, онъ скоро освободился отъ ихъ крайностей и успѣлъ, умѣло оріентируясь среди различныхъ ученій, сохранить свою самостоятельность, не приковать себя ни къ одной узкой системѣ и найти наиболѣе надежный путь въ развитіи науки. Въ его рукахъ исторія являлась уже не болѣе или менѣе точнымъ разсказомъ о прошлыхъ судьбахъ народовъ, а средствомъ познанія законовъ жизни человѣчества, и въ этомъ коренилась главная причина его вліянія, которое было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше въ живой и письменной рѣчи историка было внѣшнихъ слѣдовъ упорной работы, чѣмъ ближе эта рѣчь—плодъ тщательно выношенной мысли—подходила къ свободному творчеству художника. Но наша, хотя и бѣглая, характеристика историческихъ взглядовъ Грановскаго была бы неполна, еслибы мы не остановились еще на одной ихъ сторонѣ, на той связи, которою соединялось въ его глазахъ изученіе прошлаго съ потребностями настоящаго. Въ изслѣдованіи законовъ исторіи онъ видѣлъ не одно лишь удовлетвореніе законной любознательности человѣка, но ждалъ отъ него и нѣкоторыхъ осязательныхъ услугъ. Какъ ознакомленіе съ законами внѣшней природы освободило человѣка отъ власти вредныхъ предразсудковъ и доставило ему возможность согласовать свои цѣли съ силами природы и правильно воспользоваться послѣдними, такъ знакомство съ законами исторіи должно «положить конецъ несбыточнымъ теоріямъ и стремленіямъ, нарушающимъ правильный ходъ общественной жизни». Наблюденіе историческихъ событій развиваетъ и укрѣпляетъ вѣру въ человѣчество: въ наружномъ однообразіи и безпорядочной пестротѣ ихъ для привычнаго глаза скоро открывается правильное прогрессивное движеніе, не нарушаемое частными отклоненіями, которыя составляютъ неизбѣжное послѣдствіе закона развитія. Въ созерцаніи различныхъ народовъ, различныхъ условій мѣста и времени, при которыхъ осуществляются одни и тѣ же вѣчные законы, расширяется кругозоръ человѣческой мысли и растетъ благородное чувство терпимости: «тотъ не историкъ, кто не способенъ перенести въ прошедшее живого чувства любви къ ближнему и узнать брата въ отдѣленномъ отъ него вѣками иноплеменникѣ». Все это въ совокупности составляетъ драгоцѣнное достояніе историка, дающее ему возможность удовлетворить законной потребности нравственнаго вліянія на своихъ современниковъ. Въ пониманіи Грановскаго обязанность ученаго вскрывать закономѣрность историческаго процесса не могла служить препятствіемъ такому вліянію, такъ

какъ эту закономѣрность онъ никогда не отожествлялъ съ фатализмомъ. Съ горькимъ осужденіемъ отзывался онъ о тѣхъ историкахъ, которые, въ противоположность древнимъ трагикамъ, возлагавшимъ на чело своихъ, обреченныхъ гибели, героевъ вѣнецъ духовной побѣды надъ неотразимымъ въ мірѣ внѣшнихъ явленій рокомъ, видятъ въ успѣхѣ конечное оправданіе, въ неудачѣ—приговоръ всякаго историческаго подвига [1]). Идя еще дальше въ этомъ направленіи, онъ требовалъ отъ историка наряду съ выясненіемъ причинной связи явленій и нравственнаго суда надъ прошлымъ. Недостаточно, быть можетъ, аргументированная въ его печатныхъ сочиненіяхъ, эта мысль тѣмъ не менѣе неоднократно и рѣшительно высказывается въ нихъ. Полное безстрастіе историка было въ его глазахъ лишь признакомъ умственнаго или душевнаго безсилія. Онъ хотѣлъ, въ интересахъ живущаго поколѣнія, видѣть въ исторіи судъ и приговоръ надъ дѣятелями прошлаго, лишь бы такой приговоръ былъ основанъ «на вѣрномъ, честномъ изученіи дѣла», и въ этомъ требованіи для него заключалась лишняя связь науки съ жизнью, вызывавшаяся, можетъ статься, не столько строгой логикой мышленія ученаго, сколько душевною потребностью общественнаго дѣятеля. «Въ возможности такого суда—писалъ онъ въ 1848 г., въ то время, когда надъ его головою сошлись особенно грозныя тучи и онъ чувствовалъ свои силы почти истощенными,—въ возможности такого суда есть нѣчто глубоко утѣшительное для человѣка. Мысль о немъ даетъ усталой душѣ новыя силы для спора съ жизнью» [2]). Но если глубокая отзывчивость Грановскаго къ нуждамъ и вѣяніямъ современности не давала ему возможности всецѣло уйти въ абстрактныя схемы науки, то присущее ему художественное чувство и научный тактъ уберегли его и отъ другой опасности: его судъ надъ историческими событіями и лицами никогда не переходилъ въ озлобленную и безплодную полемику съ явленіями прошедшаго, и производившаяся имъ нравственная оцѣнка, всегда основанная на глубокомъ проникновеніи въ характеръ эпохи, о которой шла рѣчь, ничего не имѣла общаго съ шаблоннымъ морализированіемъ по поводу исторіи.

Таковы были наиболѣе существенныя воззрѣнія Грановскаго на исторію, путемъ выработки которыхъ онъ, а за нимъ и окружавшіе его тѣсною толпою ученики переходили отъ нѣмецкой идеалистической философіи къ новой реальной наукѣ обществовѣдѣнія. Если въ теоретической сторонѣ этихъ воззрѣній строгою критикой и могутъ быть открыты нѣкоторые недочеты, то они въ свое время съ избыткомъ искупались пластикою художественнаго таланта и глубиною гуманитарнаго чувства, сообщавшими лекціямъ Грановскаго высокое воспитательное значеніе, въ самомъ благородномъ смыслѣ этого слова. Говоря словами Кудрявцева, «всякій, слышавшій

---

[1]) Сочиненія, I, 24—26, 20—21 (рѣчь 1852 г.).

[2]) Тамже, I, 240—1 (въ предисловіи къ «Аббату Сугерію»).

его на каѳедрѣ, выносилъ съ собою какое-то возбужденіе къ лучшему, всякій располагался къ добру съ большею душевною силою» [1]).

Въ тѣсной связи со взглядами Грановскаго на прошлыя судьбы человѣчества стояли и тѣ отвѣты, какіе давались имъ на важнѣйшія проблемы современности. Съ этой стороны его духовная личность заслуживаетъ не менѣе внимательнаго отношенія. Въ самомъ дѣлѣ, помимо уже той общей заслуги передъ современниками, какая выпадаетъ на долю каждаго крупнаго работника въ области мысли, неизбѣжно будящаго своими трудами общественное сознаніе, Грановскій при всей узости рамокъ, поставленныхъ судьбою его дѣятельности, успѣлъ путемъ ея внести прямой и цѣнный вкладъ въ жизнь русскаго общества. Частью въ силу внѣшнихъ условій, частью въ силу особенностей его духовной природы, для него оказалась закрытой единственно возможная въ его пору дорога къ вліянію на наиболѣе широкіе общественные слои: онъ не былъ плодовитымъ писателемъ, и его дѣятельность въ силу этого почти-что замыкалась въ тѣсныхъ сравнительно предѣлахъ московскаго университета и московскаго общества. Но это не помѣшало ему играть видную роль въ исторіи русскаго общественнаго движенія, и вообще-то не бывшаго тогда особенно широкимъ. Въ Москвѣ сгруппировался въ тѣ годы довольно значительный кругъ талантливыхъ людей, жившихъ по преимуществу умственными интересами. Стоя въ этомъ передовомъ и тѣсно сплоченномъ кругу русской интеллигенціи, Грановскій принималъ дѣятельное участіе въ выработкѣ его міросозерцанія, а его собственное живое общеніе съ университетскою молодежью, втеченіе шестнадцати лѣтъ проходившею черезъ его аудиторію, служило ручательствомъ за дальнѣйшее распространеніе этого міросозерцанія и претвореніе его въ идеалы молодого поколѣнія.

Вступая въ московскую жизнь среди обнаружившагося въ ней разлада партій, Грановскій самъ былъ настолько уже сложившимся человѣкомъ, что сразу могъ занять опредѣленное мѣсто въ ихъ рядахъ. Весь складъ его убѣжденій, его безграничное уваженіе къ правамъ разума, его преданность идеямъ западно-европейской науки и, въ частности, гегеліанства, его мысли объ одинаковомъ для всего человѣчества пути прогресса, творимаго усиліями критически мыслящей личности, и о необходимости подчинять на этомъ пути національное обще-человѣческому, словомъ, всѣ его особенности, какъ историка и мыслителя, должны были оттолкнуть его отъ нарождавшагося славянофильства, и на первыхъ же порахъ онъ одною изъ задачъ своей дѣятельности на каѳедрѣ поставилъ борьбу съ этимъ направленіемъ. Бывшій кругъ Станкевича, съ которымъ у него скорѣе всего могла найтись почва для личной дружбы, за время отсутствія

---

[1]) Сочиненія Кудрявцева II, 542.

прежняго своего вождя, выросъ и окрѣпъ умственно, но вмѣстѣ и измѣнилъ свое направленіе, перейдя отъ нѣсколько туманнаго идеализма, соединявшагося съ немалою дозою сентиментальности къ безусловному преклоненію передъ дѣйствительностью, съ которымъ не мирился прочно усвоенный Грановскимъ либерализмъ, никогда не уничтожавшійся въ немъ окончательно гегелевскою діалектикой, хотя увлеченіе послѣдней и заставляло его порой въ чисто научныхъ вопросахъ проговариваться нѣсколько неосторожными фразами. Встрѣтясь съ Бѣлинскимъ, онъ сошелся съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, но ничего не уступилъ ему изъ своего пониманія литературныхъ и общественныхъ вопросовъ, и на время они остались людьми разныхъ лагерей. За то тѣсно сблизился онъ съ Герценомъ, во взглядахъ и убѣжденіяхъ котораго нашелъ много родственныхъ себѣ чертъ. Съ первой ихъ встрѣчи въ годъ пріѣзда Грановскаго въ Москву они стали рядомъ, какъ союзники, а послѣ 1842 года, когда Герценъ переѣхалъ на постоянное жительство въ Москву, этотъ союзъ былъ скрѣпленъ горячею дружбой, пережившей всѣ ихъ позднѣйшія размолвки. Къ этому времени, впрочемъ, установилось уже и полное согласіе между ними и Бѣлинскимъ. Послѣдній въ концѣ 1839 года уѣхалъ въ Петербургъ, полный раздраженія противъ встрѣченной со стороны Герцена оппозиціи своимъ новымъ взглядамъ, и вылилъ весь свой гнѣвъ на противниковъ въ извѣстныхъ статьяхъ о Бородинской годовщинѣ и о Менцелѣ, доводившихъ до апогея примирительное настроеніе критика по отношенію къ окружавшей его жизни и заслужившихъ отъ Огарева эпитетъ «гнусныхъ», а отъ Грановскаго—«гадкихъ». Петербургъ же, однако, и отрезвилъ критика, поставивъ его лицомъ къ лицу съ обществомъ, вырвавъ его изъ кружковой односторонности и воочію показавъ всю красоту восхваляемыхъ порядковъ. Еще недавно прекрасная дѣйствительность обратилась для него въ «грязную, мерзкую, возмутительно-нечеловѣческую» [1]), и, когда онъ дописывалъ послѣднія слова своихъ, надѣлавшихъ столько шума, статей, въ немъ скорбно и трудно возникало уже новое убѣжденіе. Прошло около года тяжелой внутренней борьбы, мучительнаго исканія истины, и Бѣлинскій, вырвавшись изъ подъ власти роковой формулы о разумности дѣйствительности, окончательно принялъ выводы, которые недавно его возмущали. Его примиреніе съ недавними противниками, полное и беззавѣтное, было облегчено и ускорено тѣмъ, что въ рядахъ послѣднихъ стоялъ Грановскій, успѣвшій съ обычною своею терпимостью за крайностями его увлеченія разсмотрѣть его настоящую сущность. Въ свою очередь Бѣлинскій. этотъ страстный боецъ съ нѣжной и любящей душою, полюбивъ въ Грановскомъ симпатичнаго человѣка, все глубже и сильнѣе привязывался къ нему по мѣрѣ того, какъ

[1]) А. Н. Пыпинъ. Бѣлинскій, его жизнь и переписка, II, 9.

переживалъ періодъ своего разочарованія въ принятыхъ взглядахъ и убѣждался въ справедливости оспаривавшихся имъ воззрѣній. «Я теперь лучше бы сошелся съ Грановскимъ,—писалъ онъ въ разгарѣ этой внутренней борьбы—лучше бы понялъ и оцѣнилъ эту чистую и благородную душу, эту здоровую и нормальную натуру, для которой слово и дѣло—одно и то же» [1]). Бывшіе противники при такихъ условіяхъ легко обратились въ горячихъ друзей, связанныхъ уже не личными симпатіями и не случайнымъ сходствомъ частныхъ взглядовъ, а единствомъ міросозерцанія, выращеннаго на общей почвѣ. Къ 1842 году, вмѣсто прежнихъ трехъ враждебныхъ партій, стояли другъ противъ друга только двѣ, раздѣлившія между собою кружокъ Станкевича: Бѣлинскій примкнулъ къ Герцену и Грановскому вмѣстѣ съ большею частью кружка, болѣе же молодые члены кружка, какъ К. Аксаковъ и Самаринъ, напуганные крутымъ разрывомъ съ преданіями и дѣйствительностью, перешли къ Кирѣевскому и Хомякову.

Эти партіи первое время жили еще въ мирѣ между собою. Собственно, настоящаго мира между ними, пожалуй, и не было, но не было пока и настоящей, открытой и рѣзкой, борьбы. У нихъ была одна общая идеальная цѣль, которую можно было бы охарактеризовать, какъ борьбу съ стремленіями системы оффиціальной народности, была и общая почва, стоя на которой, представители обѣихъ партій мѣрялись силами въ полушуточныхъ, полусерьезныхъ турнирахъ, происходившихъ въ различныхъ московскихъ гостиныхъ, чаще всего въ домѣ А. П. Елагиной; лишь изрѣдка отголоски этихъ страстныхъ диспутовъ, веденныхъ со всею откровенностью, возможной въ частной бесѣдѣ, смутнымъ эхомъ долетали въ печать, весьма мало къ тому же и способную тогда къ точной передачѣ этихъ бесѣдъ. Такою общей почвой служила именно философія Гегеля, съ одинаково ревностнымъ усердіемъ изучавшаяся тогда обѣими партіями, «западными» и «славянами», какъ называли они другъ друга, названія, позднѣе преобразившіяся въ западничество и славянофильство. Интересъ тѣхъ и другихъ къ ученію гегеліанства вызывался, однако, совершенно различными мотивами и не мѣшалъ имъ приходить къ противоположнымъ выводамъ въ оцѣнкѣ этого ученія. Въ то время, какъ западники, ставъ по отношенію къ Гегелю на точку зрѣнія, впервые указанную имъ Герценомъ и затѣмъ поддержанную нѣмецкимъ т. н. лѣвымъ гегеліанствомъ, придавали его философіи прогрессивный характеръ и стремились наполнить ея абстрактныя схемы реальнымъ содержаніемъ науки, славянофилы, признавая всю мощь діалектическаго таланта Гегеля, пользовались сознанной уже пустотой его логическихъ схемъ, чтобы подорвать довѣріе къ самому ихъ источнику и дискредитировать за-одно западную цивилизацію и точную науку. Въ гегелевскомъ

[1]) Тамже, II, 31, 63.

ученіи они видѣли высшій, но вмѣстѣ и самый печальный плодъ цивилизаціи Запада, потому, какъ выражался впослѣдствіи Ив. Кирѣевскій, «что самое торжество ума европейскаго обнаружило односторонность его коренныхъ стремленій, потому что при всемъ богатствѣ, при всей, можно сказать, громадности частныхъ открытій и успѣховъ въ наукахъ, общій выводъ изъ всей совокупности знанія представилъ только отрицательное значеніе для внутренняго сознанія человѣка» [1]). Присоединяясь къ наиболѣе рѣзкому проявленію реакціи противъ абстракцій Гегеля въ самой Германіи, выразителемъ которой явился Шеллингъ, славянофилы противопоставляли логикѣ, какъ низшему способу познанія, познаніе чрезъ чувство, какъ высшее, и звали русскій образованный классъ «изъ подъ гнета разсудочныхъ системъ европейскаго любомудрія» «въ глубину особеннаго, недоступнаго для западныхъ понятій, живого, цѣльнаго умозрѣнія Святыхъ Отцовъ Церкви», которое, въ противоположность воспитанному въ Западной Европѣ университетами міровоззрѣнію, хранилось «въ древней Россіи молитвенными монастырями, сосредочивавшими въ себѣ высшее знаніе», а теперь хранится низшими слоями народа и церковью [2]). Противоположность воззрѣній обѣихъ группъ нѣкоторое время смягчалась личными дружескими отношеніями ихъ главныхъ представителей, умѣвшихъ уважать другъ въ другѣ крупныя умственныя силы и благородство характера. Порою проявленія такихъ отношеній даже выходили изъ четырехъ стѣнъ интимной жизни и пріобрѣтали характеръ публичныхъ дѣйствій. Статьи Герцена и Грановскаго появлялись, хотя и очень рѣдко, въ «Москвитянинѣ», органѣ партіи, хотя и не тожественной съ славянофильствомъ, но наиболѣе къ нему близкой, составлявшей, по мѣткому и образному выраженію Герцена, его «тяжелую пѣхоту».

Чѣмъ болѣе выяснялось однако коренное различіе двухъ міровоззрѣній, тѣмъ труднѣе становилось поддерживать подобныя сердечныя отношенія. Когда же съ обѣихъ сторонъ сдѣланы были рѣшительныя попытки къ проведенію своихъ теорій въ жизнь, ихъ полная непримиримость рѣзко выступила наружу, разрывъ сталъ неизбѣжнымъ. Поводовъ къ нему накопилось много на первыхъ же шагахъ. Споръ партій перенесенъ былъ изъ московскихъ салоновъ въ болѣе широкіе круги, на страницы журналовъ и въ аудиторіи университета. Въ Петербургѣ стоялъ Бѣлинскій, непримиримая и рѣзкая послѣдовательность котораго мало соотвѣтствовала и разносторонней и живой любознательности Герцена, и

---

[1]) Московскій Сборникъ, 1852, 6. Статья Кирѣевскаго «О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію Россіи», изъ которой мы беремъ эти строки, едва-ли не наиболѣе полно и вѣрно вскрываетъ общій философскій характеръ славянофильства.

[2]) Тамже, 66, 61.

мягкой терпимости Грановскаго, дававшимъ имъ возможность уживаться съ людьми противоположныхъ воззрѣній. «Я жидъ по натурѣ — писалъ онъ первому, узнавъ о появленіи статьи Грановскаго въ «Москвитянинѣ», — и съ филистимлянами за однимъ столомъ ѣсть не могу. Грановскій хочетъ знать, читалъ ли я его статью въ «Москвитянинѣ»? Нѣтъ, и не буду читать; скажи ему, что я не люблю ни видѣться съ друзьями въ неприличныхъ мѣстахъ, ни назначать имъ тамъ свиданія» [1]). Желчныя и страстныя выходки Бѣлинскаго противъ главарей «Москвитянина», отъ родства съ которыми было очень трудно, если не невозможно, всецѣло отказаться славянофиламъ, крайне раздражали послѣднихъ, а ихъ противники не могли не видѣть въ этихъ выходкахъ выраженія собственныхъ мнѣній, и такимъ образомъ литературная дѣятельность Бѣлинскаго враждебно настраивала оба лагеря. Когда въ 1842 г. онъ напечаталъ направленную противъ Шевырева сатирическую шутку «Педантъ», славянофилы потребовали отъ московскихъ друзей критика чуть не формальнаго отреченія отъ него, но услыхали отъ Грановскаго лишь заявленіе о полной солидарности съ нимъ [2]). Но и въ самой московской жизни явились уже поводы для рѣшительнаго раздора кружковъ, въ которомъ центральною фигурою пришлось быть Грановскому. Осенью 1843 года онъ открылъ свой первый публичный курсъ по исторіи, вызвавшій неслыханное оживленіе въ московскомъ обществѣ. Первоначально впечатлѣніе было такъ сильно, что всѣ партіи сошлись въ единодушномъ сочувствіи лектору и Хомяковъ восхищался чтеніемъ Грановскаго не менѣе Герцена. Но скоро оправдалась и надежда, съ которой Грановскій начиналъ свой курсъ,—«заслужить и оправдать вражду своихъ враговъ». По мѣрѣ того, какъ выясвялись основныя мысли лектора, сочувствіе къ нему въ части слушателей стало переходить въ раздраженіе. Изъ среды сотрудниковъ «Москвитянина» послышались упреки, что лекторъ съ пренебреженіемъ относится къ Россіи, отдавая всѣ свои симпатіи Западу, умышленно умалчиваетъ о религіи, не отстаиваетъ основъ русскаго быта. Неблагодарный трудъ изложить эти упреки въ печати взялъ на себя тотъ же Шевыревъ. Грановскій отвѣчалъ на эти упреки съ каѳедры. «Меня обвиняютъ,— сказалъ онъ — что я пристрастенъ къ Западу; я взялся читать часть его исторіи, я это дѣлаю съ любовью и не вижу, почему бы мнѣ должно читать ее съ ненавистью. Западъ кровавымъ потомъ выработалъ свою исторію, плодъ ея намъ достается почти даромъ, какое же право не любить его? Еслибъ я взялся читать нашу исторію, я увѣренъ, что и въ нее принесъ бы ту же любовь». Шумныя оваціи, сопровождавшія лекціи и не поддававшіяся описаніямъ даже современниковъ, показали, что сочув-

[1]) Пыпинъ, Бѣлинскій, II, 234—5.
[2]) Тамже, II, 136—7.

ствіе громаднаго большинства публики не на сторонѣ обвинителей. Когда же весною слѣдующаго года Грановскій окончилъ свой курсъ, восторгъ слушателей былъ такъ силенъ, что взрывъ его увлекъ обѣ партіи при всемъ ихъ враждебномъ настроеніи и онѣ соединились на обѣдѣ въ честь Грановскаго.

Но примиреніе уже не могло быть прочно. Обвиненія, посыпавшіяся на Грановскаго, не прошли ему даромъ: онъ чуть не былъ вынужденъ выйти изъ университета и долженъ былъ отказаться въ немъ отъ курса о французской революціи, едва сохранивъ за собою право читать о реформаціи [1]). Въ свою очередь Шевыревъ осенью 1844 года началъ читать публичный курсъ, пользовавшійся также немалымъ успѣхомъ, хотя совершенно противоположный курсу Грановскаго. Этотъ успѣхъ, впрочемъ, по мнѣнію Шевырева, зависѣлъ не отъ его лекторскихъ способностей. Объясняя хорошее впечатлѣніе на публику одной изъ своихъ лекцій, онъ писалъ Погодину: «не даромъ я накапунѣ провелъ часъ въ молитвѣ и чтеніи житія св. Кирилла передъ его мощами, за которыя благодарю тебя. Позволь имъ еще погостить у меня денекъ, другой. Эта лекція была его внушеніемъ» [2]). За этими столкновеніями съ главарями «Москвитянина» послѣдовали новыя — уже съ представителями чистаго славянофильства, вызванныя попытками обѣихъ партій создать себѣ литературные органы въ Москвѣ. Грановскій и Евг. Коршъ еще въ 1842 г. обращались съ этою цѣлью къ Погодину, разсчитывая взять отъ него «Москвитянинъ», не приносившій дохода въ неумѣлыхъ рукахъ своего редактора и тяготившій его самого, но этотъ шагъ, не смотря на то, что тогда между ними еще не было открытой вражды, не имѣлъ успѣха, такъ какъ Погодинъ поставилъ дѣло на принципіальную почву, на которой не могло быть достигнуто соглашеніе [3]). Позднѣе, именно въ 1844 г., рѣшено было попытаться основать совершенно самостоятельный журналъ и, такъ какъ собранныхъ въ кружкѣ денегъ не хватало на покупку какого-либо изъ существующихъ изданій, Грановскій подалъ прошеніе о разрѣшеніи ему новаго ежемѣсячника. Почти одновременно славянофилы, стѣснявшіеся слишкомъ близкимъ союзомъ съ Погодинымъ и Шевыревымъ и чувствовавшіе потребность нѣсколько освободиться отъ этого компрометирующаго союза, настояли на передачѣ «Москвитянина» подъ редакцію И. В. Кирѣевскаго. Обѣ эти попытки опять-таки не имѣли

---

[1]) Станкевичъ, «Т. Н. Грановскій», 142.

[2]) Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, VII, 457.

[3]) Самъ Погодинъ своимъ грубовато-наивнымъ языкомъ передавалъ это такъ: «я спросилъ ихъ: возьмутъ ли они свято соблюдать нашу программу, отрекутся ли отъ діавола и Отечественныхъ Записокъ, будутъ ли почитать христіанскую религію, уважать бракъ». Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, VI, 280.

успѣха. Грановскому не было разрѣшено изданіе журнала, такъ какъ на докладѣ объ его прошеніи послѣдовала императорская резолюція: «и безъ новаго довольно» [1]). Кирѣевскій началъ было съ 1845 года редактировать «Москвитянинъ», но, не выдержавъ товарищества съ безпорядочнымъ, скуповатымъ и вмѣстѣ крайне ревнивымъ къ своей власти Погодинымъ, оставшимся издателемъ, бросилъ журналъ на третьей книжкѣ. Раньше, однако, чѣмъ опредѣлился неблагопріятный исходъ этихъ попытокъ, онѣ уже повлекли за собою разрывъ между партіями, изъ которыхъ исходили, вынудивъ каждую точнѣе обозначить собственную позицію и границы своего общенія съ противниками. Кирѣевскій звалъ Грановскаго и Герцена сотрудниками въ преобразовываемый «Москвитянинъ»; не отказываясь окончательно отъ его приглашенія въ силу высокаго уваженія къ его нравственной личности, оба они выставляли, однако, на видъ различіе мнѣній. Наконецъ, рѣшительное заявленіе Хомякова, что онъ не далъ бы статьи Грановскому, доставило возможность и другой сторонѣ, отбросивъ личныя симпатіи, высказаться столь же опредѣленно. Въ разгаръ непріязни, возбужденной этими объясненіями, Языковъ, прежній поэтъ афишированнаго разгула, сдѣлавшійся потомъ славянофиломъ «по родству» и воспѣвавшій Шевырева по пріязни, вмѣшался въ распрю, схватившись за оружіе, несовсѣмъ чистое. Имъ были написаны и пущены по рукамъ два стихотворенія, направленныя одно противъ всѣхъ западниковъ, другое противъ Чаадаева, считавшагося въ славянофильскомъ лагерѣ воплощеніемъ «западныхъ» началъ, хотя это и было далеко несправедливо. Въ первомъ изъ этихъ стихотвореній, авторъ, перебирая различныхъ западниковъ, посвящалъ Грановскому такія строки: «ты, сладкорѣчивый книжникъ,—оракулъ юношей-невѣждъ,— ты, легкомысленный сподвижникъ—безпутныхъ мыслей и надеждъ», а ко всей партіи обращался съ рѣзкими упреками. «Не любо вамъ—говорилось здѣсь—святое дѣло—и слава нашей старины.—Въ васъ не живетъ, въ васъ омертвѣло—родное чувство... Въ васъ живетъ—любовь не къ истинѣ и благу.—Народный гласъ—онъ Божій гласъ.—Не онъ рождаетъ въ васъ отвагу.—Онъ страненъ, дикъ, онъ чуждъ для васъ... Русская земля—отъ васъ не приметъ просвѣщенія.—Вы страшны ей. Вы влюблены—въ свои предательскія мнѣнія—и святотатственные сны... Умолкнетъ ваша злость пустая,—замретъ проклятый вашъ языкъ.—Крѣпка, надежна Русь святая—и русскій Богъ еще великъ» [2]). Другое стихотвореніе изобиловало еще болѣе рѣзкими и недвусмысленными выраженіями. Появленіе этихъ «юридическихъ документовъ» въ стихахъ вызвало бурю. Болѣе прямодушные и чистые изъ славянофиловъ вознегодовали на поступокъ Язы-

[1]) Тамже, VII, 442.

[2]) Вѣстникъ Европы, 1871, № 9, сс. 43-4.

кова. Ив. Аксаковъ отвѣтилъ ему стихотвореніемъ же, въ которомъ отрекался отъ него, обзывая его «союзникомъ гнилымъ». Но такъ отнеслись къ дѣлу далеко не всѣ славянофилы, и запутанныя отношенія едва не разрѣшились дуэлью Грановскаго съ И. Кирѣевскимъ. Разрывъ сталъ неизбѣженъ, и партіи разошлись окончательно, хотя многіе изъ членовъ ихъ обѣихъ повиновались этой необходимости лишь съ тяжелымъ сердцемъ. К. Аксаковъ простился съ Герценомъ и Грановскимъ особенно трогательно. Къ послѣднему онъ пріѣхалъ ночью, разбудилъ его и, сжимая въ своихъ объятіяхъ, объявилъ, что пришелъ, сохраняя къ нему глубокое уваженіе, проститься съ нимъ, какъ съ представителемъ враждебныхъ взглядовъ, и порвать старую дружбу. Личныя чувства при всей ихъ силѣ не могли однако замѣнить единства воззрѣній. Неумолимая логика идей брала свое, и разошедшіяся въ разныя стороны партіи скоро очутились на такомъ разстояніи одна отъ другой, что почти утратили способность взаимнаго пониманія и послѣдніе слѣды недавняго общенія. Въ роковомъ для жизни русскаго общества 1848 году, когда западники возбужденно примыкали къ европейскимъ движеніямъ, ждали на родинѣ либеральныхъ дѣйствій въ крестьянскомъ вопросѣ, а позднѣе пытались въ виду надвигавшейся реакціи придать хоть какую-нибудь организацію общественнымъ силамъ, славянофилы или, какъ Ив. Аксаковъ, мечтали, что въ эпоху, «когда весь Западъ отрекается отъ всѣхъ своихъ началъ», «выростаетъ громадное значеніе Россіи» и «Государь надѣнетъ скоро или позволитъ носить русское платье» [1]), или же, какъ И. Кирѣевскій, проповѣдуя полную апатію, вмѣстѣ угрюмо ворчали даже противъ введенія инвентарныхъ правилъ [2]). Они позволили опередить себя даже Погодину, намѣревавшемуся было въ это время послать адресъ объ освобожденіи литературы отъ излишнихъ цензурныхъ стѣсненій,—мысль, поспѣшно остановленная тѣмъ же Кирѣевскимъ, не видѣвшимъ большой бѣды въ томъ, что «наша литература будетъ убита на два или на три года». Полнѣе нельзя было оправдать разрывъ 1845 года.

На первыхъ же порахъ послѣ этого разрыва выяснилось и то, на сторону какой изъ выступившихъ передъ обществомъ партій склоняется сочувствіе молодой его части. Поводъ къ уясненію этого обстоятельства опять доставленъ былъ частнымъ эпизодомъ изъ жизни Грановскаго — защитою имъ магистерской диссертаціи. Представленная имъ въ факультетъ работа едва не была отвергнута по стараніямъ Шевырева и Бодянскаго, раздражен-

---

[1]) И. С. Аксаковъ. М. 1888, сс. 438—9.

[2]) Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, IX, 303. Хомяковъ еще въ 1845 г. писалъ: «Досадно, когда видишь, что Загоскинъ (хоть онъ и славный человѣкъ) за насъ, а Грановскій противъ насъ: чувствуешь, что съ нами за одно только инстинктъ, а умъ и мысль съ нами мириться не хотятъ». Р. Архивъ, 1879, III, 318.

ныхъ доказательствами автора, что пресловутая славянская Винета представляетъ собою не болѣе, какъ миѳъ. Диспутъ все-таки состоялся 21 февраля 1845 г., и, тогда какъ Грановскаго студенты встрѣтили и провожали шумными аплодисментами, его противники были освистаны, не столько даже въ виду несостоятельности ихъ возраженій, сколько въ видѣ осужденія всѣхъ ихъ дѣйствій въ данномъ эпизодѣ, болѣе или менѣе извѣстныхъ слушателямъ. Эти оваціи по отношенію къ Грановскому, продолжавшіяся и на послѣдовавшихъ его лекціяхъ, навлекли было на него новыя обвиненія, грозившія прекратить его дѣятельность, и ему же было поручено успокоить студентовъ. Онъ выполнилъ это порученіе такъ, что его тогдашняя рѣчь осталась образцомъ рѣчи профессора къ студентамъ. Прося ихъ воздержаться отъ дальнѣйшихъ внѣшнихъ проявленій симпатіи къ нему, вполнѣ уже уяснившейся, онъ сказалъ между прочимъ: «я знаю, что страхомъ васъ нельзя остановить. Меня заставляютъ говорить причины болѣе разумныя, болѣе достойныя и меня, и васъ. Мы, равно и вы, и я, принадлежимъ къ молодому поколѣнію—тому поколѣнію, въ рукахъ котораго и жизнь, и будущность. И вамъ, и мнѣ предстоитъ благородное и, надѣюсь, долгое служеніе нашей великой Россіи,—Россіи, преобразованной Петромъ, Россіи, идущей впередъ и съ равнымъ презрѣніемъ внимающей и клеветамъ иноземцевъ, которые видятъ въ насъ только легкомысленныхъ подражателей западнымъ формамъ, безъ всякаго собственнаго содержанія, и старческимъ жалобамъ людей, которые любятъ не живую Русь, а ветхій призракъ, вызванный ими изъ могилы, и нечестиво преклоняются предъ кумиромъ, созданнымъ ихъ празднымъ воображеніемъ. Побережемъ же себя на великое служеніе» [1]. Успѣхъ этой рѣчи былъ вмѣстѣ и новой побѣдой направленія, представлявшагося ораторомъ. Съ этой поры Грановскій въ глазахъ студентовъ сталъ неоспоримо первымъ лицомъ въ ряду профессорской коллегіи и размѣръ симпатіи къ нему, при всемъ участіи въ возбужденіи этой симпатіи личныхъ свойствъ его характера и таланта, весьма ясно указывалъ, какое направленіе находило себѣ болѣе адептовъ среди университетской молодежи.

Исповѣдывавшій это направленіе кругъ лицъ, занявшихъ боевую позицію по отношенію къ славянофильству, не надолго сохранилъ, однакоже, полное единство и въ собственной средѣ. Дальнѣйшее обсужденіе тѣхъ спорныхъ вопросовъ, по которымъ въ присутствіи славянофиловъ чувствовали себя вполнѣ солидарными всѣ члены круга, указало новыя точки зрѣнія и вскрыло различные оттѣнки мысли внутри самого западническаго стана. Первымъ сталъ на очередь вопросъ о народности, подвергшійся теперь разсмотрѣнію съ иной стороны. Для нѣкоторыхъ членовъ кружка, увлеченныхъ

[1] Станкевичъ, «Т. Н. Грановскій», 147.

защитою обще-человѣческой цивилизаціи и правъ личности, вопросъ о характерѣ отношенія между личностью и массой народа рѣшался всецѣло въ пользу первой и на долю второго доставалось въ такомъ случаѣ сострадательное или даже полу-презрительное пренебреженіе. Одно время и Бѣлинскій, менѣе всего повинный въ такомъ взглядѣ на практикѣ, въ пылу спора съ славянофильствомъ допускалъ съ обычной своею страстностью такія тирады въ этомъ смыслѣ, которыя не могли уже быть истолкованы, какъ простыя полемическія украшенія журнальной рѣчи. Адвокатомъ нравственнаго достоинства народа и проповѣдникомъ уваженія къ нему явился на этотъ разъ тотъ же Грановскій, который при другихъ условіяхъ былъ пропагандистомъ идеи личности. Всего черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ разрыва съ славянофилами онъ уже счелъ необходимымъ точнѣе обозначить свою точку зрѣнія въ данномъ вопросѣ, возставъ противъ практиковавшихся Бѣлинскимъ пріемовъ полемики, какъ оправдывающихъ ложную мысль и служащихъ къ распространенію презрительныхъ взглядовъ на народность; къ его рѣшительному заявленію, что онъ въ этомъ вопросѣ сознаетъ себя стоящимъ ближе къ славянофиламъ, чѣмъ къ «Отечественнымъ Запискамъ» и вообще къ западникамъ, присоединился и Герценъ [1]). Возникшее разногласіе, поскольку оно касалось Бѣлинскаго, задѣвало все же болѣе форму, нежели сущность его взглядовъ, и потому, уясняя поднятый вопросъ, производя даже по нему нѣкоторое раздѣленіе въ западническомъ кругу, не влекло за собою разъединенія его главныхъ вождей. Бѣлинскій очень скоро самъ сталъ на точку зрѣнія, указывавшуюся ему Грановскимъ, и выразилъ ее еще опредѣленнѣе и рѣзче.

Болѣе глубокое и существенное разногласіе произошло между главными представителями кружка по другимъ вопросамъ. Съ начала сороковыхъ годовъ въ его интересахъ вопросы эстетическіе стали уступать свое мѣсто общественнымъ и самыя философскія проблемы получили болѣе ясную и опредѣленную постановку. Изученіе Гегеля и его правовѣрныхъ послѣдователей замѣнилось изученіемъ философскихъ построеній нѣмецкаго лѣваго гегеліанства и критики соціальныхъ условій современности, какая производилась во французской литературѣ. Фейербахъ, Фурье, Прудонъ, Луи-Бланъ приковали къ себѣ вниманіе московскихъ гегеліанцевъ и въ результатѣ такого увлеченія новыми интересами характерные ранѣе для западничества умѣренность въ политическихъ вопросахъ и пантеизмъ въ сферѣ философіи стали преображаться въ общественный радикализмъ и философскій матеріализмъ. Руководящая роль въ этомъ направленіи принадлежала Герцену,

---

[1]) См. разсказъ Анненкова («Замѣчательное десятилѣтіе»), именно настаивающаго на томъ, что такія мысли въ кругу западниковъ впервые были высказаны Грановскимъ.

обнаруживавшему всегда особенную чуткость къ вопросамъ общественной жизни и вмѣстѣ ранѣе всѣхъ лицъ своего круга сознавшему тщету попытокъ удержать въ новыхъ философскихъ формулахъ старое идейное содержаніе. Бѣлинскій, позднѣе и подъ прямымъ вліяніемъ Герцена вступившій на этотъ путь, пошелъ по нему неуклонно и послѣдовательно. Иначе обстояло дѣло съ Грановскимъ. Будучи болѣе подготовленъ къ пониманію вопросовъ общественной жизни, онъ могъ на первыхъ же порахъ стать рука объ руку съ Герценомъ, но его мягкая натура не позволяла ему всецѣло присоединиться къ тѣмъ крайнимъ рѣшеніямъ, какія легко и безъ особыхъ жертвъ давались рѣзкому критическому уму его друга. Идея личности заняла центральное мѣсто въ общественномъ міросозерцаніи Грановскаго, но проводилъ онъ эту идею въ политическихъ вопросахъ съ сравнительною умѣренностью, выражая подчасъ свое сочувствіе такимъ явленіямъ современности, которыя у другихъ лицъ его круга вызывали почти безусловное осужденіе, вродѣ іюльской монархіи во Франціи и, въ частности, правительственной системы Гизо. Та же черта природной умѣренности характера сказывалась и въ отношеніи его къ другой сторонѣ общественныхъ вопросовъ современности, именно къ тѣмъ проблемамъ, какія были поставлены экономическою жизнью Западной Европы и доходили до русскаго общества чрезъ посредство французской литературы сороковыхъ годовъ. Раздѣляя господствовавшее въ западническихъ кругахъ увлеченіе послѣдней и присоединяясь къ тѣмъ общимъ требованіямъ, какія ставились ею отъ имени рабочихъ массъ, Грановскій и здѣсь не шелъ такъ далеко по пути восторженнаго энтузіазма, какъ ближайшіе его друзья. Можно думать, однако, что въ этомъ случаѣ въ немъ, помимо безсознательнаго консерватизма его мягкой натуры, невольно возбуждавшагося тою рѣзкою антитезою, какая проводилась тогда между завѣтами прошлаго и идеалами будущаго и какая осуждала на гибель едва не всѣ плоды современной цивилизаціи, дѣйствовали и другія, болѣе глубокія и серьезныя побужденія. Принимая конечные выводы новыхъ соціальныхъ системъ, онъ, повидимому, подвергалъ критикѣ преимущественно способы ихъ практическаго осуществленія, проектированные эпохою. «Соціализмъ—говорилъ онъ, по словамъ Анненкова,—чрезвычайно вреденъ тѣмъ, что пріучаетъ отыскивать разрѣшеніе задачъ общественной жизни не на политической аренѣ, которую презираетъ, а въ сторонѣ отъ нея, чѣмъ и себя, и ее подрываетъ». Такого рода возраженіе, конечно, не могло быть приложено ко всей критикуемой системѣ, но оно во всякомъ случаѣ очень мѣтко указывало одну изъ слабыхъ сторонъ французскаго соціальнаго движенія той поры и, еще гораздо болѣе, того отраженія, какое получило послѣднее въ русской общественной средѣ, и въ немъ заключалась возможность весьма серьезной поправки къ широкимъ мечтамъ Герцена, такъ мало, въ смыслѣ надеждъ на немедленное

осуществленіе въ современной имъ жизни, оправданнымъ суровою дѣйствительностью. Вопросы практической политики слишкомъ далеко стояли, однако, отъ жизни русскаго общества въ сороковыхъ годахъ для того, чтобы эти разногласія могли принять вполнѣ опредѣленную форму и пріобрѣсти серьезное значеніе. При различіи мнѣній въ частностяхъ, единство въ общихъ взглядахъ могло и продолжало существовать, благодаря отсутствію почвы для ихъ непосредственнаго примѣненія. Иной вопросъ, болѣе отвлеченный, но и болѣе видный и болѣе жгучій въ порядкѣ развитія идей кружка, нарушилъ это единство.

Тогда какъ въ Грановскомъ знакомство съ гегеліанскою философіей лишь преобразовало, но не уничтожило основы старыхъ его воззрѣній на духовную сторону человѣческой природы, для Герцена примиреніе конечнаго съ безконечнымъ путемъ логическихъ пріемовъ Гегелевской діалектики послужило лишь кратковременной переходною ступенью къ новому міровоззрѣнію, которое было выработано имъ еще за время пребыванія въ Новгородѣ, при помощи Фейербаха, и въ основу котораго легла мысль объ единствѣ духа и матеріи. Это обстоятельство ставило его на твердую почву и въ спорахъ съ славянофилами объ относительной роли философіи и преданія, давая возможность отвѣчать на упреки противниковъ въ безсиліи разсудочнаго мышленія дать удовлетвореніе непосредственному религіозному чувству полнымъ отрицаніемъ такой обязанности за философіей и провозглашеніемъ обязательности единственно ея выводовъ. Грановскій слѣдовалъ при этомъ за его аргументами лишь до той поры, пока они направлялись противъ общихъ противниковъ, отказываясь присоединиться къ послѣднимъ выводамъ изъ нихъ. Въ немъ самомъ порывы чувства порою пересиливали и заслоняли требованія логики; его мысль, наполовину совершавшаяся въ образахъ, была лишена той строгой опредѣленности и быстроты логическихъ соображеній, какая отличала умъ его друга; наконецъ, долгія и вдумчивыя занятія по преимуществу духовной стороной исторіи давали ему чувствовать натяжки философскаго матеріализма, и онъ долго уклонялся отъ послѣдняго слова въ этомъ вопросѣ. Когда же въ 1846 г. Герценъ и Огаревъ ребромъ поставили спорный вопросъ, требуя признанія своей точки зрѣнія на него, какъ единственно научной, онъ отказался продолжать споръ на эту тему. Внѣшность дружбы осталась въ кружкѣ, и въ лицѣ остальныхъ своихъ членовъ раздѣлившемся по данному вопросу, и послѣ того неприкосновенной, но во внутреннихъ отношеніяхъ была проведена рѣзкая разграничительная линія. Въ 1847 г. Герценъ выѣхалъ за-границу, унося съ собою сознаніе разрыва, въ слѣдующемъ году смерть унесла Бѣлинскаго, и Грановскій, лишенный наиболѣе близкихъ друзей, остался одинокимъ передъ надвигавшимся самымъ мрачнымъ періодомъ его жизни.

Этотъ разрывъ его съ Герценомъ считается часто окончательнымъ и

вмѣстѣ съ тѣмъ самъ Грановскій въ послѣдніе годы жизни изображается: какъ глава и типичный представитель средняго, умѣреннаго западничества Что во взглядахъ Грановскаго была извѣстная доля умѣренности, отличавшая его отъ бывшаго союзника по диспутамъ съ славянофилами, съ этимъ спорить не приходится. Но, и признавая это, мы склонны думать, что въ названной характеристикѣ кроется значительное преувеличеніе и что вмѣстѣ въ ней стираются весьма существенные оттѣнки духовной личности изображаемаго человѣка. Подобное изображеніе, какъ кажется, всецѣло унаслѣдовано нашей литературой отъ перваго біографа Грановскаго—Станкевича. Но, при всѣхъ крупныхъ достоинствахъ этой замѣчательной книги, авторъ ея именно въ характеристикѣ послѣднихъ годовъ жизни героя своего разсказа далъ слишкомъ много мѣста своимъ субъективнымъ взглядамъ и сообщилъ этой характеристикѣ нѣсколько произвольную окраску, подкрѣпивъ ее случайными болѣе или менѣе показаніями (причемъ въ число таковыхъ были привлечены и рѣзкія слова, вырывавшіяся у Грановскаго въ минуту раздраженія на отсутствующаго друга) и упустивъ прямыя и врядъ-ли поддающіяся двойному истолкованію свидѣтельства, исходящія отъ наиболѣе заинтересованныхъ въ данномъ случаѣ лицъ.

Въ дѣйствительности старая дружба выдержала тяжелое и долго длившееся испытаніе, но не порвалась совершенно. Не исчезло навсегда и единство взглядовъ, нарушеніе котораго сопровождалось для обѣихъ сторонъ такою тяжелою душевною болью. Размолвка длилась нѣкоторое время, но уже выходъ въ 1847 г. «Записокъ доктора Крупова» далъ поводъ къ возстановленію прежнихъ личныхъ отношеній. «Круповъ—писалъ Грановскій—снялъ у меня съ души что-то ее сжимавшее, отъ чего ей было неловко съ тобою. Мнѣ кажется, что я опять слышу твой смѣхъ, что я опять вижу тебя во всей красотѣ и молодости твоей природы... Дай же руку, carissime!» [1]). Нѣсколько позже онъ возобновилъ и ту бесѣду, которая раздѣлила его съ отсутствующими друзьями во время ихъ пребыванія въ Россіи. «Время это — говорилъ онъ теперь—прошло не безъ пользы для меня. Я вышелъ побѣдителемъ изъ худшей стороны самого себя. Того романтизма, за который вы обвиняли меня, не осталось слѣда». Эти строки, написанныя въ 1849 г. и подтверждаемыя другими свидѣтельствами современниковъ [2]),

[1]) Переписка Т. Н. Грановскаго, М. 1897, сс. 445—6

[2]) С. М. Соловьевъ въ своихъ запискахъ указываетъ на деликатность Грановскаго, въ противоположность Герцену, въ отзывахъ о чужихъ убѣжденіяхъ: «онъ не только никогда не отзывался рѣзко при мнѣ о христіанствѣ, но, оставаясь со мною наединѣ, особенно впослѣдствіи, любилъ заводить со мною разговоръ о христіанствѣ, выказывая къ нему самую сильную симпатію, проговариваясь о зависти, какую чувствовалъ къ людямъ вѣрующимъ». Р. Вѣстникъ, 1896, № 4, 2. Эту мягкость отзывовъ, въ соединеніи

не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что главное разногласіе между вождями московскаго западничества съ теченіемъ времени окончательно устранилось, хотя при этомъ Грановскій, какъ можно догадываться, и не становился всецѣло на сторону философскаго матеріализма. Литературная дѣятельность Герцена за границею также вызывала нѣкоторыя возраженія со стороны Грановскаго. Онъ находилъ въ работахъ друга слишкомъ механическое воззрѣніе на исторію. «Для такого человѣчества,—замѣчалъ онъ—какое ты представляешь въ статьяхъ своихъ, для такого скуднаго и безплоднаго развитія не нужно великихъ и благородныхъ дѣятелей». Онъ протестовалъ и противъ тѣхъ увлеченій Герцена, въ которыхъ видѣлъ возростающее сближеніе съ славянофилами: «глядя на пороки Запада, ты клонишься къ славянамъ и готовъ подать имъ руку. Пожилъ бы ты здѣсь и ты сказалъ бы другое» [1]). Онъ пытался, наконецъ, замкнуть дѣятельность друга въ такія рамки, оставаясь въ которыхъ, она могла, по его убѣжденію, имѣть непосредственное практическое значеніе въ русской жизни, для которой онъ видѣлъ «страшную потерю» въ уходѣ на сторону такой громадной силы. Не надо забывать и того, что періодъ наиболѣе громкой дѣятельности Герцена тогда только еще начинался. Во всякомъ случаѣ все это представляло собою не болѣе, какъ частныя несогласія, не имѣвшія подъ собою глубокой принципіальной почвы и не мѣшавшія Грановскому, въ концѣ концовъ, стоять ближе въ основныхъ воззрѣніяхъ къ далекому другу, чѣмъ къ складывавшейся въ Москвѣ, въ частности среди молодыхъ профессоровъ университета, фракціи умѣреннаго западничества, члены которой охотно выставляли Грановскаго своимъ главой, хотя не могли не чувствовать въ немъ человѣка, сближеннаго съ ними болѣе характеромъ и обстоятельствами, чѣмъ убѣжденіями [2]). Надо помнить также, что «модерація» Грановскаго, которая такъ сердила Бѣлинскаго, порою все же вліяя на него, имѣла точно опре-

съ неполной удовлетворенностью положеніями философскаго матеріализма, иные принимали за отсутствіе прочныхъ убѣжденій.

[1]) Переписка Т. Н. Грановскаго, 447, 448 (письма 1851 и 1854 гг.).

[2]) Станкевичъ приводитъ (Т. Н. Грановскій, 297) рѣзкіе отзывы Грановскаго о Герценѣ въ 1855 г. и даже сравненіе послѣдняго съ Погодинымъ. Довольно однако просмотрѣть недавно опубликованныя письма Грановскаго къ самому Герцену, чтобы видѣть, что подобные отзывы были результатомъ гнѣвнаго раздраженія минуты, а не прочнаго настроенія. «О тебѣ, пишетъ онъ въ 1851 г., осталось исполненное любви воспоминаніе не у однихъ насъ, близкихъ тебѣ». «Изъ сочиненій твоихъ, говорится въ письмѣ 1854 г., нѣкоторыя дошли и къ намъ. Друзья твои прочли ихъ съ жадностью, любовью и грустью. Когда случай сводитъ насъ вмѣстѣ, разсѣянныхъ теперь, твое имя чаще всѣхъ другихъ раздается между нами». Переписка Т. Н. Грановскаго, 447. Съ другой стороны, хотя бы записки С. М. Соловьева даютъ чувствовать ту грань, которую проводили настоящіе «умѣренные» западники между собою и Грановскимъ.

дѣленныя границы и никогда не переступала за предѣлы уваженія ко всякому искреннему и чистому убѣжденію, чуждому заднихъ цѣлей.

Обстановка русской общественной жизни конца сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ мало благопріятствовала однако разъединенію сколько-нибудь близкихъ группъ. Среди свирѣпыхъ волнъ разбушевавшейся реакціи приходилось болѣе всего заботиться о сохраненіи имѣвшихся уже на лицо пріобрѣтеній юной русской общественности, и силы Грановскаго были посвящены главнымъ образомъ выполненію этой тяжелой обязанности. Но въ самомъ началѣ роковаго періода 1848—54 гг. онъ дважды едва не былъ вынужденъ покинуть свой отвѣтственный и почетный постъ на каѳедрѣ. Въ первый разъ онъ самъ собирался оставить университетъ. Поводомъ къ этому послужило то обстоятельство, что одинъ изъ молодыхъ преподавателей, вступившихъ на каѳедры въ концѣ тридцатыхъ годовъ, Н. И. Крыловъ, позволилъ себѣ такіе поступки, которые Грановскій считалъ несовмѣстимыми съ достоинствомъ служенія образованію молодежи. Вмѣстѣ съ Кавелинымъ и Рѣдкинымъ онъ заявилъ о своей готовности выйти въ отставку, если Крыловъ останется въ московскомъ университетѣ. Сперва казалось, что министерство уступитъ требованію лучшихъ профессоровъ, но затѣмъ его настроеніе измѣнилось и рѣшеніе послѣдовало въ пользу Крылова. «Jus Romanum—писалъ по этому поводу Хомяковъ—одержалъ полную побѣду, и я этому бы очень радовался, еслибы ученый не былъ такой ужасный взяточникъ» [1]). Кавелинъ и Рѣдкинъ просили отставки и получили ее, но Грановскому, какъ пользовавшемуся во время заграничной поѣздки казенной стипендіей и еще не отслужившему за нее обязательнаго срока, было отказано въ его просьбѣ, и онъ былъ вынужденъ остаться въ университетѣ. Впрочемъ, желаніе покинуть послѣдній исчезло у него, когда онъ увидѣлъ, какими опасностями грозитъ разгоравшееся реакціонное движеніе дѣлу университетскаго образованія, и онъ рѣшилъ оставаться на своемъ посту до послѣдней возможности. Почти въ то же время вопросъ о сохраненіи за нимъ каѳедры былъ снова поднятъ, и уже не въ такомъ благопріятномъ для него смыслѣ. Его имя оказалось запутаннымъ въ дѣло о кружкѣ Петрашевцевъ [2]), и это едва не навлекло на него тяжелыхъ послѣдствій. Въ руки слѣдственной коммиссіи по этому дѣлу попало перехваченное письмо одного изъ членовъ названнаго кружка, Плещеева, писанное изъ Москвы 26 марта 1849 г., въ которомъ онъ говорилъ о Грановскомъ, Кудрявцевѣ и Соловьевѣ, какъ о лучшихъ профессорахъ мѣстнаго университета, прибавляя вмѣстѣ, что первые два изъ нихъ и наиболѣе

[1]) Р. Архивъ, 1884. № 4, 304.

[2]) Объ этомъ дѣлѣ см. статью В. И. Семевскаго: «Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 40-хъ годовъ» (въ сборникѣ «На славномъ посту». СПБ. 1900, сс. 98—152).

популярны среди студентовъ, и замѣчая о Грановскомъ, что онъ «человѣкъ чрезвычайно живой, энергическій, бойкій, вѣчно держащій оппозицію здѣшнему университетскому начальству, которое до того подло и гнусно, что трудно вообразить себѣ» [1]). По поводу этого письма коммиссія признала нужнымъ обратиться съ запросомъ къ московскому военному губернатору, гр. Закревскому, а послѣдній въ свою очередь запросилъ тогдашняго попечителя, Д. П. Голохвастова, обо всѣхъ трехъ инкриминированныхъ профессорахъ, потребовавъ свѣдѣнія объ ихъ образѣ жизни и мыслей, отношеніи къ университетскому начальству и о духѣ и направленіи ихъ лекцій. Голохвастовъ на эти вопросы отвѣчалъ: «Въ образѣ жизни всѣхъ ихъ ничего предосудительнаго не извѣстно. По образу мыслей и ученому направленію всѣ трое могутъ почесться противниками т. н. славянофиловъ и скорѣе наклонными къ европеизму, что и можно было замѣтить изъ сочиненій, помѣщенныхъ ими въ разныхъ петербургскихъ журналахъ. Въ отношеніи къ университетскому начальству никогда не были замѣчены въ сопротивленіи или нарушеніи должнаго къ нему уваженія. Въ отношеніи къ студентамъ, какъ преподаватели усердные, трудолюбивые и знающіе свое дѣло, всегда пользовались ихъ уваженіемъ и любовью; но чтобы входили съ ними въ непозволительныя связи или сношенія, того извѣстно не было. Что касается до духа и направленія ихъ лекцій въ настоящее время, то съ этой стороны также ничего вреднаго не замѣтно, тѣмъ болѣе, что, какъ люди весьма умные, они очень хорошо понимаютъ, что, въ особенности со времени послѣднихъ событій въ Европѣ, надзоръ со всѣхъ сторонъ долженъ быть усиленъ и что, еслибы они позволяли себѣ на лекціяхъ, посѣщаемыхъ многими молодыми людьми, говорить что-либо противное духу правительства, то это никакъ не могло бы остаться тайною» [2]). Этотъ отзывъ не могъ, однакоже, усыпить подозрительность гр. Закревскаго, возбужденная мнительность котораго, заставлявшая его видѣть въ однихъ словахъ: западничество и славянофильство что-то недозволительное, позволяла ему уже въ 1858 г. доходить до аттестаціи В. А. Кокорева, какъ «западника, демократа и возмутителя, желающаго безпорядковъ», М. П. Погодина, какъ «корреспондента Герцена, литератора, стремящагося къ возмущенію», и Ю. Ѳ. Самарина, какъ «славянофила и литератора, желающаго безпорядковъ и на все готоваго» [3]). Въ данномъ случаѣ изъ представленнаго имъ въ слѣдственную коммиссію отзыва было «видно, что по собраннымъ секретнымъ свѣдѣніямъ о всѣхъ обстоятельствахъ, относящихся до Грановскаго и Кудрявцева, оказалось, что Грановскій, отправляя

[1]) Сѣв. Вѣстникъ, 1896, № 1.
[2]) Р. Архивъ, 1887, II, 522—3.
[3]) Р. Архивъ, 1885, № 7, 449—50.

должность ординарнаго профессора, въ сентябрѣ 1839 года началъ въ тамошнемъ университетѣ чтеніе лекцій средней и новой исторіи, что человѣкъ онъ характера пылкаго, но непостояннаго и готовъ сближаться съ каждымъ; въ прошедшемъ году намѣревался выйти въ отставку, но сего не исполнилъ и на первой лекціи настоящаго курса сказалъ въ объясненіе своихъ поступковъ: «вновь принимаюсь за дѣло, но не съ той охотой, какъ прежде. Я имѣлъ намѣреніе оставить университетъ, но по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ принужденъ опять продолжать». Съ студентами онъ обходится, какъ съ товарищами, чрезвычайно ими любимъ и потому имѣетъ на нихъ большое вліяніе. Находится въ дружбѣ съ адъюнктомъ Кудрявцевымъ и въ особенности съ купеческимъ сыномъ Боткинымъ, пріятелемъ того Бакунина, который проживаетъ за границею. Кудрявцевъ же состоитъ преподавателемъ въ тамошнемъ университетѣ съ 15 авг. 1847 г., студентами любимъ и обращается съ ними такъ же, какъ и Грановскій; по отзыву университетскаго начальства ни Грановскій, ни Кудрявцевъ не оказывали оному ни малѣйшаго сопротивленія, держали всегда себя въ границахъ должнаго уваженія и въ духѣ и въ направленіи ихъ лекцій не замѣчено ничего вреднаго. Къ сему гр. Закревскій присовокупилъ, что для положительнаго дознанія объ образѣ мыслей Грановскаго и Кудрявцева слѣдовало бы произвести у нихъ внезапный обыскъ и тщательно разсмотрѣть всѣ ихъ бумаги, но въ настоящее время послѣ арестованія Плещеева мѣра сія, по мнѣнію его, гр. Закревскаго, не обѣщаетъ важнаго результата и можетъ принести болѣе вреда, нежели пользы. По сему уваженію гр. Закревскій призналъ достаточнымъ ограничиться нынѣ учрежденіемъ строжайшаго секретнаго надзора за Грановскимъ и Кудрявцевымъ и, если по оному обнаружится что либо предосудительное, то принять тогда рѣшительныя мѣры. Слѣдственная коммиссія, усматривая изъ отзыва генералъ-адъютанта гр. Закревскаго, что означенное мнѣніе его въ отношеніи профессоровъ Грановскаго и Кудрявцева основано на соображеніи мѣстныхъ обстоятельствъ, которыя ближе ему извѣстны, нашлась въ необходимости, согласно этому мнѣнію, признать достаточнымъ учрежденный уже за Грановскимъ и Кудрявцевымъ строжайшій секретный надзоръ до тѣхъ поръ, пока гр. Закревскій не признаетъ нужнымъ принять мѣры рѣшительныя, о чемъ сообщить чрезъ г. предсѣдателя г. военному министру, предоставляя такимъ образомъ весь дальнѣйшій ходъ этого обстоятельства гр. Закревскому» [1]).

Рѣшительныя мѣры, въ концѣ-концовъ, такъ и не были приняты, но надъ головой Грановскаго повисъ своего рода Дамокловъ мечъ, каждую ми-

[1]) Документъ изъ дѣла о Петрашевцахъ, любезно сообщенный мнѣ В. И. Семевскимъ.

нуту грозившій обрушиться. Не личная опасность, однако, дѣлала для него тяжелыми эти мрачные годы, а весь характеръ общественной жизни. Волненія, ознаменовавшія 1848 годъ въ Зап. Европѣ, повели къ чрезвычайнымъ мѣрамъ предосторожности внутри Россіи. Въ университетахъ была увеличена плата за слушаніе лекцій и установленъ комплектъ студентовъ—въ 300 человѣкъ. Печать была взята подъ присмотръ особаго печальной памяти комитета, почти совершенно задавившаго ее своими произвольными мѣрами, перешедшими всякую границу вѣроятія. Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія самъ гр. Уваровъ, еще незадолго вынудившій гр. Строганова отказаться отъ должности попечителя въ Москвѣ, былъ признанъ не совсѣмъ подходящимъ къ потребностямъ времени и долженъ былъ смириться передъ дѣйствіями учрежденнаго по дѣламъ печати комитета. Особенное вниманіе было обращено на среднія учебныя заведенія, программы которыхъ подверглись радикальнымъ преобразованіямъ. Въ корпусахъ дѣйствовало знаменитое Ростовцевское «Наставленіе», предписывавшее, между прочимъ, преподавателямъ Закона Божія при изложеніи жизни І. Христа обращать главное вниманіе на «неуклонное исполненіе Имъ, въ продолженіе всей земной Своей жизни, возложеннаго на Него долга—до пожертвованія этому долгу самою жизнію». Учитель исторіи, по этому же рецепту, долженъ былъ при прохожденіи древней исторіи сообщать ученикамъ, что «высокій патріотизмъ, которому удивлялись въ подвигахъ греческихъ героевъ, былъ только высокій эгоизмъ Аѳинянина или Спартанца, полный или ненависти, или презрѣнія ко всякому греку не-Аѳинянину, не-Спартанцу», долженъ былъ разоблачать «мишурныя, театральныя добродѣтели многихъ героевъ Греціи и Рима» и указывать, что «никогда человѣчество не находилось на такой жалкой степени нравственнаго и политическаго униженія, какъ въ періодъ владычества римскаго», и именно римской республики. Главною цѣлью преподаванія исторіи вообще ставилось доказательство мысли, что «республиканскіе уставы» годятся только для маленькихъ государствъ, и установленіе коренного различія между Россіей и З. Европой въ развитіи тамъ и здѣсь понятія о верховной власти [1]). Аналогичное «наставленіе», составленное въ то же время и по образцу перваго для институтовъ, заявляло, что для женщины исполненіе священныхъ обязанностей супруги и матери «и лучше, и выше всякихъ познаній историческихъ и географическихъ». Въ прямомъ соотвѣтствіи съ этимъ общимъ принципомъ на урокахъ географіи предписывалось объ образѣ правленія въ разныхъ государствахъ «упоминать какъ можно короче», а историку слѣдовало «вообще объяснить, что уравненіе всѣхъ сословій и состояній есть химера несбыточная попытка разныхъ вре-

[1]) Наставленіе для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. СПБ. 1849, 24, 103—113.

менъ и народовъ, имѣвшая всегда одни и тѣ же плачевные результаты, и что проповѣдники мнимой свободы, подъ личиною благодѣтелей народа, дѣлались вездѣ то притѣснителями его, то жертвами своихъ лжеученій» [1]. Подавленное и оглушенное быстро слѣдовавшими одна за другой крутыми мѣрами общество въ значительной своей части растерялось и было охвачено паническимъ страхомъ: наиболѣе интеллигентное меньшинство его было, казалось, лишено всякой возможности дѣйствій и всякой силы для защиты своихъ идей.

Грановскаго эта эпоха застала въ расцвѣтѣ его жизненныхъ силъ. Его міросозерцаніе окончательно установилось въ главныхъ своихъ основахъ, его талантъ достигъ полной зрѣлости. Жажда дѣятельности, поддерживаемая сознаніемъ своихъ силъ, томила его, но поприща для нея, достойнаго этихъ силъ, не оказывалось. И раньше Грановскому приходилось чувствовать узость рамокъ, поставленныхъ ему судьбою, и испытывать всю горечь постояннаго отреченія и работы «не для себя лично, но для тѣхъ, которые явятся на свѣтъ позднѣе». Теперь же ему пришлось увидѣть, какъ и безъ того тѣсные предѣлы возможной дѣятельности съуживались съ каждымъ днемъ, и тратить благородныя силы по мелочамъ на скудныя потребности данной минуты. Онъ не впалъ въ апатію, какъ многіе другіе, не опустилъ рукъ и продолжалъ работать въ старомъ направленіи, не сломившись подъ вліяніемъ реакціи: его статьи появлялись въ журналахъ, онъ читалъ публичный курсъ въ 1851 г. и —что было всего важнѣе - его строгая рѣчь съ прежней увлекательной силой раздавалась въ аудиторіяхъ университета. Но для человѣка съ такимъ живымъ сознаніемъ общественныхъ интересовъ, какъ это было у него, ученый трудъ не могъ составить всего содержанія жизни и самъ становился почти невозможнымъ при нѣкоторыхъ условіяхъ. Умъ, полный скорбными заботами настоящаго, не могъ уйти въ спокойное созерцаніе прошлаго, и глухая, разъѣдающая тоска все съ большею силою овладѣвала имъ. «Есть съ чего сойти съ ума,—восклицалъ онъ.—Благо Бѣлинскому, умершему во время». Въ минуты такой тоски самая наука, въ которой онъ черпалъ обыкновенно силы и бодрость, теряла въ его глазахъ свое обаяніе. «Обнимаю дѣтей вашихъ – писалъ онъ одному изъ друзей.—Учить ихъ исторіи болѣе не хочу, не стоитъ. Довольно имъ знать, что это глупая, ни къ чему не ведущая вещь». Жизнь подернулась для него мрачною пеленой, представляя одно исполненіе суроваго долга безъ надежды на скорые результаты, и мысль о смерти, какъ естественномъ и желательномъ исходѣ, все чаще являлась его уму. «Тяжело и выхода нѣтъ живому», говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ этого времени. Въ

[1] Е. Лихачева. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1828—1856), СПБ. 1895, 140—143.

эту пору и въ его личномъ характерѣ проявилась слабость, какую онъ умѣлъ сдерживать въ болѣе свѣтлые годы своей жизни,—наслѣдственная страсть къ игрѣ, навлекшая на него столько громкихъ упрековъ, которыми пытались омрачить его чистую память [1]). Врядъ-ли стоитъ останавливаться на этихъ упрекахъ, слишкомъ обыкновенныхъ въ нашемъ обществѣ, нерѣдко такомъ снисходительномъ къ общественной дѣятельности своихъ членовъ и такъ строго судящемъ ихъ частную жизнь. «Когда же поймутъ, писалъ самъ Грановскій по этому поводу—что человѣку нельзя серьезно помириться съ мыслью о погибшемъ собственномъ существованіи, что эта мысль, временно подавленная и заглушенная, безпрерывно грызетъ его». Слабости, о которыхъ мы упомянули, не помѣшали Грановскому выполнить великій подвигъ. Черезъ бурю реакціи онъ пронесъ невредимымъ знамя прогресса и собралъ къ нему толпы свѣжихъ и юныхъ бойцовъ. За то его собственныя силы изнемогли подъ тяжестью этого подвига.

Съ грознымъ испытаніемъ, вынесеннымъ Россіей въ видѣ Крымской кампаніи, такъ наглядно вскрывшимъ несостоятельность старой системы, заправлявшей ходомъ государственнаго механизма, и вмѣстѣ показавшимъ всю мощь крѣпкаго народнаго организма, въ жизни нашего отечества оканчивалась одна эпоха и начиналась другая. Въ воздухѣ повѣяло новыми, болѣе свѣжими теченіями, и Грановскій одинъ изъ первыхъ лихорадочно схватился за работу, ставшую вновь возможной въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Онъ принялъ участіе въ дѣлахъ факультета, будучи избранъ его деканомъ, проектировалъ реформы въ немъ, писалъ учебникъ исторіи, задумывалъ и подготовлялъ изданіе историческаго журнала. Но

Пали съ плечъ подвижника вериги,
И подвижникъ мертвый палъ.

Надломленный долгою борьбою организмъ не выдержалъ, и борецъ за русское просвѣщеніе, за достоинство и самостоятельность науки и успѣхи гражданственности въ Россіи какъ разъ въ тотъ моментъ, когда его скорбный трудъ готовъ былъ увѣнчаться первыми осязательными результатами и надъ русскою жизнью загоралась заря новаго дня, сошелъ въ могилу, съ радостнымъ сознаніемъ наступленія этой зари и въ блаженномъ невѣдѣніи того, какъ недолго суждено возвѣщавшемуся ею дню горѣть полнымъ и

---

[1]) Примѣромъ того, какъ мало заботились иногда въ подобныхъ упрекахъ о соблюденіи даже внѣшняго вида справедливости, могутъ служить хотя бы записки С. М. Соловьева; говоря, что Грановскій мало печаталъ не благодаря цензурѣ, а по лѣни, онъ добавляетъ: «печатать было можно и въ это трудное время (1848—1855 гг.), еще легче было печатать прежде и послѣ него». Р. Вѣстн., 1896, № 2, 18. Бѣда, значитъ, была въ томъ, что Грановскій лѣнился писать, лежа въ могилѣ.

яркимъ свѣтомъ. Но, сходя съ жизненной сцены, онъ оставилъ за собою глубокій и свѣтлый слѣдъ. Въ многочисленныхъ проявленіяхъ общественнаго горя, какія были вызваны его смертью, звучала скорбь объ утратѣ не только крупнаго ученаго, но и благороднаго участника современной жизни. Онъ былъ, дѣйствительно, прежде всего человѣкъ общества, и въ его рукахъ самая наука прошлаго, нимало не теряя своего самостоятельнаго значенія, не спускаясь съ своей идеальной высоты, становилась средствомъ служенія идеаламъ человѣчности среди волнующейся жизни современности. Съ честью занималъ онъ свое мѣсто въ передовомъ ряду тѣхъ людей, которые, воспринявъ эти идеалы отъ дѣятелей начала столѣтія и углубивъ и усиливъ ихъ всѣмъ опытомъ европейской науки, передали ихъ дальнѣйшимъ поколѣніямъ и болѣе широкимъ слоямъ общества. Въ глухую пору русской жизни, когда на первый взглядъ она казалась сплошь погруженной въ глубокій и безпробудный сонъ, происходила эта плодотворная работа, переносившая идеи, двадцать лѣтъ назадъ бывшія достояніемъ кабинетовъ отдѣльныхъ мыслителей да небольшихъ кружковъ аристократической молодежи, въ стѣны университетовъ и среду читателей журналовъ. И какъ зерна, глухою осенью заложенныя въ землю, переживаютъ въ ней зимніе холода и бури, чтобы выйти на свѣтъ при первыхъ горячихъ лучахъ весенняго солнца, такъ зрѣли въ тиши русской жизни эти идеи, давшія содержаніе новому періоду нашей исторіи. Дѣятельное участіе въ этой идейной работѣ, поддерживавшей преемственную связь поколѣній и обусловливавшей возможность неустаннаго развитія, составляетъ неоспоримую заслугу Грановскаго, его прочное право на память русскаго общества.

VI.

К. Д. Кавелинъ, какъ историкъ и публицистъ.

Въ 1847 г. въ январьской книжкѣ «Современника» появилась статья подъ заглавіемъ: «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи». Статья эта, сводившая въ одну общую формулу, ясную и отчетливую, весь ходъ развитія русской исторической жизни, произвела сильное впечатлѣніе на тогдашнее общество. Ею зачитывались въ интеллигентныхъ кружкахъ, среди университетской молодежи ее чуть не заучивали наизусть и имя ея автора, К. Д. Кавелина, тогда еще молодого 29-лѣтняго ученаго, сразу выдвинулось въ первый рядъ современныхъ ему русскихъ историковъ. Напечатанныя затѣмъ въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ другія его работы окончательно упрочили за нимъ положеніе одного изъ главъ новой исторической школы, нашедшей себѣ многочисленныхъ поклонниковъ и послѣдователей и быстро завоевавшей почти всеобщее признаніе. Въ позднѣйшей литературной дѣятельности самого Кавелина изученіе русской исторіи постепенно отступило, однако, на второй планъ. Онъ посвятилъ свои силы въ послѣдующіе годы по преимуществу изслѣдованію гражданскаго права и далъ въ этой научной области рядъ трудовъ, и въ настоящее время высоко цѣнимыхъ наиболѣе авторитетными спеціалистами. Не ограничиваясь, впрочемъ, этими спеціальными изслѣдованіями въ сферѣ юридическихъ наукъ, онъ не мало работалъ еще надъ основными вопросами философіи и психологіи, которые особенно привлекали къ себѣ его вниманіе въ послѣдніе годы его жизни и которымъ онъ также посвятилъ нѣсколько болѣе или менѣе значительныхъ сочиненій. Наконецъ, текущая общественная жизнь съ ея заботами и тревогами равнымъ образомъ нерѣдко побуждала его браться за перо и, начиная съ конца пятидесятыхъ годовъ, онъ неоднократно выступалъ передъ обществомъ въ роли публициста, пользуясь для этой цѣли услугами и отечественнаго, и заграничнаго печатнаго станка и выпуская свои публицистическія произведенія то подъ своимъ именемъ, то анонимно.

Разнообразные плоды этой долголѣтней и многосторонней дѣятельности крупнаго ученаго и недюжиннаго публициста были, однако, далеко не равноцѣнны. Въ сущности главнымъ и наиболѣе прочнымъ основаніемъ литературной славы Кавелина остаются труды, относящіеся къ первой эпохѣ его ученой дѣятельности. Его работы въ области гражданскаго права, при всемъ ихъ серьезномъ значеніи, по своему спеціальному характеру не могли имѣть ни такого распространенія, ни такого вліянія, какъ другіе его труды. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что Кавелинъ — историкъ и публицистъ пользовался и пользуется гораздо болѣе широкою и почетною извѣстностью въ русскомъ обществѣ, чѣмъ Кавелинъ — философъ и психологъ. Въ настоящей статьѣ мы и займемся взглядами Кавелина на русскую исторію и его работами въ публицистической области.

I.

Умственная атмосфера, въ которой выросъ Кавелинъ и въ которой сложились его первые сознательные взгляды, была общая большинству его знаменитыхъ сверстниковъ, много разъ уже описанная атмосфера московскихъ университетскихъ кружковъ конца тридцатыхъ годовъ. Изъ родительскаго дома съ обычною обстановкой средней помѣщичьей семьи, отъ домашнихъ учителей, въ сѣрой толпѣ которыхъ выдавались лишь немногія лица, въ томъ числѣ особенно Бѣлинскій, одно время занимавшійся съ Кавелинымъ и заронившій въ его умъ первыя сѣмена отрицательнаго отношенія къ окружающей дѣйствительности, семнадцатилѣтній юноша Кавелинъ перешелъ въ 1835 г. въ московскій университетъ и попалъ въ аудиторію молодыхъ профессоровъ, историковъ и юристовъ, только что возвратившихся изъ Германіи и всецѣло находившихся подъ обаяніемъ нѣмецкой исторической школы и гегеліанской философіи. Извѣстно, какіе взгляды проводили эти направленія, явившіяся плодомъ реакціи противъ раціоналистическихъ воззрѣній предшествовавшей эпохи, подорванныхъ опытомъ революціи и Наполеоновскихъ войнъ. Свойственныя философамъ XVIII вѣка представленія о человѣкѣ, какъ продуктѣ внѣшнихъ условій, объ обществѣ, какъ механическомъ соединеніи людей, въ основѣ котораго лежитъ свободный договоръ, объ историческомъ движеніи, какъ результатѣ сознательныхъ дѣйствій единичныхъ личностей, нѣмецкіе историки начала XIX столѣтія замѣнили идеею національности, какъ живого организма, путемъ естественнаго и независимаго отъ постороннихъ вліяній процесса развивающаго присущія ему начала. Движущимъ факторомъ исторической жизни главы новой школы признавали не разумную волю человѣка, а инстинктивное творчество народной массы, лишь органомъ котораго призвана быть отдѣльная личность. Въ такой постановкѣ исторія, предназначенная изучать этотъ закономѣрный процессъ развитія со-

знанія массы и вскрывать лежащія въ основаніи его начала, впервые получала единство и значеніе науки, переставая быть разсказомъ о проявленіяхъ индивидуальной воли и пріобрѣтая характеръ «народнаго самопознанія». Особенное значеніе получали эти идеи историковъ въ освѣщеніи гегелевской философіи, учившей, что историческая жизнь человѣчества представляетъ собою процессъ постепеннаго развитія всемірнаго духа, причемъ смѣняющія другъ друга народности, воплощая отдѣльныя его стороны въ видѣ той или иной общей идеи въ своей жизни, въ своемъ національномъ духѣ, являются какъ бы необходимыми ступенями названнаго процесса, Въ соотвѣтствіи съ общимъ реакціоннымъ духомъ эпохи эти теоріи высказывались первоначально съ рѣзкою односторонностью, придававшей имъ строго консервативный характеръ: ихъ авторы и сторонники, не ограничиваясь объясненіемъ прошлаго, легко переходили къ защитѣ настоящаго, какъ естественнаго результата этого прошлаго, и готовы были провозглашать не только законность, но и разумность всѣхъ существующихъ порядковъ, необходимо соотвѣтствующихъ состоянію народнаго сознанія. Но въ собственно научной сферѣ новыя воззрѣнія сыграли чрезвычайно важную и плодотворную роль, прочно укоренивъ въ умахъ идею закономѣрнаго развитія народной жизни.

Младшій современникъ Станкевича, Бѣлинскаго и Грановскаго, Кавелинъ начиналъ свои студенческіе годы, когда эти воззрѣнія въ ихъ общемъ видѣ были уже усвоены передовою частью русскаго интеллигентнаго общества. И въ литературныхъ кругахъ, съ которыми онъ вошелъ въ соприкосновеніе еще на студенческой скамьѣ черезъ посредство «салона» А. П. Елагиной, и въ университетскихъ аудиторіяхъ на лекціяхъ Крюкова, Рѣдкина, Крылова онъ встрѣчался съ изложеніемъ и пропагандой теорій нѣмецкихъ философовъ и историковъ, которыя при такихъ условіяхъ скоро сдѣлались предметомъ и его тщательнаго изученія. Подъ вліяніемъ лекцій Н. И. Крылова онъ избралъ себѣ и спеціальную область научныхъ занятій въ гражданскомъ правѣ. Проникновеніе новыхъ идей въ русское общество не могло однако ограничиться простымъ усвоеніемъ результатовъ, достигнутыхъ германскими мыслителями. За этимъ усвоеніемъ наступала очередь самостоятельной работы, оригинальнаго приложенія теоріи къ новому матеріалу. Предстояло именно съ вновь принятыхъ точекъ зрѣнія объяснить себѣ собственное прошлое и настоящее, русскую исторію и русскую дѣйствительность. Вторую задачу взяла на себя по преимуществу литературная критика, первая должна была достаться главнымъ образомъ на долю ученыхъ спеціалистовъ. Работа послѣднихъ представлялась въ данное время подготовленною лишь настолько, насколько можетъ идти рѣчь о такой подготовкѣ въ смыслѣ собранія фактовъ, такъ какъ никакого сколько-нибудь удовлетворительнаго общаго объясненія ихъ не существовало. Карамзинское изложеніе русской исторіи съ нравственно-патріотической точки зрѣнія уже

въ моментъ своего появленія не способно было удовлетворить ни спеціалистовъ, справедливо находившихъ серьезныя ошибки въ ученыхъ пріемахъ автора «Исторіи Государства Россійскаго», ни представителей интеллигентнаго общества, не встрѣчавшихъ въ трудѣ исторіографа отвѣта на вопросы, съ которыми они считали себя въ правѣ обращаться къ историку. Общая схема русской исторіи, не столько созданная, сколько повторенная Карамзинымъ, схема, согласно которой Россія уже въ первые вѣка своего существованія является могущественнымъ и цивилизованнымъ государствомъ, терпящимъ затѣмъ бѣдствія благодаря вызванному ошибками князей раздѣленію территоріи и возстановляющимъ свою силу съ возобновленіемъ единой великокняжеской, позднѣе царской, власти, уже въ концѣ двадцатыхъ годовъ вызывала не только критику, но и попытки серьезныхъ поправокъ. Каченовскій, исходя изъ мысли о невозможности для Россіи быстро перешагнуть черезъ тѣ стадіи развитія, которыя свойственны первобытной жизни всѣхъ народовъ, возсталъ противъ допускаемаго Карамзинымъ преувеличенія цивилизаціи древней Руси, но, будучи въ сущности мало подготовленъ къ теоретическому мышленію и къ историческимъ разысканіямъ, самъ сбился на дорогу такъ называемаго «скептицизма», направивъ свою критику не противъ выводовъ, дѣлавшихся изъ источниковъ, а противъ подлинности самихъ источниковъ. «Вмѣсто того,—писалъ о немъ позднѣе Кавелинъ— чтобы изъ самой лѣтописи и источниковъ показать младенческое состояніе нашего общества въ IX, X, XI и послѣдующихъ вѣкахъ, онъ старался опровергнуть самые источники. Ему казалось, что даже и они приписываютъ древней Руси слишкомъ много, и эта задушевная, любимая мысль просвѣчиваетъ въ каждой статьѣ его» [1]). Когда эта теорія подложности древнѣйшихъ источниковъ русской исторіи была доведена учениками Каченовскаго до послѣдней крайности, она безъ особаго труда была и опровергнута лицами, болѣе ихъ знакомыми съ дѣйствительнымъ характеромъ этихъ источниковъ. Глубже была понята идея постепеннаго и закономѣрнаго развитія историческихъ явленій, скрывавшаяся за неудачною критикой скептиковъ, Полевымъ, который и попытался въ своей «Исторіи русскаго народа» передать ходъ русской исторіи съ точки зрѣнія, обусловливаемой этой идеей, въ противоположность Карамзину съ его нравственною оцѣнкою лицъ и событій. Однако Полевой, не обладая спеціальными познаніями историка, ограничился въ сущности инымъ освѣщеніемъ сообщенныхъ Карамзинымъ фактовъ государственной жизни, причемъ и это новое освѣщеніе не успѣлъ провести съ достаточною послѣдовательностью. За неуспѣхомъ этихъ попытокъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на поприщѣ разработки русской исторіи остался Погодинъ, съ 1835 года занявшій и соотвѣтственную ка-

---

1) Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина, СПБ. 1897, I, 100.

ѳедру въ московскомъ университетѣ вмѣсто Каченовскаго, который, какъ бы въ видѣ наказанія за свой не-патріотическій скептицизмъ, былъ перемѣщенъ на каѳедру славянскихъ нарѣчій. Подобно Каченовскому и Полевому, Погодинъ началъ съ возраженій противъ Карамзинской схемы и заявленій, что обязанность историка заключается не въ морализованіи надъ явленіями народной жизни, а въ разысканіи ихъ смысла и связи. Пріобрѣтенныя имъ довольно богатыя фактическія свѣдѣнія, особенно для древнѣйшаго періода, позволили ему сдѣлать нѣсколько поправокъ къ изложенію Карамзина, но никакого самостоятельнаго и цѣльнаго взгляда на ходъ русской исторіи онъ не выработалъ, довольствуясь нѣсколькими наскоро схваченными и плохо продуманными положеніями шеллингіанства, которыя въ его пониманіи сводились къ оригинальному, по выраженію Кавелина, «историческому мистицизму». Попытки объясненія русской исторіи скоро уступили у него свое мѣсто удивленію передъ ней, такъ какъ «ни одна исторія не заключаетъ въ себѣ столько чудеснаго, какъ россійская» [1]). Разсмотрѣніе русской исторіи, какъ таинственнаго сцѣпленія чудесъ, было не особенно далеко отъ Карамзинскаго взгляда, а борьба со скептиками и ея практическія послѣдствія окончательно вернули Погодина къ «историческому православію», т. е. къ воззрѣніямъ «Исторіи государства россійскаго», восхищаться которою онъ и предлагалъ теперь студентамъ на своихъ лекціяхъ. Отъ себя же онъ дѣлалъ къ этимъ воззрѣніямъ лишь одну существенную добавку, вскрывавшую ихъ практическое значеніе, возводя именно «Россійскую исторію» въ санъ «охранительницы и блюстительницы общественнаго спокойствія» [2]). Какъ легко можно себѣ представить, подобная философія исторіи не особенно увлекала слушателей и плохо способствовала возстановленію авторитета Карамзина въ молодомъ поколѣніи.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ черезъ Погодинскую аудиторію прошли, впрочемъ, одинъ за другимъ два студента, способные и безъ прямыхъ указаній съ профессорской каѳедры пойти далѣе въ критикѣ старыхъ взглядовъ на русскую исторію и попытаться самостоятельно построить новую ея систему въ большемъ соотвѣтствіи съ общими требованіями современной имъ науки. Это были Кавелинъ и, нѣсколько позднѣе его вступившій въ московскій университетъ, Соловьевъ, подобно старшему своему товарищу въ годы студенчества познакомившійся съ новыми представленіями объ исторіи и занявшійся усвоеніемъ теорій нѣмецкихъ историковъ параллельно съ изученіемъ фактовъ русскаго прошлаго. Сблизились другъ съ другомъ Кавелинъ и Соловьевъ уже позднѣе, когда первый изъ нихъ былъ адъюнктомъ въ университетѣ, а второй представлялъ въ факультетъ свою магистерскую

[1]) Погодинъ, Историко-критическіе отрывки, М. 1846, с. 10.
[2]) Тамже, с. 16.

диссертацію, и почвой ихъ сближенія послужила именно общность научныхъ воззрѣній. Къ этому времени Кавелинъ, сошедшійся вновь съ Бѣлинскимъ и ставшій близкимъ другомъ Грановскаго, освободился отъ симпатій къ славянофильству, навѣянныхъ было на него раннимъ знакомствомъ съ Кирѣевскими, и являлся убѣжденнымъ и послѣдовательнымъ западникомъ, Соловьевъ же стоялъ на перепутьи между славянофильствомъ и западничествомъ. Горячіе споры, возникавшіе между ними по общественнымъ вопросамъ благодаря такому различію, не мѣшали имъ «упиваться развитіемъ сходныхъ научныхъ взглядовъ» [1]) и сойтись на общей теоріи въ объясненіи прошлаго Россіи. И на научной почвѣ, впрочемъ, между ними была не малая разница, отразившаяся какъ въ характерѣ ихъ ученыхъ работъ, такъ и въ конечныхъ ихъ результатахъ. Въ Соловьевѣ уже въ ту пору вырабатывался глубокій знатокъ фактической стороны исторіи, какимъ мы знаемъ его въ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», ученый, не менѣе дорожащій богатствомъ фактическихъ свѣдѣній, чѣмъ объединяющей факты теоріей, свободнѣе чувствующій себя въ кругу конкретныхъ явленій, чѣмъ въ сферѣ отвлеченныхъ идей. Эти его особенности не позволяли ему въ самой теоріи слишкомъ далеко отходить отъ фактической почвы, но за то, разъ выработавъ какую-либо систему, его нѣсколько тяжеловѣсный умъ стремился сейчасъ же придать ей строго опредѣленный характеръ и проводилъ ее съ крайнею прямолинейностью, безпощадно сгибая не укладывавшіеся въ ея рамки отдѣльные факты. Въ такихъ случаяхъ весь его критическій тактъ, весьма однакоже серьезный, не спасалъ его отъ неудачнаго пользованія неподходящими источниками, все присущее ему практическое чутье не избавляло отъ самыхъ натянутыхъ историко-философскихъ объясненій крайне простыхъ по существу своему фактовъ. Стремясь всѣ факты включить въ рамки своей системы и всѣ ихъ подробности объяснить съ точки зрѣнія единаго закономѣрнаго процесса, онъ не только способенъ былъ иногда непомѣрно увеличить значеніе отдѣльнаго факта, но временами доходилъ до какого-то олицетворенія исторической необходимости и готовъ былъ обратить рядъ послѣдовательныхъ событій въ цѣпь искусственно упрощенныхъ силлогизмовъ. Въ эти крайности никогда не впадалъ Кавелинъ. Его болѣе гибкій умъ не нуждался въ столь насильственномъ сгибаніи фактовъ подъ ярмо системы и, давая ей болѣе широкое толкованіе, умѣлъ вводить событія въ ея рамки безъ искаженія ихъ естественнаго характера. Болѣе способный, а отчасти и болѣе подготовленный, къ теоретическимъ построеніямъ, онъ глубже Соловьева схватилъ основную мысль новой исторической школы и прилагалъ ее къ явленіямъ русскаго прошедшаго съ большимъ умѣніемъ и талантомъ. Въ его тонкомъ и изящ-

[1]) Слова Соловьева, см. «Изъ неизданныхъ бумагъ С. М. Соловьева», Р. Вѣстникъ, 1896, № 4, с. 2.

номъ истолкованіи система русской исторіи пріобрѣтала болѣе логичный и цѣльный, но вмѣстѣ и болѣе отвлеченный характеръ. Послѣднее достигалось тѣмъ легче и естественнѣе, что Кавелинъ, при всемъ умѣньѣ своемъ блестяще справляться съ фактическимъ матеріаломъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, не особенно охотно обращался къ детальному его изслѣдованію, предпочитая тѣснымъ рамкамъ послѣдняго широкую сферу обобщеній, получаемыхъ путемъ логическихъ операцій надъ чистыми идеями. Это различіе сказалось и на формѣ работы обоихъ писателей. Соловьевъ, послѣ напечатанія двухъ диссертацій, приступилъ къ писанію прагматической «Исторіи Россіи». Кавелинъ далъ въ области общей русской исторіи одну вполнѣ самостоятельную работу въ формѣ журнальной статьи, предназначенной подвести наиболѣе общіе итоги развитія русской жизни, и, кромѣ того, напечаталъ длинный рядъ критическихъ статей. Послѣднія могутъ быть естественно раздѣлены на два разряда. Въ однихъ, изъ которыхъ болѣе крупныя были посвящены разбору сочиненій Погодина, онъ подвергалъ обстоятельной и уничтожающей критикѣ погодинское воззрѣніе на исторію, какъ на какую-то «мистерію», расчищая такимъ образомъ мѣсто для новыхъ взглядовъ и вмѣстѣ отстаивая главныя ихъ основанія. Въ другихъ статьяхъ онъ разбиралъ произведенія новой школы, удѣляя особенное вниманіе работамъ Соловьева. Всѣ почти труды послѣдняго, до перваго тома «Исторіи Россіи» включительно, были встрѣчены большими критическими статьями Кавелина, въ которыхъ онъ не только давалъ подробную оцѣнку этихъ трудовъ, но и развивалъ собственные взгляды на ходъ русской исторіи, внося очень серьезныя дополненія и поправки въ представленія Соловьева. Сила этой критики была скоро оцѣнена по достоинству и въ журналистикѣ, и въ ученыхъ кругахъ. Бѣлинскій уже въ 1846 г., составляя обзоръ текущей русской литературы, привлекъ Кавелина къ сотрудничеству и включилъ его обзоръ историческихъ сочиненій въ свою статью. Въ свою очередь Соловьевъ, не безъ доли высокомѣрнаго пренебреженія относившійся ко всякой полемикѣ и почти никогда не прибѣгавшій къ ней въ своихъ университетскихъ курсахъ, на возраженія Кавелина считалъ нужнымъ отвѣчать на лекціяхъ [1]). Не вдаваясь въ частности спора этихъ двухъ главныхъ представителей новой школы, мы прослѣдимъ только важнѣйшія положенія, выставленныя Кавелинымъ.

Уже магистерская диссертація Соловьева: «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ», появившаяся въ 1845 году и восторженно привѣтствованная Кавелинымъ, какъ «первая серьезная попытка понять и объяснить постепенное развитіе древней русской жизни», дала поводъ къ обнаруженію разногласія между ними. Въ глазахъ Соловьева Новгородъ съ

---

[1]) Бестужевъ-Рюминъ, Біографіи и характеристики, СПБ. 1882, с. 264.

его вѣчевымъ управленіемъ не представлялъ какого-либо рѣзкаго исключенія изъ другихъ городовъ. Во всѣхъ древнѣйшихъ русскихъ городахъ существовалъ вѣчевой порядокъ, развившійся изъ родового быта, и во всѣхъ же городахъ рядомъ съ вѣчемъ стоялъ князь, причемъ отношенія обѣихъ властей оставались неопредѣленными. Общность владѣнія русскою землею одного княжескаго рода, сопровождаемая постоянными перемѣщеніями князей съ одного стола на другой, вызвала и поддерживала такое двоевластіе, не находившее себѣ мѣста только въ новыхъ или младшихъ городахъ, иначе пригородахъ, гдѣ не было вѣча и княжеская власть могла развиться свободнѣе. Такъ какъ на югѣ старые города рѣшительно преобладали надъ новыми, то тамъ и не могло быть исхода изъ неопредѣленности государственнаго быта. Новый порядокъ возникъ на сѣверѣ, въ Ростовской области, гдѣ большею силой обладали новые города, поселенные по преимуществу княземъ и потому, по взгляду населенія и самого князя, составлявшіе его собственность. Появившееся такимъ путемъ начало частной собственности разложило родовыя отношенія и подготовило возникновеніе новаго періода, когда понятія собственности, наслѣдственности владѣнія начали господствовать надъ понятіями семейными, когда родовыя отношенія князей между собою замѣнились отношеніями ихъ, какъ правителей, къ своимъ подданнымъ». Соглашаясь въ общемъ съ этою схемой, Кавелинъ указывалъ, однако, что ея авторъ «не всегда доходитъ до послѣдней, основной причины историческихъ явленій», такъ какъ не вскрываетъ «органическихъ зачатковъ разрушенія» стараго порядка, лежавшихъ въ самомъ этомъ порядкѣ. Рѣзкаго различія между югомъ и сѣверомъ въ смыслѣ условій, рождающихъ начало собственности, не существовало, и это начало естественно возникло изъ развитія древней формы быта. Такою формой былъ родовой бытъ, изъ котораго и произошли русско-славянскія общины. «Но всякая родовая община сама въ себѣ носитъ зародышъ своего разрушенія. Это основано на непреложномъ законѣ распаденія рода на линіи, отрасли, которыя съ теченіемъ времени утрачиваютъ всякое единство и вступаютъ во вражду между собою». Новая форма государственной власти, выросшая въ Москвѣ, представлялась Кавелину не результатомъ какихъ-либо внѣшнихъ условій, а плодомъ естественнаго развитія кровнаго начала. Послѣднее въ древнюю эпоху «было главное, почти исключительно игравшее роль». «По нашему глубокому убѣжденію,—прибавляетъ онъ—едва-ли можно найти одно замѣчательное явленіе или событіе въ древней русской исторіи, особенно до Іоанна III, которое не опредѣлялось бы этимъ началомъ» [1]).

Въ томъ же 1846 г., когда писались эти строки, автору ихъ представилась возможность опять вернуться къ соловьевскому представленію хода древней

[1]) Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина, I, 266—8.

исторіи и внести въ него много рода дополненія. Эту возможность доставила ему статья Соловьева: «О родовыхъ отношеніяхъ между князьями древней Руси». Въ разборѣ этой статьи Кавелинъ опять-таки настаивалъ на всеобъемлющемъ значеніи родового начала въ древне-русскомъ быту и на важности признанія этого значенія. «Когда, наконецъ, обратится въ обиходную истину, что весь древній бытъ Россіи, не только частный, но и государственный, вращался около одного родственнаго, кровнаго начала, которымъ первоначально болѣе или менѣе живутъ всѣ не-завоевательные народы, мы поймемъ многое въ русской исторіи, чего до сихъ поръ не понимаемъ». Привѣтствуя работу Соловьева, какъ разъясняющую эту мысль въ сферѣ между-княжескихъ отношеній, критикъ, однако, считалъ возможнымъ сдѣлать по его адресу два важные упрека. Онъ не ввелъ своихъ частныхъ выводовъ въ рамки общихъ положеній и благодаря этому впалъ въ нѣкоторыя ошибки. Не поставивъ прямого вопроса о томъ, были ли древне-русскія отношенія, основанныя на кровныхъ началахъ, юридическими, онъ въ отдѣльныхъ случаяхъ придаетъ имъ опредѣленный правовой характеръ, хотя изъ сообщаемыхъ имъ же фактовъ слѣдуетъ заключить, что «юридическихъ понятій и отношеній мы прежде почти не имѣли». Съ другой стороны, представивъ основное начало родового быта и его постепенныя измѣненія, авторъ не пояснилъ той мысли, «которая связываетъ ихъ въ одно цѣлое, объясняетъ переходъ удѣльной Руси въ московскую и, такимъ образомъ, даетъ единство древнѣйшей русской исторіи». «Эта мысль или движущее начало — замѣчаетъ критикъ отъ себя — есть постепенное вытѣсненіе рода семьей», составляющее все содержаніе періода удѣловъ [1]).

Въ этихъ критическихъ замѣчаніяхъ, бѣгло изложенныхъ и не обставленныхъ богатой аргументаціей, чувствуется уже однако стройная и цѣльная система, изъ которой они вытекали. Скоро эта система появилась въ свѣтъ и въ болѣе полномъ видѣ. Въ 1847 г. почти одновременно напечатаны были статья Кавелина «Взглядъ на юридическія отношенія древней Россіи», составлявшая итоги его университетскаго курса, и докторская диссертація Соловьева «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома». Въ обоихъ этихъ произведеніяхъ авторы ставили себѣ цѣлью прослѣдить процессъ развитія русской исторической жизни, но въ объясненіи его значительно расходились между собою. Къ труду Соловьева мы еще вернемся, пока же отмѣтимъ основныя положенія Кавелина въ упомянутой статьѣ его.

Ключъ къ пониманію русской исторіи, по его мнѣнію, долженъ быть доставленъ наблюденіемъ надъ современнымъ русскимъ бытомъ. Народъ, крестьянская масса, и теперь еще мыслитъ всѣ отношенія между людьми въ формахъ родства. Эта терминологія, сложившаяся сама собою, безъ

[1]) Тамже, 271, 275—6.

внѣшняго воздѣйствія, необходимо должна была имѣть основаніе, заключавшееся въ господствѣ въ древности чисто родственнаго быта. Такъ какъ Россія за время своей исторической жизни не подвергалась насильственному вторженію чуждыхъ элементовъ, то этотъ родственный бытъ развивался свободно, или, иначе, «наша древняя, внутренняя исторія была постепеннымъ развитіемъ исключительно кровнаго быта». Законъ этого развитія указывается всею новою исторіей. Древній міръ не зналъ понятія человѣка, какъ человѣка, «помимо опредѣленій кастъ, сословій, національностей и гражданства». Впервые понятіе о безусловномъ достоинствѣ человѣка и человѣческой личности создано христіанствомъ, которое постепенно проводить его и въ гражданскую сферу. Отсюда «для всѣхъ народовъ новаго, христіанскаго міра — одна цѣль: безусловное признаніе достоинства человѣка, лица, и всестороннее его развитіе». Но разные народы идутъ къ этой цѣли различными путями. Народы германскіе рано развили въ себѣ начало личности, но первоначально оно является у нихъ подавленнымъ историческими опредѣленіями и лишь подъ вліяніемъ христіанства постепенно перерождается въ понятіе человѣка. Напротивъ, въ русскомъ быту личность отсутствовала вовсе, хотя она является необходимымъ условіемъ духовнаго развитія народа. Германцамъ «предстояло развить историческую личность, которую они принесли съ собою, въ личность человѣческую; намъ предстояло создать личность». Итакъ, исключительно родственный союзъ въ началѣ исторіи и свободная человѣческая личность въ концѣ ея — таковы крайніе этапы русскаго историческаго процесса; постепенное паденіе родственнаго быта, опредѣляемое его же внутренними условіями, и развитіе начала личности—таково содержаніе пути между этими этапами.

Вооружившись этими общими посылками, историкъ переходитъ къ изображенію опредѣленнаго имъ въ своемъ существенномъ содержаніи процесса. Онъ начинаетъ съ эпохи, предшествовавшей самому образованію племенъ русскихъ славянъ, причемъ молчаніе источниковъ не мѣшаетъ ему набросать яркую картину отношеній этой эпохи и ихъ послѣдовательныхъ измѣненій. Показанія источниковъ замѣняются при этомъ логическими формулами, развитіе которыхъ не встрѣчаетъ себѣ при такихъ условіяхъ никакихъ препятствій. Начальною ступенью быта является разросшаяся семья подъ управленіемъ старшаго, форма быта, чуждая какой бы то ни было юридической опредѣленности. Она представляла и много хорошихъ чертъ. «Люди жили сообща, не врознь, не отчужденные, какъ потомъ: не было еще гибельнаго различія между *моимъ* и *твоимъ*—источника послѣдующихъ бѣдствій и пороковъ, всѣ, какъ члены одной семьи, поддерживали, защищали другъ друга, и обида, нанесенная одному, касалась всѣхъ. Такой бытъ долженъ былъ воспитать въ русскихъ славянахъ семейныя добродѣтели: кроткіе, тихіе нравы, довѣрчивость, необыкновенное добродушіе и

простосердечіе. На рабовъ и чужеземцевъ они смотрѣли не съ юридической, а съ семейной, кровной точки зрѣнія». Писатель XVIII вѣка, нарисовавъ такую идиллическую картину, сталъ бы выражать сожалѣніе объ исчезновеніи изображенныхъ въ ней порядковъ. Кавелинъ, вѣрный духу органической школы, спѣшитъ въ самихъ этихъ порядкахъ указать причину ихъ гибели. Они были созданы «природой, а не мыслью, не сознаніемъ», но природныя кровныя связи слишкомъ непрочны для общественнаго быта. Размноженіе семей и необходимо соединяющееся съ этимъ распаденіе ихъ повело къ замѣнѣ старѣйшинъ по старшинству рожденія старѣйшинами по избранію, власть которыхъ пріобрѣтала уже слабый оттѣнокъ юридическаго характера, а дальнѣйшій ходъ того же процесса обратилъ семьи въ общины и породилъ на мѣсто одного старѣйшины совѣщанія главъ соединенныхъ въ общинѣ родственныхъ союзовъ или вѣчевыя собранія, служившія, однако, болѣе ареною вражды родовъ, нежели ихъ согласныхъ дѣйствій. Кровный бытъ, не могшій по существу своему развить общественнаго духа, сдѣлалъ возможнымъ призваніе чужеземной власти, варяговъ, принесшихъ на русскую почву понятіе государства и осуществившихъ его на чуждыхъ славянамъ феодальныхъ началахъ. Но варяги скоро утеряли свою національную особность и слились съ русскими племенами. Съ Ярослава «перерванная нить національнаго развитія подымается опять», но на этотъ разъ «оно охватываетъ собою и государственный бытъ, созданный чужеземцами и вмѣстѣ съ нимъ подчинившійся вліянію туземнаго элемента».

Въ государственномъ быту повторяется тотъ же самый процессъ распаденія первоначально единаго княжескаго рода и борьбы родового быта съ семейнымъ, ведущей къ торжеству послѣдняго. Единство княжескаго рода создало и политическое единство русскихъ земель, связанныхъ территоріальной іерархіей, соотвѣтствовавшей іерархіи старшинства князей. Но расходящіяся линіи Рюрикова рода скоро вступили въ борьбу между собою, утративъ сознаніе единства и преслѣдуя семейные интересы, выразившіеся въ наслѣдственности удѣловъ. Съ торжествомъ семейнаго начала, опредѣлившимся къ концу XII вѣка, исчезло территоріальное единство Россіи, распавшейся на нѣсколько княжествъ, въ каждомъ изъ которыхъ повторялся тотъ же процессъ, создавая все большее раздробленіе земель. Вмѣстѣ съ тѣмъ власть князей, дѣйствовавшихъ въ болѣе ограниченной сферѣ, становится болѣе опредѣленной и принимаетъ характеръ власти вотчинныхъ владѣльцевъ, собственниковъ княженій. Побѣда семейнаго начала впервые обезпечила границы кровнаго союза, оставивъ отношенія независимыхъ семей за его предѣлами, и въ высвобожденіи личности, хотя бы въ одной еще сферѣ, отъ узъ родства заключался смыслъ сдѣланнаго въ развитіи шага. Татарское завоеваніе, не внеся съ собою ничего новаго въ этотъ процессъ, подвинуло однако его впередъ, разрушивъ остат-

ки стараго порядка. «Какъ буря, оно сокрушило все, что было на поверхности: остались одни зерна, спрятанныя въ землѣ. Теперь они стали рости, и имъ было просторно; ничто имъ не мѣшало». Положительными дѣятелями новаго періода, возставшими противъ семейнаго начала во имя личности, противъ вотчиннаго владѣнія удѣлами во имя идеи государства, явились московскіе князья, воспользовавшіеся созданными нашествіемъ татаръ благопріятными условіями для личности и возсоздавшіе территоріальное единство Россіи на новомъ началѣ единодержавія. Но роль московскаго государства была переходною: оно «только приготовило почву для новой жизни», а не создало послѣдней. Изгнанныя изъ сферы политическихъ отношеній, гдѣ ихъ несостоятельность была рано сознана подъ гнетомъ необходимости создать прочное государство, кровныя начала продолжали жизнь въ гражданской сферѣ и государство лишь цѣною жестокой борьбы могло подавить ихъ и расчистить почву для личности. Отсюда странная на первый взглядъ симпатія Кавелина къ Ивану Грозному, который въ его глазахъ является однимъ изъ дѣятелей этой борьбы за проведеніе личнаго начала въ государственный бытъ, дѣятелемъ, стоявшимъ выше своихъ современниковъ, непонятымъ ими и страшно мстившимъ имъ за свое разочарованіе. Московская жизнь успѣла и въ административномъ, и въ частномъ быту лишь довести до конца разложеніе кровныхъ началъ и подготовить зачатки государства и форму личности. Содержаніе въ эту форму было вложено уже новымъ періодомъ русской исторіи, началомъ котораго послужила эпоха преобразованія. «Въ Петрѣ Великомъ личность на русской почвѣ вступила въ свои безусловныя права, отрѣшилась отъ непосредственныхъ, природныхъ, исключительно-національныхъ опредѣленій, побѣдила ихъ и подчинила себѣ». Въ эту эпоху личность подчинилась иноземному, европейскому вліянію, — неизбѣжному, такъ какъ собственный бытъ не подготовилъ для нея содержанія, благотворному, такъ какъ оно пріучило личность къ полной самостоятельности. Эпоха преобразованій была занята по преимуществу практическими нуждами; дальнѣйшій моментъ развитія долженъ заключаться въ выработкѣ понятія человѣка и осуществленіи его въ жизни, и на этомъ пунктѣ русская исторія сходится съ европейскою. «Исчерпавши всѣ свои исключительно національные элементы, мы вышли въ жизнь общечеловѣческую, оставаясь тѣмъ же, чѣмъ были и прежде,—русскими славянами. У насъ не было начала личности: древняя русская жизнь его создала; съ XVIII вѣка оно стало дѣйствовать и развиваться. Оттого-то мы такъ тѣсно и сблизились съ Европой; ибо совершенно другимъ путемъ она къ этому времени вышла къ одной цѣли съ нами... Европа боролась и борется съ рѣзко, угловато развившимися историческими опредѣленіями человѣка; мы боролись и боремся съ отсутствіемъ въ гражданскомъ быту всякой мысли о человѣкѣ. Тамъ человѣкъ давно живетъ и много жилъ, хотя и подъ одно-

сторонними историческими формами; у насъ онъ вовсе не жилъ и только что началъ жить съ XVIII вѣка. Итакъ, вся разница только въ предъидущихъ историческихъ данныхъ, но цѣль, задача, стремленія, дальнѣйшій путь одинъ».

Слѣдовательно, родъ и общее владѣніе, семья и вотчина или отдѣльная собственность, личность и государство, наконецъ, человѣкъ—вотъ стадіи развитія, послѣдовательно проходившіяся русскою жизнью въ ея переходѣ отъ патріархальныхъ, природою данныхъ, формъ быта къ формамъ юридическимъ, созданнымъ сознаніемъ. Не все, конечно, въ этомъ построеніи было совершенно ново въ исторической литературѣ. Мысль о родовомъ бытѣ въ древней Россіи была высказана еще Эверсомъ, изображеніе между-княжескихъ отношеній древнѣйшей эпохи еще у Полевого носило черты, очень близкія къ тѣмъ, какія придалъ этимъ отношеніямъ Кавелинъ, на роль московскихъ князей, воспользовавшихся открытымъ, благодаря татарскому игу, просторомъ для личныхъ качествъ князя, указывалъ тотъ же Полевой. Можно было бы отмѣтить и другія подобныя частности, сближающія построеніе Кавелина съ предшествовавшей литературой, но дѣло не въ нихъ, а въ общей схемѣ развитія, въ которой и онѣ получали оригинальный, не свойственный имъ ранѣе смыслъ. Русская исторія въ этой схемѣ не была уже грудою отдѣльныхъ фактовъ, рядомъ проявленій индивидуальной воли, надъ которыми историкъ могъ свободно творить нравственный судъ. Соотношеніе событій не представлялось болѣе таинственной связью, которой предстояло лишь изумляться, не пытаясь постичь и осмыслить ее. Въ противоположность этимъ представленіямъ внутренняя исторія Россіи впервые понималась теперь, говоря словами самого Кавелина, какъ «стройное, органическое, разумное развитіе нашей жизни, всегда единой, всегда самостоятельной». Все историческое прошлое русскаго народа являлось строго послѣдовательнымъ и закономѣрнымъ развитіемъ одного основного процесса, цѣпью неразрывно связанныхъ фактовъ, въ которой каждое послѣдующее звено вытекало изъ предъидущаго и заключало въ себѣ зародышъ будущаго, причемъ по отношенію къ главному содержанію этого процесса всѣ внѣшнія вліянія играли лишь подчиненную, второстепенную роль. Историкъ намѣчалъ три момента, когда русская жизнь подвергалась сильному, повидимому, чужеземному вліянію: призваніе варяговъ, монгольское завоеваніе и вторженіе западной цивилизаціи въ XVIII вѣкѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, однако, чуждое вліяніе оказывалось входящимъ въ народную жизнь лишь послѣ коренной переработки ею и служащимъ почти исключительно тѣмъ потребностямъ, какія были уже созданы самою этою жизнью. Всѣ же другія стороны такого вліянія измѣняли лишь наружную оболочку историческаго процесса, не затрогивая его внутренней сущности. Оставаясь такимъ образомъ вполнѣ самостоятельнымъ въ своемъ развитіи, національный исто-

рическій процессъ подчинялся однако общимъ законамъ, стремился къ цѣли, одинаковой для всего человѣчества, и на извѣстной стадіи совпадалъ съ процессомъ, совершавшимся въ жизни западно-европейскихъ народовъ, благодаря чему Россія становилась равноправной участницей дальнѣйшаго движенія. Этими своими признаками—нахожденіемъ развитія въ русской исторіи и признаніемъ его аналогичности съ развитіемъ Запада—данная схема рѣзко отличалась отъ славянофильскихъ теорій, усматривавшихъ залогъ будущаго величія Россіи именно въ неподвижности древне-русскаго быта, сохранившаго въ себѣ неприкосновенною «глубину особеннаго, недоступнаго для западныхъ понятій, живого, цѣльнаго умозрѣнія Святыхъ Отцовъ Церкви» [1]). Тогда какъ съ точки зрѣнія славянофиловъ усвоеніе началъ западной образованности являлось отступленіемъ отъ національнаго быта, Кавелинъ изъ самыхъ судебъ послѣдняго выводилъ необходимость живого общенія съ Западомъ и выставленная имъ схема русской исторіи, въ простомъ и ясномъ построеніи охватывая прошлое народа, вмѣстѣ открывала широкій и опредѣленный путь въ будущее.

Но, говоря, что такая схема являлась теперь впервые, мы имѣли въ виду не одного Кавелина. Въ менѣе ясномъ видѣ относительно наиболѣе общихъ ея положеній, но съ большею разработкою деталей, она была поставлена уже въ первыхъ трудахъ Соловьева, о которыхъ мы говорили выше, и послужила основою второй его диссертаціи, появившейся въ томъ же году, какъ и Кавелинская статья, а затѣмъ и начатой имъ «Исторіи Россіи». Пониманіе хода русской исторіи Соловьевымъ не вполнѣ совпадало однако

[1]) И. Кирѣевскій, «О характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи», Московскій Сборникъ, т. I, 1852, с. 66. Позволимъ себѣ привести еще слова такого сравнительно умѣреннаго славянофила, какъ Валуевъ: «Своими опытами жизни и даже своими заблужденіями Западъ не менѣе принесъ въ общее достояніе человѣчества и служилъ ему, чѣмъ сколько служили христіанству, высшему и конечному единству всего человѣческаго, другіе народы и земли своимъ страдательнымъ и робкимъ бездѣйствіемъ, которое, можетъ быть, одно дѣлало возможнымъ въ недозрѣвшемъ духовно человѣкѣ сохраненіе въ чистотѣ его духовнаго завѣта». Сборникъ истор. и статист. свѣдѣній о Россіи, т. I, М. 1845, с. 3. Въ свою очередь западники еще ранѣе высказывали основныя мысли, изъ которыхъ исходилъ теперь Кавелинъ. Не говоря уже о Бѣлинскомъ, напомнимъ одно изъ раннихъ писемъ Герцена. «Я намѣренъ—писалъ онъ 1 марта 1841 г.—писать письма о Петровскомъ періодѣ... Разумѣется, что я беру предметъ не съ чисто исторической стороны. Нами заключается Петровское время. Мы, выходящіе изъ національности въ чисто европейскую форму и сущность, заканчиваемъ великое дѣло очеловѣченія Руси. Но послѣ нашего времени начнется періодъ органическаго, субстанціальнаго развитія, и притомъ чисто человѣческаго, для Руси. Тогда ея роль будетъ не отрицательная въ Европѣ (преграда Наполеону, напримѣръ), а положительная». П. В. Анненковъ и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка 1835—1885 годовъ». СПБ. 1892, с. 88.

съ построеніемъ Кавелина, благодаря чему послѣднему пришлось отстаивать отдѣльныя части своей системы. Эта задача была выполнена имъ въ большихъ статьяхъ, посвященныхъ «Исторіи отношеній между русскими князьями Рюрикова дома» и первому тому «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» и являющихся образцовыми критическими разборами. Для насъ, впрочемъ, болѣе интересна теперь въ нихъ другая сторона, именно тѣ положительные элементы, которые были даны въ нихъ авторомъ для построенія системы русской исторіи, и на этой сторонѣ мы по преимуществу и остановимся.

Въ первой изъ названныхъ статей Кавелинъ рѣшительно подчеркивалъ преобладаніе въ русской исторіи государственнаго характера. «Вся русская исторія, какъ древняя, такъ и новая, есть по преимуществу государственная, политическая, въ особенномъ, намъ однимъ свойственномъ значеніи этого слова... Политическій, государственный элементъ представляетъ покуда единственно-живую сторону нашей исторіи и если въ послѣднее двадцатилѣтіе и были попытки открыть въ ней другія живыя стороны, то это не столько было вызвано самимъ предметомъ, сколько выражало новыя требованія нашего времени». Но государственная жизнь есть одно изъ проявленій живого и цѣльнаго народнаго организма. «Если развивалась только государственная, политическая жизнь, а другія стороны — нѣтъ, то, значитъ, въ ней сосредоточились всѣ силы и соки народной жизни; слѣдовательно, измѣненія первой были измѣненіями послѣдней». Съ этой точки зрѣнія, равно общей Соловьеву и Кавелину, трудъ перваго, посвященный изслѣдованію между-княжескихъ отношеній, могъ разсматриваться, какъ преслѣдующій цѣли разъясненія всего хода русской исторической жизни. Общимъ для обоихъ писателей было и представленіе о древнѣйшемъ періодѣ, какъ эпохѣ родовыхъ отношеній, о московскомъ—какъ времени образованія отношеній государственныхъ, причемъ чуждому вліянію, въ частности татарскому игу, столь важному въ изображеніи прежнихъ писателей, отводилась въ этомъ процессѣ исключительно отрицательная роль. Дальше наступали разногласія. По мнѣнію Соловьева, въ кіевской эпохѣ между князьями всецѣло господствовали родовыя отношенія и вся русская земля находилась въ нераздѣльномъ владѣніи единаго княжескаго рода; происходившія въ эту пору усобицы вызывались борьбою князей-изгоевъ, племянниковъ, лишенныхъ доли въ общемъ владѣніи, съ дядями и, позднѣе, борьбою за родовое старшинство. Когда же часть князей переселилась на сѣверъ, гдѣ мало было старыхъ городовъ, а большинство поселеній было основано самими князьями, отношенія ихъ къ областямъ стали строиться на началѣ частнаго владѣнія и самыя усобицы княжескія обратились уже изъ борьбы за старшинство въ борьбу за владѣнія. Это начало частной собственности постепенно разрушило родовой союзъ и послужило почвою для возникновенія государственныхъ отношеній. Историческій процессъ, такимъ образомъ,

измѣнялъ свое направленіе въ зависимости отъ измѣненія обстановки, въ которой онъ совершался. Въ глазахъ Кавелина установленіе такой зависимости равнялось непослѣдовательному проведенію принципа органическаго развитія и онъ выставилъ противъ Соловьевскаго построенія два ряда возраженій, въ своей основѣ намѣченныхъ имъ уже въ первомъ спорѣ съ Соловьевымъ, но теперь болѣе послѣдовательно развитыхъ и тщательнѣе аргументированныхъ. Критикъ указывалъ именно, предвосхищая неоднократно дѣлавшееся впослѣдствіи Соловьеву возраженіе, что новые города въ своемъ быту ничѣмъ не отличались отъ старыхъ, и заключалъ отсюда, что не изъ ихъ характера родилось понятіе объ отдѣльной княжеской собственности. Съ другой стороны, подвергая обстоятельному разбору данное Соловьевымъ изображеніе развитія собственно между-княжескихъ отношеній, критикъ отмѣчалъ въ немъ стремленіе къ крайней систематизаціи, приводящее историка къ односторонности воззрѣнія. Анализъ фактовъ, предпринятый самимъ критикомъ по слѣдамъ Соловьева, позволилъ ему утверждать, что уже въ кіевскомъ періодѣ «въ то время, какъ одни князья дѣйствовали распоряжались на основаніи родового начала, другіе проводили начало вотчинное». И въ личныхъ сношеніяхъ князей, и въ ихъ отношеніяхъ къ владѣніямъ, на взглядъ Кавелина, господствовала въ эту эпоху величайшая неопредѣленность, неизбѣжная потому, что исторія совершалась не на юридической почвѣ. Въ силу этой неопредѣленности родовое и семейное начало могли уживаться рядомъ, но все же можно отмѣтить въ началѣ періода бо́льшую роль перваго, въ концѣ—второго. Тамъ, гдѣ Соловьевъ разсматривалъ еще родовыя притязанія князей, какъ самодовлѣющія, Кавелинъ уже видѣлъ въ нихъ «средство, предлогъ для полученія лучшаго владѣнія» и различалъ подъ родовыми интересами «владѣльческіе, которые впослѣдствіи мало-по-малу вытѣснили всѣ другіе». Тогда какъ Соловьевъ находилъ возможнымъ утверждать, что въ первой половинѣ XII вѣка счетами князей руководила борьба за родовое старшинство, по мнѣнію его критика—въ данную пору «этой сбивчивой и произвольной казуистикой заправляли ося зательные, практическіе интересы, а не отвлеченное почитаніе родовыхъ разсчетовъ и правъ». Стало быть, не сѣверная обстановка, не новые города, а семейное начало, вытекавшее изъ самого родового быта и постепенно перевѣсившее начало родовое, породило наслѣдственность удѣловъ и взглядъ князей на нихъ, какъ на частную собственность, причемъ то и другое проявилось еще на югѣ. Это давало возможность Кавелину возвратиться къ своей схемѣ: «ходъ исторіи является чрезвычайно естественнымъ и послѣдовательнымъ: родъ и общее владѣніе, семья и вотчина или отдѣльная собственность, лицо и государство» [1]).

[1]) Собраніе сочиненій Кавелина, 1897, т. I, 277—80, 288—9, 331, 337—340, 346—7, 349, 293.

Отчасти тѣ же самыя возраженія пришлось повторить Кавелину и черезъ четыре года, разбирая первый томъ «Исторіи Россіи», но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ трудъ Соловьева заставилъ его высказать свое мнѣніе и по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ. Та непомѣрно широкая и рѣшающая роль, какая придана была здѣсь Соловьевымъ географическимъ условіямъ страны, опредѣлившимъ собою въ его изображеніи едва-ли не весь ходъ ея исторіи, обратила на себя особое вниманіе Кавелина и встрѣтила въ немъ горячаго оппонента. Не отрицая совершенно значенія природныхъ условій, главнымъ образомъ въ первые моменты жизни народовъ, онъ указывалъ, однако, что повсюду «при дальнѣйшемъ ходѣ исторіи эти условія въ свою очередь подчинялись дѣятельности и вліянію людей». Онъ отмѣчалъ затѣмъ рядъ натяжекъ Соловьева въ объясненіи фактовъ политической исторіи природою страны и въ видѣ общаго заключенія прибавлялъ: «теряя изъ вида историческіе элементы, подчиняя такъ безусловно дѣятельность лицъ и племенъ условіямъ географическимъ, авторъ обличаетъ неправильную точку зрѣнія на историческое развитіе, лишаетъ исторію по преимуществу ей принадлежащаго значенія дѣятельности человѣка». Въ этихъ словахъ не трудно узнать послѣдовательнаго сторонника монистическаго воззрѣнія органической школы, хотя крайности взгляда Соловьева и сами по себѣ вызывали на возраженія. Другое общее возраженіе, предъявленное критикомъ внѣ сферы вопросовъ политической жизни, касалось изображенія быта и религіозныхъ вѣрованій русскихъ славянъ до принятія христіанства. Упрекая и въ этомъ случаѣ Соловьева въ чрезмѣрномъ стремленіи къ систематизаціи, нарушающей естественный характеръ фактовъ, онъ настойчиво указывалъ на неопредѣленность домашняго, общественнаго и религіознаго быта въ древности при господствѣ патріархальныхъ отношеній [1]). Та же мысль въ болѣе полномъ видѣ была развита имъ ранѣе въ разборѣ книги Терещенка: «Бытъ русскаго народа», въ которомъ онъ, на основаніи заключеннаго въ этой книгѣ этнографическаго матеріала, изображалъ первобытныя вѣрованія русскихъ славянъ и ихъ развитіе, равно какъ частную и общественную жизнь русскихъ племенъ въ періодъ родового быта.

Послѣ разбора перваго тома «Исторіи Россіи» въ работахъ Кавелина надъ общею русской исторіей наступилъ долгій перерывъ, частью вызванный, вѣроятно, событіями его личной жизни, вынудившими его еще въ 1848 г. переселиться изъ Москвы въ Петербургъ и обратиться изъ профессора въ чиновника, частью же имѣвшій, можетъ быть, и болѣе общія причины. Появившаяся въ 1856 г. рецензія на изслѣдованіе г. Чичерина «Областныя учрежденія Россіи въ XVII в.» была гораздо болѣе отчетомъ о книгѣ, нежели самостоятельнымъ трудомъ, далеко уступая въ этомъ отно-

---

1) Тамже, 424, 435; 443, 449, 461—2.

шенін прежнимъ разборамъ сочиненій Соловьева. И только еще черезъ десять лѣтъ послѣ того былъ напечатанъ новый крупный трудъ Кавелина «Мысли и замѣтки о русской исторіи», задуманный имъ, впрочемъ, еще въ 1863 г., когда онъ читалъ въ профессорскомъ клубѣ въ Боннѣ рефератъ, имѣвшій цѣлью объяснить исторически освобожденіе крестьянъ въ Россіи. Этотъ трудъ, оставшійся и послѣднею его работой въ области русской исторіи, не обратилъ на себя въ свое время большого вниманія. Редакторъ новаго изданія сочиненій Кавелина, проф. Корсаковъ, склоненъ приписывать это исключительно общему паденію авторитета Кавелина и напряженному интересу общества той поры къ вопросамъ современности. Врядъ-ли, однако, это такъ. Вѣрнѣе дѣло объясняется тѣмъ, что названная статья по самому содержанію своему не могла имѣть такого значенія, какъ прежнія работы талантливаго автора. Отчасти онъ повторялъ въ ней тѣ же мысли, какія были положены въ основу его «Взгляда на юридическія отношенія древней Руси», но къ нимъ присоединились теперь и новыя наслоенія. Прежнее его представленіе о непрерывности національнаго развитія, исходящаго изъ одного начала, замѣнилось теперь представленіемъ о поворотѣ историческаго процесса съ момента перехода части русскихъ славянъ на сѣверъ и образованія великорусскаго племени. Природныя условія, встрѣченныя этимъ послѣднимъ въ мѣстѣ своего зарожденія, создали, по словамъ Кавелина, особый національный характеръ, одинаково отразившійся и въ частной, и въ государственной жизни образованіемъ типа домовладыки. Продукты этого національнаго творчества въ сферѣ политическаго быта, выразившіеся въ построеніи государства по типу вотчиннаго владѣнія, принимали въ глазахъ историка характеръ особой прочности, почти неподвижности, и, хотя онъ еще настаивалъ на необходимости дальнѣйшаго развитія и отстаивалъ Петровскую реформу, но одновременно объявлялъ всю почти сплошь жизнь образованнаго класса «холодной, безплодной и мертвой» и призывалъ ее «опуститься изъ неопредѣленной шири на русскую почву» съ цѣлью созданія вполнѣ самостоятельнаго развитія. Этотъ неясный и неудачный синтезъ западническихъ и славянофильскихъ идей, по сравненію съ прежними воззрѣніями Кавелина, являлся шагомъ не впередъ, а назадъ, и, очевидно, онъ былъ правъ, когда отвѣчалъ друзьямъ, убѣждавшимъ его еще писать по русской исторіи, что въ этой области онъ уже далъ все, что могъ дать.

Что касается до тѣхъ воззрѣній, представителемъ которыхъ являлся Кавелинъ въ своихъ прежнихъ трудахъ, то ихъ значеніе, какъ первой строго-научной попытки объясненія фактовъ русскаго прошлаго съ точки зрѣнія законоыѣрнаго процесса развитія народной жизни врядъ-ли требуетъ особыхъ комментаріевъ. Такое значеніе ихъ особенно ярко выступало въ простой и ясной схемѣ Кавелина. Правда, эта простота и ясность покупа-

лась дорогой цѣной. Исторія народа не только отрывалась отъ той обстановки, въ которой она въ дѣйствительности совершалась, но и сводилась вся къ одной своей сторонѣ. Исходя въ своихъ объясненіяхъ русской исторіи изъ истолкованія началъ государственнаго быта, писатели школы родового быта дали во многихъ отношеніяхъ мѣткую характеристику русской государственности, но сравнительно мало сдѣлали для объясненія русской общественности. Благодаря этому, уже одному изъ первыхъ творцовъ этой школы довелось быть свидѣтелемъ разрушенія созданнаго имъ построенія и попытокъ перестроить систему русской исторіи на новыхъ началахъ. Такія попытки и въ наше время едва-ли могутъ считаться приведшими къ вполнѣ законченному результату, но въ какую бы сторону онѣ въ дальнѣйшемъ ни направились, онѣ уже не могутъ сойти съ почвы того понятія о закономѣрности историческаго движенія, которое, со времени Кавелина и въ значительной мѣрѣ благодаря его трудамъ, составляетъ прочное достояніе русской исторической науки.

II.

Роль Кавелина, какъ публициста, была гораздо скромнѣе его роли, какъ историка. Самъ по себѣ Кавелинъ не принадлежалъ къ числу нашихъ перворазрядныхъ публицистовъ и въ настоящее время его публицистическія произведенія успѣли уже утратить свой непосредственный интересъ. При всѣхъ своихъ частныхъ достоинствахъ они являются теперь въ гораздо большей мѣрѣ любопытнымъ памятникомъ той эпохи, къ которой они относятся, нежели наслѣдствомъ, сохраняющимъ свою цѣну и въ современной жизни. Но памятники прошлаго нерѣдко помогаютъ понять явленія настоящаго, и въ этомъ смыслѣ названныя произведенія Кавелина также имѣютъ извѣстное значеніе. Для выясненія послѣдняго нѣтъ надобности, конечно, разбирать содержаніе этихъ произведеній во всѣхъ его подробностяхъ. Совершенно достаточно остановиться на тѣхъ идеяхъ и тѣхъ пріемахъ, которые легли въ основаніе публицистической дѣятельности Кавелина и обусловили собою ея важнѣйшіе результаты. Характеристикою этихъ идей и пріемовъ мы и займемся на слѣдующихъ страницахъ.

На поприще публицистики Кавелинъ выступилъ уже послѣ того, какъ его научные труды доставили ему громкое литературное имя, и первыя его публицистическія работы были тѣсно связаны съ тѣмъ общимъ возрожденіемъ русской жизни, какое наступило вслѣдъ за окончаніемъ Крымской кампаніи. Послѣ неудачнаго исхода войны, явно выказавшей всю отсталость Россіи, всю несостоятельность ея государственныхъ и общественныхъ порядковъ, мысль о необходимости коренной реформы этихъ порядковъ сдѣ-

лала значительные успѣхи не только въ широкихъ кругахъ общества, но и въ правительственныхъ сферахъ. Убѣжденные сторонники такой реформы, еще недавно находившіеся въ опалѣ и почти лишенные возможности высказывать свои мнѣнія, вновь вздохнули свободнѣе, а не прекращавшійся подъемъ общественнаго настроенія съ каждымъ годомъ окрылялъ ихъ надежды, побуждая ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ теоретической критики стараго строя переходить къ работѣ, направленной на созданіе новыхъ порядковъ жизни. Въ свою очередь и литературно-общественные кружки, сложившіеся въ предшествовавшія десятилѣтія, получили теперь возможность развить болѣе энергическую дѣятельность, выйти на болѣе широкую арену и искать на ней практическаго приложенія для своихъ идей.

Къ тому времени, когда открылась такая возможность, кружокъ западниковъ, къ которому принадлежалъ Кавелинъ, успѣлъ, однако, потерять всѣхъ своихъ главныхъ вождей. Бѣлинскій уже нѣсколько лѣтъ покоился въ могилѣ, Герценъ находился за границей и могъ влiять на бывшихъ друзей лишь издали, главнымъ образомъ, путемъ своихъ литературныхъ произведеній, жизнь Грановскаго оборвалась какъ разъ въ моментъ наступленія новой эры для русскаго общества. Эти потери отразились и на самомъ характерѣ кружка. Лишившись своихъ вождей, онъ очень скоро утратилъ и прежнюю свою сплоченность, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ новыхъ обстоятельствахъ многіе его члены обнаружили наклонность къ сближенію съ людьми другихъ партій и кружковъ. Кавелинъ однимъ изъ первыхъ вступилъ на путь такого сближенія. И въ прежніе годы, когда онъ объ руку съ Бѣлинскимъ велъ полемику съ славянофилами, эта полемика не мѣшала ему питать извѣстныя симпатіи къ представителямъ славянофильскаго ученія. Друзья подсмѣивались надъ этими симпатіями и Грановскій еще въ послѣдній годъ своей жизни укорялъ Кавелина за ребяческое довѣріе къ противникамъ [1]. Но не стало Грановскаго,—и надъ его могилой Кавелинъ поспѣшилъ завязать дружескія сношенія уже съ Погодинымъ. «Время теперь такое,— писалъ онъ послѣднему 3 ноября 1855 г., вернувшись въ Петербургъ съ похоронъ Грановскаго,—что всѣмъ честнымъ и благомыслящимъ людямъ въ Россіи надобно забыть о взаимныхъ неудовольствіяхъ, личныхъ, литературныхъ и научныхъ, и оставить несогласіе въ образѣ мыслей на второй планъ, а на первый – единство, довѣріе взаимное, соглашеніе хоть въ томъ, въ чемъ согласиться можно, а такихъ пунктовъ гораздо больше, чѣмъ ка-

---

[1]) «Я до смерти радъ,—писалъ онъ Кавелину по поводу предпринятаго славянофилами изданія «Русской Бесѣды»—что они затѣяли журналъ... Я радъ потому, что этому воззрѣнію надо высказаться до конца, выступить наружу во всей красотѣ своей. Придется снять съ себя либеральныя украшенія, которыми морочили они такихъ дѣтей, какъ ты». Т. Н. Грановскій и его переписка. М. 1897. т. II, 457.

жется съ перваго взгляда. Теперь больше, чѣмъ когда нибудь, можетъ быть столько же, сколько въ 1612 г., Россія требуетъ вѣрной службы отъ своихъ сыновъ и знать не хочетъ ихъ маленькихъ несогласій. Вы не словами, а дѣлами доказали и доказываете, что слышите это требованіе ценно и мощно, и потому, будучи точно также настроенъ, я чувствовалъ глубочайшую потребность поговорить съ вами наединѣ хоть одинъ вечерокъ и видитъ Богъ, какъ мнѣ досадно и больно, что это не удалось»... Такимъ образомъ, та публицистическая дѣятельность, или, вѣрнѣе, то безконечное прожектерство, какому предавался въ 50-хъ годахъ Погодинъ въ своихъ рукописныхъ «письмахъ» и какое лишь раздражало и смѣшило Грановскаго, въ Кавелинѣ вызвало, напротивъ, симпатію и уваженіе. Онъ приглашалъ Погодина стать «звеномъ замиренія» между различными партіями и счелъ нужнымъ подѣлиться съ нимъ своими завѣтными публицистическими планами, тѣмъ самымъ какъ бы давая съ своей стороны залогъ такого примиренія и указывая почву для него. «Я составляю понемногу — писалъ онъ — нѣчто въ родѣ программы того, что бы у насъ должно было быть иначе. Этого конспекта будетъ много тетрадей и обнимать онъ долженъ весь нашъ бытъ... Готово объ управленіи центральномъ, мѣстномъ, земскомъ и сословномъ, о судѣ и участіи выборныхъ въ дѣлахъ управленія. Написана въ треть статья о крѣпостномъ правѣ государственномъ и помѣщичьемъ. Этой статьѣ приписываю особенную важность и потому работаю очень обдуманно. Готовъ по крайнему убѣжденію моему отдать все свое, да вдобавокъ принять лѣтъ на 50 теперешней неурядицы и беззаконія въ Россіи, если бы этими жертвами можно было купить въ пять лѣтъ совершенное освобожденіе мужика съ тою землею, которою онъ теперь владѣетъ, безъ обиды для барина, т. е. съ выкупомъ... А кромѣ того набросано такъ, для памяти, и объ церковныхъ дѣлахъ, и объ народномъ просвѣщеніи, объ иностранцахъ, инородцахъ, о сословіяхъ, о совершенной необходимости сохранить неограниченную власть государя, основавъ ее на возможно широкихъ мѣстныхъ свободахъ и участіи всѣхъ въ мѣстныхъ дѣлахъ и управленіи. Все это со временемъ должно быть обработано въ статьи» [1]).

Выполненіе этой обширной программы публицистическихъ работъ заняло у Кавелина всю жизнь, но одна изъ нихъ, и именно та, которой онъ самъ придавалъ «особенную важность», была имъ закончена сравнительно скоро. Въ томъ же 1855 году, къ которому относится приведенное письмо, Кавелинъ довершилъ обработку своей извѣстной «Записки объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи», въ которой онъ доказывалъ необходимость немедленнаго освобожденія крестьянъ съ землею и предлагалъ проектъ выкупа крестьянскихъ надѣловъ у помѣщиковъ при помощи государства. Эта за-

[1]) Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, XIV, 201—2, 202—3.

писка, первоначально ходившая по рукамъ лишь въ рукописи, а затѣмъ напечатанная въ большомъ извлеченіи Чернышевскимъ въ «Современникѣ» безъ имени автора, получила широкое распространеніе и дала серьезный толчокъ разрѣшенію вопроса о крестьянской реформѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ не прошла она безслѣдно и въ жизни самого Кавелина: она вызвала къ нему упорную ненависть крѣпостниковъ и отразилась, повидимому, и на его служебномъ положеніи, но съ другой стороны она же доставила его имени широкую популярность въ обществѣ и выдвинула его самого въ первые ряды дѣятелей крестьянской реформы [1]). При всемъ томъ содержаніе этой «Записки» было довольно скромно, особенно за предѣлами главной ея мысли о необходимости освобожденія крестьянъ и сохраненія ими своихъ земельныхъ надѣловъ. Самъ авторъ усматривалъ въ этой скромности главное достоинство своей работы, обезпечившее ей практическій успѣхъ, и тщательно подчеркивалъ это обстоятельство, объясняя друзьямъ пріемы составленія «Записки» и основную ея тенденцію. «Я убѣжденъ и сердцемъ, и умомъ, и всѣмъ моимъ существомъ,—писалъ онъ Погодину—что изъ всѣхъ вопросовъ—вопросъ, изъ всѣхъ золъ—зло, изъ всѣхъ несчастій нашихъ—несчастье есть крѣпостное право. Не то, чтобъ мало было у насъ худого и отвратительнаго и безъ того; но все, что вы ни возьмете, прицѣплено къ этому коренному злу и легко измѣнится къ лучшему, когда его не будетъ. Отъ того-то, только что царствованіе смѣнилось, я сталъ писать объ этомъ предметѣ большую статью въ самомъ примирительномъ тонѣ, съ одною мыслью свести всѣхъ къ соглашенію, а не къ враждѣ: я живо представилъ себѣ, что бы я сталъ говорить, еслибъ былъ закоренѣлый помѣщикъ, и чего бы потребовалъ, и такъ далѣе, старался войти въ мысль мужика и правительства. Плодомъ этого была большая статья, больше въ видѣ программы... По примирительному своему характеру она принята даже самыми заскорузлыми и деревянными помѣщиками весьма хорошо» [2])...

Представленіе Кавелина объ успѣхѣ его записки среди самыхъ разнообразныхъ круговъ общества, не исключая и крѣпостническихъ, было, положимъ, нѣсколько преувеличено, но стремленіе добиться такого успѣха, несомнѣнно, существовало у него и замѣтно отразилось на характерѣ его

---

[1]) Самъ Кавелинъ и свое увольненіе въ 1858 г. отъ должности преподавателя при тогдашнемъ наслѣдникѣ объяснялъ исключительно напечатаніемъ этой записки, особенно настаивая на томъ, что такое напечатаніе было произведено Чернышевскимъ «безъ его согласія и вѣдома» (Сочиненія К. Д. Кавелина, I, 5, прим. 1). Не мѣшаетъ замѣтить, однако, что Кавелинъ горячо просилъ своихъ пріятелей возможно шире распространять его записку (Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, XIV, 214—15). Съ другой стороны, у насъ есть и свидѣтельства, нѣсколько иначе объясняющія увольненіе Кавелина,—см., напр., Записки Оома, Р. Архивъ, 1896, № 6, 247—51).

[2]) Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, XIV, 213—14.

труда. Отстаивая въ послѣднемъ такой порядокъ освобожденія, при которомъ крестьяне сохранили бы полностью находившіеся въ ихъ пользованіи надѣлы, онъ въ то же время доказывалъ необходимость выкупа у помѣщиковъ не только земли, но и личности крестьянина. По его словамъ, выплата помѣщикамъ «денегъ за одну землю, не принимая въ разсчетъ крѣпостныхъ людей, была бы весьма несправедлива и неуравнительна». «Владѣльцевъ—проектировалъ онъ – слѣдуетъ вознаградить за выкупаемыхъ у нихъ крѣпостныхъ самымъ простымъ и самымъ справедливымъ образомъ: оцѣнить крѣпостныхъ съ слѣдующею имъ землею по существующимъ на мѣстѣ цѣнамъ, какъ можно добросовѣстнѣе, какъ можно ближе къ истинѣ, и затѣмъ выдавать всю выкупную сумму сполна, при самомъ отчужденіи крѣпостныхъ изъ частнаго владѣнія». Въ соотвѣтствіи съ этимъ общимъ правиломъ онъ предлагалъ установить и личный выкупъ дворовыхъ, не сопровождаемый надѣленіемъ ихъ землею. Съ другой стороны, онъ находилъ, что «нельзя ни предлагать, ни даже желать» немедленнаго общаго выкупа крѣпостныхъ на всемъ пространствѣ государства, и утверждалъ, что такой мѣрѣ должны предшествовать мѣстные опыты и добровольныя сдѣлки помѣщиковъ съ крестьянами. «Примирительный характеръ» Кавелинской «Записки» шелъ, впрочемъ, и дальше. Авторъ ея самымъ рѣшительнымъ образомъ заявлялъ свое согласіе съ тѣмъ мнѣніемъ, по которому «значеніе и вліяніе должны принадлежать въ Россіи не массамъ, а просвѣщенному и зажиточному меньшинству, представляемому дворянствомъ». «Нельзя—говорилъ онъ—не раздѣлять убѣжденія, что значеніе и вліяніе должны принадлежать не толпѣ, а образованнѣйшему и зажиточнѣйшему сословію. Если это справедливо для всѣхъ странъ въ мірѣ, то тѣмъ болѣе въ примѣненіи къ Россіи, гдѣ просвѣщеніе такъ мало развито въ большинствѣ народа». Но достиженіе дворянствомъ того положенія, на которое оно имѣетъ всѣ права претендовать, не мыслимо, пока существуетъ крѣпостное право, создающее непримиримый антагонизмъ между высшимъ сословіемъ и массою народа. За то, какъ только рухнетъ крѣпостное право, дворянство займетъ это положеніе, сдѣлавшись естественнымъ и достойнымъ довѣрія представителемъ народа, «потому что, имѣя одни и тѣ же интересы съ простымъ народомъ, оно будетъ имѣть всѣ способы защищать ихъ для себя и вмѣстѣ для черни» [1]).

Эти послѣднія утвержденія—относительно того благодѣтельнаго вліянія, какое должно было оказать уничтоженіе крѣпостного права на процвѣтаніе русскаго дворянскаго сословія,—были еще съ большею рѣшительностью повторены Кавелинымъ два года спустя, въ его «Мысляхъ объ уничтоженіи

[1]) Сочиненія Кавелина, т. II, СПБ., 1898, 46, 48, 78—9, 72—3, 66, 67, 71—2.

крѣпостного состоянія». Отмѣна крѣпостного права, сопровождаемая полнымъ вознагражденіемъ владѣльцамъ за всѣ понесенные ими, вслѣдствіе освобожденія, потери и убытки, поставила бы дворянъ, по его словамъ, «нравственно и юридически, въ нормальныя отношенія къ простому народу, чѣмъ и было бы положено незыблемое основаніе для образованія у насъ консервативнаго аристократическаго начала, котораго недостатокъ такъ теперь ощутителенъ во всѣхъ отношеніяхъ». На ряду съ предсказаніемъ столь стройной гармоніи интересовъ различныхъ классовъ въ будущемъ, только что названное произведеніе содержало въ себѣ и любопытныя указанія на счетъ тѣхъ путей, по которымъ слѣдовало идти къ установленію такой гармоніи. Авторъ рекомендовалъ въ дѣлѣ взысканія съ крестьянъ недоимокъ по выкупнымъ платежамъ не останавливаться передъ «видимою жестокостью», передъ «спасительною и своевременною строгостью», но «постановить строгія мѣры и примѣнять ихъ безъ послабленія». «Такъ можно, напримѣръ,— указывалъ онъ—установить отдачу неисправныхъ крестьянъ въ отработку помѣщикамъ, отъ которыхъ они откупаются; можно, когда это не влечетъ за собою ущерба для владѣльца, переселять неисправныхъ въ другіе губерніи и края, а землю продавать съ публичнаго торга». Съ другой стороны, «распоряженіе о выдачѣ крестьянамъ ссудъ (отъ правительства) на выкупъ должно быть сдѣлано секретно и держимо въ тайнѣ отъ крестьянъ... Пусть кредитъ является въ видѣ милости правительства, а не общаго правила; иначе возродятся притязанія на ссуды не только со стороны бѣдныхъ и безпомощныхъ крестьянъ, но даже со стороны богатыхъ, имѣющихъ полную возможность выкупиться своими средствами, безъ посторонней помощи». Дѣло въ томъ, что крестьяне надѣются на выкупъ ихъ средствами правительства. Поэтому, хотя они и подчинятся выкупнымъ платежамъ, «понимая ихъ справедливость въ отношеніи къ помѣщикамъ», но подчинятся неохотно и будутъ копить недоимку, ожидая, что правительство сложитъ или заплатитъ ее. Между тѣмъ «такія мысли опасно поддерживать въ 25 милліонахъ крѣпостного народонаселенія. Напротивъ, надобно со всею строгостью и настойчивостью, для ихъ же счастія, проводить мысль, что они могутъ стать свободны лишь вслѣдствіе собственныхъ усилій и жертвъ, правительство же только облегчаетъ имъ пути къ тому, не принимая на себя выкупа. Такимъ только образомъ освобожденіе крѣпостныхъ будетъ вмѣстѣ и ихъ воспитаніемъ къ гражданской жизни» [1]).

Такимъ образомъ, въ то время, какъ дворянству обѣщались немедленное и полное вознагражденіе всѣхъ его потерь и большія выгоды въ будущемъ отъ уничтоженія крестьянской крѣпости, которое должно создать единство интересовъ между высшимъ сословіемъ и крестьянской массой,

[1]) Тамже, 93, 99—100.

крестьянъ рекомендовалось воспитывать для гражданской жизни путемъ строгаго принужденія къ исправному платежу помѣщикамъ выкупа за землю и за свою личную свободу. Во всемъ этомъ было много безусловно-искренней наивности, хотя была и своеобразная тактика. Драгоцѣнное сокровище гражданской свободы, которое предстояло пріобрѣсти крестьянамъ, своимъ блескомъ ослѣпляло глаза писателя и это обстоятельство подчасъ лишало его возможности спокойно и безпристрастно взвѣсить все значеніе той цѣны, какою онъ предлагалъ купить это сокровище. Съ другой стороны, стремленіе во что бы то ни стало привлечь къ дѣлу освобожденія симпатіи владѣльческаго класса вело къ такимъ доказательствамъ выгодности освобожденія для этого класса, при которыхъ если не юридическіе, то экономическіе интересы крестьянина отступали уже совершенно на второй планъ передъ пользами помѣщика. Съ особенной реальностью этотъ ходъ мысли и вытекавшія изъ него послѣдствія были вскрыты въ одной любопытной статьѣ Кавелина, оставшейся ненапечатанною въ свое время и появившейся впервые лишь въ недавнемъ полномъ собраніи его сочиненій. Въ этой статьѣ, посящей заглавіе: «Уставная грамота» и относящейся къ той порѣ, когда крестьянская реформа начала уже приводиться въ исполненіе, Кавелинъ поставилъ себѣ задачею доказать, что при извѣстномъ благоразуміи и терпѣніи помѣщикъ всегда почти можетъ заключить достаточно выгодное для себя полюбовное соглашеніе съ крестьянами. Для иллюстраціи этой мысли онъ подробно и съ чувствомъ полнаго душевнаго удовлетворенія разсказывалъ о томъ, какъ ему удалось добиться «выгоднаго» соглашенія съ крестьянами своего самарскаго имѣнія, добровольно принявшими четвертной надѣлъ. Много лѣтъ позднѣе самъ Кавелинъ съ горечью говорилъ о тѣхъ людяхъ, которые «выдумали злосчастные сиротскіе надѣлы» [1]).

И въ собственныхъ проектахъ крестьянской реформы, и въ своихъ совѣтахъ по поводу осуществленія принятаго правительствомъ плана освобожденія Кавелинъ шелъ, такимъ образомъ, на извѣстныя жертвы въ пользу владѣльческихъ интересовъ. Но нельзя было бы сказать, что готовность къ такимъ жертвамъ вытекала у него изъ вполнѣ яснаго сознанія могущества классовыхъ интересовъ и признанія необходимости считаться съ ними и дѣлать имъ нѣкоторыя уступки ради осуществленія хотя части своихъ плановъ. «Примирительный характеръ» кавелинскихъ проектовъ имѣлъ нѣсколько иной источникъ. Правда, у Кавелина, какъ и у нѣкоторыхъ другихъ писателей 40-хъ годовъ, можно порою встрѣтить фразы, какъ будто свидѣтельствующія о признаніи великаго, если не первенствующаго, значенія матеріальнаго фактора въ жизни народовъ. «Никогда — писалъ онъ въ 1865 г. — ни въ какой странѣ въ мірѣ обществомъ и государствомъ не двигали без-

---

[1]) Сочиненія К. Д. Кавелина, II, СПБ. 1898, 689—718, 652.

плотныя идеи... Только интересы, положеніе дѣлъ приводятъ за собой перемѣны, а отнюдь не книжки и мысли»[1]). Но самъ Кавелинъ и большинство его сверстниковъ вкладывали въ подобныя фразы не совсѣмъ тотъ смыслъ, какой связали бы съ ними представители позднѣйшихъ поколѣній. Такія заявленія, какъ только что приведенное, нисколько не мѣшали Кавелину всецѣло оставаться на почвѣ тѣхъ идеалистическихъ представленій о сущности историческаго процесса, какія были усвоены имъ изъ нѣмецкой исторической и философской литературы, и онъ рѣдко сходилъ съ этой почвы даже при обсужденіи вопросовъ экономическаго быта. Защищая въ 1859 г. русское общинное землевладѣніе, онъ въ этой защитѣ руководился, на ряду съ экономическими соображеніями, и иными аргументами, въ его глазахъ едва-ли не болѣе важными. Сама по себѣ личная земельная собственность еще не представлялась ему ненормальной и въ общинѣ онъ видѣлъ не естественнаго ея наслѣдника, а лишь необходимый регуляторъ ея уродливыхъ и, однако, неизбѣжныхъ крайностей. «Личная собственность, какъ и личное начало,—говорилъ онъ—есть начало движенія, прогресса, развитія; но оно становится началомъ гибели и разрушенія, разъѣдаетъ общественный организмъ, когда въ крайнихъ своихъ послѣдствіяхъ не будетъ умѣряемо и уравновѣшиваемо другимъ организующимъ началомъ землевладѣнія». Усматривая это другое начало въ общинѣ, писатель вмѣстѣ съ тѣмъ главное ея значеніе видѣлъ не въ преграждены пути къ образованію пролетаріата, а въ уменьшеніи нравственнаго вліянія послѣдняго на массу населенія. По его словамъ, «при существованіи общиннаго землевладѣнія, разумѣется въ надлежащей пропорціи съ личною поземельною собственностью, опаснаго для общественной экономіи перевѣса людей бездомныхъ никогда быть не можетъ, какъ бы народонаселеніе ни увеличилось». Но, «если вокругъ густыхъ массъ осѣдлаго и домовитаго сельскаго народонаселенія обростутъ многочисленные слои бездомныхъ людей, въ этомъ еще нѣтъ большой бѣды. Бѣда, когда въ быту, въ привычкахъ, въ убѣжденіяхъ массы сельскаго населенія исчезнетъ понятіе о домовитости, о ничѣмъ нетревожимой осѣдлости, о прочности его ежедневной жизни. Когда масса народа глубоко пустила корни въ землю, создается крѣпкій бытъ и крѣпкіе нравы, которые сообщаются и остальному народонаселенію, каково бы оно ни было. А въ нравахъ вся сила народа; въ нихъ тотъ геній его, который на дѣлѣ исправляетъ недостатки законовъ и учрежденій и спасаетъ общество въ годины великихъ бѣдствій. Вездѣ, гдѣ сельскія массы домовиты и прочно-осѣдлы, онѣ являются самымъ охранительнымъ общественнымъ элементомъ, о который сокрушаются всѣ невзгоды, внѣшнія и внутреннія. Отвоевывая мало-по-малу изъ-подъ сельскаго класса почву, къ которой онъ прирастаетъ по своему положенію, исклю-

[1]) Тамже, 157.

чительная личная собственность поражаетъ нравы и крѣпость народную, устойчивость массъ въ самомъ ихъ источникѣ» [1]).

Исходя изъ этого туманнаго и расплывчатаго представленія, позволявшаго переносить экономическіе вопросы въ нравственную сферу и замѣнять заботу о нормальныхъ условіяхъ труда заботою о поддержаніи крѣпкихъ нравовъ въ народной массѣ, трудно было, конечно, придти къ строгому различенію классовыхъ интересовъ и къ правильной оцѣнкѣ ихъ взаимныхъ отношеній и ихъ вліянія на общественную жизнь страны. Въ публицистическихъ построеніяхъ Кавелина такая задача была въ сущности не столько разрѣшена, сколько обойдена и оставлена въ сторонѣ, и это обстоятельство въ значительной мѣрѣ опредѣлило собою характеръ конечныхъ выводовъ писателя. Дѣйствительность скоро убѣдила Кавелина въ ошибочности его разсчетовъ на симпатіи дворянства къ крестьянской реформѣ, показавъ ему, что громадное большинство дворянства питаетъ очень мало желанія разставаться съ крѣпостнымъ правомъ и во всякомъ случаѣ не склонно считать освобожденіе крестьянъ съ землею сколько-нибудь выгоднымъ для себя. «Дворянство—писалъ онъ Погодину въ началѣ 1859 г.—гнусно, гнусно и гнусно. Оно доказало, что быть душевладѣльцемъ безнаказанно нельзя: профершпилили и совѣсть, и сердце, да и умъ вдобавокъ» [2]). Но этотъ горькій урокъ практической жизни мало повліялъ на Кавелина и не поколебалъ его теоретическихъ взглядовъ. Дальнѣйшее ихъ развитіе продолжалось въ однажды усвоенномъ примирительномъ направленіи и, незамѣтно для самого Кавелина, быстро отводило его какъ отъ бывшаго его учителя въ общественныхъ вопросахъ—Герцена, такъ и отъ молодыхъ дѣятелей «Современника», съ которыми его временно сблизило было его участіе въ разрѣшеніи вопроса крестьянской реформы. Еще въ 1859 г. Кавелинъ выступилъ съ горячей апологіей дѣятельности Герцена [3]), но уже три года спустя между старыми друзьями произошелъ рѣзкій разрывъ и они разошлись по различнымъ дорогамъ.

Въ короткій промежутокъ времени съ 1855 г. по 1861 г. русское общество успѣло пережить многое. Разъ начавшееся реформаторское движеніе непрерывно разросталось вширь и вглубь, привлекая къ себѣ все новыя силы и пріобрѣтая все бо́льшую опредѣленность. Освобожденіе крестьянъ нанесло первый серьезный ударъ господству старыхъ порядковъ, но этотъ ударъ въ сознаніи общества не былъ рѣшительнымъ и не могъ быть послѣднимъ. Правда, реакція, ознаменовавшая послѣдніе этапы крестьянской реформы, сильно охладила возбужденныя надежды и ожиданія, но тѣмъ настоятельнѣе вставалъ передъ мыслящею частью общества вопросъ о

[1]) Сочиненія К. Д. Кавелина, II, 186.
[2]) Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, XV, 515.
[3]) Тамже, XV, 261—8.

дальнѣйшемъ направленіи общественной и государственной жизни и о тѣхъ формахъ, въ какія она должна была вылиться. Кавелинъ съ своей стороны попытался дать отвѣтъ на этотъ вопросъ и изложить свою общественную программу. Съ этою цѣлью онъ въ 1862 г. выпустилъ за границей анонимную брошюру: «Дворянство и освобожденіе крестьянъ».

Вопросъ о ближайшемъ будущемъ Россіи былъ поставленъ въ этой брошюрѣ въ формѣ вопроса о томъ положеніи, какое достается дворянству послѣ крестьянской реформы, и о той роли, какую можетъ и должно сыграть это сословіе въ общей жизни страны. Авторъ какъ нельзя болѣе рѣшительно высказывался противъ того мнѣнія, согласно которому вслѣдъ за паденіемъ крѣпостного права должно было послѣдовать и уничтоженіе дворянства. Онъ соглашался, что служебныя и другія привилегіи должны исчезнуть, но въ его глазахъ уравненіе дворянства въ гражданскихъ правахъ съ массою народа еще не вело къ уничтоженію сословія. Неизбѣжность существованія русскаго дворянства на будущее время, по его мнѣнію, вытекала изъ «общаго, всемірнаго закона», въ силу котораго «въ каждомъ обществѣ непремѣнно нѣкоторая его часть выдѣляется изъ массы народонаселенія и въ томъ или иномъ видѣ первенствуетъ надъ нею». Если въ этомъ утвержденіи сословія смѣшивались съ классами, то въ дальнѣйшемъ незыблемость и вѣчность сословныхъ и классовыхъ дѣленій общества доказывались, совершенно въ духѣ кн. М. М. Щербатова, простою ссылкою на прирожденное неравенство людей. «Неравенство сословій — по словамъ Кавелина — дано не обстоятельствами, а самой природой человѣка и человѣческаго общества, и причину его открыть не трудно. Люди по физической природѣ, по умственнымъ и другимъ своимъ способностямъ неравны между собою со дня рожденія. Изъ этого прирожденнаго неравенства вытекаетъ и неравенство внѣшней ихъ дѣятельности». Съ другой стороны, «то, что человѣкъ творитъ во внѣшнемъ мірѣ, становится его собственностью, которую онъ оставляетъ послѣ себя дѣтямъ или завѣщаетъ близкимъ; отсюда источникъ неравенства». Это послѣднее неравенство, имущественное, обладаетъ не меньшею прочностью, чѣмъ физическое. «Его, повидимому, прекратить очень легко: стоитъ только отмѣнить собственность и наслѣдство. Такія предложенія дѣлались соціалистами, но они оказались совершенно не осуществимыми, потому что противорѣчатъ закону свободы, столько же непреложному, какъ законъ общежитія». Права собственности и наслѣдства «для огромнаго большинства людей лучшій плодъ и награда трудовъ и усилій», и безъ нихъ большая часть человѣчества перестала бы трудиться и впала бы въ «умственную и нравственную апатію». Въ этихъ двухъ правахъ «выражается свобода человѣка, которая ему такъ дорога, безъ которой онъ становится животнымъ, а общество человѣческое — стадомъ барановъ». Въ

свою очередь имущественное неравенство обостряетъ плоды неравенства физическаго, такъ какъ люди обезпеченные пользуются большею возможностью развитія своихъ способностей и талантовъ, чѣмъ неимущіе. «Итакъ,—заключалъ публицистъ—природныя свойства и собственность суть неискоренимый, вѣчный источникъ неравенства людей и различія высшихъ и низшихъ сословій во всѣхъ человѣческихъ обществахъ, во всѣ времена, на всѣхъ ступеняхъ развитія» [1])

Прибѣгая въ своемъ анализѣ явленій общественной и, въ частности, экономической жизни къ столь упрощеннымъ пріемамъ изслѣдованія, Кавелинъ и свой общественный идеалъ строилъ на почвѣ тѣхъ же наивныхъ понятій вульгарной политической экономіи. Въ основу этого идеала онъ полагалъ гармонію интересовъ сословныхъ и классовыхъ группъ, въ его представленіи нисколько не нарушаемую ихъ раздѣльнымъ существованіемъ. Не имѣя возможности отрицать существованія вражды между различными классами, онъ видѣлъ, однако, въ этой враждѣ не проявленіе естественнаго антагонизма классовыхъ интересовъ, а исключительно результатъ неправильнаго поведенія высшаго класса, который, ставъ господиномъ и «облѣнившись», начиналъ ограждать свое положеніе привилегіями и насиліемъ. При нормальныхъ же условіяхъ, по его мнѣнію, высшій классъ, отказавшись отъ привилегій и духа касты, могъ сохранить свое положеніе и тѣсную связь съ другими классами. Эту мысль онъ иллюстрировалъ примѣрами французскаго и англійскаго дворянства, опять-таки смѣшивая при этомъ понятія сословія и класса [2]).

Вооружившись такимъ критеріемъ, Кавелинъ обращался къ русской жизни. Въ Россіи, по его указанію, высшее сословіе никогда не имѣло большой силы и самостоятельности, благодаря отсутствію у него тѣсной связи съ народной массой. Вельможество московской эпохи «не имѣло корней въ народѣ, было ему чуждо, стояло къ нему почти враждебно» и было поэтому легко раздавлено верховною властью. «Съ реформы Петра В. паденіе вельможества очистило остальному дворянству путь къ высшимъ государственнымъ степенямъ и власти». Съ этой поры вплоть до 1825 года дворянство находилось въ крайне благопріятныхъ для него условіяхъ. «Къ несчастью, крѣпостное право поставило это сословіе въ фальшивое, щекотливое положеніе къ цѣлой половинѣ сельскаго народонаселенія имперіи». Между тѣмъ дворянство «всѣми силами схватилось за это несчастное право, держалось за него до-нельзя и цѣлымъ рядомъ ошибокъ, бывшихъ неизбѣжнымъ, роковымъ послѣдствіемъ этой основной коренной ошибки, дошло до теперешняго безсилія и ничтожества». «Печальную

---

[1]) Сочиненія К. Д. Кавелина, II, 109—114.
[2]) Тамже, 114—15.

картину — говорилъ писатель — представляетъ исторія русскаго дворянства за послѣдніе полъ-вѣка. Озабоченное одною мыслью удержать за собою крѣпостное право, оно въ царскихъ совѣтахъ упорно сопротивлялось всякимъ полезнымъ реформамъ, прямо или косвенно затрогивавшимъ крѣпостной вопросъ; подъ вліяніемъ той же задушевной мысли оно мало-помалу стало во враждебное отношеніе къ литературѣ, къ наукѣ, къ университетамъ и просвѣщенію, во всемъ стало тормозить развитіе народной жизни, гдѣ и какъ и сколько могло. Въ мѣстномъ управленіи оно начало избирать въ представители своего сословія, въ полицію и суды только тѣхъ, которые защищали помѣщиковъ и ихъ драгоцѣнное крѣпостное право, не заботясь и не думая ни о чемъ остальномъ. Стремясь неудержимо все далѣе и далѣе по этому роковому пути, дворянство присвоило исключительно одному себѣ печальную привилегію рабовладѣнія, какъ будто нарочно хотѣло на одномъ себѣ сосредоточить всю силу народнаго негодованія; оно затруднило другимъ классамъ вступленіе въ службу и переходъ въ дворянство и чрезъ это стало все болѣе и болѣе смыкаться въ исключительно привилегированное сословіе. Не имѣя матеріальной необходимости работать и трудиться, оно отвыкло отъ труда и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы предавалось покою и совершенному бездѣйствію въ своихъ имѣніяхъ. Даже воспитаніемъ стало оно пренебрегать, вслѣдствіе того, что крѣпостное право и другія привилегіи освобождали его отъ необходимости вести трудовую жизнь. Дѣти невольно заражались примѣромъ родителей. Словомъ, наше дворянство снова повторило исторію нашего старинпаго вельможества, только уже не въ политической, а въ гражданской сферѣ». Самое образованіе, проникавшее изъ Европы, при такихъ условіяхъ обращалось скорѣе не на пользу, а во вредъ сословію, прививая къ нему лишь «внѣшній лоскъ образованности, привычки довольства, комфорта и разврата». Раззоренное такими наклонностями дворянство прибѣгло къ ссудамъ подъ свои имѣнія, но кредитъ, служившій лишь для продолженія роскошной не по средствамъ жизни, повелъ «къ окончательному раззоренію большинства помѣщиковъ». «Послѣ того дворянству оставалось одно изъ двухъ: или приняться снова за службу и на счетъ казны и просителей поправить свои дѣла, избѣгая въ то же время кредиторовъ и тюрьмы, или налечь на крестьянъ и пополнять дефициты огромными оброками и усиленными работами подданныхъ. Одни прибѣгли къ первому изъ этихъ способовъ и тѣмъ уронили всякій кредитъ къ служащимъ дворянамъ; другіе обратились ко второму, все болѣе и болѣе раздражая противъ дворянства сельское населеніе; третьи не пренебрегали обоими способами, находя, вѣроятно, соединеніе ихъ наиболѣе для себя выгоднымъ». Наконецъ, наступилъ моментъ, когда крѣпостное право было признано явно непримиримымъ съ дальнѣйшимъ прогрессомъ государствен-

ной жизни. Но и тутъ «дворянство отнеслось къ вопросу объ освобожденіи крестьянъ нехотя, отрицательно, пассивно, и было обойдено. Ему остались на долю одно напрасное сѣтованіе и безсильная злоба» [1]).

Трудно было бы съ большимъ мастерствомъ набросать въ немногихъ штрихахъ такую яркую и справедливую картину историческаго развитія русскаго дворянства. Но чѣмъ ярче была эта картина, чѣмъ большею вѣрностью дѣйствительности она отличалась, тѣмъ менѣе оправданнымъ являлся переходъ писателя отъ изслѣдованія прошедшаго къ сужденіямъ о настоящемъ. Вступая на почву современности, Кавелинъ какъ будто забывалъ о воспроизведенныхъ имъ самимъ условіяхъ недавняго прошлаго и во всякомъ случаѣ почти не считался съ ними. Благодаря этому, онъ изъ изслѣдователя общественной жизни, изучающаго развитіе въ ней тѣхъ или иныхъ процессовъ, незамѣтно для самого себя обращался въ моралиста чистой воды, поученія котораго могли имѣть тѣмъ менѣе значенія, что въ основѣ ихъ лежало очень малое знакомство съ дѣйствительнымъ характеромъ тѣхъ фактовъ, къ какимъ они были пріурочены. Указывая, что за уничтоженіемъ крѣпостного права неизбѣжно должно послѣдовать постепенное уравненіе дворянъ во всѣхъ гражданскихъ правахъ съ другими сословіями, Кавелинъ намѣчалъ вытекавшее отсюда измѣненіе характера дворянства. Изъ привилегированнаго, наслѣдственнаго и болѣе или менѣе замкнутаго сословія, принадлежность къ которому опредѣлялась рожденіемъ или пожалованіемъ, оно должно было обратиться въ классъ землевладѣльцевъ. «Зерномъ, главнымъ интересомъ, около котораго сгруппируется это сословіе, будетъ—утверждалъ Кавелинъ—крупное землевладѣніе». Съ этимъ фактомъ измѣненія характера дворянства писатель связывалъ самыя розовыя предвидѣнія и ожиданія. «Гибельная разобщенность классовъ прекратится,—предсказывалъ онъ.—Дворянство, переставъ быть замкнутымъ сословіемъ, будетъ принимать въ себя новые элементы изъ другихъ классовъ и выдѣлять изъ себя въ низшіе слои народа тѣ, которые стали ему чужды. Вслѣдствіе этого весь народъ составитъ одно органическое тѣло, въ которомъ каждый будетъ занимать высшую или низшую ступень одной и той же лѣстницы; высшее сословіе будетъ продолженіемъ и завершеніемъ низшаго, а низшее—служить питомникомъ, основаніемъ и исходною точкою для высшаго. То, чему весь міръ удивляется въ Англіи, что составляетъ источникъ ея силы и величія, то, чѣмъ она такъ справедливо гордится передъ прочими народами,—именно правильное, нормальное отношеніе между низшими и высшими классами, органическое единство всѣхъ народныхъ элементовъ, открывающее возможность безконечнаго мирнаго развитія посредствомъ постепенныхъ реформъ, дѣлающее невозможною революцію

[1]) Тамже, 119, 120—1, 122—3, 124—5.

низшихъ классовъ противъ высшихъ,—все это будетъ и у насъ, если только — прибавлялъ писатель—дворянство пойметъ свое теперешнее положеніе и благоразумно имъ воспользуется». Положеніе русскаго дворянства представлялось Кавелину даже гораздо болѣе прочнымъ, нежели дворянства англійскаго. Условіемъ, сообщавшимъ высшему сословію въ Россіи эту особую прочность, было въ глазахъ писателя освобожденіе крестьянъ съ землею. «Этимъ—утверждалъ онъ —мы заранѣе навсегда избавляемся отъ голоднаго пролетаріата и неразрывно съ нимъ связанныхъ мечтательныхъ теорій имущественнаго равенства, отъ непримиримой зависти и ненависти къ высшимъ классамъ и отъ послѣдняго ихъ результата,—соціальной революціи, самой страшной и неотвратимой изъ всѣхъ, потрясающей народный организмъ въ самыхъ его основаніяхъ и во всякомъ случаѣ гибельной для высшихъ сословій». Благодаря надѣленію крестьянъ землею классъ землевладѣльцевъ навсегда останется въ Россіи первенствующимъ сословіемъ и землевладѣльческіе интересы будутъ служить въ ней главнымъ основаніемъ для распредѣленія населенія на общественные разряды и группы. Такимъ образомъ, заключалъ Кавелинъ, русскому дворянству предстоятъ «общественное положеніе и будущность, какихъ ни одно высшее сословіе не имѣло ни у одного народа. Надѣленіе всѣхъ крестьянъ землею дало ему гранитный, несокрушимый фундаментъ, общеніе съ другими классами сдѣлаетъ его законнымъ представителемъ страны; а преобладаніе землевладѣльческихъ и земледѣльческихъ интересовъ свяжетъ его неразрывными узами съ большинствомъ народонаселенія, имѣющаго тѣ же самые интересы, и навсегда сохранитъ за нимъ значеніе высшаго сословія» [1]).

Полное отожествленіе интересовъ мелкаго и крупнаго землевладѣнія, представителей труда и обладателей ренты, игравшее такую важную роль въ этихъ предвидѣніяхъ будущаго, само по себѣ уже сообщало имъ чрезмѣрно идиллическій характеръ, разрывая связь между ними и реальною почвою дѣйствительности. Но эта связь становилась еще слабѣе, чтобъ не сказать—призрачнѣе, благодаря другой сторонѣ разсужденій писателя. Рисуя широкіе горизонты будущаго, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не видѣлъ никакой необходимости въ коренномъ измѣненіи условій настоящаго. Необыкновенная широта и значительность цѣлей въ его планахъ страннымъ образомъ сочетались съ чрезвычайною скромностью и бѣдностью средствъ. Обѣщая дворянству въ Россіи такое положеніе, какого оно не имѣло нигдѣ и никогда, Кавелинъ не предлагалъ ему, однако, добиваться какихъ-либо политическихъ реформъ и, напротивъ, считалъ всѣ реформы такого рода рѣшительно ненужными. Дворянству, по его мнѣнію, надобно было лишь «позаботиться о сохраненіи за собою своихъ имѣній, о возможномъ

[1]) Тамже, 126—9.

сближеніи со всѣми классами народа, о пріобрѣтеніи возможно большаго вліянія на мѣстныя дѣла и управленія». Въ свою очередь все это могло быть достигнуто очень просто. Запутавшимся въ дѣлахъ дворянамъ слѣдовало бросить службу и заняться хозяйствомъ въ своихъ имѣніяхъ. Для сближенія съ другими классами «не нужно ни трать, ни чрезмѣрныхъ усилій: отсутствіе всякаго чванства и спѣси, ласковость, твердое знаніе дѣла, вѣрность въ словѣ и честность въ разсчетахъ,—вотъ качества, которыя требуются для того, чтобы снискать общее къ себѣ довѣріе и благорасположеніе въ массахъ народа». Наконецъ, для пріобрѣтенія вліянія въ мѣстности дворянству, по утвержденію писателя, достаточно было пользоваться уже имѣвшимися у него правами «не во вредъ себѣ, не для извлеченія минутныхъ выгодъ и личныхъ протекцій, а на общую пользу, для упроченія за собою виднаго и почетнаго нравственнаго положенія въ глазахъ цѣлой губерніи» [1]). Вопросы соціальнаго и политическаго быта переводились такимъ путемъ на почву обыленной морали и на ней уже получали свое рѣшеніе, по необходимости являвшееся въ этихъ условіяхъ крайне узкимъ и обращавшееся въ мало соотвѣтствовавшую дѣйствительной жизни идиллію.

Такой характеръ указанной программы очень мало затушевывался попытками ея автора доказать историческую необходимость проектируемаго имъ пути и поставить свои совѣты и ожиданія въ тѣсную связь съ конкретными условіями русской дѣйствительности текущаго момента. Эти попытки и не шли въ сущности далѣе общихъ, неопредѣленныхъ и подчасъ противорѣчивыхъ ссылокъ на требованія историческаго развитія, трактуемаго притомъ исключительно съ идеалистической точки зрѣнія. Доказывая неизбѣжное наступленіе прогрессивныхъ законодательныхъ реформъ помимо всякихъ измѣненій политическаго строя, Кавелинъ ссылался на «силу обстоятельствъ и вещей», требующую такихъ реформъ, на то, что послѣднія всюду были «не столько плодомъ прекрасныхъ чувствъ и благородныхъ мыслей, сколько результатомъ неотложныхъ, практическихъ потребностей» и, довольствуясь такими ссылками, не считалъ нужнымъ входить въ анализъ «обстоятельствъ и вещей», своей силой ведущихъ къ реформамъ [2]). Во всякомъ случаѣ, отвлекая историческій процессъ «отъ желаній однихъ и сопротивленія другихъ» и связывая его развитіе исключительно съ «неотразимыми практическими нуждами», писатель не придавалъ ему матеріалистическаго характера. Сами по себѣ взятыя, матеріальныя условія быта играли въ представленіи писателя второстепенную роль, и Кавелинъ какъ нельзя яснѣе высказалъ это, вернувшись черезъ три года къ вопросу объ общественной роли дворянства въ Россіи «У

---

[1]) Тамже, 132, 132–133, 134—5.

[2]) Тамже, 138.

насъ—писалъ онъ—есть матеріалъ въ дворянствѣ, двѣ капли воды сходный съ тѣмъ, какой господствовалъ въ Англіи въ XVIII вѣкѣ... Это элементъ достаточныхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ... Къ этому превосходному элементу, сильному и прочному, присоединяется у насъ, къ великому нашему счастію, сильное, громадное, въ высшей степени консервативное мужицкое сословіе,—консервативное потому, что оно, къ счастью, теперь тоже землевладѣлецъ. Гдѣ въ мірѣ лучше условія для государственной жизни»?. «А между тѣмъ—не особенно послѣдовательно прибавлялъ писатель—изъ этихъ превосходныхъ условій у насъ ничего не выходитъ, и не выходитъ единственно потому, что дворянство не понимаетъ, да и не хочетъ понимать своего положенія: протестуетъ, сердится, проживается на вздоръ, держитъ себя особнякомъ и по возможности устраняется отъ труда и работы на общее дѣло въ провинціи» [1]). Такимъ образомъ, въ конечномъ итогѣ формы соціальнаго быта въ представленіи Кавелина не только не имѣли первенствующаго значенія, но всецѣло зависѣли отъ настроенія дворянскаго сословія, и главною задачею своей эпохи онъ признавалъ пересозданіе этого настроенія въ указанномъ выше направленіи.

Программа, проникнутая такимъ наивно-примирительнымъ духомъ, столь неопредѣленная и колеблющаяся въ своихъ исходныхъ пунктахъ и столь неясная въ своихъ результатахъ, естественно, не могла найти себѣ большого сочувствія среди людей, обладавшихъ сколько-нибудь твердыми общественными взглядами. Особенно враждебно встрѣтилъ ее Герценъ. Въ его глазахъ брошюра Кавелина явилась не то вызовомъ, который авторъ бросалъ своимъ старымъ друзьямъ, не то ложнымъ тактическимъ пріемомъ, въ основу котораго было положено сознательное лицемѣріе. Самъ Герценъ хорошо зналъ цѣну союза общественныхъ силъ и умѣлъ ограничивать свои практическія требованія отъ данной минуты наиболѣе существенными пунктами, но это ограниченіе никогда не переходило у него въ умолчаніе объ основахъ его убѣжденій и тѣмъ болѣе въ отреченіе отъ нихъ. Къ тяжелому и горькому разочарованію, какое доставилъ ему громогласный отказъ близкаго друга отъ этихъ убѣжденій, присоединилось еще досадливое раздраженіе, вызванное непонятною для Герцена наивностью Кавелина въ обсужденіи вопросовъ государственной жизни. Подъ вліяніемъ этихъ чувствъ Герценъ въ очень рѣзкомъ тонѣ потребовалъ отъ Кавелина объясненій, онъ-ли, дѣйствительно, авторъ брошюры «Дворянство и освобожденіе крестьянъ», и рѣшительно поставилъ ему свой ультиматумъ, требуя отреченія отъ этой брошюры или отъ прежней близости. Напрасно озадаченный Кавелинъ взывалъ къ воспоминаніямъ старой дружбы,

---

[1]) Изъ письма къ А. Л. Корсакову. Сочиненія Кавелина, II, 158.

напрасно онъ пытался привести свои теоретическіе взгляды въ связь съ недовѣріемъ Герцена къ политическому развитію Запада, напрасно увѣрялъ, что онъ больше и лучше всѣхъ цѣнитъ мысли Герцена и находитъ въ его произведеніяхъ мудрость, скрытую отъ массы читателей и едва-ли не отъ самого автора. Герценъ не пошелъ на уступки, нарушавшія цѣльность его принципіальныхъ вглядовъ. Разрывъ состоялся и бывшіе друзья разошлись по разнымъ дорогамъ, на которыхъ имъ не суждено было болѣе встрѣчаться.

Вскорѣ послѣ того послѣдовавшее за крестьянскою реформою введеніе земскихъ учрежденій дало поводъ Кавелину высказать свои взгляды еще съ большею полнотою и отчетливостью. Горячо привѣтствуя «Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ», какъ удовлетворившее «одну изъ самыхъ первыхъ, настоятельнѣйшихъ потребностей послѣ упраздненія крѣпостного права», онъ вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ, что «достоинство этихъ учрежденій опредѣляется совсѣмъ не обширностью самоуправленія, которое они предоставляютъ, а правильностью ихъ организаціи и полнотою той доли самостоятельнаго завѣдыванія мѣстными дѣлами, которая дается уѣздамъ и губерніямъ». Въ смыслѣ же самостоятельности мѣстнаго самоуправленія новымъ закономъ, по убѣжденію писателя, было «сдѣлано все, что нужно, и больше дѣлать не слѣдовало». Еслибы «Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ» не предусматривало возможности неудачъ мѣстнаго самоуправленія и не устанавливало надъ послѣднимъ правительственнаго контроля, оно, продолжалъ Кавелинъ, «показалось бы намъ не серьезнымъ законодательнымъ актомъ, а скорѣе программой на французскій маперъ, которая Богъ знаетъ что сулитъ, а на дѣлѣ даетъ мало, очень мало, почти ничего». Но —утверждалъ онъ—«этого-то декораціоннаго характера и не имѣетъ Положеніе: оно производитъ преобразованіе осторожно, предвидитъ доброе и худое, и именно въ этомъ несомнѣнный залогъ, что мы вступаемъ на новый путь безъ колебаній и сюрпризовъ» [1]). Этотъ оптимизмъ вытекалъ не только изъ темперамента писателя, но имѣлъ подъ собою и нѣкоторое теоретическое основаніе, стоявшее въ тѣсной связи со всѣми взглядами Кавелина на характеръ общественной жизни. Оставаясь вѣрнымъ духу органической школы историковъ и юристовъ, Кавелинъ считалъ прогрессъ неизбѣжнымъ, но придавалъ ему вполнѣ безличный характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ склоненъ былъ сильно преувеличивать его необходимую постепенность. Благодаря такой точкѣ зрѣнія эволюція учрежденій представлялась ему чѣмъ-то совершенно самостоятельнымъ и отдѣльнымъ отъ жизни личностей, создающихъ эти учрежденія и пользующихся ими. «Въ жизни и развитіи учрежденій—писалъ онъ—наши прихоти, желанія, мечты и ошибки участвуютъ гораздо

[1]) «По поводу губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій». Сочиненія, II, 736, 755, 756.

меньше, чѣмъ мы обыкновенно думаемъ. Учрежденія имѣютъ свое начало, свое продолженіе и свой конецъ помимо нашей воли, очень часто даже помимо нашего сознанія» [1]). Такая точка зрѣнія, явившаяся, какъ результатъ реакціи противъ свойственныхъ XVIII вѣку представленій о безграничной мощи единичнаго человѣческаго разума, въ свое время могла имѣть и, дѣйствительно, имѣла большой смыслъ въ примѣненіи къ явленіямъ прошедшаго, помогая уловить ихъ генетическую связь. Но, когда тотъ же самый взглядъ прилагался къ фактамъ текущей жизни, его условность и искусственность рѣзко выступали наружу. Въ этомъ отношеніи и о Кавелинѣ можно было повторить то, что было сказано объ его нѣмецкихъ учителяхъ: какъ они, онъ хорошо понималъ прошлое, но, какъ они же, плохо вглядывался въ настоящее и мало понималъ потребности будущаго. Разъ общественная жизнь въ ея цѣломъ и, въ частности, развитіе учрежденій признавались стоящими внѣ всякой зависимости отъ идеаловъ и стремленій людей, всецѣло подчиненными «неизмѣннымъ законамъ, которыхъ люди не могутъ передѣлать», то тѣмъ самымъ содержаніе совѣтовъ, съ какими писатель-публицистъ могъ бы обратиться къ своимъ современникамъ, будь то отдѣльныя личности или цѣлые общественные классы, сводились къ простой морали. И, дѣйствительно, увѣщанія, съ какими Кавелинъ счелъ нужнымъ обратиться къ русскому обществу по случаю введенія земскихъ учрежденій, не шли дальше проповѣди азбучныхъ моральныхъ истинъ. Но при этомъ стремленіе писателя согласовать свои собственныя желанія съ безусловнымъ преклоненіемъ передъ фактами внесло въ его проповѣдь и нѣкоторыя фальшивыя ноты. Признавая не только естественнымъ, но и желательнымъ тотъ фактъ, что рѣшительное преобладаніе въ земскихъ учрежденіяхъ досталось на долю дворянства, Кавелинъ вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждалъ послѣднее не преслѣдовать исключительно свои сословныя выгоды и прецеденты для такой дѣятельности сословія находилъ въ прошломъ. Мы не можемъ забыть, говорилъ онъ между прочимъ, о томъ, что «большинство мировыхъ посредниковъ, взятыхъ изъ среды дворянства, подвергалось нареканіямъ не за излишнее пристрастіе къ интересамъ своего сословія, а, напротивъ, за излишнее увлеченіе въ пользу интересовъ освобождаемыхъ крестьянъ». «Какъ ни дурно всякое пристрастіе,—продолжалъ писатель—но, ужъ если безъ него нельзя обойтись, то лучше же пристрастіе противъ своихъ сословныхъ выгодъ, чѣмъ близорукое, узкосердечное, себялюбивое, черствое пристрастіе въ ихъ пользу; пусть люди, живущіе со дня на день, думаютъ объ этой роли дворянъ и дворянства въ дѣлѣ освобожденія, какъ хотятъ; мы считаемъ ее положительной заслугой этого сословія, которая не забудется» [2]). Едва-ли, однако, Кавелинъ могъ такъ скоро за-

[1]) Тамже, 765.

[2]) Тамже, 767. «Теперь—писалъ самъ Кавелинъ одиннадцать лѣтъ спустя

быть и то, какъ относилось громадное большинство дворянства къ дѣятельности мировыхъ посредниковъ, и то, какъ онъ самъ оцѣнивалъ роль дворянства въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ.

Прошло послѣ того шестнадцать лѣтъ,—и Кавелину пришлось сознаться въ полномъ крушеніи своихъ розовыхъ надеждъ и ожиданій, построенныхъ на столь ненадежномъ фундаментѣ. «Крестьяне—писалъ онъ о земскихъ учрежденіяхъ въ 1880 г — изъ нихъ почти исключены; ихъ тщательно и долго оттирали и, наконецъ, оттерли. Люди хорошіе, знающіе и опытные, къ земскому дѣлу послѣ всего того, что съ нимъ дѣлалось, расхолодѣли и отъ него отшатнулись; а засѣли въ нихъ густой массой почти исключительно дворяне, въ большинствѣ или совершенное ничтожество, или бывшіе крѣпостники, которые продолжаютъ и по сей день вздыхать о блаженномъ старомъ времени, когда имъ жилось легко и привольно, и стараются не мытьемъ, такъ катаньемъ, по возможности подобрать и сохранить крохи, уцѣлѣвшія отъ роскошнаго стола, унесеннаго у нихъ изъ-подъ носу 19 февраля 1861 г.». «Вы въ Петербургѣ—продолжалъ умудренный житейскимъ опытомъ писатель—воображаете, что крѣпостное право умерло, похоронено и память о немъ исчезла? Очень ошибаетесь! Оно живетъ еще во взглядахъ, понятіяхъ, привычкахъ и помѣщиковъ, и крестьянъ, и если будетъ, какъ было до сихъ поръ, поддерживаться администраціей губернской и петербургской, то проживетъ еще долго. Исчезло только мелкое дворянство; среднее, уцѣлѣвшее отъ погрома эманципаціи, и крупное пропиталисъ понятіями промышленниковъ и коммерсантовъ, для которыхъ нажива, во что бы ни стало, есть высшій и единственный идеалъ. Кто посмышленѣй, бывалъ за границей, читалъ кое-что, тотъ умѣетъ прикрывать хищническіе аппетиты громкими фразами, позаимствованными изъ политической экономіи и жаргона европейскихъ буржуа, но подкладка все та же, крѣпостническая. Этотъ слой господствуетъ теперь въ большинствѣ земствъ и давитъ не только крестьянство, но и порядочное меньшинство изъ дворянъ всею тяжестью своего вліянія и своего имущественнаго превосходства» [1]).

Но если въ своей критикѣ земской дѣятельности Кавелинъ до извѣстной степени сходился съ наиболѣе послѣдовательными сторонниками идей

вошло въ моду говорить и повторять, что дворянство совершило безпримѣрный въ исторіи подвигъ самоотверженія, уничтоживъ собственными руками крѣпостное право въ лицѣ мировыхъ посредниковъ и принеся на алтарь отечества свое матеріальное благосостояніе. Подождали-бы, по крайней мѣрѣ, пока вымретъ поколѣніе, видѣвшее своими глазами, какъ происходило освобожденіе крестьянъ, и тогда бы пустили въ ходъ эту самохвальную фразу!» Тамже, II, 885.

[1]) «Письма изъ медвѣжьяго угла.» Сочиненія Кавелина, II, 831—2.

мѣстнаго самоуправленія на русской почвѣ, то иначе сложилась съ годами положительная сторона его воззрѣній. Пережитый опытъ, разбивъ его прежнія упованія, не научилъ его точнѣе распознавать реальныя силы русской дѣйствительности и вмѣстѣ съ тѣмъ не ослабилъ, а скорѣе даже усилилъ, ту долю безсознательнаго консерватизма, какая и раньше была въ его взглядахъ. Самыя неудачи, постигшія опытъ земскаго самоуправленія, онъ склоненъ былъ относить не столько на счетъ тѣхъ условій, какими былъ окруженъ такой опытъ на практикѣ, сколько на счетъ юной русской общественности, проявившей, по его мнѣнію, въ этомъ случаѣ скудость своихъ нравственныхъ силъ. Сообразно этому воспитаніе въ обществѣ такихъ силъ и являлось въ глазахъ писателя наиболѣе важной задачей, которую онъ прямо противополагалъ кореннымъ реформамъ государственнаго быта, какъ затрогивающимъ лишь поверхность жизни.

Подобный выводъ подкрѣплялся для Кавелина и рядомъ другихъ соображеній. Съ самаго начала своей литературной дѣятельности онъ охотно указывалъ на тотъ фактъ, что Россія по своей соціальной структурѣ отличается отъ государствъ европейскаго Запада, и приписывалъ этому факту чрезвычайно большое значеніе. Съ теченіемъ времени такія указанія пріобрѣтали въ его устахъ все болѣе настойчивый и рѣзкій характеръ и къ концу семидесятыхъ годовъ мысль о коренномъ различіи Россіи отъ Запада, не позволяющемъ ей усваивать себѣ государственные порядки послѣдняго, заняла центральное мѣсто въ общественномъ міросозерцаніи Кавелина, какъ бы вернувшагося на этомъ пунктѣ къ доктринѣ славянофильства. Бурный и стремительный потокъ русской общественной жизни въ шестидесятыхъ годахъ, быстро оставившій за собою старые споры западниковъ и славянофиловъ, на время, правда, унесъ было въ своемъ теченіи и Кавелина. Хотя послѣдній и сторонился отъ слишкомъ тѣснаго союза съ тѣми элементами литературнаго и общественнаго движенія, которые онъ самъ называлъ «крайними», онъ все же стоялъ къ нимъ довольно близко и испытывалъ на себѣ ихъ воздѣйствіе. Подъ ихъ вліяніемъ онъ вышелъ за предѣлы тѣхъ вопросовъ, которые охватывались старымъ западничествомъ и славянофильствомъ. Его общественный кругозоръ сталъ въ эту пору шире, его представленія о развитіи русской жизни сдѣлались болѣе конкретными. Но въ существѣ своемъ новое идейное движеніе, подставлявшее на мѣсто абстрактныхъ философскихъ терминовъ соціальныя и экономическія явленія, оставалось чуждымъ Кавелину. Вѣрный ученикъ нѣмецкой идеалистической метафизики, онъ уже не успѣлъ или не сумѣлъ усвоить себѣ новаго реальнаго міровоззрѣнія. Взамѣнъ того онъ поспѣшилъ забыть о самомъ существованіи послѣдняго, какъ только его проявленія въ жизни пріобрѣли менѣе властный характеръ и широко разлившаяся было рѣка общественнаго движенія стала входить въ болѣе узкіе берега. Начиная съ семидесятыхъ

годовъ, Кавелинъ либо совершенно игнорировалъ то идейное теченіе въ русскомъ обществѣ, литературными выразителями котораго служили сперва «Современникъ», а потомъ «Отечественныя Записки», либо же третировалъ это теченіе, какъ простое и необдуманное подражаніе европейскимъ образцамъ, на русской почвѣ лишенное всякаго смысла и значенія. Въ этомъ отношеніи онъ не колебался даже сопоставлять взгляды названной части литературы съ стремленіями крайнихъ реакціонеровъ, находя между тѣми и другими полную аналогію въ ихъ безпочвенности. Въ его представленіи все содержаніе умственной жизни русскаго общества сводилось къ борьбѣ западническихъ и славянофильскихъ воззрѣній, и цѣлью собственной дѣятельности въ эту пору онъ ставилъ синтезъ этихъ противорѣчивыхъ программъ. Въ сущности же этотъ мнимый синтезъ все болѣе отклонялъ его въ сторону славянофильства.

До нѣкоторой степени такой поворотъ назадъ, къ пройденной уже однажды стадіи, явился результатомъ послѣдовательнаго развитія взглядовъ, присущихъ Кавелину и ранѣе, къ эпоху его ревностнаго западничества. Та органическая школа, ученикомъ которой выступилъ Кавелинъ въ своемъ истолкованіи русской исторіи, вообще склонна была разсматривать жизнь всякаго народа, какъ прямолинейное развитіе народнаго духа, не допускающее ни уклоненій въ сторону, ни какого-либо воздѣйствія извнѣ. Всецѣло воспринявъ это воззрѣніе, Кавелинъ въ первые годы своей писательской дѣятельности лишь исходилъ изъ него въ своихъ доказательствахъ закономѣрности русскаго историческаго процесса, но не пытался закрѣплять результаты прошедшаго въ настоящемъ, указывая, наоборотъ, на возможность безконечнаго и разнообразнаго развитія, которое должно было, по его взгляду, приблизить русскій народъ къ западно-европейскимъ націямъ. Но съ годами Кавелинъ измѣнилъ этому первоначальному пониманію указаннаго воззрѣнія и придалъ ему болѣе консервативное истолкованіе, все рѣзче проводя демаркаціонную линію между народнымъ и обще-человѣческимъ, русскимъ и западно-европейскимъ развитіемъ и рѣшительно настаивая на необходимости созданія строго-самобытной національной культуры. Окончательно сложились его взгляды въ этомъ направленіи къ концу семидесятыхъ и началу восьмидесятыхъ годовъ.

Названные годы, бывшіе временемъ остраго кризиса русской жизни, дали сильный толчокъ публицистической дѣятельности Кавелина. Отзываясь на запросы текущаго дня, онъ напечаталъ за это время рядъ статей публицистическаго содержанія въ русскихъ журналахъ и издалъ за границей и въ отечествѣ нѣсколько большихъ произведеній, посвященныхъ обсужденію важнѣйшихъ вопросовъ внутренней жизни Россіи. Въ этихъ произведеніяхъ не было недостатка въ удачныхъ и вѣрныхъ критическихъ замѣчаніяхъ относительно господствовавшихъ въ русской дѣйствительности порядковъ,

но вся эта, нерѣдко блестящая, критика частностей вытекала изъ такихъ общихъ представленій, которыя своею неясностью и ошибочностью парализовали ея силу и обращали положительную програму писателя въ безсодержательную утопію. Основное положеніе, на которомъ строилъ Кавелинъ все зданіе своихъ разсужденій по поводу необходимыхъ Россіи реформъ, заключалось въ утвержденіи, что «соціальный строй русскаго государства, въ которомъ нѣтъ рѣзко различенныхъ и враждебныхъ другъ другу сословій, кастъ и общественныхъ слоевъ», обрекаетъ на безплодность всѣ попытки коренного государственнаго преобразованія и допускаетъ возможность лишь административныхъ реформъ. По отношенію къ послѣднимъ проекты Кавелина въ свою очередь не заходили особенно далеко. Проектированная имъ програма включала въ себя лишь частичныя преобразованія высшихъ государственныхъ учрежденій въ видѣ приданія имъ нѣкоторой самостоятельности и пополненія ихъ состава выборными отъ земства членами, установленіе несмѣняемости и судебной отвѣтственности членовъ администраціи и суда и предоставленіе нѣсколько большей независимости органамъ мѣстнаго самоуправленія и сравнительно большаго простора—печати [1]). Дальше этихъ предѣловъ Кавелинъ уже не шелъ. Мало того,—онъ рѣшительно утверждалъ, что такая програма не только соотвѣтствуетъ положенію страны, но и заключаетъ въ себѣ максимумъ желаній всего русскаго общества, равнымъ образомъ не желающаго выступать за ея предѣлы. «Что у насъ желаютъ свободы печати,—писалъ, напримѣръ, онъ въ 1881 г.—есть клевета и напраслина на Россію. Отдѣльныя лица, и то весьма немногочисленныя, дѣйствительно ея желаютъ, но огромное большинство не только простого народа, но и образованныхъ и полуобразованныхъ слоевъ, о свободѣ печати и не помышляютъ, и если говорятъ о ней, то только не умѣя, по незнанію и малому политическому развитію, называть вещи ихъ собственными именами» [2]).

Исходя изъ тѣхъ же самыхъ построеній, Кавелинъ писалъ и главный трудъ послѣднихъ лѣтъ своей жизни—«Крестьянскій вопросъ». Въ этой книгѣ опять-таки разбросано не мало цѣнныхъ мыслей, удачныхъ и мѣткихъ обобщеній, но за всѣми ими не трудно разглядѣть чисто утопическую основу разсужденій автора. Послѣдній въ своемъ трудѣ отправляется отъ того утвержденія, что «въ крестьянствѣ ключъ нашего національнаго существованія, что въ немъ разгадка всѣхъ особенностей нашего политическаго гражданскаго и экономическаго быта, что отъ матеріальнаго, умственнаго и нравственнаго состоянія нашего крестьянства зависѣли и будутъ зависѣть успѣхи и развитіе всѣхъ сторонъ русской жизни и что потому на устрой-

[1]) См. проектъ 1877 г. въ «Политическихъ призракахъ» (Сочиненія, II, 964 и слѣд.) и проектъ 1881 г. («Бюрократія и общество», тамже, 1073—4).

[2]) Сочиненія, II, 1070.

ство и развитіе его должны быть направлены, прежде всего, всѣ усилія правительства и частныхъ лицъ». Но, выставляя такое утвержденіе, авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ отказывался видѣть въ немъ основаніе для какой-либо вполнѣ опредѣленной соціальной и политической программы, выведенной изъ интересовъ даннаго класса. Въ русской дѣйствительности онъ не усматривалъ никакихъ реальныхъ интересовъ, которые стояли бы въ противорѣчіи съ интересами крестьянства, и то обстоятельство, что послѣдніе въ государственной и общественной жизни оставались на заднемъ планѣ, объяснялъ исключительно «слабымъ развитіемъ русскаго національнаго самосознанія». Изъ факта отсутствія въ Россіи крѣпкихъ и сильныхъ сословій онъ заключалъ объ отсутствіи въ русской жизни классовъ и классовыхъ интересовъ, и это давало ему возможность придать русскому соціальному вопросу вполнѣ оригинальную на видъ постановку. «Въ томъ-то и дѣло,—утверждалъ онъ—что у насъ всѣ интересы, всѣ направленія, всѣ общественные слои, всѣ теоріи и воззрѣнія, всѣ общественныя положенія, словомъ, всѣ разнообразныя явленія русской жизни имѣютъ свой центръ тяжести въ крестьянствѣ, изъ него исходятъ и къ нему сходятся, но въ то же время демократическій принципъ совершенно чуждъ нашему соціальному строю». Такимъ путемъ на мѣсто соціальнаго принципа подставлялся національный, и писатель открыто и рѣшительно настаивалъ на необходимости подобнаго подмѣна. «Не демократическій принципъ, которому у насъ нѣтъ мѣста, какъ и аристократическому,—говорилъ онъ— а русскій національный интересъ, польза родины и государства, помимо всякихъ предвзятыхъ теорій, заставляютъ обратить всѣ помыслы, всѣ средства и усилія прежде всего на устройство, обезпеченіе и поднятіе у насъ крестьянства» [1]).

Въ сущности сведеніе соціальныхъ задачъ къ національнымъ не было, конечно, совершенною новостью. Въ то время, когда Кавелинъ писалъ свой «Крестьянскій вопросъ», оно было лишь крупнымъ шагомъ назадъ, къ той эпохѣ, когда въ наукѣ всецѣло господствовала идеалистическая метафизика органической школы. Не новы оказались и результаты такой постановки вопроса. Отыскивая основанія для своей программы не столько въ реальныхъ явленіяхъ жизни, сколько въ глубинахъ народнаго самопознанія, Кавелинъ мечталъ о великой исторической миссіи русскаго народа, которому, по его убѣжденію, предстояло выразить въ своей жизни совершенно новую, неизвѣстную другимъ народамъ идею. «Одно изъ двухъ,— говорилъ онъ—или русское государство есть призракъ, случайно возникшій, который долженъ исчезнуть, не оставя послѣ себя другого слѣда,

---

[1]) Сочиненія, II, 577, 579—80, 582.

кромѣ громаднаго матеріальнаго факта, подобнаго другимъ колоссальнымъ созданіямъ Азіи, или намъ суждено представить и осуществить новую соціальную и политическую комбинацію и чрезъ нее завоевать себѣ право на историческое бытіе между другими культурными народами. Никакой середины въ этой дилеммѣ нѣтъ—и быть не можетъ» [1]). Но самая неопредѣленность и расплывчатость этихъ мечтаній въ значительной мѣрѣ содѣйствовала тому, что выводимая изъ нихъ практическая программа отличалась крайнею скромностью. Въ такую программу Кавелинъ, въ качествѣ наиболѣе существенныхъ ея пунктовъ, включалъ уменьшеніе крестьянскаго малоземелья путемъ прирѣзки сельскимъ обществамъ земли по числу ревизскихъ душъ до размѣровъ высшаго надѣла, установленнаго положеніемъ 19 февраля 1861 г., поднятіе благосостоянія крестьянской массы при помощи уменьшенія податей и созданія мелкаго кредита, сохраненіе общиннаго землевладѣнія съ отмѣною передѣловъ, оставленіе за крестьянствомъ, по крайней мѣрѣ, на время, его отдѣльнаго гражданскаго существованія и улучшеніе народнаго образованія путемъ повышенія уровня народной школы и открытія для интеллигенціи и, въ частности, для учащейся молодежи возможности сближенія съ народомъ. Для проведенія же въ жизнь всей этой программы, не шедшей далѣе частичныхъ поправокъ къ существующему положенію вещей, писатель рекомендовалъ крайне своеобразное средство. Исходя изъ того соображенія, что провести коренную реформу при помощи однихъ административныхъ органовъ не мыслимо, онъ не видѣлъ возможности опереться въ этомъ дѣлѣ и на общественныя силы. Послѣднія, по его мнѣнію, были слишкомъ разъединены «крайнимъ разнообразіемъ мнѣній и взглядовъ, не успѣвшихъ еще сложиться въ ясныя, болѣе или менѣе опредѣленныя направленія общественной мысли, безчисленными недоразумѣніями, дробящими русскую мысль на мелкіе кружки и категоріи, которые не имѣютъ между собой ничего общаго и живутъ въ постоянной враждѣ». Предсказывая вредныя послѣдствія такой разобщенности для общественнаго дѣла, Кавелинъ не менѣе опасался и того, что въ немъ можетъ повториться то преобладаніе «частныхъ, личныхъ и случайныхъ интересовъ», какое онъ усматривалъ въ существовавшей земской и сословной организаціи общественныхъ силъ. Наконецъ, отъ самихъ крестьянъ. «по низкой степени ихъ культуры», онъ не ожидалъ «никакого полезнаго участія въ проведеніи на мѣстахъ крестьянской реформы». Въ виду всего этого онъ считалъ совершенно необходимымъ «придумать коррективъ, достаточно сильный и дѣйствительный, чтобы обезпечить и государству, и народнымъ массамъ дѣйствительное выполненіе закона по его буквѣ и духу». Въ

[1]) Тамже, II, 598.

выборѣ подобнаго корректива ярко сказались характерныя особенности общихъ взглядовъ Кавелина.

«Такимъ коррективомъ—писалъ онъ—могло бы служить участіе въ крестьянской реформѣ всѣхъ людей въ государствѣ, сочувствующихъ дѣлу, въ составѣ правильно организованнаго общества, примыкающаго въ своей дѣятельности къ высшимъ правительственнымъ сферамъ. Всѣ искренно преданные крестьянскому дѣлу люди, разсѣянные по лицу имперіи, не входящіе въ составъ административныхъ и общественныхъ органовъ и дѣятелей реформы, могли бы принять дѣятельное, хотя и косвенное, участіе въ ея осуществленіи, въ качествѣ членовъ такого общества. Единственной задачей его должно быть ни больше, ни меньше, какъ содѣйствіе правильному, точному и справедливому приведенію въ исполненіе крестьянской реформы въ тѣхъ предѣлахъ и въ томъ направленіи, какъ она задумана правительствомъ и выражена въ изданныхъ имъ съ этой цѣлью законахъ и постановленіяхъ. Содѣйствіе общества реформѣ главнымъ образомъ должно заключаться въ наблюденіи за примѣненіемъ ея на мѣстахъ. Не имѣя права прямо вмѣшиваться въ дѣйствія правительственныхъ и общественныхъ органовъ, которымъ поручено ея веденіе, оно должно быть уполномочено знать, что дѣлается, доставлять свои свѣдѣнія и выражать свой взглядъ на то и другое дѣло и возбуждать, въ законномъ порядкѣ, преслѣдованіе за нарушеніе законовъ и постановленій, относящихся къ реформѣ. Но, чтобы дѣйствительно принести пользу своею дѣятельностью общество само должно съ особенною разборчивостью выбирать своихъ членовъ, агентовъ и корреспондентовъ и тщательно исключать изъ своей среды какъ тѣхъ, которые только принимаютъ на себя личину сочувствія, на самомъ же дѣлѣ суть тайные враги реформы, такъ и тѣхъ, которые, изъ какихъ бы то ни было побужденій, не желаютъ строго сообразоваться съ цѣлью общества и вздумали бы выйти изъ предѣловъ реформы, указанныхъ правительствомъ. Одной изъ главнѣйшихъ обязанностей членовъ общества должно быть публичное наблюденіе другъ за другомъ, чтобы въ этомъ отношеніи оно не подвергалось никакимъ нареканіямъ и чтобы личный его составъ вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствовалъ своему назначенію... Какъ личный составъ, такъ и всѣ дѣйствія и распоряженія общества должны быть извѣстны высшему правительству. Архивы его и переписка должны быть для него всегда открыты». Такимъ образомъ осуществленіе задачъ, продиктованныхъ всею исторіею страны, заложенныхъ въ глубинѣ народнаго самосознанія, оказывалось возможнымъ лишь путемъ устройства общества, по своей организаціи близко напоминавшаго то общество «любителей статистики», о какомъ упоминалось въ одномъ изъ очерковъ Салтыкова.

Самъ Кавелинъ, повидимому, совершенно не замѣчалъ злой ироніи,

какая заключалась въ этомъ несоотвѣтствіи цѣлей и средствъ. По крайней мѣрѣ, когда одна нѣмецкая газета прямо указала ему на это обстоятельство, назвавъ проектированное имъ общество дикимъ, онъ нашелъ возможнымъ взять назадъ лишь отдѣльныя выраженія, но не суть своей мысли. «Вамъ—говорилъ онъ въ письмѣ въ редакцію этой газеты—показался дикимъ взаимный контроль членовъ общества другъ за другомъ. Очень можетъ быть, что я дурно выразилъ совѣтъ—не терпѣть въ составѣ общества ни враговъ крестьянскаго дѣла, прикидывающихся его ревнителями, волковъ въ овечьей шкурѣ, ни людей, которые бы хотѣли идти дальше цѣли, для которой общество устроено, и тѣмъ могли бы существенно повредить его дѣятельности. Другой мысли въ моемъ, можетъ быть, неловкомъ выраженіи, не было и не могло быть» [1]). Для автора этихъ словъ, очевидно, оставалось непонятнымъ, что перемѣна выраженій нисколько не устраняла неловкости самой его мысли. Мечты о перестройкѣ русской жизни ради полнаго воплощенія въ ней національнаго принципа, соединенныя съ обусловленнымъ тѣмъ же принципомъ преклоненіемъ передъ существующими фактами и крайнимъ недовѣріемъ къ общественнымъ силамъ, заводили мысль писателя въ глухіе углы, и Кавелинъ выбирался изъ нихъ лишь при помощи такихъ проектовъ, которые онъ, по собственному сознанію, могъ облечь лишь въ «неловкія» выраженія и которые посторонимъ представлялись дикими. Уже одно это могло бы свидѣтельствовать о непрочности занятой имъ позиціи, еслибы даже не существовало болѣе прямыхъ и сильныхъ доказательствъ такой непрочности.

Таковъ былъ заключительный итогъ публицистической дѣятельности Кавелина. Подводя этотъ итогъ, писатель въ очень многихъ и существенныхъ пунктахъ близко подошелъ къ тому ученію, съ которымъ онъ рѣзко полемизировалъ при своемъ выступленіи на литературную арену, къ идеямъ стараго славянофильства. Правда, такое совпаденіе не было полнымъ и безусловнымъ. Кавелинъ менѣе розово, чѣмъ славянофилы, смотрѣлъ на прошлое и настоящее русскаго народа и ожидалъ отъ послѣдняго въ будущемъ бóльшаго положительнаго творчества. Съ другой стороны, Кавелинъ относился къ западно-европейской жизни безъ того пренебрежительнаго высокомѣрія, которое такъ часто звучало въ отзывахъ славянофиловъ. Тѣмъ не менѣе онъ, въ полномъ согласіи съ духомъ славянофильства, утверждалъ, что «западные европейцы забыли внутренній, нравственный, душевный міръ человѣка», и находилъ въ этомъ «корни болѣзни, которая точитъ европейскую цивилизацію и подкапываетъ ея силы». «Западный европеецъ—писалъ онъ еще по этому поводу—весь отдался выработкѣ объективныхъ условій существованія, въ убѣжденіи, что въ нихъ однихъ

---

[1]) Тамже, II, 585—7, 588, 588—9, 598.

скрывается тайна человѣческаго благополучія и совершенствованія; субъективная сторона въ полномъ пренебреженіи». Въ соотвѣтствіи съ этимъ онъ и свои чаянія отъ будущаго русскаго народа опредѣлялъ согласно съ славянофильствомъ. «Мнѣ думается,—говорилъ онъ—что новое слово, котораго многіе ожидаютъ, будетъ заключаться въ новой правильной постановкѣ вопроса о нравственности въ наукѣ, воспитаніи и практической жизни и что это живительное слово скажемъ именно—мы» [1]). Отсюда и тотъ повышенный интересъ къ вопросамъ личной нравственности, какой проявлялъ Кавелинъ въ послѣдніе годы жизни, съ большимъ усердіемъ, хотя и безъ особеннаго успѣха, разрабатывая эти вопросы въ спеціальныхъ трудахъ, посвященныхъ проблемамъ психологіи и этики.

Въ общественномъ міросозерцаніи Кавелина, перемѣнившаго на своемъ вѣку не мало литературныхъ лагерей и успѣвшаго позаимствовать кое-что почти отъ каждаго изъ нихъ, несомнѣнно, была значительная доля эклектизма. И тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ сказаннаго, истинные корни этого міросозерцанія, соединявшаго въ себѣ націоналистическія мечтанія съ преклоненіемъ передъ результатами исторіи и преувеличенную оцѣнку личной нравственности съ противоположеніемъ ея формамъ общественной жизни, лежали въ той метафизикѣ національнаго духа, которой не чуждо было первоначальное западничество и на почвѣ которой особенно пышно расцвѣло славянофильство. Но если въ моментъ зарожденія славянофильства эта метафизика еще пользовалась извѣстнымъ научнымъ авторитетомъ, то къ той порѣ, когда появились публицистическія произведенія Кавелина, такой авторитетъ ея былъ уже подорванъ въ самомъ корнѣ. Благодаря этому публицистическая дѣятельность Кавелина не привлекла къ себѣ вниманія болѣе сознательной и активной части русскаго общества и въ значительной своей части оставалась даже внѣ ея кругозора. Но нельзя было бы сказать, что эта дѣятельность не имѣла никакого вліянія на всѣхъ вообще современниковъ Кавелина и что послѣдній стоялъ между ними совершенно одиноко. Среди литературно-общественныхъ партій семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ существовала и такая группа, для которой Кавелинъ явился однимъ изъ первыхъ и самыхъ видныхъ ея теоретиковъ. Это была именно та фракція народничества, которая группировалась въ свое время вокругъ «Недѣли» и программа и названіе которой за послѣдніе годы столько разъ, неумышленно и умышленно, переносились на партіи, имѣвшія очень мало общаго съ нею. Воспринявъ основныя воззрѣнія Кавелина, названная группа въ позднѣйшей своей дѣятельности немало, правда, дополняла ихъ, нерѣдко впадая при этихъ дополненіяхъ въ такой же эклектизмъ, какой былъ свойственъ и самому Кавелину. Но все же она

[1]) «Письмо Ѳ. М. Достоевскому». Сочиненія, II, 1039—40, 1032.

никогда не порывала окончательно съ существомъ взглядовъ послѣдняго. Въ силу этого обстоятельства публицистическія произведенія Кавелина сохраняютъ за собою извѣстное право на вниманіе людей, интересующихся историческимъ развитіемъ русской общественности. Вскрывая въ наиболѣе отчетливомъ видѣ теоретическую подкладку дѣятельности указанной группы, эти произведенія въ значительной мѣрѣ разъясняютъ и причины того кратковременнаго успѣха, какой выпалъ на ея долю вслѣдъ за крушеніемъ дѣятельныхъ партій семидесятыхъ годовъ, и смыслъ пораженія, постигшаго ее немедленно вслѣдъ за вновь начавшимся оживленіемъ русскаго общественнаго движенія.

VII.

Памяти Г. И. Успенскаго [1]).

24 марта умеръ Глѣбъ Ивановичъ Успенскій. Русская литература понесла въ его лицѣ большую, невознаградимую потерю и горечь этой потери мало уменьшается тѣмъ, что она совершилась въ сущности задолго до смерти писателя. Еще десять лѣтъ тому назадъ роковая болѣзнь оторвала Успенскаго отъ литературы и для него лично смерть явилась лишь избавленіемъ отъ мукъ и страданій жизни. Но, пока онъ былъ живъ, все еще трудно вѣрилось въ безвозвратность этой потери и, вопреки очевидности, хотѣлось надѣяться, что померкшій свѣтъ могучаго таланта вновь разгорится яркимъ пламенемъ, что голосъ любимаго писателя снова зазвучитъ въ литературѣ. Теперь всѣмъ надеждамъ положенъ конецъ.

Надъ свѣжей могилой трудно говорить о дорогомъ покойникѣ, но трудно и пройти мимо нея молча, не вспомнивъ о томъ, кто въ ней лежитъ и кому мы такъ многимъ обязаны. Русское общество похоронило въ Успенскомъ не только огромный художественный талантъ, но и одного изъ лучшихъ своихъ учителей, одного изъ наиболѣе чистыхъ и беззавѣтныхъ друзей народа. Успенскій писалъ не для народа,—народъ и теперь еще, къ сожалѣнію, слишкомъ мало знаетъ его,—но мысль о народѣ, объ его нуждахъ и интересахъ занимала центральное мѣсто въ міросозерцаніи покойнаго писателя и мало кто изъ нашихъ писателей-художниковъ сдѣлалъ такъ много для проведенія этой мысли въ сознаніе русскаго общества, какъ Успенскій. Его литературная дѣятельность началась въ эпоху, непосредственно послѣдовавшую за пробужденіемъ Россіи отъ вѣкового сна, въ эпоху тѣхъ «великихъ реформъ», которыя въ свою очередь явились отраженіемъ, хотя и неполнымъ, великихъ идей, взволновавшихъ русскую жизнь. Рушился старый, крѣпостной и крѣпостническій строй, не знавшій человѣческихъ правъ, рушился, казалось, безповоротно,—и сама собою выростала задача

[1]) Настоящая замѣтка была напечатана первоначально въ № 4 «Русскаго Богатства» за 1902 г. и здѣсь я воспроизвожу ее безъ измѣненій.

созданія новыхъ формъ жизни, въ которыя могла бы умѣститься сознавшая себя человѣческая личность. Лучшіе умы и лучшія сердца эпохи отдавали свои силы на рѣшеніе этой задачи. «У всего тогдашняго молодого поколѣнія—вспоминалъ впослѣдствіи Успенскій—было большое и дѣйствивительно общее дѣло», и такого дѣла «было много какъ для маленькаго человѣка, такъ и для большого». Съ освобожденіемъ крестьянъ на арену исторіи вышли народныя массы и въ виду этого всѣмъ, кто цѣлью своей дѣятельности ставилъ общее счастье, «надобно было много думать объ общемъ строѣ народной жизни». Особенно много надо было думать объ немъ тѣмъ, кто мечталъ объ «обновленіи жизни, обезличенной бурмистрами, самостоятельнымъ стараніемъ народныхъ массъ о собственномъ и взаимномъ благополучіи», кто стремился перестроить эту жизнь на началахъ свободы и самостоятельности личности и человѣческой солидарности. Самъ Успенскій всецѣло отдался этимъ думамъ и первымъ его вкладомъ въ литературу было изображеніе обезличивавшихъ народную массу порядковъ стараго строя и «раззоренія» этого строя при вѣяніи новыхъ идей.

Съ этого момента и до конца своей литературной дѣятельности Успенскій съ неослабнымъ интересомъ, съ напряженнымъ и страстнымъ вниманіемъ вглядывался въ жизнь народныхъ массъ, отдавая изслѣдованію этой жизни весь свой блестящій умъ, весь свой художественный талантъ. «Упорствуя, волнуясь и спѣша», велъ онъ это изслѣдованіе и, такъ же «волнуясь и спѣша», нервно и горячо дѣлился результатами своей работы съ читателемъ, заражая его своимъ повышеннымъ настроеніемъ, своею любовью и ненавистью и увлекая за собою на тотъ путь, по которому шелъ самъ. Этотъ путь уже очень скоро оказался гораздо болѣе длиннымъ и тернистымъ, чѣмъ можно было думать сначала. «Раззореніе» стараго строя не было еще полнымъ его разрушеніемъ. Идея, легшая въ основаніе прогрессивнаго движенія 60-хъ и 70-хъ годовъ, «не успѣла даже и начать осуществляться на дѣлѣ, какъ угрюмая, сердитая старина стала ему поперекъ». Говоря опять-таки словами Успенскаго, «эта старина, съ первыхъ же дней реформы, направила всю свою стихійную силу на то, чтобы не дать ходу молодымъ побѣгамъ жизни». Между тѣмъ, хотя такіе побѣги и были сильны, они не были многочисленны. Историческое прошлое подготовило на русской почвѣ слишкомъ мало людей, способныхъ къ добровольному и сознательному несенію бремени новыхъ идей, къ «дѣйствительному опыту переработки собственной личности практическимъ, свободнымъ дѣломъ во имя общаго, массоваго счастья». Благодаря этому новое дѣло, выдвинутое условіями историческаго момента, въ значительной своей части попало въ старыя руки и потерпѣло въ нихъ соотвѣтственныя превращенія. Конфликтъ между новыми идеями, легшими въ основу «великихъ реформъ», и старымъ строемъ, стихійно возстававшимъ противъ этихъ ре-

формъ, затянулся въ такой обстановкѣ надолго и породилъ въ русской жизни множество тяжелыхъ и разнообразныхъ драмъ. Одна изъ этихъ драмъ особенно часто привлекала къ себѣ вниманіе Успенскаго и особенно ярко изображалась имъ. Это была драма, вытекавшая изъ «болѣзни совѣсти», болѣзни, которая лишала русскаго интеллигентнаго человѣка возможности «настоящей», «подлинной» жизни внѣ связи съ народною массой, а въ высшихъ своихъ проявленіяхъ толкала его на дорогу дѣятельной работы для общаго счастья, основаннаго на гармоничномъ, цѣлостномъ развитіи личности.

Въ извѣстной мѣрѣ такое гармоническое развитіе человѣческой личности Успенскій находилъ въ жизни крестьянства. Но та горячая, кровная любовь къ народу, какая жила въ душѣ Успенскаго, не ослѣпляла его глазъ и не вела его на путь идолопоклоннической идеализаціи народной жизни. Указывая на «правду» трудовой жизни крестьянства, онъ вмѣстѣ указывалъ и на то, что эта правда далеко не тожественна съ «справедливостью». Говоря о гармоніи крестьянскаго быта, онъ настойчиво подчеркивалъ, что эта гармонія создана не страданіями человѣческаго сердца и усиліями человѣческой мысли, а стихійною «властью земли», и не только можетъ, но и должна рушиться, какъ только такая власть будетъ поколеблена новыми условіями быта. Сохраненіе гармоніи народной жизни и возведеніе этой гармоніи отъ простой правды на степень правды, освѣщенной человѣческимъ сознаніемъ и человѣческой совѣстью, «правды-справедливости», представлялось ему возможнымъ лишь при условіи внесенія интеллигенціей въ народную среду «науки о высшей правдѣ», науки, какая должна бы была «прямо, смѣло и широко касаться самыхъ жгучихъ общественныхъ вопросовъ,—тѣхъ самыхъ вопросовъ, до которыхъ додумалась и дошла человѣческая всескорбящая мысль въ ту самую минуту, которую мы переживаемъ». И дѣятельность Успенскаго въ значительной своей части являлась горячимъ призывомъ, обращеннымъ къ русской интеллигенціи,— нести въ народъ эту «науку о высшей правдѣ» и тѣмъ самымъ освободить народную жизнь отъ засариванія ея «старымъ національнымъ и европейскимъ хламомъ», отъ подчиненія всѣмъ роковымъ перипетіямъ капиталистическаго процесса. Этотъ призывъ не остался безъ отклика, но самоотверженные люди, послѣдовавшіе за нимъ, встрѣтили на своемъ пути слишкомъ многочисленныя и серьезныя препятствія, масса общества, мало затронутая работою пробуждавшейся совѣсти, оставалась слишкомъ инертною,— и грандіозная задача, которая была поставлена поколѣніемъ Успенскаго и которой онъ самъ отдалъ свои силы, осталась невыполненной.

«Господинъ Купонъ» безпрепятственно ворвался въ народную жизнь, и правдивому лѣтописцу этой жизни пришлось изображать жестокія опустошенія, производившіяся въ ней хозяйничаньемъ рокового пришельца, рисо-

вать картины новаго «раззоренія», на этотъ разъ—раззоренія едва сложившагося самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства, и задаваться вопросомъ: «что будетъ?». «Не «что дѣлать?», не «какъ жить на свѣтѣ?»—этому ужъ не время!»—прибавлялъ Успенскій [1]). Его произведенія становились все мрачнѣе по мѣрѣ того, какъ рѣдѣли ряды благородныхъ борцовъ за массовое счастье и сгущались тучи «ястребовъ», рѣявшихъ надъ русской деревней. Все съ большею горечью изображалъ въ эту пору Успенскій результаты «пустопорожней суеты нашей внутренней жизни и нашей бездѣйствующей совѣсти», съ все возраставшею скорбью звалъ «изъ тоски, тьмы и смерти выбираться на бѣлый свѣтъ, къ живой заботѣ о живомъ». «Наисущественнѣйшій признакъ нашего времени—писалъ онъ въ этотъ періодъ своей жизни —настойчивое, грубое стремленіе оберечь только свою личность, свои ничтожныя личныя надобности и желанія и освободиться отъ малѣйшей личной тяготы, налагаемой взаимными отношеніями человѣка къ человѣку». Самъ Успенскій и въ эту мрачную эпоху 80-хъ и начала 90-хъ годовъ съ прежнимъ вниманіемъ слѣдилъ за народною жизнью, съ прежней настойчивостью будилъ общественную совѣсть и голосъ его не утратилъ своей силы. Но эта работа въ конецъ надорвала нервный и уже сильно изломанный жизнью организмъ. Измученный умъ не выдержалъ великой скорби чуткаго сердца и «тьма и смерть», надвинувшіяся на общественную жизнь, поглотили и свѣтлый талантъ Успенскаго...

Изстрадавшійся писатель умеръ, но его произведенія живутъ и трудно предвидѣть то время, когда они могли бы отойти въ область забвенія. «Переходное время», на несообразную продолжительность котораго такъ часто и такъ горько жаловался Успенскій, все еще тянется въ нашей жизни, великая тяжба между новыми идеями и старымъ строемъ все еще остается нерѣшенной и незаконченной. Голосъ писателя, сумѣвшаго соединить въ своемъ міросозерцаніи отстаиваніе интересовъ труда съ защитою цѣлостнаго развитія человѣческой личности и защиту самостоятельности личности съ проповѣдью человѣческой солидарности, сохраняетъ въ этихъ условіяхъ все свое значеніе. Если даже справедливы встрѣчающіяся въ печати утвержденія о наблюдаемомъ за послѣдніе годы ослабленіи интереса читающей публики къ произведеніямъ Успенскаго, то, несомнѣнно, такое ослабленіе можетъ быть только временнымъ и скоропреходящимъ и вмѣстѣ съ начинающимся оживленіемъ общественной жизни долженъ возрасти интересъ и къ произведеніямъ одного изъ самыхъ убѣжденныхъ и чистыхъ проповѣдниковъ обновленія этой жизни. Спеціальныя условія современнаго состоянія русской жизни, придающія произведеніямъ Успенскаго

[1]) См. письмо Успенскаго къ В. М. Соболевскому, приведенное Н. К. Михайловскимъ въ мартовской книжкѣ «Р. Богатства» за 1902 г.

особенно жгучій интересъ, возводящія ихъ на степень необходимой настольной книги русскаго читателя, рано или поздно, конечно, минуютъ, но вмѣстѣ съ ними еще не исчезнетъ значеніе этихъ произведеній. Рѣдкое художественное дарованіе, блещущее въ нихъ, необыкновенная глубина ихъ содержанія и близкое знакомство ихъ автора съ народной жизнью и психологіей, въ связи съ его горячей любовью къ народу и искреннимъ уваженіемъ къ человѣческой личности, — все это надолго обезпечиваетъ Успенскому одно изъ наиболѣе почетныхъ мѣстъ не только въ исторіи русской литературы, но и въ памяти русскаго читателя. Поколѣнія, идущія намъ на смѣну, найдутъ въ его произведеніяхъ не только яркую и правдивую, хотя и не совсѣмъ полную, исторію одной изъ самыхъ многозначительныхъ эпохъ въ развитіи русскаго общества и народа, но и животворный источникъ большого эстетическаго наслажденія и высокихъ нравственныхъ эмоцій. Для насъ же, еще не изжившихъ наслѣдія той эпохи, лѣтописцемъ которой явился Успенскій, онъ и послѣ своей смерти остается не только обаятельнымъ художникомъ, влекущимъ къ себѣ силою глубоко выстраданнаго слова, но и надежнымъ учителемъ въ дѣлѣ «живой заботы о живомъ».

VIII.

Памяти Н. К. Михайловскаго [1]).

Н. К. Михайловскій умеръ... Тяжело писать эти слова, горько вдумываться въ ихъ роковой смыслъ. Русская литература потеряла одного изъ крупнѣйшихъ своихъ дѣятелей, русская интеллигенція похоронила одного изъ своихъ лучшихъ и благороднѣйшихъ вождей.

Стоя надъ только что закрывшейся могилой, трудно опредѣлить всю глубину пробѣла, оставленнаго этой могилой въ жизни, трудно оцѣнить все значеніе понесенной утраты. Я и не возьму на себя задачи такой оцѣнки. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ испытаннаго горя мнѣ хотѣлось бы напомнить читателю-другу лишь нѣкоторыя основныя черты духовной физіономіи почившаго учителя, возстановить въ памяти лишь главныя очертанія той роли, какую онъ сыгралъ въ русской общественной жизни.

Много лѣтъ тому назадъ Михайловскій, обращаясь къ русскому читателю, писалъ: «желаю вамъ... честной и смѣлой литературы, внутренно честной и смѣлой, которая не боялась бы своихъ собственныхъ знаній, мыслей и чувствъ, которая ежеминутно задавала бы себѣ вопросы и не отходила отъ нихъ, не получивъ полнаго и безповоротнаго отвѣта». И въ той же самой статьѣ онъ говорилъ: «я утверждаю, что, пока литература не станетъ голосомъ общественной совѣсти въ самомъ широкомъ смыслѣ, пока она не сдѣлаетъ интересовъ народа центромъ своихъ изслѣдованій, помысловъ и образовъ, ей не помогутъ никакіе таланты и никакія знанія»... Высказывая эти пожеланія, Михайловскій требовалъ отъ русской литературы лишь того, что самъ онъ настойчиво и неуклонно осуществлялъ втеченіе всей своей дѣятельности. У него не было недостатка во внутренней честности и смѣлости, онъ умѣлъ не бояться ни своихъ знаній и мыслей, ни своихъ чувствъ. Чувство никогда не загораживало для него

---

1) Настоящая замѣтка была напечатана въ февралѣ 1904 г. въ «Русскомъ Богатствѣ». Здѣсь я воспроизвожу ее безъ измѣненій.

дороги къ знанію, теоретическое знаніе никогда не подавляло въ немъ живого чувства. Сорокъ четыре года работая въ литературѣ, онъ неустанно ставилъ передъ читателемъ основные вопросы жизни и отходилъ отъ нихъ не иначе, какъ добившись полнаго и безповоротнаго отвѣта. И эта непрерывная работа пытливаго и глубокаго ума, всегда согрѣтая огнемъ искренняго убѣжденія и озаренная свѣтомъ могучаго таланта, неотразимо влекла къ себѣ сердца. Въ голосѣ писателя, сознательно избравшаго своимъ знаменемъ интересы народа и сдѣлавшаго ихъ центромъ всѣхъ своихъ помысловъ и изслѣдованій, читателямъ слышался истинный голосъ общественной совѣсти. Пока этотъ голосъ звучалъ, одни прислушивались къ нему съ надеждой и радостью, другіе – съ гнѣвомъ и опасеніями...

Первыя же статьи Михайловскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ» привлекли къ себѣ вниманіе наиболѣе чуткой и отзывчивой части русскаго общества рѣзко выраженною оригинальностью автора и необыкновенною цѣльностью его міровоззрѣнія. Основной пунктъ этого міровоззрѣнія былъ уже очень рано съ полною ясностью формулированъ молодымъ писателемъ. «Прогрессъ—писалъ онъ въ 1869 г., въ первой своей крупной соціологической работѣ,—есть постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживаетъ это движеніе. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ». «Человѣкъ тѣмъ совершеннѣе,—повторялъ онъ немного иными словами годъ спустя—чѣмъ разнообразнѣе его составъ, чѣмъ разнообразнѣе его отправленія. Слѣдовательно, общество тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе широкій просторъ предоставляетъ его укладъ многостороннему, а не одностороннему развитію отдѣльныхъ членовъ. Слѣдовательно, общество тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ сходнѣе между собою его части и чѣмъ менѣе онѣ подчинены другъ другу». Эти положенія, съ необычайнымъ блескомъ и силой развитыя Михайловскимъ въ началѣ его литературной дѣятельности, впослѣдствіи получили дальнѣйшее развитіе и обоснованіе въ другихъ его трудахъ и легли въ основу созданной имъ теоріи «борьбы за индивидуальность», теоріи, представляющей собою грандіозную попытку охватить однимъ обобщеніемъ всю исторію человѣчества. Рано выработавъ основы своего міросозерцанія, Н. К. Михайловскій остался вѣренъ имъ втеченіе всей жизни. Въ его взглядахъ происходили, конечно, съ теченіемъ времени частныя измѣненія, движеніе научной мысли и собственныя работы давали ему возможность расширить и углубить свои воззрѣнія, но главная сущность этихъ воззрѣній всегда оставалась одною и тою же. Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ личности

и общества неизмѣнно сохранялъ свое центральное положеніе въ міровоззрѣніи Михайловскаго и этотъ вопросъ всегда разрѣшался имъ въ томъ самомъ направленіи, какое было имъ указано въ приведенныхъ выше словахъ.

Признаніе блага личности, заключающагося въ ея всестороннемъ, гармоническомъ развитіи и способности къ свободному самоопредѣленію, цѣлью и критеріемъ всего соціальнаго прогресса влекло за собою два одинаково важныхъ послѣдствія. Однимъ изъ этихъ послѣдствій являлся «субъективизмъ» принявшаго такой критерій мыслителя, побуждавшій его вести безпощадную борьбу съ «идолами» во имя идеала и настойчиво указывать, что «высшимъ предметомъ служенія» для человѣка «можетъ быть не красота, не истина, не справедливость, а только человѣческая личность, цѣльная и полная, въ которой всѣ эти отвлеченныя категоріи складываются въ живое единство». Другимъ результатомъ принятаго взгляда было вполнѣ точное опредѣленіе пути служенія соціальному прогрессу. «Надлежитъ приискать,—говорилъ писатель,—такой общественный элементъ, служеніе которому наиболѣе приближало бы насъ къ намѣченной цѣли. Такой общественный элементъ есть. Это—народъ. Народъ не въ смыслѣ націи, а совокупности трудящагося люда. Трудъ—единственный объединяющій признакъ этой группы людей—не несетъ съ собой никакой привилегіи, служа которой мы рискуемъ услужить какому-нибудь одностороннему началу: въ трудѣ личность выражается наиболѣе ярко и полно». «Служите русскому народу,—обращался въ другой разъ Михайловскій къ русской интеллигенціи—топите всякіе личные интересы въ интересахъ народа». «Народъ, въ настоящемъ смыслѣ слова,—немедленно пояснялъ онъ—есть совокупность трудящихся классовъ общества. Служить народу значитъ работать на пользу трудящагося люда. Служа этому народу по преимуществу, вы не служите никакой привилегіи, никакому исключительному интересу, вы служите просто труду, слѣдовательно, между прочимъ, и самому себѣ, если только вы вообще чему-нибудь служите».

Такимъ образомъ польза личности и польза общества связывались въ представленіи писателя прочными узами, объединяясь въ одно неразрывное цѣлое. Личность, признанная цѣлью всего развитія общества, освобожденная отъ власти поставленныхъ надъ нею идоловъ и нашедшая центръ тяжести въ себѣ самой, призывалась во имя ея же собственныхъ интересовъ служить интересамъ народа, представляемаго совокупностью трудящихся классовъ, и содѣйствовать сосредоточенію орудій производства въ рукахъ представителей труда. Путь соціальнаго прогресса намѣчался вполнѣ опредѣленно. Но на этотъ же путь, въ пониманіи Михайловскаго, всякую развитую личность толкалъ и другой мотивъ. Для характеристики послѣдняго я позволю себѣ опять-таки привести слова самого Н. К. Михайловскаго, слова,

великолѣпныя по своей простотѣ, выразительности и энергіи. «Мы,— писалъ онъ въ 1873 г., обращаясь къ Достоевскому, проиронизировавшему надъ стремленіями русской интеллигенціи,—мы поняли, что сознаніе общечеловѣческой правды и общечеловѣческихъ идеаловъ далось намъ только благодаря вѣковымъ страданіямъ народа. Мы не виноваты въ этихъ страданіяхъ, не виноваты и въ томъ, что воспитались на ихъ счетъ, какъ не виноватъ яркій и ароматный цвѣтокъ въ томъ, что онъ поглощаетъ лучшіе соки растенія. Но, принимая эту роль цвѣтка изъ прошедшаго, какъ нѣчто фатальное, мы не хотимъ ея въ будущемъ. «Логическимъ ли теченіемъ идей» или непосредственнымъ чувствомъ, долгимъ ли размышленіемъ или внезапнымъ просіяніемъ, исходя изъ высшихъ общечеловѣческихъ идеаловъ или изъ прямого наблюденія,—мы пришли къ мысли, что мы должники народа. Можетъ быть, такого параграфа и нѣтъ въ народной правдѣ, даже навѣрное нѣтъ, но мы его ставимъ во главу угла нашей жизни и дѣятельности, хоть, можетъ быть, не всегда вполнѣ сознательно. Мы можемъ спорить о размѣрахъ долга, о способахъ его погашенія, но долгъ лежитъ на нашей совѣсти и мы его отдать желаемъ».

Возлагая на личность опредѣленную задачу, Михайловскій, конечно, не думалъ, какъ это утверждали подчасъ нѣкоторые слишкомъ поспѣшные и мало добросовѣстные его противники, выводить человѣческую личность изъ-подъ дѣйствія общихъ законовъ природы. Но, вполнѣ признавая закономѣрность хода исторіи, онъ никогда не склоненъ былъ возводить такое признаніе на степень слѣпого фатализма и покупать объясненіе явленій общественной жизни цѣною искусственнаго ихъ упрощенія. Закономѣрность роста человѣческихъ идеаловъ не уничтожала въ его глазахъ значенія этихъ идеаловъ, какъ самостоятельнаго фактора историческаго процесса, и сознаніе зависимости человѣческой личности отъ окружающей среды не мѣшало ему различать въ пестромъ калейдоскопѣ историческихъ фактовъ проявленія сознательнаго индивидуальнаго творчества. Настойчиво отмѣчая и разъясняя то обстоятельство, что проявленія подобнаго творчества становятся особенно значительными и плодотворными при условіи совпаденія ихъ съ стремленіями народныхъ массъ, писатель тѣмъ самымъ указывалъ современной ему интеллигенціи возможный путь сознательнаго воздѣйствія на стихійный ходъ исторіи.

«Безбоязненно смотрѣть въ глаза дѣйствительности и ея отраженію—правдѣ-истинѣ, правдѣ объективной, и въ то же время охранять и правду-справедливость, правду субъективную,—такова задача всей моей жизни», писалъ самъ Н. К. Михайловскій въ 1889 г. Этой задачѣ и должно было служить ученіе, стремившееся гармонически сочетать нравственные запросы съ объективнымъ процессомъ развитія, прочно связать личное благо съ

общественнымъ и открыть личности возможность всесторонняго развитія на почвѣ служенія человѣческой солидарности.

Выступая съ такимъ ученіемъ въ концѣ 60-хъ годовъ XIX-го вѣка, Михайловскій, быть можетъ, болѣе всѣхъ другихъ современныхъ ему дѣятелей способствовалъ выходу русской интеллигенціи съ того проселка, на который завела ее узко-индивидуалистическая проповѣдь Писарева, на большую дорогу исторіи и являлся непосредственнымъ продолжателемъ руководителей общественнаго движенія предшествовавшей эпохи,— Чернышевскаго и Добролюбова. Занявъ своими соціологическими трудами, на ряду съ авторомъ «Историческихъ Писемъ», мѣсто одного изъ главъ «русской соціологической школы», онъ вмѣстѣ съ тѣмъ уже очень скоро занялъ и положеніе одного изъ самыхъ замѣтныхъ вождей возродившагося общественнаго движенія. Такое положеніе было обезпечено за нимъ и самымъ характеромъ его литературной дѣятельности, ярко обозначившимся съ первыхъ же шаговъ его на писательскомъ поприщѣ.

Оригинальный и глубокій теоретикъ, человѣкъ по преимуществу обобщающаго ума, Н. К. Михайловскій никогда не могъ, однако, довольствоваться пребываніемъ на высотахъ отвлеченной теоріи. Сынъ эпохи, страстно жаждавшей полной жизни, творецъ ученія, сливавшаго въ одно цѣлое знаніе и жизнь, онъ не могъ замкнуться за оградой теоретическихъ построеній. Для этого онъ самъ былъ слишкомъ многосторонне развитою личностью, слишкомъ хорошо зналъ и помнилъ, что «человѣкъ растить въ себѣ древо познанія добра и зла не для того только, чтобы созерцать его плоды, а и для того, чтобы вкушать ихъ». Текущая жизнь съ ея нестройнымъ шумомъ и пестрыми красками, съ ея уродствомъ и красотою, горемъ и радостью неотразимо влекла къ себѣ писателя, сознававшаго въ себѣ могучую силу борца, и онъ то и дѣло, на горе близорукихъ систематиковъ, упорно искавшихъ рубрики, къ которой можно было бы пріурочить его, отъ созерцанія жизни переходилъ къ дѣятельному вмѣшательству въ нее, отрывался отъ построенія теоріи, чтобы озарить ея свѣтомъ текущія событія, и отъ мелкихъ фактовъ ежедневной дѣйствительности вновь поднимался на высоты отвлеченной мысли, увлекая съ собою читателя. Философское разсужденіе и критическій этюдъ, соціологическій трактатъ и публицистическая статья въ его рукахъ равно пестрѣли цвѣтами жизни, равно отвѣчали не только требованіямъ логической мысли, но и властнымъ запросамъ текущаго дня съ его надеждами, стонами и слезами. Сферы науки и искусства, вопросы отвлеченнаго мышленія и практической злобы дня были одинаково близки и доступны ему, и онъ входилъ во всѣ эти области съ одною и тою же путеводною нитью въ рукахъ, всегда оставаясь самимъ собою, всегда отстаивая интересы живой человѣческой личности, сознавшей свои права и свою кровную связь съ дѣломъ трудящихся массъ. Въ своихъ со-

ціологическихъ работахъ Михайловскій любилъ вспоминать о такъ называемыхъ нѣкоторыми натуралистами идеальныхъ типахъ животнаго міра, охватывающихъ всю полноту возможной для нихъ жизни, въ противоположность типамъ практическимъ, приспособленнымъ лишь къ какой-либо одной или къ нѣсколькимъ сторонамъ существованія. Самъ Н. К. Михайловскій въ своей литературной дѣятельности представлялъ какъ бы живое воплощеніе такого идеальнаго типа. Блестящій и глубокій мыслитель, тонкій художественный критикъ, неподражаемый по своей силѣ и сверкающему остроумію публицистъ—сливались въ немъ въ одно необычайно оригинальное и обаятельное цѣлое. И если внѣшняя стройность его ученія нѣсколько проигрывала отъ этого, то за то тѣмъ болѣе выигрывало это ученіе въ своей жизненности, тѣмъ прочнѣе овладѣвало оно умами современниковъ, тѣмъ глубже внѣдрялось въ ихъ сердца. Взявъ на себя задачу философскаго обоснованія стремленій передовой части русской интеллигенціи 60-хъ и 70-хъ годовъ и сдѣлавшись истолкователемъ текущей жизни съ точки зрѣнія этихъ стремленій, Михайловскій вмѣстѣ съ тѣмъ явился и главнымъ руководителемъ названной группы. «Труба, зовущая на бой»,— это Бэконовское опредѣленіе какъ нельзя точнѣе характеризуетъ роль Н. К. Михайловскаго по отношенію къ поколѣнію 70-хъ годовъ. Подъ вліяніемъ горячей проповѣди Михайловскаго складывалось міросозерцаніе значительной части поколѣнія этой эпохи, раздвигался умственный горизонтъ послѣдняго, опредѣлялся его нравственный обликъ и общественное настроеніе...

Эта эпоха, явившаяся въ исторіи русской интеллигенціи періодомъ смѣлой вѣры и героическаго подъема силъ въ борьбѣ за массовое счастье, была для Михайловскаго временемъ наиболѣе напряженной и энергичной дѣятельности, окрылявшейся свѣтлыми надеждами на близкую возможность важнѣйшихъ шаговъ къ осуществленію его идеала. Но время такихъ надеждъ скоро миновало. Грандіозный подвигъ, взятый на себя поколѣніемъ 70-хъ годовъ, потребовалъ больше силъ, чѣмъ ихъ оказалось въ наличности, и остался незавершеннымъ. Ясный день, уже занимавшійся, казалось, надъ русскою жизнью, смѣнился сѣрыми сумерками. Въ общественной жизни прочно водворилась реакція и среди разрѣженнаго общества получали все большее распространеніе индифферентизмъ и апатія, наложившіе свою мрачную печать и на литературу. Великія слова, будившія людей въ недалекомъ прошломъ, обращались въ «забытыя слова», или предавались посмѣянію. Взамѣнъ того надъ обществомъ одно за другимъ проносились дуновенія «новыхъ словъ», направленныхъ къ ниспроверженію недавнихъ идеаловъ. На первый планъ послѣдовательно выступали теоріи малыхъ дѣлъ, личнаго самосовершенствованія, непротивленія злу, слѣпого преклоненія передъ «экономикой», признанія фатальности историческаго процесса, отри-

цанія всякой роли личности, съуженія задачъ интеллигенціи вплоть до низведенія ея на степень чисто пассивнаго органа. Въ основѣ всѣхъ этихъ теорій въ большей или меньшей степени лежало разочарованіе въ прошломъ, непосредственнымъ результатомъ всѣхъ ихъ была большая или меньшая степень апатіи къ настоящему.

Въ эту печальную эпоху одинъ за другимъ затихали голоса наиболѣе видныхъ изъ старыхъ товарищей и друзей Н. К. Михайловскаго. Отошелъ отъ литературы подъ бременемъ болѣзни Елисеевъ, оборвался голосъ Г. И. Успенскаго, умеръ Салтыковъ. Немалая часть другихъ, менѣе видныхъ, писателей, стоявшихъ передъ тѣмъ въ лагерѣ, знаменосцемъ котораго былъ Михайловскій, съ исчезновеніемъ «Отечественныхъ Записокъ», разбрелась по инымъ станамъ или потеряла всякій цвѣтъ. На время Михайловскій остался въ литературѣ почти одинокимъ. Велико могло быть въ эту пору для крупнаго писателя искушеніе уйти отъ потерявшей свои яркія краски жизни въ область отвлеченной мысли. Но, было ли такое искушеніе у Михайловскаго или нѣтъ, онъ, во всякомъ случаѣ, не поддался ему и, сохраняя вѣрность своему призванію, остался на трудномъ и славномъ посту, занятомъ въ предыдущую эпоху. Въ годы всеобщей почти растерянности, унынія и индифферентизма по-прежнему мощно звучалъ его голосъ, призывая къ борьбѣ за идеалъ, пробуждая въ современникахъ чувства чести и совѣсти, побуждая безбоязненно искать «правду-истину» и отстаивать «правду-справедливость». Въ упорной и ожесточенной борьбѣ, какую пришлось Михайловскому вести въ эту пору при крайне трудныхъ условіяхъ съ многочисленными противниками, во всей силѣ и красѣ развернулся его несравненный полемическій талантъ. Возводя всякую полемику къ ея принципіальному источнику и пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы даже въ самыя трудныя минуты раскрыть передъ читателемъ основныя идеи своего міровоззрѣнія, Михайловскій вмѣстѣ съ тѣмъ всегда умѣлъ съ неподражаемымъ мастерствомъ анализировать идеи противника и характеризовать достоинство его пріемовъ. Не одинъ рыцарь мрака потерялъ свое оружіе въ этихъ полемическихъ турнирахъ и не разъ бывали случаи, когда въ результатѣ такого турнира недавно еще гордый собою рыцарь навсегда скрывался съ литературной арены или же тонулъ въ общемъ презрѣніи. Но за послѣдніе годы Михайловскому нерѣдко приходилось обращать свое полемическое оружіе и противъ представителей такихъ воззрѣній, въ которыхъ было много пунктовъ, сходныхъ съ его собственными взглядами. Онъ дѣлалъ это безъ большой охоты, но были границы, за которыми его неохота исчезала. Всегда готовый привѣтствовать всякое здоровое проявленіе общественной мысли, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ крайне ревниво относился ко всякаго рода легкомысленнымъ покушеніямъ на великое наслѣдіе, представителемъ котораго онъ являлся въ литературѣ

и энергично отстаивалъ совокупность идей, входившихъ въ составъ этого наслѣдства. Для писателя, ставившаго своимъ идеаломъ гармонично развивающуюся на почвѣ служенія человѣческой солидарности личность, своей задачей—одновременное служеніе «правдѣ-истинѣ» и «правдѣ-справедливости», всегда было и оставалось непонятнымъ, какъ можно игнорировать интересы и достоинство личности, отрицать значеніе общественнаго идеализма, «покупать истину цѣною страданій милліоновъ» и «сшибать лбами» различные разряды трудящихся. На этихъ пунктахъ онъ всегда готовъ былъ принять и выдержать полемику и, если порою даже нѣкоторымъ изъ близко стоявшихъ къ нему людей казалось, что эта полемика основана отчасти на недоразумѣніи и ведется противъ имѣющаго чисто временный характеръ увлеченія, то послѣдствія показали, что проницательность и въ этомъ случаѣ не обманула опытнаго борца.

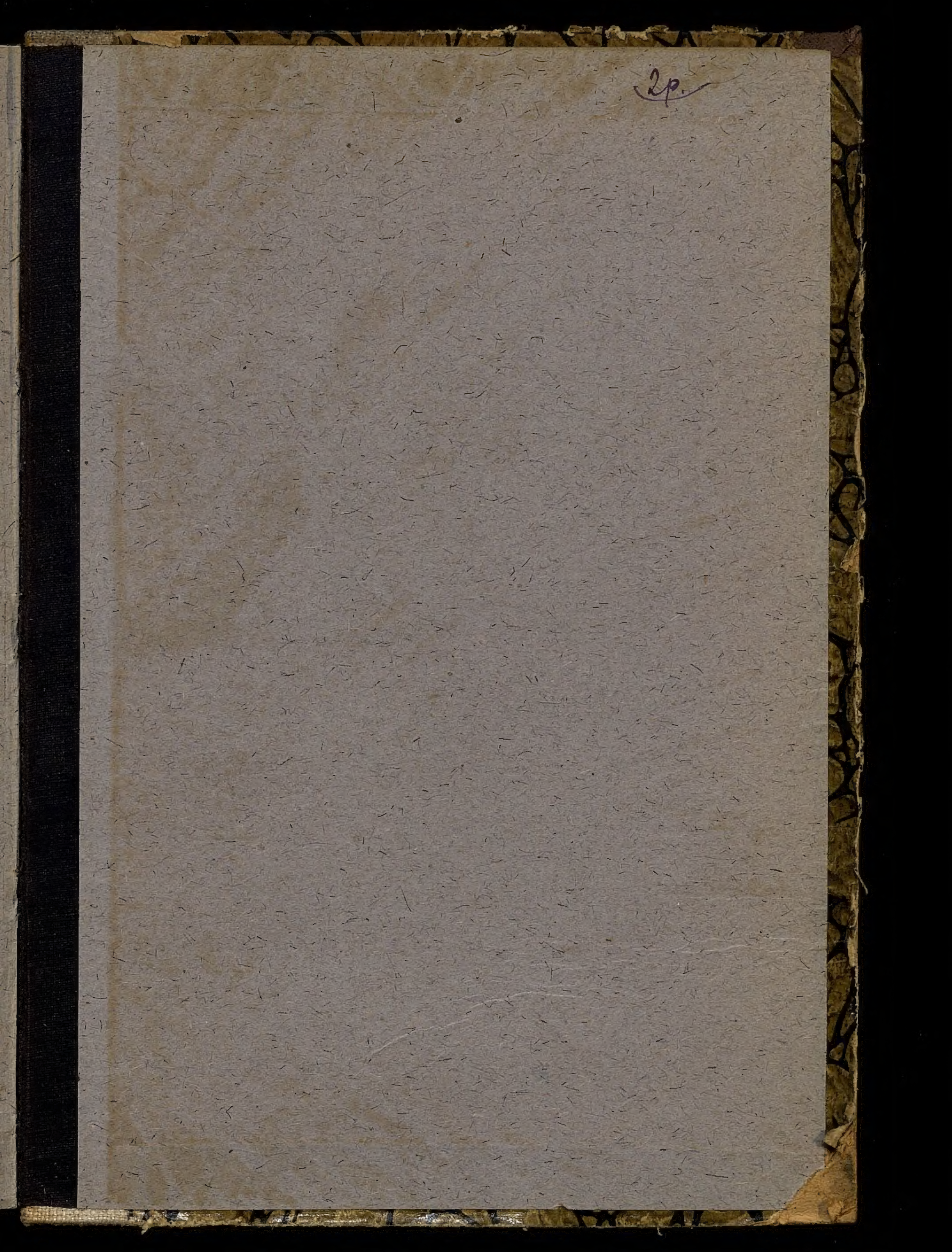
Съ несокрушимой энергіей, съ упорнымъ постоянствомъ годъ за годомъ велъ Н. К. Михайловскій свою борьбу съ разнообразными проявленіями общественной апатіи, отдавая на такую борьбу всѣ свои громадныя силы. Тщательно анализируя всѣ сколько-нибудь крупныя явленія общественной мысли, онъ раскрывалъ передъ читателемъ все новые горизонты, настойчиво пробуждая вѣру въ лучшее будущее и готовность работать для него. Эта борьба затянулась надолго, но съ теченіемъ времени она становилась все успѣшнѣе и плодотворнѣе. Вокругъ Н. К. Михайловскаго все тѣснѣе и ближе смыкался кружокъ старыхъ и новыхъ товарищей и учениковъ, вмѣстѣ съ нимъ и подъ его руководствомъ работавшихъ для одной общей цѣли. Призывы борца за двуединую правду все чаще встрѣчали сочувственный откликъ, подчасъ даже въ рядахъ недавнихъ противниковъ, и къ старому знамени, подъ которымъ боролись и умирали отцы, все болѣе обильнымъ потокомъ стекались свѣжія силы сыновей. Наконецъ, явились и недвусмысленные признаки серьезнаго подъема общественнаго настроенія. Намъ, современникамъ, трудно вполнѣ точно опредѣлить, какая доля заслуги въ созданіи этого подъема принадлежитъ усиліямъ Н. К. Михайловскаго. Рѣшеніе этого вопроса во всемъ его объемѣ надо оставить на долю будущаго историка. Но не мѣшаетъ напомнить, что всего три года тому назадъ значительная часть современниковъ дала на такой вопросъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ. Въ многочисленныхъ привѣтствіяхъ, полученныхъ со всѣхъ концовъ Россіи въ день празднованія сорокалѣтняго служенія Михайловскаго русской литературѣ, настойчиво подчеркивалась его роль, какъ вождя интеллигенціи, сумѣвшаго пронести знамя общественнаго идеализма черезъ «общую смуту» и собрать къ этому знамени новыя силы. «Въ глухую пору,—говорилось въ одномъ изъ этихъ привѣтствій—когда глубоко задѣтое, наболѣвшее чувство тревожно искало и, казалось, не находило выхода изъ гнетущаго состоянія подавленности и

апатіи, вашъ бодрый призывъ къ борьбѣ съ окружающимъ мракомъ не далъ заглохнуть пробужденному самосознанію, усилилъ приливъ общественной энергіи и тѣмъ самымъ воскресилъ активное настроеніе».

Судьба позволила Н. К. Михайловскому дожить лишь до первыхъ признаковъ этого воскрешенія, лишь до первыхъ успѣховъ долгой борьбы. Слѣпая смерть отняла отъ насъ дорогого вождя какъ разъ въ ту минуту, когда его испытанная энергія, его могучія силы были бы особенно нужны и важны для родной страны. И эта скорбная утрата тѣмъ болѣе жестока, что она поразила насъ такъ внезапно. Правда, для близкихъ къ Н. К. Михайловскому людей уже нѣсколько лѣтъ не было тайной, что его здоровье подтачиваетъ тяжелая болѣзнь. Но, глядя на него, трудно было думать, что надъ нимъ уже стоитъ смерть и ждетъ своего часа. Въ упорной работѣ Н. К. Михайловскаго, въ его неослабѣвавшемъ интересѣ къ разнообразнымъ проявленіямъ жизни, въ постоянно возникавшихъ у него планахъ новыхъ литературныхъ трудовъ чувствовался громадный запасъ неистраченной энергіи и неизбытыхъ силъ. Бури жизни, ея горькій опытъ отняли, конечно, у Н. К. Михайловскаго немалую долю свѣтлаго оптимизма его юныхъ лѣтъ. Въ его литературныхъ статьяхъ, въ его разговорахъ и письмахъ въ послѣдніе годы не разъ звучала явственная нота скептицизма и, по крайней мѣрѣ, на ближайшее будущее онъ смотрѣлъ безъ особенно радостныхъ надеждъ. «Поздравляю васъ — писалъ онъ мнѣ за мѣсяцъ до смерти — съ грядущимъ новымъ годомъ и очень пожелалъ бы, чтобы онъ принесъ и вамъ, и всѣмъ намъ что-нибудь получше нынѣшняго, — если бы вѣрилъ въ возможность лучшаго. Но кажется, слѣдуетъ ожидать всякихъ пакостей». Этотъ скептицизмъ никогда, однакоже, не переходилъ въ мрачный пессимизмъ, никогда не ослаблялъ вѣры Н. К. Михайловскаго въ созданный имъ идеалъ и не надламывалъ его энергіи въ работѣ, направленной къ достиженію этого идеала. Своей упорной работы Н. К. Михайловскій не оставлялъ даже въ моменты наиболѣе сильныхъ приступовъ болѣзни, и оборвала эту работу только внезапная смерть, заставшая его на томъ же славномъ посту, на которомъ онъ стоялъ всю свою жизнь.

Честь же и слава неустанному работнику и вдохновенному проповѣднику правды! Вѣчная память великому борцу за идею солидарности трудящихся! И пусть его могила послужитъ новымъ источникомъ вдохновенія для тѣхъ, кого вдохновляла его работа и его жизнь!

Оглавленіе.


2р.